

Scan Kreyder - 20.01.2015
STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
ДНН
(ДРУЖБЫ НАРОДОВ)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»**

**Сурен Агабабян
Ануар Алимжанов
Сергей Баруздин
Альгимантас Бучис
Константин Воронков
Валерий Гейдеко
Леонид Грачев
Игорь Захорошко
Имант Зиедонис
Мирза Ибрагимов
Алим Кешоков
Григорий Корабельников
Леонард Лавлинский
Георгий Ломидзе
Михаил Луконин
Андрей Лупан
Юстинас Марцинкявичюс
Рафаэль Мустафин
Леонид Новиченко
Александр Овчаренко
Александр Руденко-Десняк
Инна Сергеева
Леонид Теракопян
Бронислав Холопов
Иван Шамякин
Людмила Шиловцева
Камиль Яшен**

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

АЛИМ
КЕШОКОВ

Сломанная подкова

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ» ● МОСКВА ● 1976

С(кабард.)2
К37

Авторизованный перевод с кабардинского
Вл. СОЛОУХИНА

Художник О. ВУКОЛОВ

К $\frac{70302-022}{074(02)-76}$ 88—76 подписное

Алим Пшемахович КЕШОКОВ — народный поэт Кабардино-Балкарии, писатель, общественный и государственный деятель.

Алим Кешоков принадлежит к тому поколению писателей, которое выросло и сформировалось при Советской власти. Детство его совпало с революцией, с ее первыми шагами у него на родине, в горном селении Шалушка. Юность страны была и его юностью. Сын крестьянина-бедняка, участника борьбы за установление Советской власти, открывшего первую школу в селе, он учился в Баксанской школе-интернате. Преподававший в ней в то время Али Шогенцуков, основоположник кабардинской поэзии, прививал своим ученикам любовь к родному языку, к поэтическому творчеству, к русской литературе.

После окончания пединститута в Орджоникидзе, во время учебы в аспирантуре в Москве Кешоков переводит на

кабардинский язык стихи русских поэтов (Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока), пробует сочинять сам. С 1934 года появляются в печати его стихотворения.

В грозном июне 1941 года командир взвода А. Кешоков увозит с собой на фронт первую книжку стихов «У подножия гор»; участвует в тяжелейших боях в составе Национальной кавалерийской дивизии.

Позднее корреспондентом газеты «Сын отечества» прошел он Донбасс, Крым, форсировал Сиваш, участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, за что получил первую награду, самую памятную — медаль «За боевые заслуги». Потом его грудь украсят и другие ордена и медали, боевые — два ордена Красной Звезды; «Знак Почета», три ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции — за деятельность литературную и общественную.

После войны А. Кешоков как народный комиссар просвещения своей республики занимается восстановлением ее разрушенного хозяйства, строительством, ремонтом школ, детских домов; озабочен проблемой подготовки национальных кадров. И пишет.

В 1946 году выходит сборник стихов А. Кешокова «Путь всадника». Критика отметила зрелость таланта поэта, его мастерство, сочетание в стихах лиризма и гражданственности. Поэзия А. Кешокова сыграла большую роль в развитии кабардинского стихосложения, проникнута гуманизмом, зовет к борьбе за нового человека.

Один за другим на кабардинском языке, а затем и в переводах на русский выходят сборники: «Земля молодос-

ти» — 1948, «Стихи» — 1951, «Стихи и поэмы» — 1956, «В новом доме» (стихи и поэмы «Тисовое дерево») — 1955, «Согретье камни» («Теплый камень») — 1964, «Желаю здоровья» — 1964, «У меня в гостях» — 1966, «Тавро» — 1969, «Стихи-стрелы» — 1970.

В 1961 году журнал «Дружба народов» опубликовал первую книгу дилогии «Вершины не спят» — роман «Чудесное мгновение», а в 1966 году вторую книгу — «Зеленый полумесяц». «Вершины не спят» — первый историко-революционный роман Кабардино-Балкарии — был удостоен премии А. М. Горького в 1968 году.

Читатель попадает в аул Шхальмивоко накануне важных исторических событий: первая мировая война, затем революция, гражданская война. В романе показана не только борьба за сохранение чудесного света революции, озарившего жизнь людей, но и конфликт между коммунистическими идеями и религиозными догмами шариата. Как носители двух этих мировоззрений противостоят друг другу Инал Маремканов и Казгирей Матханов. Для главного кадия Казгирея Матханова большевики — лишь временные союзники в борьбе. Извилист и мучителен его путь. Только очутившись на чужбине, он начинает понимать, что не может жить без своего народа, что узы шариата, опутавшие народ, способна разорвать лишь революция.

В «Зеленом полумесяце» Казгирей Матханов тоже противопоставлен Иналу Маремканову, но уже как личность, а не идейный противник.

Романы «Вершины не спят» и «Сломанная подкова» (1973) объединяются идейно-художественным замыслом — показать судьбы небольшого горского народа в эпоху величайших перемен и испытаний, пробуждение в нем качеств, навсегда включивших его в единую семью братских народов.

Роман «Сломанная подкова» повествует о коротком, но героическом пути Кабардино-Балкарской национальной дивизии, о самоотверженности конников, вступающих в яростные сражения с моторизованными частями гитлеровцев, о тяжелых месяцах оккупации родной земли, о не прекращавшемся ни на один день сопротивлении завоевателям.

Как и в предыдущем романе, характеры героев, многие боевые эпизоды перекликаются с событиями и впечатлениями из жизни самого автора. Это особенно чувствуешь, когда читаешь автобиографическую повесть А. Кешокова «Вид с белой горы» (1973). После знакомства с повестью, а через нее — и с самим писателем, начинаешь понимать, почему так характерна для творчества А. Кешокова фольклорная образность, в чем источник его вдохновения.

Писатель много ездит по нашей стране, часто бывает и за ее рубежами. Впечатлениями об этих поездках делится на страницах многих газет и журналов («Октябрь» № 12 за 1974 г. напечатал его путевые записки о Вьетнаме «Флаги над холмами»; «Юность» № 4 за 1973 г. — стихи об Индии; «Огонек» № 4 за 1973 г. — «Индийскую поэму о семи братьях и одном колодце»). И стихи. Лирические и гражданские, для детей и для взрослых. Поэзия, без которой не может жить сердце сына кабардинской земли.

КНИГА ПЕРВАЯ
долина белых ягнят

● ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЕКАН, МИСОСТ И ДРУГИЕ

Весть о том, что будут раздавать колхозных коров, всколыхнула аул. Машуковцы с тревогой следили за продвижением немецких войск. Как-то сами собой сведения о неудачах наших войск связывались воедино со слухами о раздаче коров. Бродили толки, пересуды, иногда нелепые и смешные. Но каждый думал втихомолку, что, если запахло дымом, значит, где-то есть и огонь.

Мисост думал не меньше других. Это же мечта — заполучить рекордистку швицкой породы, ту самую, прогремевшую на весь район. Колхоз над ней дрожал, доверяли ее только лучшим дояркам. Заботились, словно это не корова, а скакун, элита кабардинской породы. И такую-то королеву, такую-то недотрогу на свой двор! Есть о чем помечтать!

Бекан Диданов, седельщик, временный председатель колхоза, и молодая завфермой Апчара Казанокова, наверно, давно прикинули, кому отдать какую корову. И вот среди прочих слухов прошел и такой слухок: рекордистка достанется Мисосту.

Как же объяснялась в этих слухах раздача коров, называемая официально «ликвидацией бескоровности»? Очень просто. Как некогда ликвидировали кулаков, подкулачников и мулл, теперь хотят ликвидировать

бескоровных. Раздачей коров. Чтобы, если Гитлер придет, показать ему нашу зажиточность.

Уж на что, казалось бы, нелепый слух, а полз и он от дома к дому.

Перепуганные старухи зачастили к Хабибе:

— Погадай на фасолях.

— Не буду я вам гадать. Ступайте к дочери моей Апчаре. Она завфермой, она вам всю правду скажет.

— А тебе-то Апчара ничего не говорила? Болтают — ликвидация бескоровных.

И видно было, что старухи боялись самого слова «ликвидация».

— Не ликвидация бескоровных, богом вы обиженные, — растолковывала Хабиба, — а просто отпишут всем по корове.

— С какой стати, за какие-такие дела?

— Держите их, кормите, пейте молоко на здоровье, копите сметану, варите сыр, ешьте масло. Но зато сохраните скот для колхоза. Понятно?

Старухи кивали, а сами не верили. Много было войн на их веку. Каждая война что-нибудь отнимала: то лошадь, то седло для лошади, то мясо для войска. Но чтобы война одаривала коровами — этого старухи не помнили, да и не было этого никогда.

Не верила и сама Хабиба, пока ее не позвали на ферму, чтобы получила корову. «Хорошо бы взять туда внучку Даночку. Может, с приплодом корова, — думала Хабиба, — то-то Даночка обрадовалась бы теленочку».

Девочке только что исполнилось два годика. Попрыгунья. В глаз тебе влетит — не заметишь. Сноху же свою, Даночкину мать, Ирину Федоровну, Хабиба называет Ариной. Ирина Федоровна — врач в городской школе. Уходит на работу, берет с собой и Даночку. Пока мать лечит настоящих ребят, дочка делает уколы и перевязки куклам.

Письмоносец Сентраль, увидев, что Хабиба пошла за коровой, ослабился, обнажив красные десны и желтые зубы, предложил услуги.

— Давно я тебе говорил — готовь место, получишь корову. А теперь куда ее поведешь? Если хочешь, за одну ночь сооружу хлев. Дорого не возьму. Четверть водки и, соответственно, закусить. Без хлева нельзя. Зи-

ма придет, что будешь делать? Пропадет животина на холоде...

Но Хабиба думала не о хлеве, а как корову назвать, о кличке. Назвать бы ее Хабляшей, в память той, которую увели в колхоз во время коллективизации. Много с тех пор воды утекло в Чопраке, а Хабиба не забыла еще, помнит свою милую беспородную коровенку. Не сосчитать, сколько ночей проплакала тогда Хабиба. «Обобществили» Хабляшу. Поставили на общий колхозный скотный двор. Хабиба проведала, где стоит ее кормилица, повадилась таскать Хабляше гостинцы, просила скотника подбрасывать ей лишний клок сена.

Скотник злился:

— Голодом, что ли, мы их морим? Ишь ты, горстку муки кукурузной принесла. Сыта будет твоя корова с этой горсти! Чем таскать, лучше бросила бы эту муку своим куренкам.

Вспомнилось теперь, как отелилась Хабляша первым своим теленком. Случилось это в плохой, голодный год. Люди пухли и умирали. Темиркан, покойный муж, и сама Хабиба по очереди сидели в хлеву, боялись — не прозевать бы. Но все обошлось благополучно. Слава аллаху. Утром замычал теленок, и проснулся в это же время сынок Альбиян. А теленок рыженький, слабенький, ножки разъезжаются во все стороны, на тонкой шейке покачивается головка со звездочкой на лбу, и лоснится кожаный черный нос. Упадет теленок, снова встанет и снова валится на подстилку, на теплый войлок.

Для Альбияна теленок — только забавный малыш, почти игрушка, а Темиркан и Хабиба видели в нем новую корову и новых — через каких-нибудь два-три года — телят. Надеждам этим сбыться было не суждено.

Варили тогда крапиву, размачивали жмых, у кого был. Чтобы не умереть с голоду, теленка пришлось прирезать. Хабляша, лишившись детеныша, сразу перестала давать молоко. Хабиба и гладила ее, и ласкала нежными словами, читала молитвы из корана — не помогло. Тогда по совету седельщика Бекана сделали из телячьей шкуры чучело — набили мякиной — и поставили за оградой, чтобы Хабляша могла увидеть. Обманули Хабляшу, снова стала доиться.

Из воспоминаний вывела Хабибу громкая военная песня. «Неужто полки Нацдивизии уходят на фронт? Ведь в дивизии мой Альбиян».

Бегом побежала за ворота, забыла даже накинуть платок, выскочила простоволосой. Перехватило дыхание.

«Альбиян, родной мой, последняя косточка рода Казанокых, неужели и ты уходишь на фронт? И как же ты уходишь, не простясь с матерью?!»

Со стороны Абрикосовой дороги колыхались в пыльной дымке рота за ротой. По аулу растекалась строевая песня. Хабиба металась взглядом по лицам бойцов, ища Альбияна, и не успевала их всех схватить, переглядеть на ходу.

Но было приятно ей и радостно за сына, что бойцы одеты хорошо, вид у них чистый и веселый.

Хабиба ошиблась. Это шла не Нацдивизия, в которой ее Альбиян, а подразделения Машуковского военного гарнизона. Образовался гарнизон невольно, из эвакуированного сюда военного училища.

Четко гремят шаги. Ноги бойцов вскидываются и опускаются, словно ножницы, печатают шаг. На спинах, на гимнастерках темные пятна пота. Но войны словно и не чувствуют летней жары. Идут бодро, да еще и поют.

Не забудь про маскировку,
Окопаться не забудь.
Проявляй в бою сноровку,
Ко всему готовым будь.

Хабиба не понимала слов. Дружная солдатская песня достигла глубины души, и Хабиба прослезилась. Ей слышалось, будто бойцы поют о своих матерях, о своих родных селах, домах, о всей земле. Слышалось в песне старой Хабибе прощание с сестрами, невестами, с аулом, а может, и с молодой жизнью.

Стоя у ворот, Хабиба долго провожала красноармейцев. Война идет где-то в середине России, а ее дыхание обжигает траву и здесь. То и дело появлялись в ауле какие-то отряды, одетые кто по-военному, кто просто так. Побегают по выпасам, поползают, нароют ям и куда-то исчезнут. На их месте появляются другие. «Но эти, которые идут мимо, настоящие военные,— думала Хабиба.— И оружия у них в достатке: пулеметы, винтовки».

Альбиян как-то проговорился, что оружия маловато, одна винтовка на двух человек. «Значит, это не Наидивизия, и Альбияна здесь нет».

Красноармейцы ушли в сторону школы. Машуковские собаки вели себя на удивление спокойно — не выскакивали из ворот, не мчались очертя голову с громким лаем. Зато в хвосте колонны пылили аульские мальчишки. Они старались идти в ногу с бойцами и даже пробовали подпевать, коверкая русские слова.

Хабиба поглядела-поглядела и пошла куда собралась — на ферму. Там было похоже на скотный базар. Бекан Диданов, хоть и временный председатель, чувствовал себя хозяином и распоряжался по-фронтовому. С капризными бескоровниками не церемонился: не хочешь брать — не бери, возьмет другой. Подходи следующий. Старый Мисост между тем ходит по ферме, сует нос во все закоулки, что-то вынюхивает.

До колхозов назывался Мисост двухкоровным и двухволовым. На базаре каждую неделю он торговал мясом, а две коровы и два вола на дворе — незыблемый фонд. Теперь он надеялся поначалу, что ему отдадут рекордистку. Но, видя, что Бекан и не собирается отдавать ее, Мисост смиренно переключился в своих расчетах на колхозного производителя — быка.

Заранее, как на ладони, видит расчетливый и смекалистый Мисост, что за жизнь начнется при немцах. Войска, конечно, здесь не задержатся, пойдут дальше. Что им здесь делать? Советские деньги превратятся в бумагу. Но жизнь не остановится. Продавать и покупать все равно люди будут. Аул изберет старейшину, как в прежние времена. На чем тогда можно будет поживиться? Хорошо бы заполучить колхозную мельницу. Плата за помол с каждого человека. Гарцевый сбор. Но лучше, пожалуй, наняться общественным пастухом. Самая милая должность, когда меняется власть. Тогда не окажешься зерном между двумя жерновами. Не будешь торчать у людей на виду: целыми днями один на пастбище. Две власти это и есть два жернова. Один лежит, а другой крутится. Потом этот лежит, а другой начинает крутиться. Легко представить, во что превращается крохотное зерно пшеницы, оказавшись между двумя вертящимися камнями. Неплохо занять и быка-производителя. Особенно теперь, когда на каждом дворе окажется

по корове, а то и по две. Никто не захочет, чтобы корова осталась яловой. Тут Мисост и предъявит свои условия: хочешь привести корову к быку? Веди. Но только плати червонец. Да не советской бумагой, а германскими деньгами.

Сладкие мечтания Мисоста прервал Бекан Диданов, который обратился к собравшимся вроде бы с речью:

— Машуковцы! Не говорите потом, будто я этого не сказал. Слушайте, что я говорю. Сегодня мы ликвидируем бескоровность. Какой день будет завтра, мы не знаем. Солнышко, пасмурно или ударит буря и все мы останемся без крыши — ничего не известно. Может случиться, что и колхоз наш окажется арбой без колес. Останется один кузов. И придется нам когда-нибудь снова этот кузов поднимать и ставить на колеса. Мы раздаем коров, но верим, что вы их сбережете. Не только самих коров, но и приплод.

Мисост с места подал свой голос:

— Чтобы был приплод, нужен бык. Где взять быка? Кто согласится держать быка без всякой пользы? От него ни шерсти, ни молока, ни масла. За «спасибо», что ли, его кормить?

Питу, зоотехник колхоза, который как раз выводил из хлева очередную корову, хихикнул:

— Была бы корова, бык найдется.

Хихикнули и в толпе. Апчара покраснела. Вместе с Курацой они сидели за столиком и вели протокол. И без этого быка Апчара чувствовала себя смущенной — ее матери Хабибе отписали лучшую из всего колхоза корову.

Апчара противилась, говорила, что неудобно, чтоб завфермой взяла себе рекордистку, но Кураца — председатель ревизионной комиссии как-никак, — оборвала рассуждения Апчары:

— Не насовсем даем. Кто же и сбережет рекордистку, если не завфермой, бери безо всяких разговоров!

Кураца была едва ли не самым честным человеком в колхозе, хотя и казалась беззаботной хохотушкой.

Было время, когда ее покойный муж не поладил с колхозом и ушел работать на кирпичный завод. Сделался там формовщиком, называл себя кадровым рабочим. Домик свой перенес в рабочий поселок. Однако

Кураца не ушла из колхоза. Летом она работала на ферме, а зимой на заводе. «Состою в двух классах одновременно,— шутила она.— Одной ногой я работница, а другой ногой — крестьянка. Два журнала надо выписывать».

Подсмеивался и муж: «Ты не в двух классах состоишь, ты похожа на человека, который и до города не дошел, и аул позади себя оставил».

Бекан огрызнулся на хитрую реплику Мисоста:

— Не о быке речь ведем. Мы раздаем коров не потому, что с наших пальцев капает жир, не от сытости. Мы хотим рассовать колхозный скот по дворам, чтобы он не достался врагу, если немец, не дай бог, нагрянет на наши земли. Разве не видите, что на наши пастбища отовсюду гонят скот: с Дона, со Ставрополя. Дальше за нами только Каспий. Мы пока не торопимся. Если будет команда, займемся эвакуацией и мы.

— А команда раздавать колхозный скот в частные руки уже была?— снова высунул свое жальце Мисост.

Он-то знал, прослышал краем уха, что в верхах, как говорится, нет на этот счет единого мнения. Есть противники ликвидации бескоровности, то есть ликвидации, по существу, колхозной фермы. Разве не немцам достанется этот скот, если его не угнать? Что из того, что в частных руках. Не все ли равно немцам, где забрать корову, на колхозном или частном дворе?

Вот теперь Мисост и решил взять Бекана на мушку. Пусть поежится, пусть знает, что и под ним теперь не очень твердая земля. Вдруг Мисост возьмет и донесет председателю Комитета обороны, что в таком-то ауле некто Бекан Диданов самовольно раздает общественный скот. Нет, пусть он поежится. Может, станет уступчивее и отдаст в конце концов Мисосту если не рекордистку, то, по крайней мере, быка.

— Не ты раздаешь скот, не тебе и отвечать,— еще злее огрызнулся Бекан, но на прямой вопрос насчет команды не ответил.

— Мы что, мы ничего. Я только говорю, что бывает нынче одна команда, а завтра, глядишь, другая. Нынче раздашь коров, а завтра заставят их собирать.

— Клянусь, он прав,— подал голос и почтальон Централь.— Бывает, хочешь сделать добро, а тебя же по голове...

Почтальон осекся. Затеешь брань, вспомнят, как чуть не сел однажды в тюрьму: обсчитывал неграмотных пенсионеров. Родственники выручили, а то бы беда.

У Сентралья весь род из трех дворов, но все дружны, как одна семья. Это тебе не Мисост. Адыгеуновых в ауле семнадцать дворов, но каждый огородился каменной стеной, помощи не проси.

Из-за того, что недружен род, Мисоста ни разу куда не избрали. А уж как рвался к власти. До зубовного скрежета было обидно ему, когда избирали председателем сельсовета, сельпо или колхоза какого-нибудь, по сравнению с ним, с Мисостом, замухрышку. На худом ишаке мог бы его обскакать Мисост, за пояс заткнуть. Так нет же, ходит в председателях колхоза, а то и сельпо... Мисост же томись в тени. А все она, извечная неприязнь друг к другу в роду Адыгеуновых. Ну ничего. Придет время, машуковцы еще спохватятся, узнают, каким мудрым человеком пренебрегали. В том, что он мудр, не сомневался Мисост, в том, что придет его время, — тоже не сомневался. Надеждой на это пока и жил.

На прямой вопрос Мисоста: есть ли команда раздавать скот, Бекан не сказал ни да, ни нет. Письменного распоряжения у него не было. Но приезжал на днях Талиб Сосмаков, главный земледелец республики, и был у них доверительный разговор.

— Время тревожное, — сказал Талиб, — ложишься спать и не знаешь, то ли сам проснешься, то ли тебя поднимут. И кто поднимет. Надеяться надо на себя. Немцы Дон перейдут, будет поздно. Знаешь пословицу: поздно копать колодец, когда в доме пожар. — Талиб понизил голос. — Не хотят учиться плавать, пока вода к горлу не подкатила. Значит, давай думать сами. Помоему, надо раздать колхозный скот в порядке ликвидации бескоровности. Кабардинца хоть прямой наводкой вышибай — из своего аула он не уйдет. Могилы своих предков не покинет. Да и куда ему идти? Языков других он не знает. Полуграмотен. И то правда — умирать, так в своем доме. Прикажут эвакуировать скот — угоним куда-нибудь на восток. А дальше что? Вернется ли этот скот назад? Не вернется. Забьют на мясо, съедят. Наши же советские люди, конечно, съедят, не немцы. Но откуда нам потом скотину взять? А если сейчас раздадим по домам, то пусть хоть третья часть скота сохранится,

и то хорошо. Понял? Вернемся из эвакуации, обратимся к аульчанам: так и так, ведите коров обратно. Будет из чего создавать общественное поголовье скота. Так или нет?

Седельщик по достоинству оценил ум своего гостя.

— Идти по дороге беды — большой мудрости не требуется, — сказал Бекан, — но вот как уйти от беды? Для этого надо видеть сквозь камни и стены. Понял тебя, Талиб Сосмаков, беру ответственность на себя.

Они распрощались как кунаки. Так же доверительно Сосмаков поговорил не с одним Беканом. Он побывал и в других аулах. Некоторые председатели тотчас взялись за дело. Решил действовать и Бекан. Правда, на ферму пришло больше народу, чем он приглашал и чем хотелось бы видеть. Но с этим ничего не поделаешь. Люди, услышав о раздаче коров, не могли усидеть дома. Прибежали с полей, с прополки кукурузы, с сенокоса. Не в народе беда, а в Мисосте, будь он неладен.

— Мисост только и мечтает распорядиться да команды подавать! — слышался голос Хабибы. Она заговорила не для того, чтобы заступиться за Бекана, но чтобы напомнить о себе. — Только вот некому эти команды исполнять. Никто не ходит у него под началом. Наверно, аллах бережет его, чтобы сразу произвести в генералы. Поглядели бы мы на его жену — генеральшу!

— А! И ты здесь, большевистская насадка? — Мисост словно только сейчас увидел Хабибу. — Клянусь аллахом, среди наседок ты давно генеральша. Тебе подложи хоть индюшачье яйцо, все равно высидишь большевичонка.

— Да уж с твоей женой не сравнить. Народила тебе квелых да хворых.

Хабиба сказала и пожалела. Правда, что дочка Мисоста Тамара, тихая, бледненькая, страдает легкими. Но разве она виновата? Тамара часто заходит к Апчаре, и Хабиба видит, что если аллах пожалел для нее здоровья, то не поскупился на красоту. Бледненькая, бледненькая, а глаза горят. Потому и парни поглядывают. Девичья красота для парней, что для пчелы душистый цветок.

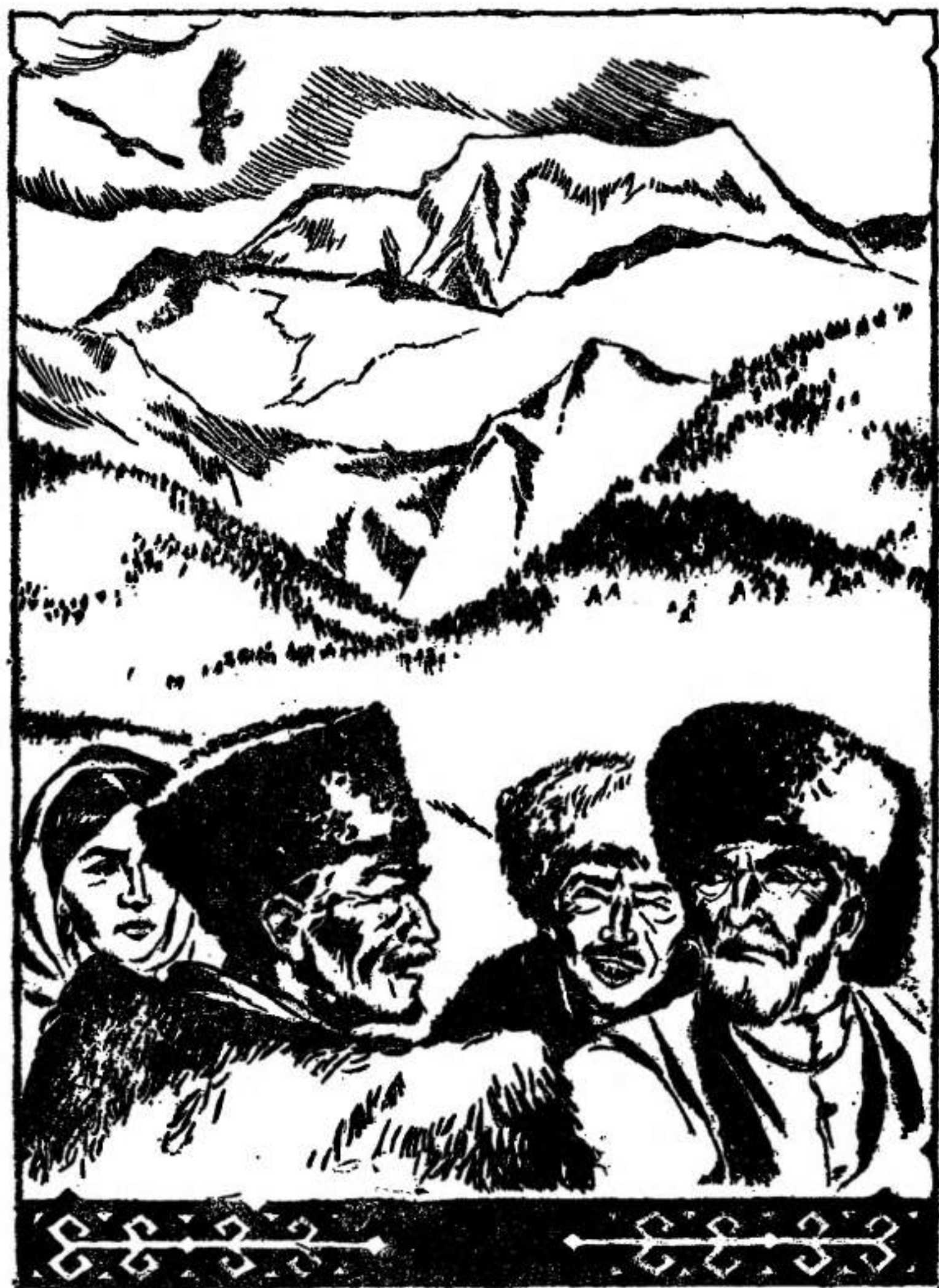
Бекан услышал голос Хабибы.

— А я уж хотел отдать твою корову другому. Думал, не хочешь ты койжапхи.

— Отвыкли мы от койжапхи, мой старший брат. Разучились и сливки снимать, откуда же возьмется койжапха.

Тем временем Питу Гергов вывел коровенку какой-то неопределенной масти для старухи пенсионерки Хади-

жи. Питу вел корову за единственный, да и то шербатый, рог. Животина упиралась, приседала на задние ноги.

— На, держи, Хадижа. От государства — пенсия, от колхоза — корова. Чем не жизнь? Старикам везде у нас почет, — Питу похлопал корову по шее, пошла пыль, как

из старого одеяла.— Молока от нее — на пять ртов. У тебя, правда, один рот только, но он зато похож на мышиную нору: сколько ни лей, все куда-то уходит. Бери, Хадижа, сбивай масло, вари сыры. Смотри, чтобы молоко даром не пропадало.

Старуха засеменила к корове и, прежде чем взяться за ее щербатый рог, повернулась к людям, видно, хотела что-то сказать, но от радости, от волнения растеряла слова.

— Люди добрые, кому же мне теперь спасибо говорить?

— Да уж не Кулову, конечно!— с вызовом крикнул Мисост.

Его перебил Сентраль:

— Немцам спасибо скажи, вот кому. Не пойдя они на нас войной, не видать бы тебе коровы, как своего затылка.

Сентраль привык, что все ему сходит с рук. Над его шутками, выдумками всегда смеялись, даже если он и задевал кого-нибудь. Но на этот раз получилось по-другому. Тигрицей — того и гляди вцепится в горло — сорвалась со своего места Апчара. Схватила чернильницу, обливая пальцы.

— Клянусь солнцем, за такие слова бороду выдирают вместе с челюстью. Повтори сейчас же, что ты сказал! Пусть все услышат. Я сегодня же сообщу, куда следует. Повтори, бутылочная твоя душа, кого надо благодарить? Перепил, что ли, с утра? Все знают, на чьи денежки пьешь. Пенсионеров обсчитываешь.

Сентраль перетрусил.

— Что уж, и пошутить нельзя? Капли в рот не брал. Поставь чернильницу, нечем будет протоколы писать.— Повернулся к пенсионерке:— А ты веди, веди, Хадижа, свою кормилицу, веди, дорогая. А я тебе завтра пенсию принесу.

Хадижа все-таки не могла обойтись без речи. Она выпрямилась, благодарность переполняла ее.

— Не знаю, кому спасибо сказать. Но вода на земле всегда находит свою щель, а благодарность — дорогу к сердцу. Да вознаградит аллах долголетием и здоровьем тех, кто сегодня обратился ко мне и сказал: «Возьми, Хадижа, корову и сохрани ее». Видит бог, я слаба. Мало

сил у меня. Убить врага я не смогу. Но корову эту сохранию. Волосок не упадет с нее. Если только буду жива...

Хадижа пошла от фермы. Корова словно только этого и ждала: послушно побрела вслед за старухой.

— Да обернется для тебя долголетием ее молоко!— крикнула Кураца, довольная речью старухи.

— Клянусь всеми книгами Карла Маркса, Хадижа сознательнее иного молодого человека, даром что не читает газет!— похвалил старуху и Бекан. Мисост на этот раз промолчал. Может быть, его смутила необыкновенная клятва Бекана.

— Теперь выводи для Хабибы!— распорядился Бекан. Зоотехник переспросил:

— Рекордсменку? Ведерную?

Внутри у Мисоста все перевернулось. Ненавидящими глазами посмотрел он на счастливую обладательницу рекордсменки. Вспомнил Темиркана, которого всегда считал стручком перца на своих губах. Темиркан принес в аул Советскую власть. Посмотрим, устоит ли она теперь? Почему бы не отдать породистую корову тому, кого обобрали во время коллективизации? Темиркан привел в колхоз яловую худобу, похожую больше на козу, чем на корову. А теперь получает рекордистку. Может, это калым? Приемный сын Бекана волочится за Апчарой. Но если это калым, то пусть Бекан отдает свою корову, а не колхозное добро.

Питу вывел из хлева упитанную рогастую корову ореховой масти. Корова шла важно, достойно, зная себе цену. Огромное вымя раскачивалось, как розовый бурдюк из козьей кожи, налитый тяжелым вином.

— А где же теленок?— встревожилась Хабиба.

Мисост не стерпел.

— Ворона склевала глаза, а теперь каркает, дайте еще и брови. До чего ненасытна человеческая душа!

Ему не терпелось выплеснуть все, что накопилось за долгие годы, но тогда не видать, конечно, колхозного быка. Кое-как взял себя в руки, проглотил, зачихал обратно рвущиеся из горла слова. Даже попробовал улыбнуться. Но одно слово все-таки не удалось удержать, сорвалось:

— Калым!

— Какой калым?— не понял ничего зоотехник.— Настоящая швицкая порода.

— На Хабляшу похожа,— радостно вздохнула Хабиба, хотя ничего похожего на Хабляшу в этой корове не было. Ту, бывало, пастух называл скаковой и рысистой за длинные ноги и за поджарый живот.

Как бы там ни было, а оказалась Хабиба опять с коровой.

БРАТ, СЕСТРА И МАТЬ ХАБИБА

Да, скоро исполнится шестнадцать лет. А там и старость. Между тем ничего еще не видела в жизни. Ничегошеньки-ничего.

Апчара оторвалась от книги, оперлась локотками о подоконник и поглядела далеко вверх, где белые горы соседствовали с синим небом. Там, в горах, шла война между холодом и теплом. Тепло наступало снизу. Оно карабкалось, отвоевывало у гор пологие склоны и делало их зелеными. Но на крутых склонах и на вершинах держался снег. И чем ярче светило майское солнце, тем ослепительнее сверкали снега, словно торжествуя свою победу.

Уже пришла пора, что мать называет семью днями, на которые надо оставлять семь охапок сена, чтобы отощавшие за зиму коровы дотянули до свежей травы. Как раз сена-то и не оказалось на ферме. Молоко требуют, а кормов не дают. Как тут быть? Приходится гнать коров на склоны гор, на солнечные места. Но зеленую траву еще не ущипнешь, а прошлогодняя трава вымокла, вымерзла, выветрилась, пересохла, от нее никакого проку.

В шестнадцать лет можно на минуту забыть про траву и коров.

Апчара оторвалась от гор и оглянулась на мать, копошащуюся около очага.

— Мам, а тебя в шестнадцать лет уже звали на вечеринки?

— На вечеринки?— искренне удивилась Хабиба.— Да я в шестнадцать лет давно была замужем! Это теперь девушек не берут, пока они ходят в школу. А мы грамоте не учились. Совершеннолетняя, совершеннолетняя — никого это не интересовало. Прикидывали на глазок. Бывало, куклу из рук отберут и ведут к жениху.

Выдавали и четырнадцатилетних, если собой недурна... Не засиживались в девках и те, кого аллах обошел красотой. За таких не требовали калыма. Кому жена необходима — возьмет, не будет смотреть на кривые ноги или на длинный нос.

— Без любви?!

— Приглянулась кому-нибудь, пришлют сватов.

— А за тобой тоже приходили сваты?

Апчара хорошо знала, как ее мать выходила замуж. Но знала она и то, что матери удовольствие рассказывать, как все это было. Особенно гордилась мать калымом, который дали за нее.

Пришел Темиркан, грамотный, молодой и настойчивый. В то время грамотность была большой редкостью. Кабардинец, и вдруг может написать прошение даже начальнику округа князю Атажукину! Жуть!

У Хабибы было трое братьев. Темиркан пришел к ним и положил на стол офицерский наган.

— Ваша сестра в соседней комнате. Мой наган на столе. Отдавайте мне сестру, наган достанется старшему брату.

— За один револьвер?

— Мало?— обиделась Хабиба на непонятливость дочери.— А ты знаешь, сколько стоил тогда револьвер? За него отдавали кабардинского скакуна, не то что сопливую девчонку. А знаешь, сколько дали за Данизат? Сорок сапеток кукурузы.

Хабиба всякий раз упоминала про эти сапетки: «Вот насколько я была лучше, красивее, чем соседка Данизат, теперешняя жена Бекана».

— И ты согласилась?

— Меня никто и не спрашивал. Это теперь растут дети, непослушные родителям. Наказание аллаха. Дочь захотела замуж — пошла. Сын захотел жениться — женился. Родители только руки возносят кверху. Но это похоже больше на голосование на сельском сходе, а не на родительское благословение.

Апчара снова уткнулась в книгу про любовь. Эти разговоры ее не касаются. Пока не закончит институт, о замужестве думать не будет. Апчара видит, как старается мать, чтобы вывести своих детей в люди. Зимой и летом ходит она в одном и том же платье. И все ради Альбияна и Апчары.

«Кожа на мне, как решето, от многих бед», — любит говорить Хабиба. Иногда она вспоминает все удары судьбы, которые послал ей аллах. Словно он хотел испытать ее волю и преданность. Судьба ее была, как угли в ладонях, которые позаимствуешь в очаге соседа и не сешь к своему очагу, перебрасывая с руки на руку.

Когда Темиркан умер, Альбиян учился в Москве. Он еле успел к похоронам. Весь аул провожал Темиркана в последний путь.

Этому не приходится удивляться. Почти все новое, что появилось в ауле за эти годы, так или иначе связано с именем Темиркана: школа, детские ясли, детская площадка, комитет крестьянской взаимопомощи, общественная баня, сельский клуб.

После похорон Альбиян заявил, что в Москву больше не поедет, не может бросить на произвол судьбы мать и сестру. Но тут и Апчара впервые показала характер.

— Мы не маленькие. Руки-ноги у нас, слава богу, есть. С голоду не умрем. Еще и тебе поможем. А ты должен учиться.

Брат поддался уговорам, уехал.

Апчара и правда начала помогать. В фанерный ящик она укладывала груши из отцовского сада и посылала в Москву. Альбиян получал посылки, но груши успевали попортиться в дороге. Можно было выбрасывать их, не открывая ящика, не глядя.

Конечно, об этом Альбиян домой не писал. Напротив, благодарил, расхваливал вкус, аромат, обещал Апчаре привезти что-нибудь из Москвы.

Апчара старалась. Она пекла кукурузные чуреки и тоже упаковывала их в фанерные посылочные ящики. Чуреки не гнили, подобно грушам. Они обрастали зеленым пухом плесени и затвердевали до крепости хорошего речного булыжника.

И опять Альбиян хвалил в письмах вкус чуреков, но все чаще и настойчивее напоминал, что слишком уж Апчара заботится о нем. Видимо, это мешает ей учить уроки и помогать матери по хозяйству.

А еще Апчара вкладывала в конверты, к длинным письмам своим, лепестки любимых цветов, листочки с садовых деревьев, а однажды положила даже пятирублевую бумажку.

В школе за хорошую учебу ее премировали сандалия-

ми. Но сандалии почему-то выдали мужские, пришлось их продать. Из вырученных денег она отослала пятерку брату, а на остатки купила матери чувяки: Хабиба два раза в день ходила за водой, а вода далеко. Да еще приходилось ей носить зерно на мельницу. А кто сосчитает, сколько километров накружишь за день по дому? Апчаре не давала дотронуться ни до воды, ни до дров: «Твое дело книжки, учебники. Твой брат черпает зерна знания прямо из амбара, а тебе приходится по зернышку подбирать на току. Учись, приедет Альбиян, удивишь его. Скажет, откуда сестра набрала столько знаний?»

Апчара засиживалась допоздна около тусклой керосиновой лампы, стекло у которой походило больше на латаную-перелатаную железную трубу на кирпичном заводе. Но как бы ни засиживалась Апчара, она успевала выспаться и набраться сил. В школу приходила веселая, бодрая, с розовыми от мороза щеками.

Однажды кто-то сказал на школьном собрании: «Боевая наша Апчара». Слова как слова. Но привились и сделались вроде прозвища. «А что скажет боевая наша Апчара?» «А почему не пришла в школу боевая наша Апчара? Не заболела ли?»

Апчара сидела на одной парте с Азизой, которую следовало бы прозвать Застенчивой, если не Тихоней. Но девочки подружились. Друг без друга никуда, два орленка в одном гнезде. Выглядывали из-за парты, как черноголовые костяные газыри выглядывают из своих гнезд на черкеске. Особенно если обе подружки нагнутся, загородятся крышкой парты, чтобы прыснуть над мальчишками, когда те растеряются у доски.

Аслануко, без которого не обходится ни один концерт самодеятельности, сочинил да сам же и спел на мотив «Яблочка»:

Эх, чарочка —
Вино красное,
Апчарочка
Огнеопасная!

Парень бросил школу, ушел на курсы шоферов, потом в армию, а нелепая песенка его прижилась в школе. Апчара сердилась, когда пели частушку, но разве всем запретишь?

Но потом как-то сразу, сама собой затихла озорная песенка (уж лучше бы пели каждый день без перерыва).

Черная тень войны набежала на аул и на школу. Учеников то и дело отрывали от уроков и увозили на строительство оборонительных сооружений. Стало им не до чарочки — Апчарочки. Отстала песенка и осталась там, в довоенном времени.

Недавно Апчару повесткой вызвали в райком комсомола. Секретарем там Чока — тайный воздыхатель. Не зовет ли он ее на свидание? Мать узнает, разговоры пойдут. Решила не ходить. Но прислали еще одну повестку: «Явка строго обязательна». Семь километров до соседнего аула — пошла.

Чока — секретарь райкома — встретил Апчару с напускной строгостью, не столько для Апчары, сколько для посторонних. Апчара сначала обиделась за холодный прием, потом разглядела, что Чока все тот же, ему только скажи — прыгнет ради нее со скалы, бросится в воду, кинется в огонь. Любит. Что хочешь с ним, то и делай.

Апчара вернулась домой поздно вечером и прямо от порога ошарашила Хабибу:

— Ну вот, не брать мне зерен ни в амбаре, ни на току. Кончилась моя школа.

— Замуж идешь? — всплеснула руками Хабиба.

— Какой там муж! Создается молодежная ферма. А меня назначили заведующей.

— И ты согласилась?

— Война прикажет — косы обрежешь.

Хабибу утешало немного, что не одна Апчара бросает школу. Все ученики, особенно старшеклассники, — кто куда. Но не могла взять в толк старая женщина, как это девчонки, школьницы, будут управляться с коровами. До коровьего вымени никогда не дотрагивались. А тут и доить, и кормить, и ставить корову под быка, потом... как его называют... обсеменение. Девичье ли это дело. А потом телятки пойдут, молодняк. Ухаживать надо. Ну, война так война.

— А мы там и заниматься будем, — говорила Апчара, собирая и укладывая в сумку учебники. — Учителя с нами будут. Занятия на лугу, на свежем воздухе. Кругом аромат цветов. Разве плохо? Жалко только, в армии Аслануко.

— Как такого безусого взяли в армию?

— Там усы не нужны. Стреляй, и все. Аслануко поэт.

Песенки сочиняет. Он и обо мне сочинил. Хочешь, прочитаю?

Хабиба насторожилась. Каждый кабардинец знает, что если о ком-либо сложена песня, то, значит, этот человек или удивил всех своим подвигом, проявил мужество, героизм, или, наоборот, опозорил себя в глазах людей и стал посмешищем. Апчара не совершила никакого подвига, это Хабиба знала доподлинно. Значит, остается позор, о котором сразу можно и не узнать. Родные всегда узнают последними.

— Что же за песня о тебе? Чем ты ее заслужила?

— Ничем. Просто он сочинил, и все. Вот послушай.

Апчара встала в надлежащую позу и прочитала не очень складное, на слух Хабибы, стихотворение. Кончалось оно такими словами:

Отстояв страну и сняв винтовку, ранец,
Я вернусь в аул под гомон детворы.
«Кабардинку» я спляшу — победный танец,
Как пляшут чертики в глазах у Апчары.

Хабиба успокоилась. Ни подвига, ни позора нет.

— Ну как?

Апчаре не столько было важно, как мать оценит стихотворение, сколько сам факт, что о ней пишут стихи.

Хабиба махнула рукой.

— Колеса арбы, если их не помазать колесной мазью, наскрипывают такие же песенки.

Окончательно успокоилась Хабиба, принялась за привычные дела. Пошла в курятник, сняла с куриных гнезд три яйца, наколола дров. Уже садясь около очага разводить огонь, она подвела итоги всему, что, как видно, думала о своей дочке:

— А что, если бы ты родилась мальчишкой? Клянусь аллахом, аул не знал бы покоя ни днем, ни ночью.

Апчара давно сидела за своим столом и что-то писала, а мать все еще продолжала разговаривать вслух:

— Ты бы перепутала палахи всем парням. Дело не кончилось бы без крови. «Чертики в глазах Апчары». А что в них хорошего, в чертиках. Чертики — значит озорство. Для озорства большого ума не надо. Разве до озорства теперь твоему брату, которого взяли в Нацдивизию? Да оседлает он коня седлом благополучия! Мостом через пропасть лечь мне на его пути! А тут еще этот

Чока своим велосипедом целую дорогу к нам наездил. Но скоро он узнает, что не туда крутит колеса велосипеда.

Апчара оторвалась от своего писания и насторожилась.

— Парень называется. Ни очага, ни бровей! О таких говорят: ни коня вести, ни ягнят пасти. Кто только за такого парня замуж пойдет. Да и брат не захочет с ним породниться. Был бы он как другие, и его бы взяли в Нацдивизию. Всех взяли, а его нет. Если ты недостойн носить оружие, ты недостойн иметь и жену.

— О чем ты там говоришь, Биба?— Так Апчара ласкательно звала свою мать.— О чьей жене ты хлопчешь? Теперь война. Разве время думать о свадьбах?

Но Хабиба уже разошлась, и остановить ее было трудно. Слова дочери она пропустила мимо ушей.

— Всадник на велосипеде! Велосипедный джигит! Хорош жених! Он и за тобой приедет не на фаэтоне, а на своей двухколесной штуке, похожей на скелет осла. Знаю я Чоку, вижу насквозь. Сидит наверху в комсомоле и выглядывает хорошеньких комсомолок во всех аулах. А вместо патронов — карандаши. Твой брат Альбиян, да прикроет его аллах своей ладонью от вражеских пуль, скоро покинет молодую жену и ребенка и уедет на фронт. Был бы Чока достоин жены, и его одели бы в военную форму.

Апчара взорвалась наконец:

— Если хочешь знать, Чоку брали в Нацдивизию, как и нашего Альбияна. Но кто-то должен остаться в целом районе с папай на голове. Вот его и оставили. Он секретарь районного комитета комсомола...

— Ну и сидел бы там в своем комсомоле, не крутил бы велосипед.

— Он же из нашего аула. Поэтому приезжает иногда. Хабиба гнула свое.

— Рано тебе думать о свадьбе, рано!

— А сама-то? Выскочила в шестнадцать лет!

Хабиба выронила балагу, большую деревянную ложку, в огонь. Апчара слохватилась, но поздно. Пущенную стрелу уже не догонишь, не перехватишь.

Дочка подбежала, обхватила сзади мать, прижалась, начала целовать куда попало. Насколько было бы легче, если бы Хабиба рассердилась, обругала, ударила. Но старая женщина молчала, словно окаменела.

— Прости, мама, прости. Я глупая дурочка. Я тебя не оставлю никогда-никогда.

Хабиба, словно устыдившись своей слабости, отстранила Апчару, выхватила из огня балагу, уже начавшую гореть, и стала мешать мамалыгу. Дым и пар в котелке смешались.

Апчара отошла и села за стол. Наступила неприятная тишина. Мать не могла простить так скоро дерзость девочки, дочка, хотя и признавала свою вину, не находила слов, чтобы извиниться. Но, конечно, первая уступила мать.

— Клянусь аллахом...— она разбрасывала головешки под котелком, чтобы мамалыга не пригорела, и дымно сделалось в очаге.— Клянусь аллахом, даю тебе материнское благословение. Выходи замуж, лишь бы не болела у меня голова от твоей дерзости. Недаром Аслануко сочинил, что чертики прыгают у тебя в глазах. Сказать родной матери: выскочила замуж! Как эти слова не обожгли тебе губы? Разве я тебе Азиза? Я вижу, сидите с ней под деревом и на фасолях гадаете, в какую сторону вас повезут женихи. А я и без гаданья скажу: тебя в Верхний Чопрак, Азизу на кирпичный завод. Дай бог, чтобы сын Курацы вернулся с фронта живым и здоровым. Не беспокойтесь, калыма теперь не стало. За меня хоть офицерский наган дали. За Данизат — кукурузные початки. А вас даром возьмут, и на том спасибо. Но что даром достается, то легко отдают. Выскочила замуж! Плохо ты думаешь о родном отце, да будет сухими листьями земля покойному Темиркану... За него любая бы вышла. Не чета твоему Чоке. Все воюют по лесам и болотам, а он ходит по ковру в кабинете. Разве твой брат отдаст тебя за такого бездельника? Может, он уж имеет на примете хорошего человека. Брат плохого жениха не выберет. Он подыщет достойного, который не поскупится и на калым.

— С калыма не разбогатеешь, чтобы каждый день — мед с маслом.

— Без калыма не пришлось бы перец глотать.

— Ты за свою сноху не давала калыма. Как же с других будешь брать за дочь?

Смелость Апчары опять взяла верх. Опять дочка почувствовала, что загнала мать в тулик, задела больное

место. Но Хабиба не вспылила, не замахнулась балагой, как того ждала Апчара, не обиделась.

— Сноха русская. Разве ты не знаешь? У них другой обычай. Отдают дочерей еще и с придачей. А я, если хочешь знать, за сноху ничего бы не пожалела. Снохой я довольна...

Мать и дочь надолго притихли. Впрочем, каждая из них понимала мысли другой.

Альбиян женился без родительского благословения. Привез из Москвы белокурую, застенчивую, безропотную девушку Иру и сказал: «Вот, мама, тебе сноха. Зови ее Ирина Федоровна».

На свадьбу денег не оказалось. Все, что было, Альбиян заплатил извозчику. Нельзя было подойти к родительскому дому с молодой женой и с чемоданами пешком. Смех и позор! Кроме того, в чемоданах тяжело и плотно лежали тарелки, чашки, всякая посуда, вроде как приданое Ирины.

Хабиба не ожидала такого удара. Дулась, отворачивалась, молчала. На новоявленную москвичку смотрела, как на врагиню, даже надеялась скрыть от соседей, что сын женился. Но можно ли скрыть в ауле и менее интересную новость? Выгонит утром корову — и сторонкой, сторонкой домой. А соседка вырастает на пути, как изпод земли.

— А что, Хабиба, правду ли говорят, что Альбиян привез из Москвы жену?

Хабиба буркнет что-нибудь в ответ, а на дороге другая соседка.

— А свадьба разве уж отгремела? Что-то не слышно песен и танцев.

Тьфу, чтоб вы провалились! Хоть не выходи из дому совсем. Вон еще третья лезет с вопросом. У самой дочь на выданье, этой еще обиднее, чем другим.

Правда, устроившись на работу в городе, Ирина Федоровна и жить стала в городской комнате, в большом доме, на третьем этаже.

Теперь Хабиба, чтобы припугнуть Апчару, иногда говорила:

— Хватит мне месить грязь в ауле и слушать твои дерзости. Поеду к старшей дочери. Нянчить внуку — самое старушечье дело.

Может быть, она и осуществила бы свою угрозу, ну хоть на десять дней, но Ирину Федоровну потеснили — поселили на кухне эвакуированных из Одессы.

Надо бы Ирине отдать и комнату, но переехать в аул — значит потерять работу, а этого она не хотела. Цены на все с каждым днем росли. Деньги Альбияна по офицерскому аттестату она уступила Хабибе. Чтобы остаться независимой, надо было сохранить работу и заработок.

Ложась спать, Хабиба долго не засыпала. Все твердила молитвы: «Всесильный, всемогущий и милосердный! Все просьбы обращены к тебе, а сам ты ничего ни у кого не просишь. Внемли же моим мольбам — не одевай во вдовьи одежды мою сноху. Пусть она не изведает этой доли, как извела ее я. Пусть уж я одна буду вдовой до самой смерти. Лишь бы не овдовели мои дети. Милостивый и милосердный, ты видишь, я все терплю, что ты посылаешь мне. Без ропота я принимаю все бедствия. Убереги же моих детей от моей горькой доли. Слышишь, всемогущий, да буду я рабыней твоей...»

Хабиба верила, что аллах взял ее под свою высокую руку и ограждает ее детей от всяких бед. Разве не ее молитвы спасли сына в боях на Дону? Под градом пуль и бомб он переплыл через Дон и остался живым... Аллах внял ее мольбам, иначе Альбиян не вернулся бы в родной край обучать молодых бойцов в кавалерийской дивизии. Слава милостивому и милосердному! Альбиян каждую неделю навещает свою семью, катает на своем вороном коне маленькую Даночку, нет-нет и к матери иной раз заскочит, повидает сестру. Это ли не по милости всемогущего аллаха?

Альбиян и сам считал, что после длинной цепочки неудач судьба немного смилостивилась над ним. Было время — неудачи сыпались одна за другой.

Не успел он закончить первый курс института — умер отец.

После второго курса закрылся институт. Пришлось возвращаться домой и устраиваться на работу.

Только добился комнаты в городе и собрался налаживать семейную жизнь — взяли в армию. Не кончился еще медовый месяц, как пришлось разлучиться с Ириной.

Только отслужил срок и вернулся к семье (к этому времени появилась уже Даночка) — началась война.

На фронте попал на Дон, когда разгорелись жестокие бои за Ростов. Октябрь сорок первого года. Чудом перебрался на этот берег реки. И вот тут течение событий переменилось. Альбияна направили для продолжения службы во вновь формирующуюся дивизию, называемую Национальной. Она формировалась и оснащалась на средства народов Кабардино-Балкарии.

Взвод, которым командовал Альбиян, размещался в полевом стане колхоза в семи километрах от города. Каждый день можно было найти возможность побывать дома... Ирина и Даночка по вечерам садились у окна и ждали, когда появится всадник на вороном жеребце Казбеке. Дочка получала гостинец: горсть мушмулы, собранной в лесу во время занятий со взводом, баночку компота из офицерского пайка, конфетку или кусочек сахара. Но больше гостинцев нравилось ей кататься на Казбеке. Девочка научилась понукать, дергать повод. Вороной жеребец с белой звездочкой на лбу, в трех высоких белых чулках — загляденье. Правда, командиру минометного взвода не полагалось коня, но Национальная дивизия только формировалась, и каждый действовал по своему усмотрению. Альбиян, узнав, что для полка пригнали большой табун верховых лошадей, выбрал себе коня и привел его на полевой стан.

Лошадь оказалась кстати не только одному командиру взвода. Вокруг полевого стана лежало поле, вспаханное под зябь. Чуть дождь — ни пройти, ни проехать. Бойцы, обутые в сыромятные чувяки (военного обмундирования еще не выдали), не могли шагу ступить по раскисшей, липкой земле. Никаких машин не было и в помине. Кто даст машину только еще формирующемуся, не снабженному матчастью (минометами), не вооруженному, не обмундированному взводу — кучке еще не организованных людей?

Значит, в штаб ли полка, за провиантом ли — выручал Казбек. Ну а к вечеру находчивый комвзвода мог себе позволить верховую прогулку, которая затягивалась, впрочем, на несколько часов, иногда до утра.

В эти редкие, словно украденные часы Ирина старалась, как могла, чтобы Альбиян жил семьей, дышал ее духом, отдыхал от своих дел, забывал, что где-то идет война, а помнил только о ней, молодой жене, да о Да-

ночке. Но не такая была война, чтобы можно было забыть ее хотя бы и в самых ласковых объятиях любимой женщины, хотя бы и под самый беззаботный смех резвой дочки.

С каждым днем Альбиян становился встревоженнее, задумчивее, напряженнее. Он волновался. Приближался срок выступления дивизии, а материальной части все еще не было. Своих минометчиков Альбиян обучал по деревянным минометам. Во взводе нашелся плотник, который по рисункам из устава и по подсказкам Альбияна соорудил деревянный миномет. Издали его невозможно было отличить от настоящего, потому что плотник любовно и старательно отполировал свое детище и покрасил в черный цвет. Во всяком случае колхозники, на глазах у которых проходили занятия в поле, не замечали, что бойцы таскаются с деревянным оружием.

— Не думай об этом. Ты дома. Думай о нас,— просила Ирина.

Но Альбиян не думать не мог.

Однажды он приехал веселый и радостный.

— Получили матчасть?— Ирина уже усваивала военные словечки своего мужа.

— Матчасть — нет. А грамоту от Верховного Совета получили. Первая награда нашему взводу.

Альбиян развернул яркую красную папку с золотыми буквами.

— Вот видишь: «За успехи в боевой и политической подготовке...»

— Поздравляю с наградой,— серьезно сказала Ирина. А Даночка, увидев яркое и красное, потянулась ручонками поиграть.

— Значит, скоро и выступаем.

— Есть приказ?— Голос у Ирины дрогнул.

— Приказа нет. Но ты же видишь — есть грамота.

— Какая тут связь?

— Прямая. Если приказ и есть, то комвзвода узнает о нем в последний момент. Невелик начальник. Тогда давай рассуждать. Вручение грамоты говорит, что подведены итоги. Итоги чего? Боевой и политической подготовки. А когда подводят итоги? В конце. Значит, подготовка закончена. А раз закончена, то что же нам здесь торчать, когда идет война.

С логикой Альбияна было трудно не согласиться, но Ирина все еще пыталась защитить его от нависшей судьбы.

— Грамотой вас могли наградить, чтоб вызвать энтузиазм. Грамота еще не приказ.

Альбиян не спорил: если хочет, пусть заблуждается.

— Только ты смотри никому не болтай про мои догадки. Жена офицера должна хранить его тайны.—И шутя добавил в духе плакатов, расклеенных на домах:— Болтун — находка для шпиона.

В эту ночь спала только Даночка. Альбиян лежал с закрытыми глазами и, как в кино, смотрел ту самую битву на Дону, в которой едва-едва уцелел. Земля подымалась в небо, а небо обрушивалось на землю. Кипела вода. Сквозь черный дым просверкивало красное пламя. Скрежетало железо, воронки чадили серным дымком. В солдатском сапоге кровоточила нога, а самого солдата нигде поблизости не было. По барахтающимся в Дону бойцам строчили пулеметы и автоматы, и плывущих людей с каждой секундой становилось все меньше и меньше. Ярче всего выделялся в этом чудовищном кино тот общипанный кустик краснотала, на который нацелился Альбиян, подплывая к берегу, и гадал: успеет или не успеет доплыть. И как руки наконец схватились за эти скользкие, гибкие, но такие надежные прутьики.

Ростов вернули потом ценой многочисленных жертв. Бои за него все больше ожесточались. И теперь Альбиян был уверен почему-то, что Нацдивизию бросят туда, на Дон.

Не спала и жена, лежа рядом. Неизвестно, какое она смотрела про себя будущее «кино», и было ли ее «кино», рожденное тревожным воображением, страшнее картин, которые вспоминались мужу.

Утром Альбиян помчался в аул навестить мать и сестру. Его приезд оказался кстати, мать и дочь после вчерашней размолвки еще дулись друг на друга.

— Ах, ненаглядный! Чтоб мне лечь мостом через пропасть на твоём пути.— Хабиба обняла сына, прижавшись к его груди, и долго не давала ему поздороваться с сестрой, хотя та первая вскрикнула, увидев брата.— Ах, ты мой единственный! Не утреннее ли солнце показало тебе дорогу к родному очагу? Да будет у тебя столько лет в жизни, сколько шагов ты сделал. Ну как дела? Садись.

Ты из полка или от Ирины? Даночки я давно не видела. Ласточка бесценная. Щебечет уже...

Апчара повисла на шее брата, как только он освободился из материнских объятий, и — что было не похоже на нее — разревелась.

«Они уже провожают меня на фронт, — подумал Альбиян. — Неужто они знают больше меня?»

— Что это с вами?

— Спроси сестру, — заговорила Хабиба несколько другим голосом, в котором слышалось и желание простить дочь, и все еще материнская строгость. — Твоя сестра надумала замуж выйти. Боятся остаться старой девой. Ты знаешь, какую дерзость она вчера отвалила? Ты, говорит, выскочила замуж в шестнадцать лет, дозвожь и мне. Повадился этот Чока Мутаев. Взяли его в обком партии — вытурили, послали в дивизию — военная форма оказалась не для него. Никуда он не годится, только в мужья...

— Откуда ты взяла? Не выхожу я замуж!.. — Апчара выскочила во двор, побежала в глубину сада.

Альбиян хотел вернуть ее, но мать остановила:

— Не надо. От слез глаза девушек становятся чище и яснее. Хорошо, что ты приехал. А то она ушла бы на ферму, а там — сама себе голова. Два месяца у Прохладной рыла окопы, я не беспокоилась. Знала, рядом тысячи таких, как она. А на ферме — одна, и главная. Что захочет, то и будет творить.

Насчет замужества Альбиян готов был поверить матери. В прошлый приезд он заметил, что Апчара как-то излишне возбуждена, словно внутри у нее что-то горит и жжется. Когда они остались наедине, Апчара схватила горсть фасоли, присоединила к ним древесный уголек и ловко, как это умеет мать — лучшая гадалщица на весь аул, высыпала на крышку чемодана, горящими глазами стрельнула в брата.

— Хочешь, скажу тебе, в какую сторону меня повезут, когда выйду замуж?

Альбиян подошел к сестре. Та изучала расположение фасолин: куда они легли пуповинкой и как между ними лег древесный уголек, символ домашнего очага. Среди фасолин была одна белая — невеста, а одна самая крупная — жених. По ним, словно звездочет по звездам, Апчара гадала.

— Смотри, смотри, вот очаг. И вот...

— Они тебе правды не скажут,— засмеялся Альбиян.— Ты же комсомолка.

— Постой, не перебивай. Ты не понимаешь. Матери они правду говорят. Почему же не скажут мне? Мама по ним прочитала, что ты вернешься живым и здоровым...

Сейчас, вспоминая об этом гадании, Альбиян думал: значит, тогда сестра просто хотела похвалиться своим женихом, а не гадать по фасолям. Знает она, куда ее повезут. Ясное дело, в Верхний Чопрак, где пустует дом Чоки Мутаева. А теперь вот вспыхнула и убежала в сад, наверно, стоит и плачет.

— Ты поговори с сестрой,— просила Хабиба,— от нее всего можно ждать. Не могу же я все время ее держать, как под уздцы необъезженную лошадь. То она хочет идти на фронт. То надумала на какое-то ПВО. А мне рассказали про этот... как его... еростат, моростат?

— Наверно, аэростат воздушного заграждения.

— Вот, вот. Девушки несли его, а он у них вырвался из рук. Одна не успела отпустить, то ли за руку ее захлестнуло, так и унесло за облака вместе с еростатом. Теперь ферма — новое дело.

Альбиян пошел к сестре. Она стояла в глубине сада на берегу арыка, весело бурлящего через сотни садов и огородов. Он полноводный в это время, с весны, потому что сам Чопрак, откуда берется вода в арыке, вступает в полную силу, клокочет, грозитя снести на своем пути все, что мешает его упругому и сильному белопенному потоку.

За шумом воды Апчара не слышала, как брат окликал ее. Но потом он подошел сам. Он подумал: «Какие мелочи все эти разговоры по сравнению с тем, что происходит вокруг»,— и заговорил о своем.

— Знаешь, сестра, зачем я приехал? Мы получаем матчасть. Понимаешь?

— Возьми и меня с собой.— Апчара схватила в ладони и крепко сжала руку брата. Она глядела на него такими светлыми и чистыми глазами, что он улыбнулся, вспомнив слова матери: «От слез глаза девушек становятся чище и яснее».

— Глупая ты.

— Разве в твоём взводе все умней меня?

— А мама? Оставить ее одну?

Апчара замолчала.

— Так вот: мы получаем минометы. Настоящие. А у меня есть один деревянный батальонный миномет. Я знаю, у тебя военный кружок. Может быть, отдать тебе его, как наглядное пособие? Нам он теперь не нужен.

— Миномет?— Не сразу поняла Апчара. Никогда ей не приходилось видеть такое оружие, но она ни от чего никогда не отказывалась, тем более от оружия, которое будет напоминать о брате.— Конечно, возьмем! Только ты не отдавай никому. Два раза в неделю собирается кружок. Оружие изучаем по картинкам. Мне — что, поехать к тебе за ним?

— Зачем, я сам привезу.

— Ты знаешь, как это кстати! Мне Чока сказал: в каждом колхозе будет создан отряд самообороны...

«Опять этот Чока»,— нахмурился Альбиян, но не стал перебивать сестру.

Хабиба посмотрела издали на сына и дочь, оживленно разговаривающих, и порадовалась: слава богу, поговорили без обид. И у нее на душе стало легче и веселее.

Но дрогнули губы и похолодело в груди. Не последний ли раз идут в обнимку по старому отцовскому саду брат и сестра? Услышав шаги на пороге, мать взяла себя в руки, села к огню лицом, чтобы не показать детям невольных слез. Теперь и увидят, можно сказать — от дыма.

В очаге ярче вспыхнул огонь. В казанке круглой белой папахой поднималось закипающее Хабляшино молоко.

ПАРАД. ПОГРУЗКА. АПЧАРА НА ТРИБУНЕ

Откуда только узнали люди об отправке дивизии на фронт? Все, от кого это зависело, думали, что удалось сохранить тайну, но к назначенному часу, как по сигналу, потянулись на товарную станцию люди из окрестных аулов, с берегов всех ближайших речек, даже с Терека и с Чопрака.

Товарная станция огорожена забором, сдерживающим до поры толпу провожающих. На погрузочную площадку пускают только военных и представителей власти,

Погрузочная площадка заполнена до самого забора людьми, машинами, повозками, лошадьми, ящиками, тюками.

Хабиба и Апчара пришли с Даночкой, устроились хорошо: у забора оторвана штакетина, при желании можно пролезть. Даночка не раз уже шастала взад-вперед через эту дыру. Всякий раз ее возвращали бойцы, боясь, как бы лошадь не зашибла девочку.

Повозки минометчиков ждали очереди. Альбиян не раз подходил к забору и умолял родных не томиться, идти домой.

— Вы же ребенка мучаете, — говорил он. — Простояли ночь, и хватит. Я не хочу, чтобы вы тут торчали, слышите?

Никто не обижался на Альбияна: ни мать, ни сестра, ни жена, понимали, что ему тяжело видеть слезы родных, слушать одно и то же: «Береги себя», «Пусть аллах будет доволен тобой, как довольна твоя мать», «Напиши сразу же, как приедешь». Понимали, выслушивали все более сердитые слова Альбияна, но с места не трогались.

Во двор товарной станции въехали черные «эмки». Начальство. Апчара знала многих из них. Зулькарней Кулов — высшая власть республики, хорошо одетый, стройный блондин, похожий лицом на русского. За ним начальник НКВД Бахов. С ними военные, командир дивизии полковник Кубанцев — вся погрузка как бы крутится вокруг него. То и дело подбегают другие командиры, докладывают, выслушивают распоряжения, убегают их исполнять.

Погрузка идет полным ходом. Бойцы дружно на руках вкатывают на платформы грузовики, фургоны, повозки, тянут и подталкивают к теплушкам упирающихся лошадей. Старшины сорвали голоса, хрипло кричат, матерятся, подгоняя и без того суетящихся бойцов.

Апчара удивляется. Она не узнает в этих бойцах и командирах, коловращающихся на погрузочной площадке, тех командиров и тех бойцов, которых видела недавно в Нальчике на параде прощания. Тогда они выглядели по-другому. Да и все было иначе.

Тот майский день выдался особенно ясным, безоблачным и торжественным. Словно специально для такого парада. Свежепобеленные домики, свежая зелень дере-

вьев, еще не до конца развязавших свои листья, нарядная парашютная вышка — все тонуло в майском солнечном свете.

Невысокие горы окружали город. Они тоже выглядели умыто и чисто, словно и они приготовились к параду. У их подножия, окруженные зазеленевшими кучами деревьев, весело выглядывали белые многоэтажные продолговатые дома санаториев и домов отдыха. Издали нельзя было подумать, что везде там теперь госпитали и вместо счастливых отдыхающих, бродящих по аллеям парков, стонут, кровоточат, скрипят зубами, бредят и умирают раненые.

Из всех ущелий тянулись в то утро к Нальчику вереницы нарядных людей, подводы, всадники, пешие. Пестро одетые женщины, стаи мальчишек, седобородые старики, важно ударяющие о землю длинными палками в такт своим недлинным шагам. Всем хотелось увидеть необыкновенный парад и джигитовку — ловкость и мужество, красивую посадку в седле своих сыновей, братьев, женихов, одноклассников, ставших воинами.

Апчара на своей двухколесной таратайке мчалась всю ночь. Боялась опоздать и прозевать торжество. Заехала домой, чтобы захватить на парад Хабибу, но мать с соседкой Данизат давно ушли пешком.

По дороге, обгоняя толпы людей, Апчара вглядывалась в женщин, идущих с узелками и корзинками. За матерями семенили детишки. Балкарские мальчишки трусили на осликах. Попался инвалид, ковыляющий на костылях по пыльной дороге, и Апчаре хотелось посадить его на свою таратайку. Но как попросишь его сойти потом, когда отыщется мать.

И все-таки Апчара опоздала. Когда она подъехала к площади перед огромным строящимся зданием Дома Советов, джигитовка заканчивалась. Апчара думала, что пропустила и парад, но более счастливые зрители сообщили ей, что парад будет после джигитовки.

Площадь окружили плотные толпы людей—ни пройти, ни проехать. Но тотчас Апчара поняла свое преимущество: встав на таратайку, она все прекрасно видела поверх моря голов.

Не успела она взглянуться в то, что происходит на площади, как услышала радостный детский голосок:

— Апа!

Господи, да ведь это Даночка. Только она одна называет Апчару таким именем. Действительно, к повозке пробиралась Ирина с Даночкой на руках. Апчара спрыгнула на землю, расцеловалась с Ириной, а Даночка тем временем обхватила ее за шею ручонками и тоже поцеловала. Потом все трое забрались на повозку.

Даночку больше, чем джигитовка и парад, заинтересовала лошадь Апчары, заезженная колхозная кляча, к тому же уставшая после ночной дороги и только по иронии судьбы носящая гордое и громкое имя легендарного кабардинского коня Шагди. Теперь Даночка сравнивала эту лошаденку с красавцем Казбеком, на котором приезжал отец.

— Ты не видела Альбияна? — первым делом спросила Апчара у Ирины.

— Он же минометчик. А минометчики в джигитовке не участвуют.

Как и Ирине, Апчаре тоже хотелось, чтобы Альбиян промчался перед этой многотысячной толпой на стремительном легком коне и лихо показал бы всем искусство кабардинца. Ведь это искусство ценится дороже любой мужской доблести. Но что поделаешь, дисциплина есть дисциплина. Самовольно на площадь не выскочишь. И минометчики тоже нужны. Джигитовка еще продолжалась, но уже готовились полки к церемониальному маршу. Раздавались команды, приводившие в движение то одно подразделение, то другое. Если во время джигитовки люди могли увидеть лишь самых лихих рубак, искусных всадников, которые молниеносно вылетали из седла и тут же, едва коснувшись земли, вновь неслись на разгоряченном коне, то теперь каждый находил в строю «своего», махал ему рукой, звал его, кричал, и тот, оглянувшись, мог увидеть в толпе своих отца, мать, жену, сестру.

Ирина и Апчара глядели во все глаза.

Показался грузовик с зенитной установкой — четыре спаренных станковых пулемета. В Нальчике такое видели впервые. Старик в огромной войлочной шляпе удивленно смотрел на диковинную машину, даже загнул вверх поля шляпы, чтобы лучше было смотреть. Другой старик пояснял:

— Против еропланов. В четыре струи как начнет поливать по всему небу, даже звезды посыплются. А еро-

планы смывает запросто, как вишневые косточки со стенок чашки.

Старику не нравилось, что эта штука может задеть и звезды, но он долго еще глядел вслед проехавшему грузовику.

— Скажи на милость! А ежели танки? Мой племянник без ног вернулся с войны. Он говорит, что немец танками больше берет.

— Против танка найдется танк. Всадник против всадника, пеший — против пешего.

Артполк не участвовал в параде — в полку было всего четыре противотанковые пушки, решили, что смешно их выпускать на парад.

Вдруг Ирина и Апчара почти разом вскрикнули:

— Альбиян! Альбиян! Смотри!

Ирина подняла Даночку себе на плечо:

— Гляди — папа! Вон, вон твой папа! Да не там, гляди вон туда!

Девочка смотрела совсем в другую сторону, на воробушков, налетевших на свежий конский помет, дымившийся на асфальте горячим желтоватым дымком.

— Альбиян! — во весь голос крикнула Апчара и стала отчаянно размахивать над головой косынкой.

Альбиян услышал ее голос, увидел своих и тоже помахал им рукой.

На углу площади, около желтого многоэтажного дома, гремит торжественным маршем духовой оркестр. Кони, поравнявшись с оркестром, изгибаются, шарахаются в сторону, танцуют на месте. Полудикие кабардинские кони, они росли на заоблачных пастбищах, объятых вечной тишиной, и никакой музыки, кроме шелеста трав и журчанья воды, не приемлют.

Напротив оркестра на балконе трехэтажного дома командование дивизии, руководители республики, представители общественности принимают парад.

Апчара и Ирина были ужасно разочарованы, когда увидели то, что Альбиян все время называл «наша батарея», «наши минометчики». Батарея состояла из двух повозок, из которых торчали две самоварные трубы, одна побольше, другая поменьше. За повозками шли десятка четыре бойцов с противогазами. Впереди этого не очень внушительного подразделения ехали верхом два командира взводов, один из них — Альбиян. Чувствова-

лось по их посадке, что им не хочется привлекать к себе внимание, ведь они и сами понимают, что выглядят бледновато в глазах публики, желавшей видеть своих бойцов вооруженными грозной боевой техникой.

Это понимали и те, кто стоял на балконе. Не понимала только стоявшая недалеко от духового оркестра Хабиба.

Она с детства любила всякую музыку. Заиграют ли на зурне, запоют ли песню — почему-то навертываются слезы на глаза, а на сердце становится тепло и сладко. Теперь от громкого марша у Хабибы холодные мурашки побежали по спине. Ей казалось, что под такую музыку полки прямо отсюда, с главной площади, ринутся в бой и начнут кромсать врага саблями, как это делали в прошлом отцы тех, кого сегодня провожают на фронт.

— Как много... — шептала над ухом Данизат. — Тьма. Все идут и идут. Откуда набрали столько парней, а говорили, что их уже нет в аулах.

— У войны брюхо бездонное. Сколько туда ни пихай, все проглотит, — ответила Хабиба, не спуская глаз с парада, потому что боялась прозевать сына.

После парада прощанья, как было названо это торжество, прошло всего несколько дней. И снова, на этот раз уже негласные, вести всколыхнули все аулы и города. Но не все теперь потянулись в Нальчик, потому что разные части дивизии должны были грузиться на разных железнодорожных станциях. И не все одновременно. И каждый по какому-то беспроволочному телеграфу узнавал, на какой станции и когда можно проститься с братом, сыном и мужем.

От Нальчика до Прохладной на всех станциях и полустанках погружалась на платформы и в вагоны Национальная кавалерийская дивизия, погружалась спеша, потому что фронт не ждал, на фронте ожесточались бои, фронт гремел, и гром его подкатывался к подножию Кавказа.

Апчара глядела на погрузку и не узнавала деловито суетящихся теперь солдат, которые так строго прошли тогда мимо нее на параде.

Паровоз оттягивал уже загруженные платформы. Между фургонами, ящиками, под грузовиками устраивались бойцы, укладывали свои вещички, мешки с домашней едой.

Подвижный, несмотря на возраст, полковник звенел шпорами, которые он не снимал с времен первой мировой войны. Антону Кубанцеву еще не было пятидесяти, но выглядел он старше своего возраста. Кавалерист-рубака, восполнявший отсутствие образования незаурядным опытом командира, продвигался он тем не менее по крутой служебной лестнице медленно, хотя был безупречным командиром. Ордена и нашивки на груди подтверждали, что и в этой войне он был отнюдь не в обозе. В штабе военного округа долго выбирали, кого назначить командиром нового необычного национального формирования, чтобы дивизия не затерялась в огромной массе войск, сражающихся на фронтах Великой Отечественной войны, а ее боевой путь был отмечен победами. Назывались многие имена, высказывались разнообразные суждения, в том числе и такое, что этим соединением должен командовать представитель одного из тех народов, из которых состоит личный состав дивизии. Но подходящего человека не нашли. Антон Федорович Кубанцев в это время лечился в госпитале в городе Нальчике. Штаб военного округа посоветовал Кулову познакомиться с ним. Кулов знал полковника с того самого дня, как тот попал в нальчикский госпиталь. В штаб округа пошла телеграмма: Комитет обороны просит утвердить полковника Кубанцева командиром Национальной дивизии.

Кулов поторопился послать такую телеграмму. В Комитете обороны шли споры: создавать такую дивизию или не создавать. Зулькарней Кулов стоял за создание Нацдивизии, хотя бы уже потому, что сама идея создания ее принадлежала ему же, Кулову. Таким способом он хотел выразить безграничную преданность кабардинцев и балкарцев делу дружбы с другими народами и лично вождю народов. Он надеялся показать всем решимость горцев стоять насмерть перед грозной силой врага и тщетность надежд фашистов на распад многонационального государства, на измену отдельных народов общему делу и общей борьбе.

Но были и противники создания Нацдивизии. Они говорили, что война эта общая, не кабардинская, не калмыцкая, не ингушская, но Великая Отечественная, общенародная война. Представители каждого народа и без того участвуют в ней, находясь вместе с другими бойцами в составе многочисленных полков и дивизий. По

конституции, говорили противники Кулова, не каждый маленький народ защищает свою маленькую республику или область, но все народы вместе защищают свое общее, единое отечество. И надо бы лучше сосредоточить свое внимание на других обязанностях перед страной и перед фронтом, а формирование воинских соединений предоставить тем, кому назначено этим заниматься.

В споре победил Кулов. Тогда возник второй вопрос: какую дивизию создавать — стрелковую или кавалерийскую. Опять разделились голоса. Приверженцы и радетели национальных традиций ратовали за кавалерийскую дивизию. Приводились примеры, как еще в войсках Суворова и Кутузова служили кабардинцы, составляя отдельные эскадроны. Да и во все другие времена участвовали в походах и кампаниях русских войск. Противники кавалерии возражали, ссылаясь на то, что в современной войне этот род войск отходит на второй план. Если кавалерия раньше успешно действовала на степных просторах, то ныне танки и мотопехота вытесняют ее. На одно из совещаний Комитета обороны Зулькарней пригласил раненого полковника Кубанцева, убежденного приверженца кавалерии, и тот доказал, что кавалерия не устарела, на фронтах действуют румынские и венгерские кавалерийские части, против которых может быть выставлена Нацдивизия.

Кубанцев выздоровел, когда дивизия уже проходила боевую подготовку по ускоренной программе. По заданию Кулова старейшие мастера золотой чеканки наносили тончайшие узоры на серебро, украшая ножны и рукоять сабли командира дивизии, а известный седельщик Бекан Диданов всю свою любовь к коню и к своему ремеслу вложил в седло, сделанное им для человека, который поведет в бой славных сынов Кабардино-Балкарии. Но кроме шашки и седла требовалось еще много другого, чтобы дивизия стала реальной силой, способной решать боевые задачи. Однако положение на фронте не позволяло держать ее в глубоком тылу. Да и невозможно было больше содержать ее на иждивении маленькой республики, когда в колхозах не стало ни зернофуража, ни другого провианта.

Пока Кубанцев и Кулов осматривали готовый к отправке эшелон, начподив Солтан Хуламбаев приказал выкатить грузовик с откинутыми бортами на середину

товарного двора, поскольку люди все равно уж собрались. Предполагался небольшой митинг перед тем, как дернутся вагоны и лязгнут тяжелые буфера.

Кулов и Кубанцев уже по четыре раза успели выступить на четырех других станциях. Надо было выступить и здесь, перед толпой, заполнившей всю пристанционную площадь и даже улицы и переулки, выходящие на нее.

Все посты сняли, и народ хлынул, мгновенно заполнил товарный двор, растекся вдоль железнодорожного полотна, окружил импровизированную трибуну.

Хабиба тоже оказалась здесь. Она взяла с собой ту пару сапог, в которой воевал еще в партизанах покойный Темиркан. Слава богу, сапоги оказались счастливыми. Пусть и Альбиян, уходя на войну, возьмет с собой эти счастливые сапоги. Что из того, что они старинной, дореволюционной еще, модели. Голенища блестят, как новые, а каблук сразу прибавят пять сантиметров роста.

Альбиян помнил эти сапоги с детских лет. Отец в них как будто никогда и не ходил, они всегда висели на стене, и Хабиба время от времени стирала с них пыль сухой тряпкой. Однажды Альбиян ради смеха попробовал их надеть. Но куда там! Каблуки словно у женских туфель, подошва пересохла, не хватит на один хороший танец, разлетится в порошок. Так сапоги и висели на стене.

— Бери, не обижай маму, — взмолилась Ирина. — Что тебе стоит?

Альбиян передал сапоги бойцу из своего взвода и велел где-нибудь спрятать. Может, и правда пригодятся.

Все, кто наблюдал за погрузкой, давно обратили внимание на высокого капитана. Трудно было бы его не заметить. Он опирался на палку и этой же палкой показывал, куда ставить какую повозку или машину. Одна нога у него была в сапоге, а другая в бинтах. Это был замкомандира полка капитан Локотош. Он тоже, как и комдив, лечился в госпитале в Нальчике, но, узнав о формировании дивизии, не стал долечиваться и добился нового назначения.

Альбиян пошутил, кивнув головой на капитана:

— Видите, ему и одного сапога хватает, а вы мне всучили вторую пару.

Но шутки не получилось. Ирина поскорее перевела разговор. Она заговорила об Апчаре и о том, что девочка втайне мечтает уехать на фронт и что не даром же ее

звали в школе «боевая наша Апчара»... Никто не заметил за разговором, как исчезла Даночка.

Вдруг рядом раздался густой мужской голос:

— Это чья тут девочка хочет ехать с нами на фронт?

Все обернулись. Рядом стоял, улыбаясь, тот самый хромой капитан с Даночкой на руках.

— Ваша? Заберите ради бога, не лягнула бы лошадь. Бродит у самых копыт.

— И пять минут на месте не постоит. Только сейчас была здесь.— Ирина взяла у капитана дочку.— Спасибо вам!

— Товарищ капитан, познакомьтесь,— остановил Альбиян уже повернувшегося уходить Локотоша.— Мои родные. Мать. Жена. Сестренка. Между прочим, не замужем, но жених уже есть. Это я для ясности обстановки.

Апчара покраснела.

— Что болтаешь. Никакой он мне не жених. Просто вместе работаем.

— Познакомьтесь и вы,— обратился Альбиян к родным.— Капитан Локотош. Недавно из госпиталя. Вместе поедем туда...

— Ах, сынок!— запричитала Хабиба, словно читая молитву.— Да не пожалеет аллах для тебя здоровья. Пусть рука аллаха, которая уводит тебя, приведет и назад целым и невредимым. Пусть будет легка твоя рана. Аллах наказал твою мать, подал ей чашу горя, пролил твою кровь... Где она, твоя мать, сынок?

— В Ленинграде.

— Да как же так?— всполошилась Хабиба.— Говорят, немцы окружили этот город. Какие беды унесли ее туда?

Локотош не успел ответить, кто-то громко издали через толпу окликнул его.

— Извините, меня зовут.

Капитан повернулся и исчез в толпе, прихрамывая. Он ловко перехватывал палку в левую руку, когда нужно было отдать честь старшему командиру.

Трибуна на середине товарной станции уже готова, но все лица еще не обращены к ней. Народ стоит хотя и плотной толпой, но кучками, кружками, каждый говорит со своим близким.

Бойцы из вагонов машут руками. Зенитчики следят за «воздухом», устроившись на крышах вагонов. «Четы-

рехструйный» пулемет, который Апчара видела на параде, установлен на открытой платформе.

Апчара краем глаза видит Чоку Мутаева, но тот крутится поодаль, не осмеливается подойти, боится Хабибу. Наконец решился и подошел к Альбияну.

— Из родного Чопракского ущелья, — и протянул камень, слишком увесистый для того, чтобы таскать его всю войну в кармане. — Возьмите, частичка родной земли, амулет.

— Ладно, буду воевать с камнем за пазухой, — пошутил Альбиян.

— Пусть даже так. Против Гитлера, конечно.

— А это еще к чему?

Чока вытащил из кармана и передал Альбияну кресало и длинный фитиль.

— Первобытный способ добывания огня.

— Зато верный. В любую погоду безотказен. На ветру от спички ты ни за что не прикуришь. А тут — даже лучше. И маскироваться не надо. Пламени ведь нет.

Чока и Альбиян отошли в сторонку.

— Спасибо, буду носить с собой.

— О Хабибе, Апчаре и Ирине ты не беспокойся. Положись на меня. Пока я жив, с ними беды не случится. Будем делить все — и кров, и тепло, и пищу. Никому не дам их в обиду. Если хочешь, пищи. На каждое письмо я напишу два. Не знаю, что нас ждет. И ждет ли что? Меня тоже могут взять в любой день. Я не хоронюсь. Ты знаешь. Я этого хочу. Пока меня не взяли. Оставили. А тебе я завидую. По-хорошему. И желаю одного: чтобы ты вернулся...

Паровоз набирал пар, машинист, высунувшись из окошка, поглядывал на длинный эшелон, который замыкала платформа с зенитной установкой.

— Ну, ладно, ладно...

Чока и Альбиян обнялись. У эшелона заволновались люди. Сигнальщик проиграл сбор. Толпу теснили. Капитан Локотош кричал в рупор, просил людей подойти к трибуне.

Хабибу, Апчару и Ирину с Даночкой толпа подхватила и понесла. Им едва удалось не потерять друг друга. Кое-как они протиснулись к грузовику.

Начался митинг. Открыл его сам Зулькарней Кулов короткой речью. Людям, стоявшим вокруг, не надо было

рассказывать историю дивизии, все происходило у них на глазах. Не пересчитать собраний в колхозах и на разных предприятиях, где говорилось о новорожденной дивизии. После речей на тех собраниях объявлялся сбор пожертвований на оснащение и вооружение дивизии с перечислением предметов, которые — желательно — должны быть пожертвованы. Бурки и овечьи шкуры, кинжалы и серебряные пояса, уздечки и седла, если они еще сохранились, газыри, сапоги, ремни, носки, недоуздки, плетки, стремяна, шпоры, ну и, конечно, сабли, — все принималось на специальных пунктах. И люди несли. Отдавали все, что у них было, чтобы дивизия оделась, обулась и вооружилась по всем современным правилам. Отказывая себе, приносили из аулов зерно, масло и мясо, сыры и крупы.

Об этом теперь коротко и говорил Зулькарней Кулов, выражая трудящимся благодарность от имени партийных, советских организаций республики.

— Мы сделали все, что требовалось от нас, — говорил Кулов с грузовика, — чтобы наши братья и сыновья — бойцы дивизии ушли на фронт подготовленными. Может быть, мы еще долго будем ощущать недостаток в том или другом, потому что отдали все. Зато мы не будем чувствовать угрызений совести. Мы ничего не утаили. Ничего не пожалели для наших воинов. Свыше пяти месяцев мы, можно сказать, грели дивизию за пазухой, делились с бойцами не только одеждой, но и теплом собственного сердца. Мы грели их с надеждой и уверенностью, что они станут стальной защитой советской земли, грудью загородят путь врагу и выстоят в этой смертельной схватке!

Оголенные немецко-фашистские орды рвутся на восток. Мы грели наших бойцов за пазухой еще и для того, чтобы они прислушивались к биению нашего сердца, к беспокойному, тревожному биению сердца народов и перед лицом врага не переставали ощущать это биение.

Кулов повернулся лицом в сторону бойцов, как бы обращая свои слова к тем, кто уходит с эшелоном.

— Родные и близкие наши воины! Мы провожаем вас не на праздник, не в гости! Мы провожаем вас на войну, на фронт, на схватку с врагом! И мы ждем от вас подвигов, мужества, доблести, сыновней верности! Мы желаем вам победы, победы и еще раз победы!

И пусть день, когда мы встретим вас, уже славных победителей, будет таким же солнечным, как сегодня, пусть так же будет наполнять наши сердца ничем не омраченное чувство исполненного долга. За победу! За Родину! За Сталина! Ура!

Еще не смолкли бурные аплодисменты и крики, еще Апчара громче всех кричала «ура» и сильнее всех хлопала в ладоши, как Чока, пробравшись через толпу, тронул ее за локоть.

Апчара стрельнула в него глазами — ну чего тебе? — и продолжала аплодировать, восторженно глядя на трибуну и на товарища Кулова.

— Я к тебе по поручению начальника политотдела дивизии. выступи, скажи несколько слов прощания от имени нашей молодежи. Тебе предоставят слово, поняла?

Апчара даже съежилась от страха.

— Ой, нет, нет, Чока, миленький, не надо, я не смогу ничего сказать!

— Комсомольское поручение. Батальонный комиссар Солтан Хуламбаев тоже просит... Ну и я... Два слова всего. Ты же прощаешься с братом. Что ему хочешь сказать, то скажи всем. Ты всегда умела говорить. На собрании — не остановишь...

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, но тут вмешалась Хабиба:

— Со мной спорить целый день можешь и находишь слова, а тут прикидываешься ягненком. Зачем тебе слова, сердце должно говорить. Люди на войну уезжают. Кто знает, кому из них суждено увидеть родных...

— Иди, иди, пока к трибуне проберешься, надумай, что сказать, — подтолкнула Апчару и Ирина.

Апчара помнила, как Чока взял ее за руку и потянул к трибуне. Но как она очутилась на грузовике рядом, совсем рядом с товарищем Куловым, и как начала говорить, и что говорила, Апчара не помнила.

Как бы ища поддержки, она посмотрела туда, где минуту назад стояли мать, брат и Ирина, но не увидела никого из них. Откуда-то издали послышался голос товарища Кулова:

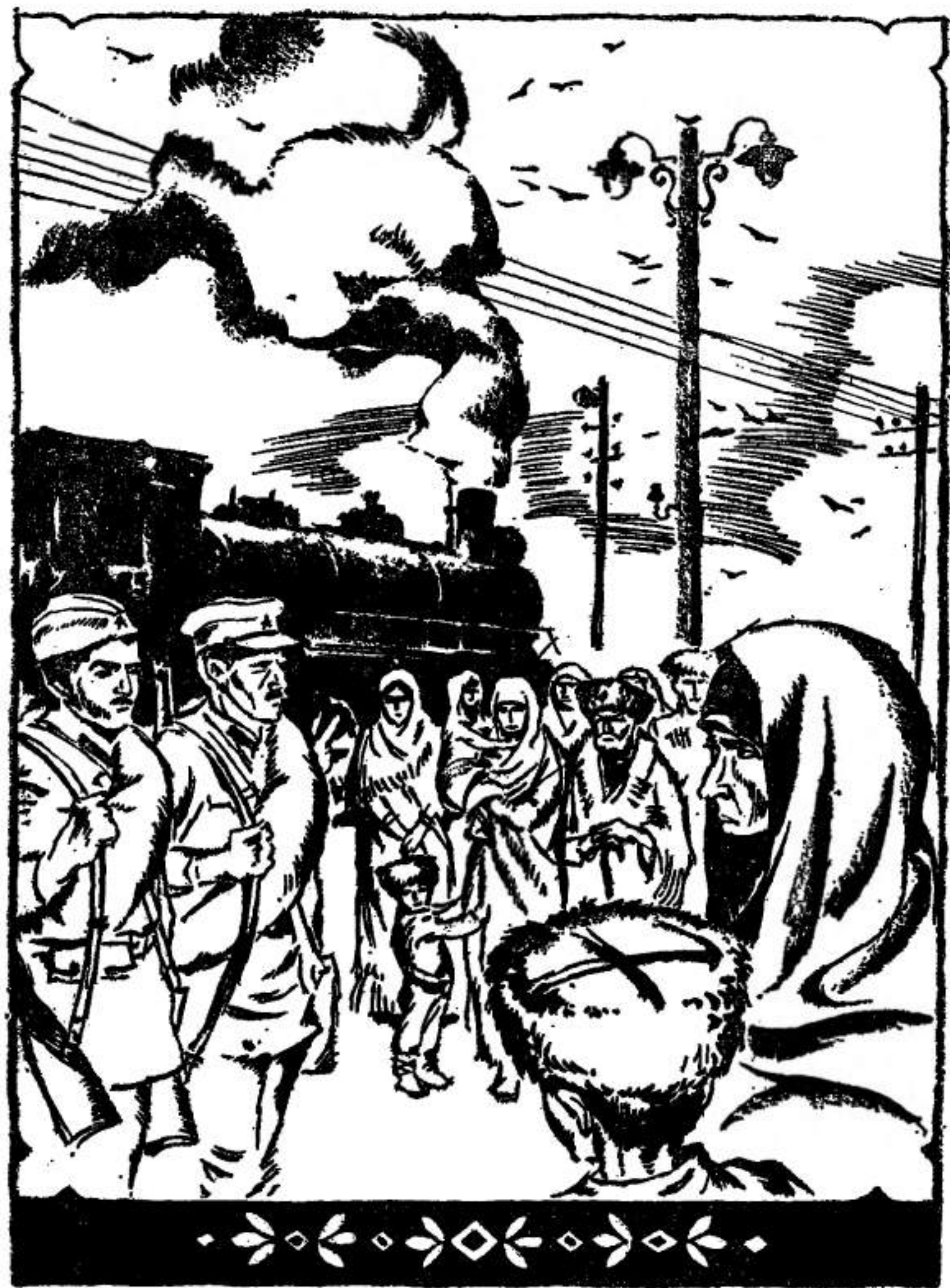
— От имени нашей молодежи слово предоставляется заведующей комсомольской фермой Апчаре Казанокковой.

Перед глазами замелькало и закружилось море женских платков, пилотки резко-защитного цвета, редкие

кубанки, фуражки с синими околышами. Прошло уже несколько секунд тишины, а Апчара все не могла найти первого слова. Толпа понимающе молчала.

— Дорогие наши воины!— Апчара покраснела. На ее щеках появились красные пятна — «флажки», как назы-

вал их Чока.— Брат мой Альбиян!— Голос Апчары креп и становился звонким.— Нам хочется встречать вас, а не провожать. Передо мною одни женские платки и детские головки. Папах мужских не видно. Мужчины на войне. Вы не первые, кто ушел на фронт. Но дай бог,

чтобы после вас, по вашим следам, никто другой не уходил воевать, не оставлял в слезах жен, детей и любимых. Сегодня мы провожаем, отрываем вас от своего сердца. Мы останемся с болью своей. Смотрите — земля в цвету! Оделась в лучший свой весенний наряд, как и девушки наши. Смотрите — горы стоят, как старики на свадьбе, стоят, как стояли от века. Смотрите — вот мы, ваши сестры, матери, жены, — это и есть Родина. Защищайте нас, стойте на пути врага, как умеют стоять горы на пути ветров. Не давайте врагу глумиться над нами, над нашей землей, вы — наша надежда... Слышишь, Альбиян, мой брат родной?.. Слышишь? — Голос Апчары сорвался, непрошенные слезы затмили глаза.

Из толпы совсем рядом подала голос Хабиба:

— Слышит он, дочь моя! Слышит, говори...

Голос матери оказался неожиданным для Апчары. Она растерялась и сбилась, но все уже было сказано, все утонуло в громе рукоплесканий.

Апчара сбежала с трибуны и, покрасневшая, взволнованная, самая счастливая на свете, присоединилась к своим. Альбиян обнял ее, Ирина поздравила, а мать прекнула:

— Ну вот, а ломалась — «не знаю, что сказать». Я-то лучше знаю твой язычок...

Последним получил слово комдив полковник Кубанцев. Положение у него на трибуне было потруднее, чем у юной ораторши. Он понимал, а вернее, угадывал чутьем опытного военачальника, что если неукомплектованную и недовооруженную дивизию включают в состав действующей армии, значит, к этому вынуждают обстоятельства. Как же он может обещать народу, слушающему его, народу, который отдал этой дивизии все, от хлеба до женских украшений, как обещать ему громких побед и громкой славы? Полковник знает уже не один случай, когда свежие дивизии, вступавшие в эту войну, оказывались перемолотыми за несколько дней и оставались от них только номера, да еще — знамена. Кто даст гарантию, что точно так же не будет перемолота и Национальная кавалерийская дивизия? А ведь собравшиеся ждут от него заверений, что он как комдив сохранит дивизию, доведет ее до Берлина и сам потом вместе с ней вернется сюда же, в родное гнездо, на родную землю.

Комдив говорил зычно. Левую руку он держал на поясе — побаливала еще задетая кость, — а правой непрерывно размахивал, словно разбрасывал свои слова во все стороны.

— Родина не забудет ваших жертв. История золотыми буквами запишет ваш огромный вклад в дело победы над врагом. Воины Национальной дивизии, добиваясь победы малой кровью, оплатят вам за заботу боевыми подвигами во славу отечества. Подпирайте фронт своими плечами, как это делаете вы сейчас, а мы, бойцы и командиры, измотаем, искалечим врага на своей земле, а потом прогоним фашистского зверя и добьем в его собственной берлоге!

Ждите нас с победой! Со скорой победой!

Опять гроыхнули «ура» и аплодисменты, но на этот раз к ним примешались крики и истошные вопли женщин. Заиграл горн, подхваченный гудком паровоза. Бойцы, обнимаясь и целуясь с кем попало, побежали к вагонам. Женщины заголосили еще сильнее.

Паровоз запыхтел сначала редко, а потом все чаще и чаще. Состав дернулся и пошел. Полетели по ветру, мгновенно погасая, красные искры. Сначала они вылетали густым снопом, а потом поредели и замерли.

Не так ли будут летать из неведомой дали сначала густо, а потом все реже и реже белые голуби солдатских треугольных писем с обратным адресом: «Действующая армия. Полевая почта номер...»

В ДОЛИНЕ БЕЛЫХ ЯГНЯТ

Привычное всякому машуковцу дедовское название урочища «Долина белых ягнят» ожило и засияло заново, когда там на молочной ферме появились сорок девушек, вчерашних школьниц, в белых косынках и белых фартуках. Целый день звенели девичьи голоса в зеленой долине. Аульские парни, куда бы ни ехали верхом, на заоблачные пастбища, или к табунам лошадей, или, напротив, с гор домой, на побывку, сворачивали с прямого пути и заезжали в Долину белых ягнят.

Командует фермой Алчара. Значит, и сам Чока Мутаев, секретарь райкома комсомола, а по совместитель-

ству еще и начальник штаба пастбищ, не упускает случая побывать здесь.

Хабиба сначала слышать не могла слова «ферма», но привыкла и стала первой помощницей Апчары. Советуя, Хабиба руководствовалась больше приметами, чем зоотехническими знаниями, но Апчара верила каждому ее слову. Апчара знает: все, что ни скажет Хабиба, обязательно сбудется. Зоотехник Питу чуть что открывает учебник, с которым не расстается даже во сне, а Хабиба гадает на фасолях. Или меряет вершками от ногтя на среднем пальце до плеча, а потом от плеча до ногтя. А то еще она умеет гадать по подушечкам на пальцах. Пересчитает их все от большого пальца до мизинца и в обратном порядке и скажет, сбудется твое желание или нет.

Сказала же Хабиба весной, что в этом году будет урожай — не хватит волов, чтобы перевозить, и слова ее, похоже, сбываются. Посулила она Апчаре и небывалый на ферме приплод.

И вот началось для Апчары хлопотливое бессонное время отела. Не успеет положить голову на подушку и забыться сладчайшим сном, как будят, зовут, и надо бежать с фонарем спасать либо теленка, появившегося месяцем раньше, либо корову, которая никак не может растелиться. И надо самой Апчаре решать, что делать: прирезать погибающее животное, чтобы не пропало хоть мясо, или ждать зоотехника.

Появится теленочек, настолько слабый, что не может встать и дотянуться до материнского молока. Лежит на соломе, тельце мокрое, дрожит, судорожно дергается бессильными ножками. Часто простужаются новорожденные телятки. Воспаление легких и — готов. Погиб, не успев даже получить кличку от телятницы.

А Чока между тем шлет директиву за директивой. «Ответственность доярки за каждый литр молока...» «Ответственность доярки за молодняк». «Больше мяса дать фронту». «Словами солдата не накормишь». «У коровы молоко на языке».

Сколько голов надо иметь, чтобы и за то, и за это, и за третье, и за десятое отвечать головой... Ее, бедную голову, и причесать-то некогда. Приедет Чока, придется отвечать непричесанной головой.

Все давно забыли о сне. Вчера доярка так под коро-

вой и уснула. Теленок воспользовался и высосал весь надой. На рассвете, едва забрезжит, девушки, как солдаты в казарме, вскакивают с постелей. За три минуты надо выскочить с подойником и табуреткой. Олоздавшим полагается наряд вне очереди: идти за водой к роднику — триста крутых ступенек.

Вчера Чока «спустил» новую директиву: «Подготовиться к сенокосению. Выделить лучших комсомольцев». Опять «лучших». Где же их наберешься? По такой же директиве Чоки недавно семерых, опять же лучших, послали на курсы ПВО, а самые-самые лучшие еще не вернулись со строительства оборонительных сооружений.

Не закончена подписка на заем. Отвечать головой. Не собрана норма лекарственных трав. И кому же, как не Апчаре, придется отвечать головой за сбор денег на танковую колонну «Красный Чопрак»?

Апчара забыла, когда спала. Удастся прикорнуть в таратайке по дороге из аула на ферму — и то хорошо. Уж лучше бы убежать тогда с Альбияном на фронт. Спрятаться бы где-нибудь под брезентом... Вдруг брат поднял бы брезент — а там сестра. Прогнал бы? Нет! Брат ее любит. На фронте Апчара живо нашла бы себе занятие. По газетам и то видно, как много на фронте девушек. Где бы она сейчас была? Альбиян прислал письмо. Пишет — варили уху из свежей рыбы. Если они ловят рыбу, то где находятся? Не на Дону ли? Конечно, там. Махнуть бы к нему... Полковник, командир дивизии, тогда потрепал Апчару по плечу — хорошо выступила. А к маме переедет Ирина с Даночкой. Они и должны жить вместе. Зачем Ирине строить свое гнездо. Из Одессы эвакуировалось столько народу, что только подавай готовые «гнезда». Хабибе, кроме Даночки, ничего не надо. Так любит, что будь внучка хоть соринкой в глазу, и то не выбросила бы ее из глаза. Смешно смотреть на них, когда бабушка совершает намаз, Даночка садится на молитвенный коврик и тоже как будто молится. А только Хабиба пригнет голову к полу, чтобы положить поклон, Даночка тут же забирается на нее верхом, изображает отца на кове...

Апчара клюет носом, сидя на таратайке; смиренная лошаденка бодренько отбивает шаг по каменистой дороге.

Шагди привыкла к своей новой хозяйке. Апчара совсем не похожа на прежнего хозяина, возившего воду в

тракторную бригаду. Тот был живодер. Сперва полдня простоит у домика на краю аула, а как выйдет оттуда, пропахший водкой и пивом, так и давай нагонять упущенное, хлещет Шагди кнутом, заставляет мчаться галопом прямо по пахоте. Бочка тарахтит, вода плещется. Ну, правда, потом снимут хомут, распрягут, и гуляй себе до следующего дня. А теперь хозяйка ласковая, тихая, вон и сейчас задремала — голова свесилась на плечо, плетка волочится по земле, но зато покоя нет ни днем, ни ночью. Только и знай: с фермы в аул, из аула на ферму.

Апчара дремлет и не дремлет. В руке газета со сводкой Совинформбюро, в голове обрывки мыслей — не мыслей, картинок — не картинок. Полковник, комдив, брат рыбу ловит, брезент, газета со сводкой. Каждый день надо проводить на ферме организованную читку газет, держать девушек в курсе событий. Вчера ее спросила доярка: «Что такое напряженные бои?» В самом деле, разве бывают бои ненапряженные. Спросила у Чоки, но и он ничего не ответил. Напряженные — значит напряженные. В сегодняшней сводке опять то же самое слово. Но бои переместились в район Богучар. Могут спросить во время читки: где находятся Богучары? Сколько километров до этого города? Посмотреть бы карту. Кажется, был в школе паренек, эвакуированный из Богучар.

Шагди чокает и чокает по дороге: только-так, только-так, только-так. Апчара дремлет — не дремлет. Но вот совсем новый, холодный и влажный воздух коснулся чутких и опытных лошадиных ноздрей. В небо из-за горы вывалилась огромная и низкая черно-белая туча. Странно, что хозяйка не торопит на ферму. Лошадь сама прибавила шагу.

Порыв ветра вырвал газету из рук полудремлиющей Апчары, растрепал ее волосы, влагой плеснул в лицо. Апчара дернула за вожжи, но так, что лошадь и не почувствовала на губах боли. Ангел по сравнению с прежним возчиком. Тот, бывало, как дернет — зубы вышибал удилами.

Туча клубилась и опускалась все ниже, сползала по склону горы. Стало совсем холодно, запахло водой и как будто льдом. Все небо сделалось похожим по цвету на кипящий котел с калмыцким чаем, когда в котел нальют молока, а черный чай еще не успеет перемешать-

ся с белым молоком. К черному и белому цвету добавились багровый и желтый, словно выплеснули в тот калмыцкий котел еще и крови и словно огонь просвечивает сквозь него. Апчаре стало страшно. Она энергичнее задергала вожжами, но лошадь и так торопилась по дороге, круто ведущей в гору, как раз туда, ближе к туче.

Упали первые крупные капли дождя. Как бы предупредили об опасности. Вокруг горы Бермамыт совсем потемнело, словно все ущелье накрыли сверху огромной буркой. Внезапно ударил град. Боясь, что прибьет, Апчара озиралась, ища укрытия. В стороне от дороги стояла истерзанная ветрами дикая груша. Под нее и заехала Апчара. Вместе с градинами на мокрую спину лошади посыпались нежные еще, сбитые острым льдом листочки, — здесь, в горах, деревья зеленеют позже, чем внизу, в ауле.

Склоны гор побелели от града. Потoki воды и глины хлынули на дно ущелья, в Чопрак, который мгновенно вспучился и взревел.

Вдруг Апчара вспомнила, что телятник у них на ферме расположен как раз в русле ливневых вод. Чока не раз предупреждал ее: «Или уберите телят с этого места, или научите их плавать. Первый же хороший дождь смое телятник со всем его содержимым».

У горбатого и мысли в голове — горбатые. Как могло взбрести на ум недотепе зоотехнику приспособить крутые берега русла под телятник? Только и знает разносить готовые бланки о списании павших животных, уже подписанные им впрок. Ставь число, количество голов и сдавай в правление. Приедет верхом и, не слезая с лошади, издевается над девушками: «Придется вам делить меня на таблетки, а то всем не хватит». Горбун несчастный! Раньше никто бы на него и смотреть не стал, а теперь — первый парень в ауле, потому что остался один на весь аул.

Когда прежнего зоотехника взяли в армию, председатель колхоза увидел как-то раз этого Питу с учебником в руках.

— Ты что, заочник? Почему с учебником ходишь?

— Заочник, — пошутил Питу. — На третьем курсе.

Председатель обрадовался, словно у него родился сын.

— Значит, теория у тебя в руках. Тебе, значит, практики не хватает. А мне не хватает зоотехника.

Пыту с тех пор не расстаётся с тем самым учебником, благодаря которому сделался колхозным зоотехником, иногда заглядывает в него, произносит вслух непонятные слова, чтобы пустить пыль в глаза.

А как теперь Апчара будет оправдываться перед Чоккой?

Впервые Апчара хлестнула лошадь так же больно, как прежний пьяница-водовоз. Шагди не поверила, что хозяйка хочет ехать в такую погоду, и, прежде чем тронуться, оглянулась назад. Тогда Апчара ударила кнутом еще раз.

Град по таратайке бил гулко и громко. Апчара вытащила из-под себя войлок и накрылась им. Лошадь металась от ударов града, мотала головой, вздрагивала. Но всякий раз, когда хотела оглянуться, усомнившись в действиях Апчары, получала удар хлыстом, и был этот удар сильнее града.

Горы гудели, как барабан. На могучий зов дождя и града они отзывались бесчисленными потоками воды, ревущими, грохочущими, сдвигающими тяжелые камни.

Но впереди и вверху, откуда летели рваные облака, внезапно сверкнуло солнце. Небо так же быстро, как и потемнело полчаса назад, очищалось и становилось сияюще-синим. Град больше не барабанил и не стучал, он только шуршал под колесами и под копытами лошади. Воздуха, промытого ливнем, словно не было. Отдаленные склоны гор приблизились. Явственно и резко, как под увеличительным стеклом, различалась каждая складочка на них. Снежные шапки ослепительно горели, но по краям на них лежала голубая тень, и они как бы отливали небесной голубизной, как бы плавали и таяли в ней.

Молния полыхала ниже по течению Чопрака, в стороне от аула. Там теперь гуляет и бесчинствует грохочущая масса дождя и града. На мгновение перед глазами Апчары возник сад в молодых листочках. Видно, на этот раз не сбудется предсказание Хабибы, не будет большого урожая.

Впереди у подножия горы показались приземистые длинные коровники. Рядом — домик, в котором живут доярки. Шагди еще прибавила шагу, словно стараясь

доказать, что недаром она несет гордую кличку коня из кабардинской легенды.

Хабиба любит говорить, что беда идет дорогой предчувствий. Еще издали увидела Апчара, как доярки суматошно бегают вдоль берега, там, где недавно был телятник. Девушки беспорядочно кричат. Апчара не может разобрать, что они кричат, но, наверно, зовут на помощь. Мокрых телят они таскают к своему домику. Апчара спрыгнула с тележки, побежала к ним.

— Что случилось? Что случилось? — кричала она.

Но и так было видно, что случилось.

Бледная и мокрая Азиза по пояс стоит в ледяной воде. Она вылавливает из потока беспомощных телят и толкает их к дояркам, стоящим на берегу. В хлезах беснуются и режут коровы, чующие беду. Продрогшие телята жалобно отвечают им.

Увидев Апчару, девушки наперебой затараторили, но слушать их было некогда. Апчара полезла в поток помогать Азизе. Она подала руку посиневшей, от холода подруге, но одна беда накликала другую — Азиза уронила теленка, и его подхватило и понесло потоком. Азиза в ужасе выскочила на берег и побежала вниз по течению. Она видела, как теленок то всплывает, то исчезает под водой, мчащейся к Чопраку.

— Азиза, Чернушку спасай, Чернушку! — кричали девушки вслед. Побежала и Апчара. Азиза с ходу прыгнула в воду, поплыла, потом встала спиной к огромному валуну, выступавшему из воды. Это была надежная опора, но поток здесь оказался глубоким, и Азиза хлебнула воды. Апчара заметила почему-то белые градины, запутавшиеся в черных и густых волосах девушки. Азиза нацелилась и, нырнув, подняла над головой полуживого теленка.

— Утонешь, брось! — закричала Апчара, но Азиза ничего не слышала.

Апчара подхватила теленка, положила его на берег и хотела помочь Азизе выбраться из воды, но Азизы уже не было. Мелькнула ниже по течению черная головка. Девушки заголосили:

— Азиза тонет!

— Тонет, скорей!

Апчара знала, что ливневый поток вблизи делает изгиб. Она добежала до этой излучины раньше, чем туда

принесло Азизу. Апчара вошла в воду, готовая броситься на помощь. Азиза все еще боролась. Она старалась зацепиться за камни, но заочеченевшие пальцы не слушались. Она поняла, что уходят последние силы, темнеет в глазах, но тут сильные руки Апчары схватили ее и выволокли из воды на мокрую глину.

— Ты жива, моя сестрица? Скажи, жива, да?— Апчара плача целовала полуживую Азизу, оттаскивая ее дальше от берега, на траву. Подоспели и девушки. Апчара еще в школьном кружке медсестер научилась приемам искусственного дыхания. Теперь пригодилось. Девушки, как могли, помогали ей приводить в чувство подружку. Осторожно снимали кровь со ссадин, выжимали одежду.

Но Азиза никак не приходила в себя. Она открывала глаза, не узнавая, смотрела на подруг и снова проваливалась в темноту, перемешанную с градом, с горами, с небом, с мутным потоком и с телятами.

— Азиза, не умирай, очнись, Азиза!— повторяла Апчара. Она стояла около нее на коленях, не чувствуя, как градины впивались в порозовевшую кожу. Равномерно она откидывала руки Азизы на затылок, а потом снова прижимала их к груди.

— Ты не должна... Азиза, очнись, погляди на меня... ты не должна!

Когда Азиза открыла на минуту глаза и что-то невнятно прошептала, подруги поняли это как спасение и потащили больную в дом, чтобы уложить в теплую постель.

В избушке было полно телят. Они лежали на полу, укрытые одеялами, а то и на койках доярок. Жалобным мычанием они звали своих матерей и просили теплого молока. Только Чернушка, из-за которой едва не погибла Азиза, лежала в углу, не подавая признаков жизни.

Азизу раздели. Апчара достала из своего сундучка сухое белье и кое-как натянула его на «утопленницу». Азизу уложили в постель и накрыли одеялами. Достали и таблетки от простуды, но никак не могли добиться, чтобы Азиза проглотила их.

Оставив двух девушек у постели больной, Апчара побежала к телятнику. По дороге она увидела, что так и не распрягла свою лошадь. Шагди дремала, грея на

солнышке свою побитую градом спину. Из глубины ущелья слышался неукротимый торжествующий рев Чопрака, дорвавшегося до тех валунов, которые не в силах был сдвинуть с места в обычное время, а теперь ворочал и кувырчал, как хотел, катил их вниз, и подводный грохот камней глухо отдавался в ушах, прежде чем смешаться с шумом самой воды.

Доярки вытащили последнего теленка, когда полуостровок совсем уже залило водой. Теперь предстояло спасти телят от простуды. Пока у девушек было дело, пока они таскали телят от воды к избушке, у них была и энергия, а теперь они совсем растерялись и расхныкались. Они столпились вокруг Апчары, словно она сейчас одна снимет все заботы. Апчара, и верно, взяла себя в руки.

— Ну, чего разревелись? Приберегите слезы на черный день.

— Ты сама плачешь.

— У меня слезы от ветра. Девочки, сестры мои, нам и поплакать времени нет. Надо спасти телят. Они простудятся и подохнут. На Питу надежды нет. Он придет завтра, а может, и послезавтра. Его разве найдешь, когда надо? Да и какой от него толк? Дневной надой — весь телятам! Напоим досыта всех телят парным молоком...

— А как же план? Молоко для фронта?

— Это — моя забота. Сама поеду в штаб, объясню. Пусть снимут меня с работы, но телят надо спасти.

Коровы волновались. Они собрались вокруг дома на жалобное мычанье телят. Девушки расхватали подойники, и ударили, зазвенели о пустые ведра упругие молочные струи.

Между тем Азизе становилось все хуже. Она металась в жару, хотя девушки то и дело клали ей на лоб холодный компресс. Казалось, в избушке душно именно от этого жара.

«Если к утру не полегчает, отправим в больницу», — решила про себя Апчара. Но и к утру легче не стало. Жар как будто даже усилился. Азиза начала бредить, дышала она прерывисто и часто, на лбу у нее выступил холодный пот.

И тут показался на своем коне зоотехник Питу. Девушки еще издали узнали его. Да и как не узнать, если

во всей Чопракской долине нет второго такого всадника. Его горб выглядит так, словно под рубашкой на спине этот горемыка носит хорошую тыкву. Обычно доярки не обращали никакого внимания на приезд «начальства», даже старались подальше держаться от горбуна и от его «горбатых» шуток, но сейчас бросились ему навстречу. Зоотехник держался важно. Свой горб он носил как охранную грамоту, избавившую его от призыва в армию и теперь гарантирующую безмятежную жизнь среди этих красавиц в Долине белых ягнят.

Увидев, что девушки дружно бегут навстречу, Питу самодовольно ухмыльнулся. Наконец-то дошло до них, что хорошему жениху горб не помеха. Все бегут, только выбирай. На первом месте, конечно, Апчара. У нее, правда, есть Чока Мутаев. Но кто знает, долго ли ему ходить в пиджаке. Последних парней забирают на фронт. Дойдет очередь и до Чоки.

Апчара оказалась первой среди бегущих.

— С фронтовым приветом, — козырнул Питу, — всеобщий салам!

Но девушкам было не до шуток.

— Клянусь, никогда ты не появлялся так кстати, как сегодня. Аптечка с тобой?

— А что случилось? Не подрались ли вы из-за меня? И кто, интересно, одержал верх, кому я достался? — Питу не слезал с коня. Он всегда делал так, потому что снова садиться в седло ему было нелегко. Он не вскакивал на коня легким прыжком, едва коснувшись стремяни, как это делают настоящие джигиты, но карабкался, как паук, хватая лошадь за загривок. — Апчара, не тебе ли я понадобился?

— Ты нужен не мне, Азизе...

— Азизе?! Ничего не выйдет. Я за дружбу народов, но к языкам наклоностей не имею. Чтоб с тещей объясняться, надо выучить и абазинский язык. А дети? О них вы не подумали. С мамой на одном языке говори, с папой на другом. Потом подрастут, пойдут в школу — переходят на русский язык. Нет, это не для меня.

— Тебе самому придется выучить русский язык, чтобы ответить перед Советской властью! Слезай с коня! Там Азиза умирает!

Питу растерялся. Он только что собирался достать из полевой сумки готовые бланки на списание падежа и

ехать дальше, а тут, видимо, придется на виду у всех сползать с коня.

— А что — заболела?

— Тонула.

Наперебой девушки рассказали все, как было.

Питу нехотя зашел в дом. Увидев на полу телят, прикрытых одеялами, подушками или просто войлоком, чуть не рассмеялся. Перешагивая через них, подобрался к кровати Азизы. Девушка лежала в забытьи и, казалось, уже не дышала. Питу потрогал мокрый лоб девушки и изрек:

— В больницу. Срочно в больницу.

Да, напрасно Апчара ожидала от Питу помощи. В болезнях людей зоотехник разбирался не больше, чем в любой другой науке.

Апчара не хотела отпускать зоотехника ни с чем.

— Уколы бы сделать телятам.

Но у Питу, конечно, не оказалось ни шприца, ни нужных ампул. Он отвел в сторону Апчару и с видом строжайшей тайны вручил пакет с сургучной печатью.

— Вскрывать имеешь право только ты,— строго сказал зоотехник.— И вот тебе на всякий случай еще пачка готовых актов с подписью и печатью правления колхоза. Будешь списывать павшее поголовье.

Кое-как вскарабкавшись на коня, Питу уехал. Надеяться больше было не на кого.

ЦЕЛЕБНЫЕ ТРАВЫ

В пакете, который с таким важным и таинственным видом вручил Апчаре зоотехник, содержалась новая директива: «Немедленно организовать сбор лекарственных трав, используя для этой цели школьников, тимуровские команды во главе с преподавателями ботаники». Апчара ничего не понимала в лекарственных травах, но ее успокаивало то, что Ирина Федоровна кончила медицинский техникум и наверняка знает лекарственные травы лучше, чем преподаватель ботаники. Объявив в школе сбор тимуровских команд, Апчара поехала к Ирине. Договорились, что Ирина придет в аул, оставит Даночку Хабибе, а сама пойдет с ребятами в горы, на альпийские луга.

Хабиба с утра заняла место у ворот и, едва Ирина и Даночка показались из-за поворота, на всю улицу запричитала, путая русские слова с кабардинскими:

— Внученька моя, чтобы я стала тебе мягкой пленкой, иди ко мне. Аллах, пошли моей внучке райских птиц. Да сохранит он вас на радость сыну...

Хабиба хотела еще что-то сказать, но ей не хватило русских слов. Она перешла на восклицания, на ахи и охи, на лепетание.

— А тю-тю-тю, птенчик мой, а лю-лю-лю, чернокрылая ласточка моя, свет моих глаз!..

Ирина прибавила шагу, а Даночка и так бежала впереди нее, торопясь к бабушке. Она уже привыкла к ее восклицаниям, хотя и не понимала слов. Однажды даже спросила: «Мама, почему бабушка говорит непонятно?!» Ирина ответила: «Потому что она говорит не по-русски».

Теперь, чтобы наговориться вволю, сноха и свекровь пустили в ход весь запас своих слов. Хабиба знала столько же русских слов, сколько Ирина знала кабардинских. Обе они выписывали руками замысловатые фигуры и знаки и — казалось им — прекрасно понимали друг дружку. По кабардинскому обычаю они троекратно, торжественно обнялись.

Даночка между тем пустилась по двору, гоняясь за цыплятами. Она падала, поднималась и вновь старалась поймать пухленьких светло-желтых цыплят. Наседка, защищая своих детенышей, налетала на Даночку и даже больно клюнула. На помощь перепугавшейся внучке прибежала бабушка с хворостинкой. В доме Даночку ждало особое угощение — каймак. Хабиба еще вчера вечером кипятила молоко, а пенку с остывающего молока намотала на самшитовую ложку и поставила сушить.

Альбиян очень любил каймак. Бабушка хотела, чтобы и внучке понравилось это лакомство. Теперь, когда появилась корова, Хабиба целыми днями возится с молоком: сбивает масло, варит сыр, на зиму задумала поставить кадушку кундапсо — особой простокваши, которая сохраняется месяцами.

Рано утром, когда Даночка еще спала, у ворот раздалась песня тимуровцев. Их вел директор школы Василий Захарович, старый и больной человек. И он откликнулся на призыв Апчары, вчерашней своей ученицы.

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров...

Василий Захарович не знал, когда и с кем разучили ребята эту песню. Наверно, переняли у курсантов пехотного училища. Те распевали ее каждый раз, когда шли на занятия за кирпичный завод. Не все слова русской песни были понятны ребятам, но они знали, что это — военная песня, и воображали себя настоящими воинами. Поэтому громко, как могли, приподнято, повторяли:

Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!

Сбор лекарственных трав был для них первым военным походом. Если они о чем-нибудь и могли сейчас мечтать, то о бравом, боевом командире, таком, как Альбиян. То, что их поведет в горы, в Долину белых ягнят, на боевое тимуровское задание сноха Хабибы, слегка омрачало воинственное настроение. Но кто знает, может быть, она умеет подавать команды не хуже самого Альбияна.

Василий Захарович тоже русский, но он живет здесь уже давно, когда не было еще и самих этих ребят. Он не раз рассказывал ученикам о Долине белых ягнят, и теперь она в воображении ребят рисовалась вся в сочной зелени и ярких цветах, среди которых носится множество белых ягнят. Подходи и лови любого ягненка. Ягнята там никогда не болеют, травы же лекарственные! Но теперь ягням придется поделиться и уступить часть целебных трав для раненных на фронте бойцов. Но ничего, ребята оставят в долине достаточно травы, чтобы белые ягнята не заболели.

По совету старого учителя каждый тимуровец привязал к своему поясу большую кружку. Посудой наши герои запаслись не ради походных тягот. Травы придется искать вблизи молочнотоварной фермы. Надеялись, что угостит Алчара парным молоком. Конечно, вместо этих нелепых кружек хорошо бы надеть на пояс патронную сумку, а еще лучше гранату, но что сделаешь, это же первое задание. Может быть, дальше дело дойдет и до гранат.

Василий Захарович и сам пошел бы с ребятами, но старость и слабость не пустили его дальше ворот Хабибы. Присел на скамеечку, оперся руками на палку,

взгрустнул. Как бы хорошо хоть еще один раз в жизни побывать в Долине белых ягнят, вдохнуть горный воздух, распрямить плечи. Не дано.

К школьникам вышла Ирина Федоровна. Ну и Хабиба тут как тут. Без нее разве бы обошлось. Старик передал Ирине своих питомцев, наказал им последний раз слушаться нового руководителя, вести себя, как подобает тимуровцам, и, не дожидаясь, когда отряд тронется, заковылял к школе. Там его ждали другие дела и заботы.

Светловолосая женщина со вздернутым носом и добрыми серыми глазами никак не походила на строгого боевого командира и тем самым сразу же не понравилась ребятам. Приходилось утешать себя только тем, что как-никак она из Москвы. Может быть, она знакома даже со Сталиным. Нашелся даже такой тимуровец, который шепнул своему соседу, будто эта собирательница трав приехала сюда по приказу Ворошилова. Это походило на правду. Ведь сам Василий Захарович привел к ней ребят.

Ирина работала в школе, поэтому умела обращаться с детьми. Она ловко построила их попарно и повела. Тимуровцы снова запели свою военную песню.

Встревоженные песней аульские псы выскакивали на улицу, громко лаяли, стараясь внушить страх дерзким мальчишкам. Высыпали на улицу и мальчишки-малыши. Они с завистью глядели на тимуровцев, марширующих посередине улицы, думали, что отряд уходит прямо на войну, и готовы были присоединиться к счастливым.

Хабиба, сложив на животе худые натруженные руки, долго глядела вслед Ирине. Теперь все прошло и загладилось, но временами что-то похожее на угрызение совести подкрадывалось к сердцу старой женщины. Немало боли причинила она на первых порах этой доброй и ни в чем не виноватой москвичке. К тому же Апчара напугала тогда молодую невестку кабардинскими обычаями. Получилось, по словам Апчары, что мать и сестра могут помимо брата выдворить нежелательную сноху из дома и привести другую, по сердцу. Но, конечно, Апчара никогда бы не посмела наговорить Ирине таких вещей, если бы не знала настроения матери.

Однажды она случайно подслушала разговор Хабибы

с соседкой Данизат. Обе вспоминали, как выходили замуж.

— Скажи на милость, — Хабиба высыпала на кошму горсть фасолей, но, вместо того чтобы посмотреть на их расположение, взглянула в лицо соседки, — разве у русской женщины губы мягче, чем у какой-нибудь кабардинки? Почему мой сын женился на москвичке? Как нам с ней объясняться и разговаривать? Не дай мне бог свалиться в постель. Попросишь сноху подать чашку воды, а она протянет тебе веник. Я ее языка не знаю, она моего. Как нам быть?

— Пусть моим врагом станет аллах, — охотно подхватила Данизат, — если я пущу иноплеменную сноху через порог, я иноязычную и видеть не захочу. Мой Чока еще не набрался ума, хоть выглядит взрослым. За него буду думать я. Он женится на той, на ком я скажу. Разве Альбиян поступил бы так, если бы был жив Темиркан? Ты дала ему много воли.

При упоминании Темиркана Хабиба и совсем забыла о фасолях.

— Здоровьем пышат твои слова, дорогая Данизат. Сколько раз Темиркан, да будет земля над ним белым облаком, говорил: ослабишь родительские поводы, переступит сын через все запреты, как через конский помет на дороге. Ну да теперь ничего не сделаешь. Теперь поздно. Даночка, дай бог ей дожждаться девичьего счастья, как звонкий руческ между родительских берегов... Твой Чока хоть и не живет под материнской крышей, в начальство вышел и перед всем районом стоит на виду, а слушается тебя.

После этого подслушанного разговора Алчаре взбрело на ум напугать Ирину. Пришелся случай, и она рассказала доверчивой москвичке притчу — не притчу, быль — не быль, историю, которую придумала сама тогда же, во время разговора Хабибы с Данизат.

Привез кабардинец молодую жену и сказал матери: «Вот твоя сноха. Передай ей права в доме, пусть будет она держательницей огня в твоём очаге».

Поглядела мать на сноху, и не понравилась ей молодая сноха. Дождалась, когда сын уехал зачем-то из аула, и попросила в колхозе подводу, будто на мельницу. А сама вместо кукурузы положила на телегу чемоданы

снохи, да и саму ее посадила сверху. Привезла в город, купила билет до Прохладной и сказала:

— Дальше сама дорогу найдешь. Поезжай домой. Если дома спросят, скажи: дым в очаге слишком едкий. Не дураки родители, так сами поймут. Вот как у нас делают,— добавила Алчара словно бы от себя.

— А что это значит — дым едкий? — притворилась Ирина, будто не понимает.

— Не принял, значит, дом сноху. И одна ей дорога — назад к родителям.

Алчара помолчала, довольная тем, что ее рассказ произвел свое действие, и вдруг огорошила Ирину:

— А тебе и билет можно не покупать. Ты же незаконная жена нашего Альбияна.

— Как незаконная?

— А так. Мулла не скрепил ваш брак. И не скрепит. Потому что ты не мусульманка, а православная.

Потрясенная Ирина обо всем рассказала мужу. Альбиян сгоряча чуть не ударил сестру, но потом сдержался и лишь пригрозил, нарочно в присутствии матери:

— Если услышу еще раз что-нибудь подобное, обрею наголо, будешь как репа.

Ирина не поняла, почему так испугалась Алчара этой смешной угрозы. Она не знала еще, что нет большего позора для девушки, чем если ей отрежут волосы, а для мужчины — за трусость обрезают усы.

Альбиян заставил сестру извиниться перед Ириной, но все равно москвичка и до сих пор боится как огня кабардинских обычаев.

Уже далеко ушли тимуровцы, уже и песни их стало не слышно, а Хабиба все еще глядела вдоль улицы, по которой увела кабардинских ребят ее сноха, москвичка Ирина Федоровна, мать ее внучки Даночки.

Тут и Даночка подала свой голос из дома, проснулась. Хабиба заторопилась на голосок внучки. Опять с вечера уж был приготовлен каймак.

Между тем Ирина вела ребят в горы. Чтобы сберечь их силы, она запрещала им разбегаться по сторонам, карабкаться на скалы, дурачиться.

— Не на прогулку идем,— говорила Ирина.— Сколько раненых лежат в госпиталях в ожидании излечения. Наши травы помогут им встать на ноги и снова драться с врагом.

Устроив привал, Ирина решила познакомить юных сборщиков с некоторыми травами. Образцов у нее не было. Приходилось показывать картинки, нарисованные в книжке. По этим картинкам дети учились распознавать растения.

Ребятам очень понравилось название «пастушья сумка». На стебельке расположены длинной белой кистью белые цветочки. Верхние еще цветут, а нижние уже отцвели. Из них образовались зеленые лепешечки с семенами. В середине вздутые, а по краям словно сшитые. В самом деле — пастушьи сумки.

Немало удивились дети, когда Ирина Федоровна назвала очень полезной травой обыкновенную наперстянку. Этих цветов сколько угодно растет вокруг аула, не надо бы ходить за ней в горы. Множество розовых колокольчиков повисло на стебле. Сверху самые мелкие колокольчики, чем ниже — тем крупнее. Кажется, если бы звенели колокольчики, то у каждого был бы свой звон, но все вместе они издавали бы слаженную музыку. Рассмешил детей куст дурмана. Кто из них не срывал белые мешочки его цветов, чтобы хлопнуть ими по лбу себя или зазевавшегося товарища. Раздается щелчок, что твой выстрел.

— Будем его собирать там, где пасется скот, около хлевов, загонов, около куч навоза. Он любит жирную почву.

Урок оказался увлекательным, и Ирина Федоровна окончательно завоевала расположение ребят. Они и не заметили, что уже подошли к Долине белых ягнят.

Но тут произошло интересное событие. В безоблачном небе над снежными горами показался маленький самолет. Ребята замерли на месте. «Военный» — нашлись знатоки. Ни у кого не было сомнений, что это свой самолет летит с задания или вылетел для тренировки. Самолет над горами летел высоко, и опознавательных знаков не было видно.

Вдруг в синем небе появился рой белых точек, словно кто-то высыпал горсть тех самых белых цветочков пастушьей сумки. За самолетом образовался белый след вроде облачка, которое быстро редело и расплывалось. Вскоре белые точки стали похожи на голубей. Они росли, летели и трепетали.

— Листовки,— сообразила Ирина.— Но для чего разбрасывать их на заоблачных лугах? Кругом одни табунщики, чабаны, пастухи.

Ребята обрадовались происшествию. Они с криком бросились навстречу листовкам, подпрыгивали, чтобы скорее достать и схватить. Легкие листки относило в сторону, а те, которые падали на землю, подхватывал ветер, и они улетали снова. Тимуровцы гонялись за ними. В азарте ребята вышли из подчинения Ирине и, не обращая внимания на ее окрики, носились по склонам гор. Кому-то пришло в голову, будто это летчики указывают тимуровцам, где надо собирать лекарственные растения.

Ирина тоже поймала одну листовку и вздрогнула от неожиданности, увидев на листке фашистскую свастику. Пробежала глазами.

— Это нам летчики салам шлют, да, Ирина Федоровна?— спросил сероглазый Нашхо, ученик пятого класса, озорник и выдумщик.

— Скорей соберите мне все листовки! Слышите? Кто не отдаст — вернется в аул. Того не возьму с собой!— Руки у Ирины дрожали.— Это фашистские листовки! Их бросили немцы. Соберите их и несите ко мне.

— Устроим костер!— обрадовался Нашхо.— У кого есть спички?— Курильщики не хотели разоблачать себя, поэтому мальчишки долго рылись в карманах, но все же кто-то извлек из-под шапки спичечку и кусочек от коробка.

Листовки бросали в кучу. Дети не так хорошо владели русским языком, чтобы понять, что это за бумаги, но слово «фашистские» они понимали. Ирина не стала им рассказывать, что немецкий генерал Руфф объявляет о взятии немецкими войсками Харькова и о предстоящем наступлении на Кавказ. Он предлагает горцам распахнуть ворота перед победоносными германскими войсками. Он обратился к народам Северного Кавказа со словами: «Германские войска несут всем освобождение от коммунистов и евреев, а малочисленным народам Кавказа — от векового ига России. Оказывайте им всяческое содействие».

Самолет между тем, сделав свое дело, исчез за облаками.

Нашхо поджег кучу листовок. Ветерок раздувал огонь. Но тут двое мальчишек, бегавших за листовками

чуть ли не до самого гребня горы, вернулись и, запыхавшись, наперебой рассказали о двух парашютах, на которых спустилось что-то черное и тяжелое. Парашюты упали в лес в излучине Чопрака. У Ирины оборвалось сердце. Ей хотелось повернуться и убежать в аул, увести детей. Но до фермы теперь было ближе. Низкие и длинные коровники уже виднелись у подножия горы. Каких-нибудь тридцать минут ходьбы. На ферме живые люди, десятки девушек, там Апчара, а она боевее иного парня.

Ребята теперь уже не бегали и не резвились. Дыханье войны коснулось их, они присмирели. Шли торопливо, молча, гурьбой. Догадками и предположениями делились шепотом.

Апчара, вопреки ожиданиям Ирины, встретила отряд радостными возгласами, словно пришли не тимуровцы, а настоящее войско, спасители. Она обняла свою сноху и доверительно зашептала:

— Знаешь, у меня гости. Парашютисты... Не знаю, кто они, а спросить боюсь.

Ирина чуть не упала со страху. Значит, мальчишки были правы.

Оказывается, Апчара видела тимуровцев, когда они шли сюда. Видели ребят и парашютисты. Они озабоченно спросили, что это за люди, но, узнав, что идут школьники собирать лекарственные травы, успокоились. Вошли в дом и завалились спать, как видно, устали. Не попросили даже поесть.

— У меня уже есть план, — шептала Ирине Апчара. — Пошлю тайком гонцов к Чоке Мутаеву. Пусть придет и проверит у них документы. А ты оставь при мне двух ребят.

— Надо оставить всех ребят, — дрожа, советовала Ирина. — При детях не будут нападать. А останешься одна, мигом убьют. Будем все вместе.

— Нет. Приедет Чока, вдруг начнется перестрелка. Пойдут в ход гранаты. Попадут в детишек...

— Ну хорошо, оставлю тебе Каса и Нашхо. Очень смысленные мальчишки.

Остальных детей Ирина повела подальше от фермы собирать целебные травы. Она понимала, что главные события и волнения еще впереди.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Апчара давно разбила свой будильник, но тем вернее научилась она определять время и ошибалась не больше, чем на пять минут. Ей помогали горы, окружавшие Долину белых ягнят. Они стали для Апчары циферблатом часов, гигантским и прекрасным. Таких часов наверняка не было ни у кого в целом свете.

Самая левая вершина, похожая на свадебный венец или даже на царскую корону, считалась у Апчары цифрой пять. Как только лучи солнца ударят из-за нее подобно сиянию от золотого венца, надо хватать подойник и доить коров. Первая утренняя дойка. Дальше по порядку пойдет двугорбая гора Мамат. Когда солнце коснется левого горба, молоковозу пора везти молоко на сыроваренный завод. Когда солнце передвинется к правому горбу, надо собирать девчат, выстраивать их в две шеренги и проводить занятия по программе военного кружка. Гора Кабля означает полдень. Дневная дойка. Пастух знает это время и гонит коров на ферму. Если же солнце подкрадется к горе Тещины зубы и наденет на самый правый зуб золотую коронку, считай, что рабочий день окончился.

Посылая в штаб своих секретных гонцов, Апчара взглянула на солнце так же привычно, как люди смотрят на ручные часы. Оно подплывало к Кабле, то есть к полдню.

Оставшись на кухне с двумя тимуровцами, она разговаривала громко, чтобы неизвестные люди, свалившиеся с неба, не думали, что она одна.

Мальчики оказались послушными. Они с полуслова понимали Апчару, все исполняли быстро, бегали бегом. Они все умели делать, что ни заставь, даже просеивали через сито муку.

Отсюда, от фермы, было видно, как недалеко от сенокоса, где девушки копнили сено, рассыпались и тимуровцы с Ириной Федоровной во главе. На зеленом альпийском ковре дети казались яркими пятнышками, среди которых выделялись те, что были в белых войлочных шляпах.

Мужчины за стеной не подавали никаких признаков жизни, но их присутствие Апчара чувствует каждую секунду. Иногда украдкой она взглядывает в дырочку,

образовавшуюся в старой саманной перегородке. Сквозь эту шелку девочки обычно спрашивали у поварахи Азизы, скоро ли будет готова еда. Азиза сердилась и не раз замазывала дырку глиной, чтобы проголодавшиеся нетерпеливые доярки не надоедали ей. А теперь вот дырочка пригодилась.

Апчара видит двух мужчин, развалившихся на девичьих кроватях. Рядом с ними на полу мычат больные телята. «Как бы не разбудили гостей прежде времени». А может быть, Апчара зря послала мальчишек в штаб. Вдруг эти парашютисты — добрые люди, слушатели курсов ПВО, на которые хотела поехать и сама Апчара. Но — нет, не ошибается Апчара. Она видела, как парашютисты, ложась спать, спрятали под подушки пистолеты. Рядом с кроватью у изголовья стоят тяжелые ранцы из телячьей кожи. Один из «гостей» сказал: «Хъачабз, дай напиток».

Котел уже закипал. Ребята кололи дрова. За перегородкой замычала Чернушка, пытаюсь встать. Сейчас разбудит!

Но с горы, поднимая рыжую пыль и скрипя тормозами на крутых поворотах, уже мчался автомобиль начальника штаба. По этой машине Апчара всегда узнавала Чоку. Когда его назначили начальником штаба пастбищ, ему передали и эту машину из гаража обкома партии, как бы подчеркнув этим важность дела, которое ему поручили.

Спящие проснулись, стремглав вскочили. Один из них, тот, кто давеча сказал Апчаре «хъачабз», метнулся к окну. По серпантину горной дороги мчался грузовичок с пятью пассажирами. Но куда он мчится, пока сказать трудно.

Апчара затолкала мальчишек под кухонный стол, а сама зачерпнула целое ведро огненного бульона и встала наготове около двери. Дети, поняв опасность, заскулили, но Апчара шикнула на них, и они умолкли. Шум машины приближался. В дверь с той стороны ударили прикладом.

— Хъачабз!

Послышалась матерная брань. Апчара не чувствовала, что ведро обжигает ей пальцы. Звонко и оглушительно раскатилась автоматная очередь. От стен посыпалась

глина, а в двери как бы сами собой возникли черные дырочки. Сладковато запахло пороховым дымом.

Но пришельцам было уже не до девчонки, спрятавшейся за перегородкой. Заметив, что машина поворачивает на ферму, они выскочили в окно и побежали к реке, видимо, к тому месту, где у них были спрятаны оружие, патроны, радиостанция и листовки.

Они опоздали. Чока пустил машину по бездорожью наперерез беглецам. По парашютистам начали стрелять из пистолета и охотничьих ружей. На ответный автоматный огонь в машине не обращали никакого внимания. Автомобиль так бросало на камнях и ухабах, что и снайпер вряд ли сумел бы попасть в него. В результате Чока оказался между парашютистами и тем местом, куда они так стремились.

Одному из них не удалось добежать до заветного места каких-нибудь десять шагов. Огонь из ружей оказался на этот раз удачнее огня из автоматов. Жакан, которым бьют крупного зверя, например, кабана, угодил парашютисту в правый бок и вырвал весь левый. Раненый свалился в воду Чопрака, и ледяные воды понесли его по валунам и перепадам. Двое выпрыгнули из машины и некоторое время бежали вдоль берега, надеясь догнать и выловить труп, но безуспешно. Труп иногда всплывал в пенящемся бурном потоке, показывался то одним боком, то другим, но снова скрывался под водой и уплывал все дальше и дальше.

Второго парашютиста удалось взять живым.

Апчара слышала из своего убежища всю стрельбу.

— Апчара! — раздалось у самой двери. Она узнала голос Чоки, вылила бульон снова в котел, выскочила на улицу и действительно нос к носу столкнулась со своим женихом. Лицо Чоки было залито кровью. Но рана была не пулевая. Во время гонки по валунам он стукнулся лбом о ветровое стекло, разбил его и рассек себе бровь. Кровь заливала правый глаз, тот, которым нужно целиться, когда стреляешь. Но стрелять было уже не в кого. Победа была одержана совсем как пели тимуровцы — «малой кровью, могучим ударом».

Апчара показала, что не зря занималась в школьном кружке медицинских сестер. Она живо обработала рану, остановила кровь, как нужно перевязала. Чока выглядел теперь героем из кинофильма, с белой повязкой, пропи-

танной кровью. Он и правда чувствовал себя героем. Ведь все произошло на глазах Апчары и даже при ее участии.

Как-то не верилось, чтобы свой же человек вернулся презренным прислужником Гитлера, изменившим своей земле и народу. Апчара вспомнила легенду, которую не раз в зимние вечера рассказывала Хабиба. В этой легенде за измену с предателя содрали кожу, притом сдирали ногтями с живого, чтобы как следует насладиться его страданиями. Вот бы и с этого так.

«Хъачабз» держался нагло. Он улыбался, будто никого не боится, видно, верил, что не сегодня-завтра сюда придут немцы, его истинные хозяева, и тогда вздернут всех этих молокососов. О своем напарнике, которого Чопрак катил и волок сейчас по камням, он не говорил, будто его и не было.

— Да обернется в тебе материнское молоко неизлечимой болезнью, не вышло твое дело? — первой бросилась к пленному Апчара. Она ударила бы его, но очень уж болели пальцы, обожженные о горячее ведро.

— Дал маху. Надо было сразу тебя прикончить. Не донесла бы...

«Хъачабз» не договорил. Чока сильно ударил его ногой в живот и свалил на землю. Тот долго корчился на земле, стонал, скрежетал зубами.

Чока схватил его и заставил сесть.

— Фамилия, сволочь!

Пленный долго молчал, как видно, не мог говорить, потом выдавил из себя:

— Казухов. Мухтар Казухов.

— Врешь! — встрепенулась Апчара. — У нас Азиза — Казухова, стряпуха. Она заболела теперь. В больнице. — Апчара не могла допустить мысли, чтобы у Азизы мог быть брат — предатель.

— Из Борана? — спросил Чока.

— Да...

Чока знал этот аул, лежащий чуть ли не на самой границе со Ставрополем. Его малочисленные жители занимались охотой и овцеводством. Они давно, как и все люди, вступили в колхоз, но хозяйство вели, как и до коллективизации. Одни заготавливали сено, другие пасли овец, женщины доили коров, варили сыр, а мужчины ходили к казакам на заработки. Сколько скота у них —

никто не знал. Отары и стада содержались высоко в горах, и пригонялось в аул только то поголовье, которое подлежало продаже, точнее — обмену на ткань, соль, керосин и на другие товары. Молодежь занималась тем, что обслуживала туристские лагеря в долине нарзанов, нанимаясь в научные экспедиции, горноспасательные команды.

Диверсант Казухов, оказывается, знал, что именно на этой ферме работает стряпухой Азиза Казухова, его однофамилица. Ферма в горах — удобная база, с которой можно совершать диверсионные вылазки. Но неудачи диверсантов начались сразу, как только они выбросились на парашютах. Их было трое. Но у третьего парашют задело хвостовым оперением самолета. Рассыпались пачки листовок из его ранца. Парашютист упал на камни и, конечно, превратился в лепешку. Но и двум остальным повезло не больше.

Правда, Казухов надеялся выкрутиться. Немцы рано или поздно освободят его. Может быть, удастся еще обмануть этого Чоку, изображающего из себя героя. Помогут единомышленники. О, единомышленников появится много, стоит только немцам подойти поближе.

— Я знаю всех родственников Азизы. Я с ней с первого класса за одной партой.— Апчара продолжала возмущаться.— Ты просто хочешь поставить клеймо позора на ее честное имя!

— Это сейчас мое родство позорит сестру! Придет время — она будет позорить меня. Но я незлопамятный. Как-нибудь помиримся...

— Собачья шкура!— Чока уже приступил к допросу, как умел, подчеркивая, что судьба допрашиваемого зависит всецело от него, Чоки. Захочет — пустит пулю в лоб, захочет — прикажет сбросить со скалы, как это делали предки с теми, кто переходил в стан врага, захочет — сохранит жизнь и отдаст в руки советского правосудия.— Не пытайся лгать!— кричал Чока.— Ты стрелял в нас, этого достаточно, чтобы прикончить тебя как бешеную собаку. Выкладывай все. Откуда? Кто послал?

Диверсант вел себя странно, по крайней мере так казалось Апчаре и Чоке. Он становился на колени перед горами, склонял перед ними голову, произносил высокопарные слова, даже читал стихи, то ли свои, то ли чужие. Апчару называл бедной заблудшей сестрой.

— Ополосни рот, прежде чем произносить слово «сестра»! Мой брат воюет против таких, как ты. Жалко, что ты не попался под его пулю.

Мальчишки, которые отсиживались под столом во время всей этой истории, побежали звать на обед Ирину с ребятами. Апчара догадывалась, что Ирина нарочно не ведет тимуровцев на ферму, не зная в точности, что тут произошло. Ребята, едва их позвали, понеслись на ферму во весь дух. Вестники с поля боя, живые свидетели схватки с врагом, успели передать им: есть убитые и пленные! Бой был настоящий. И чтобы совсем поразить сборщиков трав, показали им несколько стреляных гильз, которые удалось подобрать по дороге.

История пленного была непростой.

Мухтара Казухова призвали в армию еще до начала войны. Он окончил в Бобруйской крепости курсы снайперов и получил винтовку с оптическим прицелом. Одновременно сделался внештатным корреспондентом дивизионки, писал стихи, очерки, корреспонденции. Его имя замелькало на страницах дивизионной многотиражки. Казухову уже прочили должность полкового агитатора. Он мог бы и стать им, если бы не увлекся одной молодой женщиной, служившей в госпитале военным врачом. Под разными предлогами начал он ездить в тылы дивизии, чтобы увидеться с ней. Если же Казухову не удавалось испросить разрешения, он брал снайперскую винтовку, еду и уходил на передний край, якобы для «охоты» на немцев. Оттуда он уползал в тыл, успевал за день съездить в санбат и возвратиться обратно.

От повторения молитва не портится — была его любимая поговорка. Но однажды молитва испортилась. О проделках «снайпера» узнали. Казухов чуть не предстал перед судом за самовольную отлучку в боевой обстановке. Но дело кончилось выговором.

Вскоре он «погорел» снова на коробке немецких сигар.

Передний край немцев проходил по гребню горы. Наши располагались внизу. Из подслушанного телефонного разговора немцам удалось узнать, что вторые сутки наши бойцы не курят — нет табаку.

— Дела ничего, — кричал связист. — Тихо. Только уши пухнут — без курева сидим. Дай хоть по телефону разок затянуться.

На другой день на бруствер вражеского окопа поднялся немец. Он показывал нашим бойцам большую коробку с сигарами и дразнил их.

— Рус. Хватит воевать. Иди закуривай. Сигары «Гавана».

— Сними подлеца,— приказал взводный снайперу.

— Снять я его всегда успею. У меня их уже семьдесят на счету. Но хлопцам курить же хочется. Разрешите, я возьму у него коробку. Может, он и правда отдаст. Ну а в случае чего и по мне и по нему — одна очередь.

Комвзвода, совсем молоденький лейтенант, которому тоже хотелось курить, заколебался. Бойцы поддержали снайпера.

— Конечно. Мало ли мы их перебили и еще перебьем. А коробка сигар под ногами не валяется.

— Чем черт не шутит. Пустите его, товарищ лейтенант.

И лейтенант пустил. Казухов вылез из окопа и пошел в сторону немцев. Те тоже с интересом следили за событиями. Солдат с коробкой сигар положил автомат на землю и пошел навстречу Казухову. В нейтральной зоне они встретились. Оказалось, что немец знает несколько слов по-русски. Закурили. Казухов впервые взял в рот настоящую сигару. Но докуривать он не стал. Вдруг он выхватил у немца коробку и побежал к нашим окопам. Перепугавшийся немец тоже кинулся в свой окоп. обошлось без стрельбы и без жертв, одним смехом. Сигары тотчас разошлись по рукам, а пустую коробку выбросили за бруствер.

Ночью Казухова арестовали и увели в СМЕРШ. Прдержали там несколько дней. Отпустив, наказали:

— Если еще раз что-нибудь такое, пристегнем и сигары. Смотри!

Через несколько дней, сидя в засаде со своим напарником, Казухов отполз за кусты, намочил пилотку и сквозь нее выстрелил себе в ногу. Он надеялся, что напарник унесет его к своим. Между тем начался бой, и напарника убило. Казухов остался на поле боя один. Он истекал кровью. Индивидуальный пакет не помогал. Чувствуя, что уходят силы и что он вот-вот потеряет сознание, самострельщик пополз назад. В сознание он пришел на немецком перевязочном пункте. Вокруг него хлопотали врачи. Казухов стал тем «языком», ради кото-

рого на этом участке противник и затеял разведку боем.

Дальше — еще проще: трехмесячное обучение в специальной школе и первое задание — сброситься на парашюте в горы и подготовить местное население к встрече с немцами. Сделать все, чтобы горцы не уходили партизанить. Когда гитлеровцы подойдут к Кавказу, внушать населению, что германские войска несут освобождение угнетенным малым народам.

Казухов не сомневался в скорой победе гитлеровцев. Он знал о крупном наступлении немцев на Дону, поэтому, не распространяясь, твердил Чоке одно и то же: попал к немцам раненый. Был в плену. Не мог отказаться, когда ему предложили сброситься на парашюте, потому что тосковал по горам. Он снова повернулся в сторону снежных вершин и склонил голову, как бы выражая сыновнюю любовь к родной земле.

— Кто любит Родину, тот ее защищает. А предатель... — раньше Чоки подытожила Апчара допрос.

Но Чока чутьем понимал, что «хъачабз» не мог вернуться с пустыми руками, а вот с чем он вернулся — неизвестно. И один ли он? Или выброшено сразу несколько групп? Как они связаны между собой и со своими хозяевами?

С какого конца Чока ни заходил, ничего не удавалось выудить у пленного. Неопытный был допросчик Чока. Казухов не хотел говорить даже, где спрягано его имущество.

Между тем тимуровцы, счастливые и шумные, возвращались на ферму. Они несли целые охапки трав, которые Ирина Федоровна предварительно рассортировала. Но перед самой фермой произошло еще одно событие, которое свело на нет все труды Ирины Федоровны по сортировке целебных трав.

Мальчишки, которые оставались при Апчаре и, значит, не собрали ни одной травинки, решили наверстать упущенное и внести свой вклад в общее дело. Они бойко шныряли вокруг, ища травы. Вдруг они выскочили откуда-то из обрыва, держа в руке каждый по пистолету.

— Ура! Оружие! Мы нашли!

Юные сборщики трав побросали на землю свою добычу и бросились к мальчишкам. Через минуту весь отряд вооружился с головы до ног. Про траву было забыто.

С гиканьем и криком мчались тимуровцы к ферме, размахивая пистолетами, автоматами и гранатами.

Но Чока прикрикнул, и все оружие было сложено к его ногам.

— Где взяли? — строго спросил Чока.

— Там, около берега. Там патронов целый ящик.

— И бомбы!

— И еще большой черный ящик!

— И книги. Связанные пачками.

— И какие-то провода.

Вскоре все трофеи были сложены вместе. Черный ящик оказался радиостанцией, а пачки книг — листовками.

Чока больше не стал допрашивать диверсанта. Понял — крупная птица. Уж если его так хорошо снарядили, значит, он связан с другими диверсантами, а распутать и размотать этот клубок у Чоки не хватит ни умения, ни сил. Тут нужны профессионалы.

Мутаев погрузил в автомобиль пленного, все трофеи, вооружил своих людей вместо ружей немецкими автоматами и помчался вниз, в Нальчик. Бахов там разберется.

Чока довольно улыбался всю дорогу. Не взяли в Нацдивизию, а он сам добыл оружие. Теперь все увидят, чего стоит Чока Мутаев!

● ГЛАВА ВТОРАЯ

БАХОВ, КУЛОВ И СОСМАКОВ

— Лашин! Где ты, Лашин?! Эй, где ты, хозяйка фермы? — Бекан не слезал с элитного жеребца-красавца. Горячий Шоулох плясал под ним. Из розовой, растянутой уздой лошадиной пасти вырывался пар. Бекан уже не звал Апчару по имени. После того как республику облетела весть о разгроме шпионской группы, все стали называть Апчару по имени легендарной кабардинки, которая победила татарина-силача. Лашин, переодевшись в мужское платье, вышла на круг, предназначенный для единоборства. Она подбросила татарина кверху, подставила ему под живот большой палец, и противник с распоротым животом упал на траву. Так Лашин своим мужеством избавила родной аул от позорной дани, которую кабардинцы ежегодно платили крымскому хану, отдавая в рабство девушек и парней.

Апчара тоже спасла чопракцев от гибели. По слухам, шпионы хотели отравить реку Чопрак у самых истоков, чтобы погибло все — и люди, и скот. Остался бы красивый край в его первозданном виде — приходи и живи.

Бекан думал, что выйдет Апчара из домика, где живут доярки, а она появилась из телятника.

— Я здесь, тамада! Будь гостем! Все нас забыли совсем. Сорок юбок и ни одной папахи. Обещал прислать мне замену. Клянусь аллахом, сил нет.

Жеребец под Беканом завертелся на месте.

— Как раз об этом и скажешь сегодня. Давай закладывай своего Шагди. Поедем туда.— Бекан плеткой показал наверх в сторону штаба, на зеленые склоны гор.

— Куда?

— Разве спрашивают, «куда»? А еще зовешься Лашин. В старое время как было? Постучат ночью в окно, скажут: седлай коня! Бежишь на двор и седлаешь. На ходу вспрыгиваешь в седло, скачешь, куда все. В погоню — так в погоню, за невестой — так за невестой. И боже сохрани спросить — куда? Подумают, что ты трус, в другой раз настоящие джигиты в твое окно уж не постучат. А ты сразу — куда?! Ну не сердись, я шучу. Как твои телята, оттаяли? Зашевелились, как мухи, обогреты солнцем. Молодец, молодец, я все знаю. А редко езжу, потому что я за тебя спокоен. Питу давно был?

— Привез пачку готовых бланков на списание падежа.

— Что поделаешь. Нет у нас зоотехника. Ну давай, запрягай своего Шагди.

— Кому мы так понадобились, тамада?

— Начальству. Всех собирают в штабе пастбищ.

Апчара подивилась, что отец исполняет распоряжения сына. Ведь, по кабардинскому обычаю, кто зовет к себе, тот и старший. Правда, Бекан не родной отец Чоки...

Шагди под навесом всегда в упряжке. Апчара сняла торбу с лошадиной морды, выкатила на своей таратайке. Жеребец, почуяв другую лошадь, заволновался, начал хлестать себя чистым шелковистым хвостом, запербирал тонкими нервными ногами.

Тронулись по горной дороге. Верховой конь не хочет идти рядом с гремящей таратайкой, норовит укунить запряженную клячу. Бекану приходится одергивать своего красавца. Но одергивает он его, словно ласкает. Любит седельщик Бекан хороших, породистых лошадей!

— Разве Чока сам не мог приехать сюда? У него же машина.

— При чем здесь Чока? Неужели этому сопливцу я позволил бы звать к себе отца?! Ты, конечно, другое дело. Ты ему пока подчиняешься, и даже дважды — как начальнику штаба и как комсомольскому вожаку.

Апчаре показалось, что Бекан нажал на слово «пока» и при этом взглянул на нее как-то странно, чуть ли не

подмигнул, но она не стала докапываться, был ли еще какой-нибудь смысл в его словах.

— Чока и сам — совместитель. Присылает мне сразу по две директивы. Одну как секретарь райкома, другую как начальник штаба. Бумажки разные, а подпись одна.

— Ты шпионов-то поймала по какой директиве, как комсорг или как завфермой?

— Не так и не эдак, — засмеялась Апчара. — У меня есть еще третья должность: руководитель военного кружка. Обучаю девушек военному делу. Разве это не курам на смех?

— А-а! Ты двух боевых командиров за пояс заткнешь. А как мать испугалась, услышав об этой истории! Пришла ругаться ко мне. Я говорю, не я же ее поставил на ферму. «Все равно, — говорит Хабиба, — разве Чока не твой сын? Разве ты не можешь ему приказать? Пусть сейчас же отпустит мою Апчару домой. До чего дело дошло — девушки с парашютистами воюют! Разве мужчины перевелись? Если мужчине вышибут глаз или перебьют ногу, это его не испортит, даже украсит. А кому нужна безглазая или безногая девушка?»

Всякая мать переживает за детей больше, чем дети за нее. Не зря говорят, что любовь детей к матери коротка, как мост через реку, а любовь матери длинна, как сама река. Но ты у нас героиня, настоящая Лашина. Весь колхоз благодарен тебе. Знаешь, какого матерого волка ты поймала в капкан? Он перерезал бы нам все табуны.

— Волк-то волк, но, оказывается, он из здешних...

— Да. Я знаю всех его братьев. И отца тоже знал. Их — четыре брата. Которого ты поймала — младший. Крепкая была семья. На все ущелье распространялась их власть. Сам старшина к Казухову на поклон ходил. Сыновья все больше охотились. Отец ко мне приезжал, седла заказывал для сыновей. За хорошие седла в знак благодарности свое тавро на моей двери выжег. По тому времени — охранная грамота. Никто не посмел бы меня обидеть. Овец у них было — не считали. Сколько чабаны-батраки скажут, столько и ладно. Сам отец до женщин охотник был. Все четыре сына — от разных жен. Поживет года два и выдворяет. Но по миру не пускал. Привычка была — поставит мельницу на реке и отдает жене во владение. Женится на другой. Через несколько

лет — то же самое: она ему сына, а он ей мельницу. Мельниц наставил по всей долине. Но много ли у чабанов зерна? Не камни же молоть? Каждый пуд пшеницы им приходится выменивать на барана на пятигорских базарах.

Ну вот, а потом трое сыновей убежали к туркам. То чабанов держали, а теперь сами в чабаны пошли к турецкому бею. А этот, которого ты поймала...

— «Хъачабз» я его назвала.

— Ну какой же он «хъачабз»? «Хъачабз» — значит девушка. А ему название — шакал.

— В речи сказано: «Сестры и братья...» Вот тебе и брат! Не все, оказывается, братья друг другу...

— Не все. Пока к реке идут — все родня, в дружбе клянутся. А как пойдут вброд через бурный поток, первый, кто выберется, иной раз забудет второму руку на прощанье подать. У нас анкеты дают: заполняй, опиши историю своей жизни. Но нигде из анкеты не видно, что, может, у человека душа с червоточиной. Такой фрукт для длительной лёжки не годится. Мало того, что сам сгниет, вокруг себя несколько плодов испортит. Чтобы этого не было, весь урожай надо время от времени перебирать. Гнилье — долой.

Апчара никак не могла понять, серьезно говорит Бекан или нет. А Бекан продолжал:

— То же и дерево. Раз потрянул — те, что с червоточинкой, упадут. Их в корзину, на свалку. Называются падалицы. Правда, когда трясешь, и здоровые плоды могут с ветки побиться. А если плод зашибся, то он сам догниет без чужой помощи. Ты, Апчара-Лашин, еще маленькая была, не помнишь. Так трясли, что не только плоды — сучья ломались и падали. Ну вот. От Казуховых никакого следа не осталось. А теперь, видишь, объявился Мухтар. Решил отомстить за всех своих.

— Которого я поймала?

— Да. Решил по стопам Наиба идти.

— Какого Наиба?

— Во времена турецкого владычества был такой предатель, продавшийся крымскому хану. Крымский хан с турецким султаном заодно были. Ну вот этот Наиб и взялся провести турецкие войска в наши горы по тайным тропам. Все горцы защищали свои аулы. Один только изменник нашелся — Наиб. Снюхался с турками. Взял

два мешка мелких палочек, навьючил их на лошадь и потом ставил, втыкал на поворотах. Так и обозначил всю дорогу. По ней и пошли вражеские войска. Через три ночи началась резня. Враг не щадил ни детей, ни женщин. Дома были преданы огню. Кабардинцы были побеждены и стали платить туркам и татарам ежегодную дань девушками, парнями и разным добром. И этот, твой «хъачабз», вроде того Наиба. Тоже хотел вешки ставить. Только не струганые палочки, а по радио. Вот кого ты заарканила. погоди, о тебе еще песню сложат...

Бекан вытащил кисет, отпустил поводья и плетку, начал сосредоточенно сооружать самокрутку. На кусочек газетной бумаги насыпал самосаду, краешком бумаги провел по мокрой губе, заклеил, спрятал в карман кисет, неторопливо искал кресало и кремь. Бил долго. Искры вспыхивали и гасли на ветру. Мешал старику и Шоулох, который воспользовался тем, что поводья ослабли, то рвался вперед, то кусал мирного тихого Шагди. Старик по своей занятости самокруткой не осаждал жеребца, зато Апчара хлестала его кнутом по морде.

— Не бей красавца.

— Да он всю кожу сдерет с моего мерина.

Бекан любил и жалел жеребца. Готов был каждый день пересчитывать его шерсть по одному волоску.

Апчара не знала, что это за жеребец и откуда он взялся. В колхозе таких давно уже не было. Все, что годилось для верховой езды, отдали, когда формировалась Нацдивизия.

Не знала Апчара, что Бекан назначен хранителем элиты кабардинской лошади. С очень широкими полномочиями. Апчара не знала, а Бекан не торопился хвастать. Всему свое время.

Все-таки добился старик своего. Высек огонь и запалил трут. Помахал фитилем, чтобы тот скорее и ярче разгорелся, прикурил, поплевал на палец и потушил огонь, спрятал приспособление в карман.

Апчара и Бекан подъехали к штабу. Тут уже собрался целый базар: лошади под седлом, арбы, бидарки, автомобили, навьюченные ослы. Лошади стоят понуро, волы лениво пережевывают сено. Люди расселись у штабных палаток, толкуют. Разговор везде об одном — война. Но поскольку пастухи и коневоды не очень осведомлены

о делах на фронте, то больше говорится о ее побочных проявлениях, отголосках, например, о волках, которых становится в горах все больше и больше, о коровах и лошадях из Ростовской области и Ставропольского края. Тут своих девать некуда, а скот гонят и гонят.

Прервав свой рассказ о неведомом Апчаре Мирзахане, седельщик издали начал вглядываться в собравшихся около штаба людей, отыскивая среди них знакомых и тех, кто не сдал еще ему кобылиц чистой кабардинской породы. В последние дни Бекан обрыскал все колхозы и конезаводы, чтобы собрать в один косяк всех кобыл, укомплектовывал табуны, пользуясь данными ему правами.

Труднее всего было завладеть редкостным жеребцом Шоулохом, об экстерьерных данных которого ходили легенды. И правда, это был конь под стать самому Андермиркану — богатырю из кабардинского устного эпоса.

О происхождении кабардинской лошади говорилось немало. Одни утверждают, что ее родоначальницей была знаменитая арабская лошадь. Может быть, так и есть. Однако об арабской чистокровной породе известно примерно с седьмого века, о кабардинских же лошадях сложены песни, сказки и легенды, относящиеся к самым отдаленным глубинам веков. Так что неизвестно еще, кому принадлежит первое слово. Но как бы то ни было, изумительно красивая лошадь, сочетающая в себе изящество линий с грациозностью движений, существует, и называется она кабардинской.

И Шоулох — редчайший экземпляр этой породы — пляшет теперь под седлом Бекана. Бекан держит его в особом табуне и седлает только собственноручно. Иногда целыми часами он лежит на бурке, любит гнедым трехлетком: не верит своим глазам, что такой жеребенок у него в руках.

Со стороны предгорья показалась легковая машина.

Старики, привыкшие уважать начальство, повставали, кряхтя и опираясь на палки. Для них начальство — это все. Недаром говорят, что старший тот, кто во главе стола. Этому требует обычай, в этом духе воспитано не одно поколение.

Дорога была явно не для «эмки». Пар валил из машины, словно у нее под радиатором спрятан кипящий самовар. Толпа замерла в ожидании властей. Чабаны

и пастухи редко видят высокое начальство, поэтому все стояли теперь с большим достоинством, не шевелясь.

Только Шоулох, впервые увидевший машину, оторвался от коновязи и пустился вскачь, фыркая и горя глазами. За ним побежали парни, некоторые вскочили на коней и поскакали, разматывая арканы.

«Эмка» остановилась у самого входа в зеленый домик. Из нее вышел молодой, сероглазый, с мужественным лицом человек лет тридцати. Он был в военной форме, но без петлиц.

По подтянутости и манере держаться, по важной походке, а главное — по отношению к нему людей, и прежде всего Чоки Мутаева, начальника штаба пастбищ, легко было понять несведущему человеку, что это сам Зулькарней Кулов. Его-то все и ожидали с самого утра.

Кулов подходил к каждому старику, энергично тряс руки, а когда очередь дошла до Бекана, держал его руку особенно долго.

— А-а, дао ушит, крепко ли стоишь на ногах?

Бекан за словом в карман не полез.

— Я не только на ногах, и в седле чувствую себя неплохо, — задорно ответил он. — Встретилсь с тобой за облаками, да будут высокими наши дела.

— Да будет так.

— Аллах да удержит наши дела на этой высоте!

Вслед за Куловым из машины выскочил настоящий военный, в новеньком обмундировании, с яркими петлицами, по две шпалы с каждой стороны, а на рукаве — знакомая всем эмблема. Это был Бахов, известный чекист республики.

Присхал и еще один — низкорослый, крупноголовый человек, тоже в военной форме. Но этот третий отличался еще тем, что все у него было как бы укорочено, отчего гимнастерка свисала до колен галифе, а короче всего казались кавалерийские ноги. Когда же он снял шляпу, под ней не оказалось ни единого волоса. Голова засветилась, как Млечный Путь на ночном небе. В республике не было колхозника, который не знал бы Талиба Сосмакова — главного земледельца, как его называли.

Апчара, узнав Бахова, чуть не рассмеялась. Она вспомнила случай, когда увидела Бахова впервые и когда, как это ни покажется странным, дала ему отпор.

Однажды во время экзаменов по истории Бахов быстро и стремительно вошел в класс и сел рядом с учителем. Отвечал русский паренек, эвакуированный из Николаева, и отвечал бойко.

Вдруг Бахов прервал его:

— Когда было утиное движение?

Ученик растерялся и замолчал. Было видно, что он мучительно вспоминает и не может вспомнить. Он смотрел на класс, на учителя, но учитель, как видно, и сам растерялся. Подумав, что учителю стыдно за неловкую заминку ученика, юноша смутился окончательно.

— Садись, ничего ты не знаешь,— скорее скомандовал, чем просто сказал Бахов.

Апчара встала и решительно, с вызовом заявила:

— Товарищ командир, вы просто сбили ученика. Никакого утиноного движения не было.

Бахов немало удивился решительности девочки.

— Как же так,— сказал он, улыбаясь и этой улыбкой как бы подтверждая свое поражение,— гуситское движение было, а утиноного не было?

Так и не поняла тогда Апчара: то ли Бахов хотел подшутить над учеником, то ли сам забыл, как называлось то злополучное движение. Долго ли перепутать гуся и утку.

Теперь, выйдя из машины, Бахов тут же заметил и вспомнил Апчару. Улыбаясь, он подошел к ней, поздоровался, и Апчара почувствовала ладонью, что на руке у чекиста не хватает двух пальцев.

— Это ты поймала диверсантов? — Бахов продолжал, не дожидаясь ответа: — Клянусь, я так и подумал, что это ты. Помнишь, на экзаменах все растерялись, даже учитель, одна ты дала мне отпор. Молодец! Будешь представлена к награде. Я слышал, что тебя теперь называют Лашин?

Кончив говорить с Апчарой, Бахов пошел к толпе. Он подходил почти к каждому и, оказываясь, каждого знал.

— Ну, и как рыба? — спросил кто-то из молодых, и этот вопрос для сведущих людей мог показаться не только нетактичным, но и дерзким.

Бахов ничего не ответил. Многие знали, что Бахов имел привычку глушить рыбу гранатами и однажды был жестоко наказан за это. Граната разорвалась в руке. К счастью, он остался жив, лишился только двух паль-

цев. Да еще республиканский хирург выковырнул из тела сорок мелких осколков. Жена, увидев Бахова, забинтованного с головы до ног, зарыдала. Но Бахова и тут не оставило присущее ему чувство юмора.

— Не плачь, жена, — сказал он, морщась от боли. — То, о чем ты плачешь, осталось цело.

Бахов и Сосмаков были встречены собравшимися как старые знакомые, а Зулькарнея Кулова в лицо почти никто не знал. Его совсем недавно выдвинули на республиканский пост из секретарей райкома партии. Он еще не успел побывать в каждом районе, в каждом колхозе и никуда пока не выезжал один без людей, у которых вовремя можно спросить, уточнить, проконсультироваться.

Сейчас его сопровождает главный земледелец Сосмаков, старый и тертый калач, о котором в народе говорят: «Он, как крепкий конь, сдохнет стоя». Ну и, конечно, Бахов, без которого Кулов ни шагу, или, может быть, вернее, который от Кулова ни на шаг.

Обоих сопровождающих, то есть Сосмакова и Бахова, роднили не должности, конечно, очень уж разные, не характеры даже, но образ жизни. Оба они тяготились кабинетной работой и любили простор.

Талиб — человек от земли. В его жизни не найдешь и двух дней подряд, когда он не побывал бы в поле или на ферме. На республиканскую работу Сосмакова взяли из колхоза, который он возглавлял со дня его образования. В колхозе тем более Талиб не слезал с коня. Колхозников по личным делам принимал в председательском кабинете в пять часов утра с тем, чтобы в шесть уже сидеть в седле.

Став «главным земледельцем республики», Сосмаков пересел, конечно, с коня в автомобиль, но по-прежнему метался по районам и колхозам, а тем, кто упрекал за то, что его «невозможно поймать», коротко отвечал: «Хлеб растет в поле, а не в кабинете».

И Бахов чувствовал себя в кабинете, как необъезженный конь, поставленный в тесное и неудобное стойло. Он пользовался любым предлогом, чтобы не плесневеть в тиши и тени, а мчаться в горы, куда немцы все чаще и чаще забрасывают шпионов, лазутчиков, диверсантов.

Сегодня оба деятеля охотно сопровождают Кулова по республике.

Сосмаков привез Кулова на высокогорные пастбища. Пусть Кулов своими глазами увидит положение дел. Мясо и хлеб — те же снаряды и патроны, без которых воевать невозможно. Поэтому и занят Сосмаков всецело сельским хозяйством. Пусть Кулов поймет, что созданием отрядов самообороны, военным обучением партактива могут заниматься другие люди.

Зулькарней Кулов давно знает Талиба, который с ходу решал любой вопрос и всегда знал, что надо делать. Однако в последнее время его самоуверенность стала вызывать в Кулове если не раздражение, то чувство протеста. Поэтому Кулов старался не обращаться к Сосмакову без крайней нужды. «Сами с усами», — думал он иногда о себе, отвергая в душе и мыслях какое-нибудь предложение Сосмакова. Бахов не аргументировал своих советов и соображений. Он говорил просто: «Органы не советуют» или «Мы располагаем материалом» — и этого было достаточно. Всякий раз, когда Бахов приходил к Зулькарнею, они уединялись в так называемую комнату отдыха, что располагалась за кабинетом. Почему-то оба считали, что о секретных делах в рабочем кабинете говорить нельзя.

От всего этого Кулов еще больше сознавал значительность и ответственность своей личности. Шутка ли, еще год назад ходил из аула в аул псшком в стоптанных сандалетах, а теперь разъезжает в черной машине под охраной.

Отец Кулова, не очень старый еще, но уже набравшийся мудрости бахчевник, напутствовал сына на новый пост такими словами:

— Кто самый умный, сынок? Тот, кто советуется с умными людьми.

Кулов помнил совет отца и всегда прислушивался к словам опытных или просто старших людей. Но времена настали такие, что надо и самому иметь на плечах голову. Война ежеминутно рождает множество вопросов и требует их немедленного решения.

Упала добыча молибдена и вольфрама, потому что не хватает шахтеров и взрывников. А где же их взять? Женщин на рудники не пошлешь. Везде говорят: «в шахту спустился», а здесь надо говорить: «в шахту поднял».

ся». Рудники высоко в горах. За облаками. Человек со слабым сердцем там много не наработает. А сильные и здоровые — все на фронте. С другой стороны, кто же не знает, какое значение имеют молибден и вольфрам для оборонной промышленности.

Заводы в Нальчике надо переключать на оборонную продукцию. Один из заводов вместо насосов для нефтяников должен выпускать минометы. А где оборудование, специалисты, опыт, металл?

И здесь, на высокогорных пастбищах, наверное, свои проблемы. Не для прогулки его затащил сюда Талиб Сосмаков. Вот и советуйся с умными людьми. Однако решения принимать тебе одному и отвечать за все тебе одному.

ПЕРЕЙТИ БУРНЫЙ ПОТОК...

Совещание открыл Чока Мутаев. Чувствовалось, что он робеет перед Куловым, хотя животноводы уже признали в нем организатора и с уважением относились к молодому, но рассудительному и энергичному начальнику штаба. Может быть, смущало Чоку и присутствие Апчары. Бекан не обращал внимания на оратора, на своего приемного сына. Он следил за тем, как целая кавалькада всадников носится по склону горы и никто не может заарканить Шоулоха, оторвавшегося от конюязи.

Зулькарней Кулов, занимая за столом единственный стул, обдумывал план своего выступления и с грустью замечал, как изменился состав животноводов. Остались одни старики, мальчишки и девушки. Это стало заметно после комплектования Нацдивизии, подобравшей всех, кого военкомат еще не успел призвать. Кулов волновался и нервничал, потому что с публичными выступлениями ему как-то не везло. Он вспомнил, как однажды, работая еще в райкоме, выступал перед районным партийным активом. Войны еще не было, но тревога уже носилась в воздухе. Стремясь рассеять тревожные слухи, Кулов с трибуны громко, убежденно говорил:

— Не верьте провокационным слухам. Германия не нападет на нашу страну. Германский пролетариат не допустит этого.

Люди слушали и верили Кулову. А на другой день началась война.

И вот теперь животноводы сидят перед ним. Что им сказать? Они ждут хороших, свежих вестей. Они хотят знать, где теперь Нацдивизия, воюет она или еще нет. Они хотят знать, что делается на фронтах, чем кончилось наступление немцев в районе Харькова. Но вести приходят печальные, и главное, путаные, одни догоняют другие и быстро стареют... Рассказать все как есть этим людям, сидящим полукольцом на земле, в папах и широкополых войлочных шляпах? Вдруг вселишь в них неуверенность или даже посеешь панику?

Кулов, Бахов и Сосмаков приехали, чтобы воодушевить народ, поднять настроение, рассеять слухи, распространяемые немецкими листовками, укрепить веру в несокрушимую мощь страны, поднять чувство ответственности за порученное дело. Животноводы вынуждены принять на свои плечи заботу и об эвакуированном скоте, которым наводнены альпийские пастбища. Каждый день прибывают новые бесчисленные гурты, возникают споры, а то и драки из-за места на пастбищах, у воды, у родников. Вот о чем думал Зулькарней Кулов, слушая и не слушая вступительное слово Чоки Мутаева. Слово это было коротким.

Чока остановился на практических, хозяйственных вопросах, с которыми приходится сталкиваться ежедневно. Он надеялся, что Кулов не только ответит на его вопросы, но и поможет ему, тогда сразу решатся главные трудности.

Бекан кивал головой, подбадривал сына. Он говорил своим видом: не подкачай, сынок, — перед самим Куловым говоришь.

— Вот, к примеру, соль, — говорил Чока, поворачиваясь к Кулову и говоря как бы ему одному, — большое ли дело — соль? Но уже два месяца скот не видел соли. А если корова не поест соли, она не попьет, а не попьет — не даст молока. Сколько мяса пропадает из-за соли! Не можем посолить. Пока мясо от вынужденного убоя довезешь до аула на арбе, оно протухает. Ни нам, ни армии. Был небольшой запас соли — иссяк. Это из-за эвакуированного скота. Он хоть и чужой, а делиться надо.

Бекан не выдержал и перебил Чоку:

— Делиться пришлось не только солью. Все пастбища изрыли копытами, наводнили. Корова за корову рогами цепляется. Не хватает ни воды, ни травы. На скот жалко глядеть. Да и люди, что пригнали скот, без денег, без одежды, без хлеба. Делились, делились да все уж и разделили.

— Подожди, отец, ты уже прения открываешь. Я еще не закончил.

— Как так подожди? — еще сильнее возмутился Бекан. — Согнали и тощих и упитанных в один гурт. Сильные бодают слабых, а он — подожди!..

— Не время прения открывать, — с улыбкой сказал и Кулов.

— Сыр варим без соли, — крикнула Апчара. — Несоленый сыр долго ли пролежит?

Чока заговорил громче, чтобы перекрыть гул голосов.

— Или вот, кастрация баранчиков. — Чока покосился в сторону навеса, где сидели девушки и потрескивала полевая рация. — Упустим срок, какая шерсть от валухов? Да и мясо не то. Зоотехников раз — и обчелся. Питу Гергов с учебником ходит. Но пользы от него на копейку. Ставим мальчишек на кастрацию — получается одно душегубство. Теряем сотни голов...

— Девушек мобилизуй, — верный своему юмору, сказал Бахов.

Все засмеялись. Чока смутился.

Бекан вдруг вспыхнул:

— Тебя бы заставить. И так на девушек все валим. Не девичье это дело — кастрация.

— Надо провести семинар, научить ребят. — Кулов посмотрел на Талиба Сосмакова, давая понять, что говорит в первую очередь ему. — Почему нельзя прислать сюда опытных зоотехников из наркомата? Пусть научат и девушек и ребят...

— Воллаги, можно. Никто не обращался к нам.

— Не ладится и со стрижкой овец, — продолжал Чока. — Не хватает стригалей. Тимуровские команды были поставлены на ноги, но разве это стрижка? Мальчишки не умеют орудовать ножницами. И сил у них нет. Иной раз барана связать не могут. Начнут стричь, а баран вырвется из рук и, раскидав своих «мучителей», убегает прочь. За ним ватагой носятся горе-стригали с ножницами

в руках. Овцы изранены, шерсть снимается с кровью, с мясом. Ножниц для стрижки не хватает. Пришлось отобрать у девушек обычные ножницы. Можно ли ими стричь овец!

Еще хуже с косовицей и силосованием. Травостой редкий, а косить некому. Пройдет месяц — скот останется без кормов. А тут еще надо заготавливать сено и на долю эвакуированного скота, на табуны лошадей, пригнанных из Ростовской области.

Вопросам нет конца. Талиб Сосмаков все заносит в записную книжку, будто о нуждах животноводства он узнал только сегодня. Делает он это по привычке, а думает о другом. Что стоит этот разговор о кастрации баранчиков или о соли, когда надо решать главный вопрос: оставляем скот в этих горах или гоним его в сторону Каспия, чтобы не достался врагу. Не раз говорил об этом Талиб Сосмаков, но каждый раз его резко перебивали: «Паникуешь, поддался вражеской провокации!» Но случится беда — и придется ему первым держать ответ.

Слово взял Зулькарней Кулов. Сначала он посмотрел на свои начищенные сапоги, словно тезисы его речи были написаны на лакированных голенищах, потом перевел взгляд вдаль, на молчаливые снежные горы, кутавшиеся в темные тяжелые облака, поглядел на ребят, которые торжественно вели Шоулоха.

— Наше совещание необычное. — Кулов старался говорить отрывистым языком военного времени. — Наше совещание оперативное. Это значит: решение принимается немедленно и исполняется без проволочек. Действовать надо по-фронтному. Мы должны подпереть фронт своим плечом. Особенно сейчас, когда на фронтах Великой Отечественной войны развернулись кровопролитные бои. У нас не должно быть слова «нет». Нет соли — достань, нет стригалей — найди, не хватает косарей — мобилизуй, нет зоотехников — обучай молодежь, организуй семинар. В армии как? Раньше три года обучали ксмандира в военном училище, а теперь — шесть месяцев, кубики на петлицы, и веди взвод в бой. Вы сетуете на мальчишек: опыта нет, овец кромсают вместо того, чтобы стричь, не сено косят — землянику собирают. Какие мальчишки? О каких мальчишках вы говорите? Война прибавила всем по пять лет. Значит, они уже не

мальчишки, а юноши. С юношей надо требовать по законам военного времени. Вот ты, Чока Мутаев. На кого ты жалуешься? Ты — секретарь райкома комсомола? Секретарь. Так мобилизуй комсомольцев, молодежь. У тебя их тысячи. Ты начальник штаба пастбищ? Ты. Тебе подчинены животноводы? Подчинены. Дай каждому задание, и пусть он попробует его не выполнить! Никому не простим безответственного отношения к порученному делу. Мы простим — война не простит. Мы поручили Бекапу Диданову сохранить элиту кабардинской лошади. За это он в ответе не только перед обкомом партии, но и перед грядущими поколениями. Посмотрите на Апчару, на хрупкую девушку. Вот она стоит у радиопалатки...

Многие повернулись в сторону девушек. Сама Апчара опустила глаза и покраснела.

— Кто поручил ей поймать диверсантов? Все сказали бы: «Девушка струсит». А она не струсила! Не испугалась вооруженных до зубов бандитов, предателей...

— Сама вооружилась ведром бульона, — вставил Бахов.

Послышался одобрительный смех.

— Да, до сих пор бульон считался едой, и хорошей едой, а у нее он превратился в оружие. Если диверсантов можно разоружить с помощью кипящего бульона, то почему обычными портновскими ножницами нельзя стричь овец? Если немолодой седельщик взял на себя обязанности председателя колхоза и ответственность сохранить кабардинскую породу лошадей, то почему ребят нельзя обучить кастрировать баранчиков, косить сено, силосовать?.. Я понимаю, соли нет — ее из камня не добудешь. Потребсоюз уже завез целую гору соли. Завтра соль начнет поступать сюда. Стрижка овец. Надо проявить инициативу: мобилизуйте стариков. От века стрижка овец, как и сенокосение, — дело стариков, сейчас тем более. На уборке урожая стариков замените женщинами. Распределять силы с умом, по принципу: кто на что способен. Сосмаков распределит пастбища. Пусть каждый знает, какие ему выпаса отводятся. Все остальное — дело вашей изобретательности, изворотливости, сметки...

Кулов перешел к положению на фронте.

Мальчишки, которые уже отдышались после погони за элитным жеребцом, придвинулись поближе. Старики

зашевелились, садясь поудобнее. Животноводы мало знали о положении на фронте. Слухи доходили разноречивые и устаревшие.

— ...Развернулись кровопролитные бои,— говорил Кулов, понизив голос. Опять он стал поглядывать на свои хромовые сапоги, отыскивая более точные слова, а их найти нелегко, когда нет точной информации и каждый час все меняется с головокружительной быстротой.— Народы нашей страны оказались перед бурным потоком истории. Или мы перейдем его и продолжим путь к своей цели, или поток унесет нас. Тогда история изберет другое русло — русло гибели народов. В этом бушующем потоке уже оказались захлестнутыми целые страны: Франция, Польша, Югославия, Чехословакия... Наша страна перейдет этот поток, перейдет и подаст руку помощи тем, кто оказался в русле гибели. Советские люди полны решимости бороться до конца. Вот примеры: областная комсомольская организация послала в Нацдивизию две тысячи пятьсот своих лучших парней. Кроме того, один лишь Чопракский район собрал для этой дивизии сто восемьдесят девять бурок, две сотни полушубков, пятьсот пар валенок, комсомолки связали тысячу пар носков...

— А старики? — вставил слово Бекан.

— И старики не остались в долгу. Их руками сделаны седла, конское снаряжение, собраны тысячи овчин на полушубки. Идет невиданное испытание воли, мужества, верности родине, узам братства. Мы смело ринулись в бурный поток и верим: мы выйдем к берегу победы. Может быть, не без потерь, не без жертв, но рука наша коснется противоположного берега...

Кулов говорил о сражениях, развернувшихся севернее Дона, в которых, по сводкам, участвуют тысячи танков с каждой стороны, крупные соединения авиации, затмившие небо, бесчисленное количество войск. Бои не затихают ни ночью, ни днем. Борьба идет за каждый шаг земли. Мертвым приходится отвоевывать место для могилы...

— Гитлер решил опалить усы Сталину¹. Но Сталин не дастся ему. Не таким, как Гитлер, Сталин опаливал

¹ У кабардинцев опалить усы — значит опозорить мужчину до конца его жизни.

усы. Иосиф Сталин,— Кулов поднял голос до звона,— одной рукой возьмет бесноватого ефрейтора за чуб, а в другую руку раскаленную добела саблю, и тогда на весь мир запахнет паленой шерстью. Пойдет такой дым, что начнут чихать все сподручные бесноватого!

Мальчишки засмеялись. Они живо представили себе картину, как Сталин опаливает усы Гитлеру. Вспомнили, какой запах паленой шерсти бывает, когда весной ставят на колхозных лошадях и коровах тавро. Смех ребят перебил мысли Кулова. Бекан воспользовался замешательством докладчика.

— Ты говоришь: переходить поток. Одно дело — переходить налегке, другое дело — с ношей. Налегке плыви себе по течению реки — волны сами тебя вынесут к берегу спасения. Ты только успевай дрыгать ногами и руками. А если на плечах твоих тяжесть обязанностей, как быть? Бросить ношу в реку и плыть одному? Или и ношу свою надо спасти?..

— О какой ноше ты говоришь? — крикнул Бахов, чтобы напомнить старику о своем присутствии.

— О какой ноше? О той, что народ взвалил на наши плечи. Ее не скинешь. Ее народ взвалил, только народ и может снять. Маленькому народу досталась и маленькая земля, большому — большая. Но мужества — на земле его много, бери, сколько хочешь. Слышал я по радио, старики малокабардинцы с Терека заявили: «Мы готовы оседлать боевых коней, идти добровольцами. Не смотрите на наш возраст, мы еще крепки и сильны, будем бить фашистских гадов, не жалея ни крови, ни жизни». Хорошие слова! И старый Бекан Диданов ставит свою подпись под ними! Но если все уйдем на фронт — кто будет кормить армию? Кто убережет народное богатство? Вот, глядите,— Бекан показал рукой на склоны горы, сплошь усыпанные бесчисленными стадами коров, отарами овец и табунами коней.— Видите, о какой ноше я говорю? Миллионы голов скота. Как быть с этой ношей? Спасать ее или, может, вместе с нею ринуться в пучину и сразу пойти на дно? Налегке — поток не беда. Скинул чувяки и плыви... А тут чугунные гири на руках и ногах...

— Тебе-то что? Кабардинские лошади плавают хорошо, на них предки даже Волгу переплывали.— Тално Сосмаков хотел подзадорить старика, чтобы тот разго-

ворился еще больше, ибо говорил он о том самом, что волновало и самого Талиба. Но Сосмакова перебил Бахов.

— Не дойдя до воды, не поднимай подол! Слышал пословицу? Враг еще за Доном, а ты уже разуваешься. Это называется паникерством...

— На твоём языке — да. Хочешь услышать другую пословицу? Вот она: «У осторожного сына мать не плачет». Умение предвидеть — не последнее дело. Если у соседа дом горит, то пламя может переброситься и на твою крышу...

— Где ты видишь пожар? — Бахов не хотел отступать.

— Если пожара нет, то почему из Ростовской области и даже из Ставрополя к нам гонят скот? Если там заботятся о спасении своего добра, почему бы и нам не позаботиться о том же самом?

— Верно, Бекан, — не удержался Талиб. — Ты мою боль высказал, из моего сердца берешь слова.

— Эти слова мы слышали! — начал сердиться Кулов и осадил Талиба. — Кажется, с твоим участием принято коллегиальное решение. Коллегиальное, я подчеркиваю. И твое дело как члена Комитета обороны выполнять его. Или ты не знаешь, что такое партийная, государственная дисциплина? Не знаешь — научим. Не хочешь — заставим. Так говорят в армии, а сейчас мы все в армии. Живем и действуем по армейскому уставу. Я знаю, ты уже начал сбрасывать свою ношу — дал директиву раздавать коров колхозникам под сохранную расписку, а может, и без расписки? Не хочешь ли ты плыть через поток налегке.

— В чем мать родила! — Бахов почувствовал поддержку и воспрянул духом.

Апчара насторожилась. Только сейчас она поняла, чью директиву выполнял Бекан, когда «ликвидировал бескоровность». Ведь списки не были утверждены даже сельсоветом. А раздали не один десяток коров.

— Но пуля опередит тебя! — с удовольствием добавил Бахов. — Далеко не уплывешь!

Кулов между тем снова собрался с мыслями и стал было продолжать речь:

— Товарищ Диданов произнес умные слова: «Народ взвалил ношу на наши плечи, и только народ ее может

снять». Но наши плечи — это и твои плечи, товарищ Сосмаков...

— Давайте рассудим трезво.— Сосмаков встал и начал говорить, хотя слова ему никто не давал. Он одернул гимнастерку, угнав все складки под ремнем назад, отчего образовалась у него на спине сборка, похожая на задорный петушиный хвост.— Вот мы кричим: ноша, ноша... красиво. А на самом деле ноша — это миллион голов скота. Эвакуированный, наш — все смешалось. Весь скот теперь наш. С такой ношей не то что поток переплыть, под землю провалишься. Вот я и спрашиваю: куда ее девать, эту ношу, если нагрянут немцы? Ну, куда? Допустим, дадут указание — эвакуировать скот. Но как эвакуировать, в какие края, по каким дорогам — это же мы должны решать. И решать это нужно заранее, сейчас, пока не грянул гром. А мы ходим вокруг да около. Еще раз спрашиваю, как, по каким дорогам погоним скот, в каком порядке?

— Скажут! — выкрикнул с места Бахов.

— А если не скажут?

— Скажут!!

— Может, и скажут, но только в последнюю минуту. Добро если бы скот наш был весь на фермах: открывай ворота и гони. Но мы его должны сначала спустить с гор, а на это потребуется больше недели.

— Тебе уже говорили,— начал терять терпение Кулов,— мы не имеем права эвакуировать скот без указания сверху. Когда надо — Москва скажет свое слово.

— А если Москва не вспомнит об этом? Понадеется на нас? У Москвы дел хватает. В суматохе можно просто забыть...

— Сталин ничего не забывает! — выкрикнул Бахов.

Против этого никто ничего не возразил.

— Мы не мелочь, о которой можно забыть, товарищ Сосмаков,— медленно, с расстановкой, даже подделываясь под Сталина, заговорил Кулов.— Сталин помнит даже о таких мелочах, как, скажем, благодарственная телеграмма сельскому учителю за средства, пожертвованные на создание танковой колонны.

— Чопракское ущелье не на луне,— продолжал Кулов, уже успокаиваясь,— мы не изолированная крепость, окруженная со всех сторон неприступными скалами. На нашей территории сосредоточились богатства, вывезен-

ные с оккупированных земель, не говоря о скоте. Мясо, шерсть, кожсырье, масло, кони — это так же дорого и необходимо фронту, как танки, пушки и самолеты. Здесь достаточно лошадей, чтобы сформировать три-четыре буденновские армии. А точного количества скота не знает даже сам Талиб Сосмаков.

Казалось, Кулов убедил всех, но неугомонный старый Бекан подал голос:

— А если придется гнать скот под бомбежкой?

— Почему придется гнать скот под бомбежкой? — Бахов тоже наконец вскочил с места, поправил на себе новенькое снаряжение, откинул назад изящную сумку с картой под целлофаном. — Враг еще далеко! Нам рано говорить о бомбежке. Мы вне зоны досягаемости...

— А самолеты уже летают, — выпалила вдруг Апчара.

— Одиночные. Разведывательные. А бомбардировщики не могут к нам прилететь.

Апчара поймала на себе строгий взгляд Бахова и затихла.

— Когда окажемся в зоне досягаемости бомбардировочной авиации противника, поздно будет думать об эвакуации скота, — поддержал Бекана и Сосмаков.

Бекан не остался в долгу и тотчас подхватил мысль Сосмакова.

— Скот сюда шел две недели. Сначала лошади, потом гулевой скот, потом маточное поголовье и молодняк. Шли по плану, по расписанию, как поезда, чтобы одни не мешали другим. Дорогу в ущельях не раздвинешь и с нее не свернешь. Придет срок, получим директиву: «Спустить скот с гор». И как же мы погоним скотинку? Скопом? Лошади, коровы, волы, телята, овцы, ягнята — они сомнут, подавят, растопчут друг друга, так что и за три недели дороги не расчистишь от трупов. Разве Сталин знает об этом? Разве он должен нам подсказывать, когда гнать скот?

— Он и не должен вникать в такие мелочи. — Чока дал понять, что и он на стороне отчима.

Бекана раздражала нерешительность Кулова, и он горячился все больше и больше.

— Сейчас самолеты бросают листовки. А если начнут бросать бомбы? Ну-ка брось бомбу на табун лошадей, что будет? Их и так трудно заарканить, а тогда

вообще — ищи в пропасти. Костей на утильсырье не соберешь. Когда гонят отару овец, впереди ставят козла. Козел смелее, сообразительнее, он и ведет овец. Так и народ. Он хочет, чтобы впереди стоял смелый, сообразительный вожак...

Смысл бекаповских слов поняли все, и, конечно, сам Кулов, но он неколебимо верил, что в нужный срок поступит директива об эвакуации скота, промышленного оборудования, а также всех остальных движимых богатств, что Москва, наравне с предприятиями, поставляющими молибден и вольфрам, необходимые для оборонной промышленности, держит в поле зрения и высокогорные пастбища, на которых скопилось огромное количество скота. А начини подтягивать скот поближе к фермам, люди ударятся в панику, прекратят заготовку кормов, стрижку овец, доярки разбегутся по домам, прекратится сдача животноводческих продуктов. Еще хуже — стяжатели начнут греть руки на общественном добре — растащат скот и все государственное имущество. И кто за это ответит?

Люди еще не представляют всей опасности, нависшей над ними. Они живут довоенными иллюзиями.

С одной стороны, ясно — надо спасать народное добро, ношу, как говорит Бекан, надо переходить с ней через бурный поток. Но с другой стороны, только начини эвакуацию — и прекратится полезная деятельность людей.

За бегство людей можно будет потом оправдаться, если немцы оккупируют Северный Кавказ. А если нет? Если их остановят на одной из оборонительных линий, построенных в последние месяцы?

Может быть, скот не гнать на плоскость, а поднять еще выше, ближе к Кавказскому хребту? Даже если немцы придут сюда, там, высоко в горах, будут действовать партизанские отряды. Они сумеют сберечь скот от врага.

Для таких мучительных размышлений не хватит никакой головы. Что из того, что не успеем эвакуировать скот? Согласиться же с Талибом Сосмаковым — значит заранее предсказать поражение наших войск и неизбежность немецкой оккупации. Нет, все что угодно, только не это.

— Мы сейчас не о том говорим, товарищи.— Кулов не узнал своего голоса и поймал себя на том, что и он в эту минуту говорит не о том, что думает. Но остановиться уже было нельзя, и он продолжал упавшим голосом: — Мы должны сосредоточить внимание людей на решении хозяйственных задач — дать фронту больше мяса, шерсти, молока, масла. Немцы будут остановлены на Дону. Если им удастся овладеть южными берегами Дона, их ждет укрепленная линия обороны в районе,— он хотел сказать «Армавира», но, решив, что это военная тайна, добавил:— южнее Дона. Нам надо бросить все силы на создание прочной кормовой базы, заготовить столько грубых и сочных кормов, чтобы обеспечить зимовку не только своего, но и эвакуированного скота. Мы располагаем сведениями, что руководители некоторых колхозов стараются продать военным организациям побольше скота, чтобы сократить поголовье. Есть даже случаи спекуляции. Это безобразие. Обеспечением армии продовольствием мы будем заниматься централизованно. Мы уже связались с военными, ведем переговоры относительно продажи для фронта нескольких сот тысяч овец. Скоро вы получите разнарядки по колхозам и совхозам.

Сосмаков покачивал своей большой головой, и Кулов подумал: «Наконец и Талиб согласен со мной». На самом же деле Сосмакову хотелось сказать: «Давайте кончим спор, лучше гнать скот вниз, пока не поздно!» Он, Талиб Сосмаков, понимал, что в конце концов стрелочником окажется он, земледелец, ответственный работник.

Кулов разворачивался все шире. Он клеймил зоотехников, составляющих заранее акты на списание падежа скота. Предлагал наказывать доярок, которые убегают домой, называл это «дезертирством с боевого участка», угрожал судом тем, кто расхищает продовольственные карточки, спекулирует ими, присваивает себе общественный скот. Он предлагал незамедлительно разобраться с вопросом, кто под видом «ликвидации бескоровности» раздал колхозных коров по домам... Его голос крепчал.

— Колхозников, которые ушли в сторожа и охранники, бросить на сенокосение. Пора кончать с «зеленым настроением», когда безответственность прикрывается тем, «что трава еще зеленая». А между тем скошенное сено гниет от дождей...

Речь Кулова прервалась неожиданно. Из палатки, в которой все время потрескивала рация, вышел радист и передал исписанный карандашом лист бумаги Бахову, стоявшему за спинами стариков. Бахов схватил бумагу, пробежал глазами по неровным строчкам, нахмурился и строго взглянул на парня: не сам ли тот сочинял? В верхнем углу радиogramмы крупно было начертано и дважды подчеркнуто «Срочно». Бахов и раз и два пробежал глазами по строчкам: «Получено чрезвычайное сообщение, необходимо немедленно вернуться Нальчик для принятия решений». Подписал секретарь обкома.

Бахов подошел к Кулову, вручил ему бумагу и остался стоять рядом с ним, словно без него кто-нибудь мог выхватить радиogramму из рук.

Кулов продолжал говорить, не глядя на подсунутую ему бумагу. Может быть, он думал, что это простая записка с вопросом. Бахов не вытерпел и шепнул оратору в самое ухо:

— Срочная радиogramма.

Кулов прервал речь на полуслове. Его разгоряченное лицо стало бледнеть. Сосмаков не спуская глаз следил за каждым движением Кулова. Он был уверен, что эта бумажка и есть указание об эвакуации скота.

Все поняли, что произошло что-то важное, но никто не знал, что же случилось. Никто не решался и спросить. Но не знали этого и сами получившие радиogramму. Если бы они знали, что всего-навсего получена обкомом телеграмма о прибытии Нацдивизии в действующую армию, они, конечно, с облегчением сообщили бы об этом народу. Но теперь Кулов был вынужден прервать речь и передать бразды правления совещанием Сосмакову. Вместе с Баховым они вскочили в машину и помчались вниз. Их машина долго еще петляла по серпантинам.

ОГОНЬ ИЗ ГЛАЗ! ПРАВАЯ, УДАРЬ!

Чока ехал, чтобы обрадовать Апчару. Поэтому он не ехал, а летел на крыльях. Своих радостей у него мало. Только и есть одна радость, что сама Апчара. Главное огорчение — не зачислили в Нацдивизию. Вызвали на

бюро обкома, и вместо политотдела Нацдивизии Чока оказался в штабе пастбищ.

— Посылаем туда, где ты нужнее, — сказал, как отрезал, Кулов.

Остались от мечты о Нацдивизии одни только серебряные шпоры, которые Чока успел себе заказать.

Чока и думать не мог, что в его назначении в какой-то мере повинна и Апчара.

Случилось следующее. Во исполнение директив сверху Чока Мутаев разослал первичным комсомольским организациям колхозов, школ, ферм, кирпичного завода — всюду, где есть отряды самообороны и военные кружки, письмо, в котором предлагалось немедленно приступить к обучению молодых бойцов приемам рукопашного боя.

Апчара получила первый, самый четкий экземпляр мутаевской директивы, но все равно ничего в ней не поняла. Какой рукопашный бой? Как обучать, если сама ничего не знаешь? Побежала советоваться к подругам. Но доярки тоже не слышали ничего о рукопашном бое. Толстененькая крепышка Азиза стала уверять, что указание это, должно быть, не для девушек. Апчара даже обиделась: как это не для девушек, если Чока лично прислал?..

Выручить мог бы зоотехник Питу, но, как на грех, он не появлялся. Перед этим он оставил толстую пачку бланков на падеж скота и был, очевидно, спокоен за этот участок. А директива предписывала: «...немедленно приступить».

Азиза наконец догадалась:

— Наверно, рукопашный бой означает бой руками. Дать кому-нибудь кулаком по шее, вот так... — Тут она хотела шутя ударить стоящую рядом доярку, но та увернулась. Шутки шутками, но кулаки у доярок крепкие, как литые.

— Надо будет испытать на зоотехнике.

— Ну, его и на пол-удара не хватит.

Девушки развеселились, но Апчара строго сказала Азизе:

— Ты первая догадалась, ты и будешь руководить занятиями по рукопашному бою.

Стряпуха не ожидала, что шутка обернется против нее. Но что же делать? Хорошо бы найти в учителя ка-

кого-нибудь аульского драчуна, да где его теперь возьмешь?

Каждое утро Азиза выводила подружек на занятия. Уже после первого урока девушки лишились своих пышных причесок. У кого порвана кофта, у кого отлетели пуговицы, кто растерял заколки и гребешки.

Питу Гергов не появлялся. Попробовали поискать соответствующую литературу — не оказалось. Тогда Апчара вспомнила, что у Лермонтова в «Песне о купце Калашникове» есть описание кулачного боя. Эта книга и стала главной инструкцией.

Азиза выстраивала девушек в две шеренги лицом друг к другу. Рукава засучены. Для начала разминка. Команды Азиза сочиняла сама.

— Разогрев начинай! — Это значило: маханием рук и холостыми ударами по воздуху привести себя в состояние возбуждения и ярости, когда можно колотить друг дружку, не думая о последствиях.

— Огонь из глаз! — командовала Азиза после разминки. Это упражнение было рассчитано уже на психическое воздействие на противника.

— Широко открытыми глазами гляди на противника, внуши ему страх, подави в нем волю к борьбе, — поучала Азиза.

— Правая, удары! — Правая шеренга наносит безответный удар по беззащитной левой шеренге.

— Левая, удары! — Правая шеренга получает сдачу от левой.

Сначала доярки только делали вид, что наносят удары, но мало-помалу входили в азарт, смеялись сквозь слезы, визжали, оплеух казалось недостаточно, по-девчоночьи вцеплялись друг другу в волосы и дрались по-настоящему, забывая, что это всего лишь учебное занятие, что и оплеухи должны быть учебными.

Азиза как руководитель тоже вошла в роль. Ей понравились такие занятия. Куда интересней, чем доить коров, лечить телят или стряпать. А главное, представился счастливый случай показать дояркам, на что она способна.

По утрам проезжавшие по Долине белых ягнят люди никак не могли понять, что происходит на молодежной ферме. Или Апчара придумала новую игру для забавы девушек? Каждый день, едва молоковоз примет

утренний надой, девушки отставляют в сторону подойники и выстраиваются в две шеренги. Долина оглашается девичьим визгом, криком, а бывает, и плачем.

Азиза наметила программу по рукопашному бою и дала ее на утверждение Апчаре. Там были записаны все команды. Теперь по утрам звучало на ферме: «Разогрев начинай!», «Огонь из глаз!», «Правая, ударь!».

В лермонтовской поэме, которая послужила молодым энтузиасткам первоначальной инструкцией, были и утешающие строки, которые девушки твердили наизусть:

Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, того бог простит.

До аула дошли слухи о странных упражнениях, которыми занимаются доярки на молочной ферме. Бекан все не мог выбрать время, чтобы проверить эти слухи, но Бахов поехал немедленно.

Он остановил машину на почтительном расстоянии от фермы, чтобы не испугнуть доярок, а сам пошел пешком, надеясь появиться перед девушками неожиданно.

На этот раз занятия проводила сама Апчара.

Девушки вышли на поляну и выстроились парами, словно собирались танцевать кабардинский танец «удж». После «подогрева» девушки потоптались на месте, еще не войдя в раж. Иные, получив хорошую оплеуху, выходили из строя, чтобы поправить прическу или поднять упавшую в траву брошь.

Апчара делала замечания, предостерегала от опасных ударов, запрещала бить по лицу и шее, чтобы не повредить девичью красоту.

Бахов глядел и не верил своим глазам: какому идиоту пришла идея учить девушек кулачному бою? У женщин есть свое действенное оружие — язык. Оно сразит наповал любого мужчину, хотя владеть этим оружием никто их не учит, как не учат плавать утку или гуся, а ворону летать. Иная женщина так владеет языком, что может одно государство привести в состояние войны с другим государством.

Постепенно девушки разогревались, и начинался серьезный бой. Они пошли навстречу друг другу, держа правый кулак поднятым. Ожидалась команда: «Правая, ударь!» Но подать эту команду Апчара не успела. Она увидела Бахова. Тот едва сдерживал смех, но делал вид,

что удивляться тут нечему. Апчара навстречу Бахову шагнула по-военному и бойко, почти по воинскому уставу отрапортовала:

— Отряд, смирно! Товарищ командир, на ферме идут военные занятия.

— Вольно. Продолжайте! — Бахов напрягся, чтобы не расхохотаться и не обидеть девушек. Но это ему не удалось. Увидев исполнение команды «Правая, ударь!», потом «Левая, ударь!», он неудержимо захохотал и, сняв фуражку, обнажил раннюю плешинку на голове.

Апчара чуть не разрыдалась.

Девушки остановились в растерянности. Они было обрадовались приезду настоящего военного. Он, конечно, знает, что такое рукопашный бой, и поставит обучение как надо или вовсе отменит это постыдное занятие. Последнее время среди доярок шел ропот. Напрасно Апчара уверяла подружек, что умение ударить кулаком пригодится не только для фашистов, что можно будет поставить на место и зарвавшегося мужа.

Азиза была на стороне Апчары:

— Вдруг тебя захотят похитить. Дашь по зубам не прошеному жениху, пока он свои зубы соберет, ты убежишь. Кулак в таком деле лучшее доказательство правоты и даже единственная защита. Или если немец набросится на тебя...

Разгорались споры. Потому теперь все ждали, что скажет Бахов.

Бахов обратился к Апчаре:

— Что вы сейчас отрабатывали?

— Нанесение удара правой рукой, — не задумываясь, ответила Апчара.

— А левой?

— И левой тоже.

Никто не смеялся. Раскрасневшиеся девушки отряхивались, поправляли на себе одежду, косынки, заплетали растрепавшиеся косы и с ожиданием поглядывали то на Бахова, то на Апчару, которая вертела в руках книжку Лермонтова.

— Так-так. Удар правой, удар левой. Великолечно! — Бахов оживился. — Я любовался вами издали. Какая сила удара! Бац! И несчастный муж просит пощады. Не так ли?

— Это лучше, чем вцепляться мужу в волосы и выдирать их.— Апчара хотела ужалить Бахова, намекнув на его лысину.

— Клянусь, это верно. Моя жена, к счастью, закончила эту операцию. Но скажите серьезно: чем вы занимались сейчас?

— Шли занятия по рукопашному бою.

— Я серьезно спрашиваю.

— И мы — серьезно.

— Кто вас этому научил?

— Сами.

— Вместо физзарядки, что ли?

— Нет. Это военные занятия.

— Есть инструкция?

— Письмо из райкома комсомола.— Апчара полистала книгу Лермонтова и извлекла оттуда письмо, подписанное Чокоей Мутаевым. Бахов пробежал глазами директиву, против которой по существу нечего было возразить. Директива предлагала «обучать молодежь приемам рукопашного боя».

Бахов что-то пометил в своей книжечке и вернул письмо. Он посмеялся и объяснил, что девушки неправильно поняли директиву. Рассказал, что значат приемы ближнего боя, в частности рукопашный бой. Показал, как это надо делать, помог выбрать место для штурмовой полосы, подробно разъяснил, из чего должна состоять эта полоса, какие снаряды где нужно ставить, пообещал прислать на ферму инструктора-военрука и посоветовал пока прекратить отработку удара правой и левой. Тем бы дело и кончилось.

Но Бахов не удержался от соблазна рассказать о курьезе на заседании Комитета обороны. Успех был потрясающий. Удрученные плохими вестями с фронта, комитетчики смеялись до слез, как не смеялись ни разу с начала войны. Этот смех и обернулся против Чоки Мутаева, слушавшего правильную директиву, но не разъяснившего, как ее претворить в жизнь. Чоку переключили на штаб пастбищ.

Сегодня, несмотря на плохую сводку Совинформбюро, услышанную по радио, Чока в радужном настроении. Каждая встреча с Апчарой для Чоки — это событие, и он не злоупотребляет своим счастьем. Мог бы ездить на ферму каждый день, но ежедневный праздник

постепенно превращается в будни. Одно дело ехать к любимой девушке просто так, а другое дело — везти счастливую, радостную весть.

— Твой сон в руку,— скажет сейчас Чока Апчаре.— Ты увидишь брата.

Апчаре приснилось недавно, будто их ферма превращена в госпиталь и привезли раненого Альбияна. Он весь в кровавых бинтах и просит парного молока. А молоко, как назло, уже отправили на завод. Апчара бегаёт с пустой кружкой от доярки к доярке и нигде не может найти ни капли. Тут, откуда ни возьмись, появился Кулов и строгим голосом приказал:

— Иди домой. Лучшую корову с фермы забрали, а молока не найдешь?

Апчара проснулась в слезах.

— Твой сон в руку,— скажет теперь Чока.— Ты увидишь брата.

Чока не сомневался, что Апчара обрадуется известию. Она и раньше много раз просилась на фронт. Отговаривали: на кого оставишь бедную мать? Но Чока только ссылался на Хабибу. Он и сам не хотел разлучаться с девушкой. Отвезти посылки и вернуться обратно — это не страшно. Апчара будет в восторге. Это ей подарок от Чоки. Когда Мутаева попросили назвать лучшую комсомолку, чтобы в составе республиканской делегации сопровождать подарки для Нацдивизии, он не задумываясь назвал Апчару Казаноккову. Никто не возражал. Все о ней слышали и раньше. Теперь только бы согласилась Хабиба.

Чока нетерпеливо ерзал на сиденье и все время просил шофера ехать побыстрее.

СБОРЫ И РАЗГОВОРЫ

Наступил день отъезда. С утра двор Хабибы стал похож на утренний базар. У каждой семьи был кто-нибудь в Нацдивизии, на фронте: сын, жених или брат. Каждый нес теперь посылочку или письмецо, чтобы отдать Апчаре. Она никому не отказывала. Письма складывала в свой школьный портфель, посылочки — в большие мешки. В тетрадь записывала, кроме того, кому что передать на словах. Каждый уговаривал Апчару

отдать посылочку в собственные руки, и Апчара обещала, уверяла, клялась, что так и сделает. Ей казалось, что все будет похоже на парад в Нальчике. Полк за полком будут проходить мимо нее перед трибуной, она будет вызывать по своему списку бойцов и отдавать им посылки и письма, а также рассказывать о близких и родственниках.

Отдав Апчаре ящички, узелки и письма, люди не уходили со двора, а рассаживались тут же в тени деревьев. Начинались неторопливые разговоры. Причем новости были не проверены, слухи невероятны, догадки замысловаты, а предсказания нелепы. Все вертелось вокруг войны. Чем больше говорили о ней, тем тревожнее становилось на сердце.

— А правду ли говорят,— спросила Хабиба, обращаясь к мужчинам,— будто немцы хотят отравить Чопрак и погубить всех, кто пьет из него воду?

Женщины под грушей затихли. Неужели немцы пойдут на такое душегубство? Но уже доползали слухи о машинах, в которых удушают людей выхлопными газами. Насажают битком целый кузов и, пока везут до свалки,— готово, одни трупы.

Насчет отравления Чопрака разделились мнения. Кто считал, что отравить реку пустяковое дело. Сбросят с самолета ящички с ядом где-нибудь в верховьях, и потечет вниз отравленная вода. Другие спорили, что не хватит на Чопрак никакого яда, слишком он бурный, чтобы его отравить.

Апчара напустилась на Хабибу:

— Откуда ты взяла, что немцы дойдут до Чопрака? Пусть они оседлают даже ветер, все равно им не добраться до нас. А наша дивизия? А наш Альбиян? Клянись, когда он ударит из своих минометов, немцы полетят, как разбитые горшки.

Почтальон Сентраль усмехнулся, сверкнул единственным глазом, которым, как говорят, он видит больше, чем иной двумя. И в этом есть доля правды, иначе где бы он находил деньги, чтобы каждый день быть навеселе. Недавно он принес двум матерям пособия за погибших на фронте сыновей. Одной досталось семнадцать рублей, другой только семь, хотя оба парня были призваны в один и тот же день и попали в одну и ту же часть. По злой воле судьбы оба и погибли в одном

бою. В военкомате выяснилось, что бедняжку обсчитал Централь, аульский почтальон. За ним признавали только одно достоинство: никто не умел так красиво стоять у пиршественного стола в роли виночерпия. Централь стоял на одной ноге в знак уважения к сидящим гостям.

Теперь, сверкнув одним глазом, он насмешливо проговорил:

— Бедная Украина и Белоруссия. У них, видно, не было своего Альбьяна с минометами.

— Разве их реки уже отравлены? — спросил кто-то из сидящих в тени.

Апчару задела слова Централя. Она распалилась:

— Может быть, Альбьян и не остановит всех немцев, но Сталин не отдаст Кавказ!

Апчаре было обидно до слез. Она видела, что ее слова не успокоили встревоженных женщин, не осадяли одноглазого почтальона, разносившего по домам не только газеты с письмами, но и разные слухи. Он сбил с толку даже Хабибу, напугал ее и заставил натаскать полный дом чопракской воды — в запас, пока реку не отравили немцы.

Единственный глаз Централя от запальчивых слов девчонки разгорелся еще ярче.

— По-твоему, Украину, Белоруссию и Молдавию Гитлер взял с разрешения Сталина? Извини, мол, Иосиф Виссарионович, с твоего позволения я оттяпаю у тебя полстраны, а то очень жирно живешь. Так, что ли?

Апчара ударила с другой стороны.

— У тебя пораженческое настроение. Ты сеешь панику и предсказываешь крах.

Эту фразу она услышала на совещании от Бахова и теперь удивилась, как баховские слова приструнили Централя. Он сразу прикусил язык и даже спрятался в тень.

Централь, в сущности, не имя почтальона, а только прозвище. Обзванивая соседние аулы, он кричит в телефон: «Централь! Централь! Дайте район! Централь!»

Когда после слов Апчары Централь спрятался в тень, Питу Гергов крикнул ему вдогонку:

— Ты и здесь говоришь, как по телефону.

Все засмеялись. Под этот смех во двор Хабибы въехали верхом Бекан и Мисост. Люди вскочили. Смех затих.

Миссост опередил Бекана и первым заговорил:

— Не стыдно скалить зубы, когда в глазах людей не свет солнца, а черный дым. Земля размокла от крови людей, а ваши лица в слезах от смеха!

— Ишак и тот один раз в жизни смеется,— хотел пошутить Питу.

— Люди должны смеяться.— Бекан покровительственно оглядел всех, приглашая сесть.— Плохо, если смех не идет на ум. Положить бы в эти ящики и узелки побольше смеха и отправить на фронт. Пусть смеялись бы наши дети на войне. Им, видать, не до смеха.

— И я о том говорю,— пробурчал Миссост.

— Ну, Апчара-Лашин, едешь к своему брату? Повезло тебе. Мне сын рассказывал, что твою кандидатуру приняли охотно. Еще бы! Диверсантов заарканила. Другой такой не найдешь. Я и то горжусь. Кто спросит, отвечаю: Апчара-Лашин из нашего аула, моя соседка, словно дочь мне. Ты там на фронте погляди хорошенько, как мои седла. Надежны они? Порасспроси джигитов. Может, кое у кого седла расклеились. Пусть напишут. Сразу пошлем. Не забудешь?

— Ты послал бы эти седла с посылками,— посоветовала Хабиба.

— Ездил в город, предлагал. Не берут. Четыре вагона одних посылок. Четыре полка — четыре вагона. А седло, говорят, военный груз. Пока посылают посылки с гостинцами. Каждому бойцу — отдельный ящичек.

— Хватит ли всем?

— Хватит. Они-то знают, сколько бойцов в дивизии. Никого не обидят. Кто раненым окажется, тому пошлют в госпиталь.

Апчара перебирала письма, связывала их пачками. Гора ящичков и узелков около нее росла.

— Командира дивизии увидишь — погляди на его седло,— попросил Бекан.— Как оно, в целости ли. По таким седлам раньше судили о мастерах. Настоящее кабардинское седло. Для сына делал. Подарок ко дню женитьбы. А теперь неизвестно, когда он женится.— Старик краем глаза поглядел на Апчару. Девушка, опустив голову, писала в тетрадке.— А и женится, зачем ему седло. Он больше на машине, не на коне. Понадобится — новое сделаю. Дай аллах, чтоб это было седло счастья...

— Дай аллах, дай аллах! Пусть это седло не будет таким, из которого когда-то упал ты сам! — Как видно, Хабиба искренне желала старику добра, ему и его приемному сыну. Все вокруг поняли, о чем она говорит.

— У Бекана беды и радости всю жизнь связаны, как два стремени одного седла.

Аул помнит тот день, когда седельщик чуть не угодил, как говорится, под копыта коня. Это случилось в тридцатых годах, когда заказы на седла резко пошли на убыль. Все реже и реже благодарные заказчики, изумленные красотой и благородством Бекановых изделий, выжигали свои фамильные знаки, свои тавро на дверях седельщика. Но все же седельщик не сидел еще без работы. Табунщики гор, председатели колхозов и бригадиры иногда просили Бекана сделать новое седло, и он делал. Хотя и видел, что у самих заказчиков как-то потерялся и пропал вкус к кабардинскому седлу. Какое ни сделай, все хорошо.

Однажды ночью Бекана разбудил резкий стук в дверь. Выйдя на крыльцо, он увидел всадников. Один из них держал свою лошадь на поводу. Это были люди Бетала Калмыкова, как потом выяснилось, гнавшиеся за какими-то бандитами. Во время погони под всадником, который стоял теперь на земле, развалилось седло. «И было от чего развалиться,— подумал Бекан. Всадник, огромный и грузный мужчина, весил килограммов сто двадцать, не меньше. Всадники потребовали от него новое седло, и Бекан беспрекословно отдал им только сегодня сделанное. На этом бы дело и кончилось. Но, оказывается, и новое седло не выдержало грузного всадника. И произошло это будто бы на скаку, во время ответственной погони. Из-за Беканова седла будто бы бандитам удалось улизнуть. Бекана обвинили в пособничестве врагу. Пришлось оставить мирное седельное дело.

Долго Бекан не принимался за прежнее ремесло, да и не стало спроса на седла. Он сделался колхозным табунщиком, ведь лошадь, кабардинская лошадь всегда была главной его страстью. Ради лошадей, ради этих тонконогих, крутошеих красавцев и красавиц он и мастерил такие изящные седла: чтобы одно украшало и дополняло другое.

О седельщике вспомнили, когда начала формироваться Нацдивизия и понадобилось много седел. Бекан Диданов срочно был вызван в Комитет обороны, где ему предложили возглавить все седельное дело республики. Отвели помещение, нашли сырье. Бекан знал всех седельщиков, забросивших теперь свое ремесло, и собрал их всех под одну крышу. Дело пошло на лад. Седельщик оказался на виду и в почете. К нему то и дело приезжали разные начальники. Особенно торопили его с личным седлом для командира дивизии. Это седло, конечно, Бекан делал собственноручно. Сам Бахов проверил седло комдива, прежде чем его отправили настоящему хозяину.

— Привет от старого Бекана передать не забудь! Полковник — опытный джигит, сразу оценил седло. Даже не хотел брать. Говорит, такому седлу место в музее. Привет ему передай, — попросил Апчару старый седельщик.

— Апчара больше смыслит в кулачном бое, а не в седельных делах, — пошутил Питу.

— Ты бы пришел да и научил! — Апчара едва не набросилась на зоотехника. — Наглец, смеется над нами!

— Ладно уж вам ругаться, нашли время, — строго посмотрела мать на развеселившегося Питу. — Немцы вон все ближе подходят.

— Вздумал шакал медведя проглотить. Но не по горлу кусок. Велик. Да и клыки у медведя острые.

— И клыки и когти у медведей дай бог, а шакал его мало-помалу глотает. Вон пол-России у него внутри, — перебил Бекана Мисост, который с некоторых пор вместо утреннего намаза аккуратно слушал радио, сидя на молитвенном коврике. Соседи думают, будто он снова стал верующим, достал с чердака старый молитвенный коврик, а Мисост понимает что к чему. — Россия велика, да неповоротлива. Шакал — хищник верткий, за горло — хватать, за ляжку — хватать, и, глядишь, жертва падает от потери крови. Так он Францию сожрал. Так же сожрет и нас.

— Не сожрет, — сердито возразил Бекан. — Допустим, по-твоему, укусит шакал за ляжку. Но пока он дойдет до головы, рана на ляжке заживет, или — обратная картина; пока пробирается от горла к хвосту, заживет гор-

ло. Кто-кто, а я-то знаю, какая она, Россия, из конца в конец.

— Может, и так. Но мы все равно,— не унимался Мисост,— оказываемся между двумя жерновами. Мы — малые народы. Начнут нас кидать из пасти в пасть, пропадем. У кого тут будешь искать защиту?

Мисоста переспорить — нелегкое дело. Бывало, что он сбивал с толку и городских докладчиков. Бывало, что умудрялся показать себя чуть ли не сподвижником Бетала Калмыкова.

Председательствующий на собрании обратится к народу: есть ли вопросы? Мисост тут как тут. Тянет кверху свой палец, похожий больше на желтый кукурузный початок.

— Есть вопрос. Вот вы сказали нам такие-то и такие-то слова. И будто эти слова сказал сам Бетал. Так это или не так?

— Да, я цитировал вам слова Бетала Калмыкова,— докладчик начинал бегать глазами по бумажке,— вот... страница...

— Не поразительно ли это, дорогие аульчане,— поворачивался Мисост к народу,— что слова Бетала и мои слова, те, что я недавно говорил около мечети, сходятся, как эти два пальца.

И к одному желтому початку Мисост присоединял второй такой же желтый початок.

Вот и теперь все видели, как в споре Мисост забирает верх над седельщиком.

— Что такое мы, кабардинцы, на шубе России? Всего лишь пуговица, крючок. Потерять пуговицу в драке — пустое дело. Замечают ее уже после драки.

— Таких пуговиц немало на шубе России. Не мы одни.

— Верно, верно, не мы одни,— подал голос Сентраль, и было еще не понять, на чью сторону, на чью чашу весов положит он свой камень.— Конечно, какая шуба с одним крючком? Не бывает таких шуб. Но скажи, Бекан, а не захочет ли Гитлер перекрасить и перешить эту шубу на свой манер? Срежет он все крючки, а поставит какие-нибудь медные застёжки...

— Или молнию...— добавил Питу.

— Пусть мудрейшие простят мне,— Хабиба бросила взгляд на дочь, как бы упреждая ее попытку помешать

матери говорить.— Не хотелось встречать в мужской разговор. Но и женщины тоже не через нос воду пьют. Не умом, так чутьем мы угадываем, где истина.

— Говори, говори,— подбодрил Бекан.

— Гитлер, может быть, и хочет перекроить русскую шубу. У него свой фасон и портные тоже свои. Но сначала надо ему этой шубой завладеть. Стащить ее надо с плеч Сталина. Разбойники были и свои и чужие. А кто сумел снять эту шубу? Никто. У Сталина плечи крутые. И в руке не только трубка. Есть и оружие. На такой шубе быть крючком — не последнее дело. Пусть Гитлер не походит на глупую барыню, которой еще только пообещали шкуру медведя, а уж она стала в умс кроить: которое место на рукава, которое место на воротник. Сталин не отступит перед Гитлером. Не только шубы, не даст, не потеряет ни пуговиц, ни крючков...

— Грабитель на то и грабитель, что стаскивает одежду, не спросив разрешения хозяина. Против воли. Настигнет в темном углу и — конец,— прервал Хабибу Мисост.

Но Апчара все равно с восхищением посмотрела на мать.

Заскрипела калитка. Все головы повернулись к воротам. Пришел мулла, бледнолицый старик. Он принес небольшой сверток. Это была его посылка, не сыну и не внуку (не было детей у муллы), а единственному ученику, которого он украдкой, по ночам, обучал корану. В ученике видел мулла преемника. Надо было защитить его от пуль, от осколков и от сабельного удара.

Для того чтобы спасти и защитить ученика, мулла приготовил амулет со стихом из корана, завернул его в башлык, чтобы люди не могли догадаться. Апчара передаст башлык ученику, и тот будет верить, что хранит его от немецких пуль благодать аллаха.

Мулла читал немецкие листовки и знал, что немцы гарантируют мусульманам свободу вероисповедания. Снова откроются все мечети. Казалось бы, мулла должен радоваться и ждать с нетерпением прихода немецкой армии. Но запутан человек, запутан и слаб.

В те годы, когда служителей культа высылали за пределы республики, этот мулла уцелел, потому что дал клятву никогда не служить аллаху. Впрочем, он и не

был в то время настоящим муллой. Ему не хватало места: все четыре мечети в ауле были заняты другими муллами. Долго, с тайной надеждой ждал он, когда освободится для него место, и дождался в конце концов, что освободились сразу все места.

Шли годы. Про четырех мулл все забыли. Но люди остались. Они то умирали, то им нужно было жениться. И то и другое они часто хотели делать с молитвой. Читать же молитвы умел только он, чудом уцелевший мулла. Правда, молодожены, прежде чем обратиться к мулле для скрепления их союза, расписывались в сельсовете и даже приносили мулле соответствующую справку, ну а что касается похорон, то тут у муллы не было соперников. За ним приезжали из других, даже очень отдаленных аулов, и чем дальше аул, тем дороже брал мулла за похороны и за свадьбу.

Но что же будет теперь? Придут немцы. В Машуко снова будет четыре муллы, как в прежние времена. Теперь, когда говорят «мулла», все знают, о ком идет речь. А тогда? Нужно будет называться по имени. Нужно будет знать свое место.

Мулла отдал Апчаре свой сверток, почтительно поклонился и отошел в тень деревьев.

Между тем разговор, прерванный приходом муллы, возобновился.

— Далеко ли Нацдивизия ускачет на конях, если навстречу грохочут танки? — сделал Мисост новый захват. — Как бы от конского хвоста дым не пошел.

— Нет, Мисост, не говори так о коне, — упорствовал и Бекан. — Танк встретит на пути лес, надо прорубать просеку, дойдет до реки — надо строить мост. А если горы? Понадобится дорога. Коню же все это не помеха. Нацдивизия пройдет везде, и конники встретят твой танк пушкой.

— А самолеты? — не унимался Мисост. — Ты разве не видел, как хищная птица достает добычу из расщелин скал? Не дай аллах, чтобы самолеты нагрянули на конницу. Копыта взлетят, как черные вороны, когда спугнешь их с падали.

Мисосту хорошо говорить. У него все дети больные и квелье от рождения. Сидят дома. Однако женщины от его слов помрачнели. Мулла пришел им на помощь.

— Один аллах знает, что случится.

— Думаете, у нас нет танков? — снова не вытерпела Апчара.— Думаете, у нас нет самолетов? Есть. До нас немец не дойдет. На пути их танков пролегают противотанковые рвы. Мы рыли. Я знаю. И не только мы. Ростовчане, ставропольцы...

— А ты не выдавай военную тайну,— прервал Апчару Централь.— Может, среди нас полно немецких лазутчиков. Вот доверяй тайну таким девчонкам. Видали?

Апчара осеклась, окинула взглядом всех сидящих. Жители аула свои, разве кто-нибудь из них может быть немецким шпионом!

— А, какая там тайна! Сверху видно каждую канавку.— Бекан махнул рукой.— Разве спрячешь от самолета противотанковый ров? Немцы разглядывают их как хотят, а потом составляют карты, как обойти. Иначе как бы они дошли до Ростова?

— Немец высматривает не только рвы.— Мисост постучал по дереву пальцем, как бы призывая к вниманию.— Он заглядывает и в наши души. Не одну державу заставил встать на колени. Тоже храбрились, как и мы. Теперь схватился с Россией... А малыми народами кто-нибудь да владеет...

— Тебя послушаешь,— перебила Хабиба,— так мы все равно что кiset с табаком, который ходит по рукам от курильщика к курильщику. Что из того, что народы малые. Десять мышей толкнут разом один камень, ко-ту вход загородят...

Снова закрипела калитка, и на этот раз вошла старая Хадижа. Централь попятился, спрятался за людей. Недавно недодал ей шесть рублей, как раз на пол-литра. Уж не пришла ли старуха пожаловаться?

Получив корову, Хадижа стала заметно бодрее, свежее лицом. Сама пасет свою кормилицу и даже спит, говорят, вместе с ней в хлеву.

Апчара побежала навстречу, взяла старуху под руку, и та осыпала ее молитвами, благодарственными ласковыми словами.

Спрашивать Хадижу о чем-либо бесполезно. Ее можно только слушать. О чем ни спроси, все равно будет говорить свое. Перебить или остановить ее тоже нельзя. С тонких старушечьих губ слова сыплются, словно про-со из прохудившегося сразу во многих местах мешка.

— Узнала я, дочка моя, узнала, идешь на войну. Видано ли это, чтобы девушки воевали. Не каждый мужчина рискнет на это. Иной мужчина боится даже украсть коня. А война души ворует. Украла душу у моего внука. Погубили парня. Да. Придет погибель на землю германцев! Пусть вспыхнут пожаром все огни, что зажигались их предками, дедами и отцами. Не ходили мы на их землю. До дверных ручек их домов не касалась наша рука. А они наш дом хотят спалить. За что? Аллах только знает... дочка. Не возьмешь ли подарочек? Колхоз дал мне корову, дай бог ему долголетия. А на что мне столько молока? Я сварила сыр. Три головки. Не сыр, а чистое масло. Отдай ты его кому-нибудь. Если бы мой внук был жив, ему бы первый кусок... Ты найди парня, похожего на моего Мусу, пусть он поест моего сыру. Скажи, что я послала ему, Хадижа.

Апчара положила узелок с тремя головками сыра в общую кучу.

Бекан закричал в ухо старухи:

— Ну как корова, жива?

Хадижа закивала головой:

— Не корова, а буйволица. Доит прямо сливки.

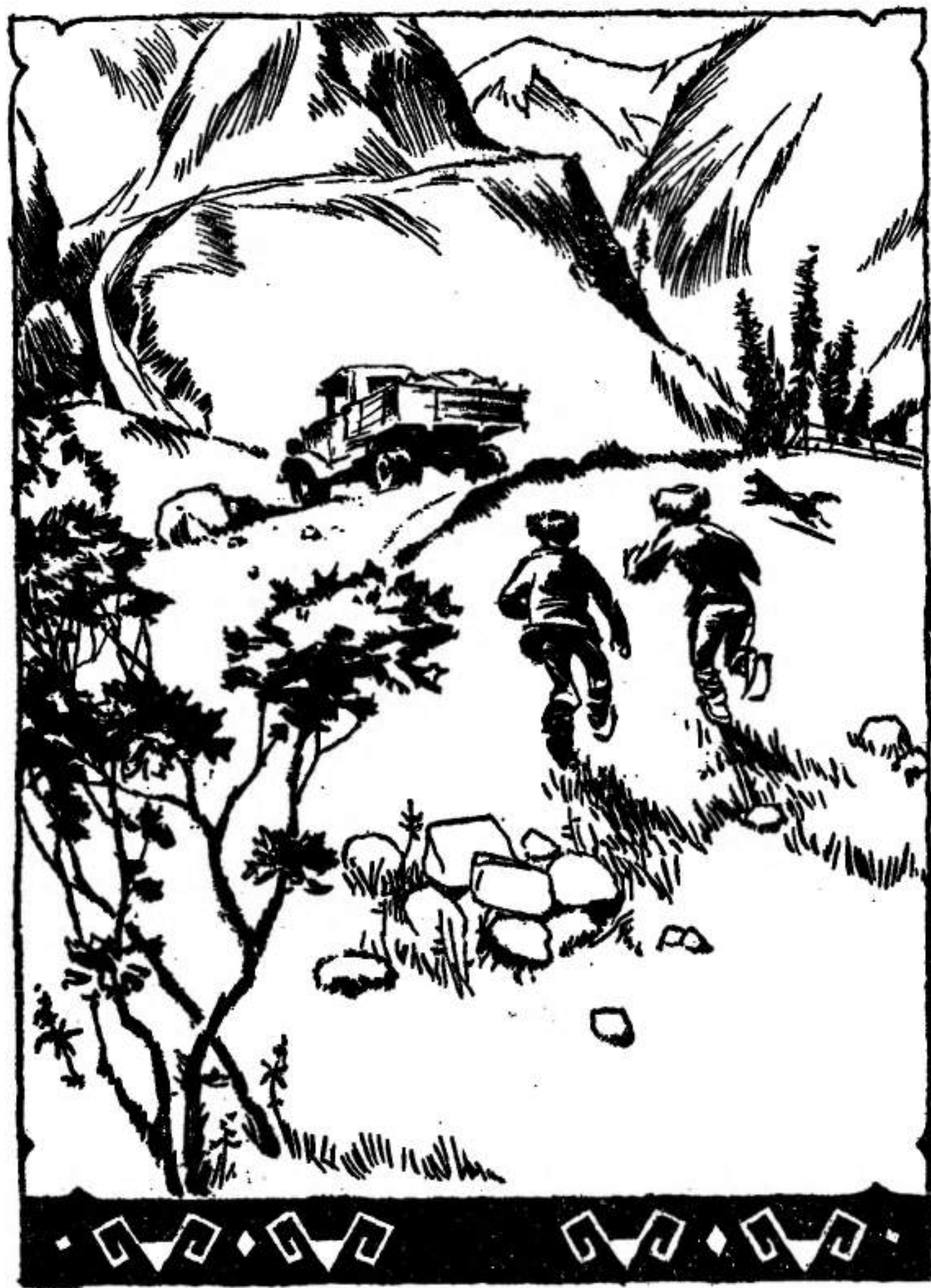
— Благодарю Апчару. Это она выбрала для тебя. Только смотри, сохранная расписка в колхозном сейфе.

Для старухи «сохранная расписка» и «сейф» — темнее темного леса, твердит свое:

— Буйволица, а не корова... Есть же добрые люди, не то что мошенники, не обошли меня, старуху.

За воротами послышался шум машины. Это за Апчарой приехал Чока Мутаев. Люди всполошились. Хабиба бросилась к Апчаре. Только сейчас она поняла, на какую опасность отпускает дочь. Апчара побежала одеваться. Мужчины стали разбирать узелки и свертки, готовясь укладывать их в машину. Ворота со скрипом распахнулись, и Чока въехал во двор. Откуда ни возьмись, сбежались ребятишки. Женщины засуетились. Около ворот вмиг образовалась толпа провожающих.

Машина наполнилась посылками. На мешочках, свертках, узелках и ящиках чернильным карандашом были нацарапаны имена бойцов, а около имен — номера полевой почты. Письма не поместились в портфель, в мирный клеенчатый портфель Апчары, еще недавно наполненный учебниками. Впрочем, последнее время

Апчара держала в нем на ферме всю молочную бухгалтерию.

Апчара села в машину. Женщины кричали наперебой:

— Когда увидишь моего, не забудь...

- Моему передай, что его сестренка...
- Попроси моего, чтобы почаще писал...
- Увидишь похожего на Мусу... сыры...

Машина тронулась. Из всего шума и гвалта Апчара услышала только слова своей матери:

— Скажи сыну, что я довольна им. Так пусть же и аллах будет доволен. Да не померкнет свет радости в моих глазах. Пусть дорога, по которой он вернется к своей Даночке, будет короче той, по которой он ушел...

Апчара оглядывалась назад. Люди не расходились. Мать, как всегда, держала руки на животе, и слезы текли по ее щекам.

Рядом с Апчарой в машине сидел Бекан. Он тоже оглядывался на людей, смотрящих вслед машине.

Все трое — Чока, Бекан, Апчара — должны были сначала явиться на заседание Комитета обороны. На фронт делегация уезжала вечерним поездом.

КУЛОВ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Машина остановилась около дома, памятного Апчаре по торжественному прощальному параду Нацдивизии. С балкона этого дома на главной площади Нальчика выступил тогда Альбиян, заверяя всех, что насмерть будут стоять в боях с врагом. Угловой трехэтажный, то есть для Нальчика почти небоскреб, этот дом приютил у себя под крылом допотопную хибару, кривобокую, саманную, не стойвшую одного окна, одного камня этого огромного здания, где разместились все правительственные учреждения республики.

Домик принадлежал, оказывается, сестре Мисоста, упрямой старухе, не пожелавшей, чтобы ее дом, в котором все было связано для нее с прожитым, был снесен в угоду общей красоте улицы. Уцелевшая хибара как бы бросала теперь вызов современному правительственному зданию и всем его обитателям.

Чока провел Апчару мимо милиционера, стоявшего возле столика со сверкающим телефоном. «Не пускает шпионов», — подумала Апчара. Она едва поспевала за Чоккой по длинным коридорам, устланным такой же длинной ковровой дорожкой. Апчара не знала, чему удивляться больше: ковровой ли дорожке такой невероятной длины или тому, что Чока не плутает в бесконечных коридорах, а уверенно, чуть не бегом тащит ее по ним. Как могли соткать такой длинный ковер? И зачем по нему ходят ногами? А Чока бежит так уверенно, словно всю жизнь и ходил по коврам.

Наконец они остановились около черной дерматиновой двери. Надо было немного отдышаться после бега по ковру. Чока с силой надавил на дверь и посторонился, пропуская впереди себя Апчару и отчима. Все трое оказались в большой комнате, но еще не в кабинете, как ожидала Апчара. За огромным письменным столом сидела миловидная девушка. Рядом, тут же, у нее под левой рукой стоял еще маленький столик, заставленный телефонами.

— Проходите,— девушка кивнула в сторону еще более грандиозной, но тоже черной, тоже дерматиновой двери. Апчара оробела, но Чока смело пошел вперед, и черная дверь поглотила всех троих одного за другим, как таблетки.

Теперь Апчара увидела стол, какого ей никогда не приходилось видеть. Он был зеленый и просторный, как поляна в Долине белых ягнят. Несколько телят свободно могли бы пастись на этом столе. По обеим сторонам зеленого сукна сидели важные люди. Апчара испугалась, что сейчас все эти люди встанут и придется с каждым здороваться за руку. Но ничего подобного не произошло. Никто не заметил, что вошли в кабинет новые люди. Только Кулов, сидевший в самой дали кабинета, на другом, далеком, как в перевернутом бинокле, конце стола, остановил на мгновение свои глаза на вошедших.

Бекан взял Апчару за руку и усадил на свободный стул. Чока устроился поодаль. Прежде всего Апчарой овладело странное чувство, что с того совещания в штабе пастбищ никаких изменений не произошло. Продолжаются те же прения, по тем же самым вопросам. Люди сидели возбужденные, но какие-то запаренные, потные, словно только что вышли из парной бани. Говорили коротко, громко, как отвечали урок, «по-фронтовому»,— подумала Апчара. Она затаила дыхание и ловила каждое слово. Она поняла, что Талиб Сосмаков, как и на пастбищах, все еще отстаивает свое мнение. От его лысины, окруженной с трех сторон черными короткими кудряшками, воскурялся парок. Волнуясь, он все время просовывал под ремень оба больших пальца и отодвигал складки гимнастерки назад, образуя все тот же петушиный хвост. Бекан тоже почувствовал себя, будто он сидел на совещании с самого начала. Тогда, в штабе

пастбищ, Кулову не удалось досидеть до конца, вот теперь и продолжается тот же разговор.

— Я еще раз повторяю,— Сосмаков одной рукой держался за портулею, а другой размахивал в такт словам,— как коммунист и как человек, отвечающий за сельское хозяйство, я должен, я вынужден повторить: мы не можем держать на фермах табуны коней, особенно кабардинскую элиту. Вот сидит товарищ Диданов. Пусть подтвердит. Ну, рогатый скот останется, бог с ним. А лошадей надо спускать с гор, чтобы никакая случайность не застала нас врасплох. Лошадь для фронта так же важна, как танк и автомобиль. Это — транспорт. В предлагаемом нами проекте есть все: куда, какие табуны, по какому маршруту должны двигаться и кто за что отвечает. Мы составили подробнейший план, продумали все детали до мелочей: места привалов для маточного поголовья, места водопоя. Не будет принят этот план — снимаю с себя всякие обязанности...

Кулов не спешил высказаться. Он прислушивался к мнениям, чтобы выбрать из них наиболее правильное. Зато Бахов не вытерпел. Он считал себя компетентным во всех делах и старался поправлять каждого, пользуясь тем, что никто не смеет сказать ни слова о его работе:

— Снимаешь с себя обязанности!.. Не рано ли?.. До брода еще не дошли...

— Дошли, товарищ Бахов,— не дожидаясь, когда ему дадут слово, встал Бекан Диданов и провел рукой по пышным усам. Этот жест означал, что он решился на все и отступать теперь не будет ни перед кем.— Так дошли, что идти дальше некуда. Я хочу спросить вас, товарищ Бахов: для чего всаднику нужно подпересье? Вы не знаете? А я знаю. Подпересье служит не для красоты, хотя его и украшают серебром. Подпересье, или нагрудник, нужен, чтобы седло не сползло коню на хвост. Да, и не смейтесь...

— Ты не тронулся ли, седельщик? Не думаешь ли ты, что здесь сидят твои подмастерья? — зло сверкнул глазами Бахов.

— Нет, я не сошел с ума.— Бекан заговорил громче и тверже. Напрасно Чока взглядом хотел остановить старика, чтобы он не лез на рожон.— Когда на пиршествах делили баранью голову, видно, ни разу тебе не досталось ухо, иначе ты бы научился слушать стар-

ших. Без подпересья седло обязательно сползет на хвост при подъеме на гору, и всадник вылетит из седла. При спуске — тоже он угодит под копыта лошади. А мы, то есть народ, оказались теперь на крутой горе. Мы берем крутизну. Испытываются воля и ум народа. Настал тот день, когда проверяется, кто прочно сидит в седле, а кто — нет. Мы не имеем права падать с коня. Мы, если хотите знать, подпересье того седла, в котором сидит народ...

Кулов слушал мудрого Бекана как будто внимательно, но потом прервал его:

— Дорогой мой седельщик. Прошу извинить. Я не могу не прервать тебя. Времени в обрез. Мне было приятно услышать твою свежую мысль, но сегодня речь не только о седле — на карту поставлена судьба и самого коня.

Бахов тоже не сдержался и напал на Бекана:

— Не видно, чтобы ты сам часто ел бараньи уши, иначе научился бы слушать руководителей, мыслящих другими масштабами, чем ты... У них колокольня выше твоей...

— Если ты один знаешь истину, зачем мы здесь сидим и ломаем голову? — возмутился опять Сосмаков.— Допустим, немцы еще далеко и прямой угрозы нам нет, Но не надо быть военным стратегом, чтобы понять, что будет, если немцы окажутся где-то в Сальских степях. Тогда они будут здесь раньше, чем мы успеем спустить лошадей на плоскость. Война моторов...

— Вот вам пораженчество чистейшей воды! — Бахов вскочил.— Перед вами одна из причин наших неудач на фронте. Слушаешь его, и кажется, что Красная Армия разгромлена, а немцы мчатся к нам по асфальту. Спасайся кто может! Так, что ли?

Апчара вдруг представила весь ужас своего положения. Она возвратится через неделю, а здесь ни фермы, ни матери — все эвакуировались, все разбежались кто куда. В какой толпе, на какой дороге она будет искать свою маму?!

От этой картины ей стало зябко, и она даже вздрогнула. Она посмотрела на Чоку, словно он один мог теперь спасти и ее и все положение.

А Чока и сам уже раскаивался, что устроил Апчаре эту поездку. Теперь он мучительно искал какой-нибудь

повод, чтобы не пустить Апчару на фронт. Но ничего сделать уже было нельзя.

Хотя Чока и не любил Бахова и видел в нем перво-причину всех своих неудач, но сейчас ему хотелось, чтобы правда оказалась на его стороне.

Апчара, чем больше слушала, тем больше дивилась. Она видела раньше, как все эти люди под гром аплодисментов важно выходят на сцену, в президиум, и рассаживаются за столом по рангу, по занимаемым постам, обмениваясь между собой лишь сдержанными улыбками. Она не могла представить, что между ними возникают такие жаркие споры. Она думала, что в Комитете обороны сидят спокойные мудрые люди, которые все знают на многие годы вперед. Сам Сталин звонит им, советуется с ними, подсказывает им. Иначе зачем же у Кулова на столе такое множество телефонных аппаратов...

Сосмаков разошелся:

— Не «спасайся кто может», а спасай народное добро! Большая разница. О себе мы будем думать в последнюю очередь. А ты все время думаешь только о себе и своих удобствах. Чтобы, не дай бог, на тебя не упала тень, чтобы не обвинили в паникерстве, чтобы остаться чистеньким. А случись беда — ты первый будешь нас обвинять во всех смертных грехах...

— Прошу...

Дальше в таком же духе совещаться было нельзя. Кулов поднялся с места.

— Есть предложение.— Голос Кулова обрел уверенность, и члены Комитета притихли. Сосмаков и Бахов сели.— Есть предложение — принять план эвакуации конского поголовья, предложенный товарищем Сосмаковым. Но с оговоркой: ни Сосмаков и никто другой, даже председатель Комитета обороны, коим являюсь я, не имеет права без специального разрешения Комитета приступать к его реализации. Будет сигнал — начинай эвакуировать. А пока надо довести план до каждого заведующего конефермой и до каждого табунщика.

Сосмаков кисло поморщился от половинчатого решения, но все же вместе со всеми проголосовал. Лучше это, чем ничего.

Тут поднялся Бекан. Может быть, другие люди успокоились тем, что проголосовали и приняли решение и

не надо больше его обсуждать, но Бекан все принимал всерьез и думал не о том, как будет решение записано на бумаге, а как оно все будет происходить в жизни, на самом деле.

— Хорошо. Допустим, в последнюю минуту вы отдадите приказ, а как мы передадим его во все табуны, на все фермы? Они ведь в горах. Ни телефона, ни радио там нет. Иной раз случается, заболел пастух, и, пока привезут доктора, он или выздоровеет или отдаст богу душу.

— Но в штабе пастбищ должна быть рация.— Кулов поглядел на Чоку.

— Рация есть. Работает нормально.

— Тогда в чем же дело?

— Отец имел в виду фермы и табуны, разбросанные по дальним ущельям. Со многими из них у нас нет никакой связи. Некоторые табуны пасутся у самого хребта. Их искать будешь — не сразу найдешь. Я предлагаю... у нас при штабе есть отряд для борьбы с диверсантами. Надо использовать бойцов отряда в качестве гонцов.

— Хватит ли их на все табуны и фермы?

— На все не хватит.

— Зажигать сигнальные огни,— брякнул вдруг Сосмаков.— Наши предки, когда надо было сообщить всем о приближении врага, зажигали сигнальные огни. Заготовить в нужных местах сухие сучья, предупредить всех людей: если они увидят огни на вершинах гор, значит, поступил приказ об эвакуации скота.

— Война моторов и сигнальные огни, зажигаемые при помощи кресала! — съехидничал Бахов и рассмеялся.— Придется мне следить за Сосмаковым, как бы он не разжег костры уже сегодня ночью.

— Ладно. Посмеялись и хватит.— Кулов обратился к Чоке Мутаеву:— Приказ от меня получишь ты. А как будешь передавать по фермам и табунам — твое дело. Изобретай, выдумывай, используй все виды связи, вплоть до сигнальных костров. Но смотри, чтобы потом ни один табунщик не говорил, что его не успели предупредить. Отвечать будешь головой.

— Ясно.

Бекан пожалел сына. По молодости и нерешительности он сказал «ясно», но как он будет передавать сиг-

нал? Одни табунщики ютятся у самых истоков Чопрака, другие пасут коней «нынче здесь, завтра там». Где их будешь искать? Но если задуматься и поглядеть здраво... Бекан как-то вдруг на все махнул рукой. В конце концов, кто может сказать, придут сюда немцы или нет? Когда? И как повернутся дела? И успеет ли еще сам Кулов отдать свой приказ? И будет ли перед кем отвечать головой Чоке Мутаеву? Есть во всей этой суеде одно важное дело: спасти элиту кабардинской породы. Дело это поручено ему, Бекану. И никто, кроме него, не будет этим заниматься. И никакие споры и разговоры не помогут ему, Бекану, свое дело исполнить. И как его исполнить, надо думать самому.

— Переходим к следующему вопросу: об отрядах самообороны.— Кулов окинул взглядом сидящих за столом.— Кто докладчик?

— Придется мне. Я проверял,— встал молодой подтянутый человек. Говорил он приятным басом.

— Хатали Чоров,— представил Кулов докладчика и начал листать справку по обсуждаемому вопросу, с которой, видимо, не успел познакомиться заранее. Никто не знает, как все перемешалось у него в голове. За день обсуждается одиннадцатый вопрос. По каждому вопросу — пухлые папки. Когда их успеешь перечитать?

Апчара знала, что некий Хатали Чоров поедет во главе их делегации. Теперь она посмотрела на Чоку, как бы спрашивая: не он ли? Чока кивнул. Апчара ловила каждое слово докладчика. Чоров говорил деловито, спокойно и не без знания дела. Он не нажимал на то, что надо кого-то критиковать за благодушие и бездействие, а кого-то надо хвалить. Скорее, он давал только факты, не высказывая своего отношения к ним. Свою справку он читал по бумаге, и все у него шло чисто, гладко. Апчара внимательно слушала и верила сначала всем цифрам и фактам. Но вот докладчик дошел до отрядов самообороны и стал доказывать, что это — законченные боевые единицы, прошедшие обучение по строгой программе, под руководством опытных военруков. Апчара вспомнила свой отряд. Теперь чем больше она слушала Чорова, тем больше сомневалась, что он знает истинное положение дел.

Как бы угадав мысли Апчары, Бахов вдруг перебил докладчика:

— Кулачный бой тоже предусматривался программой?

Кулов оторвался от справки, долистав ее до последней страницы.

— Товарищи, все ли читали справку?

Послышалось неясное бормотание, которое при желании можно было принять за утвердительный ответ.

— Счастливый случай, товарищи,— оживился Кулов.— Здесь присутствует заведующая молодежной фермой — Апчара, наша героиня. Это она помогла поймать диверсантов....

— Помогла поймать,— добавил Бахов,— вооружившись горячим бульоном.

Все оглянулись на Апчару.

— Апчара,— ласково спросил Кулов,— может быть, расскажешь нам, как у вас в отряде самообороны идут дела? Чем занимаются бойцы? Это верно, что девушки упражнялись в кулачном бое?..

Апчара встала. Лицо ее горело, руки вспотели, перед глазами расплывался туман.

Сосмаков начал успокаивать девушку:

— Ты не волнуйся. Мы знаем, ты не готовилась. Тебя и пригласили не для этого. Ты сегодня едешь на фронт. Это мы знаем. А сейчас расскажи, как проходят занятия в отряде.

— Играем в чехарду! — как выстрелила Апчара. Все переглянулись, не понимая, что это она говорит.

— Играете в чехарду во время занятий?— Кулов пожал плечами.

— Я говорю не о той чехарде, в которую играет иногда молодежь. А о той, которая у нас получается с оружием. Один раз привезли нам четыре винтовки. Мы обрадовались. Стали их изучать. В нашем отряде тридцать два человека. Разбились мы на четыре группы. Каждая группа получила одну винтовку. Успели мы провести три занятия, как приехал военный и винтовки у нас отобрал. Говорит, нам нельзя доверять оружие. Ну, девушки, конечно, обиделись. Я поехала в райком комсомола. Товарищ Мутаев помог мне получить две винтовки. Снова я собрала девчат, начали заниматься. Но настроение у кружковцев уже не то. Если, говорят, не доверяют нам оружие, то нечего и время тратить, лучше будем заниматься хозяйством.

— То же самое и на нашем комбинате,— неожиданно поддержал Апчару грузный мужчина, сидящий впереди нее.— Мы создали в каждом цехе военный отряд. Обратились в военкомат за оружием — не дали. Пришлось просить военную кафедру пединститута. Спасибо, дали винтовки, гранаты. Наладилось дело.

— Апчара деревянным минометом обзавелась, правда или нет?— вступил в разговор Сосмаков.

— У нас даже два миномета. Мне их брат оставил. Теперь они по всему району ходят из отряда в отряд. Память о Нацдивизии. А где сейчас наши минометы, не знаю.

После Апчары стали выступать и другие люди. Картина складывалась совсем другая, чем по докладу Чорова. Да, отряды самообороны созданы всюду. По спискам они многочисленны, но многие из них существуют только на бумаге... Так говорили все выступающие. После них выступил Бахов. Он говорил долго. Вспомнил, как Апчара помогла поймать диверсантов, распясал и разукрасил эту историю, хоть сейчас неси в журнал или газету, заострил внимание на повышении бдительности. После каждого пятого слова вставлял и склонял магическое словечко: органы, органами, в органах. А за всем тем был далек от признания каких бы то ни было собственных ошибок. Еще раз он напал на отряды самообороны, нажимал на то, что в них проникают случайные люди, трусы, паникеры, социально опасные элементы. Неожиданно перешел на вражеские листовки, в которых фашистская пропаганда обещает горским народам «освобождение от еврейско-большевистского ига», а также «землю и свободу религии».

— В этой обстановке,— продолжал Бахов,— мы не можем дать оружие тем, кто больше смотрит в сторону лежбища туров и уже облюбовал себе местечко в ущельях гор, как таракан в турлучной стене. Органы внутренних дел выводят на чистую воду этих тараканов. Они и дезертиры из Красной Армии ждут не дождутся прихода немцев. Тогда они вылезут из своих нор, чтобы свести с нами счеты. Отряды самообороны должны защищать предприятия и общественное добро прежде всего от них...

— Для этого нужно оружие! — подал реплику Чоров.

— Оружие надо добыть самим.

— Как?

Пока Бахов говорил, у Кулова родилось решение, может быть, неожиданное и даже нежелательное для ретивого оратора: надо подготовку отрядов самообороны, как и истребительных батальонов, возложить на органы внутренних дел! Уж они-то сумеют сколотить боеспособные отряды, сумеют влить в них коммунистов и комсомольцев. Они же, в случае необходимости, станут партизанами в тылу врага, возьмут на себя охрану общественного скота, если не удастся его эвакуировать вовремя. По крайней мере, угонят скот в недоступные горы и не отдадут его врагу... Если в белорусских лесах уже существуют районы, где действуют партизаны, то почему в горах нельзя создавать партизанские ущелья, недоступные ни танкам, ни авиации противника. Таким ущельем, к примеру, может стать Чопракское, в которое ведет узкий, в десять метров, проход.

— Надо чаще устраивать ложные боевые тревоги,— продолжал между тем Бахов.— И смотреть при этом, кто как себя ведет. Надо знать людей, надо их видеть насквозь. Иногда, чтобы раскусить человека, приходится создавать для него особую обстановку...

Один только Кулов понимал, что Бахов говорит все это для того, чтобы оправдаться за недавнюю проделку.

Однажды ночью он обзвонил всех партийных и советских работников и объявил боевую тревогу, приказав явиться в штаб партизанского отряда в полной боевой готовности и с трехдневным запасом питания. Уже через полчаса в кабинете Бахова негде было повернуться. В боевую тревогу поверили так легко потому, что знали о делах на фронте. У многих стояли еще слезы в глазах после прощания с родными. Никто даже и не подумал о том, почему при входе у них отбирали их трехдневное довольствие. Пока будущие партизаны тревожно расспрашивали друг друга, что же случилось, Бахов говорил с кем-то по телефону и делал вид, что не замечает собравшихся. На самом же деле зорко следил за каждым и делал в блокноте какие-то пометки. Потом он построил отряд, состоявший весь из ответственных работников, устроил переключку, сделал замечания тем, кто прибежал позднее других, и неожиданно распахнул дверь в другую комнату. Там на столе были разложены

в пиршественном порядке все те продукты, которые наспех захватили разбуженные среди ночи люди. Сначала они не поняли даже, зачем Бахов разложил всю еду, уж не затем ли, чтобы пристыдить тех, кто принес мамалыгу и брынзу вместо мяса и масла. Но бутылки с самогоном тотчас рассеяли все сомнения. Начался ночной пир. Никто не обиделся на Бахова. Напротив, все обрадовались, все бросились к телефонам успокаивать своих близких, с которыми час назад распрощались. К утру, все выпив и съев, благополучно разошлись по домам...

Теперь, говоря о боевых тревогах, Бахов хотел, как видно, задним числом и косвенно оправдаться перед Куловым, хотя уже и получил своевременный нагоняй, и только клятвенное заверение в том, что ничего подобного не повторится, спасло Бахова от обсуждения на Комитете обороны.

После Бахова еще выступали, но эти люди стали повторяться, говорить уже говоренное, и Кулов, выдерживая стиль военного времени, внезапно оборвал прения.

За предложение Кулова — поручить работу с отрядами самообороны товарищу Бахову — проголосовали все, а Сосмаков проголосовал с особенным, видимым удовольствием. Сам Бахов сопротивлялся, козырял важностью своего основного дела, стремился взвалить отряды на кого угодно, но после голосования вынужден был смириться. Только в одном Кулов поддержал Бахова. Обращаясь ко всем, он сказал:

— Но оружия от нас не ждите, товарищи. Мы его вам не дадим. Мы и Нацдивизию смогли вооружить не более чем на сорок — пятьдесят процентов. Мы же не спрятали оружие, не утаили его от наших доблестных воинов. У нас нет оружия, товарищи. Все, что можно было отдать, мы отдали. Я уже говорил: в создавшейся обстановке у нас не должно быть слова «нет». Нет — значит, найди, добудь, отними. Где найти? У кого отнять? В ущельях, в пещерах, у дезертиров и диверсантов. Они прячутся в горах. Пока они истребляют только дичь, браконьерствуют. Но это до поры до времени. Придет срок, они будут стрелять не по турам и козлам, а по коммунистам и комсомольцам. Так что разоружайте их сейчас, пока не поплатились жизнью за свою бес-

печность... Последнее. О делегации, которая отправляется на фронт.

— У нас все готово. Делегация в сборе! — доложил Чоров.

— Тогда объявляется перерыв. Делегацию и членов Комитета обороны прошу остаться.

Участники совещания шумно сорвались со своих мест. Окна распахнулись, в комнату подул прохладный воздух. К Апчаре подошел Хатали Чоров.

— Это ты и есть Апчара? Будем знакомы. Слышал о тебе. Молодец, молодец.

Небольшой зал совещания быстро опустел. Люди торопились скорее выйти из душного помещения. В комнате осталось человек десять, самых ответственных работников, и Кулов пригласил их сесть все за тот же длинный стол. Теперь мест за столом хватило всем.

— Поговорим с членами делегации.— Кулов, видно, устал сидеть. Он один стоял около своего стола.— С чем мы их отправляем на фронт, какое напутствие они должны передать нашим воинам, кровь от крови, плоть от плоти нашим родным сыновьям. Да, не только подарки они должны передать, но и сердечное слово, чтобы укрепить в сердцах бойцов веру в победу, возбудить справедливый гнев к врагу. Передайте воинам: в фонд обороны собраны тысячи тонн зерна, мяса, шерсти. Собираем деньги на танковую колонну. Строители оборонительных сооружений отпрапортовали о досрочном окончании стройки. Девушки создали тракторные бригады, заменили мужчин, ушедших на фронт. Сформированы отряды самообороны, обстановка потребует — завтра же их можно перевести на казарменное положение.

И сверх всего — четыре вагона подарков для воинов дивизии — выражение нашей любви к сыновьям родной земли. По вагону на полк. В каждом ящике колбаса, жареные гуси, изделия наших кондитеров. Котляревские птицеводы положили даже кур и вареные яйца. Бойцы найдут в посылках вино, водку, национальную еду — вяленую баранину, лукумы, сладости из сахара и пшеничной муки. Все старались выразить свою любовь, даже мальчишки — сборщики лекарственных трав — положили в ящики свои дары, которые пригодятся раненым...

Талиб Сосмаков молчал. Он думал о Кулове, оказавшемся главным журавлем, человеком, в руках

которого вожжи от коней, впряженных в тяжелый воз... Сколько надо воли, ума, решительности, предвидения, чтобы направлять этот воз по единственной, правильной дороге. Талиб невольно сравнивал Кулова с его грозным предшественником, несокрушимым Беталом Калмыковым, который всегда шел к цели неотвратно, разбрасывая своих противников по сторонам, не останавливаясь ни перед кем.

Сосмаков думал об этом и уже не слышал, что там говорилось в последние минуты заседания.

Все встали. Загремели стулья. Попрощались. Хатали Чоров повел делегацию по длинным коридорам, по которым недавно шла Апчара, едва поспевая за Чоккой Мутаевым.

ПРИВЕЗЛИ ПОДАРКИ НА ФРОНТ

Поезд мчался, а вокруг него была тьма. Апчаре очень хотелось заснуть, она старалась, мучилась, но перед бессонными ее глазами всеплыли эти подарки: ящички, ящички, ящички. Чока помогал их укладывать. Помогала ему Ирина и еще, кто бы подумал, Даночка! Визжит от радости, забралась на гору ящичков и узелков, словно все эти подарки для нее одной, а не для целой дивизии.

А где же подарки Ирины для мужа, забеспокоилась Апчара, теряя последнюю надежду задремать. Кажется, их положили рядом с маминым. Там же и чемоданчик самой Апчары с вещами. Все найдется. А еще Даночка обвела карандашом на листе бумаги свою ручку и ножку и посылает папе. Лапка ее получилась больше настоящей и пальчики кривоватые, но все равно пусть папа посмотрит.

Чока совсем растерялся при прощании. Он, правда, отвел Апчару в сторону, и Апчара подумала, что он ее поцелует, но бедный Чока начал бубнить что-то под нос, а потом все повторял: «Смотри, фронт все-таки, берегись», будто Апчара сама не знает, куда едет. А между прочим, если бы поцеловал, никто бы не видел. Темно было тогда, очень темно — светомаскировка. Потом

посадил в вагон и едва не расплакался. Мужчина называется.

Узиза опаздывала. Еще немного, и уехали бы без нее. Но в последнюю минуту прибежала. Куда, зачем она едет, беременная на последнем месяце. Хатали Чоров, глава делегации, очень не хотел ее брагь, боялся — не стать бы ему повивальной бабкой. Случись что, ему и придется. Апчара вовсе не понимает в этом деле.

А поезд все быстрее и быстрее стучит в темноте: хо-ро-шо, хо-ро-шо, хо-ро-шо! Пахнет гарью, мелкая угольная пыль щекочет в ноздрах и обволакивает лицо маслянистым слоем. Дверь товарного вагона, в котором старается уснуть Апчара, приоткрыта, но на улице такая же тьма, как и здесь, вокруг Апчары. Только колеса все стучат и стучат. Почему-то под этот стук Апчара думает не о том, что ее ждет впереди, не о тех далях, в которые мчится поезд, а о том, что остается позади, о своем доме. Интересно, как они там будут теперь жить, две женщины — свекровь и сноха. Ирина ли будет навещать Хабибу, мать ли, заскучав и затосковав, сама станет ходить к Ирине? Лучше бы им вместе жить до тех пор, пока не вернется Апчара. А как теперь в Долине белых ягнят? Как бы Узиза, которую Апчара оставила вместо себя, не развалила все дело. Слишком она мягка, нетребовательна.

Апчара думает о доме, но перестук колес все время напоминает о дороге. Прислушаешься к нему, и колеса начинают выстукивать разные слова. Вот поезд разогнался, и колеса явственно говорят: «Ап-ча-ра, Ап-ча-ра, Ап-ча-ра». Ритмично покачивается вагон. Потом поезд въезжает на мост, и колеса меняют свой «голос» — к перестуку примешивается шум, напоминающий взмах крыльев: «хр-хр-хр» — и снова звонкий речитатив: «по-бе-дим, по-бе-дим, по-бе-дим». Или дорогое для Апчары имя брата: «Аль-би-ян, Аль-би-ян, Аль-би-ян». Конечно, для каждого человека колеса отстукивают разные слова, но для Апчары, как бы читая ее мысли, они дружно стучат: «на вой-ну, на вой-ну, на вой-ну».

Апчара вспомнила о сохранных расписках, которые берегутся у нее. Забыла передать их Бекану. Вдруг сундучок с этими бумагами и со всеми комсомольскими документами пропадет?.. А там еще и бланки на списание падежа.

В приоткрытой двери вагона замелькали затененные огни на каких-то полустаночках. Должно быть, скоро Прохладная. Апчара даже по запаху узнала бы эту станцию. Сколько раз ездила сюда на строительство оборонительных сооружений. Жили в бараках, умывались утром ледяной водой. Питание — хлеб и вода. В обед похлебка, но и та остывшая. Ничего. Жили. Работали с утра до вечера. Почему Бахов спорит каждый раз, как речь заходит о приближающемся фронте? Если строили оборонительную линию, значит, имели в виду, что фронт может проходить здесь. Иначе зачем тратить столько труда?

Паровозик пытался загудеть, но сил у него хватило только на громкое шипение. «Доходной», — подумала Апчара. Слово «доходной» она впервые услышала от мальчика, эвакуированного из Ростовской области. От него же она узнала, что такое рыбец и где он водится. Это важно было узнать. Альбиян написал: «Ели уху из рыбца». Где это могло быть? В каких местах? Эвакуированный мальчик объяснил, что рыбец водится там, где речные воды встречаются с морскими, солеными водами. Значит, Альбиян где-то в низовьях Дона. Поделилась своими соображениями с Чоккой, тот похвалил Апчару за сообразительность.

Хорошо, если бы Чока был во главе делегации. Правда, и про Хатали ничего плохого не скажешь. Добрый, предусмотрительный. Видно, любит поесть. После знакомства сразу спросил:

— А что ты берешь с собой в смысле покушать?

Апчара смутилась, потому что не знала, что именно и сколько всего положила ей на дорогу Хабиба. Впрочем, сумка была тяжелая.

— Едешь на день, еду бери на неделю, — вразумил Хатали. А как только тронулся поезд, запахло в темноте чесноком, захрустели куриные косточки. Хатали принялся за еду. Он предлагал и другим, но после всех волнений было не до еды.

Теперь Чоров храпит. Стало и Апчару клонить ко сну. Вдруг рядом с вагоном внезапно грохнуло, вагон закачался, осветился ослепительным светом, уши забило, как ватой. Завизжала в испуге Узиза. Раздались еще два взрыва. Потом еще и еще. С грохотом падали и раскалывались посылки. Стараясь спрятать голову, Хатали

согнулся и первым делом закричал: «Спокойно!», но голос у него, уловила Апчара, задрожал.

Поезд остановился. Апчара, не помня себя, выскочила из теплушки. Над головой резко и низко ревели самолеты. Красными вспышками грохотали вокруг взрывы. Поодаль что-то горело ровным ярким огнем. Стало светло. На откосе в отсветах пламени металась люда. Оглушительно громыхая, на бешеной скорости мчался мимо встречный эшелон, груженный танками, орудиями, автомашиннами и большими ящиками. Апчара упала на землю и замерла.

Грохочущий мимо эшелон обдал Апчару ветром, смешанным с пылью и гарью. Апчара подняла голову. Услышала отчаянный голос Хатали:

— Апчара?! Где ты? Сейчас же вернись! Где ты?

Поодаль бойцы сбрасывали с рельсов горящую платформу, заливали огонь водой из шлангов, забрасывали песком.

Апчара бегом вернулась в вагон. Хатали набросился на нее и, наверно, долго читал бы ей мораль, если бы на узелках и ящиках не застонала Узиза. Хатали испугался еще больше. Он подумал, что Узиза собралась рожать.

— Апчара, спроси у нее, что с ней, мне неудобно. И вообще не отходи. Я ведь ничего в этом не смыслю.

Но Узиза сама же и успокоила руководителя делегации:

— Ничего, Хатали. Все прошло. Это я от страха. Теперь самолет не гудит?

Поезд тронулся, и на душе полегчало. По гудку Апчара поняла, что «доходной» паровоз заменили. Действительно, поезд сразу набрал скорость и мчался, все убыстряя и убыстряя свой бег.

В просвете приотворенной двери постепенно менялся небосклон. Ночная мгла размывалась и редела, становилась прозрачной. Теряли яркость звезды, воздух свежел, только деревья продолжали дремать, словно лошади в стойле. Апчара, почувствовав свежесть предрассветного воздуха, стала кутаться и укрываться одеялами. Угрелась и под бесконечный перестук колес уснула.

Разбудило ее знакомое слово, к которому она так привыкла в женском общежитии на строительстве оборонительных сооружений.

— Подъем! — Хатали стоял уже в дверях, спиной к вагону, чтобы не мешать женщинам одеться.

По неизменному своему правилу он уже что-то жевал. «Идя в гости, не забудь и поесть,— говорил он сам себе,— потому что неизвестно, покормят ли в гостях. А если покормят, то лучше поесть два раза, чем ни одного».

— Уже? Приехали?— Апчара поежилась от холода.— Почему стоим?

— Да. Прибыли к месту назначения. Но почему-то никого не видно. Должна быть торжественная встреча делегации с подарками.

Апчара выглянула из вагона и не увидела ни станции, ни поселка — ничего вообще. Кругом лежала пустая степь. Только штабеля ящиков, прикрытые ветками, лежали поодаль от рельсов. Между ящиками показались бойцы — охрана складов. Но где же сама дивизия? Может, она уже воюет? Больше всех взволновалась Узиза, которая ждала, что сразу увидит своего мужа — комиссара полка.

— Вот мы и в действующей армии,— торжественно объявил Хатали.

Апчаре не поверилось. Такая тишина, и вдруг — «действующая армия». В пути было куда тревожнее. Ей казалось, что фронт встретит ее артиллерийскими залпами, скрежетом гусениц, зоем «катюш», как это показывают в кинофильмах. А здесь — ласковое летнее утро, чистое небо. Вдали приземистые глинобитные домики — словно куры присели в пыли. Редкие деревья как бы охраняют тишину и покой хуторов. Ветерок нанес запах полыни и пение жаворонка. Трудно было поверить, что совсем близко, за широким и многоводным Доном, земля вздыблена огнем и железом, идет невиданная битва, поставлены на карту судьбы народов.

Чоров прохаживался у вагонов, отцепленных от поезда, не решаясь отойти далеко.

Из-за штабелей показались военные. Они шли торопливо. Это, видно, и были те, кто должен встречать делегацию. Впереди всех — одетый в новенькое обмундирование комиссар с красными звездочками на рукавах. Апчара уже научилась отличать, как она говорила, «настоящих военных» от политработников.

— Добро пожаловать на войну,— сказал комиссар всей делегации издали, потом, подойдя к Хатали, поздоровался с ним за руку, оба обнялись и снова пожали друг другу руки.

— Как доехали? Фриц не посылал ночного салама?

— Посылал. От его приветствия Узиза едва...— Хатали вовремя слохватился и прикусил язык,— едва, говорю, не выскочила из вагона вслед за Апчарой. А как у вас тут, Солтан?

— Здравствуйте. Здравствуйте.— Солтан Хуламбаев пошел к женщинам. Вопросы Хатали он будто не слышал.— Рад вас видеть живыми и здоровыми. Правда, я не могу обещать вам полную безопасность, но главная опасность позади. Если мы будем не очень гостеприимны, простите великодушно...

— Спишем за счет войны,— бойко отрезала Апчара. Эту фразу часто повторял ее брат.

— Вот именно. Сразу начинайте списывать. Сегодня уже получилась накладка. Не встретили вас.

Апчара сразу узнала Солтана Хуламбаева. Это по его милости на проводах дивизии она выступала с трибуны. Может быть, и Солтан помнит ее, иначе не улыбался бы ей еще издали. За Хуламбаевым шел — не поймешь — военный или гражданский. Без знаков отличия, китель особого покроя. Представился:

— Якуб Бештоев. Юрист.

Хуламбаев шутливо уточнил:

— Военный юрист. В резерве главного командования. Ждет не дождется звания.

— Районным прокурором работали? Я вас помню, ходили в больших очках.

— Совершенно точно. Теперь, как видите, без...

— Очки запомнились, а сам — нет,— засмеялся Солтан.— Не везет ему. Послали документы на присвоение звания, а вместо звания на его место прислали человека.

— Ни места, ни звания и ни очков.

— Ничего, Якуб, была бы голова, а шапка будет,— утешал Солтан Бештоева.— Ну, а как вы?— обратился он к Хатали.

— Да вот... Приехали ни свет ни заря.— Хатали ежился от холода.— Никто нас не встретил...

Солнце еще не взошло, но вполнеба пылало яркое зарево, обещаая знойный и душный день.

— Кому встречать? Дивизия третий день на марше. Передовые подразделения уже на месте. Мы не поехали, ждем вас. Разве вам не сказали об этом в штабе округа?

— Говорили, что должны скоро выступить, но точного дня не указали...

Узиза осела на землю — не выдержали, подкосились ноги. Чутье не обмануло ее. Недаром ночью приснился плохой сон. Будто Доти встречает ее, а в руках вместо букета цветов держит большую сырую баранью ляжку. «Знаю,— говорит,— проголодались в пути. Ешьте. Хватит вам на всю делегацию».

«Мясо не к добру»,— успела еще напрогнозировать ей Апчара, подделываясь под Хабибу, толковательницу всех аульских снов.

Солтан отозвал Чорова, а Якуб Бештоев остался с женщинами.

— Знает ли муж, что вы приедете?— спросил он у Узизы.

— Знает. Должен бы знать...

— Ничего. Главное, не отчаиваться. Будем надеяться на лучшее. Днем, вероятно, обстановка прояснится.

«Вот так раз!» — вознегодовала про себя Апчара. Она тоже ведь мечтала встретиться с братом, передать ему все слова матери, письма от Ирины и Даночки. И вдруг: «обстановка прояснится». Они же знали, что едет делегация с подарками для бойцов. Знали, кто едет. Кулов специально звонил. Как это так: «обстановка прояснится»?

Хатали, батальонный комиссар и Якуб совещались недолго. Ничто не ускользнуло от острого взгляда Апчары. Озабоченность и тревога, скрываемые под парочитым благодушием, тотчас перешли от батальонного комиссара на продолговатое и смуглое лицо Хатали. Чоров с грустью посмотрел на чемодан, на котором уже разложены были для завтрака куски жареной курицы, яйца и аппетитные луковицы, испеченные умелыми руками Узизы. Оказалось, времени нет даже на завтрак; Чоров, правда, не удержался и взял куриную ножку. Он стал рассматривать ее со всех сторон, словно читая по ней, и говорил:

— Вот что, дорогие мои женщины, члены делегации... час назад Апчара удивлялась, почему так тихо. Это

мнимая тишина. На самом же деле сейчас идут сильнейшие бои. Сильнейшие. Дивизия, в которую мы приехали, на марше. Не сегодня, так завтра вступает в бой. Теперь понятно, почему нас не встретили наши друзья? Я имею в виду комиссара полка Доти и Альбьяна, моего друга, любимого брата Апчары. Что предлагает начальник политотдела? Мы с ним поедem в штаб дивизии. Там нас ждет комдив...

— И я поеду с вами,— перебила Чорова Апчара.

— А Узиза?

— Ничего. Я побуду здесь. Отдохну после дороги. Перестанет кружиться голова.— Узиза хотела доказать теперь, что ничем не связывает Апчару.

Комиссар поддержал Апчару.

— Мы ненадолго. Буквально на час-полтора. Якуб Бештоев останется здесь, организует людей для разгрузки вагонов. А мы быстренько доложим о вашем прибытии, получим указания и -- назад. Может быть, встретим и твоего благоверного. Тогда и он будет с нами...

За штабелями, оказывается, стояла заляпанная разноцветными красками «эмка». Она повезла их по колдобинам проселочной дороги, поднимая за собой клубы рыжей пыли. У каждой ямы, когда шофер тормозил, пыль догоняла «эмку», обволакивала ее, и в машине не хватало воздуха. Апчару так и распирало узнать, где полк, в котором служит ее брат, когда она увидит его, но спросить не решалась.

— Как же нам не сообщили, что дивизия выступает?— Хатали не знал, кого теперь упрекать.

— Сообщили. Но боевой приказ мы получили вместе с телеграммой о вашем выезде. Можно сказать, мы с вами тронулись с места одновременно, только вы — поездом, а мы на конях. Вы проделали за это время шестьсот километров, а наши части — сто пятьдесят.

— Нас бомбили, а вас нет еще?

— Градобитие у нас каждый день. Вам лучше не задерживаться здесь. Такая обстановка... Все может быть...

— Нет! Пока не раздадим посылочки, не уедем. Как, Апчара, я верно говорю?— Хатали обратился к спутнице, сидевшей рядом с шофером. Напрасно она старалась сквозь пыль рассмотреть безлюдные казачьи хутора, через которые шла дорога.

— Аллах свидетель,— обернулась Апчара,— меня не пустят домой, если я не передам письма и посылки моих аульчан «в собственные руки» земляков. Я должна разыскать их...

— Не пришлось бы для этого остаться здесь совсем...

— Почему?

— Люди в разных полках. А завтра бой...

Комдив с нетерпением ждал гостей. Его машина стояла у крыльца в тени тополей. Шофер дремал за рулем. Видно, и ему достается. Штаб, около которого всегда суетились люди, опустел. Уже снимали щит с обозначением полевой почты. Заметив подъезжающую машину, адъютант поспешил доложить, и полковник, увешанный биноклем, саблей, полевой сумкой, пистолетом, звеня серебряными шпорами, вышел на крыльцо.

Нет, и он не встретил гостей торжественными словами. Только покачал головой:

— Как не вовремя, как не вовремя, дорогие мои! Хотя бы на три дня раньше. Ну, что ж поделаешь — война. Здравствуйте! С благополучным прибытием! Да посмотрите, кто приехал! Та самая девушка, которая выступала на проводах. Позволь, вспомню имя... Апчара!

Чоров подтвердил:

— Совершенно точно, товарищ полковник. Апчара Казаноква. Доложу еще: она поймала двух диверсантов.

— Не может быть...

— Точно.

— А у нас тут за двумя парашютистами эскадрон два дня гонялся. Насилу поймали. Апчара, дорогие гости, зайдемте ко мне. Поговорим. Но как не вовремя, как не вовремя...

— Как условились, товарищ полковник.— Чоров не принимал упрека.— Приехали в назначенный срок.

Вошли в бывшую классную комнату начальной школы. Парты сложены в углу. На классной доске — школьная географическая карта. Штабные документы уже спрятаны в железные ящики. На маленьком столике, за которым сидел когда-то учитель, полковник развернул потрепанную карту. Все уставились на нее.

— Верно. В назначенный срок. Но обстановка резко изменилась. Садитесь за парты. Я расскажу вам обстановку, и все будет ясно.— Комдив, как ученик, приготовившийся отвечать урок географии, не ожидая, когда гости рассядутся, стал рассказывать:

— Вот Ростов. С запада и с северо-запада он прикрывался оборонительными линиями. Одна, другая,— кончик указки, которую он вытащил из-за голенища хромового сапога, бегал по карте.— Люди, знающие люди, полагали: немец пойдет вот сюда, на Ростов, и тут он обломает свои клыки. Намнут ему бока и отбросят назад. А он пошел не по старой дороге, где зимой ему дали по морде, а в обход. И не на Ростов, а сюда, на Миллерово, в излучину Дона. Цель — одна колонна на Сталинград, другая на юг, на Кавказ. Гитлеру нужна нефть. До зарезу нужна. Без горючего вся его военная техника мертва. Не зря он бросил на юг все силы. Он играет ва-банк. Силенок, чтобы идти в наступление по всем фронтам, ему уже не хватает. Теперь он придумал новую авантюру: проверить прочность братских уз народов Кавказа. Опасность на нынешний день очень велика. Ростов, который мы называли воротами на Кавказ, он обходит стороной. Мы получили район обороны на южном берегу Дона. Третий день части в пути. Наша дивизия входит в кавалерийский корпус, который, в свою очередь, влился в Пятьдесят первую армию, потрепанную в боях на Керченском полуострове. Задача — не дать противнику переправиться на южный берег Дона, то есть перекрыть дорогу на Кавказ.

Апчара взглянула на полковника. Под кажущейся бодростью старого кавалериста она увидела смертельную усталость, тревогу и беспокойство. Апчара вспомнила обещание комдива «добиться победы малой кровью». А как ему выполнить свое обещание, если дивизия вступает в бой, не имея достаточного вооружения, если кавалерия должна сражаться против танков?

Комдив свой рассказ закончил неожиданно:

— Позвольте, у нас же есть Казанок. Напомни-ка мне, начподив.

— Лейтенант Казанок, минометчик.

— Совершенно точно. Так это — твой брат?

Щеки Апчары выбросили два флажка.

— Да.

— Значит, он не отстает от сестры. Я послал его за частью на артсклады, а он два боекомплекта прихватил вместо одного. Жаль, не встретит сестра своего брата!

Апчара закусила губу, чтобы не заплакать. Комиссар попробовал смягчить категорический вывод комдива.

— Ну, как сказать?.. Война полна неожиданностей. Они не хотят уезжать отсюда, пока не раздадут все подарки. А их четыре вагона, да еще куча писем.

Полковник сделался строгим.

— Полагаю, все-таки придется поворачивать оглобли назад. Не вижу никакой возможности. Кто разрешит остановить части, идущие в бой, для раздачи посылок? За это — военный трибунал. Нет, нет. Это исключено. Обидно, конечно, но придется нам самим раздавать посылки, когда позволит боевая обстановка. Не будет ваших теплых слов, торжественности, но посылки дойдут. Бойцы их получат.

У Апчары слезы покатались по зардевшимся щекам. Видно, не придется передать слова матери: «Твоя мать довольна сыном, так и аллах пусть будет доволен тобой». А письма односельчан, их слова? Нет, Апчара не может возвратиться ни с чем. Неужели никто не даст ей машину, чтобы она могла догнать брата?

Солтан Хуламбаев словно поглядел в душу Апчары. Он сказал:

— Товарищ полковник, разрешите сделать так: я беру самое необходимое в свою «эмку» и еду. А политотдельскую грузовую на один день отдам в распоряжение делегации. Прикомандирую к ним Якуба Бештоева. Он ничем не занят. Пусть грузят посылки и догоняют полки. Думаю, они смогут сделать два-три рейса, если будут оборачиваться оперативно. Раздадут посылки в часы привала. А что они не успеют — на склад. Потом раздадим сами...

— А твой груз?

— Имущество политотдела я так или иначе не подниму сразу. Мне понадобится еще рейса два. Придется с места новой дислокации возвращаться сюда за моим хозяйством. Я не смогу — приедут другие.

Глаза комдива сузились, губы плотно сжались, рука машинально сунула указку за голенище. Ему явно не нравилось предложение батальонного комиссара. Солтан не учитывал, что немцы могут оказаться на южном

берегу Дона в любой день, и тогда сразу все будет перепутано. Пусть лучше немцам достанутся посылки, чем хозяйство политотдела. С другой стороны, кто знает? Может, все обойдется — делегация встретится с бойцами, раздаст посылки. Это, конечно, поднимет боевой дух, приободрит ребят перед боем. Полковник взглянул на Апчару, перевел взгляд на Хатали и сказал:

— Самое верное решение командира какое? То, которое принимается немедленно и реализуется также немедленно. Так учит устав. Действуй. Я не стану тебе мешать.

Комдив попрощался со всеми, и тут же его «эмка» помчалась на северо-восток, вслед ушедшим войскам.

Солтан Хуламбаев принял все-таки слишком быстрое решение. Его грузовой машины на месте не оказалось. Она не успела вернуться из района новой дислокации войск.

Договорились так: Чоров и Апчара возвращаются на станцию к поезду и пока отдыхают. Якуб Бештоев или пришлет за ними обещанную политотдельскую машину, или разыщет другую. Солтан Хуламбаев догонит войска, оценит обстановку и возвратится. Завтра они так или иначе встретятся вновь...

АПЧАРА ПОЕХАЛА ДАЛЬШЕ

Происходила непонятная суэта. Апчара по-другому думала о военных, о военной дисциплине, о военной четкости. Отдан приказ — выполняй. Прозвучала команда — действуй без промедлений. Но вот, оказывается, комиссар отдал распоряжение, а выполнить его никто не может. Машины не оказалось на месте. Якуб Бештоев, которому поручили все исполнить, бегал, кричал, грозился, но толку от его беготни было мало.

И все потому, что Солтан Хуламбаев отдал поспешное и непродуманное распоряжение. Он ведь скорее партийный работник, чем военный. Недавно еще работал первым секретарем райкома. И все знали — не выносит секретарь женских слез. Чтобы разжалобить, просительница пускала слезу или даже только платок подносила к глазам, Солтан махал руками и поспешно говорил: «Ладно, ладно, будь по-твоему, только ради бога не

плачь». То же самое произошло и сегодня. Увидев слезы на глазах Апчары, Солтан уступил политотдельский грузовик под посылки.

Уступил, сам уехал, а грузовика не оказалось на месте. Только полуторка дивизионной газеты была тут, но как выгрузить из нее вмонтированную печатную машину и все шрифтовое хозяйство.

Делегаты вернулись на полустанок, где их ждала Узиза.

— Сначала позавтракаем,— предложил Хатали.

Узиза радостно начала хлопотать. На крышке чемодана, как на столе, она разложила еду и поставила даже бутылку водки. Более того, достала пластмассовые стаканчики, которые ее муж обыкновенно брал на рыбалку. Эти стаканчики Узиза захватила с собой нарочно, чтобы напомнить мужу домашнее тепло и весь уют мирного времени.

— Видели вы комдива? Что он сказал?— Узиза представляла стаканчики и ждала ответа.

— Велел поворачивать оглобли назад.

— Так и сказал?— Пластмассовый стаканчик выпал из рук Узизы.

Не могла Узиза вернуться, не повидав мужа. Сколько лет они ждали ребенка, но аллах не давал детей. И вот наконец Узиза забеременела. Все старухи предсказывают сына. Хотелось показаться мужу: гляди, жди наследника. Это хранило бы его в бою. А если и случится самое страшное, все же он знал бы, что род не кончается, вырастет сын...

Хатали налил водки, но пить не хотелось. Как быть? Остаться здесь или вернуться домой? Когда Солтан предложил свое решение комдиву, тот не сказал, что это разумно. Наоборот, он внутренне как будто не согласился с ним и все оставил на совести Солтана. А ведь он, комдив, куда больше знает об истинном положении дел. Если немцев не смогли остановить на заранее укрепленных рубежах, то удержат ли их водная преграда и плохо вооруженная кавалерия? Нет, лучше, если Чоров увезет свою делегацию. Сегодня это еще возможно, а завтра... что будет завтра?

— Апчара, а сколько до Дона?

— Километров пятнадцать — двадцать.

— Танкам один час хода.

Узиза совсем сникла. Ей не хотелось ни пить, ни есть, хотя в горле пересохло. Она невольно оглянулась на полустанок. Маневровый паровозик, который час назад перетаскивал с места на место вагоны, исчез, воцарилась гнетущая тишина.

— Мое предложение...— Хатали подумал, отхлебнул водки, сморщился. Водка не шла, а женщины ждали.— Это даже не предложение, это приказ. Ехать домой. Здесь склады. Боеприпасы, продовольствие для фронта. Мы доставили подарки до складов дивизии, доложили командованию. Наша совесть чиста. Мы выполнили задание руководства республики. Не удалось увидеться с родными и близкими? Не наша вина.

— Спишем за счет войны?— чуть не плача сказала Апчара.

— Да. Спишем за счет войны.

«С другой стороны,— продолжал размышлять и колебаться Хатали,— Солтан Хуламбаев оставил здесь все свое политотдельское хозяйство и намерен вернуться за ним. Может быть, и через неделю еще не произойдет ничего страшного? Если немцы подойдут близко, то железная дорога перестанет работать. Что делать тогда с беременной Узизой? Кому она нужна? Какая машина возьмет ее, чтобы потом с ней возиться?»

Апчара вспомнила Чоку, который говорил ей на прощание, что война — не танцы и чтобы она не задерживалась, возвращалась домой. Как всегда, прав был Чока.

— Ну, что ж, если надо — вернемся.— Первой отозвалась Апчара на приказ руководителя делегации.

— Я — что? Я — платок на голове. Есть ветер — играет, нет ветра — лежит неподвижно. Я ждала ветра радости. Дай бог, чтобы не встретили мы большей печали, горшего горя. Возвращаемся не куда-нибудь, а домой...— Чтобы растопить ком, подкативший к горлу, Узиза хлебнула водки, но поперхнулась и закашлялась.

Но тут грустные размышления незадачливых делегатов прервались самым неожиданным образом. Подкатила машина за посылками. Трехтонка из Баксанского полка Нацдивизии, которую сумели где-то в степи перехватить политотдельцы. Когда машина остановилась и шофер открыл дверцу, Апчара даже и не закричала, а завизжала от изумления и восторга. Если бы в кабине

оказался сам Альбиян, наверное, Апчара обрадовалась бы не больше.

Шофер и сам удивился, мгновенно выскочил из кабины, и в то же мгновение Апчара бросилась ему на шею, чего, конечно, не сделала бы в ауле.

— Аслануко! Откуда ты?

— «Эх, чарочка — вино красное...» — тотчас вспомнил школьный поэт свою частушку. — Вот это встреча! А я еще не хотел ехать, ругался с политотдельщиками. Даже кричали на меня. Эх, если б я знал!..

— Вот и встретились земляки. — Хатали был доволен, что наконец пришла машина.

Могла ли Апчара объяснить своему руководителю делегации, что Аслануко не просто земляк, одноаулец. Ведь он был влюблен в Апчару. Писал ей стихи. Как была бы счастлива неугомонная Кураца увидеть своего сына живым и здоровым.

Начали нагружать машину посылками, но Апчара и Аслануко не принимали в этом участия. Не до этого было им. Шутка ли. Школьные друзья встретились, и где? На фронте. Вопросы так и сыпались, но первый вопрос задала Апчара, и был этот вопрос о брате.

— Правда ты его видел? Когда? Или ты нарочно говоришь, чтобы меня успокоить?

— Вот доказательство. — Аслануко выставил напоказ ногу, и была эта нога обута в старинный хромовый сапог на высоком каблуке. Этот сапог надеть бы плясуну из ансамбля песни и пляски, так не вязался он с засаленными гимнастеркой и пилоткой фронтового шофера. Апчара сразу узнала отцовские сапоги, которые Хабиба силой всучила Альбияну в надежде, что они спасут и сохранят сына, как когда-то спасли и сохранили его отца.

— Поменялись, что ли, вы сапогами?

— Было бы что менять. Так отдал их мне Альбиян, да еще и спасибо сказал. Клянусь, не хотел я их брать. Да и к чему мне такие «модные» сапоги, если я все время в машине. На акселератор жать хорошо и в сыромятных чувяках. В таких сапогах хорошо перед начальством каблуками щелкать, но мне не приходится. Видишь, какие каблуки? В пору на бал. Увидел меня Альбиян в сыромятных чувяках, отозвал в сторону. «Что, говорит, позоришь кавалерийскую дивизию, пойдем, сапоги дам». — Повел меня к себе, вынул из мешка,

померил я — в самый раз. Так и ношу. Память от земляка.

— Рядовой, а ходишь в хромовых. Не ругают?

— Может, увидят сапоги, офицерское звание дадут, — засмеялся Аслануко и щелкнул каблуками, как это делают бравые бойцы, когда отдают рапорт своему командиру или докладывают об исполнении приказа. — Как там наш ансамбль песни и пляски?

— Какой ансамбль! Одни девушки. Парней в ауле совсем нет, если не считать горбатого Питу Гергова. Всех забрали... Мальчишки до ансамбля еще не доросли.

Узиза с завистью поглядывала на счастливую пару.

— А мы с твоим братом ездили в артсклады. Матчасть получали. Хотели дать нам минометы без мин. Знаешь, как Альбиян расшумелся! Лейтенант, а кричал на капитана. «Миномет без мин — это самоварная труба! Как мы в бой пойдём с самоварной трубой?» Дали...

— Два комплекта?

— Откуда знаешь?

— Комдив сказал.

— Хочешь встретиться с братом?

— Хочу ли?!

Апчара рассказала, сколько у нее поручений. Она побежала в вагон, принесла узелок и письмо для Аслануко. Кураца сама приходила к Апчаре, и Апчара теперь была счастлива выполнить хоть одну просьбу. На аульских сходках, где слово обычно предоставлялось только мужчинам, председательствующий иногда шутил: а сейчас будет говорить первая женщина среди мужчин и первый мужчина среди женщин. Все понимали, что речь идет о вдове Кураце. Вдова выходила и, шутливо, по-мужски проведя «по усам», начинала говорить. Сход ее слушал.

Отец Аслануко был упрямым и молчаливым человеком. Погиб он глупо, из-за своего же упрямства. На кирпичный завод привезли новый двигатель, который заводился ручкой. Надо было долго и сильно крутить, прежде чем мотор «схватывал» и начинал тарахтеть. Отцу Аслануко поручили освоить двигатель. Он крутил минуту, другую, двадцать, сорок минут и... упал замертво. Врачи определили разрыв сердца.

Аслануко пошел в мать — веселую и говорливую Курацу.

Апчара тоже не лезла в карман за словом. Она уже рассказала, что заведует молодежной молочнотоварной фермой, что ее выбрали в бюро райкома комсомола, что она руководит на ферме военным кружком. Не утаила и того, как опростоволосилась с рукопашным боем. Аслануко, слушая ее, весело хохотал.

— Зато на деревянные минометы Альбияна огромный спрос. Возят из аула в аул. Изучают.

Аслануко хохотал еще пуще.

Пока они разговаривали и смеялись, на грузовике выросла гора посылок. Хатали старался, чтобы этим первым рейсом увезли лучшие посылки. Он знал, где что лежит, и, выбрав ящик, подписывал его тому, кому хотел. Апчара тоже выбрала из целой горы посылку для Аслануко, кроме той, что ему послала мать. От обоих ящичков — от материнского и от общего — вкусно пахло вяленой бараниной, жареной курицей, сыром. Известно было, что там есть и вино. Парню очень хотелось сейчас же открыть хоть одну посылку, но он отложил это удовольствие до той минуты, когда в полку станут выкладывать содержимое ящичков и хвастаться друг перед другом. Торжественная и веселая будет минута!

— Ну вот. А мы поедем назад и ничего этого не увидим,— загрустила Апчара.— Ты расскажи хоть нашим, как нам хотелось самим раздавать посылки и письма, как нам хотелось встретиться с ними.

— А ты не уезжай.

— Как?

— Поедем со мной. Доведем посылки до нашего полка. Машуковцы все там. Посылки мигом разберут. Это все равно, что курам насыпать горсть зерна. Тук-тук! И — ни одного зернышка. Все подобрано. Я обещаю доставить тебя до этой станции раньше, чем произойдет вечерняя смена караула.

— А это возможно?

— Машина! Мотор новый. Только газуй!

Прислушавшись к разговору Апчары и Аслануко, Хатали помрачнел.

— Ты забываешь, что я отвечаю за тебя не только перед твоей матерью, но и перед руководством, которое

нас сюда послало. Ты не имеешь права распоряжаться собой. Тебе хочется повидать брата? А разве Узизе не хочется увидеть своего мужа — комиссара полка? Чем ты лучше ее?

— Я обещаю привезти ее до вечера! Вы же не уедете сегодня?! — взмолился Аслануко. — Раздать посылки — минутное дело. Дорогу я знаю. Два раза ездил...

Узизу опять уколола совесть: из-за меня не пускает.

— Пусть едет. Пусть хоть она увидит моего комиссара. Он узнает, что я здесь, и улучит момент, хоть на минуту приедет ко мне.

— Знал бы, что вы за женщины, — никого бы не взял. Или не поехал бы совсем, — не на шутку рассердился Хатали. — Я думал, хоть чуть есть ума: как слепой теленок тычется в горящую головешку, а думает, что кукурузный початок, так и вы... Это же война! Части вступили в бой...

Аслануко сдался, затих. От вина за едой отказался. Никто и не настаивал. Хатали решил, что подавил этот небольшой бунт. Машина с посылками была готова к отправке. Бойцы туго перетянули весь воз веревками, чтобы ни один ящик не потерялся в пути.

И вдруг Апчара решительно заявила:

— А я все равно поеду.

Хатали кусок не донес до рта.

— Я снимаю с себя всякую ответственность. Узиза — свидетель. Учти, я сам доложу все твоей матери. И еще кое-кому. Я имею в виду организацию, пославшую тебя...

— Я сама себе хозяйка. Есть же в полку девушки. В случае чего и я даром хлеб есть не буду. Не маленькая. Есть у вас девушки, Аслануко?

Аслануко замаялся. Он рядовой, а Чоров получается вроде командира, нельзя вступать в пререкание. С другой стороны, почему не сказать, что в полку, правда, мало, но есть и девушки: связистки, медицинские сестры. Однако он избрал третий путь.

— Раз нельзя — порядочек. У нас как? Командир сказал — точка. Если я сказал: к вечеру Апчара будет здесь — это тоже слово бойца. Другое дело — верить этому или нет.

— Где же точка? Одна болтовня!

— Есть болтовня! Разрешите ехать?

Хатали заколебался. Хуламбаев обещал вернуться с места новой дислокации завтра и просил подождать его здесь. Значит, так или иначе, придется сидеть сутки. Может быть, даже двое. Не лучше ли разрешить Апчаре поехать, если шофер клянется, что доставит ее сюда к вечеру? Пусть даже к утру...

— Вот что, товарищ ефрейтор. Ты — военный, слов на ветер бросать нельзя. Клянешься мне, что ты к вечеру или ночью доставишь сюда Апчару?

— Да, если...

— Никаких «если». Она должна стоять на этом месте не позднее утра. Ясно?

— Ясно.

Апчара не дослушала разговора мужчин. Она пулей влетела в кабину грузовика.

Гора ящиков заколыхалась на трехтонке, и все окуталось облаком пыли.

ПЕСЕНКА АСЛАНУКО

Аслануко от радости не мог прийти в себя. Он как увидел Апчару, так и не закрывал еще рта: говорил, говорил, пересылая разговор шутками, песенками, словно боялся, что, стоит ему замолчать, сразу исчезнет Апчара. Если бы он во сне увидел ее, и то целый день пел бы потом от радости, а тут — вот она, живая, красивая, теплая, в его кабине, бок о бок с ним, даже не надо протягивать руку, шевельни только локтем и невольно дотронешься до нее. Сидит радостная, взволнованная, как и он, скользит глазами по широким степным полям.

Аслануко боялся дотрагиваться до Апчары, словно она была под током, но, опустив руку на сиденье, он попадал ладонью на край ее платья, и этого ему уж было довольно.

Эх чарочка —
Вино красное,
Апчарочка
Огнеопасная!

Так он пел вслух, а про себя повторял и еще одни слова:

К Аслануко попадешь,
От объятий не уйдешь.

— А ты мечтала ли попасть к Аслануко в машину?

Апчара рассмеялась. Она была счастлива, и не существовало для нее никаких тревог, никакого фронта, и жаркий июльский день не сулил ничего, кроме все того же огромного неожиданного счастья.

Небо впереди чистое, как будто его ополоснули хорошим ливнем, только кое-где на горизонте проступали странненькие желтоватые подтеки, а над станцией железной дороги (впрочем, Апчара не знала, что это станция) низко стлался черный дым.

— Как мне было мечтать! Еще пять минут, и Хатали увез бы нас домой. Его напугали до смерти, сказали, что за Доном уже гуляет немец. Неужели правда?

Аслануко не хотелось говорить о немцах. Черт с ними. Лучше говорить о матери, о школе, о школьных днях, об ауле. Когда выпадет еще такой случай? Он даже поехал тише, чтобы продлить эту радость. Он уже снова любил Апчару, как раньше, в те мальчишеские годы.

Обстановка постепенно стала меняться. Тяжелые грузовые машины стали все чаще попадаться на дороге. Некоторых обгоняли они, но чаще обгоняли их, завлакивая весь мир душной пылью. Апчара хотела закрыть боковое стекло, но стекла не оказалось. Вместо него дребезжал в дверце кусок фанеры, который не поднимался.

— Кто его знает, где теперь немец. Везде. И на небе тоже. Бомбит, не знаешь, куда уклонит. Да ну его. Пусть его съест моя собака. Так когда ты мою маму видела?

— Посылочку-то она сама принесла. На заводе живет. Здоровая. Я расскажу ей, как ты хорошо устроился, будет рада. Шофер! Это не то, что сидеть в окопах и палить из миномета...

— В окопах опаснее. Это точно! Я знал, что делал. Помнишь, отговаривали меня: не ходи на курсы шоферов. Не бросай школу. А я не послушался. И в школу ходил, и на курсы бегал. Совсем как мальчишки, которые в одной и той же сумке носили и коран и учебники, потому что утром ходили в школу, а вечером — в медресе. Вот и я совмещал. А я помню, когда тебя привели в первый класс...

— А-а! Мне до сих пор совестно...

— А что? Разве ты поступила неправильно? Обещала — давай.

Вспомнила Апчара тот забавный случай. Чтобы записать Апчару в первый класс, к Хабибе пришла молодая учительница. В руках у нее была красная сумка на золотистой цепочке. Апчаре в школу ходить не хотелось. Не знали, как с ней быть. Вдруг учительница заметила, что девочка не сводит глаз с ее красной сумочки.

— Хорошо, девочка, — сказала она, — если ты придешь в школу, я тебе эту сумочку подарю.

Апчару посадили за первую парту. Учительница начала объяснять урок. Вдруг Апчара поднялась, подошла к столу, взяла сумочку и спокойно направилась к дверям.

— Ты куда, девочка? Урок еще не кончился.

— Я за сумкой пришла, а не учиться!

Долго еще потом учителя повторяли нерадивым, невыучившим уроков ученицам: «Ты что, учиться пришла или за сумкой?»

— А я, по правде говоря, жалею, что бросил школу.

— Почему?

— Кто знает, может быть, теперь я не баранку бы крутил, а командовал эскадроном. Смотрю я, наши командиры — все мои одноклассники. Есть даже моложе меня. Твой брат мне ровесник, а уже командир, взвод под его началом.

— Ах, скорей бы его увидеть!

— Не волнуйся — увидим. А как Чока? Как он пишется: Мутаев или Диданов?

— Чока что! Его чаша на верхней полке — как у нас говорят... Тебе его не достать... Начальник штаба пастбищ. Командует дивизией из девушек и мальчишек.

— Вот кому повезло. Видно, он пловец отменный. Он не секретарь ли райкома?

— Секретарь.

— Ты смотри! Два поста. Какой незаменимый! Кругом ему везет.

— А еще в чем?

Аслануко улыбнулся, посмотрел на Апчару. Но машина попала в яму. Оба подскочили. Апчара ударилась головой о крышку кабины. Схватила руками за ушибленное место.

— Эх, дорожка фронтовая...— процедил Аслануко, со злостью нажимая на слово «фронтовая», будто оно бранное, нецензурное...

Апчара поправила волосы.

— Так в чем еще везет Мутаеву?

— Как в чем? Ты — его невеста. Ну ничего, кончится война, тогда...

— Что же тогда?

— Пересмотрим.

— Что пересмотрим?

— Женихов. Кто упадет в цене, а кто повысится. Фронтвики свое возьмут.

— А ты уже фронтвик? Почему же кругом так тихо? Честное комсомольское, я не вижу, чего тут бояться. Хатали говорил: мы в действующей армии, а вот мы едем как у себя в колхозе на прополку кукурузы. Посмотри на поля. Урожай пшеницы будет на редкость.

В радиаторе закипела вода. Пар выбивался из-под пробки, брызги летели на ветровое стекло, спекалась пыль, и стекло делалось неприглядным. Аслануко остановил машину, отвернул пробку, и кипяток, ударив фонтаном, чуть не ошпарил его. Мокрой тряпкой Аслануко долго тер ветровое стекло, особенно ту его половину, где сидит Апчара. И тут в небе послышалось пение жаворонка.

Апчара подивилась ему и вспомнила, что рассказывает о жаворонке кабардинская сказка. Выпорхнет жаворонок из травы, поднимаясь все выше и выше, а сам поет травам, из которых только что вылетел: «Я лечу в небо. Я лечу к богу. Я лечу за волами. Бог мне их обещал. Пригоню я на землю волов, вспашу поле и луга, чтобы земля была мягкой и доброй, чтобы круглый год зеленела на ней трава».

Так летит жаворонок все выше и вдруг камнем падает вниз. Что случилось? В чем дело? Оказывается, он забыл поводок, а без поводка не приведешь и волов. Отдохнет птичка в густой траве, снова поднимается вверх, снова поет ту же песню. И все повторяется сначала.

Апчара подумала: не пора ли и мне, как жаворонку, вернуться в свою траву? Не дождутся моих волов ни Чока, ни мама.

— Порядок! — Аслануко долил в радиатор воды, закрутил пробку и снова сел за баранку:— «Эх, чарочка — вино красное...» На этот раз Апчара сама продолжила, шутливо переиначив:— «К Аслануко попадешь и домой не попадешь».

Потом сразу перешла на серьезное, будничное, надвигающееся, как гроза:

— Смотри, как безлюдно вокруг. Село, а ни души. Словно вымерли все. Ставни закрыты, даже кур нет. Хорошо бы отдохнуть в тенечке, в саду.

Аслануко не отозвался. Проехали безлюдную станицу, и дорога стала шире. Машинам теперь не было ни конца ни края. Мчались грузовики с орудиями на прицепах. Рессоры прогибались под тяжестью, образуя обратную дугу. Колонны бойцов шли по обочинам дороги.

— Почта, давай посылку! — кричали красноармейцы, думая, что машина почтовая.

Красноармейцы шли в запыленных гимнастерках, в полной боевой выкладке. На их спинах, словно нетающий иней, лежала соль. Они несли на себе разобранные пулеметы и минометы. Высоко торчали длинные противотанковые ружья. Руки оттягивали коробки с пулеметными лентами. На боку — противогазы, гранаты.

Апчаре стало жалко их. Будь ее воля, она раздала бы им все посылки, пусть поедят, подкрепятся.

Впереди темнел горизонт.

— Дождь будет или гроза.

Аслануко беспокойно заерзал на сиденье:

— Это не дождь. Это — фрицы...

Апчара не поняла, взглянула на шофера. Тот все чаще высовывался из кабины, поглядывая на небо. Конечно, благоразумные шоферы пассажиров сажают в кузов, чтобы те следили за «воздухом». Но разве мог Аслануко послать на гору ящиков Апчару, одно прикосновение к которой бьет его, все равно как искра зажигания.

— Ну и что они, фрицы?

— Бомбят. Видать, подожгли нефтехранилище. Не дорога — дымовая завеса.

Вдруг Апчара ткнулась лбом в ветровое стекло. Только потом уж она услышала вокруг себя взрывы, взрывы, взрывы. Она метнулась было в сторону Аслануко, но тот, в свою очередь, метнулся и выскочил из

кабины. Все смешалось с дымом и пылью. Держась за дверцу кабины, Аслануко прислушался к гулу и сообщил: «Рама» — разведчик. А ягоды впереди».

Действительно, когда пыль рассеялась, Апчара увидела одинокий самолет, похожий на дверную коробку.

— Надо торопиться. На след наводит...

— Почему вокруг столько пыли?

— Кавалерия идет широким фронтом. Только боевая техника и обоз двигаются по дороге. Конники же идут через поля, сады, огороды — напрямик, воздушного прикрития-то нет. Но с воздуха все хорошо видно. Сейчас бросил бомбы разведчик, который обнаружил цель. Наверняка он уже вызывает большую авиацию. Жди бомбежки.

Аслануко стал чаще выглядывать из кабины, хотя все вокруг — и земля и небо — было затянуто пеленой серой пыли. Легко наткнуться на повозку или на пушку на конной тяге. Веселость Аслануко как рукой сняло. Надо еще сдержать слово и доставить Апчару к ночи на станцию.

На дороге оживление перерастало в тревожный беспорядок. Ездовые хлестали мокрых, взмыленных лошадей. То и дело попадались опрокинутые повозки. Конница, сторонясь дороги, шла через пшеницу. Апчара поняла наконец, что она в действующей армии. Действительно, войска приведены в действие. Что из того, что нет еще боя, каким Апчара привыкла видеть его в кино? Однако навстречу попадаются санитарные машины, а то просто грузовики, которые везут раненых. Значит, где-то близко идет бой. Иногда дорогу загораживают огромные гурты скота, вереницы телег с домашним скарбом. На телегах сидят детишки. Усталые женщины идут рядом, держась одной рукой за телегу. Не меньше людей усталые волю тянут по пыльной дороге белые нити слюней.

Повеяло дыханием войны.

Между тем выехали на шоссе. Аслануко спросил у всадников, не из Баксанского ли они полка? Оказалось, баксанцы двигаются правее. Пришлось повернуть на другую дорогу — проселочную или, может быть, просто полевою. Хорошо бы полк сейчас сделал привал, тогда Аслануко догнал бы его. Пора подумать об отдыхе. Солнце в зените.

Аслануко не ошибся. «Рама» действительно привела боевые самолеты. Первой это заметила Апчара, которая то и дело высовывалась из кабины. Было душно. Она никак не могла привыкнуть к выхлопным газам, проникающим в кабину, и старалась чаще подставлять лицо под упругие струи встречного ветра. Все мысли ее были о предстоящей встрече с братом. Посылочку, которую сунула ей Ирина, она держала на коленях, чтобы сразу отдать ему. Посланье Даночки лежало у нее в сумке. Скорее бы...

Но впереди что-то случилось: машины и повозки быстро сворачивают с дороги, люди разбегаются в разные стороны, всадники галопом скачут по полям пшеницы.

— Что такое?

— Проклятая «рама». — Аслануко высунул голову из машины и увидел, как немецкие бомбардировщики разворачиваются для нападения. Он резко затормозил машину, гора ящиков колыхнулась вперед, но пока еще не рассыпалась.

Апчара прижала к груди свою сумку, будто ее могли отнять.

Аслануко посмотрел по сторонам: нигде никакого укрытия. Машина с горой ящиков — прекрасная цель. Он быстро свернул с дороги и только успел заехать в пшеницу, как раздались первые взрывы. Он схватил за руку Апчару, и они побежали в глубину поля. Занахло пороховым дымом, пылью и жженой травой.

Апчара и Аслануко упали наземь. И больше всего удивило Апчару, что в промежутках между взрывами по-прежнему слышалась песня жаворонка.

Апчаре хотелось привстать и посмотреть, цела ли машина. Она приподняла голову, но Аслануко резко прижал ее к земле. Вновь загрохотало вокруг. По колосьям зафыркали осколки, комья земли посыпались на Апчару, запутались в волосах.

— Ля иллах-ила-аллах, — залепетала Апчара молитву своей матери.

— Комсомолка называется, — пошутил Аслануко.

Апчара не смела поднять головы, но и не могла лежать в бездействии, когда вот-вот уничтожат посылки, собранные по дворам, учреждениям, колхозам и предприятиям. Это недопустимо. Что скажут односельчане, поручившие ей доставить ценный груз бойцам. Апчара

воспользовалась передышкой, вскочила и бросилась к машине.

Аслануко мгновенно догнал ее, схватил за плечи и со всего маху повалил на землю.

— Тебе что, жить надоело?— крикнул он сердито.

Над ними совсем низко проревел самолет. Апчара впервые увидела, как от него отделилось что-то похожее на черные бутылки. Бомба! И тут же загрохотало. Она поняла, что Аслануко прав. Надо лежать и ждать исхода.

Над пшеничным полем поднялись клубы дыма.

Самолеты переместились ближе к хутору. Как видно, там они обнаружили более важную цель. Над дорогой повисла непроницаемая пелена пыли, в которой потонуло все, что тут было. Только это и спасло машину с посылками.

Потом все затихло. Апчара и Аслануко пошли к машине. Их окутало туманом и едким дымом, сквозь который солнце едва проглядывало. Апчару била дрожь. Она хотела что-то сказать, но рот не разжимался и язык не ворочался. Неожиданно она засмеялась. Аслануко испуганно посмотрел на нее.

— Это и называется бомбежкой?— все истеричнее смеялась Апчара.— «Гр-гр-гр» много, а толку нет.

— Подожди, будет и толк,— Аслануко отряхивался от пыли.— Видишь?

Пыль рассеялась, и Апчара увидела на дороге горящую машину. Бойцы отчаянно старались погасить пожар. Один набрасывал на огонь плащ-палатку, другой нарвал зеленой пшеницы и бил по пламени, третий забрасывал огонь свежей землей.

Со стороны хутора слышалось испуганное ржание коней. Над домами стлался сизый дым, горели соломенные крыши казачьих хат. Апчара пожалела, что выпалила свое «толку нет». Это она от радости, что уцелела машина с подарками.

Бойцы все никак не могли потушить машину. Огонь перекинулся к бензобаку. Раздался взрыв, и машина запылала красным и дымным факелом.

В луже крови лежала лошадь и дергала ногами. Апчара увидела, как боец целился из винтовки в лошадиный лоб, и крепко зажмурилась. Скорее, скорее ехать!

Впереди, правее дороги, показался хутор. Не там ли полк, который ищут Аслануко и Апчара? Двое бойцов попросили подвезти их. Оказалось, что они тоже из Баксанского полка. Аслануко разрешил им залезть на гору ящиков и наказал следить за «воздухом».

Хатали, как видно, был прав. По котлу, пока не дотронешься рукой, не узнаешь, горячая или холодная в нем вода. Утро было чудесное, тихое, пели жаворонки, кругом колосилась пшеница. А теперь бомбы, огонь, дым, кровь, страх... На месте ли Хатали? Не разбомбили ли их там вместе с полустанком? Узиза не перенесет бомбежки, начнутся роды.

Бойцы громко, в четыре кулака, забарабанили по крыше кабины. Аслануко высунулся и крикнул:

— Ну что там?

Вместо ответа бойцы спрыгнули с машины, бросились в разные стороны. Приближался гул. Шла новая волна самолетов.

Аслануко нажал на газ, свернул в высокие подсолнухи и, схватив Апчару за руку, побежал от машины. Укрытия им не попадалось. Хоть бы канавка какая или ямка. Машина издали была похожа на домик сторожа среди поля. Может быть, и летчикам так покажется, и они пожалеют бомбы на никчемный домишко? Но все равно бежать подальше, как можно дальше от машины...

Бомбардировщики летели низко. Ничто им не грозило ни с земли, ни с воздуха. Из хутора била по самолетам одинокая зенитная пушка, но дымки ее с опозданием разрывались или слишком высоко в небе, или слишком низко. Самолеты кругами носились над полем, выбирая цель. То из одного, то из другого, а то и сразу из всех самолетов искрами сыпались пулеметные очереди. Где-то близко рвались бомбы.

Аслануко наловчился маневрировать под бомбами. Ни в каком уставе этой науки не записано. Выручают только чутье и ловкость. Вот пикирует на тебя бомбардировщик, видишь, как открывается люк, высыпаются, как бы даже медленно, одна за другой бомбы. Нужно в одно мгновение учесть высоту, скорость самолета, угол падения бомб и либо падать и прижиматься к земле, либо бежать вперед, а то и в сторону, если бомбы лягут одна за одной... «Танец с бомбой» — называл это Аслануко.

Апчара, конечно, еще не знала этой науки. Ее хватало только на то, чтобы в любом случае прижиматься к земле и лежать не двигаясь. Аслануко зорко следил за бомбами. Он точно определял особо угрожающую им бомбу и каждый раз хватал за руку Апчару, срывал ее с места, и они бежали в сторону.

Бомбардировщики не спешили отбомбиться. Апчара видела, как один самолет начал пикировать на их машину с посылками, но потом словно раздумал и вышел из пике, не бросив бомбы. «Может, у него бомбы кончились, или он и вправду принял машину за пустую

домушку», — с надеждой подумала Апчара. Она не могла знать, что немец решил сэкономить на машине и поохотиться за живой целью. Самолет взмыл вверх, замер там и снова качнулся на крыло.

— Бежим! — дико заорал Аслануко и вскочил. Апчара словно приросла к земле. Руки и ноги налились непонятной тяжестью, она не могла не только вскочить — пошевелиться. Через мгновение полыхнул взрыв. Земля накренилась, встала на ребро, и Апчаре показалось, что она катится с высокой крутой горы в огненную пропасть. Рот забило землей. «Пусть убьют, пусть разнесут на куски — не сдвинусь с места. Не буду бегать под бомбами. Буду лежать тут долго, вечно, всегда, — думала Апчара, — только где же Аслануко? Опять сейчас схватит за руку и потащит куда-нибудь».

Аслануко не появлялся. Апчара словно пробудилась от сна, приподняла голову, привстала, села. Тихо. Никаких самолетов уже нет. Земля вокруг изрыта, дымится. По дороге по-прежнему двигаются войска. Машина по-прежнему стоит в подсолнухах. Апчара хотела встать, но ноги ее подкосились, и она снова опустилась на землю.

— Аслануко! Где ты? Аслануко, отзовись!

Апчара на четвереньках поползла к машине и вдруг прямо перед собой на земле увидела черный хромовый сапог. Правый. Из него высовывается красный, окровавленный обрубок. От него на белой жилке свисает коленная чашечка. Вокруг никого не было.

— Аслануко! — Апчара упала на землю. Кричать и звать было некого. Она тряслась и рыдала, а жаворонок опять взмыл над подсолнуховым полем, запел свою песенку, чтобы привести на землю больших волов.

Бойцы-пассажиры, разбежавшиеся перед бомбежкой, вышли из подсолнухов. Все вместе поискали, не осталось ли чего от Аслануко, кроме ноги и сапога, — ничего не нашли.

Апчара словно обезумела. Завернула ногу в сапоге, завязала узелком. Она не знала, что ей теперь делать: искать полк, возвращаться обратно к Хатали или сесть на землю и сидеть здесь, не двигаясь.

Один из бойцов оказался шофером из разбомбленной перед этим машины. Пока он копался в моторе,

другой боец в кавалерийской фуражке успел разузнать у проезжающих всадников, что на хуторе, точно, тылы какого-то полка.

КАПИТАН ЛОКОТОШ

Бойцы посоветовали Апчаре ехать на хутор. Да и что ей оставалось, как ни ехать, куда ее повезут. Глухота не проходила. Голова все еще звенела колоколами, поташнивало. Она уселась на переднее сиденье в кабине, но только вместо драгоценной материнской посылки держала теперь на коленях завернутую в платок Асланкову ногу — жуткий груз. Гора ящиков медленно колыхалась над кабиной. Один боец стоял на крыле и спрашивал каждого встречного: «Где начальство?» Так они въехали в хутор. Наконец им показали на военного с палкой — зама по тылу.

Машина остановилась. Зам по тылу распекал кого-то, не обращая внимания ни на остановившуюся перед ним машину, ни на подошедшую девушку в штатском, столь необыкновенную в этой обстановке.

Распекал он, оказывается, человека за то, что машина с продовольствием, за которую он отвечал, сгорела во время бомбежки, и полк остался без пищи.

Зам по тылу был пропылен и оброс черной щетиной. Тем не менее лицо его, усталое и злое, показалось Апчаре знакомым. Она сделала еще шаг, чтобы попасться на глаза злому начальнику, и вдруг увидела, как небритое лицо меняется, озаряется радостью. Начальник забыл про распекаемого подчиненного и бросился к Апчаре.

— Апчара! Возможно ли? С неба, что ли, свалилась?

Тогда, вместо того чтобы четко доложить и все рассказать, Апчара ткнулась военному в плечо и расплакалась.

Да, это был капитан Локотош. Как это Апчара не узнала его сразу. Он по-прежнему хромает на левую ногу и не расстаётся с палкой.

— Что случилось? Успокойся. Это что за машина? Чья? Где шофер?

Боец в кавалерийской фуражке показал на сапог в платке, который Апчара не выпускала из рук.

Капитан взял сапог, поглядел на белую кость, торчащую из голенища, и отдал его бойцам.

— Захороните. Как фамилия шофера?

Бойцы не знали.

— Аслануко,— сквозь плач выдавила из себя Апчара.— Аслануко Вороков из нашего аула.

Бойцы унесли сапог с ногой, отдав Апчаре косынку, выпачканную в крови. Апчара глядела на кровавые подтеки. Ей казалось, что она виновата в гибели Аслануко. Поднимись она с ним в тот миг, когда он сказал «бежим», может быть, он остался бы цел. Это она задержала его, нарушила ритм его «танца с бомбой». Конечно, если бы она поднялась, то бомба могла разнести и ее...

— Помогите мне найти брата,— Апчара хотела добавить «товарищ капитан Локотош», но не знала, правильно ли это по-военному прозвучит. Капитан хромал еще больше, чем тогда, на станции, когда они встретились в первый раз.

— Присядем. Устала, видно, ты от всего.— Локотош заковылял к приземистому дому с вывеской «Начальная школа». Лишь тот, кого он до этого распекал, остался стоять на месте, ожидая дальнейших распоряжений.— Досталось не только вам. И нам попало. Сгорели машины с продовольствием.— Локотош обернулся, снова сделался злым.— Он виноват. Увидел фрица — скорее в кусты, а машины оставил на дороге — жги, не жалей! А полк ждет. Бойцы второй день голодные.

— Я посылки везла. Вот.— Апчара кивнула головой на гору ящиков.— Есть еда...

— Посылки с продовольствием!— У капитана загорелись глаза.— Посылки с продовольствием!— повторял он, словно не веря ушам.— Манна небесная спустилась с неба! Это же чудо! Что же ты молчишь?— Локотош снова повысил голос, на этот раз торжествующе:— Слышишь, старшина, слышишь? Апчара привезла нам посылки. Садись в машину, отвези немедленно. Раздай всем...

Старшина оживился. Часть посылок оставили тем, кто на хуторе. Локотош для пробы вскрыл один ящик: копченая колбаса, вяленая баранина, сухари — голубая мечта! В другом консервы, сухофрукты, вино. Сразу разобрались, что посылки двух типов. Чтобы узнать содер-

жимое, надо потряхнуть ящик и прислушаться, что в нем гремит. Локотош ликовал:

— Перед потреблением взбалтывай, ясно?— шутил он.

Но как быть с Апчарой? Отправить ее с посылками догонять полк? Но как она вернется на станцию? Локотош объяснил, куда идет машина. Он, конечно, не стал бы ей мешать, если бы знал, что полк на привале. Но полк и ночью будет продвигаться вперед, поскольку авиация ночью не опасна. Когда машина догонит передовые подразделения? Где? Сумеют ли сразу найти Альбияна, который идет в общей колонне?

Локотош нарисовал обстановку.

— Решай сама. Полагаю, благоразумней остаться здесь. Сейчас не могу отправить тебя на станцию. По-русски говорят: утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем.

Апчаре хотелось во что бы то ни стало увидеть брата. После сегодняшней бомбежки она поняла, что, может быть, это будет последняя встреча. Но если не вернуться на станцию — делегация уедет. Что тогда делать?

— Я ничего не соображаю.

— Тогда я решаю сам.

Машина с посылками была готова тронуться с места. Мотор работал. Рядом с шофером в кабине уже сидел старшина, ожидая распоряжения.

— Езжай!— Локотош поднял палку.

Ящики закачались, задвигались, заерзали по кузову. «Не рассыпались бы»,— подумала Апчара, наблюдая, как кренится гора из стороны в сторону. Только сейчас она вспомнила о «письме» Даночки, которое осталось у нее в сумке.

— Письмо я забыла!

Локотош посмотрел на конверт.

— Ничего. Это я беру на себя. Завтра с кем-нибудь перешлю. Трудней отправить тебя. Придется искать попутную машину. А пока — ужинать. Тем более ты сама привезла угощение. Война все перепутала. Раньше хозяин угощал гостя, теперь гость угощает хозяина. Но и мы от себя что-нибудь сообразим. Пошли!

Локотош мог позволить себе короткий отдых. Гужевой транспорт неотступно следовал за полком. Автома-

шины были вынуждены останавливаться, чтобы не тащиться в хвосте колонны со скоростью десять километров. Локотош решил отдохнуть на хуторе и двинуться в предрассветный час — самое подходящее время для движения. За час-полтора он догонит полк.

— Товарищ капитан, видите?! — Боец, готовивший ужин, вернее, раскладывающий продукты, привезенные Апчарой, показал на зарево. Над высоким правым берегом Дона полнеба было в огне и дыме. — Цимлянская горит. Донская земля.

Сели ужинать. Выпили по одной за здоровье Апчары. Сама Апчара не могла ни пить, ни есть. Она была там, где в эту минуту подразделения полка полями и оврагами идут навстречу своей судьбе. Думает ли Альбиян в эту минуту о своей сестре?

Локотош угадал настроение гостя.

— Я сказал, передадут брату о твоём приезде. Будет возможность — сам подскочит сюда.

— А как он найдет меня?

— Дорога одна. Мы сами его увидим.

На доске, служащей столом, одни закуски мгновенно исчезали, другие появлялись. Мясо, куры, вареные яйца — все это поглощалось людьми, словно они всю жизнь голодали. Три ящика опустошили за полчаса. Открыли четвертую бутылку — вино. Пил и шофер: милиции бояться не надо, правила движения особые, фронтовые.

Сначала все ели молча, некогда было говорить, рот занят. Но потом стали расспрашивать Апчару, как там в тылу, дома, в республике?

Апчара отвечала как могла. Но что она знала? Рассказала о ферме, о наводнении, о тимуровцах, собирающих лекарственные травы, о парашютистах, задержанных Чокоей Мутаевым. О своем участии в этом деле упомянуть постеснялась.

— Да, вот еще седельщик Бекан просил узнать, как его седла служат. Не требуется ли еще?

— Что — седла? Конь погибнет — седло остается. Джигит погибнет — слава остается. Передай спасибо ему за седла. Но пусть лучше он лошадей растит, пусть сохранит кабардинскую элиту.

— Да, за нее он в ответе. Возложено на него постановлением. Собрал всех чистопородных лошадей в осо-

бый табун. Сам ездит на жеребце Шоулохе, даже спит в конюшне.

— А как Хабиба?

— Ждет моего возвращения. Молится о спасении Альбияна.

Апчара говорила, а перед глазами с каждым часом все ярче видела ногу в сапоге. Не сойти бы с ума. Как светло началось это утро и какой темнотой закончился день. Темно и пусто все вокруг, хаос, и не к чему прислониться. Только в Локотоше видела теперь Апчара спасение и опору. Как будто она знала его давно-давно. И хорошо, что он кабардинец. Некое теплое чувство поднялось в Апчаре к этому человеку, ей захотелось поговорить с ним на родном кабардинском языке.

— Аллах, харзинам псори, зи салам казмиха куажам даским (клянуть аллахом, в ауле нет человека, который не послал бы вам поклона).

Локотош молчал. Ему неловко было признаться, что не знает он ее языка. Разговор прервался. Апчара взглянула на Локотоша и, заметив его смущение, переспросила:

— Ты не говоришь по-кабардински?

— Я, как собака, все понимаю, а сказать не могу.

Апчара не засмеялась. Она не могла взять в толк, как это кабардинец не может говорить на языке своей матери. Она перебрала всех своих знакомых и такого не нашла.

— А может, ты не хочешь?

— Я знаю одно только слово — тлякотлеш.

Локотош понял, что пора рассказать о себе. Объяснить, почему он не говорит на кабардинском, хотя именно потому, что он кабардинец, его откомандировали в Национальную дивизию после госпиталя. Он танкист, а не кавалерист. Даже с этим не пожелали посчитаться в отделе кадров. В танковом полку ему бы дали батальон, а здесь приходится занимать должность зам. командира полка по тылу. Интендантскую службу он не любил, был убежденным строевиком.

Пора, конечно, рассказывать, но только мало веселого в его рассказах. Как печеный лук выбирают из горячих углей, так и ему приходилось выбирать из костра каждый год своей жизни.

Шоферы, начальники складов, тыловики придвинулись поближе послушать капитана. Интересно было узнать, почему кабардинец говорит только по-русски.

Отец Локотоша был активистом в первые годы Советской власти. Тогда не было, пожалуй, человека в Кабарде, который не знал бы Даурова. Его послали в Москву постоянным представителем Кабардинской области. Знали же его в народе потому, что он в те тяжелые годы много сделал для своего народа и, может быть, даже спас его. В голодный 1921 год он сумел добиться продовольственной помощи, и люди не пухли с голода, как в других местах. Мало того, он прислал эшелон с семенами, и, таким образом, весной поля Кабарды оказались засеянными. Тогда-то и стали говорить в народе, что Дауров спас народ, подобно тому, как легендарный Сосруко похитил у бога огонь и спас нартов, богатырей из кабардинского эпоса.

В Нальчике кому-то не очень по душе пришлась такая слава. Под чужое копыто попал Дауров и был подмят.

В Москве осталась жена Даурова Дадуна, неграмотная и безответная кабардинка. На руках двое мальчиков. Один из них и был теперешний капитан Локотош.

Свет не без добрых людей. Дадуне помогли переехать в Ленинград. А там ее пристроили и на работу.

Дадуна часто болела. На скудный заработок трудно было содержать семью. Соседи стали уговаривать ее отдать мальчишек в детдом. Локотош — его тогда звали иначе — прослышал об этом и сбежал из дому. Сел в первый попавшийся поезд. Его сняли в Бобруйске и направили все-таки в детдом. Мальчик не говорил своего имени, а на вопрос: кто ты такой, отвечал: «Тлякотлеш», не очень хорошо понимая, что это такое. Но запомнились слова матери: «Отец наш достойный был тлякотлеш. Будьте и вы, дети, такими же тлякотлешами». Мальчик не знал, что «тлякотлеш» по-кабардински — свободный крестьянин. Но если так звали отца, то почему бы и себе не присвоить такое имя. И он упорно на вопросы об имени отвечал:

— Тлякотлеш!

В детдоме не стали допытываться. Тлякотлеш — так тлякотлеш. И мальчика записали под именем Локотош, на русский манер. Трудно было бы произносить кабар-

динское слово «тлякотлеш» воспитателям и новым друзьям. В списках он значился — Локотош Локотошев, а звали его просто по имени. Мальчик привык к этому, и не удивительно. В детдоме у каждого было свое особое прозвище.

После детдома Локотош попал в военное училище уже со своим новым именем. Понадобилось отчество. Решил назваться Клементьевичем, по имени прославленного наркома. Но отчество как-то не привилось, и остался он по-прежнему Локотошем.

— И ни разу с тех пор не видел мать? — Апчара подумала, вдруг война разлучит ее с матерью? В детдом, конечно, ее не пошлют, но придется уходить с Нацдивизией в какие-нибудь неведомые края. Хабиба останется на оккупированной территории. Механически Апчара нашарила в сумке комсомольский билет. Здесь. Хоть с именем в случае чего не будет никакой канители.

— Мать я однажды видел. С трудом ее разыскал. И представьте себе — узнала. Исчез карапуз, а явился лейтенант в новенькой форме. Узнала, говорит, по лбу и губам, очень я похож на отца. Не знаю, удалось ли ей вовремя уехать из Ленинграда или осталась в блокаде.

Короткая летняя ночь шла к концу. Бойцы лежали вокруг на разостланных бурках. Иные прислушивались к беседе, ловя каждое слово, иные похрапывали. Гул немецких самолетов, доносившийся издалека, напомнил о том, что пора в дорогу. Локотош скомандовал:

— По машинам!

Решив ехать вместе с Апчарой на последней машине, капитан предупредил головных шоферов, чтобы останавливали всякую встречную машину. Апчара должна вернуться домой.

— Сделаем шаг вперед, чтобы потом сделать два шага назад, — шутил Локотош, — советую забраться в кузов и лечь спать. Когда попадет машина, я разбужу. Есть на войне два неписаных закона: не оставляй на завтра то, что можно съесть сегодня, и спи когда можно, хотя бы стоя...

— Первую заповедь мы выполнили, съели на неделю вперед. А насчет сна — сомневаюсь.

— Попробуй. Поедем медленно и без фар. Один час сна на войне равен целой ночи у себя дома...

— Не усну. Сердце болит. Уедет без меня делегация, что тогда буду делать?

— Сказал я тебе — утро вечера мудренее. Увидишься со своей делегацией.

Машины медленно выруливали на дорогу.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Война перепутала дороги. Еще вчера, еще час назад можно было заглянуть в завтрашний день. Настало утро, и все изменилось. Сначала показались группы раненых, ковылявших по обочинам дороги. Потом стали попадаться повозки с «тяжелыми». Раненые лежали в повозках вповалку. Около них санитары и санитарки. Обгоняя повозки, тянулись машины, до отказа груженные медицинским персоналом и хирургическим оборудованием. Госпиталь уходил в тыл.

Еще не прошли все раненые, а на дороге становилось все больше беспорядочно отступающих людей. Тут были и военные и гражданские. Беженцы.

Локотош остановился, чтобы выяснить обстановку. Оказалось, — отступает какая-то армия, разбитая немцами на северном берегу Дона. «Девятый вал», — горько пошутил отступающий боец, у которого спрашивал Локотош.

Теперь и Апчара понимала, какая легкая добыча для немецкой авиации все эти бредущие через степи люди и какая мясорубка может начаться, лишь только окончательно рассветет.

Действительно, не успело взойти солнце, а в небе слышался гул самолета-разведчика. «Рама», — подумала Апчара, обогащенная горьким опытом.

На передних машинах люди пригнулись, с тревогой следят за «воздухом». Между тем на дороге — свежие следы кавалерии. От конского навоза только что не идет желтоватый парок — настолько свеж. Значит, скоро должны догнать своих?

Локотош — боевой командир, нюхающий порох с первого дня войны, не может взять в толк, что же происходит на самом деле. Вот почему, когда вслед за пешими показались на горизонте и конники, Локотошу стало как

будто легче. И хотя события принимали еще более трагический оборот, но в них, по крайней мере, появилась определенная логика. Локотош выехал вперед и остановил все свои машины. Он решил дождаться первых конников, которые не могли быть никем иным, как конниками Нацдивизии, которую Локотош догонял. Но еще раньше конников подкатила легковая машина, из нее вышел, опираясь на палку, сам командир дивизии полковник Кубанцев. Локотош побежал навстречу комдиву, стараясь не опираться на свою палку, хотя нога болела, и на ходу пытался сообразить, почему комдив едет в сторону тыла, почему он с палкой и что вообще творится вокруг.

Комдив был бледен и едва стоял на ногах. И голос у него был глухой, надорванный.

— Вот что, капитан... обстановка известна?..

— Никак нет, товарищ полковник.

— Оно и видно. Очень уж вы спокойны. Так слушайте: немцы на этом берегу. Удастся ли их сбросить в Дон — неизвестно. Идут бои. Мы получили приказ занять оборону по реке Сал в районе Маратовки... Райцентр... Да. Транспорт направь туда. Сам останешься здесь, на хуторе. Возьмешь с десятков людей, поставишь шлагбаум на дороге и, — полковник хотел повысить голос, но вместо этого осип еще сильнее, — ни единой души не пропускать! Собирай всех, формируй отряды и направляй их в Маратовку. Карта у тебя есть?

— Так точно.

Кубанцев повернулся к машине.

— Разрешите спросить, товарищ полковник?

Кубанцев только сейчас обратил внимание на палку в руке капитана.

— Что — друзья по несчастью?

— Выходит, так.

— Ну, что вам еще не ясно?

— Где найти начподива Хуламбаева?

— Кто его знает. Уехал ночью за своим политотдельским хозяйством...

В больной ноге колынуло, и Локотош едва не присел. Полковник, кряхтя, забрался в машину. В ней на заднем сиденье, кто откинув голову назад, а кто свесив ее на грудь, дремали комиссар, начальник штаба и коман-

дующий артиллерией. Комдив, прежде чем захлопнуть дверцу, бросил:

— Своих не жди. Они идут другим маршрутом.

— Есть.

Апчара спит и не знает, что судьба ее уже изменилась. Локотош достал карту. Он помнил Маратовку — разбросанную казачью станицу в излучине Сала — и быстро нашел ее на карте. Но туда совсем другая дорога. Надо ехать почти в противоположном направлении, на тот полустанок, где остались Чоров и Узиза и куда, по всей вероятности, выехал ночью Солтан Хуламбаев. Но если уж на Локотоша возложили обязанности командира, то он найдет, с кем отправить в тыл эту девчонку, попавшую на войну как кур в ощиц.

Локотош собрал своих подчиненных. Из них он отобрал двадцать человек, остальным приказал идти на Маратовку.

Апчара проснулась и увидела, что бойцы копают ямы, устанавливают шлагбаум. Она удивилась, не надеются же этим шлагбаумом остановить немцев? Потом она удивилась тому, что исчезли куда-то все машины. Кое-как она слезла со своей верхотуры и пошла к Локотошу «выяснить обстановку».

— Зачем ехать на фронт, когда фронт едет к нам? — попробовал отшутиться Локотош. — Ты не волнуйся. Чоров без тебя не уедет. Как-нибудь переправим тебя к нему.

Но Апчара не верила словам капитана, да и сам капитан не верил своим словам.

Кто только не наткнулся за день на контрольно-пропускной пункт. В том числе и двуколка с ранеными. Лошадь в мыле, вот-вот рухнет на землю. За ездового — сержант-грузин, как легко было определить по акценту. Правая рука в бинтах, левой держит вожжи и управляет лошадежкой, как видно реквизированной где-нибудь в пути.

Сержант петушится и сердится:

— Пачэму остановили? Мы госпиталь догоняем. Медперсонал уехал на машине, у них сто лошадиных сил, а у нас одна, и та скоро сдохнет. Нэ задэрживай, капитан. Когда мы теперь доберемся до Первозванки?

Услышав про Первозванку, Апчара встрепенулась. Но слишком уж ненадежен был этот транспорт со спо-

тыкающейся лошадей, со стонущими ранеными, с петушащимся грузином, у которого в глазах тоска и печаль.

Между тем около шлагбаума накопилось много задержанных. Локотош подозревал, что это переодетые «окруженцы», но выяснить это пока что не было никакой возможности. Среди задержанных были люди разных национальностей. Локотош сразу их окрестил — интернациональная команда.

Вскоре обозначилась главная проблема: задержанных надо было кормить. Они и сами заявили о себе.

— Вы что, голодом решили нас уморить? Если задержали, то ставьте на довольствие, организуйте питание. В тюрьме и то дают есть.

Но где взять еду на такое количество людей? Локотош послал двух бойцов в хутор с заданием найти пищу. Бойцы притащили поросенка. Они нашли его в яме, прикрытой хворостом. Бедное животное томило там, как видно, не первый день без воды и корма. Теперь ему не надо больше томиться. Автоматная очередь решила дело. Мясо положили в котел. Нестерпимо вкусный запах распространился вокруг. Люди столпились, ждут, когда сварится свинина. Даже мусульмане вряд ли откажутся от еды. Апчара, чтобы не раздражать себя и не глотать слюнки, пошла побродить по хутору.

Вдруг произошло событие, которое заставило забыть про варящегося поросенка. Вернулась двуколка с ранеными, которые добирались до Первозванки. Ездовой хлестал лошадь и оглядывался, словно уходил от погони.

И тут Локотоша как обожгло: а где же теперь Солтан Хуламбаев? Он уехал на станцию. Значит, он или никогда не попадет туда, или давно в плену.

— Давайте, давайте дров под котел. Некогда больше ждать! — торопил он бойцов у котла.

Тем временем Апчара брела по опустевшему хутору. Заходи в любой дом, на любой двор — нигде ни души. Остались только собаки, но и те не лают, ничего не стерегут, жмутся к заборам, поджав хвосты.

Апчара увидела колодец с журавлем и решила напиться. Небольшое ведерко спокойно висит на длинной веревке. Вербка мокрая! Значит, недавно кто-то брал воду. Но кто? Ведь кругом ни одного человека?

Ведро, уменьшаясь, уходило в глубину колодезной темноты. Веяло оттуда прохладой, сыростью. Вот ведро хлопнуло о поверхность воды и по веревке передалась рукам внезапная тяжесть — зачерпнулась колодезная вода.

Вдруг сзади скрипнула дверь. К Апчаре подошла дородная казачка лет сорока. Губы ее были сжаты зло и жестоко. Она вырвала у Апчары ведро и выплеснула воду в корытце. Собачонка, только что робко жавшаяся к забору, осмелела и стала наскакивать на Апчару с громким лаем, но, увидев воду в корытце, бросилась к нему и начала жадно лакать. Брызги полетели от ее языка. Казачка крикнула:

— Кто такая? Чего хозяйничаешь у меня на колодце?

Апчара не могла понять, почему на нее напала эта женщина. Горькая обида защемила сердце и подкатилась к горлу.

— С ними, что ли? — кивнула казачка на бойцов, суетившихся вдали около машины и шлагбаума.

— С ними.

Апчара пошла от колодца, недоумевающая и удивляясь, что бывают такие злые, черствые люди. Но сероглазая казачка окликнула ее.

— Ладно, иди попей.

«Сумасшедшая», — подумала Апчара.

— Иди, иди, ты же пить хочешь.

Казачка проворно опустила ведро и зачерпнула свежей воды. Апчара вернулась и увидела, что казачка плачет.

— Пей, пей, чего уж. Кружку сейчас принесу.

— Спасибо. Я так.

Вода показалась Апчаре невкусной, солоноватой. Она вспомнила воду из Чопрака, воду из горных родников, а то и чистый нарзан, который течет из земли около фермы. Но надо было утолить жажду, и Апчара пила большими глотками. Во рту у нее онемело от студеной воды.

— Бежите, защитнички? — запричитала казачка над склонившейся Апчарой. — А нас на кого бросаете? Немец через час будет здесь, кто меня, бабу, от немца уберезет? Далеко ли бежите? Страна-то не без конца. Где остановитесь? Где будете бой держать? Дон, Дон и то

не удержали. До Кавказа теперь драпать будете? А нас на кого?

— Кто же виноват?

— Не я же виновата. Вы бежите, значит, вы и виноваты. Кинули полстраны псу под хвост. Отдавать-то легко. Каково-то назад забрать?

Казачка закрыла лицо руками и дала волю слезам. Апчара подошла к ней и робко обняла за плечи.

— Ну, не плачьте, не плачьте.

— Дочка у меня такая, как ты,— всхлипывала казачка,— убежала на фронт, оставила меня, сироту. Когда пришла похоронка об отце, о папаньке ее, она и подалась немцев бить. Как же, побьешь их! Вот они через Дон перешли...

Уходя, Апчара оглянулась. Казачка понуро сидела около сруба. Собачонка крутилась около нее.

Когда Апчара вернулась к шлагбауму, там стояли крики и брань. Локотош задержал отступающее подразделение и потребовал у политрука, командовавшего им, приказа об отступлении. Никакого приказа у отступающих, разумеется, не было. Обозленные, голодные, усталые люди грозились прорваться сквозь отряд Локотоша.

Политрук кричал:

— А ты кто такой? Кто тебя поставил здесь? Покажи свои документы. Я посмотрю, имеешь ли ты право проверять наши.

Письменного приказа не было и у капитана Локотоша. Еще немного, и закипела бы усобица, но Локотош вовремя отступил:

— Хорошо, проходите, если вы такие храбрые. Сейчас немцы предъявят вам документы...

Политрук увел свое подразделение.

Не прошло и получаса, как послышалась стрельба, ружейно-пулеметная дробь, бабахнули танковые пушки. Сомнений не было, политрук наткнулся на немцев и вступил с ними в бой. Стрельба продолжалась не дольше пяти минут. Оставалось только одно — сматывать удочки. Чтобы не пропадало добро, бойцы расхватали недоваренную свинину, обжигаясь, грызли огненные жесткие куски мяса. Бульоном залили костер.

Апчара забралась в кузов машины. С высоты она увидела, что сероглазая казачка все еще сидит у колодца.

«Дон и то не удержали, до Кавказа теперь драть будете?» — вспомнила Апчара.

Машина взревела. В кузов набилось столько людей, что было непонятно, как тянет мотор. Локотош на этот раз не сел в кабину. Он прислушивался к гулу далекого боя, то и дело вскидывал полевой бинокль. Апчара поглядывала на небо.

— Теперь, по-моему, ясно.— Локотош отложил бинокль.— Чорова и днем с огнем не найдешь. Дай бог, чтобы успели уехать.

— Неужели попали к немцам?

— Не думаю. Меня больше беспокоит судьба Солтана Хуламбаева. Появляться одному на фронтовых дорогах опасно. Это все равно что зерно, просыпавшееся из мешка. Не узнаешь, как птица склюет. Всюду рыщут разведчики. Попадись к ним в руки — уволокут...

— А мне что делать?

— Что делать? — Локотош приподнял брезент и показал нечто похожее на детский стул на длинных ножках, с высокой спинкой.— Такую штуку когда-нибудь видела?

— Что это такое?

— Коммутатор «МБ». Будешь телефонисткой.

— Я ничего не умею.

— Не умеешь — научим, не хочешь — заставим. В армии так,— пошутил кто-то.

Апчара вообразила себя телефонисткой. К ней отовсюду тянутся линии. Проводок, ведущий на батарею брата, дороже всего. В минуту отдыха сестра звонит брату: как там, Альбиян? Отбиваешь атаку? После боя приходи ко мне, передам тебе письмо от Даночки. Альбиян отвечает: не могу, прочитай по телефону.— Как я тебе прочту, если она нарисовала свою лапку. Это надо увидеть.

Машина вдруг угодила в яму и едва не опрокинулась. Бойцы соскочили, со всех сторон подтолкнули ее и вскоре выбрались из ямы. От перегрузки кузов почти лежит на скатах.

— Куда ты смотрел? — кричал Локотош на шофера, который, должно быть, заснул за рулем. Он третьи сутки без сна. Парень вывалился из кабины до пояса, сонными глазами смотрит назад.— Хорошо хоть рессоры не полетели!

У Апчары все мысли о брате. Что он скажет, когда узнает, что Апчара осталась в полку? Рассердится. Маму одну бросила. Но разве мама одна? С ней Ирина и Даночка. Корова есть. Молока на троих — хоть отбавляй. Кукуруза в огороде. Обойдутся. Только Чока не простит. Хотел приятное сделать — дать возможность увидеться с братом, а я, неблагодарная, обманула его. Но разве я виновата? Аллах видит, хотела вернуться на станцию и уехать домой. Не получилось. Война. Спасибо Локотошу — хочет пристроить телефонисткой.

Машина выехала на бугор, и глазам открылась глубокая балка. Кавалеристы тянулись через нее походной колонной. Одни уже выходили из балки, другие только входили. Усталые кони шли медленно, всадники покачивались в седлах. Глухо звякали стремяна. Заходящее солнце поблескивало на ножнах шашек. В воздухе пахло конским потом.

Апчара смотрела во все глаза: не пропустить бы Альбияна. Он ведь здесь, среди этих людей. Машина слева объезжала колонну. Локотош находил знакомых.

— Давай, давай! Скоро привал.

Бойцы улыбались ему в ответ. Молодой лейтенант шутил:

— Неплохо живешь, капитан... Кралю какую подцепил. Сдается, не она ли выступала на митинге?

— Угадал.

— А как она попала сюда?

— Посылку получил?

— Получил. Спасибо. Без посылки джигитовка была в животе.

— Она привезла.

Вдруг один из бойцов угадал:

— Да это же сестра Альбияна!

Теперь и другие узнали Апчару, улыбались ей, махали, и она махала им. Много ли человеку надо — Апчара была счастлива, оказавшись среди своих земляков.

— А где брат? — кричала она.

— Впереди ищи, на повозках.

Выбравшись из крутой глубокой балки, машина прибавила скорость. Следить за конниками в колонне стало труднее. Апчара проглядела все глаза, но Альбияна так и не увидела. Она досадовала, что машина идет слишком быстро.

Сзади послышался автомобильный гудок. Разукрашенная пятнами «эмка» комдива догнала грузовик. Уступили дорогу, даже притормозили, чтобы пропустить полковника. Антон Федорович сидел, опираясь на палку. Увидев среди бойцов Апчару, тронул шофера за плечо, приказал остановиться.

— Откуда залетела эта птичка?

Локотош хотел спрыгнуть с машины и доложить по всей форме, но полковник движением руки остановил капитана, разрешил остаться в кузове.

— Привезла посылки, а назад отправить не смог. Надеюсь передать ее Хуламбаеву, но не нашел его.

— Хорошо, что не нашел. Влип наш Хуламбаев.

— Как?

— Напоролся на немцев.

— Погиб?

— Говорят, хотел застрелиться, не успел, разоружили.

— А теперь?

— Кто его знает. Немцы нам не докладывают. Вот видишь, голубка, как тебе повезло. Была бы ты сейчас вместе с ним.

— Когда же это случилось?

— Только что доложили мне. Это ты собрал людей?

— Так точно. Интернациональная команда. Все народы. Прикрывают нас с тыла...

— Это хорошо. Противника можно ожидать откуда угодно. Девушка пусть при тебе будет до моего распоряжения.

— Есть.

— А делегация? — осмелилась спросить Апчара.

— Им повезло. На попутной машине укатили назад. У немцев из-под самого носа.

Полковник уехал вперед.

«Вот так раз! А как же наши посылки? — подумала Апчара. — Неужели они попали в руки врага?»

Ехали молча. Всех потрясла судьба Хуламбаева. Еще не доехали до фронта, еще не вступили в бой, а начальник политотдела дивизии погиб. Кто бы мог подумать? Ведь это почти что комдив, и вдруг он сделался первой жертвой в дивизии!

Не доезжая до хутора, притаившегося в вечерних сумерках, Локотош свернул направо. Тылам полка отвели

для расположения колхозную ферму. Ее уже успели разорить. Двери в доме сорваны, оконные переплеты выбиты. В коровнике пусто. Начали заготавливать силос, но бросили. Теперь силосная масса гнила, распространяя резкий кислый запах.

Капитан для себя выбрал домик, в котором, как видно, размещалась кладовка. Он уцелел. По крайней мере есть дверь, а окно заколочено досками.

Подразделения тем временем занимали оборону по берегу Сала.

● ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВСТРЕЧА

После трех дней ожесточенных боев наступило затишье. Утром, когда все ждали возобновления немецких атак, не раздалось ни одного выстрела, не зарычал ни один мотор. В наших окопах стали думать, уж не ушли ли немцы. Семь предыдущих отбитых атак чего-нибудь им стоили, хотя Нацдивизия и понесла большие потери.

Апчара несколько раз порывалась найти брата где-нибудь в окопах, но Локотош ее не пускал. Да и не до этого было. Апчара освоила коммутатор и обслуживала восемь линий. Досадно было то, что она могла позвонить куда хочет — и к летчикам, и к артиллеристам, не было линии только к минометчикам.

Локотош обещал Апчаре устроить встречу с братом, когда будет потише. И вот тишина наступила. К тому же ночью протянули еще одну линию в истребительный противотанковый батальон, окопавшийся рядом с минометчиками...

Локотош попросил Апчару соединить его с этой новой точкой. Апчаре в наушники слышен весь разговор.

— Восьмой, восьмой, — кричит капитан. — Позовите мне от соседей комвзвода минометчиков лейтенанта Казанкова. Да, да, Альбияна. Я подожду.

Сердце у Апчары затрепыхалось. Даже не верилось, что все это правда, а не во сне. И совсем уж обмерла она, когда услышала на другом конце провода родной голос, который, правда, и не узнала с первых слов, настолько он огрубел и осип.

— Лейтенант Казанокков слушает.

— Капитан Локотош. Привет, земляк. Как там у вас, тишина?

— Тихо. Даже чудно. Не подвох ли какой?

— И у нас тихо. Я по делу звоню. Тут поймали парашютистку. Она сейчас у меня. Говорит, что знает тебя и даже дальняя родственница. Хочу устроить ей очную ставку с тобой...

— Какая парашютистка? Откуда? — Альбиян явно заволновался. Апчаре хотелось закричать в трубку, но она побоялась капитана.

— Какая, какая... Обыкновенная парашютистка. Придешь — увидишь.

— Есть, иду.

Минометчики располагались в часе ходьбы от тылового хозяйства, и ровно через час Альбиян явился. Локотош встретил его у порога своего приземистого глинобитного домика. Когда-то здесь хранили соль для скота. Все вокруг пропиталось солью.

— Товарищ капитан, лейтенант Казанокков по вашему приказанию...

— Ладно, ладно. Здравствуй. Горячо было вчера?

— Трех боекомплектов как ни бывало. Надо бы подбросить еще.

— Подбросим. Убитых много?

— Трое раненых, один — тяжело. Бок вырвало осколком. Командир миномета... О какой парашютистке ты говорил?

— Подожди, увидишь. Сначала садись к столу, перекусим.

Зашли в домик. У самого порога, где посветлее — единственное окошко в домике забито фанерой, — на ящике накрыт «стол»: бутылка, консервы, накропанная колбаса, черный хлеб. Альбиян заметил: пластмассовых стаканчиков три. Не парашютистку же собирает Локотош угощать? Капитан непривычно суетлив, многословен, что-то скрывает.

— Давай, давай. Садись. Перекусим. Я знаю, кухня к вам опоздала, ужинали в три часа ночи. Я и сам голоден как черт. Замотался. Давай.

Локотош налил все три стаканчика, снял телефонную трубку, коротко приказал:

— Парашютистку ко мне!

Не успел Альбиян еще раз удивиться, как в домик вихрем ворвалась Апчара. В темноте она сначала не разглядела брата, да и Альбиян в первые секунды не узнал сестру. Он ведь никогда не видел ее в гимнастерке, пилотке, чтоб тонкая талия была перехвачена жестким ремнем, да еще с портупеей.

— Брат! — Апчара бросилась к Альбияну, едва не опрокинув ящик с угощениями.

Пошли бессвязные восклицания:

— Как? Откуда?

— Альбиян!

— Что ты здесь делаешь?

— С неба свалилась. Телефонистка.

— Так это она и есть?

— А ты думал, настоящая немецкая парашютистка? — Локотош разнял обнимающихся брата и сестру. — Садитесь к столу. Успеете еще наговориться. Водка налита. Ударим по первой! Раз-два — взяли.

Выпили даже и по третьей, но успокоиться никак не могли. Апчара сияла от счастья, всхлипывала. Хорошо, хоть слез в полутьме не было видно. Альбиян беспорядочно сыпал вопросы о доме. Локотош не мешал им, только подливал в пластмассовые стаканчики. Апчара и от встречи была пьяна. Рассказывала, перескакивая с пятого на десятое, и о том, как собирали посылки, и как ехали, и как там в ауле живут, и неожиданно расстроилась.

— Сохранная записка в моей сумке осталась. Вдруг пропадет.

— Что за сохранная записка? — заинтересовался Локотош.

— Ну... Коровы-то временно ведь даны. При немцах обязуемся содержать и сохранять корову. За это пользуйся молоком. Когда немцев прогонят — возвратишь корову назад, колхозу.

— А если немцы ее отберут?

— Не отдавай, сохрани...

— Немцы будут так разговаривать: «Не разрешите ли вы взять со двора вашу корову? Данке шон. Спасибо. Спокойной ночи». И много вы роздали коров?

— До сотни. А уж сколько соберем потом — столько и будет. Не бросать же их на произвол судьбы. На ферме оставишь — все равно немцы заберут.

— Да... Значит, вы уже приготовились к оккупации? Апчара смутилась.

— Это же на всякий случай. А вдруг... придут немцы. Кулов, я знаю, был против этого. Сосмаков самолично распорядился. А Кулов даже против эвакуации скота. Говорит, надо поднять скот ближе к Кавказскому хребту. Там будут действовать партизаны. Скот будет под их охраной. Кроме того — питание партизанам. А партизанские отряды уже организовались. Коммунисты и комсомольцы все расписаны по отрядам. Некоторые на казарменном положении. Обучаются.

— Скот эвакуировать Кулов не хочет. А людей? А семьи военнослужащих? Их же всех расстреляют, уморят в душегубках.

Альбиян забеспокоился после этих слов Локотоша. Он стал расспрашивать, собирается ли эвакуироваться Ирина с Даночкой.

— Мама ни за что не хочет отпустить их. Она ведь останется совсем одна. Но Ирина, конечно, когда ходит в военкомат получать деньги по аттестату, встречается с женами других командиров, и они уже о многом договорились между собой. И Даночка тоже ходит в военкомат вместе с матерью. Пока стоят в очереди за деньгами, Даночка развлекает и смешит там всех, собирается на войну. Она говорит: «Поеду на военную войну». — «А что ты там будешь делать?» — «Убью всех фашистов». — «А если они тебя убьют?» — «Не убьют. Папа заступится». Все смеются.

Апчара извлекла из сумки письмо Ирины.

Судьба родных и близких беспокоила всех. Немцев не удалось задержать на Дону. Ростов пал, значит, ворота на Кавказ распахнуты. Перед боевым участком кавалерийской дивизии стоят части немецкой танковой дивизии и бригада мотопехоты. Кони третий день без воды. Не хватает фуража. Лошади не только помеха в этих боях, они — удобная мишень для авиации. Немцы постоянно кружатся над балками и садами, в которых

спрятали лошадей. Первые три дня боев не принесли успеха ни тем ни другим, если не считать успехом, что кавалеристам, поддержанным истребительно-противотанковыми батальонами, удастся сдерживать натиск врага. А если немцам удастся прорвать оборону?..

— Не лучше было бы занять укрепления, которые мы построили на подступах к Кавказу? — уже по-военному рассуждала Апчара. — Мы там такие ямы выкопали — ни один танк не пройдет. Были б пушки...

Локотош рассмеялся.

— Дон — тоже большая яма — не сдержал немца, — с грустью сказал Альбиян. — Рвов нарыли — дай бог! Всю Россию перекопали. Да, видно, одних рвов недостаточно. У нас до сих пор не хватает минометов. По два расчета на один миномет держим...

В домик вбежал боец.

— Товарищ капитан! Немцы! Мотоцикл!

Локотош выскочил, на ходу выхватил пистолет. Альбиян бросился за ним, но обернулся, чтобы втолкнуть в хибарку Апчару, которая тоже побежала было за мужчинами.

К домику медленно подъезжал мотоцикл с коляской, в которой тоже сидел немец. Ехали неуверенно. Офицер в коляске держал на коленях планшетку, сверяя, как видно, полевую карту с местностью. Хутор был безлюден, и пока что немцы не беспокоились.

Боец взял на прицел того немца, который вел мотоцикл. Альбиян притаился за углом и припас гранату.

Наконец немцы увидели штабную машину, замаскированную около силосной башни. Остановились.

На дороге показались раненые. Они гуськом брели в тыл. Немцы поняли, что заплутались. Мотоцикл взревел. Но для того, чтобы ехать, надо было сначала развернуться. Этого они сделать не успели. Локотош первым выстрелил из пистолета. Немец, сидевший в люльке, схватился за автомат, но Альбиян опередил его, кинув гранату. Мотоцикл взрывом приподняло на дыбы и ударило о землю. Водитель запрокинулся назад, боец добил его выстрелом из винтовки. Альбиян в мгновение ока оказался около мотоцикла и навалился на немца в коляске, выбил из его рук автомат. На помощь Альбияну подскочил Локотош. Отовсюду сбегались люди, не понимая, что происходит.

Апчара пожалела, что у нее нет оружия. Локотош и Альбиян скрутили раненого немца. Другого они положили рядом с мотоциклом, осмотрели, нельзя ли его привести в чувство. Но пуля попала в позвонок. Голова мотоциклиста моталась, словно была привязана веревочкой. Он был мертв.

Локотош торжествовал. «Язык»! Апчара помнила, как ночью комдив проводил совещание по телефонной связи. Апчара удивлялась. Ей приходилось сидеть на многих совещаниях, но в таком, чтобы каждый сидел на своем месте и слушал оратора по телефону, она участвовала впервые. Впрочем, не участвовала, а невольно подслушивала.

Комдив никого не называл ни по фамилии, ни по воинскому званию, а только: «Товарищ первый! Товарищ второй! Товарищ третий!» От всех он требовал одного — во что бы то ни стало добыть «языка».

— Мы действуем вслепую, поймите, а мы должны знать, с кем имеем дело. Пехота, мотопехота, и сколько, какие части?

Товарищ «третий» пошутил в ответ на комдивовы слова:

— Мы фамилии не спрашиваем. Бьем их — и все!

— Надо спрашивать, — не принял шутки комдив. — Тогда и бить будет лучше. Ну, кого же я буду представлять к награде за «языка»? Срок — сутки.

И вот — «язык» уже есть. Неужели Альбиян получит награду? А Локотош? И тот боец? Дадут один орден на троих?

— Перевяжи ему рану, — сказал Альбиян сестре.

Долговязый и чернявый, похожий на кавказца, немец был ранен в скулу. Осколок гранаты впился в челюсть. Кровь текла обильно, проливалась за воротник, залила погоны. Апчара разорвала индивидуальный пакет и стала перевязывать рану.

Локотош между тем доложил о взятии «языка». Немца усадили на ящик. Локотош даже налил ему вина в чистый стаканчик.

— Что же, и нам не грех выпить за удачу! — как ребенок, радовался капитан. — Сейчас приедут за ним. Вот подлец, а? Будто знал, что нам до зарезу нужен «язык». Выпьем и выясним, что за птица. Апчара, принимаем у тебя экзамен по немецкому языку...

Апчара не могла отвести глаз от немца. Человек как человек, а сколько страданий несет людям. Ей даже не верилось, что перед ней сидит немец, тот самый фашист, который пришел сюда, чтобы убивать людей, жечь дома, умерщвлять женщин и детей в душегубках. А ему Локотош налил вина! Да ведь и она перевязала ему рану. Зачем? Как ее рука могла коснуться его головы?

— Слышишь, экзамен будешь держать!

— Не знаю я немецкого языка. Едва вытягивала на «уд».

Локотош шутил. Он и не собирался терзать Апчару. Он сам достаточно знал язык. Из планшетки офицера он извлек полевую карту Ростовской области, которая из компактной стопочки, развертываясь и развертываясь, превратилась в огромную простыню.

Города, уже взятые войсками рейха, отмечены на ней синими крестиками. Таким же синим крестиком помечен и хуторок, в котором они сейчас находились. Видимо, оперативники из штаба немецкой танковой дивизии поспешили поставить этот крестик, что и сбило с толку пленного офицера.

Немец не поднимал головы. Губы его были плотно сжаты, словно для того, чтобы ничего не сказать. Из-под бинта продолжала сочиться кровь. Немец был уверен, что его расстреляют. Попытаются допросить и — за угол...

— Ты смотри, куда их занесло... — ужасался между тем капитан Локотош.

Синим крестиком помечены были на карте города гораздо южнее Дона. Об оставлении их радио еще не сообщало. Ростов, Батайск, Сальск, Тихорецк — всюду синие крестики. А за Доном — Цимлянская, Морозовская, Калач — излучина Дона.

Локотош слышал, что гитлеровское верховное командование перебросило на этот участок фронта венгерские войска, которые должны оккупировать Калмыкию. Интересно бы узнать, почему именно венгров? Какую историческую связь немцы нашли между венграми и калмыками? Локотош знал немного из истории, что еще при царе Алексее Михайловиче калмыки, обитавшие тогда в Тибете, били челом московскому государю с просьбой позволить занять пустующие земли к западу от Волги

и Каспийского моря. Русский царь разрешил. Калмыки пять лет двигались через Сибирь, чтобы занять эти земли. Гитлеровское командование, планируя летнюю кампанию, предусмотрело взятие Калмыкии венгерскими войсками, имея в виду, видимо, исторические события, потрясшие Европу еще задолго до нашей эры. Тогда огромная масса гуннов хлынула с востока по торговым «шелковым» дорогам в Европу. Они подавляли и истребляли народы, оказавшиеся на их пути. В истории это известно под названием нашествия гуннов. Гунны не вернулись на свои исконные земли, они расселились среди покоренных народов, смешались с ними. В нынешних венграх, говорят, есть кровь древних гуннов. Это-то, по мнению Гитлера, и сближает их с калмыками. Но калмыки предали забвению древнюю религию — культ предков. Они приняли иную веру, скрепившую волю всех советских народов.

Но пленный, наверно, в истории разбирался плохо, да и самого Локотоша сейчас интересовало не это.

— В какую часть вы ехали?

Немец зашевелился. Локотош разъяснил свой вопрос:

— Я хочу узнать, вы ехали к немцам или вы хотели попасть к русским? Вы ведь заехали к нам потому, что заплутались... На вашей карте все обозначено точно. Не так ли?

Немец не хотел признавать данные карты неточными. Но, тем более, он не мог сказать, что нарочно приехал к русским.

— Я ехал не к немцам и не к русским.

— К венграм! — весь встрепенулся Локотош.

Пленный горделиво вскинул голову.

— Я не буду отвечать на вопросы, касающиеся военной тайны...

— Какая же это военная тайна. Я же не расспрашиваю вас о сорок четвертой, например, танковой дивизии или о сто шестьдесят восьмой бригаде мотопехоты. Тут действительно военная тайна. А это... Если вы ехали не к немцам и не к русским, то вы могли ехать только в два места: или к богу, или к венграм.

Среди немецких бумаг Локотош заметил листок со свастикой. Текст напечатан убористым шрифтом на русском и на немецком языках — листовка. Самолеты часто разбрасывают такие бумажки, которые служат одновре-

менно и призывом переходить на сторону немцев группами и в одиночку, имея при себе ложку (не кашу ли с маслом есть?), и пропуском в распоряжение немецких войск.

Но на этот раз это было нечто другое. С одной стороны — обращение к народам Кавказа, а с другой — обращение командующего к солдатам, которым предстоит воевать на Кавказе. Локотош протянул листок Алчаре.

— Читай.

Немецкий генерал требовал от своих солдат считаться с тем, что помимо естественных преград (гор) в этих районах придется столкнуться с добровольческими отрядами, организованными из местного горнокавказского населения, их называют еще партизанами. Восстание горных народов имело бы для нас тяжелые последствия, предупреждал генерал, поэтому необходимо... перечислялось, что необходимо для того, чтобы приблизить час, когда германские войска и войска японского императора встретятся в Индии.

— Планируют быть в Баку 25 сентября, — закончила Алчара чтение листовки.

— Выходит, они уже кончают войну? — недоуменно спросил Альбиян.

Локотош вновь обратился к пленному:

— Вопрос, не имеющий отношения к военной тайне: уверены ли вы в победе германского оружия?

Альбиян удивился вопросу Локотоша. Разве не видно из немецких бумаг, что у них нет и тени сомнения в окончательной победе. Назначен срок, когда быть в Баку. А там до Индии — рукой подать. Однако пленный ответил иначе:

— Я не знаю, победим мы или не победим. Война есть война. Но воевать вас научим.

Локотош привскочил и едва сдержал себя, чтобы не заехать пленному по уху.

— Как, как?

— Не сомневаюсь, что мы, немцы, научим вас воевать.

Локотош с нервным смешком перевел слова немца всем остальным.

— Ах ты, гад вислоухий! — вспыхнул тоже и Альбиян.

— Успокойся, Альбиян. Интересный попался экземпляр. Соображающий. Налей-ка ему вина. Пусть выпьет с «ученичками».

Зазвонил телефон. Апчара взяла трубку. Локотоша требовал «первый».

В трубке клокотал радостный голос комдива. Капитан давно не слышал, чтобы «первый» был так приподнято возбужден.

— Голубчик! Ты, говорят, немца заарканил. Так давай же его ко мне. Я сам хочу с ним поговорить. Приезжай и ты. Говорят, ты в немецком собаку съел. Будешь переводить. Машину за вами я уже послал.

Воспаленными глазами немец тревожно и загнанно следил за каждым движением командиров, за выражением их лиц, как бы стараясь угадать, кто из них его расстреляет.

Локотош положил трубку. Он не мог отправить пленного в штаб, не уточнив, как именно собирается этот наглец учить его умению воевать. Ясно, что эта мысль пришла в голову офицеру не сейчас. Наверняка он слышал это и от других.

— Так ты приехал к нам наниматься в учителя?

У немца дрогнули углы рта. Пленный взглянул на Апчару, потом перевел взгляд на ящик с яствами, сглотнул слюну.

— Отвечай: какую операцию мы сейчас будем разбирать, чтобы извлечь из нее уроки? — Локотош — участник войны с первых дней, ему интересно было взглянуть на бои глазами немца, узнать, как он рассматривает свои успехи и наши неудачи? Да, фактор внезапности вначале принес немцам немалый успех. Но молниеносной войны все же не получилось. Мало того, под Москвой развеялся миф о непобедимости германской армии. Если немец взял на себя роль учителя, пусть ответит. — Так какую операцию мы разберем?

— Что он там кудахчет про Керчь? — насторожился Альбиян, разобрав из всей немецкой тарабарщины одно только слово «Керчь».

Локотошу не хотелось переводить слова пленного.

— Ничего он не толкует. Мы с ним еще поговорим. А теперь мне приказано сопровождать его к «первому».

Тотчас и зашумела машина, присланная комдивом. Из «эмки», разукрашенной самым причудливым обра-

зом, вышел Якуб. Он был так важен и деловит, словно он-то и поймал немцев. Впрочем, для важности были у Якуба основательные причины. Новая форма поскрипывала на нем ремнями. Пистолет на животе — на немецкий манер. В петлицах по шпале. Кроме шпал, никаких на форме эмблем: не поймешь — политработник, юрист или строевой командир. «Неужели сразу получил капитана, — подивилась про себя Апчара. — Круто в гору пошел».

— А, вот ты где! — Якуб увидел Апчару. — А твои друзья-делегаты едва ноги унесли. Еще бы двадцать минут, и влипли...

Апчара протянула Якубу руку:

— Поздравляю.

Якуб сначала словно не понял, словно отмахнулся от поздравления.

— А... Ты об этом. Спасибо.

Локотош и Альбиян тоже поздравили новопроизведенного капитана. Они-то знали, правда, что Якуб не капитан, а военюрист третьего ранга. Но не будет же Якуб поправлять каждого, кто назовет его товарищем капитаном. Шпала говорит сама за себя.

— За «учителем»? — спросил Локотош.

— За каким учителем? — не понял Якуб.

— Да вот «учитель» перед тобой сидит. Хочет научить нас воевать. Говорит — плохо сопротивляемся. Измотали, говорит, их отступлениями. Говорит, отступаем, не исчерпав всех возможностей. А надо стоять и не отступать. Стратег.

— Может, он знает о последнем приказе Сталина? Очень важный приказ.

— О каком приказе? И как он может знать о секретных приказах Ставки?

— Не такой уж он и секретный. Поедем к комдиву — прочитаешь. Первый ждет с нетерпением. У меня в машине как раз два места свободных.

Локотош и Якуб Бештоев забрали пленного со всеми его бумагами, укатили. Брат и сестра наконец-то остались одни. Но только они присели, чтобы наговориться, с улицы послышался голос:

— Где тут девушка? Та, что из Нальчика?

Апчара, поняв, что ищут ее, вышла.

— Кто меня?

— А, привет. Это ты мою жену чуть не завезла к немцам в плен?

Тут вышел и Альбиян. Он узнал комиссара полка Доти Кошрокова и перехватил разговор:

— Так точно, товарищ комиссар. Апчара моя сестра. Познакомьтесь. Я сам только сегодня узнал, что она здесь.

Комиссар полка был уже немолод на вид. Морщины успели прочно обосноваться на его лице. Худой, с большими серыми глазами, светловолосый, он мало походил на кабардинца. Апчаре он показался очень суровым.

Они вошли в избушку и все трое сели к ящику, накрытому вместо стола, к вину и к еде. Было о чем поговорить.

ДОТИ КОШРОКОВ — КОМИССАР ПОЛКА

Альбиян заторопился, пошел к себе — дела на батарее.

Апчара рассказывала комиссару, что пережила за эти дни, но, по правде, ей было интереснее слушать, чем рассказывать. Оказывается, Узиза действительно едва не попала в руки немцев.

Сначала Хатали Чоров — глава горемычной делегации и Узиза терпеливо ждали возвращения Апчары. Но потом началась суматоха. Откуда ни возьмись, появилось на полустанке с десятков машин. Бойцы поспешно погрузили на них, что было возможно, и стали готовиться к взрыву складов. Хатали тоже засуетился. Он нашел какого-то лейтенанта с машиной, отвалил ему тридцать посылок, чтобы доехать до Армавира. Но все еще ждали Апчару. Лейтенант нервничал. Посылки его уже не прельщали. Да он и без Хатали мог взять их сколько угодно. В конце концов он решительно сказал Хатали, что уезжает. Бой гремел совсем близко. Выбора не было. Хатали и Узиза уехали с лейтенантом, когда начали рваться склады с боеприпасами.

Доти рассказал Апчаре и подробности гибели Солтана Хуламбаева. Со всем своим политотдельским имуществом Солтан ехал к месту сосредоточения дивизии. Наверно, он доехал бы благополучно, если бы на дороге не попала ему беженка, казачка с двумя огромными меш-

ками, набитыми разным скарбом. Она плакала, хватала Солтана за руки, умоляла довезти ее до станции, что в пяти километрах. Получался крюк, но у батальонного комиссара не хватило духу и совести бросить женщину посреди дороги. Будто бы на станции ждет казачку вся ее родня, и уж дальше она будет эвакуироваться вместе со всеми.

Инструктор политотдела не советовал Хуламбаеву сворачивать с прямого пути, тем более что в стороне станции погромыхивало, но Хуламбаев, как известно, не выносил женских слез.

— Ладно,— сказал он, чтобы успокоить не то политотдельского инструктора, не то себя.— Пять километров — чепуха. Может быть, оттуда дорога к дивизии не так забита. Отвезем бедную женщину.

Погрузили мешки. Солтан посадил женщину в кабину, чтобы она показывала дорогу, поехали. По карте действительно было не больше пяти километров, но ехали тревожно и долго. Перед самой станцией шофер резко затормозил: навстречу шел бронетранспортер с белым крестом на борту.

— Немцы!

Шофер свернул влево и тотчас попал в глубокий кювет. Немцы дали очередь по колесам. Женщина закричала. Шофер выскочил и побежал в пшеничное поле. Немцы были в ста шагах от машины, когда он оглянулся в последний раз. Несколько автоматных очередей раскатилось у него за спиной, но он уже не понял, по нему это стреляли или расстреливали начальника политотдела и его инструктора. Вечером шофер вышел к своим.

Пока Доти и Апчара мирно беседовали, вернулся и Локотош.

— Доставили благополучно?

— Все в порядке.

— Говорливый немец попался или молчун?

Локотош махнул рукой.

— Заговорит! А мы с Апчарой славно беседуем. Она мне все рассказала. Бедняжка, сколько пережила за эти дни!

— Еще удивляюсь, как вынесла. Хрупкая девушка...

— На войне все выносят, кроме смерти. Правильно сделал, что пристроил ее в полку. Пока пусть побудет. Выпадет случай — отправим домой.

— Я уж ее зачислил на довольствие. Беда только — юбок нет и обуви подходящего размера.

— Скажи спасибо — сама цела.

— Конечно. «Эх, чарочка — вино красное...»

— Откуда ты это знаешь? — восторженно воскликнула Апчара.

— Альбиян рассказал. Жалко твоего поэта, глупо погиб. Но, считай, мы за него расплатились. Вон лежит мертвый немец.

Доти возразил:

— Фашисты еще долго будут расплачиваться. Всех солдат перебьем, и то еще большой долг останется...

В тот день, когда Кошроков узнал, что к нему едет жена, его Узиза, был получен приказ о выступлении дивизии. Однако начальство не возражало, чтобы батальонный комиссар задержался на два дня и повстречался с женой. Но Доти сам не захотел оставаться. Он боялся, что полк пойдет в бой и комиссар упустит возможность хоть немного поквитаться с немцами. Он должен быть каждую минуту с полком.

— Ты знаешь, что сказал немец? Научим, говорит, вас воевать... А ты толкуешь про долг. Если так пойдет дело и дальше, боюсь, что должок будет расти и расти. Сталинский приказ ты читал?

— Читал. И не только сам. Я читал его во всех подразделениях. Я ведь сюда пришел с переднего края. Бойцы полны решимости стоять насмерть. Вот Альбиян здесь недавно был, брат Апчары. Он выступил и сказал: «Немцев много, но мин у нас больше. Хватит на всех немцев». Так же думают и другие. Трусов нет. Уверен, быть нам гвардейской дивизией. Я попросил редактора дивизионки напечатать нам побольше наградных бланков. Воевали всего два дня, а к наградам представлены уже десятки отличившихся бойцов и командиров. Через неделю их будут сотни...

— А продержимся мы неделю?

Кошроков опешил от такого прямого вопроса.

— Есть приказ...

— Если бы приказ заменял все, чего нам не хватает... Кавалеристы с саблями против танков... Пленный грозит, что завтра нас смешают с землей. Они подтягивают танки, артиллерию, тяжелые минометы. Они же закованы в броню. Миной их не возьмешь. Мужества у

нас много, но броня не помешала бы нам. Где прикрытие с воздуха? Где защита?

— В приказе сказано все...

— Немцы уже подходят к Армавиру. окопы... Ростов был весь в окопах. И Дон — немалая водная преграда... Не удалось остановить немца. Дайте нам немецкую кавалерию, чтобы был бой равных с равными, чтобы мог быть только один перевес — мужество, умение...

Кошроков внимательно слушал капитана, не перебивал его, хотя и не соглашался с ним. Он старался понять Локотоша, кадрового офицера, который слишком близко принял к сердцу слова пленного немца. Как военный, должен он знать, что мужество, решимость, стойкость удваивают силы...

— Мы все думали: будем воевать по твоему принципу — танки против танков, авиация против авиации, кавалерия против кавалерии, держава против державы. Но обстановка изменилась. Если бы французы, поляки, англичане были верны своим обязательствам, война могла бы быть иной. А получилось, что Гитлер заграбастал военный потенциал всей Европы и бросил эту махину на нашу страну. Одолеет он нас — никто, никакая сила его не остановит. Пойдет по всему миру! На всех континентах, на зданиях всех парламентов будут красоваться знамена, может быть, и разные, но все обязательно со свастикой. Не знаю, сколько мы продержимся здесь, но стоять насмерть — наш долг.

— Вот именно. Страна действительно не безгранична, отступить некуда. Где-то мы должны остановить врага. Где — не знаю.

Апчара, чтобы разрядить обстановку, побежала, не спросив разрешения, принесла две посылки из своих запасов и тот же большой ящик вместо стола. Открыла бутылку вина, налила в пластмассовые стаканчики. Но спор так захватил комиссара и заместителя командира полка, что никто из них не притронулся ни к еде, ни к вину.

Доти затаился сигаркой раза три подряд. По лицу было видно, что напрягается, подбирает слова для продолжения разговора.

— Знаешь, что я тебе скажу? Чтобы знать, что делается за горой, надо подняться на гору. Может, там скот пасется, может, люди лес рубят. А мы с тобой гадаем вслепую. Ты взберись на вершину, откуда на мир

смотрит Сталин, поставь себя на его место и задай себе вопрос, как ты поступил бы на его месте. Я не знаю, как выглядит мир, за которым следит Сталин, но верю, что иначе и я бы не поступил. Вышли бы мы с Германией один на один на поле битвы, я уверен, мы бы ее положили на обе лопатки. Положили бы в первый же месяц войны. В этом у меня нет сомнения. Но Гитлер раскрыл звериную пасть. «Дайте мне что-нибудь съесть, иначе укушу кого пожирнее...»

А кто пожирнее? Англия и Франция. Они схватили Судетскую область и бросили ее хищнику в пасть. Зверь проглотил кусок мяса. Аппетит разыгрался. Захотелось еще, тогда ему — Австрию. Будь здоров. Волк видит, нет охотников поблизости. Никто в него не стреляет. Подавай ему Польшу на подносе, Чехословакию, а там Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария... Хищник вошел во вкус. Ему подавай теперь вина. — Доти протянул руку к стаканчику, сделал глоток, как бы подтверждая свои слова, и вскоре поставил стаканчик, чтобы продолжить мысль. — Но мы — огромная страна, не по горлу хищнику. Какая-нибудь кость ляжет ему поперек горла.

— От Бреста до Дона какой кусок отхватил — а кости не повстречал.

— Как не повстречал? Он уже обломал зубы. Еще и не так обломал бы, если бы не фактор внезапности... — Доти взял кусок копченой колбасы и начал его с трудом разжевывать.

— Фактор внезапности! Мы видели, что они идут, а нам твердят: «не поддавайтесь на провокацию», «не поддавайтесь на провокацию». Немец из пушек бьет, а нам комиссар полка не разрешает отвечать огнем — провокация...

Апчара вспомнила слова Бекана Диданова о ноше, с которой надо переходить поток.

— Наши тяжелые орудия были нацелены куда надо. Дай только команду, мы бы так ухнули, немец штанов бы не удержал... Я, конечно, не стоял на вершине горы, чтобы передо мной были открыты все склоны... Опередить бы противника на час, ударить по скоплению из всех видов оружия... Конечно, в глазах всего мира мы — жертва агрессии, коварного обмана. Моральный фактор... После войны найдут и виновников первых поражений. Вот увидишь.

— Я не увижу,— спокойно сказал Доти.

— Ты что, не веришь, что победим?

— Верю. Но я-то этого не увижу.

— Не понимаю. Всюду повторяешь: победа будет за нами, враг будет разбит, а говоришь — не увижу.

— Я скоро погибну. Не доживу до конца войны.

— Это уже не по-комиссарски. Упадочничество какое-то. Наоборот, ты должен бросать в сердца людей живое слово надежды — победим! А ты — «не доживу». И как ты можешь знать, что погибнешь?

— Это долго объяснять. Однажды я пережил уже смерть. Меня спасли верные люди. Тогда я поклялся отдать возвращенную мне жизнь, но не просто, а взяв за нее десяток жизней моих врагов — не меньше. Поэтому то я и принимаю всей душой приказ Сталина. Стоять насмерть! Я готов... Одного боюсь — как бы бомбой не убило меня. Тогда рухнет моя надежда. Нет, я хочу в бою, в схватке. Я бью его, он бьет меня, я падаю, он падает, я истекаю кровью, он тоже, я добиваю его, он меня...

— Сумасшедший комиссар!

— Иначе я не хочу. Пойду во второй эскадрон приказ читать. Проведу беседу, брошу клич: кто хочет рядом со мной стоять насмерть — выходи! Думаешь, не найдутся люди?

— Найдутся. За комиссаром пойдут. Но ты же погубишь их. Война — это искусство. У нее своя теория и своя практика. А искусства погибать — нет. Нет и такой теории. Воевать — не значит идти на гибель.

Апчара слушала, не сводя глаз с комиссара. Только сейчас она поняла, почему сюда рвалась Узиза, несмотря на свою беременность. Узиза, видимо, знала о настроении своего мужа и хотела ему внушить стремление к жизни, показаться мужу, чтобы он видел: будет наследник, которому принадлежит часть жизни. Он должен думать еще и о нем.

Бедная Узиза уехала, не достигнув цели.

— Я иду не погибать. Но я иду с готовностью отдать жизнь, взяв за нее максимальное количество жизней врага. Я иду с мыслью погибнуть в бою, чтобы ты увидел победу... Я не забочусь о том, как выжить в этой войне... Такая забота отдалит час победы...

— То, что ты сказал, я списываю...

— За счет войны,— вставила любимую фразу Апчара.

— Нет, за счет выпитого. Видишь, комиссар покраснел. Он не только своих мыслей не таит, он не может скрыть и того, что выпил. Все у него на виду.

— Ладно, оставим теорию, капитан. Давай с тобой выпьем за Апчару...

Локотош подхватил:

— За Апчарочку кинем чарочку!.. С удовольствием.

— Будь здорова, Апчара! Твои глаза самим аллахом созданы, чтобы видеть не гибель людей, а их победу. Я пью до капли...

Комиссар выпил залпом и пошел на передний край.

ЯЗЫК ВОЙНЫ

Немцы прекратили на время свои атаки, наступила тишина, и называлась она передышкой. Но никто и не думал переводить дыхание. По всему фронту дивизии кипела подготовка к новому бою. На самом переднем крае приводили в порядок окопы, углубляли их, проделывали новые ходы. Пополняли боеприпасы: снаряды, мины, противотанковые патроны. Из тылов подходили к передовой новые подразделения. На танкоопасных направлениях устанавливались и маскировались противотанковые пушки. Пришлось освоить даже такое не совсем военное дело, как расчистка колодцев,— не хватало воды ни людям, ни лошадям, ни автомашинам, ни станковым пулеметам. Командир полка приказал выкопать четыре новых колодца.

Приказы отдавались по телефону, все они шли через Апчару, через ее коммутатор. Но не всегда она понимала, о чем речь.

Локотош требует каких-то там «папирос». Другой просит дополнительно несколько «коробок». Третьему понадобились «ежи».

Кое-что Апчаре объяснял солдат-связист Адамоков, постоянно находящийся вместе с ней на пункте связи.

— Коробки—это танки, ежи—броневики, папиросы—снаряды. Или, например, командир дивизии дает указание артиллеристам и минометчикам, что норма высева удваивается. Это означает, что надо иметь по два боекомплекта. Или, например, смешно звучит по телефону:

«Катя просит черные пятна». — «Даю черные пятна», — отвечает голос и называет цифры. Это гвардейские минометы требуют координаты, по которым выпустят свои залпы...

Апчара с интересом слушает, изучает язык боя. Вспоминает слова капитана Локотоша: «Война — это искусство, у нее своя теория и своя практика». «Хорошо быть связисткой, — подумала Апчара, — понимаешь язык войны».

Ночь от ночи тревожнее. Вдалеке закудахчет пулемет, наш пролает ему в ответ. А самое противное — методический огонь. Через каждые пять минут — снаряд, чтобы изнурять наших бойцов, не дать им заснуть. Но бойцы и так не спят, им приказано бодрствовать. Лишь перед утром разрешается им вздремнуть. А немец знает свое: ритмично, ни на секунду не олаздывая, сотрясает ночную тишину взрывом снаряда. Потом при свете ракет увидел немец походную кухню, едущую к переднему краю, обрушил несколько залпов. Локотош ночью пошел искать, на чем теперь подвозить пищу, а ракеты так освещают все вокруг, что не только кухню, и пешехода увидишь.

Утром ждали атаки. Апчара посматривает на солнце. На своей ферме она точно умела узнавать время по солнцу и по горам. А здесь кругом степь. Скачи куда хочешь. Не то что гор и ущелий, нет вокруг ни оврагов, ни холмов. То, что Локотош называл Лысой горой, или высотой двадцать пять, имеющей важное тактическое значение, — это вовсе не гора, а продолговатый холмик, и, что правда, то правда, лысый. По этим степям хорошо скакать на лошади в мирное время. Но как достается бедным животным теперь... Увидел бы их Бекан, расплакался бы от жалости. Ни воды, ни корма. Тут еще самолеты... сколько уже убито.

Раннее утро занимается над степью, а как по солнцу узнаешь время, если нет гор. Часов у Апчары, как и у Адамокова, нет.

Но у кого-то есть часы, и ходят они очень точно.

Внезапно содрогнулась земля, воздух наполнился грохотом и гулом — начался артобстрел. От земли к небу поднялись черные султаны разрывов. Их верхушки надломилась, показывая направление ветра. Дым клубится разного цвета. Капитан Локотош умеет по этим цветам

узнавать, какой снаряд фугасный, какой осколочный, а какой термитный. А зачем это знать? Вон комиссар уж там, где заволокло дымом и пылью. У коммутатора работает Адамоков, сменивший Апчару. Он ловко втыкает штепсель, отвечая: «Готово», «Есть», «Даю». Линии работают хорошо. Скоро какая-нибудь из них оборвется, тогда Адамоков побежит ее исправлять. У аппарата останется Апчара.

В воздухе с мгновенным нарастанием послышался рев самолетов. Бомбардировщики. Апчара различает на их боках жирные черно-белые кресты. Летят низко, не боятся огня. Ведущий лег на крыло, нырнул, и из него посыпались черные бутылки. К разрывам снарядов присоединились разрывы бомб. За ведущим начали нырять и все остальные самолеты. Самолеты пошли по кругу. Утюжат наш передний край, черный дым застлал половину неба, ветер доносит едкий смрад. Адамоков у коммутатора заволновался, задержался. Тычет штепсель в гнезда, а связи нет. Линия порвана. Этого надо было ждать.

— Давай садись работай, а я пойду.

За эти дни Адамоков не в десятый ли раз уходит исправлять связь.

Немолодой уже боец, призванный из управления связи, он нравился Апчаре своей мягкостью, не свойственной остальным мужчинам. У него был скорее женский характер. Он все делал сам, только бы Апчара не рисковала жизнью. Его предупредительность даже задевала чем-то самолюбие Апчары. А связь он наладит — сомнений нет.

Первым подал голос «пятый».

— На меня идут танки. За ними автоматчики — больше сотни. Танков — три.

«Первый» ему отвечает:

— Будь готов прийти на помощь соседу, ему достается больше тебя.

— Невозможно поднять голову. Поливают, как из пожарного шланга.

— А ты знаешь, почему я так радовался, когда тебя мать родила? Я знал, что из тебя хороший вояка получится. Тогда не стал, а теперь стану твоим крестным отцом. Боевое крещение принимаешь, понял? А имя дадим, какое заслужишь в этом бою. Сменим твое мусуль-

манское имя на Виктора. Виктор — значит победитель. Или назовем Владиславом, чтобы славой владел. Славой своего полка, понял? Ну, держись, сынок, я на тебя надеюсь...

Апчара соединила комдива с артиллеристами.

— Благодарность от лица службы! — кричал комдив. — Оправдали звание бога войны, порадовали меня, старика. Два танка добавили к боевому счету. Как сосед? Держится? Жаркий будет денек. На «пятого» идут. Ждите и вы.

— Ждем. Одна сигара искурилась.

Апчара догадалась, что одно орудие вышло из строя. Ну что же, одно орудие за два танка — не так уж плохо.

А бой разгорается все сильнее. Противник перенес артогонь ближе к тылам. Снаряды рвутся все оглушительнее. Апчара спряталась в щель, предусмотрительно выкопанную Адамоковым. Самолеты не покидают неба: одни улетают, другие сменяют их. Одни уходят, другие приходят. Все заволочло дымом и пылью. Прицельного бомбометания уже не может быть, но самолеты наугад кидают бомбы, стреляют из пушек, из пулеметов. Даже хуторок, за которым проходит передний край полка, закрыт дымом и пылью.

Снова слышится голос Антона Федоровича:

— А ты пел песню: «...проявляй в бою сноровку, окопаться не забудь»? Ну так вот, уходи поглубже в матушку-землю. Она бережет тех, кто ее защищает. Есть время — рой землю. Земля лучше брони бережет бойца. Твой сосед даже лошадям щель выкопал. То-то! Знаю, знаю...

Апчара зримо представляет себе комдива и тех, с кем он говорит. Для каждого он находит свои слова, дает понять, что следит за действиями каждого из них. Одному обещает помочь, другому говорит, что не на что рассчитывать, кроме как на свои силы, но каждому повторяет: «Не подведи меня, старика», «Обрадуй, обрадуй своего батьку...» — и те понимают, что где-то очень близко от них находится комдив, который все видит на поле боя и может прийти на помощь, когда надо. Это вселяет уверенность и спокойствие.

Вдруг «четвертый» потребовал «первого». По голосу чувствуется — беда. Апчара прерывает комдива на полуслове: «Вас просит «четвертый». — «Готово», Это был

Доти, комиссар. На «четвертого» идут три танка в сопровождении роты автоматчиков. Комиссар называет квадрат и просит залпа «катюш». Через двадцать минут будет поздно, потому что они подойдут к переднему краю. Перед глазами Апчары стоит Доти, невысокий, немного сутулый, в красноармейском обмундировании комиссар. Он затянут широким ремнем на последнюю дырку, и все равно пистолет оттягивает ремень.

— Ты бы ушел оттуда, а то, говорят, смертников вербуешь, — отвечает комдив.

— Сказали — стоять насмерть, я и стою. Приказ надо делом подкреплять.

— Ну ладно, стой. Будет тебе залп.

Не прошло и десяти минут, как показались шесть машин, крытых брезентом. Апчара уже знает их. Они издали похожи на арбы, груженые сеном. Знает Апчара и то, что около этих машин близко стоять не надо. После залпа немцы засекут эти установки по облаку дыма и пыли и ударят из всех орудий. Поэтому сами «катюши» не задерживаются, уходят тотчас.

«Катюши» выстроились в ряд. С установок стащили чехлы, быстро навели на цель, и тут же раздалось завывание, похожее на вой волков в Чопракском ущелье, когда они собираются в стаю, чтобы напасть на стадо. В воздухе замелькали золотистые хвосты реактивных снарядов. Послушать бы сейчас Доти, помогли ли они ему. Апчара не успела подумать, как послышался восторженный голос комиссара:

— Молодцы гвардейцы, хакурт¹ получился из немцев! Молодцы!

Снаряды легли точно в цель. В лагере врага паника. Теперь не скоро они соберутся с духом снова идти в атаку.

Загорелся даже танк. Ну что ж, и он входит в цену жизни Доти, подумала Апчара. Враг как бы вносит задаток, чтобы в конце концов получить жизнь комиссара.

Артиллерийский шквал обрушился на то место, где только что стояли гвардейские минометы. Бесплезная трата снарядов — «катюш» и след простыл.

Вернулся Адамоков, усталый, возбужденный. Он своими глазами видел бой. Повреждение оказалось недалеко

¹ Х а к у р т — жареная кукуруза, перемолотая затем в муку.

от огневых позиций минометчиков. Спасаясь от арт-огня, он заполз к ним. Альбиян расспрашивал об Апчаре.

— Ни на шаг от коммутаторов, говорю ему, берегу, как сестру родную. На линию не посылаю. Она ведь не красноармеец, помогает по доброй воле. Сидит у коммутатора — и то хорошо.

— Нет, не хорошо. Теперь я пойду исправлять линию, — заявила Апчара, завидуя своему напарнику, повстречавшему Альбияна. — Соединять провода на уроках физики нас учили...

— Соединить — пустяки. Трудно найти разрыв...

У минометчиков потери оказались значительными. Ранен и командир батареи. При Адамокове получено приказание командира полка: Альбияну принять на себя командование батареей. Адамоков думал, что обрадует Апчару этой вестью, но она растревожилась еще больше. Ей казалось, будто судьбы людей заранее известны и роли распределены: Альбиян получает ранение, Апчара тут же перевязывает его рану, оказывает брату первую помощь, доставляет в госпиталь, а потом Альбиян рассказывает матери и Ирине, как все это произошло.

— В сердцах влюбленных, может, и я не нашла бы разрыв. А тут — право, тут я соединю.

Адамоков напускал туману, чтобы отговорить Апчару от опасной затеи.

— У нас же аппаратура не военная. Ее Локотош в каком-то совхозе захватил. Такой связи нет ни в одном полку. Смотри, аппараты — гражданские. Такие ты могла видеть на столе директора совхоза или на столе председателя сельсовста. Полевые телефоны другие. Проще. Так что сиди здесь. И ползать по-пластунски ты не умеешь...

— А как это — ползать по-пластунски? Как ящерица?

Адамоков начал еще сильнее морочить голову.

— Это сложная наука. В воинских частях на нее отводится не меньше месяца. Тут не простое ползанье, а со смыслом. Что-то взято от ящерицы, от змеи, от кенгуру, даже есть элементы телячьего скака...

— Телячий скак! Так я же завфермой! Уж я-то знаю, что значит телячий скак!

— Нет, — продолжал гнуть свое Адамоков, — надо это ползанье отрабатывать на местности. Ясно?

— Ясно одно. В следующий раз на повреждение кабеля пойду я.

— Если брат разрешит, иди. Я дал ему слово. Теперь он командир батареи и тебе связаться с ним ничего не стоит.

— А брат... умеет ползать по-пластунски?

Но тут снова слышался гул самолетов. Со стороны разгорающегося заката показались черные точки, они мгновенно росли, снижались, выстраивались в атакующую цепочку. Вместе с тем гул нарастал.

— В щель! — скомандовал Адамоков, и Апчара подчинилась, нырнула в щель.

Запищало, застрекотало в наушнике. Адамоков старался разобрать сквозь гул и грохот, как Доти опять просил минометчиков ударить навесным огнем по противоположному склону кургана Лысого.

— Дайте по «Лысому затылку», — кричал Доти Кошроков, — там накапливается противник для атаки. Только вы можете дотянуться до них! Они хотят во что бы то ни стало захватить высоту. Они скапливаются. Сейчас авиация обрабатает, и пойдут. Дайте им, дайте, пока не поздно!

Оглушительно загремели бомбы, застонала земля. Апчара затихла, притаилась в щели. В грохоте бомб не слышно слабых минометных выстрелов, но Альбиян, пренебрегая бомбежкой, бил по «Лысому затылку» из всех минометов. Напрасно немцы надеялись, что при авиационном налете бойцы уйдут в землю, замолкнут и тогда удастся подобраться к нашим позициям.

Апчаре рассказывали про сметку чопракских бронебойщиков. Двое парней — расчет противотанкового ружья — укрепили зеркало на дощечке и выставили свой перископ над окопом так, что в зеркале отражалось поле боя. Бронебойщики сидят в глубине щели и видят в зеркале, когда идет танк или бронетранспортер. «Чопракцы всегда что-нибудь выдумают», — подумала Апчара. Надо было бы в ящики с посылками положить побольше зеркал.

Едва повернули немецкие бомбардировщики, началась новая атака, последняя в тот день. Ожили все огневые позиции, которые, по расчетам противника, подавлены бомбовыми ударами. На участке, где Доти

подобрал себе отчаянных храбрецов, враг оставил очередной «аванс» — десятка четыре трупов.

И наши потери были немалыми. В вечерних сумерках, когда была отбита последняя атака и обе стороны прекратили огонь, с переднего края к перевязочным пунктам потянулись группы раненых. В изодранных гимнастерках, выпачканных кровью, они медленно брели в тыл за повозками, увозящими тяжелораненых.

Апчара, глядя на них, не могла сдержать слез. Вчерашние десятиклассники, озорники, теперь едва передвигают ноги, истекают кровью; один несет плохо перевязанную руку, как несут больного ребенка; другой идет согнувшись, по лицу видишь, с каким страданием дается ему каждый шаг. Двое легкораненых ведут третьего — не стоящего на ногах; совсем юнец тащится с раненой ногой — это один из тех застенчивых, робких юношей, который если выйдет на круг, а девушка откажется с ним танцевать, то он тотчас, смущенный и униженный, торопится исчезнуть в толпе таких же, как он, неловких юнцов. А здесь он воин. Опираясь на две палки, плетется позади всех за цепочкой раненых. По пыли волочится бинт... А ведь это такие, как он, застенчивые и робкие, сдерживают уже который день натиск брони...

Утро следующего дня началось с торжественного выезда Локотоша на немецком мотоцикле. Он сутки вместе с шоферами мудрил над машиной, чинил ее и теперь сиял от счастья, словно жених. Капитан лихо промчался вперед, круто развернулся, чтобы «погарцевать» на своем «вороне» перед Апчарой, не сводящей с наездника восхищенного взгляда.

— Ну как? — спросил капитан Апчару, будто Апчара что-нибудь понимает в мотоциклах. — Нравится?

— Нравится.

— А по-кабардински как? Понравилась вещь — бери!

— Да я не подумав сказала — «нравится». Зачем он мне?

— Как зачем? Как раз для вас с Адамоковым. Погрузил коммутатор и — вперед на третьей скорости. В обороне буду ездить сам, а на марше — машина ваша.

Адамоков обрадовался подарку. Мотоцикл он умеет водить не хуже, чем сам Локотош. Не откладывая он показал свое умение, сел и прокатился по ферме, сделал

круг, объехал силосные ямы, домик доярок, от которого остались только стены — крышу снесло.

Локотош доволен, что передает машину в умелые руки.

— Все предусмотрено. Ты в люльке с коммутатором и со всей аппаратурой, за рулем Адамоков. Механизируем связь. Аллах послал — лучше и не придумаешь...

Однако пока что капитан сам укатил на мотоцикле на НП полка.

— Где ты научился так ездить? — спросила Апчара своего напарника.

— Ты думаешь, только Локотошу дано от бога в механизмах разбираться? До войны я работал в МТС.

Адамокову все давалось удивительно просто. Его никогда ничему не учили, но все ему было с руки. Начал постигать ремесла еще в детстве, изобрел деревянный трехколесный автомобиль, сел сам и, на удивление аульчан, проехал на нем шагов пятьдесят. Но однажды он появился на своей машине на свадьбе, и перепившиеся гуляки навалились грудой на не очень-то совершенную машину и раздавили ее.

Когда в ауле появилась первая кинопередвижка, Адамоков прилип к киномеханику, стал его подручным и все делал даром. Киномеханик уединялся с девушкой, а подручный показывал картину.

Стали создаваться МТС — Адамокова потянуло к машинам. А в армии он стал связистом...

И следующий день был похож на предыдущий — шесть отбитых атак.

Бой не затихал ни на минуту. В телефонных переговорах и донесениях так часто упоминался курган Лысый, что можно было подумать — на поле боя выросла гора по крайней мере с Машук. На самом же деле курган стал еще меньше от бомбовых ударов, от залпов «катюш», от огромного количества снарядов и мин, разорвавшихся на его верхушке. Он переходил из рук в руки, словно судьба всех войск зависела от того, кто в конце концов будет владеть этой высотой. Весь день кавалеристы удерживали ее. И вот — шестая атака...

Ночью, когда подразделения приводили себя в порядок, командиры обсуждали план действий на следующий

день. Доти предложил следующее: послать связистов в сгоревший немецкий танк и оттуда корректировать огонь артиллерии. Чтобы немцы не утащили танк, Доти охранял его, выставив вперед бронебойщиков и пулеметчиков. Он знал, что за ним придут тягачи. Еще до рассвета связисты, вооружившись противотанковыми гранатами, телефонным аппаратом, автоматами, поползли к нему. Доти дал им даже артиллерийскую буссоль, чтобы наблюдение велось прямо из люка танка.

Наблюдательный пункт получился отличный. Из танка просматривалось расположение противника на большую глубину, связисты то и дело сообщали о скоплениях войск, автоколоннах, подходящих с тыла, минометных установках, артиллерийских позициях — обо всем. И не просто сообщали, а называли точные квадраты по кодированной карте. Залпы «катюш», огонь артиллеристов и минометчиков оказались для врага губительными. Не раз автоматчики, бронетранспортеры и танки, накапливавшиеся на рубеже атаки, накрывались мощным огнем, и немцы, оглушенные, в панике разбегались, расстраивались их боевые порядки. Чем больше они терпели неудач, тем яростней лезли на курган Лысый.

Только к исходу дня немцы поняли, кто обрушивает на их головы столько разящего металла, и решили во что бы то ни стало оттащить назад сгоревший танк. Но наши бронебойщики тоже оказались на высоте. Первая попытка кончилась тем, что был подбит еще танк, а артиллеристы создали вокруг наблюдательного пункта защитный огневой заслон. Тогда немцы обрушили сильнейший огонь на свой танк, и два бойца, сидевшие в нем, погибли.

Кошроков сам писал листок-молнию с грифом: «Прочти и передай товарищу». Листок переходил из окопа в окоп, от позиции к позиции. Имена двух героев — Курмана и Али — сразу узнали все. А те, кто знал погибших при жизни, вспоминали каждую мелочь, которая связывала их с героями.

В шестую атаку немцы бросили все свои силы. Горстка защитников кургана Лысого легла в неравном бою, и к сумеркам высотой овладели немцы.

Завтра с утра немцы будут просматривать всю нашу оборону, и, значит, за ночь надо что-то придумать и предпринять.

НОЧНОЕ ЗАРЕВО

Еще дымились подожженные танки и бронемашины, еще выбирались из окопов раненые, чтобы брести в тыл, еще на хуторе бойцы разбирали по бревнам горящие дома, чтобы не служили в наступающей темноте ориентирами немцам, еще запахи пороховой гари и свежей крови витали над полем боя, а командиры и политработники собрались на НП полка, чтобы обсудить положение. Прибыли сюда же оперативники из штаба дивизии. Требовалось срочно разработать операцию по захвату высоты Лысой.

Ее потеря встревожила всех. Во-первых, теперь труднее будет действовать «катюшам». Вернее, немцам будет легче за «катюшами» охотиться. Все наши артиллерийские и минометные позиции, все огневые точки немец будет видеть как на ладони. Теперь он сможет бить не только по нашим пушкам и машинам, но и по отдельным людям. Высоту Лысую надо вернуть — это понимал каждый.

Оперативники предлагали атаку на заре, когда сон особенно одолевает человека. Надо как можно ближе подобраться к высоте за ночь и после короткой, но интенсивной артподготовки ринуться в атаку. Операцию закончить к моменту восхода солнца. За короткую летнюю ночь противник не успеет закрепиться — уйти в землю на восточных склонах кургана.

Возникла вдруг и еще идея: за ночь просочиться сквозь боевые порядки противника и ударить по нему в затылок, согласовав момент атаки с артподготовкой не по часам, а по минутам. Идея была заманчива, но таила в себе большой риск. Группе, которая проникнет в расположение противника, придется действовать вслепую. Не имея связи с НП полка, при непредвиденных обстоятельствах она не получит помощи и не вернется назад. К тому же в степи нет никаких надежных ориентиров, легко сбиться с пути. А чтобы обогнуть курган Лысый, придется сделать большой крюк, неизвестно, на что нарвешься.

— Да, мы рискуем небольшой группой, — упрямо твердил Доти Кошроков, — но при штурме высоты потери будут куда больше. Сколько у нас в полку осталось людей?.. В некоторых подразделениях всех пересчитаешь

на пальцах. Вот почему я за последний вариант.— Доти подождал, посмотрел на присутствующих, как бы своим взглядом успокаивая их, не волнуйтесь, мол, ни на кого из вас не падет смертный жребий, и скороговоркой закончил: — Тем более я знаю человека, который поведет ту группу.

— Кто? — разом спросили командир полка и оперативный работник штаба дивизии.

Доти снова выдержал паузу.

— Я, комиссар полка. И считаю, у нас нет времени ни спорить, ни, тем более, медлить. Устав как учит нас? Самое правильное решение командира то, которое принимается быстро и выполняется немедленно. Ночь коротка, а дел много. Попробуем реализовать мой вариант, другие от нас не уйдут.

Но с комиссаром согласились не сразу: его план задевал самолюбие строевых командиров. Да и майор Муталиев, командир полка, резко стал возражать и настоял бы, конечно, на своем, если бы комиссара неожиданно не поддержал представитель оперативного отдела дивизии. С тех пор как полк вступил в бой, комиссар редко появлялся на КП. Он предпочитает все время находиться в подразделениях. Майору даже кто-то сказал, будто Доти Кошроков не просто доводит до сведения бойцов приказ Верховного Главнокомандующего, а требует от всех присягнуть на верность этому приказу. Заставляет бойцов давать письменные клятвы, что они будут «стоять насмерть».

Холодок настороженности и недоверия сквозил в отношениях командира полка и комиссара. Но операция была уже утверждена, и майор сразу согласился с главным доводом комиссара: времени на побочные разговоры нет ни минуты. Надо ведь еще успеть сформировать группу, разработать план взаимодействия ее с другими подразделениями, уточнить маршрут движения, придать ей нужные средства, рассчитать все по часам и минутам, договориться о сигнализации, предусмотреть возможные осложнения и продумать, как их преодолеть.

Четко и быстро распределил майор обязанности между командирами, перед каждым поставил боевую задачу, а дирижировать этой «ночной симфонией» взялся сам.

— Ей-бох, какой инструмент будет фальшивить — распрощается с оркестром навсегда, — предупредил майор командиров подразделений. Говорил он с сильным ингушским акцентом, делая ударение на первом слоге. От этого речь майора приобретала какую-то особенную стремительность. — Сигналы: зеленая ракета; красная; две зеленые; две красные; одна красная и одна зеленая; две красные и зеленая; две зеленые и одна красная — всего семь, они как бы означают семь нот и семь клавиш. Договоримся, кто каким сигналом действует, как и когда...

Для командира минометной батареи и для артиллеристов — две зеленые ракеты — открыть огонь по заданному квадрату, а две красные — перенос огня в глубину обороны противника, когда командир группы сигналом — одна зеленая ракета — сообщит о занятии им кургана. Под покровом темноты одна рота накапливается, подбираясь как можно ближе к высоте, затем по общему сигналу штурмует курган и удерживает его до прихода основных сил.

Альбиян шепнул комиссару, сидевшему вблизи от него:

— Локотоша бы взять. Он по карте ориентируется, будто сам составил. А ночью очень легко сбиться.

— Конечно, хорошо бы. Он и немецкий знает, но — с больной ногой?! Ползать надо, бегать и прыгать. Еще придется тащить на себе...

Пока майор объяснял командирам подразделений, по каким сигналам и как им действовать, Альбиян снова шепнул Доти:

— Между прочим, я тоже по топографии всегда пятерки получал...

Комиссар улыбнулся, угадал, к чему лейтенант клонит, дружески похлопал его по плечу:

— Не надо, лейтенант... Слушай, а молодец твоя Чарочка-Апчарочка!.. Когда ни возьмешь трубку, слышишь ее голосок: «Готово», «Даю»... А карту я тоже знаю неплохо. Не заплутаюсь.

Семь клавиш, как назвал семь сигналов майор, должны были сыграть ночную симфонию, быструю, точную, энергичную. Сфальшивит один инструмент — и музыка станет похоронной. Еще раз проверены код, разметка карт, сверены часы по часам командира полка.

Доти сам назвал фамилии бойцов по всем подразделениям, которых решил взять с собой. Майор установил срок, когда им явиться к комиссару, и предупредил, чтобы они явились в полной боевой выкладке. Группа набралась около сорока человек. После нескольких дней боев и столько едва-едва наскребли без ущерба для подразделений. В каждом эскадроне уцелела едва ли половина состава.

Представитель опергруппы штабдива отправился на НП дивизии доложить о плане операции. Разошлись и командиры подразделений.

— Ей-бох, комиссар, напрасно лезешь в пасть зверю,— начал Муталиев, когда остался с Доти вдвоем.— Зачем у нас отбиваешь хлеб? Во-первых, ты обидел строевых командиров. Выходит, они избегают опасности, один ты ничего не боишься. И потом, не комиссарское это дело... Я не хотел говорить об этом при всех.

— Во-вторых?

— Во-вторых, ты — комиссар. С комиссарами немцы расправляются знаешь как...

— Если попадают в плен.

— А ты гарантирован?

— Живым не дамся. Последнюю пулю сберегу для себя. И вот еще,— Доти извлек из кармана лимонку,— на всякий случай. Вдруг просчитаюсь, собьюсь со счета... Патрона не будет — это всегда с собой...

— Ей-бох, комиссар, ты смертник... Ну ладно. Эскадрон поведу я, встретимся на кургане. Идет? Воллах — это будет здорово! Командир и комиссар назначают встречу на высоте, которую немец захватил.

— По рукам!

Стали прибывать бойцы по десять—двенадцать человек от каждого подразделения. Усталые, небритые, с воспаленными от недосыпания глазами, неразговорчивые, тяжело валились они на траву, услышав команду: «Отдыхайте пока». Комиссар знал бойцов, и они знали его. Рассказывали, как вчера Доти завернул один взвод, правда, во взводе оставалось всего с десяток людей. Они выносили с поля боя своего командира, истекавшего кровью. «Назад!» — кричал Доти, а один из бойцов чуть не плакал: «Товарищ комиссар, немец на курган Лысый такой большой бомб бросает — жить невозможно». — «А мы сюда стоять насмерть пришли. Приказ читал?»

Раненого понес в тыл только один боец, остальные во главе с комиссаром вернулись на передний край. И все это под ураганным огнем врага. Тогда-то и пошли разговоры среди бойцов, что комиссар заговорен, его ни пуля, ни осколок взять не могут.

Пока собиралась вся группа, позвонил комдив. Он обрушился на майора за то, что такую сложную и опасную операцию поручил Доти Кошрокову. «За спиной комиссара прячетесь?» — клокотал в трубке голос комдива. Майор не оправдывался, слушал молча, даже поддакивал комдиву: «Да, горяч комиссар, отнимает хлеб у строевых командиров». Полковник постепенно затихал: «Ладно, чтобы это было в последний раз».

Это было в характере комдива. Сначала вспылит, наговорит, даже страху нагонит, но тут же отходит. Иной раз налетит на командира: «Самоуправство! Людей хочешь загубить? Почему в землю не зарылся? Хочешь, чтобы я тебя зарыл? Так я это сделаю — застрелю! За невыполнение боевого приказа — расстрел на месте! Застрелю!» Потом шмыгнет носом: «Окопаемся, потом застрелю! Как же ты не научил людей окапываться? Завтра, если увижу, застрелю!» А потом махнет рукой: «Комиссар, застрели его, глаза бы мои на него не глядели». Через минуту отойдет совсем, возьмет лопату, начинает, кряхтя, посапывая, долбить землю, пока не остынет окончательно. Подойдет к командиру, доведенному до отчаяния, положит на его плечо руку и тихо, как отец сыну, внушает: «Ты не сердись на меня. О вас же пекусь. Не хочу я, чтобы вы по-глупому гибли. Который раз говорю: земля защищает тех, кто ее умеет защищать... В землю уходите, зарывайтесь глубже. Я на тебя накричал, а ты на своих подчиненных кричи, заставь их рыть окопы. Есть свободная минута — рой землю. Рой, рой и рой!»

Комиссар между тем знакомил бойцов с планом операции, чтобы каждый во всех мелочах представлял себе задачу и всю трудность ее решения.

— Ночь полна неожиданностей, опасностей, — говорил комиссар, — не всем суждено вернуться целыми и невредимыми. Поэтому готовьте себя к худшему. Если кто из вас не уверен в себе, пусть скажет, я его верну в эскадрон. Ну, кто хочет вернуться в эскадрон?

Никто не ответил, не шелохнулся. Кошроков так и думал. Он выбрал не первых попавшихся, а тех, с кем вместе стоял в окопах на самом переднем крае, на той же самой высоте Лысой, чтобы провалилась она сквозь землю!

— Кто из вас помнит строки из поэмы Пушкина «Кавказский пленник»? — неожиданно спросил Доти и, чтобы не ставить бойцов в трудное положение, сам начал читать:

Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен,
На нем броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный...

Вот как классик литературы рисовал нашего предка. Каждый из нас тоже обвешан оружием. Не тем, конечно, которым гордились наши предки, но обратите внимание: «Ничто его не тяготит, ничто не брякнет...» Давайте же подгонять свое снаряжение так, чтобы ни единый звук не мог вас выдать. Я каждого из вас лично по фамилии просил в свою группу, потому что идем на опасное дело. В моих глазах каждый из вас тоже «непобедимый, непреклонный...».

В темноте попрыгали — ничего не гремит, накурились в последний раз, пошли. Переступили невидимую черту, отделяющую их, сорок человек, от остального полка, от остальной армии, от остальной жизни. Над пшеничными полями время от времени загорались ракеты. Тогда невольно пригибались ниже, невольно поглядывали на высоту, ради которой пошли, а там, на высоте, при зыбком свете ракет заметно копошились люди. То тут, то там лопались в тихом воздухе и гасли короткие пулеметные очереди.

Шли молча, в две цепочки, след в след. Иногда Доти останавливался, напряженно вслушивался в темноту, успокаивался. Шли дальше. Вышли чуть не на четвереньках, чуть не ползком, но очень скоро привыкли и осмелели, подразогнулись, а потом и совсем выпрямились в рост — скрючившись далеко не уйдешь. Кругом шеле-

стела пшеница. Легко спрятаться, но легко и нарваться на спрятавшийся немецкий дозор, на скрытую огневую точку. Доти иногда, остановив группу, посылал вперед двоих-троих разведчиков, чтобы не вывести ненароком всю группу на ствол немецкого пулемета, которому и минуты не понадобилось бы, чтобы скосить под корень их всех до единого.

Постепенно высота Лысая переместилась вправо и пошла уходить назад, подобно тому как перемещается на небе с течением ночи какое-нибудь созвездие. Значит, где-то в пяти — десяти шагах передний немецкий край. Колосья раздвигали осторожно, бесшумно. Попала бы пыль кому-нибудь в нос, чихнул бы — и конец старательно подготовленной операции.

Правее послышался разговор, не то немецкий, не то венгерский — не разобрать. Потом звякнула лопата, разговор стал громче. Присели, прислушались. Да, роют землю, шуршат пшеницей, переговариваются. Неподвижно и молча просидели минут десять. Протарахтела колесами повозка, остановилась. Не походная ли кухня? Нет, заплескалась вода, загремели котелки. Со всех сторон, едва не наступая на наших бойцов, побежали к воде солдаты. Звучно пьют, смеются, уступают место около повозки другим. Нашим тоже захотелось пить. Даже у комиссара пересохло во рту от жажды.

Наконец повозка с водой поехала дальше. Пошли и наши бойцы. Когда прямо перед ними возникли какие-то причудливые очертания, Доти замер, ждал, пока загорится ракета. Оказалось, что наткнулись на установку шестиствольного миномета. Немцы, раздевшись до пояса, обливаются водой, гогочут, фыркают. Это хорошо. Пусть шумят. Глухарь потому и называется глухарем, что не слышит постороннего шума, пока сам шумит.

Миновали и эту зону. Чем дальше уходили в глубину обороны, тем заметнее было, что немцы ведут себя беспечно, не думают, что их здесь может подстерегать опасность. То и дело передвигаются группы солдат, слышится шум колес фургонов, машин, бронетранспортеров. Пожалуй, тут можно идти и побыстрей. Примут за своих. Лишь бы не нарваться ни на кого вплотную. Главное, не потерять из виду злополучный курган. Со стороны немцев он выглядит по-другому, едва возвышается на

горизонте, напоминая покатый стог прошлогодней соломы, осевшей под тяжестью снегов и дождей.

Время идет. Начало артподготовки приближается. Надо подойти как можно ближе к высоте, но и не настолько близко, чтобы попасть под огонь своих же артиллеристов и минометчиков. Немцы не дремлют. Перегруппировываются, подтягивают резервы. В густой пшенице трудно рассмотреть все, но по гулу машин чувствуется, что подтягиваются большие силы.

Бойцы удивлялись, сами не верили себе, что находятся в логове врага. Кто бы подумал днем, что можно, оказывается, так свободно, почти свободно, ходить в расположении немцев? От перевозбуждения бойцы не чувствовали никакой усталости. Каждый еще думал и о том, что, если посчастливится уцелеть, надо рассказать своим, как это было удивительно — ходить среди немцев.

Курган все время на виду, но в темноте трудно было определить расстояние до него. Время идет, и бойцы идут, а курган не приближается. Как бы не опоздать.

То и дело смельчаки обходили орудия, минометные позиции, солдат, вздремнувших у бронемашин. Чесались руки дать по ним из автоматов или забросать гранатами, а то и бутылками с горючей смесью. То-то был бы у немцев переполох. Едва не сделали это невольно, когда часовой крикнул бредущим во тьме, чтобы взяли вправо. Хорошо, что Доти понял команду часового, вернее, понял только слово «вправо» и резко изменил направление, послушался грозного окрика. Обошли шестиствольные минометы, которые немцы охраняли так же тщательно, как мы охраняем свои «катюши».

Над курганом загорелась ракета. Доти прикинул на глаз: около километра. Надо подобраться еще, чтобы достичь потом вершины высоты одним броском.

Чем ближе подходили к кургану, тем больше воронок попадалось под ногами. Пшеница вся в черных плешинах, в ожогах от термитных снарядов и мин, словно пьяные либо слепые трактористы искорежили поле своими плугами вкривь и вкось. Пахло гарью, жженым зерном, жженой костью. Доти искал теперь участок негорелой пшеницы, чтобы можно было залечь. Кое-как залегли. Совсем близко перед бойцами огневые точки противника, направленные на наши передовые позиции. Бойцы

расположились у противника за спиной. А за спиной наших бойцов немецкая артиллерия, минометы, готовые тронуться броневики, замаскированные свежескошенной пшеницей. В глубине обороны грохочут танки или тягачи — не разберешь. Над передним краем взлетают и медленно гаснут ракеты, кудахчут пулеметы. Вблизи прошла санитарная машина. Наверняка немцы видели лежащих в пшенице людей, но приняли за своих...

Время будто остановилось. Однако часы идут, тикают и край неба бледнеет. Скоро будет светать. Вдруг загрохотало и засверкало. Снаряды ложились на курган. Высоту окутало дымом. Доти понял, что помогает огнем «первый», — басовито ухают крупнокалиберные орудия. Взрывы слились в непрерывный гул. Немцы, не успевшие еще окопаться на кургане, заметались. Снаряды и мины ложились кучно, дым и пыль поползли по склонам кургана. Из глубины немецкой обороны ответили орудия и минометы. Но, как бы перечеркивая все, что было до сих пор, зарокотали залпы «катюш». Реактивные снаряды осветили небо. В отсветах разрывов замелькали человеческие фигуры, загорелись остатки пшеничного поля, и стало светло, как днем.

Со склона кургана бежали очумелые люди, судя по крикам — венгры. За первыми бросились спасаться и другие. Артолет прекратился так же внезапно, как и начался. Тогда комиссар поднял бойцов. Сделали бросок молча. И получалось, будто они спешат на помощь защитникам высоты. Но когда осталось сто шагов, Доти крикнул: «Ура!» Бойцы подхватили. Венгры не поняли, что происходит у них в тылу. Они повернули на свои позиции, которые только что оставили. Но автоматный огонь уже хлестал их по спинам. Пошли в ход и гранаты. Комиссар занял на кургане окопы и тут же выстрелил из ракетницы.

Артогонь возобновился, но, как и было условлено, снаряды рвались уже за курганом, образуя кольцо вокруг высоты.

Майор Муталиев решил, что курган взят, поднял стрелков на штурм, чтобы помочь Доти удержать высоту. Противник, занимавший склоны кургана, обращенные к нам, оказался зажатым с двух сторон. Доти понял оплошность майора, не рассчитавшего момент удара. Но, с другой стороны, «ночную симфонию» надо было доиг-

рать до наступления утра, чтобы немцы не могли оценить силы, с какими мы отважились действовать, потому-то и торопился майор.

Слова комдива «хотите отсидеться за спиной комиссара» не давали ему покоя. Не мог он допустить, чтобы комиссар один взял высоту. Курган имел тактическое значение для всей дивизии. Не зря комдив, чтобы усилить атаку, прислал в распоряжение командира полка четыре танка.

За этими танками почти вплотную подошли к кургану, но немцы уже опомнились и обрушили свой огонь на штурмующих... Завыли шестиствольные минометы, заработали пулеметы, автоматы. Майор подумал: не ошибся ли он, не принял ли он чужой сигнал за свой, но возвращаться теперь было поздно. Идти, только идти. Они достигли склона кургана, и тогда майор упал, подкошенный осколком, и сразу не стало для него ни высоты, ни огня, ни необходимости идти вперед на выручку комиссару.

Встреча, о которой говорил накануне командир полка, состоялась, но не такая, какой он представлял ее себе. У комиссара полегло больше трети людей, и штурмующая группа поредела. Но победа все же одержана. Маленькая победа величиной с курган. Однако и такую победу нельзя было добыть без большой крови.

НЕМЕЦКИЙ ПОДАРОЧЕК

Солнце взошло, а пшеница все еще догорала. Доти ходил среди убитых, доставал из карманов документы, фотографии, письма. Все собирал и складывал в полевую сумку. Полетят сегодня же к подножию Кавказских гор проклятые похоронки. Но успеют ли дойти? Не опередят ли их немцы, которые уже за Армавиром прорвали укрепления на берегах Кубани, вышли на ближние подступы к Кавказским горам, хотя здесь, в Сальских степях, еще продолжается неравный бой.

У воронки ничком лежит боец. Доти осторожно, словно боясь разбудить, перевернул его, узнал. В густых черных волосах запеклась кровь, из угла рта еще течет багровая струйка. Глаза приоткрыты. Молодой комсорг полка, которому Доти подарил старую свою планшетку—

пусть комсорг хоть чем-нибудь отличается от других бойцов. Звания у него еще не было. Черноглазый балагур-заходила. Где бы ни останавливался парень, всегда возле него образовывался круг. Комсорг знал несметное количество прибауток, веселых рассказов и анекдотов. Видимо, и сам сочинял, потому что невозможно запомнить столько.

Из нагрудного кармана комсорга Доти извлек комсомольский билет и две фотографии. Голова девчонки с испуганными глазами и гладкой прической. На второй — немолодая женщина с суровым взглядом, — мать парня. Вот она-то и получит похоронку, подумал Доти. Бойцы унесли комсорга. Доти отошел к другому телу. Их было много на обоих склонах кургана Лысого. Доти вытащил из кармана убитого тетрадь в черном переплете, кусочек карандаша. Страницы испещрены мелким почерком. Язык незнаком. Видно, что стихи, но на каком языке?..

Покажу в полку, подумал Доти, может, кто-нибудь отгадает. Кроме этой тетради стихов, у убитого в карманах ничего нет. Жаль, если не удастся установить его имя — безымянный поэт навсегда останется в «без вести пропавших».

Послышался гул самолета. Доти заторопился к окопам. Усталые бойцы расчищали и углубляли их. В утреннем небе плыл один-единственный разведчик «фоккевульф». Уже привыкли: «рама» летит — беду кличет». Надо сделать на дне окопа «могилу князя». Кабардинцы, когда хоронят, в стенке могилы делают глубокую нишу, куда и кладут покойника. Снаружи все закладывают кирпичом, образуя склеп, в котором предстоит покойнику первый допрос. Для князей такие ниши делают низкими, чтобы покойник, сославшись на тесноту, мог избежать встречи со «следователем», посланным аллахом.

Немец-разведчик приближался. Он летел невысоко. Немцы знают, что с земли им ничто не грозит. «Рама» делает разворот. Сейчас ударит. Бомб у нее немного, но все-таки береженого бог бережет. Пригнулись. Немец прицеливается. От самолета отделился какой-то предмет. Затем о землю глухо что-то ударилось, но не взорвалось. Не бомба ли замедленного действия? Проходят секунды — взрыва нет. Послышался нетерпеливый голос:

— Воллаги, это не бомба!

— Не подходить! — Доти вскинул бинокль. Из земли торчат две доски. Странный предмет. Вылез из окопа сам и пошел посмотреть. Самолет уже улетел.

Это был самый обыкновенный гроб из неструганых досок. Снаружи он перетянут телефонным кабелем. Впрочем, крышка отскочила от самого гроба и теперь валялась отдельно. На крышке Доти прочитал написанные мелом слова: «Слепой полет комиссара». «При чем тут комиссар?» — удивился Доти, подходя не без робости к гробу. Забыв об осторожности, выскочили из окопов, подбежали к гробу и бойцы.

В гробу лежало искалеченное человеческое тело. Ноги втиснулись в грудную клетку, голова оказалась как бы без шеи, глаза выпали из орбит. И все же можно еще было узнать (и Доти узнал) бывшего батальонного комиссара Солтана Хуламбаева. Вокруг мертвого комиссара в гробу лежали кипы листовок.

Страшная смерть! Неужели Хуламбаева положили в гроб живым? Кровь на стенках досок не оставляет сомнения. Среди кипы листовок Доти нашел издевательское письмо, написанное наспех, наверно, перед самой «отправкой» комиссара, кем-то плохо знающим русский язык:

«Я комиссар везет свои част листовка, чтоб приводить кавалеристов немецки плен. Прошу оказывайт мне всяшеска содействия...»

Доти приказал бойцам вырыть отдельную могилу на самой высокой точке кургана Лысого, чтобы похоронить Солтана Хуламбаева со всеми воинскими почестями. Пусть курган носит наименование «Солтан».

В безлесной степи из крышки гроба бойцы сделали надгробие и вывели надпись: «Здесь покоится прах незабвенного батальонного комиссара Солтана Хуламбаева. Носи его имя, курган!»

После похорон Солтана Хуламбаева Доти собрал защитников кургана. Он напомнил им о возможной атаке со стороны противника. Не могут немцы успокоиться, пока не сбросят нас с этого кургана. А сбросят — пойдут дальше. Курган Лысый для них — бельмо на глазу, которое мешает видеть мир, поэтому жди хирургической операции по удалению бельма. А чтобы сохранить это бельмо на глазу врага — одно средство: стоять на смерть! Доти зачитал листовку, вынутую из гроба. Гит-

леровцы обращались к воинам Кавдивизии со словами: «...победоносные германские войска скоро водрузят знамя на Эльбрусе. Кто не слепой, тот видит: близится час нашей победы. Если не хотите быть раздавленными, торопитесь переходить на нашу сторону. Вы сохраните свою жизнь». В скобках значилось: «Комиссары и иудеи могут не беспокоиться. Мы их в плен не берем».

— Отдавать легко, — сказал комиссар бойцам, — забирать трудно. Вот курган, будь он неладеж, — как трудно было его вернуть. А возвращать сколько еще надо? Ничего! Все заберем! Пядь за пядью, курган за курганом, каждый кусок земли. Только придется кровью поливать эти куски, слезами смочить. Сталин оттого и требует от нас: ни шагу назад! Стоим же мы? Немец долбит с воздуха — мы стоим. Немец танками утюжит — мы стоим. Значит, можно стоять? Надо только срастись с землей. Земля наша — она нас любит, она — родная наша, не хочет расставаться с нами, молит слезами, чтобы мы защитили ее от врага. Одна казачка спросила нас: где остановитесь, земля не безгранична? На ее вопрос Сталин ответил: стоять насмерть! Нам досталось защищать казачьи степи. Земля общая, советская. Мы все — советские. Стойте, ребята. Стойте, мои родные...

— Честное комсомольское, наши ноги назад не пойдут! — сказал боец с маленькой полоской черных волос на верхней губе. Юноша еще ни разу не брился, поэтому волосики были длинные и редкие. Его воспаленные от бессонных ночей глаза горели. Доти вспомнил этого минометчика в бою. Парень поставил ротный миномет между ног и, прижав его коленками к земле, сажал в ствол мины, похожие на скворцов. Бросит мину — и смотрит, куда она летит. В цель — так в цель, мимо — даст поправку наугад, без прицельного приспособления.

Пообещав не задерживаться в тылу, Доти пошел на НП полка, чтобы написать политдонесение. Было о чем писать! Он прихватил с собой все листовки и немецкую фальшивку, хотел показать все это комиссару дивизии, с которым еще не успел созвониться. Да по телефону обо всем и не расскажешь. Гроб с телом Хуламбаева потряс его. Он повторял в душе: каждый час жизни теперь — дар судьбы, награда, ибо я взял у немца такой задаток и за себя и за Солтана, что готов умереть с песней на устах.

НП полка расположился на старом току. Скирда старой пожелтевшей соломы служила наблюдательным пунктом. На нее взбирались по лестнице. В углублении, сделанном в соломе, сидел Якуб Бештоев с биноклем и вел наблюдение.

После ранения Муталиева командовал полком Локотош. Здесь же, под скирдой, в тени располагался и коммутатор. Апчара освоила технику в полной мере. Даже раздобыла себе юбку, которой ей не хватало для полной формы. Была и звездочка на пилотке, из-под которой на плечи спускались густые черные волосы.

Всего какие-то дни Доти не виделся с ними, а казалось — прошла целая вечность.

— Минометчикам дали линию, — не могла сдержать своей радости Апчара, словно это было единственное, чему обрадуется Доти Кошроков.

— Здравствуй, Красная Шапочка-комиссар. — Локотош, прихрамывая на одну ногу, вышел навстречу комиссару. Он, не выпуская палки из рук, обнял Доти. — Ты — настоящая Красная Шапочка. Слушай, я думал, больше не увижу тебя. Как ты остался жив? Залез, можно сказать, волку в пасть, даже в брюхо и — пожалуйста, жив и здоров. Даже мимоходом вышиб клыки волку...

— Красную Шапочку освободили охотники, они разрезали живот волку. А Доти вылез сам, — встала Апчара.

— Что верно, то верно, — в том же тоне поддержал шутливый разговор комиссар, — было темно, как в брюхе черной собаки...

— Еще бы! Ночь же.

Со скирды сполз Якуб. Он все еще дожидался должности, хотя и получил звание. В полку ему доверили только бинокль, чтобы он мог вести наблюдение за противником. Якуб это делал с достоинством и был рад сидеть на наблюдательном пункте. Лишь бы дальше не посылали. А то, что комиссар добровольно отважился на опаснейшую операцию, было выше его понимания.

Комиссар полка и не заметил, как Локотош скомандовал: «Что-нибудь пожевать». Пока готовили стол, Доти рассказал о гробе с телом Солтана. К еде никто не притрагивался. Апчара плакала. Перед ней стоял Солтан как живой, человек мягкий, отзывчивый, не перено-

сивший женских слез. Как это могло случиться, что человек погиб из-за своей доброты!

Расселись в тени скирды.

— За первую капельку победы. Она обещает ливень.— Локотош поднял пластмассовый стаканчик с водкой. Это была последняя бутылка. Он ее берег для особого случая.— За тебя, комиссар!

Выпили. Первым заговорил Бештоев:

— По образованию я — юрист. С высшим образованием...

Апчару покорило, когда Якуб опять заговорил о своем высшем образовании.

— Знаем.

— Не могу понять одного: почему немцы так зверски обращаются с военнопленными. Меня, например, послали за пленным немецким офицером связи. Три раза предупреждали: смотри доведи в целости. Приехал за ним на легковой машине. После короткого допроса его отправили в штаб армии на той же «эмке». С комфортом. Уверен, и сейчас тот офицер живет неплохо. Отвечался. А как поступили с Хуламбаевым? Живого в гроб заколотили и с самолета — бах! С собакой так не поступают... Разве человек, попадая в плен к немцам, теряет все права?

— Теряет.

— Почему?

— На это есть много «почему», — проговорил Доти.

— Ну назови хотя бы два-три.

— Первое «почему»: мы ведем войну не обычную, которую ведут между собой разные страны. Война с фашизмом — это продолжение Октябрьской революции. В ее основе — борьба идей. Кому стать рулевым человеческой истории — коммунистической идеологии или фашизму? Это война за идеал, за принципы. Она — классовая, затрагивает основы человеческих судеб всех народов, великих и малых...

— Малочисленных, я бы сказал. «Малых» народов быть не должно.— Локотош воспользовался случаем, чтобы высказать всегда волновавшую его мысль.— Не делим же мы генералов на высоких и низкорослых. Генерал остается генералом, и звание ему присваивается не в зависимости от его роста...

— Согласен.

— Народ — это звание, — Локотош воодушевился, — его не только надо носить с достоинством, но и всемерно отстаивать в борьбе. Вносить в общую копилку свой вклад. Военское звание чаще зависит от боевых заслуг офицера. От подвига к подвигу — от звания к званию. Так и с народами...

Якуб возразил:

— Народ — младший комсостав, народ — средний комсостав, народ — старший комсостав и народ — генералитет. А рядовыми — те, кто не удостоился звания народа. Так, что ли?

— Смешной юрист. — Локотош повернулся к Бештоеву. — В общем строю — все равны. Равны и в бою. Но ты видел, чтобы в бою все воевали одинаково? Обязательно найдутся один или два труса. Нет-нет да и обнаружишь притворившегося раненым, когда все пошли в атаку. Такой печется не о победе, а о своей шкуре. Вот я спорил с комиссаром, не понимал его готовности погибнуть. Теперь вижу, он был прав.

— Возможно. Но мы отвлеклись. — Якуб сделал глоток водки, посмотрел на комиссара, который внезапно почувствовал неодолимую тяжесть сна. — На первое «почему» ты ответил. Второе «почему»?

— Война без пленных не бывает... Это понимают все. — На помощь комиссару пришел Локотош. — Но прошло то время, когда пленному пели: «Нет, не пленник ты мой, ты мне — гость дорогой...» Над комиссаром учинили издевательство... Еще не то будет. Чем больше враг одерживает верх, тем он безжалостней, беспощадней. Нетрудно представить участь тех, кто попал в немецкий плен. С них кожу будут сдирать на подметки.

— И немецкие солдаты? Они же из крестьян и рабочих. Это офицеры — сынки разных господ. — Апчара хотела найти какую-нибудь надежду на облегчение участи пленных в фашистских лагерях. — Солдаты?..

Якуб не дал договорить.

— Какие там солдаты?! Ерунда это. Вдолбили вам в головы: солдаты — наши классовые родственники, стрелять в нас не будут. В случае чего они повернут оружие против своих господ. А солдаты между тем что-то не поворачивают оружия. Идут и идут. Так что на бога надейся, а сам не плошай.

— С последней фразой я согласен, — сказал Доти, — мудрая пословица. Ты, юрист с высшим образованием, — комиссар подчеркнул слово «высшим» на этот раз не для того, чтобы пощекотать самолюбие Якуба, — учти, германский фашизм, прежде чем идти против идеологии рабочих и крестьян всего мира, сначала подмял под себя рабочее движение, обезглавил рабочий класс, заточил в тюрьмы вождей рабочего класса своей страны, потом пошел против нас. Наша задача вдвойне трудна. Мы должны изгнать врага со своей земли и вернуть рабочему классу Германии его идеалы. И в этой борьбе думать, как выжить, — значит быть предателем. Я спокойно думаю о смерти в бою. Она для меня награда. Я — в молодости чекист, я — комиссар. Первая пуля фашиста отлита для меня. Вторая для вас, коммунистов. А умереть в бою, в схватке с врагом, выполняя приказ: ни шагу назад, — лучшей смерти для коммуниста нет. Это как раз та смерть, о которой кабардинец сказал: смертью оседлал коня бессмертия... Мне легко воевать, я не о своей шкуре пекусь...

Апчара, услышав позывные, метнулась к своему коммутатору. Звонил Альбиян.

С той минуты, как дали линию минометной батарее, Апчара старалась каждый день звонить брату: «Ну как там?» Апчаре хотелось, чтобы Альбиян говорил долго-долго, рассказывал о каждом из своих бойцов. А тот вместо этого отвечал: «Опять ты?» Тогда сама Апчара говорила, вспоминала Ирину, Даночку, спрашивала Альбияна, не потерял ли он бумагу, на которой обведены ручка и ножка Даночки.

Альбиян попросил Локотоша. Командир полка взял трубку. Встал из-за стола и комиссар.

— Я, братцы, прилягу на часок... Не могу больше.

Комиссар имел все права на этот сон. Он завалился под скирдой на солому и тут же уснул.

Якуб тоже взобрался на НП. Там было удобно лежать в яме, сделанной в стог с соломой, и думать. А на этот раз ему хотелось поразмыслить над словами комиссара.

Но размышления Бештоева прервала Апчара. Снизу донесся ее голосок:

— Товарищ юрист, к телефону.

Якуб вскочил, съехал со скирды на животе и, отряхиваясь на ходу от соломы, взял трубку. Звонил прокурор, занявший место, предназначенное для Якуба. Как бы чувствуя свою вину перед Бештоевым, прокурор всячески старался найти для него какое-нибудь дело. И на этот раз Якуб понадобился ему: «Срочно явиться в расположение тылов дивизии».

— Что-нибудь важное? — спросил Локотош.

— Будем судить труса...

Якуб Бештоев вернул бинокль Локотошу и ушел. Ему хотелось что-нибудь сказать комиссару полка, но тот спал под скирдой. И будить его теперь не осмелился бы никто, разве сама война.

РОГОВЫЕ ОЧКИ

Кавалеристы продолжали отстаивать высоту. «Не отдадим прах Солтана врагу», — говорили ее защитники. На кургане давно не осталось «живого места» — все изрыто бомбами, снарядами и минами. Уже термитный снаряд не мог зажечь ничего — давно сгорело все, что могло гореть. Дощатое надгробие Солтана превратилось в пепел, который развеяли по степи взрывные волны. Вокруг высоты всюду торчали орудийные стволы подбитых и сгоревших танков, чернели бронемашины, превращенные в металлолом, неубранные трупы наполняли зловонием эти июльские дни... Имя батальонного комиссара Солтана уже не раз упоминалось в оперативных документах и в политдонесениях. «Солтан» отбивает атаку, «Солтан» не сдается — писалось в «молниях». Такой листок был в каждом эскадроне. Все понимали значение высоты. Доти не раз приходил, чтобы воодушевить бойцов, и каждый раз повторял слова из приказа, а уходя, просил передать ему письма, если в перерыве между боями люди успевали написать родным и близким. Хотя сам-то Доти знал: надежды, что эти письма будут доставлены адресатам, нет. Немцы достигли предгорий Кавказа.

— Держитесь, ребята, за «Солтана». В землю уходите. В землю, — повторял Доти слова комдива.

— Но не глубже Солтана,— кто-то горько пошутил, и эта фраза стала крылатой. Двойной смысл ее понимал каждый. Комиссар сам любил шутки. Раз боец шутит, значит, настроение у него бодрое. Хорошо, когда рождается фронтовой фольклор — так говорил про себя полковой комиссар Доти Кошроков. Обстановка как раз помогала этому. Бойцам приходилось всю ночь быть начеку. В любую секунду враг мог незаметно обрушиться. А лежать молча — сразу заснешь. Поэтому бойцы вынуждены были развлекать сами себя и друг друга. Первый разговор у солдат всегда о девушках. Не возбранялось и врать, но только складно.

Однажды на высоту пришел Якуб Бештоев. Не то чтобы он не хотел отстать от комиссара. Ему поручили разыскать дезертира, бежавшего из-под стражи. В тыловых подразделениях беглеца не нашли. Бештоеву предложили сходить к защитникам высоты, и он остался среди бойцов на ночь. Не один, мол, Доти Кошроков может воодушевлять людей на переднем крае. А оставшись на ночь, Якуб попал в самую гущу окопного трепа.

Бронебойщик спросил:

— Хотите, расскажу, как я женился?

— Да ну тебя! Сколько раз слышали... Давай о чем-нибудь другом.

— Каждому, кто будет слушать, даю пять рублей... Деньги на бочку.

Бойцы развеселились в окопах.

— А интересно, как ты женился, расскажи, я послушаю бесплатно.— К бойцам подсел Бештоев, приставил палку к стене окопа.

— Воллаги! Я пошутил, товарищ Бештоев,— смутился бронебойщик.— Это я для того, чтобы они позавидовали мне. Они все неженатые. Жизни не знают, а у меня уже и сын есть. Три года ему...

— Три года — джигит!

— Давайте установим премию за лучший рассказ. Ну, хотя бы козью ножку — из самосада.

— За махорку? За махорку я и два расскажу!

— Мы сначала послушаем, стоит премии или нет.

Якуб Бештоев вспомнил далекое детство, когда он за свой рассказ получил однажды настоящую премию, и подумал, не рассказать ли об этом? Он придвинулся еще ближе к бойцам.

— Хотите, я начну первым?

— Давайте, товарищ юрист третьего ранга.

— Рассказы из жизни народного судьи?..

— Поближе сюда. Но только наблюдатели не сводят глаз с противника. Договорились?

— Ясно. Глазами туда, ушами сюда...

Якуб Бештоев стал рассказывать, почему он долгое время носил роговые очки, хотя зрение у него было хорошее. Да и очки те были с простыми стеклами. Начать же пришлось издалека...

Когда в Кабардино-Балкарии установилась Советская власть, Якуб был еще мальчиком. Ему казалось, что весь мир — это Чопракское ущелье, окруженное со всех сторон неприступными скалами, с горным лесом и удивительным водопадом. Якуб любил пригонять сюда коров и коз. Он пас тогда и своих и чужих. Нередко взбирался по тропам на крутые склоны гор, поросшие густым чинаровым лесом. Собирал валежник, нагружал ишака и отвозил дрова матери. Отец партизанил в горах, возвращался домой изредка, в туманные ночи. А однажды его привезли больным.

В тот же день в аул ворвались всадники, схватили отца и повесили на перекладине собственных ворот. Отец раскачивался на веревке три дня. Мать не вынесла горя и умерла. Якуба взял к себе дядя — Канагат Бештоев, у которого было трое своих мальчишек. «Ты будешь им старшим братом», — сказал Канагат.

Шли годы. Мальчики лишились родителей. Однажды люди сказали Якубу: «Поезжай в окроно и попроси заведующего, чтобы вернули в аул твоих братишек, которых отдали в детдом как детей-сирот. Они уже выросли и могут тоже пасти телят. Ты разве забыл, как их отец спас тебя от голодной смерти? Ты должен вернуть долг и взять на свое иждивение братишек — Коммунара и Ванцетти». Якуб нашел это справедливым. Он выбрал день и поехал в окружной центр, нашел заведующего отделом народного образования.

— Ты хочешь взять на свое иждивение детей, чтобы остались вне школы, как и ты сам? Тебя самого надо определить в детдом. Там тебя будут учить, одевать, кормить, — сказал Якубу заведующий.

— Я хочу воспитать моих братишек — Коммунара и Ванцетти, потому что их отец Канагат воспитал меня.

Вместо того чтобы похвалить мальчишку за добрые намерения, заведующий окроно дал распоряжение отправить Якуба в детдом. Возмущенный такой несправедливостью, Якуб не долго думая сбежал, и не просто сбежал, а на серой детдомовской лошади, на которой возили воду. Ускакал джигит, оставив детдом без воды.

Объявили уголовный розыск. Действия Якуба расценили как конокрадство. Вскоре напали на след Якуба, да и куда он мог уйти? Из детдома он отправился прямо на пастбище. Начальник милиции препроводил Якуба в Нальчик вместе с настоящими конокрадами. Якуб сознался, что действительно увел лошадь, и оказался в тюрьме, а потом и в лагере. На какой срок его посадили, он и сам не знал.

В лагере заключенные полюбили мальчика, а он отвечал им своей услужливостью.

Якуб получил прозвище «Юрок». Его голос звучал всюду. Мальчик смешно путал окончания слов и говорил с явным акцентом.

Лагерные работники немножко потакали ему, держали на кухне хлебрезом. Юрок не унывал.

Однажды какой-то дядя в роговых очках остановил Якуба и спросил: «За что сидишь?» Юрок ответил, как всегда: «За конокрадство» — и недоуменно посмотрел на незнакомца — обычно все смеются после его ответа, а этот нахмурился, попросил рассказать подробно. Якуб рассказал от начала до конца свою несложную, но непонятную ему самому историю. Человек слушал внимательно и делал заметки в записной книжке, а потом протянул мальчику что-то в блестящей обертке. Это был шоколад. Якуб никогда не видел шоколада и не знал, что с ним делать. Только в бараке ему сказали, что это такое. После этого всякий раз, когда Якуб встречал какого-нибудь человека в роговых очках, ему хотелось снова рассказать о себе. Он полагал, что и этот человек даст ему шоколадку. Но охотников послушать его больше не было. С тех пор Якуб проникся уважением ко всем, кто носит очки. Не прошло месяца со дня встречи с добрым человеком, угостившим его шоколадом, как Якуба освободили. Он вернулся в свое Чопракское ущелье.

— Где ты так долго пропадаешь? — спрашивали земляки у Якуба.

— В лагере.

— А-а!.. — разочарованно тянули аульцы, думая, что речь идет о пионерском лагере.

Вскоре мальчика взяли в школу-интернат. Потом он поступил в юридический институт. Это было не случайно. Якубу очень хотелось быть похожим на человека в роговых очках, который подарил ему шоколадку. Впоследствии он понял, что человек тот был прокурором, и решил во что бы то ни стало добиться такой же должности. Институт он закончил перед войной и долго еще оставался бы районным судьей, если бы не война...

Заканчивая рассказ, Якуб не упомянул, но некоторые в его ауле знали, что после института молодой народный судья первым делом купил очки в роговой оправе. Очки, правда, были с простыми стеклами, но Якубу важно было походить на того человека, который ему вернул свободу. Каждый раз, когда Якуб должен был выносить приговор, он надевал эти очки.

— Ну как — премия будет? — спросил Якуб, закончив рассказ.

— Первая. Из лучшей махры.

— Давайте, ребята, по шепотке с каждого.

— Да нет, не надо. Я некурящий. Не научился. Курить не научился, а вот общую черту людей узнал.

— Какую?

— Душу.

— Душа у всех советская, как учит наш комиссар.

— Советская, да не у всех...

— Какая же общая черта?

— Замечали в ауле: чем меньше горец ростом, тем больше у него папаха?..

— Воллаги, верно! — засмеялись бойцы. — Кабардинцы недаром говорят: у маленького вола мечта — иметь большие рога.

— Это про чеченцев и про ингушей сказано, — категорически заявил чеченец. — Чеченец половину жизни отдаст за хорошую шапку. Голова — дороже всего. Самое дорогое и красивое должно быть на голове.

— А другую половину за что он отдаст? За кинжал?

— Ей-богу, тоже верно.

— Самый большой кинжал кто носит? Ингуш.

— Это точно. Немцы скоро узнают, что такое чеченский и ингушский кинжалы. Недаром генерал Руфф

предупреждает своих солдат и офицеров, чтобы лучше обращались с горцами. Читали листовки?

— Читали.

— В этой степи один боец — всего один боец. — Якуб посмотрел вокруг. — А посади этого же бойца в тесном ущелье — он один остановит целую роту.

— Ей-бох, дай мне ручной пулемет, я готов один защищать Дарьяльское ущелье, — оживился чеченец.

— «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал».

— Ей-бох, точит. Против фашистов точит.

— А ты думаешь, кабардинцы, балкарцы не точат? Не знаю, дойдут или нет немцы до наших гор. Но если дойдут, секир-башка будет.

Бойцы, посланные в тыл за боеприпасами, вернулись пустые, но со страшной вестью. Немецкие танки прорвались на соседнем участке в тыл дивизии. Комдив приказал держать круговую оборону, не покидать своих мест без его приказа. На стыке двух частей немцы сосредоточили ударные силы, и несколькими танками удалось прорваться в глубину обороны конников. В бой с танками вступили плохо вооруженные тыловые подразделения. Пока перебрасывались с переднего края замаскированные на танкоопасных направлениях орудия, фашисты безнаказанно разгромили весь тыл.

До сих пор за разговором никто не обращал внимания на орудийные выстрелы, доносившиеся из глубины степи. Только теперь защитники кургана поняли, что это значит.

Якуб Бештоев собирался уходить с высоты, но куда теперь идти, если в тылах опасней, чем в окопах? Комдив приказал: командирам полков находиться на линии эскадронов, а командирам эскадронов — на линии взводов. Но такого приказа можно было и не отдавать. Все командиры, от мала до велика, и так находились на одной линии — на самом переднем крае.

ВЫСОТА

Апчара едва ли не первая узнавала о происходящем по обрывкам фраз, которые трудно закодировать. Она сразу поняла, что немцы перенесли удар и обрушились на соседнюю калмыцкую дивизию, обескровленную так

же, как и кабардино-балкарская. А чтобы мы не знали, куда в первую очередь посылать резервы, немцы демонстрировали наступление по всему фронту. От концентрированных налетов авиации и артогня погибли кони. Артиллерия, та, что была на конной тяге, оказалась неподвижной. На новые позиции орудия приходилось перекатывать вручную. Но даже и в такой обстановке немецким танкам, может быть, не удалось бы проникнуть в тыл. Их могли разбить и в глубине обороны, если бы на НП полка не оказался случайно генерал, командир корпуса. Незадолго до этого он попросил у командарма прислать батальон танков. Командарм обещал. Не прошло и часа после начала боя, как на горизонте показались танки. Наблюдатели доложили о танковой атаке противника. Артиллеристы приготовились бить прямой наводкой и ждали только команды. Но танки шли с фланга, то есть с той стороны, откуда должен был прийти обещанный командармом батальон. Поэтому комкор приказал не открывать огня.

— Это наши танки,— сказал он уверенно и отвернулся от них, дав понять, что разговор окончен.

У Локотоша был наметанный глаз. Он по силуэтам, по посадке башни и калибру орудия мог отличить свой танк от немецкого или французского и отважился возразить.

— Извините, товарищ генерал, это — немецкие танки. Надо открыть огонь.

Генерал не успел ответить. К нему обратился адъютант:

— Разрешите вашу машину увести в укрытие.

В генеральской «эмке» сидела жена командира корпуса — военврач.

— Незачем угощать машину. Это идут наши танки. Я их выпросил у командарма.

Спор не затянулся.

Немецкие танки с ходу налетели на артиллерийские позиции и раздавили орудия. Комкор хотел сесть в машину. Он успел только открыть дверцу, как пулеметная очередь прошла по нему.

Но людей, которые укрылись под скирдой соломы, в замаскированных щелях, танки не заметили. Они сделали на всякий случай по скирде несколько выстрелов и умчались дальше. Сидели под скирдой Апчара

и Локотош. Адамокова не было. Он где-то исправлял линию.

Когда грохот танков отдалился, Апчара высунулась из соломы, словно проклюнувшийся скорлупу цыпленок. Она подумала, что танки сейчас обрушатся на минометную батарею и раздавят Альбияна.

Локотош схватил Апчару за портупею и дернул назад.

— Очумела? Сиди!

Но танки уже ушли в сторону хутора. Остались от них только следы в пшенице, как покосы после комбайна, да еще на полевой дороге, которая вела раньше из мирного хутора на мирный ток, обломки машины, изпод которых текли, перемещиваясь, черное машинное масло и красная человеческая кровь.

Танков не было, но стрельба гудела вокруг, и нельзя было разобраться, кто, откуда, куда стреляет.

Локотош сел к телефону, чтобы выяснить обстановку. Апчара начала для него энергично тыкать штепсель то в одно гнездо, то в другое... Она кричала, надрываясь, потому что в грохоте разрывов не слышала собственного голоса. Пушки били из глубины обороны, из глубокого тыла, с переднего края, с флангов — отовсюду. Снаряды, урча, пролетали над головами. Свистели мины. Огонь разлился и охватил всю систему обороны дивизии.

Наши танки, которых дожидался комкор, все же появились в конце концов и встретились с немецкой колонной, идущей к хутору. Она только что проутюжила палатки нашего санэскадрона, набитые ранеными.

Громя тылы, немцы израсходовали снаряды (бояться им было некого) и, когда нарвались на наши танки, сами превратились в беспомощные мишени, их машины стали вспыхивать одна за другой.

Бомбардировщики носились над полем боя. Они словно глумились над землей и над людьми, зарывшимися в землю. Они уже не ходили замкнутым кругом, а летали каждый сам по себе, выискивая щели, окопы, огневые точки, отдельных бойцов... И сверху, должно быть, им не просто сквозь дым и пыль разглядеть цель. Потому они и обрушили очередной удар на свои же танки около хутора.

Над полем боя появился краснозвездный самолет,

похожий на бочоночек с крыльями,— истребитель, «ястребок». Он летел очень низко, удирая от двух «мессеров», висевших у него на хвосте. Все, кто из чего мог — из винтовок, пулеметов, противотанковых ружей, ударили по немецким самолетам, и один из них, к всеобщему ликованию, задымил и врезался в землю. «Ястребок» и второй «мессер» в это время улетели, скрылись из глаз, и неизвестно, чем там кончилось дело.

Вокруг Апчары по пшенице вжикали и свистели осколки, словно жаворопки выпархивали в небо из спелой пшеницы. Пальцы Апчары дрожали, и она не сразу падала штепселем в нужное гнездо.

Локотош непрерывно звонил, выяснял обстановку, отдавал приказания. В бой ввязывались новые и новые силы противника. Происходило то, что называется «перемалыванием сил». Щели, окопы, ячейки, ходы сообщения — всюду раненые, взывающие к помощи. Не всегда боец мог перевязать рану своему товарищу, потому что приходилось отбиваться отседающих гитлеровцев. Немецкие танки уже не раз переходили передний край, а бойцы не покидали своих мест. Локотош требовал: не удалось подбить танки — не беда, артиллеристы добьют, а стрелкам ни шагу назад, отсекайте пехоту, истребляйте ее. Альбиян это уже знал. По первому сигналу он бил по атакующим солдатам, а «катюши», как только противник оказывался в черте пристрелянных квадратов, сотрясали землю. Автоматчиков противника как сдувало с лица земли. Танки без пехоты не решались идти дальше, поворачивали, отстреливаясь, пятлись назад, чтобы, откатившись до исходных позиций, вести на смерть новые подразделения автоматчиков.

В телефоне прорвался вдруг к Локотошу голос комбата Болотокова, у которого три орудия замаскированы для стрельбы по танкам прямой наводкой, в упор.

— Идут семь танков. Пехоты за ними пока не видно. Но должен быть и «хвост», не могут танки идти без «хвоста».

— Хорошо. Действуй по своему усмотрению.

Локотош знает уже комбата Болотокова, его не надо инструктировать, опытный комбат. Каждому из своих орудий, чтобы не метались прицелом по полю боя и не распылялись, он устанавливает «цель-задание». Наводчик, зная свою цель, чувствует себя увереннее, подпускает

цель на верный выстрел, то есть почти вплотную. Тут дело будут решать секунды. Кто — кого. Если немец в этот миг обнаружит тебя, выстрелить уже не успеешь. Надо ударить, пока оружие не демаскировано.

А маскировка у Болотокова — камыш. Натыкал вокруг камыша, наставил камышовых снопов и циновок. Издалека ни дать ни взять — камышовые заросли. А где камыши, там болото, вода. Немецкие танки не решаются идти на камыш, норовят обойти его стороной. Тут и стреляют три пушечки комбата Болотокова. Хитер, бродяга!

Локотош связался с командиром дивизии и доложил ему о семи танках. Комдив ответил:

— Вижу сам. Посылаю на помощь четыре коробки. Больше нет.

Локотош высунулся из щели. Сквозь дым и пыль уже пробирались четыре «коробки»: три быстрые и уверенные тридцатьчетверки, а один танк какой-то маленький. С поднятым кверху орудием он показался Апчаре слоненком-озорником.

Немецкие танки можно было заметить скорее по вспышкам орудий. Еще издали они обрабатывали наш передний край, чтобы немецкой пехоте не пришлось снова бежать назад.

Локотош связался с курганом.

— Ну как высота? На высоте?

— На высоте! — прохрипел командир эскадрона и добавил несколько крепких слов. — Воды нет, «максим» задыхается...

— Да он у тебя паровоз, что ли? Был же запас воды.

— Был — весь вышел. Бой-то какой. Пулемет не стреляет, а плюется... Снова идут... Прошу...

— Пехоту, пехоту прижмите к земле чем-нибудь. О танках не беспокойтесь, с танками справимся. Артиллеристы их ждут...

— Ясно. Продержимся. Подкинь «папирос». Почти на исходе...

— В свой срок.

— Уже близко. Начинаю. Пехота — наша, танки — ваши.

— Давай, — Локотош закончил разговор с командиром третьего эскадрона, отвалился от трубки.

Маленький «озорной» танк пристроился сбоку к сго-

ревшему немецкому бронетранспортеру. Завязалась перестрелка между танками. Бой нарастает. Над головами со свистом проносятся мины. Какие свои, какие чужие — не разберешь. Удивительно Апчаре, почему она еще жива? Не заморожена ли она? Может быть, ее прикрывает молитва Хабибы. Вокруг ведь кромешный ад. Наступит ли когда-нибудь ему конец? Люди, кроме сухарей, ничего не ели, а от сухарей еще больше хочется пить. Воды ни капли.

«Озорной слоненок» загорелся.

Апчара не думала раньше, что танк может так гореть. Не деревянный же он! Черный дым вьется над ним, застилая пшеничное поле. Остальные танки идут дальше, как бы задавшись целью отплатить за «озорного» братца. Так и есть: черный хвост пустил теперь немецкий танк. Горит не хуже нашего. Апчара ликует, твердит про себя: давай еще! Ударь! Отомсти за братика! За всех... И наши словно слышат внутренний голос девушки — подожгли еще танк. Апчара совсем воспряла духом.

— Родные мои, бейте их... Милые, бейте!

Вдруг Локотош привскочил. Размахивая палкой, крикнул во весь голос:

— Назад! Назад!

Апчара увидела, что с высоты бегут ее защитники. Ни о чем не раздумывая и ничего не помня, Апчара выпорхнула из-под скирды и понеслась в сторону кургана, навстречу отступающим, не обращая внимания на снаряды и мины.

Локотош кричал надрываясь и матерясь.

— Куда? Стой, назад, негодная девчонка! Вернись, я тебе сказал!

У Апчары черные волосы растрепались на дымном ветру.

Локотош со злостью ударил палкой по земле.

— Ах ты, дура вольнонаемная!

Апчара не переносила этого слова и обиделась бы на капитана смертельно, но она бежала, ничего не слыша и не оглядываясь. Падала, вставала и снова бежала, исчезала в дыму, и снова ее волосы развевались, отлетая на целый шаг.

Никакого оружия у нее не было. Поэтому, повстречавшись с бегущими ей навстречу защитниками кургана,

она растопырила руки, словно хотела задержать разбегающихся со двора кур, а потом, бросившись к одному бойцу, закричала:

— Отдай мне автомат! Ты, трус, отдай! — Апчара силой старалась вырвать оружие из рук бойца. — Комсо-

мольцы! Мужчины! Есть среди вас мужчины? Если мужчин не стало, чтоб защищать женщин, есть женщины, чтоб защищать мужчин! Дайте мне автомат!.. Мужчины, за мной! Вперед! Будем защищать могилу Солтана. Трусы, бегите назад! Мужчины — вперед! Назад, трусы,

назад!— Апчара подбегала то к одному, то к другому. По ее щекам текли слезы.— Назад! Забыли приказ: стоять насмерть?! Я буду стоять насмерть! Дай мне винтовку, она тебе мешает бежать! Дай! Назад!

Оружия ей никто не давал.

— Кто трус? — первым остановился бронбойщик, несший на плече, как коромысло, противотанковое ружье.— Скорей, пока противник не занял наши окопы!..

Преодолевая страх, все побежали к высоте вместе с Апчарой. Только двое исчезли в пшенице, и в одном из них Апчара успела узнать Якуба Бештоева.

Еще полминуты, и защитники кургана лишились бы своих окопов. Но пока они бежали на свои места, не один из них упал и остался лежать на выгоревшей от термитных снарядов земле. Танки, за которыми враспыльную бежали немецкие серые автоматчики, были близко. Два из них ползли прямо на курган.

Оказывается, у защитников кургана совсем почти не осталось патронов, из-за чего они и побежали было с кургана.

— Стреляй! — кричали бронбойщику.— Стреляй!

— Чем стрелять? ...что ли? — Матерного слова Апчара не расслышала за гулом и скрежетом надвигающихся немецких чудовищ, которых ей еще не приходилось видеть так близко, а главное, ползущих прямо на нее.

— Бей их, милый, чем-нибудь...— Апчара уже не кричала, а визжала и плакала.

Но нечем было выстрелить в танки, и некому было командовать людьми. Командир эскадрона лежал в щели мертвый, придавленный землей. Никто не взял на себя в эту минуту смелость командовать остатками третьего эскадрона.

Апчара умоляла стрелять, и всем казалось, что визжит она бесконечно долго, как во сне, бесконечно долго, как во сне, подползают танки к высоте, а на самом деле все исчислялось секундами.

Безусый боец, совсем еще мальчишка, подобрал крупнокалиберный снаряд, обхватил его одной рукой и пополз навстречу танку. Он полз, намереваясь поставить снаряд под гусеницы, чтобы танк наехал на снаряд, надавил на боеголовку и подорвал сам себя. Когда до танка осталось несколько шагов, боец поднялся во весь

рост, успел поставить снаряд свечкой, успел и крикнуть:
— Стоять насмерть!

Но никакого взрыва не произошло. Танк сделал круг на месте, смешал бойца с землей и, громыхая и исторгая пламя, ринулся прямо на Апчару. Она увидела над собой брюхо танка, сверкающие гусеницы с пятнами крови и кусками мяса, прилипшими к ним, и прижалась ко дну щели. Земляные стены поползли, сверху придавило темнотой, и в следующее мгновение Апчара покатила по склону какой-то длинной горы, и снизу приближался и нарастал мощный шум Чопрака. Река взбухла, и надо было спасать телят. Кто-то кричал истощенным голосом: «Чернушку, Чернушку спасайте, Чернушка тонет!» Потом вдруг все исчезло. Не стало ни Чопрака, ни телят, а стало просто темно и тихо...

...Как только Адамоков появился, Локотош тотчас послал его на курган.

— Передай им мой приказ отступить к хутору, как только стемнеет. А тебе особый приказ: приведи сюда Апчару. Тоже мне, нашлась Жанна д'Арк!

Приказ передать было не трудно, а вот Апчары Адамоков нигде не нашел. Где она, никто толком не знал. Была здесь, а куда делась — неизвестно. Наверно, опять убежала в тыл. В горячке боя никто не видел, как она убежала. Но один бронбойщик с искривленным ружьем, по которому проехался танк, показал Адамокову на следы гусениц, заваливших щель, и Адамоков прямо руками начал разгребать завал. Остальные бросились ему помогать. Действовать лопатами в узкой щели было несподручно, все разгребали землю руками. За бруствер летели тяжелые, окаменевшие от жары комья земли. Наконец показалась нога Апчары. Бронбойщик хотел потянуть за нее, но Адамоков не позволил. На счастье, голова Апчары оказалась в пустом пространстве.

Девушку подняли наверх.

Адамоков приложился ухом к груди. Сердце билось...

— Клянусь аллахом, жива! — воскликнул бронбойщик. — Мы думали, ты отправилась к Солтану...

— Не говори глупостей.

Апчара глотнула воды.

— Где брат?.. Альбиян...

— Брат найдется, — обрадовался Адамоков. — Он в глубоком тылу. Его жизнь уже вне опасности...

Апчара не знала, что это значит. Как брат может оказаться где-то в глубоком тылу, когда батарея Альбияна совсем близко отсюда? Апчара еще не знала, что ее брат ранен, отправлен в санэскадрон, а оттуда в армейский госпиталь.

Тошнило. Кружилась голова, шумело в ушах.

— Пошли теперь,— улыбался счастливый Адамоков.— Жанна д'Арк — так называл тебя капитан. Ты вела бойцов сюда, а теперь мы поведем тебя.

Апчаре помогли встать на ноги, но стоять не было сил. Ее хотели взять на руки — не позволила.

— Не надо. Я сама...

Адамоков и бронебойщик повели девушку под руки. Бронебойщик не расставался со своим похожим на коромысло ружьем.

— Ничего. Буду стрелять из-за угла.

Сгущались сумерки. Наступила непривычная тишина. С разных сторон потянулись к хутору горстки уцелевших людей. Они тащили на себе пулеметы, разобранные минометы. Артиллеристы вели измученных лошадей. Четыре лошади с трудом тащили одно орудие.

Курган, названный именем Солтана Хуламбаева и стоявший такой крови, тонул во тьме. Как всегда, то там, то здесь в небо взлетали осветительные ракеты. Немцы все еще думали, что перед ними притаился противник. Они все еще боялись, как бы опять в их боевые порядки не затесались автоматчики.

Локотеш на всякий случай выставил боевое охранение вокруг хутора, куда стягивались остатки полка.

НА МОСТУ ЧЕРЕЗ САЛ

Хутор наполнялся людьми, повозками, лошадьми, артиллерийскими упряжками. Вокруг колодцев создавалась толчея. Жажда мучила не только животных, простоявших не одни сутки без воды и корма, но бойцы сначала поили лошадей. Казалось, лошади превратились в цистерны, которые наполнить водой невозможно. Они дрожали, били копытами от нетерпения, в ведро лезло сразу несколько морд, вода расплескивалась. В колодцах вода не успевала накапливаться. Ведра скребли о пустое дно. Люди за эти дни как бы разучились говорить гром-

ко, но, встречаясь, не могли удержаться восторга и удивления.

— Ты жив?! Вернулся из ада!

— Не побывав в аду, не оценишь рая.

— Вот мы в раю. Вода, тишина.

Люди наперебой рассказывали друг другу о погибших и раненых, о тех, кто чудом остался жив. Пошла гулять легенда об Апчаре, которая завернула бегущих бойцов назад и удержала высоту. Рассказывали, будто она из рук бойца вырвала автомат, а взамен швырнула ему юбку: «Вот твоя одежда, трус!» Добавляли, будто Апчара неслась в дыму и пыли на коне, и немцы, восхищенные ее бесстрашием, не стреляли в нее.

У колодцев говорили и о другом. Арестован человек, которого будут судить за то, что побежал с поля боя.

У школы толпились люди. Командиры подразделений волновались. Долго сидеть нельзя, а приказа об отступлении все нет. Немец узнает, что позиции оголены, — бросит вдогонку танки. Обстановку никто не знает. Где наши и где противник? Кто сосед справа и слева? Где занять оборону? Время идет, рождаются противоречивые слухи. Приехавший из штаба дивизии офицер не привез ничего, кроме непроверенных сведений о калмыцкой дивизии, которая, избегая окружения, повернула на юг, в то время как кабардино-балкарская должна отходить на северо-восток. Теперь в Кавкорпусе остались только дивизия и отдельный полк. И самая тяжелая весть: немцы достигли гор. Теперь не скоро поладишь домой, думал каждый.

Адамоков был один из немногих, кому не надо было заботиться о лошади. Его трофейный мотоцикл стоял наготове. В люльке уложены мотки кабеля, коммутатор, телефонные аппараты, инструменты. Оставлено место для Апчары. Они вдвоем уселись около мотоцикла. Адамоков раздобыл флягу воды. «Для Апчары», — сказал он, и ему налили полную флягу.

Напившись, люди почти мгновенно засыпали. Не успевали даже доесть свой сухой паек. С сухарем в руке, с недожеванным сухарем во рту, изнуренные бойцы валялись на землю, и для них не было уже ни недавнего боя, ни ночной тревожной степи, ни завтрашнего, может быть еще более тяжелого дня. Только за хутором боевое охранение не имело права на сон.

Лошади спали стоя. На горизонте вспыхивали светлячками немецкие ракеты. Значит, немцы еще не знают, что дивизия оставила оборону и отошла. Теперь самое время бы в темноте уйти на новый рубеж обороны. Никто и ничто, кроме темноты, не прикроет отступающих кавалеристов. Авиация немцев только и ждет, как бы настигнуть войска на марше и перемолотить, смешав со степной землей. Самое время теперь уйти бы. Но приказа нет, и бойцы спят, не дожидаясь своих сухарей, а ночь уходит с каждой драгоценной минутой.

Локотеш сам вскочил бы на мотоцикл и помчался бы в оперативный отдел дивизии. Но где их теперь найдешь? У кого спросить? Получится как с тем немецким офицером, который залутался и сам приехал к нам в плен.

Не спал и комиссар Доти Кошроков. Бродил по подразделениям меж спящих бойцов и, если находил неспящих, расспрашивал о делах, о боевых подвигах, совершенных в эти дни, выяснял потери, подбадривал. Данные о подвигах ему нужны были для политдонесений и для «молний». С этой же целью он искал Апчару. Уж ее-то подвиг украсил бы политдонесение комиссара Кошрокова.

Апчара в это время думала о своем брате. Сначала она не поверила, что Альбиян ранен и отправлен в тыл, но Адамоков рассказал все подробности, и пришлось поверить.

Оказывается, тот самый немецкий танк, который засыпал и заживо похоронил Апчару, прорвался и к минометчикам. У Альбияна не было никакого противотанкового оружия. Он приказал сделать связки гранат. Выяснилось, что гранат на батарее осталось всего три штуки. Связали их, и Альбиян взял связку себе. Остальным он приказал встретить огнем пехоту, если она появится вслед за танком. Надвигающееся чудовище «танцевало», избегая огня, виляло орудием, выбирая жертву, строчило из пулемета, а увидев минометные позиции, вздрогнуло, словно обрадовалось такой находке, выпрямило свой путь и готовилось прогромыхать над «самоварными трубами», торчащими из минометных окопчиков.

В ту же секунду Альбиян поднялся над бруствером со своей связкой. Он выбирал место в танке, куда бы бросить гранаты, выбрал правую гусеницу, успел раз-

махнуться и метнуть их. Раздался взрыв. Танк пошел на левой гусенице по кругу и, таким образом, на несколько секунд отвернулся от Альбияна. Лейтенант воспользовался этим, вскочил на танк и набросил плащ-палатку на его смотровые щели. Башня ворочалась под Альбияном вправо и влево, и он приготовил лимонку, которую по совету комиссара берег для себя. Сейчас откроется люк, и лимонка полетит в глубину танка, и в его стальных недрах произойдет взрыв...

Пулеметная очередь другого танка остановила схватку человека с танком. Альбиян сполз, сраженный двумя пулями. Минометчики оттащили своего командира, а потом сами стали забрасывать «ослепленный» танк всем чем могли. Полетели бутылки с горючей жидкостью, даже мины. Танк взорвался.

— Твой брат хотел оседлать танк.— Адамоков восхищался подвигом Альбияна, а кроме того, ему хотелось сказать приятное Апчаре, чтобы подбодрить ее.— И оседлал. Сразу видно — твой брат. Не ослепи он танк — худо было бы. Р-р-раз из всех стволов — нет минометчиков. Вот семейка! Брат достоин сестры.

— А-а. Вот где они.— Из темноты вышел Доти.— Ну, Жанна д'Арк, видела «молнию»? На, погляди. Не хватает твоего портрета.— Комиссар протянул Апчаре небольшой листок — серую тетрадную обложку.— Хочешь на память? Редактор дивизионки сказал: напечатает. Комсорг полка выпустил. Жаль, темно, не прочитаешь. Тут и стихи есть... Как ты сказала: если мужчин не стало, чтобы защищать женщин, то есть женщины, чтобы защищать мужчин?.. Молодец!

— Мужчины, вперед, трусы, назад!— добавил Адамоков.— Не придумаешь сразу. Так ты кричала?

— Я не помню!

Комиссар присел.

— Не сомневаюсь — быть нам гвардейской. Гвардии рядовая Апчара! Ничего звучит. А?

— Гвардии вольнонаемная, если так.

— Откуда ты взяла?

— Локотош так называет ее, когда рассердится...

— Никаких вольнонаемных. Мы уже представили тебя к награде как рядовую. Только обмундировать как следует не смогли. Обстановка позволит — сошьем армейскую форму, как в лучшем ателье. По фигуре,

складочки не будет. О брате не волнуйся. Он уже в армейском госпитале. Сам проверял. Чувствует себя сносно. Две пули навывлет: одна в правый бок, другая под ключицей прошла. Жив будет наверняка. В строй вернется...

Артиллеристов осталось раз-два и обчелся. Два орудия. Стояли насмерть. Два танка — цена их жизни. Дрались зло, со слезами негодования на глазах...

— Вы там были, товарищ комиссар?..

— Сражались вместе. Подносил снаряды. Больше не мог помочь им ничем.

— И остались целы? Поразительно! Неужели правду говорят?..

— Что?

— Что вы замороженный. Пуля не берет.

Комиссар засмеялся.

— А тебя? Тоже не берет! Смелого пуля боится, смелого штык не берет. А мы с тобой не из трусливого десятка.

— И Адамоков тоже. А что слышно там?— Апчара кивнула головой куда-то неопределенно, куда-то туда, в темную ночь, но комиссар понял. Наигранная веселость исчезла с лица.

— Ничего хорошего не слышно. По сводке Совинформбюро трудно судить. Сводки старые, до нас доходят поздно... Кругом неразбериха. Мы — небольшой участок и то разобраться не можем. А Москве надо разбираться во всех фронтах. Посидите, отдохните пока...

Уже рассветало, когда приехал долгожданный офицер связи с пакетом. Локотош разорвал конверт, как бы вымещая всю свою злобу на бумаге. Приказ комдива предельно краток: «под покровом темноты» двигаться к Маратовке и занять оборону на юго-западной окраине райцентра.

— Где же теперь возьмем ночную темноту? Проспали!— в сердцах сказал Локотош.— Поднять полк по тревоге!

Через полчаса вытянулась длинная цепочка верховых, повозок, пеших. Нестройную колонну замыкали грузовики и среди них — трофейный мотоцикл. Апчара удивилась, когда полк вышел на дорогу. Она не думала все же, что уцелело столько людей. Конечно, если сравнить, сколько было всадников в полку в тот день, на параде прощания, то сейчас...

В небе появилась «рама».

В колонне заволновались. Локотош приказал сосредоточиться и двигаться быстрее, чтобы успеть прийти к месту раньше, чем «фокке-вульф» вызовет авиацию. Полк рассыпался по степи. На дороге остались только повозки и машины. Все с тревогой следили за «воздухом». Маратовка уже рядом, в излучине реки Сал. Конники кое-где попытались перейти реку вброд, но река оказалась глубокой, с обрывистыми берегами. Перейти на ту сторону можно только по мосту.

Солнце уже припекало. Выгоревшая степь дышала жаром. Последние дни июля выдались особенно знойными. Лишь над рекой можно было заметить узкие полоски зелени. В степи трава давно превратилась в порошок, злой, как махорка.

Вдруг впереди что-то застопорилось. Колонна, растянувшаяся в пути, постепенно стала сжиматься, как мехи гармошки. Головные остановились, а задние продолжали нажимать на передних. Локотош бросился вперед. Причина задержки оказалась неожиданной. На мосту через Сал застрял танк. Пробовали взять его на буксир — получилось еще хуже. Танк сгреб настил и провалился одним боком. Танкисты и кавалеристы чертыхались и матерились самыми последними словами, но это не помогло.

Командиры суетились, кричали, шумели, а войско между тем скапливалось у моста, как текучая вода у внезапной преграды. Каждую минуту надо было ждать вражеской авиации, и тогда началась бы у реки Сал настоящая мясорубка. Локотош, не дожидаясь, пока танк стащат с моста, приказал конным и пешим переходить реку вброд кто как может и быстрее занимать оборону. Сам он первым бросился в реку с обрывистого берега, чтобы увлечь за собой других, но пример получился неудачным. Во время прыжка Локотош вылетел из седла и оказался под лошадью. Лошадь стала барахтаться в воде и ногой ударила капитана в бок. Хорошо, что была не кована. Локотош, наглотавшись воды, выплыл на поверхность, и оказавшиеся рядом бойцы подхватили своего командира полка.

Апчара сидела одна в мотоцикле, потому что Адамоков пошел на мост. Доти Кошроков увидел ее.

— Ты чего здесь? Иди перебирайся на ту сторону. Пешие все перебираются. Адамоков потом догонит, когда освободят мост.

Пешим действительно оказалось проще всех. Они пробирались по мосту мимо танка, некоторые даже через него и на другом берегу уходили все дальше от опасного места. Апчара поступила точно так же.

Между тем конники метались перед мостом. Лошади не хотели прыгать с обрыва в воду, их толкали сзади, они падали вниз головой, потом, барахтаясь, выплывали, с трудом выбиралась на противоположный берег. Некоторые лошади не всплывали.

Локотош, бледный и мокрый, торопил, торопил оставшихся на берегу. Вспененная вода в реке пахла конским потом.

Комиссар предложил сбросить танк в реку, но майор-танкист набросился на него:

— Сбросить в реку боевую технику, чтобы освободить дорогу повозкам?! На повозках против немецких танков поедешь?

— А если он мешает нам занять рубеж обороны? Это надо не только мне! Вам и самим пора быть где положено...

— Пора, так иди. Нашелся лихач. Боевую технику в реку! Видать, все разбросал, на повозку пересел...

— А ты смотри, как бы не пересел на скамью подсудимых...

Танкисты на буксире потащили злополучный танк. Стальная машина гусеницами сгребла с моста весь настил. Танк повис на стальных тросах, орудие уткнулось в воду.

В конце концов произошло то, чего боялся Локотош. Немцы обнаружили опустевшие окопы и по свежим следам двинули свои танки. Они шли двумя колоннами на райцентр, чтобы не дать полку закрепиться на новом рубеже и первыми ворваться в Маратовку. Это им удалось.

Все те, кто успел пройти по мосту пешком, и все те, кто перебрался через реку вплавь, не достигли еще окраины райцентра, как увидели, что с другой стороны к райцентру широким фронтом через перезревшую пшеницу идут немецкие танки. Они пока не стреляли, потому что конники не вышли еще на рубеж обороны и не

обнаружили себя. Но получалось, что колонна наших войск движется навстречу стремительным вражеским танкам.

Локотош приказал рассыпаться по домам и огородам станицы, чтобы хоть как-нибудь встретить немцев и сдержать их, хоть на сколько-нибудь минут, и крикнул Апчаре:

— Беги к мосту, скажи им: танки! Пусть поддерживают нас огнем. Мы будем биться. Потом сядешь на мотоцикл. Там Доти Кошроков. Будь рядом с ним.

Локотош не потому послал Апчару к мосту, что не нашел другого связного, а потому, что у моста сейчас оказалось безопаснее. Там все-таки пушки, а здесь ничего нет, кроме гранат, и можно было предугадать, чем и как закончится этот бой.

Апчара понеслась к мосту, в то время как люди начали разбегаться по станице. Прежде чем спрятаться самим, надо было прятать еще лошадей. Конники за-таскивали их в сарай и даже в дома. Немцы, как видно, не заметили еще движения на улицах станицы, но на всякий случай открыли по ней огонь. Лошади, хорошо уже знавшие, что такое артналет, начали метаться и шарахаться. От станицы к реке потянулись машины и повозки чьих-то тылов, оказавшихся с вечера в райцентре, и около моста началась настоящая неразбериха. Тут-то и послышался гул немецких бомбардировщиков.

Комиссар приказывал рассредоточиться, но его команды никто не слышал. А может быть, никому не хотелось уезжать от моста в степь на два или на три километра. Доти вскочил на трофейный мотоцикл и сказал Адамокову:

— Заводи, шуруй по этому базару.

— Есть заводить.

Они ездили на мотоцикле, пронизывая «пробку» в разных направлениях, лавируя между повозками и машинами, и Доти, стоя в люльке, кричал:

— Рассредоточиться в радиусе трех километров! Рассредоточиться в радиусе трех километров!

Апчара не сводила глаз с приближающихся бомбардировщиков. Повозки, машины, танки, орудия — все сразу пришло в движение, все бросилось врассыпную.

Не надо было теперь ездить на мотоцикле и каждому кричать на ухо.

Адамоков считал, что пора подумать и о своем спасении, но Доти действовал иначе. Он приказал Адамокову переждать где-нибудь бомбежку, а сам побежал к мосту. Танк, из-за которого полк оказался расчлененным, наконец-то сбросили в реку. Из воды торчало орудие.

Первые бомбовые удары уже сотрясли воздух, когда Доти повел людей в райцентр и приказал разобрать бревенчатый дом. Бойцы действовали быстро, энергично. Сам комиссар залез наверх и начал разрушать крышу, сам же он потащил первое бревно к реке. За какой-то час можно было бы починить мост, и тогда танки пошли бы на помощь Локотошу. Но немцы увидели людей, суетившихся на мосту. Посыпались бомбы, и все полетело в реку. Под левую лопатку Доти впился горячий осколок, но он не остановился, а взялся разбирать следующий дом.

Мост кое-как навели. К этому времени немцам удалось разбить два танка. По полю носились взбесившиеся лошади, волоча за собой полуразбитые повозки. Загорелись машины со снарядами, люди разбегались от них в разные стороны.

В грохоте бомб и снарядов, выстрелов из орудий слышится ржание лошадей, отчаянные вопли раненых, зовущих на помощь. Алчара ловит эти крики, вскакивает, бежит на помощь. Сидит боец. Смотрит обезумевшими глазами на исковерканную осколком ногу. Алчара успокаивает, хочет перевязать ему ногу.

— Не надо! Убей! — вопит раненый. — Убей меня! Убей, сестра!..

Алчара только дотрагивается до ноги, а раненый теряет сознание, падает навзничь. Чем помочь ему? Да ничем. Нужна немедленная операция.

Алчара ползет дальше. В луже крови лежит огромный мужчина. На лбу испарина. Старшина, заросший бородой. Рядом повозка, лошади убиты, одна еще дышит. Раненый корчится на левом боку. Увидев девушку, взмолился:

— Не трогай меня, девушка. Умоляю, не трогай! Только помоги мне лечь на подводу.

— Я не трону. Дай посмотреть твою рану.

— Нет, нет! Дай мне глоток воды и положи на подводу...

Апчара приподняла гимнастерку, обильно пропитанную кровью. Рана большая. Ниже правой лопатки в тело впился осколок величиной с пятак. Сочится кровь. Апчара мигом выхватила осколок, как выхватывают из огня горячий уголь. Раненый вскрикнул.

— Вот и все. Бери на память.— Апчара протянула красный от крови осколок раненому.— Теперь перевяжу — и на повозку...

По мосту пошли танки. Два, поближе, так и остались торчать недалеко от моста. Немцы отбомбились. Едва они повернули на запад, показался комиссар. Он искал Адамокова и Апчару. Нашел мотоцикл, но Адамоков убит. На мотоцикле Доти объехал поле, усеянное догорающими машинами, повозками, убитыми лошадьми. Он призвал всех живых и уцелевших двигаться дальше.

За рекой на улицах казачьей станицы кипел бой, горели дома. Тянулись вереницы беженцев.

Немецкие танки торопились «по горячим следам». Они мчались без артиллерийского прикрытия и сопровождения пехоты. Они рассчитывали на внезапность и быстроту, к тому же танкисты видели издали, как авиация «домолачивает» колонну, застигнутую на марше. Они летели с открытыми люками, навстречу легкой победе. Наконец-то им удастся опрокинуть в реку полудиких кавказцев. Для них не было сомнения, что главные силы уже за рекой, где авиация непрерывно «клюет» добычу...

Локотош успел поставить задачу подразделениям, определить, кому какой дом или огород занять, указал на кирпичный домик с подвалом, где будет находиться он сам. Предупредил:

— Гранаты только для танков. Других средств у нас нет. Артиллерия за рекой. Танки там же. Залезайте на крыши, чердаки, чтобы верней ударить по кумполу. Ружейно-пулеметный огонь берегите для пехоты. За танками сразу или позже пойдут автоматчики. В Маратовке мы устроим для немцев ад. Пусть попляшут. Их защищает броня, нас защищают родные стены. Не бойтесь танков. Вспомните командира батареи. Оседлал же он танк. Ничего! Жив остался. Танк слеп. Тем более на узких улицах.

— Эх, будь неладен тот танк. Залег на мосту — ни туда ни сюда.

— Ничего. «Карманная» артиллерия есть. Стены домов нам защита. Держитесь.

Локотош тут же послал связных к соседям, которые успели занять оборону, чтобы наладить взаимодействие, установить контакт, а главное — предупредить их, что у Локотоша, кроме «карманной», никакой артиллерии нет.

Немецкие танки словно знали, где слабое место, и шли прямо на Локотоша. Громыхая и лязгая гусеницами, они неслись к станице, стараясь спрятаться за домами, потому что соседи Локотоша начинали уже постреливать, прикрывая огнем его участок. С чердаков окраинных домиков полетели в танки первые связки гранат. Танки таранили и разворачивали глинобитные домики, поднимая облака пыли. Один из них загорелся.

— С хромой волчицы и щенков шкуру спустит. Добивай его, добивай! — кричал Локотош, хотя голоса его никто не мог услышать.

Немцы открыли люк. Голова показалась и снова провалилась в глубину танка, потому что по танку брызнула пулеметная очередь.

Вслед за танками показались и автоматчики.

— Подпустить ближе, — командовал Локотош. — Стрелять в упор, торопиться некуда.

Но тут произошло неожиданное не только для немцев, но и для Локотоша. По наведенному кое-как мосту пошли наконец уцелевшие от авиации танки, полковая артиллерия, минометы. С остатками войска шел раненый комиссар Доти Кошроков. Локотош воспрянул духом.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

О, если бы все это было сном, от которого просыпаться! Апчаре снились иногда тяжелые сны. Сделается трудно дышать, навалится скала, придавит острым углом, ни вздохнуть, ни пошевелиться. А то еще часто во сне ее преследовала отвратительная старуха. Хочешь убежать от нее — не бежится, и вот уж старуха протягивает свои костлявые руки, хватает Апчару за одежду и за волосы, Апчара кричит и просыпается от собственного крика.

А в домике тихо. Посапывают доярки, ее подруги. С вечера их никак не уложишь спать, а утром никак не добудишься. Спят они на узких койках по двое. Обнялись поневоле, как с любимыми. В окне виднеются снежные горы. Их вершины вспыхивают розовым цветом. И это первая весточка утра, нового дня. В хлевах мычат коровы. Они лучше доярок знают, что пора просыпаться и начинать день. Со своим мычанием они не опаздывают ни на минуту. Требуют, чтобы допустили к ним телят. Телята неуклюжие, суетливые, смешные, но в суете ни один не спутает свою матку с чужой коровой. По запаху молока, наверно, узнает.

Доярки начинают шевелиться во сне, и оказывается, нет никакой ужасной старухи, потому что это был только сон.

А от этого кошмарного сна нельзя проснуться. Вчера погиб добрый Адамоков, мастер на все руки. Все время он говорил Апчаре: «Больше всего боюсь оказаться без вести пропавшим. А ведь на поле боя всегда один. Ищу, где кабель порвался, кто меня видит, кому я нужен? Ушел — не вернулся. Вместо похоронки мать получит извещение: «Ваш сын пропал без вести». А меня, может, даже похоронить забудут. Но ты, Апчара, запомни: связист не может пропасть без вести.— И шутливо добавлял:— Он сам весь из вестей состоит...»

Вчера он хотел наладить связь между двумя берегами, протянуть провод к Локотосу, засевшему в станице. Но и десяти шагов не сделал от своего мотоцикла, как бомбовый осколок разворотил ему половину груди... Апчара сама похоронила его. Перешла еще раз через мост, нарвала цветов в палисаднике, положила на свежую могилу.

Проснуться нельзя, и продолжается страшный сон. Солнце медленно тянется к горизонту. «Да садись ты скорее! — хочется крикнуть Апчаре.— Закатывайся, пока снова не налетели немцы».

Но бой в станице уже затих. Отовсюду выползают люди, повозки. Бродят по полю, ищут своих. Конники выстрелами из пистолетов добивают еще живых лошадей, барахтающихся в крови. Кони умные. Добивают одну лошадь, другая прячет голову, сует ее под хвост мертвой, лежащей рядом. Из выпуклых воспаленных глаз текут чистые слезы. Бедный Бекан! Ему поручено

сберечь элиту кабардинской лошади, а сколько здесь погибает этой элиты!

Апчара присела у мотоцикла. С заходом солнца даже в станице из подвалов вылезли жители, появились дети. Бойцы из уст в уста передают приказание Локотоша: приготовиться к маршу. Отходим дальше.

От Локотоша пришел боец. Капитан так и сказал ему: найти Апчару живую или мертвую и ждать его. Боец был рад, когда увидел Апчару, не потому, что выполнил приказ командира, а потому, что смертельно устал и двигаться дальше не мог. Присел у мотоцикла и тут же заснул, повалясь на бок. Он спал в такой неудобной позе, что Апчара хотела ему помочь, да не знала, надо ли тревожить.

Из Маратовки потянулась жидкая колонна остатков полка. Все пешие. Всадника ни одного. В колонне одно-единственное орудие и два миномета — вся артиллерия...

Апчара сразу узнала Локотоша по его палке. Он по-прежнему хромал. Даже, кажется, больше прежнего. Падение в реку не прошло даром.

Конечно, в реку падали и потомственные джигиты, но Локотош ведь только волею случая попал в кавалерию. Ему бы танк, тогда он чувствовал бы себя по-настоящему «на коне».

Апчара поняла, зачем капитан ищет ее, «живую или мертвую». Ему необходим мотоцикл, потому что теперь он не сядет с больной ногой на коня. Да и коней уже нет. Вошли в райцентр на лошадях, а вышли оттуда пешими...

На единственной повозке, из которой торчал ствол миномета, лежал комиссар. К осколку, влившемуся ему под левую лопатку, добавилось пулевое ранение в грудь. Пуля пробила легкие и вырвала бок. С трудом удалось остановить кровь. Комиссар временами терял сознание.

Рядом с этой-то повозкой и шел, опираясь на палку, капитан.

Апчара побежала навстречу Локотошу.

— Ты жива, Чарочка-Апчарочка! Вот спасибо! — На его лице сквозь страдание и боль появилась улыбка. — А то видишь, мы...

Апчара не поняла, за что ей «спасибо». Разве она выбирала себе судьбу?!

— Доти! Убит?

— Тяжелый... Надо бы срочно в госпиталь...

Доти страдал. Лицо покрылось капельками пота. Подбородок вытянулся. В щетине на ввалившихся щеках запеклась кровь, смешанная с глиной и паклей. Гимнастерка превратилась в клочья. На ране вместо бинта разорванная нижняя рубашка. Поверх лоскутов ремень, обыкновенный, брючный.

— Адамоков...— Апчара всхлипнула.

— Убит?.. Это худо... Очень. Ах, как не повезло... На него была вся надежда. Он отвез бы комиссара в санэскадрон. Без врачей Доти не протянет и трех часов... Хорошо если кто-нибудь из уцелевших умеет водить мотоцикл.

Локотош опросил уцелевших бойцов. Не нашлось ни одного мотоциклиста. Отправить комиссара на повозке? Когда доедет? До санэскадрона наберется километров двенадцать.

Локотош собрал командиров. По карте объяснил, куда двигаться. Взобрался на повозку и с высоты показал рукой на полевою дорогу, уходящую во мглу.

— Идти прямо. Никаких привалов, пока не соединимся со штабом дивизии. За ночь мы должны оторваться от противника, чтобы собрать рассеянные подразделения и привести их в порядок. Мы с Апчарой на мотоцикле отвезем комиссара. Постараюсь встретить вас на дороге минут через сорок. Не более. Иначе ничего не получается. Нельзя нам комиссара терять. Он дорог не только мне...

— Ясно, товарищ капитан.

— За сорок минут ничего не случится.

— Немец тоже не дурак мало-мало дрыхнуть...

Апчара кое-как, чуть ли не верхом уселась в люльку мотоцикла, в которую с большим трудом уложили комиссара. Доти стонал, вскрикивал, что-то бормотал в бреду. Лицо его оставалось странно спокойным, словно он приготовился к атаке.

Мотоцикл долго не заводился. Каждый толчок на педаль причинял раненому боль и страдания. Приходя в сознание и снова теряя его, он бормотал полусвязные слова:

— Ноша... Давит на плечи... Задаток. Донесу... Оставьте меня... Степь... Ноша на спине... Тихо... Хорошо... Не надо никуда. Донесу...

Никто не понимал, что за ноша у комиссара на спине и куда он ее несет. Апчара платком вытирала пот со лба комиссара, старалась остановить струйку крови, сочившуюся из-под повязки.

— Тяжело тебе, комиссар. Потерпи, дорогой, потерпи...

Доти не слышал слов Апчары и продолжал говорить о своем:

— Приказ... Устояли. Мы стоим. Подкова сломалась. Сломалась подкова счастья. Железо ломается, а мы стоим. Спасибо, друзья. Назад ни шагу. Бить. Убивать! Огонь! Назад! Апчара? Кто? Это ты, Апчара? Ты здесь? Дай мне руку, Апчара... Расскажи... Передай... Узиза... Я не струсил... Скажи...

Прибежал боец.

— От танкистов уходит машина с ранеными. В госпиталь!

Локотош сам настроился везти комиссара, но раненому удобнее в машине, да и верней. В кузове свеженакошенная пшеница. Мягко. Среди раненых оказался и тот майор-танкист, с которым утром ругался Доти.

— Не поругаются? — не утерпел капитан, когда Кошрокова положили рядом с майором.

Грузовая машина скрылась во мгле. Пошли и остатки полка. Мотоцикл погрузили в повозку. Локотош с Апчарой пошли пешком вместе с колонной. За ночь прошли километров тридцать. Хорошо, что комиссара отправили в госпиталь. Если бы Локотош сам повез его на мотоцикле, ничего бы из этого не получилось. Тылов дивизии не оказалось там, где они должны были быть. В полночь колонна вошла в хутор Солёный, но он был пуст. Локотош посмотрел на карту. Следующий населенный пункт — совхоз: несколько десятков домиков. До него километров пятнадцать, а может быть, и все двадцать.

Шли молча, только Локотош временами поторапливал колонну. Теперь и Апчара поняла, что значит оторваться от противника.

Ноги сами шагали и шагали, а в голове шла своя жизнь. Апчара с грустью вспоминала, как разучивали

на ферме кулачный бой. «Левая, ударь, правая, ударь», смешно и хочется плакать. А как теперь там? Неужели немцы дошли до Чопракского ущелья? Тогда что стало с мамой, с Ириной, с Даночкой? Чока эвакуируется. Бекан угонит своих лошадей. Успели или нет скот спустить с гор? Кулов все время говорил о плане эвакуации, будто бы составленном заранее. Апчара хорошо помнит все эти заседания. Божс, божс, неужели немцы дошли до Кавказа? Ведь, если подумать, заседали совсем недавно. Словно только вчера прощалась с матерью. Хабиба и слышать не хотела об эвакуации. «Куда я пойду, безъязыкая? Кому нужна?» Но главная причина не в языке. Хабиба ни за что не бросит могилу отца. В ауле найдутся люди, которые, чтобы выслужиться перед немцами, захотят надругаться над могилой партийного человека, да и свести личные счеты. Но Хабиба этого не позволит. А что она сможет сделать? Придут немцы, доберутся и до нее. «Большевистская наседка». Смертью ее не запугаешь. «Смерть мужества не отнимет» — это ее поговорка. Еще в тот день, когда хоронили отца, она просила, чтобы оставили ей место рядом с его могилой. Теперь она постучится в стенку, и муж откликнется:

«Ты уже здесь, Хабиба?»

«Догнала тебя. А ты думал, не догоню?»

За своими мыслями Апчара не заметила, как рассветало в степи. Никаких селений вокруг не предвиделось. Локотош с тревогой поглядывал на порозовевшее небо. Оно пока было чистым. И правда, «оторвались».

Локотош раскрывал планшетку, глядел по карте, правильно ли ведет полк. Люди едва тащились, но капитан боялся остановить их и предоставить хоть пятиминутный привал. Лягут — и не поднимешь.

— Подтянись! — скомандовал капитан, и его команда перебегала из головы колонны в хвост: «Подтянись!», иногда слышалось, как боец ободрял другого бойца:

— Ну, что размяк! За хромым капитаном не поспеваешь.

Судя по карте, вошли в пределы Калмыкии. И точно, когда в стороне от дороги показался колхозный ток, солдаты увидели, что на току работают калмычки.

Колхозницы работали полуголыми, в одних только трусах. Усталые бойцы оживились. Горцам, привыкшим к тому, чтобы женщины закрывались как можно больше, такая картина была в диковинку. Шутили, острили плоско и грубо, но все же с нотками одобрения.

— Во работают! Во дают! На совесть. Хлеб — фронту. Только кому достанется.

— Хлеб — ладно. Сами не достались бы кому зря.

— А они голенькие...

— Прекратить шутки! — командовал Локотош и пояснял больше для Апчары: — А кого им стесняться в степи? Ни одного мужчины. Надо бы подойти расспросить дорогу.

Женщины на току нисколько не смутились, когда к ним подошел боец, посланный капитаном. Боец смущался гораздо больше калмычек и старался не глядеть на них, пока ему объясняли дорогу в совхоз.

Встреча с калмычками встряхнула и оживила бойцов. Колонна пошла живее. Успокоился и Локотош. Раз колхозницы так мирно работают на току, значит, немцы сюда еще не дошли. А вскоре из-за пшеничного моря вынырнул небольшой поселок.

Оказывается, и штаб дивизии и остатки других частей уже расположились в поселке. Не хватало только полка капитана Локотоша. Комдив был рад, что и этот полк догнал их. На радостях дал на отдых целых шесть часов. Но все равно не все сразу легли отдыхать. Печальным рассказам и горестным расспросам не было конца. Сколько осталось живых — никто еще не знал. Кавалерия без лошадей. Хорошо, что удалось захватить несколько трофейных грузовиков. Без них не очень-то «оторвешься» от противника. Была захвачена исправная походная кухня. Теперь в ней варились щи с бараниной. После щей все заснули.

...Апчара с трудом разомкнула глаза и увидела, что остатки дивизии построены. Она готова была проспать трое суток, не проснулась ни разу, хотя вокруг гудели машины, шумели люди. Должно быть, кто-то все-таки ее разбудил. Увидев общее построение, Апчара подумала, что хотят пересчитать, сколько осталось в строю. Поправляя волосы, она пошла к минометчикам, стоявшим на левом фланге. Она тянулась к ним душой, потому что с ними воевал любимый брат Альбиян. Если бы

ей сказали: «Где хочешь служить?», Апчара без раздумья сказала бы: «В минометной батарее».

— Приказ Сталина будут читать, — высказал кто-то предположение.

— Читали же в окопах.

— Читали! Ни шагу назад. А ты сколько за ночь отмахал?

— А ты как оказался рядом со мной?

Перед квадратным домиком, крытым шифером, в две шеренги стояла дивизия. Сейчас пересчитают всех, и опять в дорогу. Она стала в первую шеренгу, чтоб обязательно сосчитали и ее.

Разговоры в строю прекратились. Из квадратного домика вышел полковник, командиры, политрабработники. Увидев их, Локотош зычно скомандовал: «Смирно! — и доложил: — Товарищ полковник, дивизия по вашему приказанию построена!»

Полковник сделал несколько шагов вперед. Он был напряжен, мрачен и суров. Апчара никогда еще не видела его таким. Он волновался и никак не мог начать речь, не мог поднять голову, чтобы посмотреть в усталые, измученные боями лица солдат и командиров. Обеими руками комдив тянул вниз ремни портупеи, будто хотел вытянуть из себя ту мысль, которая не давалась ему.

— Чувство исполненного долга... перед Родиной... перед ликом гор... перед народом — самое чистое, благородное, возвышенное чувство. Тогда только ты можешь глядеть родным и близким в глаза, когда ты исполнил свой воинский долг, не запятнал лицо своего народа трусостью, малодушием, когда ты не прятался в бою, чтобы спасти свою душонку. Я старый человек, воюю вторую войну. В гражданскую войну я командовал взводом, в эту — мне доверили дивизию. Кабардинцы и балкарцы доверили мне своих сыновей с надеждой... — Голос комдива дрогнул. Полковник глядел под ноги. — С надеждой, что я если не всех, то многих приведу назад, к их невестам, женам, матерям и отцам. Их надежда не сбудется! Предстоит еще немало дорог. Наши потери невосполнимы. Мы должны смотреть правде в глаза. Мы будем терять еще своих друзей. Но мы полны решимости. Будем воевать до последнего бойца. Не мы, так другие увидят свет победы, не ваши родные

и близкие, но родные и близкие других воинов дождутся своих...

Нам не повезло. Мы столкнулись с бронированным кулаком противника. Кавалерия против танков. Нам увертываться от удара не пристало. Мы приняли этот удар. И выстояли! Да, выстояли. Нанесли врагу урон... С чистой совестью мы можем сказать: мы стояли насмерть! Доказали своим примером: враг не так силен, как о нем думают. Мы сильнее духом, если он сильнее оружием. Против мощи духа оружия нет! Против любой брони есть оружие. Единственное, что подрывает дух воина,— это трусость. Она, как ржа, разъедает его. Поэтому трусости пощады нет...

Полковник сделал паузу, оглянулся назад и отрезал: — Зачитать приговор!

Локотош заметил, как дрожат руки у полковника. Капитан знал своего комдива, бывшего офицера царской армии. Полковник никогда не ругался. Когда же ему хотелось выругаться, он вызывал своего адъютанта и говорил: «напомни-ка ему родную матушку». Теперь Локотош не мог понять, что значит «зачитать приговор». Адъютант стоит рядом и молчит. Но теряться в догадках пришлось недолго.

Из подвала вывели человека, без ремня и головного убора, в рваной гимнастерке, стоптанных ботинках и линялых, выпачканных в глине обмотках. Двое бойцов с саблями наголо охраняли арестованного. Около них очутился Якуб Бештоев с листом бумаги в руке. Он был суетлив, словно торопился замести следы. Арестованный же держался спокойно. Сквозь черную щетину бороды проглядывала виноватая улыбка.

Апчара стояла далеко от всего происходящего, но все же она узнала и вспомнила, как двое бросились бежать с высоты в пшеницу, и один из них был этот боец, а другой — Апчара могла бы поклясться — был не кто иной, как Якуб Бештоев.

Теперь Якуб Бештоев со знанием дела и с выражением читал приговор. Долго перечислялись все анкетные данные осужденного. Сама же вина была изложена кратко: «Струсил и бежал с поля боя без приказа командира... тем самым оказался презренным трусом, предателем Родины... изменил воинской присяге... заслуживает суровой кары...»

Осужденный был задержан и передан комендантскому взводу. Попался он в дни, когда пришел приказ, предлагавший беспощадно карать трусов, самовольно покидающих поле боя. Якуб Бештоев настойчиво предлагал прокурору расстрелять кого-нибудь перед строем для острастки других.

Но задержанный бежал из-под стражи на передний край, к защитникам «Солтана», чтобы там искупить свою вину и доказать, что он не трус (это смягчило вину подсудимого). По его следам пошел Бештоев, нашел его не сразу, а уже во время боя, в самый тяжелый момент, когда немецкие танки лезли на курган. Тут Якуб, уже потерявший надежду обнаружить беглеца, и наткнулся на него. Они знали друг друга. Беглец кинулся в пшеницу, Якуб помчался за ним.

Сначала Бештоев, преследуя беглеца, и сам спасался бегством, поэтому не кричал, не грозил оружием, пока они оба не оказались вдалеке от переднего края. Там боец остановился и сам подошел к Бештоеву.

Тогда Бештоев выхватил пистолет:

— Ни с места, сволочь!

Бештоев препроводил арестованного в комендантский взвод и доложил о выполнении поручения. Суд заседал долго. Бештоеву не удалось настоять на своем.

Зачитали приговор.

Наступила тишина. Апчара не все поняла, и ей хотелось узнать, что ждет этого человека, которому предъявили тяжкое обвинение. Может быть, его отправят домой, раз он по своей трусости не может воевать. Апчара с молодежной фермы в Долине белых ягнят однажды отправила домой девушку из-за того, что она боялась коров и в доярки не годилась. Ничего, все обошлось.

— Куда теперь его? — спросила Апчара Локотоша, оказавшегося рядом.

— В штрафную роту, — был ответ.

Апчара не знала, что значит штрафная рота, но промолчала.

ПРОЩАЙ, ДИВИЗИЯ

Все были готовы и дальше «отрываться» от противника, но не было приказа, без которого никто не посмел бы тронуться с места. Темнело. Локотош беспокоился,

как бы опять не простоять здесь ночь, не потерять драгоценных темных часов, когда нет опасности с неба, от самолетов. Впрочем, сам он не успел еще подготовить свой мотоцикл. Все время помнил, что надо заняться мотоциклом, что придется ехать на нем, что ни о какой лошади не может быть речи, а о пешем передвижении тем более (совсем разболелась нога), но руки до мотоцикла не доходили.

— Капитан Локотош! К комдиву!

Командиры и бойцы оживились. Значит, скоро в дорогу.

Около квадратного домика толпились штабники и хозяйственники. Всех интересовала сводка Совинформбюро, которую получил комдив. Не захватили ли немцы Нальчик?

В домике сидели уже с коптилкой, сделанной из снарядной гильзы. Собрались вокруг коптилки, наклонились над картой. Головами упирались друг в друга.

Комдив красным карандашом рисовал на карте условные знаки, уточнял обстановку согласно только что полученной из штаба армии оперсводке. Он заметил Локотоша и вскинул голову:

— А-а, капитан. Прошу ознакомиться с обстановкой. Ты ведь в топографии собаку съел. На, читай...

Локотош протиснулся к столу, сразу же увидел надпись в верхнем углу: «По состоянию на первое августа...» Оглядел карту, мысленно перенесся от карты в местность, на просторы юга. От Ростова-на-Дону до Армавира все мало-мальски крупные города и населенные пункты обведены синим карандашом, то есть уже не наши. Огромная синяя стрела, загибаясь, нацелена на Сталинград. В излучине Дона все испещрено синими же кружочками. Вторая синяя стрела загибается в сторону Эльбруса.

— Обстановка ясна? — спросил комдив.

Все выпрямились, но не могли оторвать глаз от карты.

— Ясно, товарищ полковник, — глухо ответил за всех капитан.

— Если ясно, так слушай, голубчик. Мы прошли с тобой короткий, но трудный боевой путь. Ты показал себя достойным, волевым, знающим командиром. Я рас-

стаюсь с тобой не без боли. Но ничего не поделаешь. Мы — солдаты... Разве не так?

Локотош напрягся. Он не мог понять, к чему клонит комдив.

— Так, товарищ полковник.

— Нам только что удалось связаться с командующим армией. Нашего корпуса уже нет. Калмыцкая дивизия отходит на юг. Чечено-ингушский полк в резерве командарма. Поэтому мы теперь непосредственно подчиняемся армии. Сколько осталось от дивизии — видите сами...

Полковник помолчал. Прошелся по комнате.

— Я получил приказ: выделить из состава дивизии усиленный отряд и направить его вот сюда, — комдив ткнул пальцем, — в Элисту — столицу Калмыкии. Предельно я могу выделить не более двухсот человек. Три орудия. Два миномета. Лошадей под седлом в дивизии осталось немного. Отдаю всех лошадей. Дам и грузовые машины... Мы тут советовались: кого же поставить командиром?..

Комдив поглядел на капитана.

— Готов, товарищ комдив.

— Не очень-то готов, голубчик... Рана у тебя не зажила. С палкой ходишь. Но... — полковник развел руками.

— И в седле не очень прочно сидит, — вставил кто-то, напомнив Локотошу, как он вылетел из седла при форсировании реки.

— Это прощается. Его дело — танки, артиллерия. Лошадь — наша стихия... Слушай дальше. Элиста — небольшой степной город. Его еще и городом-то трудно назвать. В нем нет крупных промышленных предприятий, которые могли иметь оборонное значение. Нет железной дороги. Город в стороне от магистральных дорог. Значит, противник не бросит сюда крупные силы. Они ему нужны для главного направления — для захвата нефти, свинца, молибдена, вольфрама на Северном Кавказе. Враг рассчитывает внести раздор, натравить горцев друг на друга, а пока они грызутся, завладеть богатствами всех народов. Короче, — полковник опять ткнул пальцем в карту, — я решил: во исполнение приказа командующего выбросить усиленный отряд с задачей — укрепиться на этих возвышенностях вокруг Элисты и удержать город до подхода главных сил. Ты

самостоятелен во всем. Выступать немедленно. Каждая минута дорога. Немцы могут опередить. Поэтому до тебя я уже собирал всех командиров. Каждый из них уже знает, сколько людей он выделяет в твое распоряжение. Получай и — с богом!.. Сам понимаю, на трудное дело идешь. Для обороны города, каким бы маленьким он ни был, две-три сотни людей до смешного мало. Но больше дать не могу. Сколько нас осталось? Мобилизуй горожан. Подними всех на защиту своего городка. Действуй именем Родины, именем нашей победы. Покажи, на что способны воины, решившие стоять насмерть...

Комдив ласково взглянул на Локотоша, подал ему руку, другую положил на его плечо:

— Иди. Дай бог, чтобы мы встретились вновь.

— Хорошо бы.— Локотош хотел уже идти.

— Постой! Я хочу узнать твое мнение по одному делу... Комиссаром особого отряда назначатся Якуб Бештоев. Решение не окончательное. Комиссар дивизии рекомендует его настоятельно. Считает, что Бештоев показал себя храбрым и мужественным воином в боях за Лысый курган. Что касается его звания — военный юрист третьего ранга, то это дело второстепенное. Важно, чтобы человек сочетал в себе достоинства политработника и строевого командира...— Комдив говорил, а сам не чувствовал в себе симпатии к этому человеку. Не нравился Бештоев и Локотошу. Но, с другой стороны, у капитана не было никаких оснований возражать полковнику.

— Не возражаю,— выдавил из себя капитан.

— Значит, и этот вопрос решен. Тогда за дело. Через час доложите о готовности особого отряда выступить в направлении Элисты.

— Есть доложить через час.— Локотош, уходя от комдива, старался как можно меньше опираться на палку. В дверях он столкнулся с Бештоевым.

— Ну что — по рукам?

— По рукам. Будем двумя лезвиями одного кинжала.

— Не подведу.

— Нам приказано через час доложить о готовности...

Все вопросы были решены, за исключением одного: как быть с Апчарой? Взять ее с собой в Элисту или оставить при штабе дивизии? Где опаснее? Где больше надежды уцелеть? Небольшой отряд для обороны го-

рода — это действительно «до смешного мало». Долго не продержишься. Где они возьмутся, главные силы, если вся армия истрепана в боях. Полковник не зря сказал: дай бог встретиться. Усиленный отряд уходил в Элисту, пожалуй, на верную гибель. Но и штаб дивизии остается не на курорте. Локотош решил: пусть Апчара выбирает сама.

Из разных частей и подразделений в распоряжение капитана уже прибывали люди. Химэскадрон в полном составе. Комендантский взвод. Хозчасть. Остатки других тыловых подразделений. Капитан только успевал записывать, откуда и сколько пришло людей, оглядывал боевую выкладку бойцов, проверял исправность матчасти, наличие боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Тыловики приходили с пустыми руками, без оружия. Надо было срочно вооружить их, распределить по подразделениям, грузовикам.

Якуб Бештоев побежал в совхозную библиотеку. Ему казалось, что придется подолгу сидеть в обороне и тогда он будет с людьми изучать историю партии. Значит, нужно достать в библиотеке хоть несколько экземпляров «Краткого курса».

— Так что ты решила: с нами?.. — спросил Локотош Апчару.

— Почему спрашиваете? Разве не хотите взять меня с собой?

— Я-то хочу...

— Куда вы, туда и я.

— Тогда собирайся. Поедем на грузовой. Там поставим и мотоцикл. При всех случаях люлька — твоя.

Апчара придумала себе план. От Элисты она с попутной машиной доедет до Прохладной, а там она уже найдет дорогу в Машуко. Не может быть, чтобы немцы овладели оборонительными линиями, которые строила вся республика почти полгода. Противотанковые рвы, железобетонные доты, дзоты, надолбы, ежи, волчьи ямы — чего только там нет. Апчара помнит. Наши обязательно должны занять там оборону, остановить врага, прикрыть Нальчик. Апчара вернется домой, утешит Хабибу, вместе с ней эвакуируется куда-нибудь, поможет Ирине и Даночке.

Особое подразделение сформировалось и готовилось выступить. Апчаре пришло в голову попрощаться с ком-

дивом. Он, конечно, мало знает ее, но помнит. Несколько раз девушка чувствовала на себе его добрый отцовский взгляд. Побежала, чтобы вернуться вовремя. Боялась только одного: застать у комдива посторонних людей. Хотелось попроситься наедине.

Дверь полуприкрыта, в комнате полумрак. Апчара с замиранием сердца переступила порог. От коптилки, стоящей на столе, извивается струйка черного дыма. На табурете, уперев локти о колени, а голову уронив на руки, сидит полковник. Он сжал в ладонях седую голову и раскачивается. Огромная черная тень мечется по стене.

Сначала Апчара подумала, что полковник закашлялся, но, постояв, поняла, что он рыдает. Вместе с плачем и хрипом вырывались из груди полковника горькие слова. Апчара не могла уже ни уйти, ни прервать этот жуткий плач, она стояла и слушала.

— Нет больше дивизии. Вся полегла костями. Под танками, под бомбами. Где я возьму слова оправдания перед людьми? Поймут ли когда-нибудь, что мы сделали все и даже больше? Господи! Если ты есть, молю тебя, дай мне расквитаться с врагом. Ты видишь, я не жалел себя, не жалел и людей. Мы отдали все, чтобы стать одним лишь камнем в опоре, на которую ляжет мост победы. Поток истории будет омыwać эту опору. Но никогда не размочит ее. Она цементирована нашей кровью и нашими слезами. А если нет, то зачем же пролилась наша кровь? Господи, знаешь ли ты, сколько ее пролилось?! Камешек в опоре моста... А на большее у нас не хватило ни пороха, ни самой крови...

Полковник умолк на минуту и услышал, что кто-то еще вместе с ним скулит в темноте. Он вскинул голову и разглядел Апчару.

— Ты? Дочка! Как ты сюда попала?

Торопливо смахнул слезы, постарался придать своему голосу спокойствие и твердость, а себе осанку, но в смущении не мог найти ровных и нужных слов.

— Нервы. Ты извини меня. Стар. Внук уже есть. Внук. Сталь и та крошится в бою, как сухарь, а мы что? Мы же люди. Нервы не проволока. Сдали. Внук уже у меня... Мне бы тамадой на твоей свадьбе... Дождемся этого часа, только не унывай. Выйдешь за хорошего

боевого командира.— Голос полковника постепенно креп, становился чище. Даже металлические нотки слышались в нем.— А Россия непобедима. Французы хотели — не получилось. Кто только не хотел! Шли по шерсть, уходили стриженными... А ты-то зачем ко мне?

— Попрощаться.

— Попрощаться? Со мной? Спасибо, дочка. Прямо скажу — не ждал. Уходишь в Элисту с Локотошем?

— Да. Ухожу.

Полковник отступил на шаг от Апчары, вернулся к столу, начал возиться с коптилкой, оправляя фитиль, а сам мучительно решал для себя: отпустить эту девушку в опасный поход с капитаном или пристроить где-нибудь при штабе дивизии? Где опасней? Кто же может сказать на этой войне, где опасней? Решает только судьба...

— По доброй воле? — спросил.

— Сама решила.

— Тогда ступай. Спасибо, что пришла попрощаться со мной. А про это...— полковник показал глазами на табурет,— никому ни-ни. Обещаешь?

— В могилу с собой унесу.

— Ну ладно насчет могилы. Рано тебе. А я обещаю тебе вот что. Брат твой ранен. Он достойный мужественный командир. Обещаю не потерять его из виду. Поправится, возьму к себе. Буду заботиться о нем. Сохраню. Обещаю.

Апчара разрыдалась. Почему-то ей больно было расставаться с этим седым, пожилым человеком. Железный комдив. Добрый... дедушка... Она повернулась и побежала к отряду, который уже строился к выступлению.

В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ

Якуб Бештеев вскочил в седло и почувствовал себя настоящим джигитом. Конфуз, который с ним случился однажды во время джигитовки, успел забыться. Тогда полковник проводил занятия по конной выезде с командирами и политработниками штаба дивизии. Якуб, только что прибывший на новое место службы и не занимавший еще никакой должности, тоже выехал на занятия, выпросив лошадь у штабиста, занятого в этот день

на дежурстве. Требовалось показать посадку в седле, искусство наездника, которое кажется на первый взгляд простым, а на самом деле дается только многолетней тренировкой.

Кобыла плохо слушалась. Она привыкла к хозяину. И вообще лошадь всегда хорошо чувствует седока и знает, кому нужно подчиняться, а кем можно и пренебречь. Она чувствовала, что седок занят больше собой, своим видом, а не тем, чтобы слиться с конем в единое целое, когда конь дополняет всадника, а всадник копя, без чего не может быть никакой джигитовки. И вот когда Бештоев выехал на середину круга и, красиво подбоченясь, победоносно огляделся по сторонам, кобыла внезапно остановилась, расставила задние ноги пошире, подняла грациозно хвост и огласила площадь звоном полновесной струи, который тотчас потонул в хохоте командиров.

Но кто теперь об этом вспомнит? Жаль только, что нельзя ехать стремя в стремя с командиром полка — капитан отказался от лошади и сел в кабину грузовика. В кузов поставили мотоцикл, а в коляску мотоцикла посадили Апчару. Сверху все видно. Конников ведет Якуб Бештоев. Они вышли первыми. Потом с интервалами в три минуты пошли грузовики с орудиями на прицепе. Хуторок отступил назад, растаял в вечерней мгле.

Только когда отъехали от совхоза, Локотош вспомнил, что не уточнил у комдива, куда поворачивать с отрядом в случае вынужденного отхода, где искать штаб дивизии. И полковник ничего не сказал. Впору было вернуться и все уточнить. Но тут Локотош подумал, что комдив, наверно, и сам не знает, где окажется в ближайшее время. Дивизия держит направление на северо-восток к Сталинграду. Особый отряд движется строго на восток. Пути расходятся клином. Этот клин заполнят, по всей вероятности, другие войска. Возможно, это будут части Двадцать восьмой армии, действующей где-то западнее Астрахани. В конце концов, не все ли равно, к кому присоединиться в случае вынужденного отхода? Надо правду сказать самим себе: нет больше Нацдивизии. Всего девять дней занял ее путь от боевого крещения до совхоза, где собрались остатки разбитых подразделений. Если не будет оккупирована респуб-

лика, то, конечно, дивизия будет пополнена и еще скажет о себе полным голосом...

Догнали конников. Локотош решил уехать вперед и подождать их. Якуб помахал ему рукой. Он сидел в седле подбоченясь, но было видно, что ехать на коне ему непривычно и что долгого пути он не выдержит.

Луна осветила степь, и стало видно далеко во все стороны, особенно Апчаре с ее высоты. Прямая грейдерная дорога поблескивала под луной, как вода. Она разрезала степь на две темные половины и упиралась в небосвод как раз там, где появилось уже розовое пятно и скоро, после быстро пролетевшей ночи, покажется само солнце.

«Едем навстречу солнцу,— думала Апчара,— дорога будет счастливой».

Но красное зарево кроваво, медленно растекалось по небу, словно небо тем краем окунулось нечаянно в море крови и теперь постепенно пропитывается ею.

Вдруг на дороге сверкнул красный огонек, послышался окрик, появились какие-то люди. Передняя машина остановилась перед опущенным шлагбаумом. «Дорогу, что ли, сторожат,— подумала Апчара.— Но кто ее украдет?»

— Чего там? Почему стоим?— Локотош высунул голову из кабины.

— Приготовьте документы.

Капитан вышел, потянулся после долгого неудобного сидения в кабине. Его не встревожила остановка, а подождать конников даже нужно.

Он обошел машину, постучал ногой по скатам, заглянул в кузов к Апчаре.

— Как ты там? Не спишь? С добрым утром.

— Да, уже утро.

— Кавалерия задерживает. А то давно бы были на месте. Не замерзла?

— В коляске тепло.

Прибежал боец из первой машины.

— Товарищ капитан, вас требуют. Проверка документов.

У шлагбаума в окружении бойцов в пограничной форме и с автоматами стоял начальник заставы, молодой лейтенант с выхоленными черными усиками. Одет с иголочки. Из-под фуражки выбивается густая кучеря-

вая шевелюра. Лейтенант решил, должно быть, что настал момент, когда и он может доказать свою верность долгу и Родине.

— Ваши документы! — сказал он капитану строгим голосом.

Локотош не спеша достал удостоверение личности, подтверждающее его звание и должность. Пока лейтенант разглядывал документы, придирчиво сличая фотографию с лицом Локотоша, капитан пытался объяснить, что он ведет особый отряд и что пункт назначения у них — Элиста.

— Номер части или подразделения!

— Номера нет. Я сказал: отряд особого назначения.

— Я это уже слышал. Где ваша дивизия?

— Не могу сказать. Где-то там...

Лейтенант понимающе усмехнулся. Он уже не собирался возвращать удостоверение личности.

— Как получилось, что ваша дивизия там, а вы здесь?

— Мы выполняем приказ командования дивизии.

— Покажите приказ.

Локотош понял, что дело оборачивается скверно. Приказа письменного нет, и ничего взамен этого он не может предъявить. На всякий случай он протянул руку за удостоверением.

— Подождите. Я просил предъявить приказ, согласно которому вы отступаете. Иначе я должен задержать вас или...

— Или что?

— Или вы отправитесь в часть, куда я вас направлю. А там вам дадут боевой участок для обороны.

Локотош понял: кто-то перехватил дорогу, чтобы подобрать людей для пополнения. Локотош по приказу комдива сформировал интернациональную команду таким же способом. За спиной лейтенанта наверняка стоит батальон или полк, но подчиниться ему капитан не имеет права.

— Поясняю еще раз — это отряд, он идет для выполнения особого задания. Сейчас подойдут кавалеристы...

Кавалеристы действительно показались в степи, но это ни в чем не убедило лейтенанта. Апчара, ежась от холода выглянула из люльки мотоцикла. И она понимала, что задерживаться на дороге опасно.

— Есть у вас приказ об отступлении?— Лейтенант повысил голос, чувствуя свою правоту и власть.

— Товарищ лейтенант, мы организованный отряд...

— Организованный драп!

— Не смейте оскорблять...

— Я вас не оскорбляю. Это вы оскорбили Родину тем, что драпаете. Дивизия — там. Вы — здесь. Вы еще ответите за это.— Лейтенант спрятал удостоверение личности Локотоша в свою планшетку.— Разговор окончен.

На взмыленном коне подъехал Якуб Бештоев. Лошадь обдала лейтенанта горячим паром и конским потом.

— В чем дело? Что за задержка? Нам каждая минута дорога!— Комиссар даже не спешился. Гнедой конь с обвисшим животом плясал под ним.

Лейтенант и не поглядел на Бештоева.

— Верни мне удостоверение личности,— Локотош готов был броситься на лейтенанта,— иначе я смету и твой шлагбаум и тебя самого...

— Не сметешь. Если ты такой храбрый, почему драпаешь? Храбрость там нужна, а не здесь.

— Поэтому ты и торчишь здесь?

— Я здесь потому, что мне так приказано. А ты здесь без приказа. Я требую или предъявить письменный приказ об отступлении, или...

— Или что?— Якуб спрыгнул с лошади.

— Или вы будете задержаны...

— Задержаны?!— Якуб вскипел.— Ты понимаешь, что ты говоришь? Отряд, который идет защищать город, должен быть задержан! Капитан, требую подать команду «К бою!». Молокосос! Еще не знает, как пахнет порох, а уже «задерживает»!..

— Отдай документ, в последний раз говорю,— все больше свирепел Локотош.

Лейтенант дрогнул перед напором фронтовиков.

— Документ я верну, но без приказа об отступлении я вас не пропущу.— Лейтенант бросил в лицо Локотошу его удостоверение личности.— Вас больше, но силой вы ничего не добьетесь. В приказе Сталина сказано: «Родина проклиняет тех, кто отдает советскую землю врагу». Это о вас написано...

Локотош понимал всю нелепость положения. Ясно одно — надо достать письменный приказ. Штаб диви-

зии должен быть еще на месте. Послать на мотоцикле кого-нибудь. Тем временем и люди отдохнут. Да и лошади еле тащат ноги.

Снова стали спрашивать, кто может управлять мотоциклом. Созвали шоферов. Ни один из них не взялся сесть на незнакомую немецкую машину. Послать грузовик? Надо его разгрузить. Не скоро он обернется.

— Поезжай сам, и быстрее,— посоветовал Бештоев.— Ничего не случится. Я останусь вместо тебя.

Локотош колебался. Нельзя бросить отряд, да еще в такой осложнившейся обстановке. Но не конников же посылать в штаб дивизии. А за час-полтора и правда ничего не случится. Комиссар настаивает. Может быть, он и прав. Лучшее решение то, которое принимается и реализуется немедленно. Да и выхода другого нет.

Спустили на землю мотоцикл. Через минуту он несся уже по степи, увозя Локотоша все дальше от отряда. Капитан был спокоен. Нельзя было бросать отряд. Ведь в случае чего отвечать придется не кому-нибудь другому, а ему же, командиру отряда, капитану Локотошу... Но мотоцикл несется легко, как на крыльях. Прохладный утренний воздух освежает лицо, птицы вспархивают с пути.

Меньше чем через час показались крыши совхозного поселка. Все так же они выглядели из спелой пшеницы. Мотоцикл понесся еще быстрее.

Но сильнее стала тревога в душе капитана. Так и есть. Не видно ни машин, ни повозок. Поселок пуст. Заскочил в штабной домик, в несколько других домов — нигде никого. В одном доме отыскал старуху калмычку. Расспрашивал, даже тряс за плечи, но бестолковая старуха ладила только одно:

— Ушла. Ушла. Баста ушла.

Какая баста? Что значит баста. Конец или какое-нибудь название? Побегал глазами по карте, наткнулся на Басту... Поселок в десяти километрах. От него дорога к отряду. Крюк займет четверть часа. А мотоцикл завелся с пол-оборота. Хороший и быстрый трофейный мотоцикл. Скорее в Басту!

Между тем у заставы разыгрались драматические события.

Оставшись полновластным комиссаром, Якуб Бештоев решил действовать по-своему. Он оттянул отряд на-

зад и развернул орудия, как бы готовясь к бою, чтобы психически воздействовать на задерживающих. Ему казалось, что лейтенант, увидев, как на него наводят орудия, откроет шлагбаум. А когда вернется Локотош, пропустит его и даже извинится. Якуб представлял, как удивится капитан, когда он узнает, что комиссар сделал то, что не удалось боевому командиру. Но все получилось не так, как думал Якуб.

Апчара, сидевшая на самой верхотуре груженной автомашины, оказалась как на наблюдательной вышке. Она первая увидела вдали колонну машин, похожих на танки. Калмыцкое село на горизонте исчезло в облаках пыли. С запада входила в него бесконечная вереница танков, бронетранспортеров, крытых грузовых машин. Маленькое село проглатывало колонну.

— Смотрите,— закричала Апчара,— это немцы!

Бештоев принял немедленное решение. О появлении противника сообщать на заставу он не стал, а приказал Ерману Балову, не расстававшемуся до сих пор со своей кавалерийской трубой, трубить сбор. Юный музыкант рад был случаю отличиться.

Пусть теперь лейтенант потребует у немцев письменного приказа... Зачем лишать его случая показать свое мужество? Якуб повел кавалерию прямо через пшеничные поля, а четыре машины поехали по меже. Бештоев не думал обходить заставу, он просто уходил в степь. Идея защиты Элисты в этой обстановке казалась нелепой.

«Все будет хорошо,— твердил про себя Якуб.— Мы пойдем в сторону Кавказа, дойдем до Чопракского ущелья, опередим немцев. На Элисту двигается вся немецкая армия. Что может сделать против нее наш отряд? Надо вывести его из-под удара, спасти. Все-таки хоть что-то уцелеет от Нацдивизии. Вот Якуб добирается с отрядом до Кабардино-Балкарии: «Это я привел их, а не полковник Кубанцев, для которого лучший седельщик делал специальное седло, и даже не капитан Локотош, который бросил отряд в самый критический момент». Локотош скорее всего будет схвачен и его постигнет участь Солтана Хуламбаева. По времени он только еще доехал до совхоза...»

Отряд Бештоева не прошел по бездорожью и семи километров, как сзади послышался гул боя. Ударили

орудия. Взвод, оседлавший дорогу, вступил в неравный бой с немцами. Сейчас они покажут лейтенанту свои документы!..

Якуб вел отряд глубокими балками, оврагами, чтобы не обнаружить себя. Бой затих очень быстро. Долго ли перебить два десятка бойцов, когда навалится такая махина. Когда, переезжая из оврага в овраг, поднялись на высокое место, Апчара увидела вдали два столба черного дыма.

Среди пшеницы обозначилась полевая дорога. Отряд пошел по ней, надеясь, что она приведет в какой-нибудь населенный пункт.

...И в Басте Локотош не нашел штаба дивизии. Комдив решил «оторваться» от противника как следует. Оно и понятно. В его подчинении всего-навсего триста шестьдесят пять человек. Рядового состава не больше сотни. Это все, что осталось от дивизии после того, как из нее выделился отряд Локотоша.

Дивизия небоеспособна, дивизии фактически нет. Скорее всего полковник повел людей к штабу армии.

Локотош повернул назад. С тех пор как он покинул отряд, прошло два с половиной часа. Ничего. Не такое уж это время... Но, подъехав к нужному месту, капитан не обнаружил ни своего отряда, ни лейтенанта, а увидел картину недавнего боя. Удивило его только то, что среди убитых нет ни одного человека из его отряда, ни одного лошадиного трупа.

Локотош понял, что остался один в тылу врага.

КНИГА ВТОРАЯ
СЛОМАННАЯ ПОДКОВА

● ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА АБРИКОСОВОЙ ДОРОГЕ

Начало августа — жаркое время для северных предгорий Кавказа. Поднялась и дозревает на солнце высокая, шелестящая под малейшим ветерком кукуруза. В садах под тяжестью плодов согнулись деревья, иные ветви легли на землю. На полях убирают хлеба. На высокогорных пастбищах, где солнце еще горячее, чем внизу, а воздух прохладен, а травы сочны и не припылены летней мелкой, как пудра, пылью, нагуливают предосенний жирок бараны, овцы.

Мир и тишина в августовском, обласканном солнцем ауле Машуко. Старики в мечети слушают муллу, молодые женщины на уборке хлебов, старухи сидят по домам, хлопочут по хозяйству. Хабиба, например, доит Хабляшу. Сейчас кончит доить и даст ей свежего корма. И как не дать — хороша корова, нет такой второй в целом ауле. Правильно ее прозвали ведерной.

Мир и тишина в ауле. Мужчины на фронте. Фронт где-то далеко, в четырехстах километрах. Мальчишки на улицах играют в войну.

Мальчишки-то и всполошили мирный, отягченный августовским зноем и всеми плодами августовской земли аул.

— Раненая армия идет!

— Фронт назад идет!

— Раненая армия!

— Раненый фронт!

Люди выскакивали на улицу из домов, из садов, из огородов.

— Где фронт? Какая армия?

— Вон армия! Вся перевязанная... в бинтах...

Старики высыпали из мечети, на ходу напяливая стоптанные чувяки. Из хлева выскочила Хабиба.

— Эй, остановитесь, оседлавшие ветер! Где раненая армия? Скажите толком!

Но мальчишки сделали свое дело и не хотят никому ничего объяснять. Весь аул бежит к Абрикосовой дороге, а мальчишки — виновники переполоха, — словно стая стрижей, вьются вокруг бегущей толпы взрослых.

— Скорей! На Абрикосовую дорогу! Скорей! — Люди торопили друг друга, хоть никто и не отставал, дружно бежали навстречу горькому зрелищу.

Дорога Пятигорск — Нальчик, проходившая мимо аула, называлась Абрикосовой с тех пор, как по ее сторонам по предложению покойного Темиркана насадили абрикосовых деревьев. В августе плодов уже не было, но оставалась от деревьев тень на земле, и в этой тени отдыхали путники. Мальчишки в нетерпении взбирались на деревья, чтобы лучше разглядеть «раненый фронт».

Около Абрикосовой дороги сохранился плетеный домик, поставленный в свое время Темирканом же. Когда он ушел на пенсию, ему отвели два гектара земли под бахчу. Всякий, кто проезжал по дороге, мог остановиться в плетеном домике отдохнуть, прилечь даже на нарах, устланных свежей соломой. Темиркан, превратившийся из устроителя Советской власти в ауле в пенсионера-бахчевика, приносил путнику арбуз или дыню.

Когда Темиркан умер, домик и бахчи сохранились. Домик стали называть «кунацкая Темиркана». Но угощать арбузами проезжих и прохожих перестали.

Хабиба как была с подойником, так и побежала. А в подойнике молоко. По дороге заскочила на двор к Данизат.

— Скорее выноси гомилю!

— Какую гомилю?

— Фронтвики к аулу подходят. Разве с пустыми руками их надо встречать? Встретим их с гомилей, как

свадебных всадников, встретим их с вином и закуской. Бери все, что есть в доме. С войны люди идут, оголодали. Я хоть молоко и то несу, да будет благословен Бекан, который дал мне Хабляшу.

Данизат мигом собралась и присоединилась к Хабибе.

По пыльной перегретой дороге тянулась бесконечная вереница раненых. Из госпиталей Кисловодска, Пятигорска, Железноводска, Ессентуков... Шли все, кто мог идти. Неподвижные раненые, из тех, кого не успели эвакуировать заблаговременно, остались в госпиталях.

Немцы прорвали фронт неожиданно. Оборонительная линия у Армавира не оправдала надежд. Эвакуация в госпиталях была в самом разгаре, когда немецкие передовые части завязали бои на окраинах Кисловодска и Ессентуков.

Хабиба со своим подойником трусила так быстро, что Данизат не успевала за ней. Хабиба надеялась увидеть среди раненых Апчару или Альбияна.

По обочинам дороги двумя бесконечными вереницами плелись, ковыляли с костылями и палками измученные, окровавленные, перебинтованные люди, уже прошедшие таким образом более ста километров.

Хабиба, шепча про себя молитву, присоединилась к разноголосой, причитающей и всхлипывающей толпе женщин, детей и стариков. Она жадно вглядывалась в изнуренные, искаженные страданиями лица, надеясь узнать среди них своего сына.

Люди знают, что никто их не подберет, не посадит на машину, хотя машины одна за другой идут по середине дороги, обдавая горячей пылью бредущих страдальцев. Но машины загружены до предела. На ящиках, узлах и тюках сидят уже, держась друг за друга, столько раненых, что и ладонь не протиснешь между ними. Раненые бредут и бредут, чтобы не попасть в плен, не оказаться в руках у немцев.

— А кони, кони-то куда подевались? — спрашивали у раненых те, кто был уверен, что это отступают остатки Нацдивизии.

— Коней Гитлер к себе угнал. Понравилась ему кабардинская порода, — отвечала Хабиба. — На развод взял себе. Хочет развести нашу породу.

Вдоль всей дороги женщины выставили корзины с лепешками, яблоками и грушами, кринки молока, разложили сыры. Мальчишки с кувшинами и чайниками беспрерывно бегали за водой.

Данизат впервые в жизни говорила и повторяла русские слова:

— Бери, сын, ешь, сын...

Эти же слова говорили и все другие женщины.

Хабиба считалась в ауле лучшим знатоком русского языка и доказала это.

— Сын... мой сын... минометный командир ест... Альбиян...

Но и такую ее речь понимали люди. Сквозь гримасу страдания проступало подобие улыбки, отвечали Хабибе:

— Ищи, ищи, может, здесь...

Народу на дороге все прибывало. Санитары, врачи, эвакуирующееся население. На машинах, на повозках, пешком. Девушки в белых халатах соскакивали с санитарных машин, чтобы перевязать сбившуюся и кровоточащую повязку то одному, то другому пешему.

— О, и железная кожа не вынесет столько бед! — причитала и Данизат.

Она не высматривала среди раненых своего сына, но не очень и удивилась бы, если бы он оказался тут. Давно уже Чока уехал в Нальчик и не возвращался. Где он — неизвестно. Исчез и старик Бекан. Ходят слухи, что Бекан и Чока будут эвакуировать скот, перегонять за хребет элитных кобылиц кабардинской породы.

Мальчишки беспрерывно бегают за водой к арыку, и все мало. Люди истомлены жаждой. Вдруг раздается крик:

— Джигиты! Джигиты едут!

— Нацдивизия!

— Как их мало!

Хабиба посмотрела в сторону Пятигорска. Оттуда показалась нестройная колонна всадников.

Колонна кавалеристов шла, пожалуй, еще медленнее, чем раненые. Многие за поводья тянули лошадей, которые не в состоянии были нести на себе не только всадника, даже седло. Хабиба сорвала с головы платок. Ей было жарко, не хватало воздуха. Где Апчара? На коне едет или пешком? Повозок, машин совсем не видно.

Да и лошади какие? Кошки, а не лошади. Бока запали, будто выдавлены внутренности, шерсть слиплась, на шее засохла белая пена. Ни плетка, ни шпоры — ничто не заставит бедных животных шевельнуть ушами.

Единственный, кто еще сохранял вид всадника, — Якуб Бештоев. Он ехал на коне впереди отряда.

Колонну конников замыкали пешие. По старинному обряду, они несли на себе седла, снятые с павших лошадей. Седло есть — конь найдется.

— О аллах, неужели это все, что осталось от Нацдивизии? — вырвалось у Хабибы. Она не верила своим глазам, ожидая появления новых отрядов всадников.

Колонна медленно приближалась. В отряде было уже не двести человек, как вначале. Бештоев по пути отпустил многих домой на день-два. Были и такие, которые сами исчезли в кукурузных зарослях, чтобы больше не возвращаться в отряд.

Когда всадники подъехали ближе и можно было разглядеть каждого, выяснилось, что нашелся в отряде человек из аула Машуко.

— Ерман! Ерман вернулся! — возвестили опять же первыми мальчишки.

Весть о появлении бойцов из Нацдивизии мгновенно облетела не только аул, но и колхозные поля. С отдаленных токов всполошившиеся женщины снова тащили на дорогу еду, прихватывая все, что можно.

Увидев отряд Бештоева, приуныли. Это все, что осталось, или только часть? Но напрасно ждали они за этим отрядом стройных или хотя бы многочисленных полков дивизии.

Женщины запрудили дорогу. Бештоев сделал привал. Аульцы окружили Ермана Балова. Во время боев этот безусый юноша все время находился около Локотоша и мог бы многое рассказать о судьбе дивизии. Но Хабиба тотчас завладела им одна, и он рассказывал только об Апчаре.

Отряд миновал Пятигорск и уже спускался к озеру Табукан, когда встретилось несколько подвод с детьми. Эвакуировался детдом. Конники ехали здесь, прижимаясь к высокой стене кукурузного поля, чтобы укрыться от авиации. Надо сказать, что Якуб Бештоев искусно вел свой отряд. Не удалось сохранить лишь грузовики.

Кончился бензин, и пришлось их сжечь, чтобы не достались врагу. Зато все три орудия сохранились. Были и боеприпасы. Четверо суток шли через безводные степи, через черные земли, не останавливаясь ни днем, ни ночью. «Дома отдохнем», — был единственный ответ Якуба на все жалобы.

И вдруг — налет. Конники свернули в кукурузное поле. На дороге остались только повозки с детьми. Две женщины, сопровождавшие детей, понадеялись, как видно, на милосердие немцев: увидят детей — не тронут. Но посыпались бомбы. Самолеты кружились, выбирая цель. Запах дыма смешался с запахом серы. Взлетали в воздух лошади, хомуты. Обломки повозок потонули в пыли и в черном дыму. Ржание лошадей, вопли детей и крики женщин. Одну подводку лошади затянули в озеро. Илистое дно стало засасывать лошадей. Лошади силились выбраться, но чем больше бились, тем быстрее погружались в серную воду. Другая подводка колесом зацепилась за телеграфный столб.

Апчара кинулась спасать детей. Она не думала о своей жизни. Обе воспитательницы, сопровождавшие детей, были убиты. Уцелевшие дети убежали в кукурузу, где прятались бойцы-кавалеристы.

Немцы отбомбились и повернули в сторону Бештау. Бойцы бросились помогать Апчаре. Они вытащили из озера повозку, привели в порядок конскую сбрую, подобрали раненых детей. Только Апчара могла кое-как помочь им. Теплые еще детские тела с невысохшими слезами на щеках клали отдельно, чтобы отправить в ближайший аул для захоронения. В отряде конников тоже оказались раненые и убитые. Дорога завалена конскими трупами. В одно орудие, которое с таким трудом притащили из Сальских степей, угодила бомба. Уцелел только ствол.

Остановили грузовую машину. Бештоев заставил сидевших в грузовике людей взять раненых детей и срочно доставить в какую-нибудь больницу. С остальными детьми, которых удалось собрать, Апчара поехала в Нальчик. Она знала, что там есть детдом, куда постарается сдать их. Возможно, Ирина еще живет в Нальчике, на своей квартирке вместе с Даночкой.

Что было дальше, Ерман Балов не знал.

Апчара действительно доехала до Нальчика. Все учреждения и предприятия срочно эвакуировались. Никто не ожидал, что немцы нагрянут так скоро. Надеялись на оборонительную линию по реке Кубани. Была уверенность, что немец, по крайней мере, немало положит сил, прежде чем прорвет эту линию. А если не удастся остановить немцев на Кубани, остановят на других рубежах. События на фронте развернулись иначе, и распоряжение об эвакуации опоздало.

...Куда ни пыталась ткнуться Апчара в Нальчике, всюду было не до нее. Детские дома эвакуировались полным ходом; своих детей не на чем было вывезти. От чужих отмахивались.

Апчара в отчаянии ворвалась в Наркомпрос. Нарком торопливо запикивал в портфель бумаги. Внизу его ждала машина. Апчара отметила про себя, что карточная система отразилась и на наркоме. Румянец сошел с его лица. Он заметно похудел. Нарком скороговоркой ответил:

— Могу посоветовать одно — эвакуируйте детей вместе с нашими. Пока не поздно.

Выскочив на улицу, Апчара не знала уже, куда бежать, к кому обратиться. Дети проголодались и плакали. Вдруг сзади ее окликнули:

— Апчарочка-Чарочка! Ты ли это?

Через улицу с матрацем, набитым вещами, и с большим чемоданом тащился Хатали Чоров.

— Хатали, родной, милый, помоги! Подобрала по дороге ребятишек, надо их пристроить к уезжающим.

— Что-нибудь придумаем.

Апчара думала, что Хатали вспомнит тот случай, когда она не вернулась из полка на полустанок. Но словно и не было такого случая и полустанок словно был в другом веке и в другой жизни, столько событий произошло с тех пор.

Хатали расспрашивал Апчару о Наидивизни. В Нальчике о судьбе ее ничего еще не знали и об отряде Якуба Бештоева ничего не слышали. Все учреждения спешно эвакуируются в Орджоникидзе. Хатали тоже. Дом и все имущество пришлось бросить.

Нашли эвакуирующийся детдом. На единственном грузовике горой навалены ящики с продуктами и разными вещами. Воспитатели в растерянности, не знают,

куда класть узлы и чемоданы. Сами пойдут с детьми пешком за повозками.

Суетливый и взвинченный директор прямо-таки завопил и замахал руками, узнав о новой партии детишек, которых придется взять под свою опеку.

— Не могу, не приму, не мои дети! Стреляйте, вешайте, не могу!

— Ты не только примешь, но и головой ответишь за жизнь каждого из них,— спокойно и внятно, как на диктанте в классе, сказал Хатали.— Что значит «не мои дети»? Их родили такие же матери. Не возьмешь — военный трибунал...

Директору пришлось подчиниться. Он ссадил с подвод тех, кто постарше и может идти пешком, посадил на их место усталых и голодных детей, которых ему навязали. О документах и спрашивать было нечего. Нет даже списка.

Освободившись от детей, Апчара помчалась к Ирине.

Сосед Ирины, старый учитель-кабардинец, рассказал, что Ирина двое суток пробыла в военкомате, где толпились все жены комсостава. Их обещали эвакуировать, но вчера к ним вышел военный комиссар и похоронил все надежды: транспорта нет и не будет, поступайте как можете. Ирина бросила все свои вещи, взяла два чемодана самого необходимого и отправилась с Даночкой на станцию. Старый учитель тоже просидел на перроне несколько суток, заболел и махнул на все рукой, вернулся домой. Будь что будет.

До вокзала недалеко. Апчара побежала туда. Напрасно старый учитель зазывал к себе девушку, чтобы расспросить о Нацдивизии. Даже угощение не заманило голодную Апчару.

У большого углового дома, с балкона которого руководители республики приветствовали проходящие мимо полки дивизии в тот памятный день, когда дивизия вышла на парад-прощание, горели костры. Сжигали архив. У костров стояли мужчины, бросая в огонь все новые и новые кипы папок. Апчара узнала Сосмакова, но не стала к нему подходить. У подъезда стояли легковые машины, груженные до отказа.

На крыше «эмки» умудрились укрепить кадку с фикусом. Апчаре показалось, что около «эмки» хлопочет знакомый человек, и она подошла спросить, куда эва-

куируются машины. В темноволосом, с крупными слезящимися глазами мужчине Апчара узнала писателя, который приходил к ним в школу на встречу с учениками. Она забыла его имя, но зато вспомнила, как писатель говорил о своем фикусе. «Я сейчас пишу трилогию,— вещал он.— Когда мне надо описать растение, я пользуюсь своими наблюдениями над фикусом и над развитием его листьев».

— Увозите фикус? — не удержалась и спросила Апчара со всей своей непосредственностью.— Разве еще не закончили трилогию?

Лицо писателя, полное и дотоле сумрачное, осветилось улыбкой. Ему приятно было, что незнакомая девушка узнала его и даже следит за его работой. А о насмешке, скрытой в наивном вопросе, Апчара, возможно, не подозревала и сама.

— Постараюсь закончить в эвакуации.

— Неужели так долго продлится война? — спросила Апчара без задней мысли. Она ведь не знала, сколько времени надо на написание трилогии.

Стояли и кони под седлом. Не Бештоев ли приехал сюда? Не похоже. Кони сытые, седла нарядные. Апчара пронеслась мимо.

На вокзале столпотворение. Вернее, вокруг вокзала, на перроне, на пристанционной площади. Не один состав потребуется, чтобы вывезти такую массу людей. Видно, они сидят здесь не первые сутки. Счастливыми себя считают те, кто устроился под деревом, а не изнывает под палящим августовским солнцем.

Кого только здесь нет! Эвакуировавшиеся год назад из Одессы, Николаева, Киева, Днепропетровска, Ростова-на-Дону, Ленинграда и Москвы вынуждены опять срываться с места. К ним присоединилось местное население. Сам Бахов руководит эвакуацией.

Апчара смотрела во все глаза. Трудно было в этой массе людей увидеть близкого человека. Подошел поезд, составленный всего из нескольких допотопных вагонов и полуразбитых платформ, люди вскочили с мест, толпа заколыхалась.

— Апа! Тетя Апа! — слышался среди общего гамма чистый слабенький голосок, словно родничок пробился на дне ущелья. Апчара обернулась и бросилась на родной голос. Под деревцом, прислонившись к стволу,

спала, устроившись на двух чемоданах, Ирина, а у ее ног копошилась Даночка.

Апчара прямо-таки упала на спящую Ирину, и та ничего не могла понять со сна, а Апчара целовала ее щеки, лоб, глаза. Наконец Ирина очнулась, тоже заплакала, тоже начала целовать Апчару.

— Откуда ты?! — плакала Ирина. — Не снишься ли мне?

— Нет, родная, нет, Ирина, это не сон. Если бы это был сон!

— Откуда ты? Неужели с фронта? Где он? Как там?

— Все расскажу.

Очередь дошла до Даночки. Теперь ее тискала и целовала, словно обезумев от радости, Апчара.

— Милые мои, не думала, что увижу вас. Столько бед, столько ужаса! Сама не понимаю, как уцелела.

— Альбиян? Где Альбиян?

Апчара целовала и тискала девочку, а сама подбирала слова. Ирина тянула ее за руку от Даночки, умоляя и требуя:

— Где Альбиян? Отвечай!

— Альбиян ничего... Ранен. В госпитале.

Ирина сникла, закрыла глаза. Ресницы набухли большими каплями слез.

— Я так и думала. Сон мне снился плохой...

— Если бы ты знала, что с другими! Альбиян ранен, но ему повезло. Он вовремя попал в госпиталь. Комдив мне сказал: «Выздоровеет Альбиян — возьму его к себе». Он так и сказал: «Будем воевать вместе». Я попрощалась с полковником. Дивизия ушла на север. Говорят, к Сталинграду. А мы — сюда. Не по доброй воле. Немцы нас завернули. А как мама? Жива хоть она? Здорова?

— Дома. Не хотела эвакуироваться.

— Я знала. Не захочет бросить могилу отца...

Подошел длинный состав — товарные вагоны перемешаны с пассажирскими. Ну, этот возьмет немало. Люди снова сорвались с мест. Ирина почувствовала опору в Апчаре и решила попробовать пробиваться. Даночку — на руки. Апчара взяла чемоданы.

— Посадка только по пропускам. — Апчара узнала голос Бахова. — Повторяю: посадка по пропускам!

Апчара, как заправская фронтовичка, пробивалась

вперед, расталкивая людей. К ее пилотке относились уважительно, пропускали. За ней кое-как поспевала Ирина. Не дошли они еще до дверей, как толпа повалила забор и неудержимо хлынула на перрон. Перед прорвавшимися оказалась платформа с железными клетками, а в клетках — звери. Эвакуирующийся зверинец. Взревели тигры. Хатали с матрацем и чемоданом смело взобрался на клетку и уселся на ней. Тигр, перевозбужденный орущей толпой, подпрыгнул и мазнул лапой по верхней решетке клетки. Хатали кубарем скатился на платформу и пополз под вагон менять штаны и оказывать самому себе первую помощь. Четыре когтя прошлись, как четыре сабельных удара. И смех и грех. Но смеяться некогда.

Поезд взял всех, кто успел взобраться, сесть, зацепиться за что-нибудь. Во избежание жертв его отправили сразу. Толпа на перроне продолжала волноваться, но людей стало меньше. На запасных путях поыхивал маневровый паровозик — кукушка с одной-единственной платформой. Люди не обращали на него внимания, думая, что он местный и никуда не пойдет. Но вот красноармейцы вынесли из вокзала вещи и провели к паровозу несколько женщин и детей. На паровозике рядом с машинистом оказался Бахов. Паровоз дал свисток, как бы призывая толпу к вниманию. Бахов закричал: — Граждане, внимание! Граждане, внимание! Поездов больше не будет. Станция Прохладная занята немцами. Эвакуироваться только на Беслан! Граждане, внимание...

Кукушка бойко покатила под гору. Ирина и Апчара остались в бурлящей толпе.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Люди, которые все еще на что-то надеялись, остались на станции, а кто посильней, взвалил на плечи свои пожитки и пошел, присоединился к потоку беженцев, устремившихся в сторону гор. Утром послышался гул самолетов. Со стороны Пятигорска они шли бомбить Нальчик. Ни гражданской, ни партийной власти в городе уже не было. Привокзальная толпа дрогнула и стала стремительно растекаться по городу. Люди пони-

мали, что бомбы полетят в первую очередь на железнодорожный узел, на почту и промышленные объекты.

Гул самолетов приближался медленно и неотвратимо. Все улицы и площади быстро опустели.

Ирина бежала, прижимая к себе Даночку. Она согнулась, будто хотела прикрыть собой ребенка от падающих бомб. За ней едва поспевала Апчара с двумя чемоданами. От гула самолетов уже дрожали стекла в окнах. Из садов курортной части города били зенитки. Послышались оглушительные взрывы, и Ирина юркнула в подвал небольшого каменного домика. Она отчаянно застучала в дверь. Из глубины подвала ответил испуганный старческий голос:

— Кто там?

— Это я, Ирина, Яков Борисович, умоляю, откройте!

Низкая дверь открылась в тот самый момент, когда совсем близко разорвалась еще одна бомба. Даночка затряслась, оглушенная взрывом. Из подвала, заставленного ящиками, бутылками, коробками, склянками, бидонами, колбами, пахло лекарством и сыростью. Наверху аптека. Яков Борисович старожил Нальчика и бессменный аптекарь, известный каждому жителю. Когда-то эту аптеку он сам же и основал, совмещая в маленьком городе обязанности провизора и врача по всем болезням.

— Проходите скорей.— Яков Борисович захлопнул дверь, задвинул задвижку дрожащими руками.— Откуда вас нелегкая принесла? Дошла и до нас очередь. Завтра они придут. Ах, дурак я, какой дурак! Мог еще третьего дня эвакуироваться. Пожалел бросить аптеку! Кому она теперь достанется? Для кого берег? Ах, дурак я, дурак!..

— Вы думаете, придут?

— Думаю! Я не думаю, я знаю теперь.— Яков Борисович схватил газету, лежавшую на ящике, развернул ее.— Смотрите. Черным по белому: «...бои южнее Кущевки». Где Кущевка, где Нальчик?

Это был номер местной газеты от седьмого августа. Обе полосы пестрели заголовками вроде: «Инициатива хозяйственника в военное время», «Убрать урожай быстро и без потерь», «Когда же будет передвижная мастерская?». Видимо, не допускали мысли, что немцы могут

прийти. Если и приблизится фронт, то все равно будет продолжаться работа.

Яков Борисович негодовал:

— А в горах? Разве люди успеют спустить скот. А немец вот-вот нагрянет, перехватит дорогу, не даст эвакуировать скот.

— На войне...— хотела вмешаться Апчара, но аптекарь ее перебил:

— Здесь-то не война. Здесь — тыл. И надо было раньше тревогу бить! Другие уверяли: не дойдут. И вот я, старый... (Яков Борисович хотел сказать «старый еврей», но тут же передумал.) И вот я, старый кабардинец, остался...

— Вам надо было раньше подумать о себе. Ведь в случае оккупации...

— Знаю, что будет в случае оккупации. А ты? На что ты рассчитываешь? Ты же военная!

— А я и не собираюсь здесь оставаться.

Апчара тоже понимала, что оставаться на оккупированной территории ей нельзя. Повесят, как Зою Космодемьянскую. Нет, сейчас она выберется из аптечного склада, найдет Бештоева и... и куда отряд, туда и она. Лучше погибнуть в бою, чем болтаться на перекладине после пыток. В крайнем случае махнуть с Ириной за Кавказский хребет.

Бомбежка кончилась. Апчара и Ирина попрощались со стариком и ушли из подвала. Старик тоже выполз на улицу. Они ожидали увидеть город, превращенный в груды развалин и охваченный дымом пожаров. Но одноэтажные домики стояли по-прежнему нетронутыми, только как бы пригнулись, потому что многие крыши провалились от взрывов. На улицах битые стекла. Здание вокзала действительно превратилось в груды развалин. Но оно погибло не от вражеских бомб. Его взорвали наши саперы.

— Первая мировая война породила вокзал, вторая мировая война его уничтожила,— сказал Яков Борисович, превосходно знавший историю города.

Бомба попала и в тот дом, где жила Ирина.

Над аулом Машуко стоял черный дым. Видно, и он не избежал бомбежки. Апчара заволновалась, заторопила Ирину.

— Пошли в аул. Зачем идти в полуразрушенный дом. Еще обвалится и придавит. А там, может, мамы нет в живых. А если немцы опять налетят — погибнем все вместе.

Ирина покорилась. Даночка уснула на руках, ее трудно нести. Не легче и Апчаре: по чемодану в каждой руке. С каждым шагом они становятся тяжелей.

Если идти из города в Машуко, то аул все время перед глазами, на виду. Апчара знала наперечет каждый дом и могла назвать по именам обитателей каждого из них. Домики тонут в густых садах, а из садов местами валит черный дым. Чей же дом горит? — думала Апчара. Недалеко от дома Мисоста горит что-то. Неужели дом Бекана Диданова? От нетерпения и тревоги Апчара все прибавляла шагу. Стало жарко. Теперь хорошо видно, что над тем местом, где в окружении тополей стояла мечеть, медленно рассеиваются облака дыма и пыли.

— Подожди, Апчара, отдохнем. Сил больше нет, — взмолилась Ирина.

— Еще немного. Дойдем до холма. Оттуда наш дом будет видно.

На город снова шли бомбардировщики. Они летели низко, как и в Сальских степях. Под крылом и на боку — черные кресты.

Ирина упала, закрыв собой Даночку, но Апчара успокоила ее.

— Не бойся. Они нас не видят. Я знаю. Я нагляделась на них. Привыкла.

Вдруг впереди со стороны аула раздались взрывы. Апчара порадовалась, что во время бомбежки они оказались в пути. Вышли бы чуть-чуть пораньше и угодили бы вместе с аулом под немецкие бомбы.

От города до аула по «базарной» тропе не больше пяти километров. Апчаре всегда хватало часа, чтобы с корзиной цыплят, с которыми Хабиба посылала ее на базар, пройти это расстояние. На этот раз с Ириной и Даночкой они брели около трех часов. Увидев наконец еще издали свой дом, Апчара поняла, что много раз за свои фронтовые дни теряла его навсегда и то, что она теперь видит, — самое настоящее чудо.

Хабибы не оказалось дома. Над двором соседей — Бекана и Данизат — клубился дым. Должно быть, в

кров седельщика угодила бомба. Апчара сразу поняла, что Хабиба там, на пожарище, делит горе соседей.

Оказывается, так все и произошло. Бекан в горах. Одинокая Данизат, услышав самолеты, прибежала к одинокой же Хабибе. В это время и упала бомба. От турлучного под черепичной крышей домика ничего не осталось. Что не сделала бомба, довершил потом огонь.

Хабиба не знала, к кому раньше броситься — к снохе или дочке, и схватила внучку. Даночка замерла у нее на шее. Обнялись радость и горе.

— О, дошла, дошла до аллаха моя молитва. Вернул он мою дочь живой и невредимой, о, аллах!

Конечно, во славу бога Хабиба зарежет курицу, испечет лукумы, угостит своих милых детей. Не было никого — и сразу трое. Только Альбияна одного не хватает. Но расспрашивать Апчару еще некогда. Во всем ауле беда. Нет дома, где не плакали бы от горя. Пострадал не только дом седельщика. Перед налетом мулла увел в мечеть самых благочестивых стариков, знавших наизусть отдельные суры корана, и сказал им:

— Будем твердить коран. Пока звучат слова молитвы аллах не допустит упасть бомбе на божий дом.

Но молитвы стариков и муллы не успели достичь ушей аллаха, немецкая бомба летела быстрее и упала раньше. Из-под обломков мечети извлекли сорок трупов, а мулла оказался даже без головы. Питу Гергов уверял потом, что видел, как голова муллы через минарет полетела прямо к аллаху доложить о случившемся и похлопотать за правоверных, обижаемых нечестивыми немцами.

— За голову муллы Гитлер положит свою голову. Увидишь — вспомнишь мои слова, — говорила Хабиба. — Зло не отпускается без наказания. За кровь невинных мстит и чужой. Найдутся силы, которые отомстят за наши слезы, за чистую кровь людей.

— А ты где была во время бомбежки?

— Где мне быть? Дома. Сидела на молитвенном коврике. Прибежала Данизат. Такая белая, ни кровинки в лице. Дрожит, слова не может выговорить: «Уйдем, Хабиба, уйдем». А куда идти? Разве убежишь от аллаха! Он видит, куда направить бомбу...

— Ты думаешь, бомбу в мечеть направил аллах?

Хабиба не ожидала такого вопроса, осеклась.

— Не я же!

— Конечно. Раз не ты, то аллах...

Хабиба рассердилась.

— Ты всегда была неугодной богу. Аллах отвернулся от тебя. Потому что ты от матери отвернулась. Бросила родную мать и сбежала. Натя, мол, мать моя стара, не нужна она мне. Прикрывайтесь ею от бед, как мешком с песком прикрываются от пуль. Не будет тебе моего благословения...— Хабиба от обиды и от собственных слов расплакалась.

Апчара пожалела, что так глупо пошутила. Она хотела обнять Хабибу, приласкать ее, успокоить. Но мать решительно отстранилась.

— Отойди. Зачем вернулась сюда? Иди к тем, кого ты предпочла мне. Можешь идти на все четыре стороны. Не родила я дочери...

— Мама, что ты говоришь? Мама! — заплакала Апчара.

Ирина не понимала, о чем говорят на своем языке мать и дочь, но видела, что они плачут, и сама тоже заплакала. Только Даночка глядела на всех с недоумением.

— Слава аллаху, кончились твои военные похождения,— голос Хабибы становился тверже,— вернулись конники. Остатки. Копыто от коня. Теперь некуда тебе будет бежать.

— Мы с Ириной должны эвакуироваться...

— Евакуиротса? Как евакуиротса? — Хабиба от волнения перешла на ломанный русский язык.

— Уйдем от немцев.

— Куда? Какая земля вас ждет? Свою землю отдавай, на чужой земля убегай?! Так ваша хочет воевать? Ты свой земля не защитил — на чужой земля места тебе нет. Могила только...

— Разве я отдала свою землю? Разве тебе будет приятно видеть меня на виселице? Ты понимаешь, что ты говоришь? Заставляешь на себя надеть петлю... Я же комсомолка. Я на фронте была. Меня схватят сразу. Я уйду не куда-нибудь, я уйду в горы, к партизанам.

— Ты — комсомолка? А я — кто? Кто я такая? Меня, думаешь, будут медом кормить? Кто я? Спрашиваю! Я — жена самого незапятнанного большевика Темиркана. Первого коммуниста в ауле. Я — мать комсомолки и коммуниста. Я — твоя мать, я — запевала колхоза,

я...— Дальше Хабибе изменил голос, но и рыдая она продолжала говорить: — Петлю, которой ты боишься, я надену на свою шею сама. Надену, как золотой венец надевала на голову, когда выходила замуж за твоего отца... Надену и скажу с табуретки аульчанам-машуковцам: будьте счастливы после меня, пусть я унесу с собой все ваши беды, все печали и горести... Кто хочет воевать, ищет врага, идет ему навстречу, а не убегает от него, не ищет закоулка. Хочешь воевать — везде поле боя... Зачем ты будешь ждать, пока тебя схватят. Беги сама и первой наноси удар... Боишься одна — я сама пойду с тобой. Враг к тебе пришел — бей его. Правда на твоей стороне, ты защищаешь свой дом. Я так сказала этому, бештоевскому сыну, Якубу: «Зачем столько бежал? Враг по пятам идет, просит у тебя смерти, а ты от него. Наши отцы так не воевали. От них враг убегал, а они настигали его и разили. Иначе им не удалось бы поставить Советскую власть. Отцы поставили Советскую власть, а вам завещали защищать ее...» Ничего мне не возразил. Слушал... Потом видела солдат. Они ушли в горы. В Долину белых ягнят. Захочешь их найти — ищи там... Они узнали меня. Махали на прощанье.

Ирина слушала плача, а когда Хабиба замолчала, с непосредственностью, свойственной ей, и совсем некстати сказала:

— Мама, Альбиян в госпитале. Ранен...

Апчара бросила на Ирину укоризненный взгляд. Она хотела подготовить мать к этой вести. Ирина поняла это, но было поздно. Однако обе они были поражены, когда печальную весть Хабиба приняла без крика и истерики.

— Мне уже сказали... Пусть столько лет жизни прибавится моему сыну, сколько капель крови пролил он. Пусть и аллах им будет доволен, как довольна мать своим сыном. Не о ратном подвиге он мечтал. Покойный Темиркан радовался: у твоего сына, мать, лоб ученого. Быть ему ученым, говорил он. Альбиян тянулся к науке, а не к оружию. Но и оружие в его руке не дрогнуло. Земля богата сыновьями. Увижусь с Темирканом, не придется прятать глаза.

Еще дело. Утром выгнали Хабляшу в стадо, а она до сих пор не вернулась.

Аульским пастухом нанялся теперь не кто-нибудь, а Мисост. Казалось бы, зачем ему — полны амбары зерна.

Но у Мисоста своя голова. Придут немцы: какой спрос с пастуха? Мисосту предлагали пост, о котором он мечтал все последние годы, ставили его председателем сельсовета. Не захотел. Скользкое время. Надо подождать, кто верх возьмет...

Стадо паслось около кирпичного завода и попало под немецкие бомбы. С десятков коров погибло. Раненых тотчас прирезали. Призывали свидетелей, составляли акты, чтобы потом отчитываться перед колхозом. И знали, что отчитываться придется теперь не скоро, но акты все-таки составляли.

Хабиба плакала вместе с Данизат над пепелищем сидельщика, некогда ей было идти в стадо, составлять акты, искать свидетелей.

— Цела, так придет, а если убило, на то воля аллаха!

— Опять аллах,— заметила Апчара.

— Ну что ты сидишь на моей губе? Без аллаха и волос с головы не упадет. На все его воля. Послал нам испытание и глядит, кто оплошает, а кто выстоит в беде...

— А давайте загадаем.— Апчара сверкнула глазами, словно возвратилось прежнее школьное ее озорство.— Придет Хабляша целой и невредимой — целым вернется и Альбиян. Как ты, Ирина? Мама?

— Леню идти за коровой, вот и придумываешь.

— Нет, мама. Мне ничего не стоит выбежать за околицу. Но давайте испытаем судьбу. Согласны?

Ирина молчала. Ведь в стадо попали бомбы... Была б цела Хабляша, стояла бы у ворот.

— Ну?

— Аллах вернет корову, аллах вернет и Альбияна,— согласилась Хабиба.

В этот самый момент у ворот и замычала Хабляша. Апчара бросилась к корове, встретила ее, как вестника радости, обняла за шею, поцеловала шелковистое ухо и влажную морду. Этих нежностей Хабляша не оценила. Она поспешила в сарай, где ее ждал сочный корм.

— Гляди. Слушай!— торжественно сказала Хабиба, как говорят старики, которые по бараньей лопатке предсказывают будущее.— Вернется сын целым и невредимым. Аллах прикроет его от всех бед.

— Да будет так.— Апчаре хотелось угодить матери. Хабиба взяла подойник и пошла в сарай. Там она ук-

радкой тоже поцеловала корову за то, что она предвещает возвращение сына.

Но вечером разговор опять осложнился.

Апчара для воздействия на мать рассказала о судьбе Солтана Хуламбаева.

— Так поступают немцы с теми, кто носит в сердце нашу правду.

Хабиба поняла уловку дочери.

— Не с волками живем. Не выдадут. Подумаешь, головной журавль молодежи! Похлеще тебя есть. И какая ты фронтовичка? Повезла бойцам подарки. Да и то не довезла, растеряла в степи. Не велика твоя заслуга, чтоб тебя немцы искали. Девчонка несовершеннолетняя. Если таких, как ты, убивать, детей не останется в ауле. А не останется в ауле детей — зачем тебе жить одной? Куда все, туда и ты. Ты не лучше других, не хуже других... — Здесь Хабиба кривила душой, потому что считала свою дочь лучше всех на свете. Но надо же внушить дочке, что она ничем не выделяется среди своих подружек.

— А то, что поймала шпионов?

Но Хабиба не признала и этих заслуг.

— Каких шпионов? Не ты их поймала, а Чока Мутаев. Он до сих пор в горах, перегоняет скот из ущелья в ущелье. И сейчас воюет против бандитов. Ты хочешь в горы, а знаешь, сколько там бандитов-парашютистов? Мне Бекан рассказывал. В пещерах шашлыки жарят. Кругом стада бесхозных баранов — бери и режь. Даже Питу Гергов свой горб, как седло с коня, сбросил. За Прохладной скопище скота. Все дороги заняты, войскам не пройти, не проехать. Вот Питу и повадился туда. За день два раза успеваешь обернуться. Пригонит несколько коров — продаст и снова за живым товаром. Кому война, кому — базар.

— Успеют эвакуировать скот?! — заволновалась Апчара, вспомнив все заседания на этот счет.

— Гулевою скотину и овец угнали к хребту.

— Бекану не удалось угнать лошадей?

Апчара поражалась осведомленности Хабибы. Сама Апчара, когда сидела у коммутатора, тоже знала все фронтовые новости и положение дел. Но ведь там — коммутатор! И вот, оказывается, не надо никакой техники, чтобы знать все, что делается в ауле, в ущелье,

в окрестных горах. Да и правда, разве нужен здесь телефон для новостей о том, что по распоряжению Зулькарнея Кулова угнали в горы всех людей, кого только можно, пробивать дорогу через хребет в Закавказье. По этой дороге хотят погнать скот. Но простое ли дело пробить кирками скалу? Чока Мутаев тоже там в горах пробивает дорогу.

— О Бекане не знаю ничего,— призналась Хабиба.— У него сам дьявол в советниках. Никто не знает, что у старика на уме и где его нелегкая носит.

Хабиба только один раз видела старого седельщика. Сокрушался. Один велит: гони лошадей вниз по Тереку, в Дагестан, другой приказывает: поднимай лошадей на хребет Кавказа. Там-де их будут охранять партизаны. Лошади выбились из сил. Не буду я никого слушать. Мне доверили сохранение элиты. Поступлю по своему разумению. Бахов хотел забрать у него жеребца Шоулоха, не отдал. Спрятал в пещере и сказал: сам ищу вторые сутки, найдется — приведу. Потом Бахову стало не до коня.

Ночью долго не могли заснуть. Рассказов хватит на месяц...

Сначала Апчара наговорила с матерью на своем родном языке, потом стала шептаться с Ириной, рассказывала об Альбияне, о других командирах, о капитане Локотоше.

На заре послышался стук в ставни. Хабиба замерла, боялась пошевелиться. «Пришли,— подумала она.— Неужели так быстро?» Теперь уж она жалела, что не отпустила дочь и сноху. Вот и пришли за ними. Ирина тоже услышала стук. Она закрылась одеялом, прижала к себе спящую Даночку. Стук повторился. Привыкшая на фронте недосыпать, проснулась Апчара. Побежала к окну. За окном послышался недовольный голос: «Вымерли, что ли?»

— Кто там?

— Апчара, открой. Это я — Бекан.

Из постели вылезла Хабиба.

— Что за беда тебя пригнала раньше зари? — Хабиба натягивала на себя платье.— Напугал-то как! Разве можно в такое время стучаться в окно. Клянусь аллахом, от страха чуть не лопнуло сердце. Думала, немцы.

Ирина все не верила, что это старик Бекан.

— Не к тебе пришел. Ты можешь спать. Мне Апчара нужна. Апчара! Выходи побыстрее!

Апчара была уже одета. Увидев Бекана на коне, обрадовалась, решила, что старик уходит в партизаны и хочет ее взять с собой. Седельщик в поводу держал второго коня, и не простого коня, но Шоулоха.

— За мной?

— За тобой.

— А Ирина? Она тоже хочет в партизаны.

— В партизаны потом. Садись на Шоулоха, поедем.

— Куда?

— Опять «куда?» Я думал, на фронте ты стала джигитом. А ты по-прежнему «куда?».— Бекан спешился, подошел поближе к девушке, ведя за собой двух лошадей. Шоулох косился на тихую серую лошадку под новеньким седлом. Старик чуть кончиком усов не касался уже Апчары.— Матери не говори. Будем знать об этом только ты да я. Не хочешь — сразу скажи. Надо гнать маточное поголовье за хребет, к соседям. Немец ночью подошел к Баксану. Надо торопиться. На сборы четверть часа. Согласна?

— Конечно!

— Молодец! Учти, задание правительства. Сдадим там лошадей, а потом видно будет. Может, в партизаны подадимся. Оттуда перевалами проберемся в Чопракское ущелье. Там сейчас Чока.

— Чока?

— Конечно. Давай быстрее...

На крыльцо вышла Хабиба.

— Не собирается ли мастер седельных дел умыкнуть девушку? Говорят, утренний гость долго не засиживается. Заходи...

— Да будет в твоём очаге огонь всегда. Не в гости пришел, сестра. По делу.

— Аллах свидетель, моя дочь приравнена к джигиту, если к ней стали ходить по делу?

— Я ее не приравниваю к джигиту. Я ее ставлю выше джигита. Не побоялась на фронт поехать. Скажу по правде, не каждый джигит рискнул поехать на фронт. Нашлись такие, кто укатил за хребты и моря.

Пока Хабиба и Бекан разговаривали, Апчара выскочила из дома с маленьким узелочком в руках.

— Куда? — встрепенулась мать. — Да ты, старый, и в самом деле ее умыкаешь?

— Разве я ее умыкаю? Она сама едет...

— Это куда еще? — Хабиба схватила дочь за руку. — Ни шагу не сделаешь из дому.

Дело осложнилось. Бекан знал характер Хабибы. А тут времени в обрез. Табун ждет. Немцы в двадцати километрах.

— Не шуми, сестра. Свидетели нам не нужны. — Бекан хотел поближе подойти, но лошади, не привыкшие к женщинам, упирались. — Послушай меня. Я тебе все расскажу. Ты — мать, ты ей не желаешь зла. Я тоже. Сама знаешь почему. За жизнь Апчары я в ответе перед памятью Темиркана, как и ты. Дай бог, чтобы она зажигала огонь в моем очаге, и ты, и я этого хотим. Мой дом в развалинах. Не беда. Лишь бы голова цела была — шапка найдется. Построю я дом. Еще лучше и красивей. Построю на радость потомству. На удачу, на счастье мы бережем подкову, прикованную у порога. Сломалась у нас подкова, но воля не сломлена. Мы до своей цели дойдем, увидишь, коснется рука того, к чему стремимся всем сердцем. Отпусти, Хабиба, свою дочь. Разреши взять ее с собой.

— Нашел коногона! Девушка она...

— Нашел. Я не меньше думаю о ней. Пусть поедет со мной. Фронт поломался. Немец воду пьет уже из Баксана. Враг у порога. Разреши взять мне ее к соседям. Головой отвечаю я. Разреши. Мало ли что будет. Девушка видная. Придут немцы... Иначе обернется дело — вернемся. Клянусь, тотчас вернемся. Сдадим лошадей по акту и назад...

— Как же я одна буду? — Хабиба уже колебалась.

— Почему одна? Рядом Данизат. За ночь я ее переселил в сарай. Пока пусть там. Она совсем одна. А у тебя сноха, внучка. Тебе ли сетовать на одиночество? А мне Апчара будет помогать в дороге. Ты думаешь, я ее заставлю гнать лошадей? Это я сам. Просто попутчица. Все-таки стар я. Дорога опасная. Где-нибудь на перевале вдруг почувствую себя плохо... Разреши, сестра.

Хабиба сдалась.

Апчара сидела в седле, как женщина, свесив обе ноги в одну сторону. Это пока Хабиба смотрит, а вооб-

ще-то Апчара знает, как нужно сидеть в седле, недаром она положила в узелок вместе с другими вещами брюки Альбияна.

Ирина радовалась за Апчару. На седельщика она надеялась, уважала его. Это уважение началось давно, в первые дни ее жизни на новом месте. Хабиба огорчилась, когда сын привез в дом москвичку. Как разговаривать, как объясняться с ней? Будешь ее ругать, а она все равно ничего не понимает. Кроме того, по обычаю, сноха главная женщина в доме. На ее плечах держится все хозяйство. Хабиба должна переложить на сноху все дела и заботы, а сама уйти на покой. Теперь ее дело быть плакальщицей на похоронах, молиться пять раз в день да обогащать сноху своими советами. Но как же ей посоветуешь, не зная языка? Хабиба плакала от досады, и однажды седельщик нашел для нее слова утешения.

— Ты глупа, сестра,— сказал он. Такой снохе цены нет. Я бы от радости три раза кинул свою папаху в небо, если б мой Чока привел в дом такую жену, как твоя Ирина. Ты понимаешь, что такое москвичка? На старости лет иметь под своей крышей москвичку — мечта! Была бы Ирина здесь, когда покойного Темиркана донимали наветами! Ой-ой-ой! Обидчиков заставили бы воду пить через нос. Москвичка! Кто ее соседи там в Москве? Не знаешь? То-то. Сталин, Калинин, Буденный. И Ворошилов живет недалеко от ее дома. В Москве друг друга знают, как мы в ауле, сколько волос на чьей голове. Допустим, навалятся на тебя обидчики или сама захочешь жалобу подать. Скажешь Ирине — и все. Сноха напишет, дескать, так и так, обижают мою свекровь. А при необходимости махнет прямо в Москву, да и к своим соседям. Глядишь, твой обидчик уронил папаху в лужу. Потом приходит сам: Хабиба, извини. Не знал, что у тебя сноха — москвичка. А ты горюешь: сноха...

Между тем Апчара и Бекан скрылись за поворотом.

У КАМНЯ ЗА ПАЗУХОЙ

Держалась летняя жара, и в горах по-прежнему таяли снега. Бурная, ревущая и грохочущая по камням вода Баксана не убывала, и неожиданно Баксан сделал

то, чего не смогли сделать ни Днепр, ни Дон, ни Кубань,— он остановил врага. Немцам не удалось форсировать с ходу эту реку, а мост был взорван.

Простояла неделя тишины, и в ауле Машуко зашевелилась жизнь. Старики попросили Мисоста, чтобы он стал муллой. Кроме Мисоста, не оставалось в ауле знатока священной вязи корана. Мисост согласился, но сказал, что будет муллой только по совместительству со своей главной работой.

— Что коров гнать на выпас, что вас на молитву — все одинаково,— добавил Мисост.— Но только убитых бомбами не буду сам обмывать. Поручите эту черную работу Сентралю.

Так и сделали.

Аул жил непривычной жизнью. Собрались старики, обсудили, что же делать дальше. Но их организаторских и административных способностей хватило только на то, чтобы пустить мельницу. Долго спорили притом, куда девать гарцевый сбор. Мельница-то как-никак колхозная. Решили складывать гарцевый сбор отдельно, как пособие пострадавшим от бомбежки. Установили на мельнице поочередное дежурство. Но на самом деле старики дежурили все вместе, никто не хотел уходить домой. Образовали мельничный совет, который фактически оказался чем-то вроде сельского совета — единственной реальной властью в ауле.

У Хабибы в саду расположились артиллеристы-зенитчики. Установили орудия. Изрыли весь сад. Бесцеремонно обрубали ветви у яблонь и груш, чтобы не мешались. Хабиба не ругалась с зенитчиками: остались бы целыми стволы — ветви вырастут.

Даночка первая проторила дорожку к зенитчикам. Ей все позволено. Бегает от орудия к орудию, мешается, лепечет, а между тем каждый боец старается заслужить ее внимание. Артиллеристы хохочут, слушая забавный лепет трехлетней малышки.

Даночка пела бойцам военные песенки. Бойцы спрашивали у нее:

— А где твой папа?

— Пошел убивать гитлеров.

Постепенно Хабиба тоже нашла дорогу к сердцам артиллеристов. Она приносила им сваренные в котле нежно-восковые кукурузные початки. Бойцы ели

кукурузу, а Хабиба глядела на них, прислонясь к дереву.

В каждом видеела она своего Альбияна. Может, и его кормит вот так же чья-нибудь мать.

Бойцы, видя, как старая женщина стоит около дерева приглашали ее присесть с ними, но она отказывалась на ломаном языке:

— Кушай, кушай, наша син. На здоров кушай.

Что-то материнское чувствовала Хабиба в себе к этим бойцам. Не потому ли еще, что они артиллеристы, как и ее Альбиян, носят точно такие же петлицы с двумя перекрещенными пушками?

Во время налетов Хабиба убегала в глубину сада и пряталась в арык. С ней вместе мчался по тропинке и пес Мишкарон. Он тоже научился прятаться от бомб. Вода арыка и его высокие берега защищали их. Хабиба сидела в воде по пояс, а у пса торчала над водой только одна голова. Но, конечно, Хабиба нажила насморк.

Артиллеристы немало потешались в душе над убежищем Хабибы и однажды вырыли для нее щель. Узкая, продолговатая яма напоминала могилу, Хабиба ни за что не хотела в нее залезать, боясь, что ее похоронит заживо. Но снова загудели самолеты, а купанье в арыке не самое большое удовольствие, и Хабиба смирилась. Сначала она по привычке бросилась было к арыку, но свернула и юркнула в щель. Мишкарон недоуменно оглянулся и помчался на свое старое место.

Едва не получилось то самое, чего боялась Хабиба. Крупная бомба ухнула поблизости, и стенки щели сдвинулись, стиснули бедную женщину. Выдохнуть-то она выдохнула, а вдохнуть уже не могла. В глазах стало темнеть, и крикнуть не может. В этот самый миг бойцы вытащили ее на свет божий, хотя бомбежка еще не кончилась. Этот случай еще больше сблизил ее с артиллеристами.

— Из могилы вытащили меня,— говорила бойцам Хабиба.

— Значит, войну переживешь. Это точно,— говорил кто-нибудь из бойцов.

Сначала Хабиба очень переживала, что около нее обосновались зенитчики. И не изрытого сада жалела она, не срубленных яблоневых веток. Боялась, что зе-

нитные пушки притянут к себе немецкие бомбы. В кого же немцам и целиться, если не в зенитчиков? Как увидят сверху пушки, так и начнут бросать. Но бомбы одинаково падали по всему аулу, и Хабиба привыкла. А тревоги рядом с людьми переносить легче.

Так и жили: Хабибе спокойнее, бойцам парное молоко, Хабляше от бойцов свежая трава. А щель вырыли новую, около самого дома, чтобы недалеко бегать Хабибе и Мишкарону, научившемуся теперь при самолетном гуденье прыгать не в арык, а в темную яму.

Зенитчики много разговаривали, спорили между собой: почему сноха Хабибы оставила Москву и переехала в глухой аул? Как надо любить человека, чтобы ради него сменить столицу на эту глушь! К тому же никто ее здесь не понимает, а сама не знает ни законов, ни обычаев этой земли.

Ирина между тем отправилась в город посмотреть, уцелели ли ее квартирка и вещи. Но больше того ей хотелось узнать, что делается в мире. Кто же мог быть самым верным источником информации, если не аптекарь Яков Борисович? К нему идут за лекарством, а старик так уж устроен, что не может не расспросить зашедшего в аптеку обо всем на свете.

Ирина чуть не рассмеялась, когда увидела Якова Борисовича в кабардинской одежде. На нем была голубая черкеска, бешмет, кинжал на кавказском поясе. Старик мягко ступал по аптеке в легкой сафьяновой обуви. Ни дать ни взять — кавказец.

— Удивляешься наряду? — спросил Яков Борисович. — Удивляться нечего. Мы, кабардинцы, должны носить свою форму. А то отдали ее танцорам, театрам. Артисты станцуют «кафу» — форму в сундук. До следующего раза. Не годится это. Старики пусть покажут пример. Национальную форму нельзя терять...

Но и Яков Борисович не менее был удивлен, узнав, что Ирина пришла не за лекарствами для Даночки, а просто так, по старой дружбе. Ведь Ирина заведовала в школе медицинским пунктом и часто обращалась за медикаментами к Якову Борисовичу. Старый аптекарь помогал ей, и между ними завязались добрые отношения.

Действительно, аптекарь знал многое. Оказалось, немцев остановили у Эльхотовских ворот, в нескольких десятках километров от Орджоникидзе. Эвакуировавшиеся из Нальчика, конечно, не остались в столице Северной Осетии, а уехали дальше — в Грузию. Яков Борисович уже выведал путь, по которому можно уйти к своим. Ему бы только незаметно выбраться в лес, а там он найдет тропу.

Шутя рассказал Яков Борисович, что спасти аптеку ему помогла как раз кабардинская национальная одежда, которую он теперь не снимал. Когда грабители налетели на аптеку и стали в нее ломиться, аптекарь вы-

шел к ним в черкеске, с обнаженным кинжалом в руке, и любители легкой поживы, то ли от неожиданности и удивления, то ли и правда испугавшись, повернули назад.

Но самое интересное, что узнала Ирина от аптекаря, это то, что Кулов в городе и даже два дня назад заходил в аптеку. По словам старика выходило, что Кулов находится в штабе армии где-то неподалеку, чуть ли не в одном из домов отдыха. Он будто считает, что поспешил с эвакуацией учреждений. Если положение на фронте стабилизируется, не исключена возможность, что вернутся государственные и партийные организации. Якова Борисовича он будто бы похвалил: «Молодец, самый достойный джигит изо всех горожан. Сохранил аптеку. А ведь все люди рано или поздно пойдут к тебе за помощью. Ты здесь и доктор и провизор». Сам рассказал аптекарю, что занимается снабжением армии. Но главная его забота — это строительство дороги через Кавказский хребет. Она необходима, чтобы угнать скот в Грузию. Аптекарь жалел Кулова, которому не хватает людей.

— Посуди сама, председатель Комитета обороны, а нет у него даже секретарши и машинистки. Кстати, почему бы тебе не стать секретаршей Кулова? Я могу это устроить. Кулов будет рад. У него в приемной некому даже отвечать на телефонные звонки...

— Я в аule Машуко живу.

— У тебя же есть здесь квартирка. А нет — так в городе столько свободного жилья... Занимай которое хочешь.

Ирина пошла в свою квартирку.

Бомба угодила в середину трехэтажного дома и вырвала все квартиры среднего подъезда. По бокам осталось как бы два здания. В правом уцелевшем обломке на третьем этаже и была квартира Ирины. Все в ее комнатах было по-прежнему. Неубранная постель, голый матрац. Диван. Этажерка с книгами. Стол. Детская кроватка. Все, что успели нажить они с Альбияном. Через разбитое окно наружу вылезли тюлевые занавески, и ветер треплет их, словно белые флаги.

Эвакуированная из Ростова семья, ютившаяся последнее время на кухне, уехала куда-то, побросав поло-

вину вещей. Эти вещи Ирина сложила отдельно и принялась наводить порядок в своей комнате.

Может быть, это хорошо, что она никуда не уехала. Сам Кулов собирается вернуть назад всех, кто поторопился с эвакуацией. Только вот нет воды и света. Баксан-ГЭС захвачена немцами, насосные станции не работают. Скоро наступят холода. Хорошо бы найти железную печку. А трубу можно вывести в окно.

Прибираясь в квартире, Ирина все думала, идти ли к Кулову в секретари-машинистки. А если не идти, на что жить? По воскресеньям в городе собирается базар. Цены там такие, что и во сне не могли бы присниться. Одно время советские деньги совсем перестали ходить. Да и сейчас их берут неохотно. Меняют вещь на вещь. За хорошее платье — стакан соли.

А у Кулова дадут паек. Даночка останется у Хабибы.

Возвратившись в аул, Ирина узнала здешнюю новость: к Данизат приехал с гор Чока Мутаев. В сарае, где ютилась его мать, он навесил новую дверь, утеплил чердак, перекрыл крышу. Битыми стеклами залатал окошки. Извлек из кучки щебня и глины все, что могло пригодиться матери. Сменял мешок кукурузы на полмешка муки. В этом ему помог мельничный совет. Не мог он уехать, не навестив Хабибу, а увидев Ирину, обрадовался, как ребенок.

Оказывается, он теперь командир отряда. В его распоряжение Кулов послал два взвода из войск НКВД для охраны скота. Бойцы отряда не только охраняют скот, но и отдельными группами пробираются в тыл врага, угоняют оттуда гурты, подготовленные немцами для отправки в Германию.

Чока не раз ходил в рейд по тылам противника. Однажды ему удалось угнать целую конеферму.

— Немцы знаешь как боятся! — рассказывал Чока. — По одному ходить не решаются. А в степь ни за что не пойдут и целым стадом.

— Партизаны уже есть?

— Да вот крупный отряд самообороны под командованием Якуба Бештоева. Держит на замке Чопракское ущелье...

Пока Чока и Ирина обменивались новостями, Хабиба испекла лукумы из кукурузной муки — вкусные румяные лепешки, приготовила гедлибжу.

— Чопракские ворота на замке,— говорил Чока.— А ключ в руках у Бештоева. На севере несокрушимый замок, а на юге развернулось строительство — прорубаем окно в небо. Понимаешь?

— Как прорубаете окно?

— Через хребет — восемь километров толщина стенки.

— Неужели пробьете?

— Военные помогают. Саперы. Натаскали горы взрывчатки, грохот стоит над горами — вторая война. Сам Бахов ночует в ледниковых пещерах. Прорубим окно, сначала пойдут люди, перетащим уникальное промышленное оборудование, затем погоним скот. А когда дорога освободится, из Закавказья придут войска, наладится снабжение и ударим немцам в спину.

Хабиба не понимала, о чем говорят Чока с Ириной, но все же спросила:

— Много скотины попало к немцам?

Чока задумался, прежде чем ответить.

— Не все колхозы успели спустить скот с пастбищ, но получилось к лучшему. Нет худа без добра. Соседи на плоскости погнали скот от немцев. Их стада ушли заблаговременно. Но сумеют ли уйти от танков, бронетранспортеров? А тут еще авиация... Немцы ловят коров, грузят на платформы и отправляют в Германию.

— Да обернется запором это мясо в животе Гитлера! — сказала Хабиба.

— А наш скот пока в горах за Тереком. Мясной скот, овец и лошадей отправили к берегам Каспия. А там видно будет: что осталось — роздали колхозникам под расписки.

— Как мне Хабляшу?

— Ничего она? Хватает молока Даночке?

— Бекан сам выбирал. Уж он знает, какую брать.

Чока уехал в хорошем настроении. За Апчару он спокоен. Она не попала на фронт, а теперь Бекан не даст ей пропасть. Она теперь «у камня за пазухой», как называют здесь Закавказье. Туда мчатся все, кто хочет выжить в этой войне.

Рано утром отправилась в город и Ирина. Хабиба разрешила ей устроиться на работу, но Даночку оставила у себя.

Яков Борисович слов на ветер не бросал. В дверной

щели Ирину ждала записка от Кулова с указанием номера комнаты, куда ей надлежало явиться. Написано от руки. А кто принес? Неужели сам Кулов приходил? Ведь если верить аптекарю, некого ему посылать.

Ирина никогда не ходила по высоким учреждениям. Она с волнением переступила порог самого большого в городе здания. Она ждала, что кто-нибудь остановит ее, спросит документы. Никого. Пусто. Во многих окнах выбиты стекла, ветер свистит и треплет бумажные полоски, которыми стекла были заклеены крест-накрест. Пахнет гарью.

Ирина поднялась по лестнице, пошла по пустынному длинному коридору, ища номер комнаты, указанный в записке. Попала в приемную, и здесь — никого. Дальше идти не хватило смелости. Села и стала ждать. Вдруг распахнулись двойные, обитые черным дерматином двери, и показался Зулькарней Кулов, одетый по-военному, но без знаков отличия. Ирина вскочила.

— Здравствуйте, Зулькарней Увжукович...

— А, кабардинская сноха! Пришла все-таки. Я думал, обманул меня аптекарь. Заходи, изучай обстановку...

Ирина вошла в огромный кабинет.

Прежде всего Кулов познакомил Ирину с телефонами. Их было четыре, но действовало из них только два: правительственный — ВЧ и полевой, связывающий комитет со штабом армии. Городской и междугородный отключены. Кулов объяснил Ирине ее обязанности. Ирина должна отвечать на телефонные звонки. Запоминать, кто, когда, по какому поводу звонил, и докладывать ему. Записывать в необходимых случаях беседы Кулова с посетителями.

— Главное, никого не подпускай к этому телефону.

Ирина с опаской посмотрела на молчащий большой аппарат. Он стоял отдельно на приставном столике, под правой рукой, если сесть за большой, с зеленым сукном, стол Зулькарнея Кулова.

— И мне не подходить?

Кулов засмеялся:

— Тебе даже надо. Для того я тебя и оставляю здесь. Каждый раз я буду говорить, где меня искать. Я еду в штаб армии. Спросят, так и скажи. Я рад, что ты жена командира-фронтовика... О твоём муже я слышал.

— Уходить когда можно?

— Чувствуй себя хозяйкой. Будешь сидеть вот здесь.— Кулов вывел Ирину в приемную и показал рабочее место за большим столом. Рядом с письменным столом — столик поменьше с телефонами. У стены мягкий кожаный диван, глубокие мягкие кресла, мягкие стулья.— Устанешь — можешь прилечь. Все в твоём распоряжении. Есть захочешь — соображай сама. Ничем помочь не могу. Ходи домой обедать или с собой носи. Уходя, не забудь запереть на замок все двери. Вот ключи. Ясно?

— Ясно...

— Тогда оставляю тебя на командном посту. Главное, не теряйся.— В дверях Кулов остановился.— Да, вот еще. В случае налета — это не исключается — бомбоубежище в подвале. Вход по лестнице в конце коридора. Услышишь — бьют зенитки, беги... Немец ведь рядом. Авиация у него в Пятигорске, в Минводах.

Оставшись одна, Ирина первым делом подошла к большой карте Европейской части страны. На ней разноцветными флажками и условными знаками обозначено все, но сразу не разберешься. Синие знаки обозначают противника, они густой и широкой полосой начертаны вдоль железных дорог. От узловой станции Прохладная эти знаки раздваиваются: один на Моздок, другие — на старую кавказскую дорогу в сторону Беслана, расчленяя надвое Кабарду. Эти синие знаки кончались у Эльхотовских ворот.

В первые дни на новом месте покой Ирины нарушал один только полевой телефон в зеленом ящике с черной трубкой. К нему она не сразу привыкла. Ручку надо было крутить изо всех сил. А большой черный телефон хранил грозное молчание. Ирина даже не дотрагивалась до него. Вдруг скажет кто-нибудь из правительства: ты чего, девчонка, сидишь у такого важного аппарата?

Жизнь в городе восстанавливалась медленно.

Первой заработала баня, стоявшая в дельте реки. Водопровод по-прежнему не действовал, но к бане подвели канал и поставили пожарный насос. Работали все вместе, военные и гражданские. Когда из трубы повалил черный дым, закричали «ура». Кто таился в ближних лесах, постепенно возвращались в свои дома. Через несколько дней заговорил и городской телефон. Теперь

у Ирины стало три действующих аппарата. Только успевай отвечать. Стали появляться и посетители.

Однажды Кулов не без радости сообщил:

— Кабардинская сноха, тебе придется взять на себя обязанности главбуха и кассира. В нашем городе уже есть банк. Можешь составить ведомость и выписать нам с тобой зарплату за полмесяца.

— А что покупать на эти деньги? Магазинов-то нет. На базаре наших денег не берут. Плати натурой...

— Банк есть — будут и магазины. У нас по крайней мере есть военторг. Я сказал, чтобы тебя прикрепили.

Неожиданно появился информационный листок, выпускаемый местной газетой. Он пока печатался в Тбилиси. Тираж доставлялся в город по горным тропам. Но Ирина знала, что уже приводится в порядок разрушенная типография.

Волей-неволей Ирине приходилось читать документы, иногда очень важные. Она завела книгу входящих бумаг, а сами бумаги хранила в сейфе и показывала только Кулову. Таким образом она знала, что делается в тылу и на фронте.

Однажды, когда Кулов совещался в своем кабинете с военными, в приемную вошел человек в истрепанной, запыленной, выгоревшей форме. Он остановился посередине приемной и уставился на Ирину с удивлением, но широко улыбаясь.

— Вы что, не узнаете меня?

Ирина действительно не узнала странного посетителя. Из деликатности она залепетала:

— Ну да, как же, конечно...

— Да я Локотош! Капитан Локотош. Помните, на станции, когда отправлялась Нацдивизия, нас познакомил Альбиян?

— Боже мой! Откуда же вы? Садитесь, садитесь, пожалуйста. А как ваша нога? Где палка? Как же это я сразу не узнала... Но вы изменились. Очень. Апчара много рассказывала о вас...

Приглядевшись, Ирина поняла, что Локотош изменился не только внешне. Пропали задор и бодрость. Капитан стал каким-то серьезным и жестким. Чувствовалась в нем глубокая усталость и вместе с тем настороженность, готовность к немедленному действию, как у пойманного зверя. Он и сейчас бросал взгляды по сторо-

нам, словно дверь откроется и на него набросится враг. Постоянная опасность сжала его, как пружину.

— Откуда вы?

— Вас, конечно, больше интересует Альбиян. К сожалению, мы давно расстались с ним...

— Я знаю. Апчара рассказывала.

— Ах да!

— Вы же остались в тылу врага?!

— Да, я оставался. Апчара добралась благополучно?

— Вы-то как выбрались?

— Целая история. Тысяча и одна ночь. Как дочка? Альбиян все время вспоминал о ней.

Локотошу не терпелось расспросить об Апчаре, но в это время открылась дверь. От Кулова уходили военные. Локотош вскочил, увидев среди военных генерала и полковника, встал по команде «Смирно!». Те бросили вопросительный взгляд на капитана и ушли, козырнув ему и Ирине.

Ирина исчезла в дверях кабинета и тотчас вернулась.

— Он ждет.

Локотош подтянулся, поправил на себе гимнастерку и четко вошел в кабинет.

Звонили телефоны, но Ирина никого не соединяла с Куловым. Вскоре раздался звонок, приглашающий Ирину в кабинет.

— Садись, кабардинская сноха. Будешь записывать все, что этот человек о себе расскажет. Пиши точнее, как на допросе.

То ли пошутил Кулов насчет допроса, то ли серьезно сказал. Ирина села за столик для стенографисток и раскрыла блокнот.

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН...

Из обстоятельного рассказа Локотоша о своем скитании по тылам противника Ирине удалось записать главное.

Вернувшись к тому месту, где он оставил свой отряд в тот роковой день, Локотош ужаснулся. Перед ним открылось пахнущее порохом, пшеницей, травой и кровью поле недавнего боя. Дорога была пустынной, пшенич-

ные поля хранили безмолвие. Локотоша бросило в дрожь от первой пришедшей на ум мысли: не разгромил ли Якуб задержавшего их лейтенанта, как он это предлагал сделать капитану. Но, подойдя поближе, капитан понял, что тут произошло. Воронки, следы танков и две сгоревшие немецкие машины рассказали обо всем лучше слов. Неясно только: почему среди множества убитых нет ни одного кавалериста? Всюду лежали убитые. Был раздавлен танком и сам лейтенант. Но куда делся Бештоев?

Локотош носился по полю боя. Искал следы от копыт. Он наткнулся на труп немецкого офицера, забытого в пшенице. Неподалеку Локотош споткнулся о ранец с верхом из телячьей шкуры. Локотош поднял его, посмотрел. В нем оказалась совсем новенькая форма немецкого офицера. Пригодится. И один в поле воин.

Вдали показались крытые немецкие машины. Локотош спрятался в пшеницу. Колонна грузовиков с автоматчиками прошла на Элисту, не опасаясь, что в пути их подстерегает опасность. Ясно, что Бештоев подался не на восток. На север тоже он не мог повернуть, иначе Локотош его встретил бы. Значит, надо искать Якуба где-то на юге. Догадка оказалась правильной.

В нескольких километрах от места боя Локотош напал на следы отряда, четко обозначенные в пшеничном поле. Локотош решил догнать отряд на мотоцикле. За час-полтора кавалерия не могла уйти далеко. Мотоцикл завелся и тут же заглох. Стрелка бензомера мертво лежала на нуле. Доездили. Мотоцикл превратился в обузу, но бросить его Локотош пожалел. Конников пешком не догонишь. Вдруг удастся где-нибудь раздобыть бензину. Капитан толкал мотоцикл вперед и медленно пробирался по следу своего отряда.

К вечеру он выбился из сил и проспал до утра. Голод и жажда мучили его. О бензине он уж не думал. За глоток воды отдал бы и сам мотоцикл. Идти дальше по следам отряда было бессмысленно. Бештоев выбрал путь подальше от населенных пунктов, избегая встреч с противником и вообще с людьми. Отыскав полевую дорогу, он свернул на нее. К вечеру второго дня Локотош увидел степной курган. Взобрался на него — перед ним в трех километрах лежал хутор. Три ряда коричневых

мазанок, похожих друг на друга, словно они вылиты в одной форме. Ни одного дерева. Мазанки как бы загорали под жарким августовским солнцем. С кургана Локотош наблюдал: на улицах тихо — нет никакого движения. Не видно и машин.

Еще вчера Локотош намолотил несколько горстей пшеничных зерен и съел их. Теперь они давали знать о себе. К жажде и голоду добавилась боль в животе. Локотош решил спрятать где-нибудь мотоцикл и с наступлением сумерек подойти к крайнему дому. Только вот не лучше ли переодеться в немецкую форму? А язык Локотош знает хорошо.

Тем временем на дороге появилась женщина. Она несла на себе мешок с чем-то тяжелым, вероятно с зерном. Локотош быстро догнал ее. Это была пожилая калмычка. За день, как видно, она намолотила полмешка пшеницы и теперь несла добычу домой.

Женщина не ожидала увидеть здесь советского военного и была теперь до смерти перепугана. Кое-как Локотош выспросил у нее, что на хуторе были немцы, но вчера ушли.

Локотош разговаривал, а сам не мог оторвать взгляд от бутылки, торчащей из сумки. Калмычка поняла и достала бутылку. На дне оставалось немного теплой водички. Локотош долго держал бутылку вверх дном, дожидаясь, не стечет ли еще одна капля. На лбу его сразу выступил пот.

— Больной? — догадалась калмычка.

— Больной, хозяйюшка. Отдохнуть бы мне.— Локотош похлопал себя по животу, показывая, чем он болен.

Калмычка молчала и колебалась. Наверно, понимала, что значит привести в дом и скрыть у себя советского офицера. Но и в беде жалко бросить. У самой сын на фронте.

— Совсем темно будет — приходи будет. Вот там. Чатвортай от край...

— Понял. Понял, хозяйюшка. Спасибо.— Локотош помог калмычке взвалить на плечи мешок. Калмычка пошла. Не обманула бы, подумал Локотош, глядя на ее согнувшуюся от тяжести спину. Как бы угадав его мысли, калмычка оглянулась:

— Только совсем темно будет...

Темнело медленно. Кружилась голова и тошнило. Начинался жар. Не хватало еще заболеть в этой степи, в тылу врага. С нетерпением и надеждой поглядывал Локотош на четвертую справа мазанку. Хутор погружался в темноту. Кругом тихо. Стрекочут кузнечики. Редкие далекие голоса раздаются на хуторе. Скорей бы вволю напиться воды!

Когда Локотош подходил к дому, калмычка его уже ждала... Рядом с ней сидела старуха с дымящейся во рту трубкой. Они провели капитана в дом и усадили за маленький столик. Пахло кизяком и еще чем-то кислым. В темноте ничего нельзя было рассмотреть. Но все же Локотош увидел квадратную дыру в потолке — вход на чердак и что уже приставлена лестница. Глазами искал ведро с водой. Старуха села и уставилась на гостя. В трубке вспыхивал огонек.

Подали большую чашу с калмыцким чаем. Локотош выпил бы весь чай единым духом, но он был горяч. На столик положили лепешки и какую-то еду, похожую на большие пельмени. Локотош глотал еду целиком. Не хватало воли, чтобы заставить себя жевать. Он понимал, что после двухдневной голодовки наедаться ему, да еще когда желудок не в полном порядке, — значит заболеть окончательно. Но голод брал свое.

Локотош проснулся на чердаке. Невозможно было понять, который час. Темно и душно. Свет проникает через дыру в потолке, в которую он вчера пролез. Окно вниз. Внизу тоже темно. Постепенно глаза привыкли к темноте, и Локотош обнаружил у постели еду, но дотронуться до нее уже не было сил...

Локотош пролежал на чердаке неделю. Старуха лечила его народными средствами. Варила сушеные кожицы от куриных пупов и отвар давала пить. Настаивала на воде сухие семена и листья конского щавеля. И то и другое было противно, но Локотош отдал себя на милость женщин и не ошибся.

Они его выходили. Он чувствовал, что сможет спуститься с чердака без посторонней помощи.

Калмычки рассказали ему новость, которая поразила его как громом небесным. В райцентре (в бывшем райцентре) в здании школы (бывшей школы) немцы расположили и обучают большой отряд конников — бывших советских военных. Конники все в немецкой

форме, и оружие у них немецкое, и командиры немецкие. Лошади только наши, бывшие... Локотош подумал: а не его ли это отряд? А что, если Якуб Бештоев пошел на предательство Родины и сдался вместе со всем отрядом?

Локотош не спал, подолгу ворочался среди ночи. В голову лезли разные невероятные планы.

Однажды, когда Локотош осмелился сидеть внизу, прибежала старуха, попыхивая своей трубкой, с которой не расставалась, кажется, и во сне. Она была перепугана.

— Верх, верх! — показывала она на чердак. — Немец!

Локотош понял, но прежде чем спрятаться на чердак, выглянул в дверную щель. В деревню въехали три немецких грузовика. Они остановились у мазанки с вывеской «Сельмаг». Локотош забрался на свой чердак, и старуха тотчас убрала лестницу...

— Бежать было нельзя? — перебил Кулов рассказчика в этом месте.

— Куда бежать? Кругом голо, как лысая голова. Курице и то негде спрятаться, не то что человеку.

Когда стемнело, Локотош решил: сейчас или никогда. Единственный случай разжиться бензином для мотоцикла. Где у немецких машин крепятся канистры, Локотош знал. Для заправки мотоцикла хватит одной канистры.

В полночь Локотош спрыгнул с чердака. Калмычки вскочили. Беспокойный гость объяснил им, что хочет уйти совсем. Те заволновались, шепотом что-то горячо объясняли друг другу, насовали ему в карманы лепешек.

Локотош осторожно подобрался к машинам. Около них ни одного человека. Немцы спали внутри магазина. Тогда Локотош расстегнул металлические зажимы, взял одну канистру и побежал в темноту.

Он обессилел от болезни, задыхался, приходилось останавливаться через каждые сто шагов, но главное, что ночью трудно было увидеть курган, по которому Локотош мог сориентироваться и найти спрятанный мотоцикл. На рассвете он его отыскал.

План Локотоша был прост. Он переоденется в форму немецкого офицера и приедет к Бештоеву, а там будет видно. Может быть, с ходу убить командира отряда

и его окружение, а людей увести в партизаны. А может, внушить Бештоеву, что и он, Локотош, перешел к немцам, увезти Якуба в степь и тогда уж...

Кулов перебил Локотоша:

— Ты был уверен, что это отряд Бештоева и что ты увидишь его самого?

— Полной уверенности не было. Но куда же делся отряд? Это ведь не иголка.

Кулов ничего не сказал на это Локотошу, и тот продолжал рассказ.

Село Сады оказалось в самом деле в садах, каких мало в Калмыкии. Локотош подъехал поближе к школе и долго наблюдал за всем, что тут происходит. Подразделения занимались строевой подготовкой, отрабатывали спортивные упражнения, изучали материальную часть незнакомого оружия. Над въездом в школьный двор развевался германский флаг. Вдоль заборов стояли лошади.

У ворот встретили часовые.

— Пригласите сюда командира отряда.— Локотош старался говорить без акцента, хотя часовые вряд ли знали немецкий язык настолько, чтобы различить по акценту. Часовые замаялись.

— Где командир, доннерветтер! — Локотош нарочито возмущался, но держался достойно и уверенно. Он был готов применить оружие в любую минуту, держал руку в кармане, не отпуская ТТ.

Мотор мотоцикла работал на малых оборотах.

Между тем занятия во дворе школы продолжались как ни в чем не бывало. Мало ли немецких офицеров приезжает сюда инспектировать отряд, предназначенный для карательных операций против партизан и скрывающихся в степях коммунистов. Время остановилось. Локотош ждал. Как встретит Бештоев? Поверит ли он, что и Локотош перешел на сторону врага?

Появился офицер, вместе с ним возвращался и солдат, посланный Локотошем. Нет, это был не Бештоев. Но отступить было некуда. В своей дерзости Локотош мог идти только вперед.

— Я приехал за вами. Мой оберст ждет вас с вашей заявкой... Черт возьми, вам надо немного вооружения, продовольствия, фуража, обмундирования... Вы получите все это через меня. Мой оберст имеет к вам вопросы...

Чтобы не дать опомниться, Локотош сел на мотоцикл и показал на люльку.

— Быстро. Быстро. Вы вернетесь назад через полчаса. Мой оберст не любит ждать...

Командир легионеров нерешительно сел в коляску. Солдат пристроился сзади Локотоша. Мотоцикл рванул. Засвистел ветер в ушах. Капитан в уме прикидывал, куда их везти и что с ними делать. Пусть они заплатят жизнью. Они этого заслужили.

Локотош свернул с главной дороги на проселочную, но тоже хорошо укатанную дорогу. Он дал такую скорость, что солдатик на ухабах едва держался. Его подбрасывало, и он несколько раз извинялся за то, что почти сажился на «господина офицера» верхом. Командир отряда одной рукой придерживал фуражку, чтобы ее не сорвало ветром, а другой держался за поручни. Спустились в балку. Капитан остановился и слез с мотоцикла, будто собирался устранить неполадку. Солдат готов был помочь ему, но не успел слезть со своего места.

Локотош выхватил пистолет.

— За измену Родине, сволочи! — Раздалось несколько выстрелов. Командир отряда пытался выхватить парабеллум.

Локотош забрал их документы и оружие.

Может быть, мотоцикл впервые со дня выпуска давал такую скорость по таким дорогам. Локотош уходил в безлюдные степи, где совсем еще недавно паслись бесчисленные стада скота и отары овец, а сейчас — пустыня. Пахло полынью, дул в лицо подогретый воздух, и только мотоцикл нарушал тишину.

Больше недели петлял Локотош по пустынным степям.

— И все на мотоцикле? — спросил Кулов.

— Нет. Мотоцикл на другой день пришлось отдать пчеловоду-старикку за буханку хлеба и банку меда.

— Недорого. В Нальчике вам дали бы больше, — пошутила Ирина.

— Двое суток я гостил у него, набирался сил. Иначе не смог бы выбраться с Черных земель. Три дня шел, вернее — три ночи. На Черных землях нет сплошной линии обороны. Отдельные узлы. То же самое и у нас. Проникают друг к другу в тыл запросто. Узлы обороны

по дорогам и населенным пунктам. Ориентироваться легко. Важно не напороться на засаду или разведчиков... Переоделся, конечно. Старался ни с кем не говорить до самого Гудермеса. Там выяснил обстановку. Поехал в Грозный, потом в Орджоникидзе. Оттуда уже сюда. Узнал, что вы живы, на своем месте, вам близко все, что связано с нашей дивизией... На двадцать второй день я вот у вас... Решайте.

— Правильно сделали,— улыбнулся Кулов.— Бештоев у меня тоже был. Он рассказывал о вас, но строил догадки. Я вам верю. Мы разберемся. Бахов встретится с вами. Он человек опытный, отыщет в амбаре и то зерно, что мышь спрятала в норке. Бахов сейчас руководит строительством прохода в скалах. Говорит: оседлал Кавказский хребет. Все боевые силы там. Они воюют пока со скалами. Мы строим «окно в небо» — дорогу через Кавказский хребет.

— И Бештоев там?

— Нет. Бештоев в Чопракском ущелье. Он там и бог, и царь, но... пока не герой. Его называют комиссаром района. А вас я назначаю командиром отряда. Ядро его — ваши же конники. Их мало осталось. Многих Бештоев распустил.

— Спасибо за доверие, товарищ Кулов. Я бы предпочел вернуться в действующую армию.

— Отряды самообороны — тоже армия. Там нужны умелые командиры. Документы получите сейчас...

— Слушаюсь.

Раздался резкий телефонный звонок. Ирина вздрогнула. Звонил черный телефон с гербом, о котором Кулов говорил: «Не подпускай к нему никого». Кулов всем корпусом повернулся к телефону и с достоинством взял трубку:

— Слушаю.

«Неужели Москва,— подумала Ирина.— Может быть, надо выйти из кабинета, чтобы не присутствовать при секретном разговоре». Но Кулов сделал останавливающий жест: «Сидите».

На проводе был представитель Центрального Комитета партии. Кулов знал его и говорил с ним, как со старым знакомым, охотно. Он коротко доложил обстановку. В предгорьях Кавказа идет напряженная битва. На карту поставлена судьба народов. На пути гитле-

ровцев непреодолимым оказался не Кавказский хребет, а стойкость советских людей. Немцы всего в двадцати километрах от Нальчика, тем не менее жизнь налаживается, идет подготовка к пленуму обкома партии, к возвращению из эвакуации учреждений, предприятий...

Голос из трубки прервал его: «Не рискованно ли это?»

— Посоветуемся с членами пленума. Некоторые настаивают вернуть в первую очередь машинно-тракторный парк, чтобы вовремя управиться с озимым севом... Соберемся не в Нальчике, нет, в колхозном клубе, подалее от линии фронта... Соседи? Звонил хозяин Дагестана... В битву вовлечены все... Осетины Эльхотовские ворота заперли напрочь. Немцы и тараном не смогут взять. Еще бы, ведь Военно-Грузинская дорога питает фронт...

Кончив разговаривать, Кулов набросал несколько слов в своем блокноте, вырвал листок и протянул Ирине:

— Напечатайте на машинке.

Ирина вышла из кабинета.

— Принимайте отряд. Действуйте так же дерзко, смело и находчиво, как в степях Калмыкии. Будут вопросы — ко мне. Звоните, пишите. Может быть, Бештоев и не придет в восторг от вашего назначения. Ничего. Он коммунист. Поймет. При случае и я заеду. Кстати, не все у него в порядке. Есть жалобы. Все на месте узнаете. Наведите порядок, превратите отряд в железный батальон. А то они там больше охотой на туров занимаются. Бештоев занят гражданскими делами, поставляет продукты строителям дороги, заготавливает корма, а боевой подготовкой у него занимается бывший завзаготбазой Азрет Кучменов. Военспец называется. Военное дело берите в свои руки. В Чопракском районе у нас огромное количество скота. Надо ущелье превратить в неприступную крепость, чтобы сберечь скот. Построим «окно в небо» — скот перегоним в Сванетию. А ущелье все равно превратим в неприступную крепость. Без опытных командиров с этой задачей нам не справиться...

Ирина принесла записку на подпись.

В приемной Локотош задержался на минуту, чтобы поговорить с Ириной. Ему хотелось узнать, скоро ли вернется Апчара и как добраться до Машуко. Он обязательно должен заехать к Хабибе. Это его долг перед

Альбияном. С какой радостью Ирина сама пошла бы с Локотошем. Но телефоны приковали ее к себе.

— А на чем вы поедете в Чопракское ущелье? — В дверях показался Кулов.

Капитан растерялся.

— Доберусь как-нибудь...

— Почему как-нибудь? Командир должен прибыть в часть достойным образом. А то пришел капитан пешком, усталый, голодный... Авторитета не будет. Ирина, спустись с капитаном вниз, скажи шоферу, пусть доведет Локотоша до Чопракского райцентра.

— Стоит ли, Зулькарней Увжукович?

— Стоит. Очень стоит. Для Бештоева это имеет значение. Он скорее поверит моей машине, чем записке.

Через несколько минут капитан Локотош мчался на лимузине в сторону ущелья.

ЧОПРАКСКИЙ ГАРНИЗОН

— **Л**а-иллах-ил — аллах! Откуда? С приветом от Гитлера? — Якуб Бештоев чуть не умер от изумления, когда из машины Кулова вышел не сам хозяин, как можно было бы ожидать, а человек, которого он давно похоронил. — Отыскал все-таки нас?! Каким это образом? На легковой прикатил, а по знакам вроде не генерал.

— Какой генерал! Не до жиру, быть бы живу...

— Из плена?!

— Да нет, пронесло.

— Ну давай, давай, гостем будешь. Надолго?

— Я не в гости, а по делу и насовсем.

Как бы в подтверждение слов капитана подошел шофер и обратился по-военному:

— Товарищ капитан, разрешите ехать...

— Да, пожалуйста. Спасибо. Передайте сердечную благодарность товарищу Кулову. Доложите: все в порядке. Через несколько дней напишу ему докладную. А может быть, приеду сам. Только вот осмотрюсь. — Локотш говорил все это больше для Бештоева, чем для шофера.

О прибытии нового командира узнали все. Первым пришел Азрет Кучменов, медлительный, нескладный человек. Таких людей называют «барашкоедами».

И правда, в его животе, обтянутом широким армейским поясом, переваривалось немало баранов. Заведуя заготовбазой, он мог не искать себе другой пищи. Его база всегда находилась в горах, вдалеке от людей, и это наложило отпечаток на характер Азрета Кучменова. Стал он человеком необщительным, тугодумом, на собраниях, куда его иногда приглашали, быстро засыпал и даже храпел. Никто не зарился на его отшельничье место, никому не хотелось жить в глухом ущелье. Азрету, напротив, не хотелось находиться на виду у людей. Причина тому крылась не в любви заведующего заготовбазой к свежему горному воздуху или к животным, но в том, что под одной крышей Азрет держал двух жен. Боялся огласки, боялся, как бы не исключили за многоженство из партии.

Теперь Азрет был заместителем Якуба Бештоева по строевой части.

— Познакомься, это капитан Локотош, с этого часа командир отряда,— сказал Бештоев, когда Азрет протиснулся в комнату и сделал жест, будто он отмахивается от мух, хотя сам-то считал, что отдал честь по уставу.

— Вот хорошо-то,— искренне обрадовался Азрет.— Наконец-то настоящий командир! А то из заготовителя баранов какой строевик? Никогда в армии не служил...

Если бы Азрет сказал: «Всю жизнь служу в армии», капитан все равно не поверил бы. Не было в нем ничего военного. Армейское снаряжение лежало на заготовителе, как старая сбруя на жеребой кобыле. А серебряные шпоры только мешали ему ходить. Их изящный звон словно издевался над его неуклюжестью.

Якуб тоже не огорчился приездом командира. Он считал Чопракское ущелье отдельным районом со своим гарнизоном войск, а себя начальником гарнизона, комендантом. Он один осуществлял здесь и военную и гражданскую власть. «Гарнизон» был разбит на многочисленные отряды. Одни заготовливают сено, другие охраняют скот, третьи — строительная бригада — сооружают помещения для скота. Якуб знал, что скоту придется зимовать в Чопракском ущелье, потому что не верил затее Кулова и Бахова со строительством дороги через хребет. Прорубить проход через Кавказские горы он счи-

тал невозможным. Так что дел у Якуба действительно было много.

— Сдай отряд. Познакомь капитана с делами, потом оба доложите мне.— Бештоев давал понять, что он остается хозяином положения, верховной властью.

Локотош вспомнил слова Кулова: «И бог, и царь, но не герой».

— Есть. Воллаги, все сделаем.— Азрет еще раз «отмахнулся от мухи».— Товарищ капитан с дороги. Голоден... Шашлык-машлык.

— Шашлык понятно. А как насчет машлыка?..

— Есть. Бутылку? Две?

— Тащи. Потом посмотрим.

В этих делах Азрет был на коне. В его распоряжении подвал райпотребсоюза, куда он свез все напитки из магазинов, а ключи держал в своем кармане. Никому их не доверял. Шашлыка хватало. Бесхозных овец в горах остались целые стада. Азрет и Якуб ели только шашлык по-карски, из одного барана — всего два шашлыка. Остальное мясо отдавали на общую кухню. Кто бы ни забивал барана, все знали: почечную часть на шашлыки по-карски отдай для Бештоева и Кучменова. Теперь возникло затруднение. Где взять третий шашлык для капитана Локотоша?..

Постепенно капитан входил в курс дела.

В его руки попала местная газета. В ней была статья о Якубе Бештоеве. Очерк назывался «Когда во главе стаи орел». Автор писал: «Когда стаю ведет орел, она преодолет и горные хребты, но если ее возглавит ворон, то он приведет стаю к падали». Якуб в статье выглядел орлом, который сумел избежать гибели, легко преодолевал опасности, подстерегавшие отряд в каждой балке, на каждом шагу. Правда, не скрывалось, что в пути отряд потерял грузовые машины, но это же не по вине Бештоева. Не было бензина. Автор очерка приписывал Бештоеву кавалерийские атаки на гитлеровцев, якобы пытавшихся взять отряд в плен. Описывается неравный бой, разгоревшийся на дороге... Локотош понял, что Бештоев присвоил себе заслуги отряда, который он бросил на произвол судьбы.

Чтобы не обострять отношений, капитан ничего не сказал Бештоеву. Да и какой толк. Что написано пером, не вырубишь топором. Газета давно уже не выходит,

опровержение давать некуда. Приедет Бахов и разберется.

Локотош взялся за дело.

Прежде всего он решил перевести всех на казарменное положение. Для этого отведено школьное здание. Пять классных комнат для пяти взводов. До сих пор бойцы собирались только на занятия, а жили кто где. Попробуй поднять отряд по тревоге, когда на сборы уходит полдня. Люди уходили в горы, да еще и уносили с собой оружие.

Бештоев смотрел на все это сквозь пальцы. Он даже не всегда знал, сколько людей осталось в том или другом взводе. Все ли вернулись с сенокоса или силосования. Посты, расставленные на тропах, ведущих в ущелье, проверялись от случая к случаю.

За два дня всюду побывал Локотош. Крепость, воздвигнутая самой природой, произвела на него сильное впечатление. Чопракское ущелье представляло собой вытянутый на десятки километров прямоугольный каменный ящик, со всех сторон окруженный неприступными, почти отвесными скалами. Лишь узкие охотничьи тропы, то исчезая в расселинах, то поднимаясь по руслам высохших ручьев, вились по склонам гор, уводя наверх. Эти тропы можно было завалить камнями или просто взорвать, и тогда по ним спуститься в ущелье невозможно. Естественная крепость имела лишь одни ворота, пробитые неумолчной горной рекой шириной в двадцать метров. Прежде чем попасть в эту узкую горловину, надо пройти несколько километров над пропастью. Достаточно сделать один взрыв, чтобы наглухо перекрыть дорогу, выскобленную в отвесной скале. Река в этом месте причудливо изгибалась, образуя гигантские гранитные стены, испещренные множеством разновеликих искусственных пещер, сделанных еще во времена гражданской войны. Эти пещеры были соединены скрытыми переходами во время коллективизации. В них скрывались те, кто вел борьбу против колхозов.

Бештоев рассадил по этим гнездам несколько десятков бойцов и решил, что наглухо закрыл вход в ущелье. А наверху, на самом хребте, покрытом вечными снегами и огромной толщей голубого льда, шла работа дорожников. Предстояло прорубить восьмикилметровую траншею в скалах и льдах. В четырех аулах, располо-

женных на дне ущелья, скопилось огромное количество скота — богатство почти всех горных колхозов. Все население вместе с отрядом было занято заготовкой кормов.

Слухи об исчезновении бойцов подтвердились. Капитан Локотош приказал всем перейти на казарменное положение. Составил расписание занятий, распорядок дня по часам и минутам, как в обычной воинской части.

В отряде поднялся ропот. Первым заговорил сам Азрет:

— Воллаги, ничего не выйдет. Какие мы бойцы? Вчерашние чабаны, пастухи, охотники. То поезжай за сеном, то за дровами. Люди и так заняты, нос вытереть недосуг...

Бойцы стали жаловаться на Локотоша Бештоеву. Но Локотош был непреклонен. Он сам ездил к каждому, кто жаловался. Проверял, так ли обстоит дело, как тот говорит. Большею частью жалобщики просто не хотели изменять своим привычкам. Жалобы прекратились, но усилилось дезертирство из отряда. У Локотоша возникла идея: не наказать ли одного дезертира публично, перед строем? Иначе не наладить воинской дисциплины.

Якуб и слушать не захотел.

— Здесь тебе это не пройдет. На другой день подстрелят, как кабана, и не узнаешь кто. А кто согласится судить? Я? Я — ни за что! И не заикайся об этом.

— Примем присягу!

— Принимали...

— Но что-то надо же делать! Или будем сидеть сложа руки? Придет день, а мы — генералы без армии. Сейчас еще не страшно, а вот погоди, немец нажмет — а мы с тобой вдвоем.

— Подождем еще.

— Чего ждать?

— Сделают «окно в небо» — из Грузии подбросят подкрепление. Будешь вводить строгости — еще больше народу убежит...

— Мы же не в прятки играем. Рядом враг. Каждая оплошность будет стоить крови, жизни людей. Я требую одного: пусть каждый выполняет воинский долг. Защита Чопракского ущелья возложена на нас. А убегать им некуда. Далеко не убегут.

— Ты плохо знаешь дезертиров. Мяса вдоволь. Лежбище туров стало их лежбищем.

— Надо создать комендантский взвод из самых надежных бойцов. Будем вылавливать беглых и привлекать их к ответственности как изменников Родины. Иначе не отряд получится, а сброд. При первом серьезном столкновении с противником ни одного не найдешь. Кто за это будет нести ответ?

— Командир отряда.

— А комиссар гарнизона?

— Вот что я тебе скажу: я предупредил тебя об опасности, а ты поступай как знаешь. С меня хватит других дел. Я тебе мешать не буду. Хочешь, наводи порядок, наводи, но меня в это дело не впутывай.

— Не мешать — это еще не все.

В словах капитана Бештоев почувствовал угрозу. Он не мог допустить, чтобы Локотош командовал им. Поводок от волов должен быть в его руках. Куда он пойдет, туда и арба. Но и Локотош не собирался уступать Якубу. Пока что они терпели друг друга. Но назревал конфликт, и он мог разразиться в любую минуту.

— Не мешать — значит дать тебе свободу действий...

— Я не прошу у тебя свободы действий. Я ее имею.

Бештоев засопел, сдерживая себя, чтобы не взорваться.

— Что тогда тебе надо?

— Чтобы ты повлиял на людей...

— Чем они тебе не угодили?

— Разболтанностью. Тебе же легче с ними говорить. Ты знаешь всех их, их родных, близких. Тебе ничего не стоит узнать, где они скрываются. Я уверен, что они по ночам возвращаются домой...

— Ты возводишь поклеп на людей. Я докажу тебе обратное. А что касается дисциплины — я согласен. Отряд в твоём подчинении, бери людей в твердые руки. Только горцы не любят этого.

— Я составил списки дезертиров. Перечислю фамилии, имена... Да ты их сам знаешь.

— Среди дезертиров, что ты записал, нет ли Чоки Мутаева?

— Какого Мутаева?

— Ну как хочешь его назови, хотя бы сыном Бекана Диданова. Говорят, поехал за скотом в тыл врага. Три дня прошло, а его все нет. Как проверить, где он? То ли скот у немцев из-под носа угоняет, то ли в аул к матери заехал, то ли его убили, то ли запишем его в дезертиры?

Локотош вспомнил, о ком идет речь.

— А кажется, я встречал его на станции, когда нас провожали. Славный парень.

— Славный. И жених славной девушки Апчары. Если, конечно, жив.

— Апчары?

— Чему удивляешься? Думаешь, тебе одному она улыбалась? Бекан Диданов — отчим Чоки — для того и увез ее в Грузию, чтобы сберечь для сына.

Воспоминание об Апчаре и разговор о ней отвлекли Локотоша и погасили спор. Но угольки-то в душе остались и у того и у другого. Подует благоприятный ветерок, и пламя займется с новой силой.

Локотош был рад, что все же не дошло дело до открытой схватки с Якубом. Он попробует навести порядок сам. Соберет коммунистов и комсомольцев, а их в отряде немало. Поговорит сначала по-хорошему, напомнит о присяге, о верности воинскому долгу, об ответственности каждого война в столь роковой час для Родины. Зачитает сталинский приказ.

Приказ не просто зачитать, подумал про себя Локотош, а принять присягу на верность этому приказу. Пусть каждый знает, что его ждет за измену присяге.

Приняв такое решение, Локотош приказал Азрету Кучменову через два дня построить отряд в школьном дворе.

Бойцы были построены. Командир отряда встал перед бойцами и сначала ознакомил их с обстановкой.

— Нечего надеяться, — говорил Локотош, — что тишина на берегах Баксана будет длиться бесконечно. Немцы чего-то ждут. А чего — нетрудно догадаться. У стен Сталинграда идет кровопролитная схватка. Враг бросает в бой новые и новые силы. Волжская твердыня стала жерновами по размолу костей и металла. Удастся немцам остановить жернова, выйдут немцы к берегам Волги — освободившиеся силы Гитлер бросит на Кавказ, потому что у него график уже срывается. Он обе-

щад всемю миру бытъ в Баку двадцать пятого сентября. Гитлер не раз пытался ввести в заблуждение мир. Если у него слова расходятся с фактами, то карты ему путает стойкость советских войск. Ясно одно — гитлеровские армии не собираются долго задерживаться у Моздока. Накопят силы — начнут боевые действия. Задача Чопракского гарнизона, — Локотош иначе не называл отряд, потому что считал ущелье крепостью, — не только в том, чтобы сохранить скот и всякое другое имущество, в том числе и промышленное оборудование, оказавшееся в ущелье, но и отвлекать на себя часть войск. Враг не может двигаться дальше, если у него в тылу остаются очаги сопротивления. Нас ждет испытание огнем, — говорил Локотош, — испытание на верность Родине. Нас будут подпирать горы, свидетелями нашего мужества будут чинаровые леса. Нам отступать некуда. Выстоять в боях или умереть на виду у Эльбруса — другого пути нам не дано.

Локотош перевел дух, окинул взглядом отряд. Его голос зазвучал с новой силой:

— Отряд, смирно! Слушай приказ Верховного Главнокомандующего!

Многие впервые услышали беспощадные слова приказа. Капитан читал торжественно-приподнято. Его слова звучали как приговор. Только снизу, из глубины ущелья, доносился монотонный шум многоводного Чопрака. Тихо шелестел чинаровый лес, тронутый ранней осенней медью. Даже ребятишки, рассеявшиеся по всему каменному забору вокруг школьного двора, не смели нарушить торжественную тишину. Они не понимали, но чувствовали сердцем, что происходит что-то важное, что касается всех.

Чтение приказа кончилось.

Подана команда:

— Вольно!

Тишину никто не смел нарушить. Каждый молча переживал слова приказа, осмысливал, проникался ими. Сталин должен был подписать такой приказ. Враг дошел до Кавказа. История не помнит случая, когда бы немцы водрузили свой флаг на Эльбрусе, унизили величие гор, развеяли былую легенду о неприступности Кавказа.

Выдержав паузу, Локотош спросил:

— Есть вопросы?— А сам подумал: о чем тут спрашивать? Сумеет ли Красная Армия сдержатъ натиск врага, если не удалось это сделать на Днестре, на Дону? Кавказ — не только горы и вечные снега. Кавказ — национальные характеры, нравы разных народов, еще в недавнее время раздираемых междоусобицей. Возьмет ли здесь верх чувство долга над инстинктом самосохранения? Достаточно ли идеи социализма монолитили гранитные глыбы разных народов, положенные в опору нового общественного строя? Вдруг обнаружится слабость, отверстие в стене, в которое начнет просачиваться мутный поток враждебных идей. Вызвать к жизни националистические чувства куда проще, чем утверждать интернационализм в сердцах людей разных языков. Локотош вспомнил слова Доти: «Эта война — продолжение Октябрьской революции...»

Наступившую тишину первым нарушил Чандар, огромный белолицый человек, носивший винтовку на плече, как чабаны носят ярлыгу. Он вышел из строя вразвалку и, не глядя на Локотоша, сказал:

— Алла, такой приказ Сталин не подписал. Выходит, Сталин приказывает нас стиримать...

Локотош этого не ожидал.

— Кто разрешил выйти из строя?

Боец засопел, пятясь назад.

— Не Сталин хочет тебя стрелять, а Гитлер. Для того он прислал сюда армаду войск. Если не хочешь, чтобы в тебя стреляли, стреляй сам в фашиста, убей пришельца, спаси свою землю. Это твой долг. Не хочешь исполнить долг — пеняй на себя! — Локотош выхватил снова из планшетки листок. — Об этом пишет Сталин. Вот его подпись. Гляди. Ты же грамотный. — Локотош поднес к глазам бойца листок так, чтобы тот увидел подпись своими серыми глазами. — Не Сталина разве это подпись? А?

Чандар посмотрел на листок прищуренными глазами:

— А где мухур?

— Какая тебе печать, голова-сапетка? — гаркнул на Чандара Азрет Кучменов.

— А что, Сталин пишет печатными буквами, как мы в ликбезе?

Локотош понял, как непросто довести до сознания этих бойцов самые очевидные и простые вещи. Наверняка

и еще есть в отряде такие чандары. Печать ему подавай! Кричать и спорить тут бесполезно. Вчерашние чабаны. Грамоты им хватает только на подпись, да и то печатными буквами. А может, этот Чандар не так уж прост, а только прикидывается? Как работать с такими людьми! А Якуб самоустранился от своих прямых обязанностей...

— Сталин пишет не печатными буквами,— Локотош старался не повышать голос и, не показывая внутреннего напряжения, объяснить доходчиво.— Приказ размножили типографским способом. Разве никто из вас не видел газеты с постановлением правительства или приказом Главнокомандующего?

— Видели.

— Не только видели. Читали.

— Они написаны печатными буквами?

— То газета.

— Мухур ставится?

— Кто на газету печать ставит?

— Газета от Советской власти. Все верят.

— Теперь понятно, почему здесь печати нет? — Локотош обратился к Чандару.

Чандар кивнул головой.

— Всем это ясно или есть еще вопросы?

В строю раздались голоса:

— Ясно, товарищ капитан.

— А если ясно, то каждый из вас должен поставить свою подпись на этом листе. Это будет присягой на верность приказу. Мы будем стоять насмерть в бою с врагом. Нам отступать некуда. Горы отрезали все пути. Земля защищает тех, кто ее защищает. Нас будут подпирать горы. Если кто из нас по своему малодушию или трусости попытается предать своих товарищей, покинет поле боя, спасая свою шкуру, его настигнет пуля возмездия. Если я струшу, этот приказ дает право каждому из вас поступить так же и со мной. Это наша клятва!

Ночью Локотош думал, что эта первая беседа с бойцами все же была удачной. Но утром обнаружили первые результаты проведенной беседы. Три бойца бесследно исчезли из казармы.

Бештоев не скрывал своего злорадства:

— Я тебе говорил? Ты вчера получил власть, а сегодня уже кричишь: всех в казарму, расстрел за тру-

сость! Это тебе не армия. Здесь каждый воюет без отрыва от сенокоса или скота. Придет немец — война кончилась. Куда ему? Высшая должность, которую он получил от Советской власти, — чабан. Этот пост и немец у него не отнимет. Чандар останется костью своего народа.

— Что это значит?

— Не слыхал разве, — кабардинцы говорят: родился мальчик — будет костью рода. То есть продолжением. Чандар вроде корней. Дерево срубили — корни дадут новые побеги, снова оживет дерево. Немцы нас с тобой срубят, но мы с тобой — стволы, растем на виду, занимаем посты. У нас есть что терять. А Чандару что? От него пойдут новые побеги.

Рассуждения Якуба поразили Локотоша.

— Во-первых, — сказал он, — неизвестно, даст ли корень новые побеги. Не каждый корень сохраняет способность дать новые побеги. Иной корень, потеряв ствол, гниет в земле. Вместо ствола растут грибы на этом месте. Во-вторых, если и даст новый росток, он будет хилым, кривобоким, уродливым, в первую же жару зачахнет и засохнет. Это еще не все. Ты говоришь — терять нечего. Не понимаю. Чандар теряет свою землю, права, завоеванные для него отцами. Разве этого мало? Немцы хотят истребить неполноценные расы. Кто докажет, что немцы не занесли кавказцев в число неполноценных, что им гарантировано право на жизнь. Ты думаешь, гитлеровцы истребят евреев или поляков и остановятся на этом? Они только войдут во вкус. Будут действовать, как римские владыки, истреблявшие мужей ради того, чтобы овладеть их женами. Ты юрист с высшим образованием. Видимо, знаешь, в древней Спарте существовал закон: в войско брать не всех мужчин рода, но обязательно хотя бы одного оставлять. Если два брата в роду, лишь одного в поход, если отец и сын, то в войско уходил отец, а сын оставался дома. Хотя спартанцы с семилетнего возраста занимались только военным делом, однако и они считали, что никакая война не должна обречь род на исчезновение. Гитлер не придерживается спартанских правил. Его приказ: уничтожать каждого, в ком течет не голубая кровь. Ради жизненного пространства немцы будут истреблять всех, кто встанет на их пути. Отцы в гробу перевернутся... И как ты мог сказать, что этот пост немец у него не отнимет! Не-

мец не захочет стать чабаном в этих горах, немец навечно прикует его к этому «посту», так прикует, что чабан не будет отличаться от того же барана. Превратит в раба своего... Или ты думаешь иначе?

— Нет, не иначе. Чандару быть рабом, но не навечно же. Снова он обретет свободу.

— Каким образом?

— Русские его освободят. Вернут ему права и свободу. Россия — непобедимая нация. В мире нет нации, которая сумела бы подчинить себе Россию силой оружия. Если даже немцам удастся заставить ее сложить оружие, то ненадолго. Кабардинцев можно прикрыть одной буркой, и народ задохнется. Россию буркой не накроешь. Она сбросит с себя любого ездока, вернет себе все потерянное да еще кое-что прихватит. И нас не забудет при этом...

— Значит, спасение России — дело самой России?!

— По крайней мере не было случая, чтобы медведя от волка спасали козы. Наоборот — бывает. Медведь выпустит кишки волку — и козы спасены!

— Теория труса!

— Я трус? Я сам судил труса!

— Не его надо было судить, и не тот был судья...

— Ты хотел, чтоб он судил меня?..

— Не он, так другие будут судить.

— Не ты ли? Ну, это мы еще посмотрим, кто кого будет судить.

Локотош как бы заново знакомился с Бештоевым. Здесь, в своих горах, юрист не скрывал своих мыслей, спокойно говорил о возможности оказаться под гитлеровским сапогом. «Высшая должность, которую он получил от Советской власти, — чабан». Нет, Чандар имеет высшую должность — должность советского человека! Это высокий пост, за который не одно поколение сложило головы.

Спор, наверно, еще продолжался бы, но вбежал Азрет Кучменов и, теряясь от страха, проямлил:

— Бахов. Привел дезертиров назад.

— И Чандара?

— Воллаги, и Чандара тоже.

Все выскочили во двор.

У школьного здания, где размещается отряд, стояла толпа. Над ними возвышались всадники — небольшой

отряд, сопровождавший Бахова. В центре три дезертира, схваченные в горах. Женщины, родственницы беглецов, тихо скулили, смотрели испуганными глазами на Чандара и его единомышленников.

— Получай пополнение! — еще издали крикнул Бахов, увидев капитана Локотоша, идущего ему навстречу.— Подобрал в теснине у лежбища туров. В самом узком месте. Там и двум всадникам не разъехаться. Говорят, это ты послал их за хребет, а я не поверил и повернул их назад. Туда торопиться не надо. Скоро пробьем дорогу, тогда...

ЛЕГЕНДА О КАГЕРМАСЕ

По характеру, а вернее, по отношению к людям Бахов напоминал табунщика, который держит необъезженного коня за туго скрученные ремнем мягкие губы. Известно, что до тех пор не отпустит табунщик коня, пока конь не покроется пеной от боли, пока всем своим лошадиным существом не поймет, что настал конец его разгульной свободной жизни, не знавшей ни седла, ни упряжки,— короче говоря, пока не смирится.

В роли одичалого, балованного коня оказался теперь Якуб Бештоев. По его душу приехал Бахов, оставив такой важный участок, как строительство дороги через хребет.

Правда, директиву «разобраться с Бештоевым» дал Кулов, но Бахов был рад ее выполнить, очень рад.

Локотош вспомнил слова Кулова: Бахов, мол, разберется. И действительно приехал для того, чтобы разобраться. Под пронизывающим насквозь взглядом чекиста Якуб краснел, потел, вилял, дергался, как рыба, пойманная на крючок. Очерк в районной газете насчет орла во главе стаи, вызывавший до сих пор в душе Якуба одно только чувство гордости, оказался обличительным документом и тем самым ремнем, которым скрутили губы своевольному зазнавшемуся коню.

Бештоев хотел было все свалить на того писаку из газеты, на автора очерка, но как на него свалишь, если здесь оказался Локотош, который знает, как все было на самом деле. Не он ли навел овчарку на волчий след? Конечно, со стороны след этот мог показаться лисьим,

но Якуб про себя именно так и сказал: «на волчий след».

Бахова же особенно восстанавливало против Бештоева то, что заградотряд попал под удар врага, а Бештоев не только не пришел на помощь, но даже и не предупредил об опасности.

Бойцов — участников событий Бахов допрашивал как свидетелей. Ни один из них не сказал плохого слова о Локотоше. Бахов отметил про себя, что показания бойцов о командире отряда и ощущения Кулова совпадают. Трудно было разобраться пока, насколько правдив рассказ капитана о трехнедельном пребывании в тылу врага. Его налет на лагерь legionеров выглядел неправдоподобно, да и расстрел командира legionеров Локотош ничем не мог подтвердить. Ну что ж, придет время, Бахов свяжется с кем надо и получит нужные сведения. А пока он все свое внимание сосредоточил на Якубе Бештоеве.

Для Якуба дело осложнилось еще и тем, что дезертир Чандар оказался его родственником. Якуб понял, что отрицать это бессмысленно, и начал вдруг утверждать, что действительно не раз говорил ему, мол, не мешало бы сходить к соседям за солью и табаком, которых мало остается в ущелье. Будто Чандар сразу не пошел, когда было говорено, а пошел только теперь. Но ошибка его в том, что он никому ничего не сказал.

Все выходило складно, но Бахов задал Якубу несколько дополнительных вопросов, и тот окончательно запутался. Хорошо еще, что Локотош не рассказывал Бахову о той философии, какую Бештоев недавно проповедовал. Этот факт Якуб оценил.

Полевая сумка Бахова распухла от протоколов. У него хватило бы теперь материала, чтобы поставить вопрос, по крайней мере, об исключении Бештоева из партии. Но, учитывая близость фронта и не желая пока обострять отношения в Чопракском ущелье, где и так все висит на волоске, Бахов проявил осторожность и решил доложить обо всем Кулову. Пусть решает. Пока он предложил создать отделение штрафников из дезертиров, а Чандара судить. Он сказал:

— Бештоев ведь юрист, знает все законы. Есть у него и опыт приведения приговоров в исполнение.— Испытующе поглядев на Якуба, добавил:— Чандар твой род-

ственник. Понимаю. Но чем-то надо замолить собственные грехи. Чем замаливают грехи в боевой обстановке? Кровью. Другой валюты здесь нет. Действуйте. Я еще заеду к вам. Кулов тоже собирается приехать. Может быть, вдвоем и прискачем.

Локотош взял дезертиров под стражу. Он собирался еще раз построить отряд в школьном дворе. Пусть сами решают, как поступить с трусами. Локотош помнил легенду о трусах, сложенную еще в те времена, когда на Кавказ приходили то одни, то другие завоеватели. Легенда называется «Крепостная битва». Защитники крепости, обреченные на гибель, решали бороться до последнего вздоха. Если у кого-нибудь не хватало духа, чтобы вынести самому себе смертный приговор, его закатывали в бурку, пеленали, как ребенка, и завязывали сверху ремнями из кожи буйволицы. Когда противник шел на штурм крепости, такие «чучела» выставляли на земляной вал, надев сверху большую папаху. Трус погибал первым.

О событиях в отряде узнало местное население. Собрались жители всех чопракских аулов, целый день толпятся у школы, где в подвале заперты арестованные. Старики уже ходили к Якубу и просили о помиловании. Якуб обещал, но действовать самовольно не хотел. Боялся Бахова.

Неожиданно приехала Апчара. И не просто приехала — привела Локотошу Шоулоха. Оказывается, возвратившись от соседей, Бекан и Апчара зашли в Комитет обороны к Кулову. Тот выслушал их, похвалил, рассказал о здешних делах, дал Бекану новое задание.

— А Шоулох пусть больше тебя не связывает, — посоветовал Кулов, — жеребца можно отвести в Чопракское ущелье. Пусть на нем пока погарцует Локотош...

— Локотош? Капитан Локотош? — не сдержалась Апчара. — Разве он жив?

— Не только жив, командует отрядом самообороны Чопракского района. Просился в воинскую часть, а я его уговорил поехать в Чопрак.

Бекану не понравилось, с каким интересом Апчара расспрашивала о Локотоше. Ему уже не хотелось отдавать жеребца капитану.

Апчара еще больше огорчила старика.

— Можно я отведу ему коня?

— Он будет рад видеть тебя живой и невредимой...

— Загонят они коня,— пробурчал Бекан.

— Не загонят. Локотошу не придется много ездить на нем. Он не кавалерист. Для жеребца там безопаснее. А тебе придется заняться восстановлением колхоза. Это теперь задача номер один. Немца приковали к Баксану. Дальше двигаться ему не дадим. К нам идут новые силы. Будем держаться.

— Немца сдержит Баксан?

Кулов улыбнулся, заерзал на стуле.

— Война, Апчара, есть война. Трудно что-нибудь предсказать. Мы так думаем. Ты отведи жеребца Локотошу, потом возьмись за молодежную ферму. Раненые молока просят. Масла не хватает. Если все будет, как мы думаем, тебе придется взяться еще и за большее дело.

— Справится. Апчара у нас все может,— с гордостью сказала Ирина, сидевшая тут же.

— Собрать коров, вернуть с благодарностью сохраненные расписки. Ого-го! Это самое хлопотливое дело — сокрушался между тем Бекан.— Сколько коров погибло... Акты. Списания... Тяжелый труд на мою старую голову...

Локотош чуть не прыгал от радости в тот день, когда в ущелье приехала Апчара. Он даже отменил приказ о построении отряда. Правда, он и без того сомневался, нужно ли устраивать суд над дезертирами на глазах у всего народа.

Вокруг Апчары собралась толпа, не из-за нее, конечно, а из-за редкостного жеребца Шоулоха. Любовались как на картину, обсуждали и восторгались, а Апчара спокойно держала его под уздцы. Жеребец привык к ней, пока вместе путешествовали за перевал и обратно. Теперь в окружении толпы зевая под восторженными взглядами он оказывал ей знаки расположения: то пощипывал за плечо, то губами искал ладонь, из которой не раз получал гостинцы. Знатоки смотрели, знатоки ценили, знатоки делились восторгами.

— А икры? Крутые, литые, как у оленя.

— Пах — узкий. Скачи на край земли, пены в паху не будет.

— Хвост в пучке, словно это не конский волос, а шелк.

— А уши, уши! Заостренные, ровные. Не уши, а две ласточки, сидящие на дереве рядом.

— Голова сухая, ноздри широкие, легко дышать во время скачки.

— А глаза?

— Поглядит на тебя, невольно переспросишь у него: «А что ты сказал?»

Шоулох и правда словно собрал в себе лучшие черты разных пород. От арабской лошади он унаследовал изящность линий и грациозность, от персидской — резвость, от карабахской — выносливость, от турецкой — прочность копыт. Спина гибкая, создана для седла, для верховой езды. Горбоносый красавец одним своим видом вызывает гордость за тех, кто вывел, кто создал такую породу. Предки сушили сено для лошадей в тени, поили их ключевой водой, иногда парным молоком. Счастливый обладатель коня кабардинской породы держал любимца в конюшне, примыкавшей к его опочивальне, чтобы слышать через перегородку всхрапывание и дыхание своего коня.

— Красавец. Прямо из легенды, — сказал Локотош. Он похлопал коня по шее, тот метнул на него искры из глаз. — Даже жалко ездить на нем.

Локотош приказал поставить Шоулоха в отдельное стойло. «И чтобы ни одна рука не прикасалась к нему без моего разрешения!»

Апчару он пригласил к столу подкрепиться после дороги. Кроме того, не терпелось расспросить ее о пути кавалеристов до Нальчика. Локотош многое знал уже от бойцов, но кто же расскажет вернее и лучше Апчары?

Но в комнату, где был накрыт стол, пришел и Якуб Бештоев. Это связало рассказчицу, и она заговорила о Шоулохе, о его далеких и славных предках. В часы привалов во время путешествия Бекан много рассказывал ей о кабардинских лошадях, в том числе и о легендарном жеребце Кагермаса.

Свободный крестьянин, джигит, которого звали Ордашук, был владельцем Кагермаса, предка Шоулоха по материнской линии. Чтобы никто не сглазил коня, хозяин выводил его, только накрыв огромной буркой, сделанной по заказу. Бурка закрывала жеребца по самые бабки. Воду для любимца Ордашук возили из далекого нарзанного источника.

Из Адыгеи, Черкесии и Чечении осетины и аварцы, лезгины и калмыки обивали пороги Ордашуко, давали ему табун лошадей за одного коня, но Ордашуко и слышать не хотел ни о какой торговле.

Если хотели выразить кому-нибудь наилучшие пожелания, говорили: «Да оседлаешь ты Кагермаса».

О девушке, за которую требовали слишком большой калым, говорили: «О ней и думать нечего! Кагермаса за нее хотят».

Но вот на Кавказ приехал высокий гость — великий князь, брат императора. Кабардинские князья собрались на совет и стали думать, что бы такое подарить высокому гостю. Не было тогда во всей Кабарде ничего драгоценнее Кагермаса. Порешили послать к Ордашуко и потребовать у него коня.

Посланцы вернулись ни с чем. Тогда поехал один из князей, хотя и непристойно князю идти на поклон к простому джигиту. Ордашуко принял гостя с почетом, как и полагается по обычаю, но продать Кагермаса не захотел и на этот раз.

Задумались кабардинские князья. Оставалось одно: отнять коня силой. Ордашуко тоже понимал, что в покое его не оставят, и принял свои меры. Нанял двух отменных джигитов для охраны любимца, а из своей спальни на конюшню проделал ход и завесил его ковром.

Темной ночью ворвались княжеские слуги к Ордашуко во двор. Пока джигиты боролись с налетчиками, Ордашуко увел коня из конюшни к себе в спальню. Парней убили, но жеребца в конюшне не нашли, конюшня была пуста.

Ордашуко оседлал Кагермаса и ускакал. На другой день на дне глубокой теснины нашли их обоих мертвыми.

— Вот, Якуб, какими были предки.— Локотош взглянул на Бештоева, когда Апчара закончила свой рассказ.— А ты говоришь: ярлыга чабана — не маршальский жезл. Ордашуко тоже не обладал высоким постом. Джигит. Однолошадный. А легенда о нем проходит по небосклону истории, словно Млечный Путь по небу. Кстати, Млечный Путь по-кабардински — Путь Всадника. А твой путь от отряда в Калмыкии до этих мест не назовешь Млечным Путем...

— Зато твой усыпан яркими звездами подвигов. Ты можешь сам сочинить о себе любую легенду. Свидетелей у тебя нет. Со мной был целый отряд...

— Однако это не помешало тебе. Возникла же легенда «Когда во главе стаи орел...» Я читал. Мне Кулов показывал.

Бештоев встревожился. Почему Кулов хранит этот номер газеты? Не связан ли с этим приезд Бахова?

— Когда газетчикам не хватает материала, они высасывают его из пальца.

— Чьего пальца?

— Откуда я знаю.

— А ты не совал свой палец в рот газетчику?

Апчара поняла, что между Якубом и Локотошем может вспыхнуть ссора. Ей-то больше всех известно, где Якуб приписывает себе геройство, а где виноват Локотош, не имел он права вернуться в штаб дивизии и оставить отряд. Сейчас она была рада увидеть Локотоша живым, здоровым. Зачем же омрачать эту встречу? И девушка перевела разговор.

На другой день, когда Апчара уезжала, Бештоев не отказал себе в удовольствии бросить колкое слово:

— Ты что-то не поинтересовалась Чоккой? Или другой тебе приглянулся? Не в приданое ли ты привела жеребца?

Лицо Апчары залила краска.

— Разве Чока здесь?

— Был здесь. Сейчас не знаю где. Может быть, на хребте — пробивает «окно в небо». Он, между прочим, думает, что ты за хребтом. У камня за пазухой.

НАКАНУНЕ

В конце октября наступили холода. Люди готовились к зиме. По старой привычке старики приходили в сельсовет, сидели подолгу на скамеечке, как раньше сидели в ожидании «стоящего», то есть председателя. Обменивались новостями, слухами, а потом расходились. Всех беспокоило, почему «бежавшие» не возвращаются на свои места. Так они называли эвакуированных. Да и о Кулове ничего не слышно. Говорят, он в горах пробивает «окно в небо». Бекан Диданов занят уборкой кукурузы. День и ночь в поле. Старику приходится чуть не

на коленях умолять каждого, чтобы шли на уборку. Нет подвод. В поле лежат вороха кукурузных початков, на себе не утащишь. Дожди, туманы.

Апчара собрала десятка два коров по сохранным распискам и занялась фермой. Хабиба не отдала Хабляшу. «Бери у кого по несколько коров» — вот ее ответ. В душе она считает, что Бекан в виде калыма за дочь дал ей корову. Апчара поругалась с матерью, ночует на ферме.

По аулу прошел слух: исчез Чока Мутаев. Одни говорят, ушел к немцам. Другие считают это вздором. Чока — коммунист, руководящий партийный работник. Но от этого слуха свалилась в постель Данизат. Хабиба ее успокаивает, гадает ей на фасолях, предсказывает Чоке дорогу к родному очагу.

«Не может этого быть, — думал Бекан. — Не может Чока стать наибом для немцев и провести вражье войско по тайным тропам, как это сделал Наиб во времена турецкого нашествия».

Осеннее небо затянуло облаками, а между тем все чаще появлялись немецкие самолеты. Стали поговаривать, что Мисост и его первый советник Сентраль составляют списки, кого уничтожать в случае прихода немцев.

Всякий находил себе занятие, какое хотел. Раньше — ни дня покоя: «Чопракцы, на строительство оборонительных рубежей!», «Соберем средства на танковую колонну!», «Пионеры, на стрижку овец!», «Девушки, на трактор!» Сколько было важных и неотложных дел. Комсомольцы, девушки и юноши, ходили от ворот к воротам, просили, разъясняли, требовали. И вдруг все дела прекратились. Ничего стало не нужно. Никто не тревожит, живи, как хочешь. Один только Бекан зовет людей на уборку кукурузы, но его мало кто слушает. Зато по ночам многие заботятся о себе, создают запасы на зиму. Мисост нажимает на Бекана:

— Ты что, хочешь немца пригласить на готовую кукурузу? Лежит в амбаре, приходи и бери. Зачем кукурузу держать в амбарах? Надо раздать ее под сохранную записку, как раздавали коров.

— А партизан чем кормить? В горах хлеб не растет. А сколько народу! Дорогу строят. Заготовителей у них нет. Если подойдет немец, увезем кукурузу в Чопракское ущелье.

По вечерам подъезжают, откуда ни возьмись, любители на двуколках, спрашивают:

— Кукуруза не нужна? Бери про запас. Немцы придут, и на золото не купишь.

Хабиба возмущалась. Откуда взялись эти люди в черных папахах, надвинутых на глаза? Она присматривалась к ним, подходила ближе, вглядывалась в их лица, делая вид, будто с кем-то путает. Кукурузопродавцами были люди, видимо, из города. Одного Хабиба завала к себе во двор и за костюм Альбияна выменяла у него два мешка пшеницы. Продавец уверял, что он комбайнер и пшеницу ему дали на трудодни. Осталось два лишних мешка.

Через день этот же тип продавал пшеницу Кураце с теми же самыми словами. Как раз в этот вечер Хабиба была у Курацы. Она узнала продавца, да и как было его не узнать, если он носил костюм Альбияна.

— Опять это ты! — набросилась Хабиба. — На твоём лице не кожа, а жель, совесть не держится в ней. Ты продаешь нам наше же добро! Пойдем куда надо. Кураца, бери вилы, доставим этого спекулянта ко мне, у меня в саду военные артиллеристы. Клянусь памятью Темиркана, недолго ему придется ходить в костюме моего сына... Военные не будут с ним церемониться.

Продавец перетрусил. Он не взял платы за мешок пшеницы и убежал.

Бекан получил первую директиву. Ее принес, конечно, Сентраль. Старик обрадовался пакету. Шлют бумаги — значит, заработали учреждения. Скоро будут приходиться и другие письма.

Прежде чем распечатать конверт, седельщик рассматривал его со всех сторон, перекалывал с ладони на ладонь. Ему казалось, что это пришла директива Кулова. Но почему наверху не написано печатными буквами «Комитет обороны»? Сентраль говорил, что письмо доставлено с нарочным.

Глава колхоза раскрыл письмо.

Это было распоряжение, подписанное Якубом Бештоевым. Комиссар района предлагал «с получением сего немедленно подготовить к отправке пятьсот тонн кукурузы и пшеницы в Чолпракский район на нужды строителей дороги». Якуб обещал помочь транспортом. Этим же письмом Бекану «под личную ответственность» пред-

писывалось все продукты с фермы отправлять только в его — Якуба Бештоева — распоряжение.

Питу Гергов принес сундук актов на списание падежа скота. Зоотехник считал, что сейчас самое подходящее время утвердить эти акты. Выберут новое правление колхоза, новую ревизионную комиссию, начнут разбираться, так это было или не так. Докажи им потом, что волки перестали резать овец. Питу разложил акты кипами.

— Утверди, Бекан, поставь подпись. Потом тебе будет некогда. Не читал, как в книгах пишется: случилось до рождения Христа, случилось после рождения Христа. У нас то же самое: пало до эвакуации скота или пало после...

— Не пало же еще?!

— Пойду посмотрю. У Апчары, наверное, есть падеж... На ферме десятка три голов, а кормов мало.

Бекан начал перебирать и рассматривать акты, но тут в правление прибежала Хабиба.

— Ради аллаха, помоги, сосед. Внучка заболела, с утра жар. Пошли скорее за Апчарой. Ирина у Кулова занята большими делами, ее не будем пока тревожить. Апчара все сделает, за лекарством сходит. Полегчает внучке, тогда и за Ириной пошлем.

— Питу,— распорядился Бекан,— поезжай к Апчаре, а я пока погляжу твои акты.

К вечеру Апчара была уже дома. Чуть не всплакнула, увидев больную Даночку с пылающими щечками и вспухшими воспаленными губами.

— Тетя Апа пришла,— прошептала девочка, не открывая глаз.

Даночка привыкла прыгать в щель каждый раз, когда слышится гул самолета. «Биба, самолет!» — а сама бежит, спотыкаясь, впереди бабушки. В последние дни шел дождь со снегом. В щели — как в погребе. Даночка простудилась. Zenитчики давали какие-то порошки, но лучше не стало.

Теперь и речи не могло быть о том, чтобы отдать Хабляшу на колхозную ферму. Апчара хотела бы показать другим пример, но, видно, пока придется согласиться с матерью и оставить корову у себя на дворе. У Даночки хрип в груди. Воспаление легких. А как Апчаре к другим идти за коровами, если сама не вернула?

Хабиба сходила к знахарке, принесла какого-то зелья, настоящего на травах. Опять ругань и спор. Апчара запрещает давать Даночке травяное питье, Хабиба упорствует.

Всю ночь просидела около больной. Гудели ночью самолеты над крышей, и тогда не оставляли мать и дочь бедную девочку. Сама Даночка, заслышав гул, вздрагивала, бормотала, как в бреду: «Биба, самолет», пыталась встать. Жар становился все сильнее. Кое-как дождавшись утра, Апчара пошла к Ирине.

По дороге только что не молилась. Не дай бог что случится с Даночкой. А вдруг Альбиян не вернется с фронта? Так ничего от него и не останется? Пусть хоть Даночка останется, она ведь — копия Альбияна. Поэтому Хабиба вцепилась в нее обеими руками, не хочет отпустить от себя, любит больше, чем родную дочь. Апчара не обижается.

Утро выдалось пасмурное, пахло сыростью. Солнце временами просвечивало сквозь плотные облака, как пламя коптилки сквозь заиндевевшее стекло. С гор тянул слабый ветерок, обещая оттеснить облака к низовьям Терека. За аулом торчала сорокаметровая труба кирпичного завода. Сколько бомб немцы перебросали в нее — уцелела. Стоит безжизненно, как мусульманский надмогильный памятник. И на самом заводе мертво. Длинные приземистые сушилки полны кирпича-сырца и черепицы. Но никому они не нужны. Обезлюдел поселок.

Апчара быстро шла по пешеходной дорожке через кукурузные поля. По обеим сторонам тропы стояли желтые спелые стебли. Початков на многих уже нет, выворочены белые карманы. Не здесь ли наламывают кукурузу те, кто потом торгует ею по аулам?

Ирина совсем собралась идти на работу, когда появилась Апчара. Глаза ее говорили лучше всяких слов.

— Господи! Что случилось? Не мучай, говори скорее. С Даночкой что-нибудь? Или, может... Об Альбияне ничего нет?

— Ничего особенного. Температура у Даночки...

— Сколько?

— Не знаю, термометра нет. Со вчерашнего дня температурит. Я пришла с фермы, а она лежит. У меня на ферме тоже девушка заболела. Вот я и пришла к тебе.

Не выпросишь ли ты у Якова Борисовича аптечку для нас? Заодно, думаю, и о Даночке скажу. Ничего особенного...

У Ирины и без того создалось напряженное положение. Кулов сказал, вернусь завтра, и вот — прошло три дня. Ирина пыталась узнать что-нибудь в штабе армии, звонила туда. Никто ничего не знает. А к нему посетители каждый день. Все больше и больше.

Ирина не знала, куда метнуться сначала: в Комитет или сразу к аптекарию. А вдруг Кулов сегодня появится? Решили сначала забежать в Комитет.

— Так что, она кашляет?

— И хрипит. Грудь заложена.

— Воспаление легких! Достать бы красного стрептоцида. Да хоть бы аспирин достать.

В Комитете в коридоре сидят посетители. Вслед за Ириной дружно устремились в приемную. Теперь и не выпроводишь. Схватила за телефон.

— Не скажете ли, куда уехал? На строительство дороги? Сегодня не будет? — говорила в пустую трубку.

— Товарищи, Кулова сегодня не будет. Уехал на строительство дороги. Вы же слышали...

Посетители заволновались.

— Не будет Кулова...

— Так нужен, так нужен...

Скорее — все двери на замок, а для Кулова записку: «Заболел ребенок, буду завтра». У него есть и свои ключи. Теперь можно и к Якову Борисовичу. Аптечку для доярок, он, конечно, не даст. Медикаменты дороже золота. Хоть бы стрептоциду для Даночки...

Ирина и Апчара, стремясь в аптеку, дошли уже до городского парка, когда послышался массивный шум самолетов. Со стороны Пятигорска на город шло двенадцать бомбардировщиков. Сначала они увиделись точками, но быстро увеличивались вместе с нарастанием гула. Далекый гул переходил в близкий рев. Затявкали зенитки. Люди разбежались в убежища. Ирина подумала, что самое лучшее убежище у нее на работе, в здании Комитета обороны, но бежать назад было поздно. Здесь стрелка «Бомбоубежище» показывала в сторону городского парка. Побежала туда. Ирина успела заметить, что около банка стоит грузовик, а на крыле у него человек с обнаженным пистолетом. Двое бан-

ковских служащих (это Оришевы, отец и сын, Ирина знала их) вытащили плотный брезентовый мешок с металлическими застежками, бросили его через борт и снова побежали в здание банка. «Вывозят деньги,— подумала Ирина,— значит, дела плохи...» Но размышлять больше не пришлось — обрушились первые бомбы. Ирина и Апчара спрыгнули в глубокую щель. Все уже знали в городе (война научит), что такие щели более надежны, чем подвалы домов. Во-первых, в дома-то и стараются угодить бомбой, во-вторых, дом может обрушиться и погрести под собой сидящих в подвале.

Они сидели в бомбоубежище, а мысленно обе находились в ауле около Даночки. Как там? В саду ведь зенитки. Немцы будут бросать бомбы в зенитчиков, а попадут в дом. Ирина выругала себя за то, что оставила девочку на попечение Хабибы, но вслух ничего не сказала. Золовка тотчас укорила бы за такие слова: «А то, что маму убьет,— это пусть?»

Рев самолетов, клökочущие разрывы бомб, выстрелы зениток, грохот падающих стен — все слилось воедино. Казалось, город бросили между двух гигантских жерновов и где-то сыплется от перемолки битый кирпич, штукатурка, черепица, куски дерева, щебень, стекла.

— Убило! — завопил чей-то старческий голос.

Апчара не удержалась, высунула голову из щели. Около банка взорвалась бомба. Машину разнесло вдребезги. Убило и шофера. Он лежал на мостовой метрах в пяти от машины. Из банка выскочили Оришевы. Они взвалили на плечи по мешку и, не обращая внимания на бомбы, побежали с тяжелой ношей в сторону Долинска. Сын едва поспевал за отцом. В той стороне штаб армии, а дальше — леса и горы. Куда же они с двумя мешками денег?

— Неужели деньги? — не поверила глазам Апчара.

— Что же еще?

Оришевы скрылись в парке. Некоторое время они мелькали между деревьями. Они уходили в сторону гор, значительно левее дома отдыха, в котором размещался штаб армии. Может быть, потому, что как раз над штабом кружились немецкие самолеты.

Тишина, как это всегда бывает после бомбежки, наступила сразу. Самолеты отбомбились и ушли в сторону Пятигорска. Но дым и пыль еще не рассеялись над

городом, облака медленно плывут на восток. Город молчит, словно никак не может прийти в себя. В этой-то гнетущей тишине и послышалась отдаленная артиллерийская канонада.

Не успели Ирина и Апчара вылезти из щели, как услышали сзади себя тот самый старческий голос, который оповестил о бомбе, упавшей около банка.

— Ирина Федоровна! А говорят, бога нет! Есть, есть бог. Это он послал мне вас. Помогите старику, никак я один не справлюсь...

Вспомнить бога у Ирины было не меньше оснований, чем у старого аптекаря, потому что именно к нему-то она и шла. Яков Борисович потащил женщин за куст жасмина, и они увидели тележку, нагруженную коробками, корзинами, бутылками, склянками, свертками, мешочками.

— Вот спасаю добро. Помогите перевезти.

Яков Борисович был одет в черкеску. Она была явно тесна ему. Для ансамбля шили одежду на молодых поджарых парней. Был в оркестре один зурнист, отличавшийся упитанностью, но и его черкеска оказалась аптекарю мала. Зато каракулевая шапка на голове была впору. Кинжал у аптекаря висел почему-то на боку, как в горах пастухи носят нож. Он суетился вокруг тележки и торопил женщин:

— Давайте толкайте. А то опять прилетят...

— Куда?

— Куда, куда... Недалеко. Вон в тот домик с подвалом.

Апчара знала этот дом. Его построил князь Атажукин, правитель Кабарды в далеком прошлом. И парк, называемый ныне Кабардинским, также принадлежал ему. Радиомачта, поставленная около этого белого дома под железной крышей, загубила его. Немцы бросили бомбу, крыша радиостанции завалилась. Но подвал под ней уцелел. Надо было только немного расчистить вход.

Яков Борисович и просил это сделать. Неизвестно, удастся немцам перейти через Баксан или нет. Время покажет. А пока старик решил припрятать свои запасы, чтобы они не пропали.

Аптекарь изо всех сил тянул тележку. Ирина и Апчара подталкивали сзади. Старик озирался по сторонам, но никого не было видно поблизости.

Вход в подвал атажукинского дома завалило не сильно. Трудней было отодрать дверь. Старик не разрешил освободить вход. Пусть так и будет. Меньше подозрения, что здесь клад. Ирина и Апчара подавали аптекарю ящики, корзинки — все, что было на тележке. Старик стоял внизу, у входа в сырой темный подвал, и принимал их.

— Осторожно. Осторожно, детки,— повторял аптекарь.— Яд. Можно отравить полгорода. Цены нет. Медицименты.

— Зачем их прятать? Раздали бы.— Апчара не знала, как начать свой разговор об аптечке.— Много же больных. И у меня на ферме доярки болеют...

— Раздал бы. Кому? Начни раздавать — сомнут. Раздал бы...

— У Ирины заболела дочь.

— Даночка? Твоя дочка? Что же ты молчишь, дорогая? Что у нее?

— Воспаление легких...

— Боже мой, у ее дочери воспаление легких, а она молчит! Что же ты за мать? — Старик отряхнулся, смахнул пот со лба и исчез в подвале. Оттуда послышались стук и треск. Аптекарь в темноте не легко было найти нужные лекарства. Вышел он, держа в горстях таблетки, порошки, ампулы, шприц и термометр.

— Зачем прятать?— Аптекарь, оказывается, не забыл слов Апчары.— Надо, милая. Я не хочу, чтобы они мне мешали. Удастся уйти в партизаны, сообщу им об этом кладе. Пусть забирают. Медицименты им пригодятся. Я не сообщу, вы сделаете это... Как же Даночка-то твоя?

Больных доярок Яков Борисович оставил без внимания. Не так уж он был прост, чтобы сразу поверить Апчаре.

— Ой, Яков Борисович, так много! — Ирина чуть не расплакалась от радости.— Чем же мне расплачиваться...

— Ничего не надо. Помогли — и то хорошо. Клад этот — наша общая тайна. Общий секрет. Договорились?..

— Договорились. Можете не беспокоиться...

Когда Апчара оглянулась, старик забрасывал камнями вход в подвал.

На радостях Ирина и Апчара добежали до аула за час. Они спешили к Даночке и волновались, не разрушен ли дом. Не переводя дыхания выбежали на главную улицу — отлегло. Артиллеристов в саду уже не было. И вообще в ауле никаких военных — как ветром сдуло.

Хабиба запричитала:

— Благодарение аллаху, думала, не увижу вас. Осталось ли что-нибудь от города?..

— Как Даночка?

— Так же.

Девочка увидела мать, расплакалась. Ирина губами прикоснулась к горячему лбу, приложила ухо к груди, одновременно стряхивала термометр.

— А где же зенитчики? — спросила у матери Апчара.

— Ушли, а куда ушли, не сказали. Подцепили свои пушки и укатили.

— Неужели...

— Как скажет аллах, так тому и быть.

ЧЕРНОЕ УТРО

На рассвете немцы вступили в аул.

В эту ночь из-за Даночки в доме никто не спал. Но к утру Апчару и Хабибу сморил сон. Апчара прилегла не раздеваясь «на минутку», но, как только головой коснулась подушки, так и забыла про все на свете. Хабиба сидя уронила голову, спит — не спит, не поймешь.

Вдруг на улице затрещали мотоциклы. Ирина бросилась к окну, прильнула глазами к щели неплотно закрытых ставней. Сначала ничего не увидела, но треск приближался. Хотела закричать, но язык словно прилип к гортани. Оглянулась на Апчару, та спит и улыбается во сне. Снится ей что-то хорошее, наверно школа, ведь, в сущности, девчонка еще.

— Немцы... — выдохнула наконец Ирина.

— Где? Что? — Апчара тоже подскочила к окну.

По улице медленно, в две колонны, ехали мотоциклисты в касках и с автоматами. На люльках установлены пулеметы, и в каждой люльке еще один немец, тоже в каске.

— Как в страшном кино... — прошептала Апчара.

— Нет бога, кроме бога. Быть тому, как скажет аллах.— Хабиба не торопилась взглянуть на немцев и по-прежнему сидела на своем стуле.— Утром пришли, значит, недолго испытывать земле тяжесть их сапог.

— Точь-в-точь как в страшном кино,— подтвердила еще раз Апчара.— Пулеметчики в колясках.

Хабиба упорно сидела на своем стуле и оттуда комментировала события:

— В колясках привезли, в гробах увезут.

Мотоциклисты проехали, и улица опустела. Ирина подвела итог всему происшедшему.

— Вот мы и на оккупированной территории,— горько сказала она.— От Альбияна писем не жди.— Она села на свое место у детской кровати, уткнулась в горячее тельце Даночки и заплакала. Никто ее не утешал. Все думали об одном и том же. Между Альбияном и ними легла непреодолимая пропасть. Кто знает, доживут ли они до счастливой встречи с ним? От него и так ни слуху ни духу. Последнее письмо получено месяц назад.

— Что теперь делать? Я говорила: эвакуироваться! Вот, дождались! — Апчара с укором взглянула на мать.— Нас уже занесли в список, я знаю, мне говорили. Мама всем верит, всех жалеет: что сосед, что рубаха — без них нельзя. Вот тебе и рубаха.

— Как аллах повелел, так тому и быть,— изрекла Хабиба.

Вчерашняя бомбежка оказалась началом наступления немцев. Дождавшись, когда утихнут бурные воды Баксана, немцы обрушились на наши позиции, прорвали оборону на правом берегу Баксана, и главные силы их устремились к Нальчику.

— Утро, когда солнце не взойдет.— Хабиба вспомнила годы гражданской войны. Трудно было разобраться тогда в водовороте событий. То белые вывешивали свой флаг над сельским правлением, то большевики заявляли о своей власти, то шариятисты брали верх, то казаки Терека — поди разберись, кто за что проливает кровь. Теперь как будто все яснее: вот Советская власть, а вот фашистские пришельцы. Но все-таки непонятно, зачем Гитлеру Кавказ? По какому праву он предал огню столько городов и сел, разорил страны, уничтожил народы? Почему нет единства среди тех народов, которые он покоряет? Их же больше. Они сильнее.

Замычала Хабляша и прервала размышления Хабибы. Пора доить корову.

Хабиба не решалась высунуться из дому. Вдруг немцы уже сидят на дворе и ждут ее, чтобы схватить и потащить для расправы. Ей казалось — и двор уже не ее двор, и Хабляша не ее корова.

«Придут немцы — темиркановский колхоз развалится, как куча из булыжников», — предрекала соседка.

Хабиба знала, что отвечать ей придется за многое: за мечети, превращенные в клубы и колхозные амбары, за выселение мулл и хаджей, за раскулачивание, за принудительное обучение людей на ликбезе и просто за то, что она была женой Темиркана, с именем которого связано все новое, что принесла в аул Советская власть. За то, что она мать сына-коммуниста и дочери-комсомолки. Значит, так решил аллах, послал ей тяжкие испытания. Спросить бы: «За что?» Но аллаху вопросов не задают. Он знает, за что. Об одном Хабиба просит аллаха: послал испытания — пошли и силу, чтобы выстоять. И пусть еще горе не коснется Даночки...

Корова мычит. На улице не слышно никаких мотоциклов. Тихо. И петухи не поют, и собаки не лают. Аул словно вымер. Возможно ли?..

Хабиба взяла подойник. Тихонько открыла дверь, не дыша, вышла из дому. Она шла, будто под ней не земля, а тонкий лед, который вот-вот проломится, и тогда окажешься на дне глубокой реки. Хабляша уже просунула голову в дверь, ждала корма.

Хабиба осмотрелась. Вокруг ни живой души. Может, никаких немцев и не было?

День прошел в ожиданиях и тревоге. Из дома никто не выходил. Апчара хотела сбежать к Бекану что-нибудь разузнать, но Ирина непустила.

На другой день рано утром Хабиба еще не успела приготовить завтрак, а Ирина и Апчара хлопотали около Даночки, когда раздалась очередь из автомата и с крыши посыпалась битая черепица.

Хабиба вышла во двор. У ворот стоял человек, которого Хабиба узнала не сразу. На голове — немецкая фуражка, а одежда гражданская. Сентраль.

— Ты что, Сентраль? На голову напялил пакостную фуражку и воображаешь себя Гитлером? Чтоб тебя выволокли за ногу, как дохлую собаку! Зачем черепицу

бьешь? Разве черепица сделала тебя убогим по уму? Забыл язык матери, говоришь выстрелами.— Хабиба обрушила на Централю поток слов.

— Советую тебе изучить этот язык. Иначе вас не добудишься. Разоспались. Скоро вам на вечный сон. Где твои красавицы? Зови их сюда, живо! Бургомистр приказал...

Хабиба еще не знала, что такое бургомистр и кто он.

— Пусть твой бургомистр сам идет сюда.

— Он придет по твою душу в свой срок. Где там Апчара? И эта, как ее, русская сноха? Пусть берут лопаты... Пойдут убирать трупы. Ну! Долго я буду ждать?— Централь дал очередь по трубе. По черепице посыпалась кирпичная крошка.— Трупы вздулись. Вонь такая, скоро весь аул задохнется. Живо!

— Где это видано, чтобы девушки хоронили умерших? Почему ты не скажешь своему бургомистру? Нет у нас такого обычая.

— Твоя дочь полдивизии похоронила. Похоронит еще.

Ирина и Апчара стояли за дверью и все слышали.

— Не надо дразнить гусей. Хуже будет.— Ирина начала одеваться.— Делать нечего. Придется подчиняться Централю.

Женщины взяли лопаты, вскинули их на плечо и пошли по той самой улице, по которой проехали вчера немецкие мотоциклисты. Старики, ребяташки, другие женщины присоединились к ним — все с лопатами. Шли молча. Централь разделил людей на две группы. Одной предстояло хоронить убитых животных, лошадей и коров, погибших во время бомбежки, а другой — людей. Немцев приказали не хоронить, а складывать отдельно для отправки в Нальчик. Там на площади в центре города будет устроено немецкое кладбище. Позади разновозрастной толпы с лопатами скрипели арбы.

Пришли в бывший колхозный сад. На него нельзя было глядеть без слез. Слово ураган пронесся и обломал все ветки. Земля усыпана битыми грушами и яблоками. Целые кроны, осыпанные плодами, валялись на земле. Но страшнее обломанных деревьев было то, что среди золотых яблок и груш там и тут лежали мертвые люди. Разбитые повозки, орудийные лафеты, ящики с минами и снарядами, скелеты сожженных грузовиков.

От тела к телу бегали какие-то женщины, как видно, искали своих, переворачивали трупы, чтобы взглянуть в лицо.

В саду уже работали люди, в том числе Бекан со стариками. Они подбирали мертвых. Молча, сосредоточенно, неторопливо клали старики труп на носилки, потом становились полукругом, и каждый шептал молитву, вытянув руки, как во время молебствия в мечети. Многие шептали не молитву, а посылали проклятья гитлеровцам. Другие молчали — нельзя произносить слова из священного писания, если не знаешь, что за труп перед тобой: правоверного или неправового. Однако носилки несли к подводе или яме, высоко поднимая их, как привыкли нести покойника на кладбище. Это было единственное, чем можно было выразить свое отцовское отношение к воинам, о которых скорбят, когда хоронят.

Старики переговаривались вполголоса:

— Горькая участь. Никто не будет знать, кого мы хороним.

— В одну яму...

— Как перед аллахом они предстанут?..

— Аллах-то разберется. Как живые разберутся, кто погиб, а кто пропал без вести?

Женщины вырыли глубокую яму. Апчара и Ирина оказались на дне могилы. Они выбились из сил, но сменить их никто не мог. Появился уже и надсмотрщик, из своих же, аульских, но с автоматом в руках. Стоит над ямой и издевается:

— Ничего, ничего. Ваши отцы всю жизнь нам рыли яму. Наверно, передали вам свой опыт.— В первую очередь он имел в виду, конечно, Апчару, потому что знал ее отца.

Апчара, покрасневшая от непосильного тяжелого труда, не удержалась, ответила:

— Знала бы, и я бы им помогла. Самую глубокую я бы вырыла для тебя.

— А я и рыть не буду,— смеялся надсмотрщик,— заставлю, и ты сама себе могилу выроешь. Мне не такие, как ты, желали смерти, но, видишь, я уцелел. Их столкнул в яму, а сам вот стою над вами.

— Предал своих? — Апчара бросила лопатой ком глины к ногам конвоира.— Смотри, твоей ноги косну-

лась земля из могилы. Мертвые, которых захоронят в этой яме, сведут и тебя в могилу.

— Апчара, замолчи ради бога,— взмолилась Ирина. Она боялась, что конвоир рассердится и даст очередь из автомата.— Колай молча.

— Я копаю. Даже хочу лишнее место выкопать...

— Для себя? — спросил конвоир.

— Да. Слишком большая честь для тебя лежать в могиле вместе с воинами, павшими в честном бою.

— Апчара! Ты больше копаешь языком!— совсем испугалась Ирина.

Конвоир уже не шутил.

— Замолчи. Иначе я заставлю тебя замолчать на веки вечные.— Злорадная ухмылка сошла с лица, изъеденного оспой, серые глаза сузились. Он нервно перебирал пальцами и в любую секунду мог дать очередь. Ответить за это ему бы не пришлось.

Сентраль ходил от трупа к трупу с мешком, в который клал гимнастерки, ремни, а если на ногах оказывались носки, то снимал и носки.

— Мулла присваивает одежду умершего,— качали головами старики.

Сентраль снимал с убитых не только одежду. Он обшаривал их карманы, запускал руку за пазуху. Когда находил медальоны, вынимал оттуда бумажки с именами и адресами убитых, бумажки выбрасывал, а медальоны тоже ссыпал в мешок. Попадались часы. Дулом автомата раздвигал губы. Золотые зубы выбивал прикладом. Золото заворачивал в платок. Жажда наживы всколыхнула душу Сентраля сильнее, чем в те годы, когда он спекулировал на базаре мясом. Старики с омерзением смотрели на него. Все знали, что после многих жизненных неудач Сентраль пристрастился к водке. Готов продать и родную мать за стакан.

Старики вспоминали покойного отца Сентраля. Труженик был. Всю жизнь копил копейку, хотел собрать хороший калым, чтобы выбрать для сына самую лучшую невесту. Не дожил, умер, а непутевый сын пропил накопленное и пошел батрачить.

— Ради чего ты проливаешь и свое и чужое добро? Что в этом хорошего? Во-первых, лишаешься денег, во-вторых, после пьянки голова у тебя болит...— Соседи старались образумить Сентраля.

— Я пью ради удовольствия, что лежит между двумя неприятностями: тратой денег и головной болью...

Сентраль батрачил в богатых домах. «Кто с чужим медом имсет дело, тот хоть пальцы оближет»,— говорил он. Любил стоять поближе к богатству, потому что нет-нет да и перепадет что-нибудь, если не от хозяина, то от его жены. Сентраль умел угождать женщинам. Потом не стало кулаков в ауле, организовался колхоз. В каких только должностях не перебивал Сентраль как бывший батрак, но везде он оказывался никчемным человеком. В одном никто не мог его заменить — он был искусным виночерпием на свадьбах и пиршествах. Поставит на бедро бутылку с вином и стоит, как журавль, на одной ноге — высшее проявление уважения к гостю. В такой позе подолгу могли стоять только молодые, а Сентраль, несмотря на немолодой возраст, выстаивал, изумляя гостей.

Потом его сделали почтальоном.

— Мой предшественник умел петь и письма разносить. Я умею разливать вино и письма разносить — еще проще,— хвалился Сентраль, когда опрокидывал за столом два-три стаканчика.

— Проще! А обсчитывать неграмотных пенсионеров тоже просто?

Сентраль затихал. Что поделаешь, мало-мало ошибку давал. Спасибо собутыльникам, выручили, уговорили пенсионерок не подавать заявления на почтальона. Но больше всего любил Сентраль сидеть в сельсовете около телефона. Немцы, когда пришли, тут его и застали. Чуть не застрелили, приняв за партизана, передающего сведения о появлении противника. Но, разобравшись, первым записали Сентраля в полицейские при управе аула и выдали автомат.

Опять Сентраль извлекает пользу из своей должности.

Трупы валялись не только в саду. Их было много и у моста через реку, и вдоль дороги в кюветах. Работали целый день. Свозили мертвых в большую яму, клали их рядом. Старики возмущались, если кто бросал труп, поправляли, укладывали аккуратно, голова к голове, обязательно на спину, по-мусульмански, закрывали лица погибших кукурузными стеблями.

Ирину принимали за эвакуированную.

— Нет. Это наша сноха,— объяснила Апчара и тут

же воспользовалась случаем, чтобы скрыть свою недавнюю фронттовую поездку, — я месяц жила у нее в городе. Мне же не удалось тогда поехать на фронт. Опоздала на поезд.

— А посылки?

— Увезли без меня.

— Разве ты не ездила на фронт в Нацдивизию?

— Спроси мою сноху, если не веришь.

Кураца, работавшая тоже на дне ямы вместе с Ириной, чуть не разоблачила Апчару. Ее сын Аслануко за несколько дней до своей смерти успел послать письмо. Кураца носила его за пазухой, словно это был драгоценный амулет. Она догадалась, почему Апчара хочет ввести в заблуждение аульчан, и даже перевела разговор.

— Не знаю, как называется немецкое звание — старшина не старшина, пристав не пристав, в общем — голова аула...

— Бургомистр.

— Да, бургомистр. А кто он?

— Никогда не угадаешь — Мисост.

Апчара вспомнила слова матери о Мисосте: маленький вол с большими рогами. Точнее не скажешь. Мисост всегда старался соседствовать с большими волами: он знает, когда два вола в упряжке — высокий и маленький, вся тяжесть ярма ложится на того, кто выше. Маленький будет делать вид, что тянет арбу, а потом скажет: мы тянули.

— Так это по его распоряжению мы здесь работаем?

— Собирается раздавать колхозное добро.

— Воистину говорят: строил Ахмет дом целый год, козел боднул, и все развалилось. Сколько лет укрепляли колхоз и вот — на тебе!..

Кураца, работая, успокаивала Апчару:

— Не бойся, я тебя не выдам, хотя и знаю, что ездила на фронт. А ты не видела моего Аслануко?

Апчара чуть не уронила лопату.

Перед ее глазами возник тот кошмарный день и хромовый сапог, который она несла с собой. Она думала, что Кураца знает о гибели сына, и даже осуждала ее за то, что она по-прежнему разговорчива и весела. Оказывается, она все еще надеется... Бедному Аслануко не помогли даже «счастливые» сапоги Темиркана. Но как

сказать об этом Кураце? Или пусть живет пока, ничего не зная?

Перед тем как отпустить людей домой, Централь сказал:

— На работу выходить каждый день. Сбор у сельской управы в семь утра. За невыход — разговор короткий, один выстрел. Учтите, я вам не колхозный бригадир. Не буду упрашивать. Не вышел — пеняй на себя. Уважительная причина только одна — смерть... Выроем еще одну братскую могилу. Ответ будете держать перед самим Мисостом! Да пошлет аллах долголетие бургомистру.

Усталые, голодные люди побрели в сторону аула.

Узнав, что Мисост стал вершителем судеб, Хабиба сказала:

— Ворон во главе стаи — всю стаю к падали приведет. Кто согласился бы лизать жир с губ у немцев? Только Мисост пошел на такое унижение. Готовьтесь, дети. Он нас первыми забодает. По его поклепу легла ржавчина на имя Темиркана. Это и загнало отца в преждевременную могилу.

Хабиба ополоснула ведро и пошла доить Хабляшу. Вдруг во двор — и не через ворота, а прямо через ветхий плетень — въехал грузовик с немцами. В кабине рядом с шофером сидел Централь. Он выскочил и загородил дорогу Хабибе.

— Стой на месте. Попили дармового молочка, пора и честь знать. Где корова?

Хабляша, услышав звон подойника, замычала.

— Что ты хочешь от нас, оседлавший холеру? — накинулась было Хабиба на Централья, но за его спиной уже собрались немцы с автоматами.

— Как будто не знаешь? Присвоила чужую корову и еще спрашиваешь!

Централь сорвал с сарая плетеную дверь, отпихнул ее ногой и выгнал корову во двор. Корова потянулась к Хабибе, словно ища защиты. Немецкий солдат замахнулся на Хабибу прикладом и отогнал ее, а корову оттеснил ближе к грузовику. Хабляша, почуяв недоброе, повернулась к машине задом и нагнула голову, готовая встретить рогами всех, кто к ней приблизится. Набухшее вымя качалось из стороны в сторону. Тогда один автоматчик дал по корове длинную очередь. Первые пу-

ли пришились по ногам. Корова рухнула, перевернулась на спину и начала кататься, ковыряя землю рогами. Из простреленного вымени полилось молоко, перемешанное с кровью, изо рта пошла розовая пена. Корова затихла. Автоматчики — а Сентраль помогал им — кое-как за хвост, за рога, за перебитые ноги затащили корову в кузов грузовика.

От стрельбы закудахтали куры в курятнике. Один солдат побежал туда. Из курятника полетели перья. Автоматчики ловили растревоженных кур, отрывали им головы и выбрасывали во двор.

Хабиба не шевелилась. Она стояла бледная, готовая ногтями выцарапать душу у Сентраля. Ирина с Апчарой спрятались в доме.

Немцы подобрали десятка два кур, побросали их в кузов к корове. Они были довольны добычей, что-то весело говорили, но Хабиба не понимала, что они говорят. Сентраль на прощанье сказал:

— Нельзя присваивать себе социалистическую собственность. Вы взяли лучшую корову из колхоза. Это ведь явное нарушение устава. А молочко будете покупать на базаре...

Машина с немцами уехала. Апчара, все еще дрожа то ли от страха, то ли от ненависти, подошла к матери и прижалась к ней. Да и Хабиба никак не могла прийти в себя. У нее в глазах все еще билась Хабляша, истекшая кровью и молоком.

— А ты видела подкову на грузовике? — неожиданно спросила Апчара.

— Какую подкову?

— Тоже о счастье думают. К радиатору грузовика приделана никелированная подкова на счастье, а буквы я не разобрала.

Женщины не могли знать, что суеверный гитлеровский фельдмаршал, командующий группой войск, отправляясь в рискованный и трудный поход на Кавказ, приказал к радиаторам всех машин прикрепить символическую подкову со своими инициалами.

Хабиба подумала о том, что и она ведь, когда уходил на фронт Альбиян, приколотила подкову к порогу дома. Тоже на счастье. «Как же так, — думала Хабиба, — и у них подкова и у меня». И вдруг волна гнева омыла ее материнское сердце.

— Не будет у них ни счастья, ни удачи. Не будет, сломается их подкова. И не только подкова. Сломается вся машина. Поползают они, как змеи, на своих животах...

День кончился плохо, но и завтрашний день не обещал лучшего.

Пришел Бекан. Старый седельщик горевал, что ничем не может помочь соседке. И Мисост и немцы на него обозлились за то, что не хочет ничего делать вместе с ними. Предложили ему возглавить общественную комиссию по раздаче колхозного скота населению. Бекан отказался. Сослался на то, что дом разбит бомбой и надо к зиме утеплить сарай. Тогда ему предложили стать хотя бы членом этой комиссии, но он и этого избежал, скрылся, сказав жене, что поедет в Прохладную покупать корову.

Это было похоже на правду, потому что в Прохладной оказалось много всякой скотины. Ее разобрали было казаки по дворам, но теперь, видя, что не прокормить до весны, начали распродавать.

Но Бекан на самом деле ни в какую Прохладную не ездил, а скрывался у мельника. Он вернулся в аул, когда колхозный скот уже раздали.

И тут его не оставили в покое. Мисост наседали, чтобы седельщик занялся созданием десятидворок. Немцы упразднили колхоз. Вместо него создавались десятидворки. От века кабардинцы жили отдельными родами. В каждом роду по десять, пятнадцать, а то и по двадцать дворов. Новая система ведения хозяйства и основывалась как раз на этом. Если род насчитывает десять домов, то это и называлось десятидворкой. Двадцатидворный род разбивался на две десятидворки. Малочисленные роды объединились по своему желанию и выбору.

Однако Бекан отвертелся и от этого, сказав, что для пользы всего аула целесообразнее ему наладить шорное дело, собрать мастеров, закупить кожи на сбруи.

Хабиба со слезами рассказала Бекану о несчастной корове.

— Этого следовало ожидать,— грустно сказал Бекан.— И над руслом зла хотят возвести мост.

Хабиба никак не могла успокоиться. Слезы катились сами, и кончик платка намок. Перед ее глазами стояла расстрелянная Хабляша.

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДВА ГЕКТАРА НЕБА

Весть о том, что немцы форсировали Баксан и что наши войска отошли к горам, долетела и до Чопракского ущелья. На отвесной Коричневой скале появилась надпись белой краской: «За воротами враг». Неизвестно, кто написал эти слова, но они были написаны крупно, их было видно издалека.

Но и без этой надписи все повторяли в те дни: за воротами враг.

Локотош забыл о сне и отдыхе. На своем Шоулохе носился он по ущелью из конца в конец, от поста к посту, от заставы к заставе. То забирался на скалы и проверял размещение огневых точек, то спускался вниз и проверял боевую готовность резерва, а особенно так называемого подвижного отряда, предназначенного для борьбы с десантами.

В эти дни Шоулох оценил своего седока. Он привык к нему и своей выносливостью будто подтверждал, что по джигиту и конь.

Волнение охватило все население Чопракского ущелья, но в первую очередь не местных аульцев, а людей, скопившихся здесь и ожидающих «окна в небо», то есть дороги в Грузию через Кавказский хребет. Запертые в Чопракском ущелье, как в бутылке, люди надеялись прошибить у бутылки дно и, так сказать, «вытечь» в без-

опасную Грузию. Охрана «горлышка» бутылки лежала на Локотоше и Бештоеве.

Ходили слухи, будто форсирование немцами Баксана ускорил не кто иной, как Хамыко, дурачок из аула Баксан, носивший прозвище «Красная рубаша». Зимой и летом он ходил босиком, в красной рубашке до пят. Вообще-то он был безобидный дурачок, не приставал, не грозился, не воровал, не скандалил. У него было в жизни одно-единственное занятие. Каждый день, поднявшись раньше всех, он взваливал на спину полмешка кукурузы и шел в Нальчик на базар за двадцать километров от аула. Кукуруза в мешке не менялась десятилетиями, как и привычка Хамыко. На базаре он становился всегда на одно и то же место и стоял, пока не расходился базар. Никто у него эту кукурузу не покупал. А если кто-нибудь спрашивал понарошку или по незнанию, дурачок называл первую попавшуюся цену, но такую, что можно бы купить целое поле кукурузы.

— Да она у тебя золотая, что ли? — спрашивали шутя.

— Купи — узнаешь.

К вечеру, взвалив мешок на плечи, Хамыко возвращался домой. Так продолжалось больше двадцати лет.

Но вот линия фронта перерезала дорогу Хамыко. Нальчик оставался советским, а Баксан попал к немцам. Но если некоторое время дурачок не ходил на базар, то вовсе не фронт мешал ему. Не стало моста, а Баксан был многоводен и бурлив. Хамыко без дела шлялся по аулу, и гитлеровцы к нему привыкли. Иногда даже поручали какую-нибудь грязную работу.

Однажды дурачок заметил, что вода в реке убыла. Тогда он опять взял свой мешок и по своему маршруту отправился на базар. Немцы его пропустили было через свои порядки, просто для смеху, наверно, и наши пропустили бы, потому что нечего с дурака взять, но дурак миновал нашу линию фронта, обернулся и закричал: «Я партизан! Я партизан!», после чего побежал в нашу сторону. Автоматная очередь обрезала жизнь Хамыко, Красной рубахи, дурачка из аула Баксан.

О случившемся узнало немецкое командование. Как же так? Человек с мешком кукурузы легко перешел реку, а победоносные войска стоят около нее как около непреодолимой преграды! Был отдан приказ о подготовке к наступлению.

То, что Красная Армия, а не бурная река, была преградой на пути немцев и что, конечно, не Хамыко ускорил наступление гитлеровцев, знал каждый. Но местные жители хотели верить, что именно Хамыко утер нос немцам. Нальчик был взят. В Чопракское ущелье гитлеровцы пока не пошли. Заткнули бутылку еще и своей пробкой, со своей стороны, то есть поставили у входа в ущелье заслон, а сами двинулись дальше.

Наступление немцев подталкивало строительство дороги. Якуб Бештоев получил от Бахова приказ прислать в его, Бахова, распоряжение еще двести человек с кирками и лопатами. Локотош конопатил щели, привел отряд в боевую готовность. Он говорил бойцам:

— Над головами у нас два гектара неба, а под ногами у нас вся земля. Мы — ее надежда.

Тревога Бахова была понятна. Не сегодня-завтра оккупанты узнают о строительстве «окна в небо» и как следует возьмутся за Чопрак. Сто пятьдесят подрывников день и ночь рвали скалы. Гул над горами не утихал ни на час. Пробить окно через восьмикилометровую толщину было не так-то просто. Сотни людей помогали строителям, вгрызались в гранит, отвоевывая у скал метр за метром. Сотни тысяч голов, заполнивших все прилегающие ущелья, огромное количество женщин и детей ждали, когда откроется это «окно» — единственный путь к спасению.

— Всем на строительство «окна в небо»! — был брошен лозунг. Все понимали, что без связи с внешним миром чопракскому гарнизону долго не продержаться.

Между тем арестованные все сидели в подвале и на охране их было занято три человека. Дезертиров нужно было кормить. Они привлекали внимание населения и вызывали пересуды. Локотош напомнил Бештоеву:

— Нам так нужны люди, а на охране арестованных занято три бойца. И вообще, не хватит ли их бесплатно кормить?..

— А что ты предлагаешь?

— Одному секир-башка, остальных послать на строительство «окна в небо».

— Секир-башка?! А ты не думаешь о последствиях? Тебе самому сделают секир-башка. У него знаешь сколько родственников? В каждом ауле третий дом.

— И еще Якуб Бештоев.

Якуб нахмурился и неохотно подтвердил:

— Да. Мы все здесь родственники, даже ты доводишься мне каким-нибудь родственником. Кабарда — всего пять долин. Где искать парню невесту? Выбор не велик. Так все и перероднились. А по какой линии — отцовской или материнской — Чандар мне родственник, я и сам не знаю. Но я не хочу устраивать ему секир-башка не потому, что он мне родственник. В ущелье, похожем на осажденную крепость, это будет воспринято плохо...

— Поощадем его — побегут другие. А лучше давай создадим специальный суд из бойцов отряда.

— Товарищеский.

— Назовем трибуналом. Решение обсудим во всех подразделениях. Без суровой дисциплины не удержим ущелья, не создадим Чопракского укрепленного района.

— Какой толк? Все равно немцы, если захотят, нас сомнут.

— Отвлечем на себя даже один полк, и то дело — легче будет тем, кто принимает главный удар...

Кучменов по распоряжению Бахова набрал еще сто человек для строительства дороги, на этот раз — женщин и стариков. Но что поделаешь — надо. Каждая минута промедления может стоить жизни сотням людей. Бештоев сам повел к Бахову этот новый отряд. Он хотел захватить туда же и дезертиров, но Локотош не позволил: «Договорились же, будем судить их товарищеским судом».

В тот же день командир отряда решил перевести арестованных в древнюю сторожевую башню «Калеж». Внутри башни просторно, размещай хоть пятьдесят человек. Но у нее есть «карманы», очевидно, для хранения продовольствия. В одном из этих каменных карманов разместили арестантов. В пятницу можно устроить суд.

Больше всего хлопот со скотом. Десятки тысяч коров. Сколько их точно, никто не знал. Им нужен корм. Заготовители корма подволакивают на волокушах сено к обрыву, связывают его в большие копны, бросают вниз. Копны катятся, как шары, или оседают, если развязываются, зелеными облаками. Внизу это сено на арбах развозят по загонам. Скота столько, что, если начнут бомбить, ни одна бомба мимо не упадет. «Мяса хватит

на десятки лет, а хлебом не запаслись», — думает Локотш.

Над ущельем появился немецкий самолет-разведчик. Он держался подальше от снежных вершин, вообще летел на почтительной высоте. Наверно, высматривал огневые точки, но они хорошо замаскированы, не найдешь.

Бештоев вернулся от Бахова в лучшем настроении, чем уехал. Дорогу скоро закончат. Хотя взрывчатки и не хватает и доставляют ее из-за хребта с большим трудом, но Бахов мечет громы и молнии, сам не отдыхает и другим не дает ни минуты отдыха.

— А где Зулькарней, не спросил?

— Спрашивал. Кулов в штабе армии. Они защищают другие ворота на Кавказ, Эльхотовские.

— Знаю. Узкая горловина в долине Терека. Она пошире, чем наша. Там проходит железная дорога. Но немцам не вышибить «пробку» из той горловины. Там орджоникидзевские пехотные училища. С двух сторон горы и Терек. Дальше Дарьяльское ущелье. Орешек не по зубам. А когда же думают закончить «окно в небо»?

— Приняли сощобязательство к годовщине Октября. На скале написали: «Окно в небо» — наш подарок Великому Октябрю!»

Бештоев помолчал и добавил:

— Вот видишь, строители праздник Октября встречают окончанием «окна в небо», а мы — расправой над дезертирами. Как народ воспримет такой праздничный подарок? Ты думал об этом?

— Ты комиссар, ты и решай.

— Я — комиссар?!

— А кто же? Комиссар гарнизона. Не нравится — готов меняться. Не я тебя назначил — Комитет обороны. Забыл?

— Я не такой забывчивый, как ты.

— А что я забыл?

Бештоев засопел, нахмурился, сунул обе руки в карманы, расставил ноги, будто собрался делать гимнастические упражнения.

— Я напому. Ты хочешь сделать секир-башка Чандару за дезертирство. Закон на твоей стороне. Закон суров, — Якуб остановился, набираясь духу и решительности, — но сам-то ты кто?

— Как кто?

— Могут люди спросить: почему бросил отряд на произвол судьбы в критическую минуту?

— У меня есть свидетели.

— Кто?

— Ты — первый свидетель. Ты же знаешь, при каких обстоятельствах я уехал. И не только ты. Десятки людей. Если пойдет речь, кто кого бросил, как бы твое рыльце не оказалось в пушку. Ты же увел отряд. Ты не принял боя с противником, бросил взвод, оседлавший дорогу, в пасть хищнику, нарушил приказ — не пошел защищать Элисту.

Бештovieу стоило усилий сдержать себя. Он весь напрягся, лицо стало багровым, вены на шее вздулись. От внезапного прилива крови голова затуманилась. Он сузил глаза, покачиваясь на расставленных ногах, и мучительно решал, принять вызов сейчас или выбрать более подходящий момент для сокрушительного отпора. Бахов поблизости, вот что плохо.

— Выходит, ты наговорил Бахову на меня. Я увел отряд. Я уклонился от боя. Я в час беды предал взвод бойцов. Три пункта обвинения. Каждого из них достаточно, чтобы сделать и мне секир-башка. Тогда организуй суд сначала надо мной... дезертир — мелочь по сравнению с преступником, который все еще на свободе.

Локотош опомнился. Задним числом всегда лучше видишь, как надо поступить.

— Я тебя не обвиняю. Но и ты не придумывай мне вину. Сейчас это больше чем некстати. В этой обстановке мы с тобой должны быть, как кабардинцы говорят, двумя лезвиями одного кинжала. Острие кинжала направлено против врага. Об этом мы должны думать. Немец ломится в наши ворота, а мы сводим счеты друг с другом... Может быть, ты прав. Не стоит сейчас, в канун праздника, устраивать суд над дезертирами. Повременим.

— Два лезвия одного кинжала обращены друг к другу спиной. А мы...

— Но их объединяет одно острие.

— Хотелось бы.

— А что нам мешает?

— Ты возбудил дело на меня и еще спрашиваешь, что мешает. Если разбираться, чье рыльце в пуху, не знаю еще, как будешь выглядеть ты. Кровь показывает,

какая собака совала морду в брюхо павшего коня. Ты сам не мальчик, понимаешь, никто не давал тебе права бросать отряд. Это же равносильно бегству с поля боя...

— А почему ты не остановил меня? Ты мог сказать: оставайся, пошлем бойца. Мог? Но не сказал. Почему ты только сейчас вспомнил о моем воинском долге? Может быть, тебе хотелось, чтобы меня не было в тот момент? Я помню, ты предлагал мне развернуть отряд к бою, ударить по своим! Уверен, ты так бы и сделал.

— Но не сделал.

— Обстановка изменилась. Немцы сделали за тебя... Повторяю, Бахову я на тебя не наговаривал. Я отвечал на его вопросы. Бахов больше интересовался тем, что я делал три недели в тылу врага. А с дезертирами, по моему, нечего медлить. Обстановка еще позволяет...

— Надо самим очиститься от грехов. Иначе какое мы имеем моральное право чинить над чабанами судебную расправу. За ними вины не больше, чем за тобой.

— Имеем. А что касается меня, то я отметаю твой наговор. В конце концов, пока еще не так далеко до Кулова. Можно пробраться к нему лесами. Еще ближе к Бахову. Давай не мешкай. Они разберутся.

— Зачем торопиться? Это тебе Чандар не дает покоя. Хочешь поскорей покончить с ним...

У Локотоша мелькнуло подозрение: не замышляет ли Бештоев что-нибудь, но он тотчас отогнал эту мысль. В конце концов, Якуба можно понять. Встретился с Баховым. Тот пошевелил леской, дал понять рыбке, что она на крючке. Рыбка еще в реке, но она на привязи. Бештоев ищет виновника, считает, что это Локотош донес на него. Кроме того, не появился капитан, Якуб по-прежнему считался бы орлом, который привел стаю в ущелье. Черт с ним и с этим Чандаром. Пусть сидит в башне. От возмездия ему не уйти. Локотош заговорил примирительно:

— Ладно, тебе виднее. Мое дело — бой.

Конечно, разногласия между двумя командирами лежали глубже, но внешне получалось, что яблоко раздора у них — Чандар. Поэтому несколько дней они не возвращались к разговору о Чандаре. Выговорились, и стало как будто легче. Локотош даже жалел о ссоре с Якубом. Как ни говори, но Якуб лучше знает это ущелье, местные обычаи и порядки, людей, с которыми приходится

теперь иметь дело. Якуб здесь родился, рос и работал. И его знают все эти люди. Недаром же по каждой мелочи партизаны и жители аулов идут к Якубу. Даже ночью поднимают его. Они тут между собой — все родственники. Умер человек — нужно отвезти его для похорон в верхний аул, мальчик поранил топором ногу, нужна медицинская помощь — за каждым делом идут к Якубу. Да и прав он, надо ли годовщину Великого Октября встречать в ущелье судом над дезертирами?

К двадцать пятой годовщине Октября капитан предложил издать приказ по ЧУУ, то есть по Чопракскому укрепленному ущелью. Вынести благодарность лучшим бойцам и животноводам, поздравить население, заверить в победе, призвать к еще более самоотверженному труду.

— Вот это дело! — обрадовался Якуб.

Приказ был подписан. Первый документ, на котором рядом стоят две подписи: начальника гарнизона и комиссара. Значит, Якуб, подписав этот документ, смирился с тем, что не он — первое лицо в крепости.

Документ размножили и расклеили где могли, в «местах скопления населения»: на мечетях, на казарме, у родников, на базарчике, на домах.

Между тем сами Локотош и Бештоев получили приказ за подписью Бахова. «Начальнику и комиссару ЧУУ...» Слово «начальнику» было кем-то подчеркнуто, как бы одобрено. В приказе предписывалось немедленно организовать перегон скота через хребет. Значит, все-таки продолбили «окно в небо»!

«Учитывая небольшую пропускную способность дороги, скот гнать равными частями, не создавая скопления его у подножия хребта. Тщательно рассмотреть структуру стад. Первыми пропустить людей. Строго определить контингент, подлежащий эвакуации. Таковым выдать пропуска и назначить старших...» На это Бахов давал одни сутки.

Вслед за людьми он приказывал пустить лошадей, за ними крупный рогатый скот, преимущественно дойных коров, затем гулевой скот и в последнюю очередь отары овец. «Для сопровождения скота выделить наиболее опытных животноводов».

Столько новых обязанностей свалилось на голову! Массовое передвижение скота и людей надо было производить скрытно от немцев. Как раз выдались пасмур-

ные дни и самолет-разведчик не часто кружился над ущельем.

Локотош усилил охрану «ворот», следил за боевыми постами в руслах ручьев и на охотничьих тропах, чтобы враг не воспользовался моментом и не внес панику в толпы эвакуирующихся. К удивлению Локотоша, желающих покинуть ущелье оказалось не так уж много. То ли люди поверили в неприступность «крепости», то ли не хотели покидать свои дома, а может быть и то, и другое.

В день Октябрьской революции по главным улицам всех четырех аулов пошли многочисленные толпы людей. Но, увы, это была не демонстрация, как в довоенные годы, не праздничное шествие с лозунгами и флагами. С узлами и мешками шли суетливые толпы эвакуирующихся.

Бахов придумал еще и такую вещь. В ущелье хранилась продукция вольфрамо-молибденового завода, которую не успели вывезти. Теперь каждый эвакуирующийся обязан был взять с собой мешочек с молибденом или вольфрамом. А у кого есть ишак — какую-то часть от уникальной машины... Без этого никакой пропуск недействителен.

В самый разгар перехода на хребте разыгралась буря. Она не утихала двое суток. Но движение не останавливалось ни на час. Люди ползли по снегу, выбивались из сил, падали, зарывались в сугробы. Кто был еще в состоянии двигаться, поднимал упавших, чтобы они не заграждали и без того узкую тропу, причудливо извивавшуюся над кромкой глухой пропасти. После взрывов тропа получилась с перепадами и ступеньками. По ним-то и шли люди ночью и днем, скрипели нагруженные арбы. Мешочки с молибденом и вольфрамом, как ребятишек, несли на руках, а домашний скарб на горбу.

Казалось, никогда не кончится эта дорога, которую старики тотчас же называли «дорогой над адом». Останавливаться было нельзя, потому что сзади подпирали многотысячные табуны, стада и отары. На кромке дороги с пропастью стояли люди, чтобы кто-нибудь, человек или вол, не сделал неосторожного шага в сторону. Но кончались восемь километров каменистой узкой тропы, наступал перевал, начинались южные склоны, где рождаются реки, текущие через Грузию в теплое Черное

море. На земле сванов бредущие забывали о «дороге над адом».

Несколько дней и ночей переливался живой поток через Кавказский хребет. В Чопракском ущелье остались только гарнизон да местные жители. Бахов тоже ушел за хребет — организовывать прием и размещение эвакуированных. Он понимал, что успех, которого он добился, — огромный успех, и об этом будет доложено кому следует. Переоценить этот успех нельзя.

РАЗЛАД

Локотош привязал Шоулоха в скрытом надежном месте и взобрался на свой командный пункт — удобный уступ на скале, загороженной от посторонних глаз, с какой бы стороны они ни глядели. Отсюда хорошо просматривалась вся каменная щель — длинное узкое горлышко «каменной бутылки». На дне ущелья — шумела река. Она временами уходила под скалы, так что ее не было видно, потом снова вырвалась из-под гранита. За миллионы лет река здесь не постаралась расширить свое русло, она работала только в одном направлении — распиливала базальт сверху вниз и образовала разрез глубиной триста метров, а то и больше.

На этих-то отвесных скалах Локотош расположил свою оборону. Огневые точки он разместил в несколько горизонтальных рядов. Самые нижние располагались недалеко от воды, а самые верхние — на вершинах скал. Всего «горизонтов» было шесть. Локотош мечтал соединить эти горизонты скрытыми ходами сообщения. Но пока что было не до этого.

Дорога, ведущая в «горлышко бутылки», тоже была видна Локотошу с его командного пункта. Она сначала извилисто спускалась к реке, потом уходила как бы в тоннель, но только без одной боковой стенки.

Не успел Локотош отдышаться после карабканья на скалу, как увидел на дороге большой — человек сто — отряд гитлеровцев. Судя по черным смушковым шапкам, это были не немцы, а кто-нибудь из их южных союзников. Отряд двигался медленно. За колонной пехоты лошади с трудом тянули орудия и груженные крытые фургоны. На изгибе реки отряду предстояло пройти по

мосту, вскоре после которого дорогу перегораживал завал, устроенный Локотошем. Но увидеть этот завал нельзя, пока не подойдешь к нему почти вплотную. Его скрывал поворот дороги.

Гитлеровцы с интересом рассматривали ущелье. Они глазели наверх, на столетние чинары, которые снизу казались травинками, Локотошу показалось даже, что они с любопытством смотрят на огневые точки, похожие на прилепившиеся к скалам гнезда ласточек.

Но вот они миновали поворот и уперлись в каменную гряду завала. Передние внезапно остановились. Фургоны и орудия, пока до них дошла команда, успели продвинуться вперед. Они продвинулись немного, но и этого хватило, чтобы на узкой дороге создавалась теснота. Офицер подал отрывистую команду, и солдаты бросились разбирать завал, скатывая камни вниз, в реку. Они торопились и нервничали, понимая, что, где завал, там может быть и засада.

Между тем горы вокруг хранили гнетущее сумрачное молчание. Шумела река. Весной со всех этих скал свисают знаменитые чопракские водопады, похожие на распущенные седые волосы. Камни источают, кроме того, тысячи ручейков, прозрачная вода которых обливает гранитную стену на большом протяжении. Сейчас на месте текучей весенней воды виднелись причудливые белые и розовые узоры — следы, которые оставляет на скалах вода. Пока солдаты разбирали завал, офицеры залюбовались открывшимся видом на ущелье, передавая друг другу бинокль. Локотош хорошо запомнил эти последние минуты тишины. С высоко растущих чинар замедленно, долго летели к воде редкие ржавые листья.

А потом раздался грохот и гул. Пулеметные и автоматные очереди смешались с ружейной стрельбой и хлопками гранат. Гитлеровцы в панике заметались. Они не могли понять, откуда стреляют, и поэтому не знали, куда бежать.

Ездовые пытались повернуть упряжки назад. Развернуться на узкой дорожке было трудно. Шаг в сторону и — смертельная пропасть. Убитые лошади запутались в упряжи, раненые быются, падают в пропасть и тащат за собой всю упряжь. Люди мечутся, стреляют и падают. Но спасения нет.

Локотош сверху смотрел на кипение людей в адском котле. Обезумевшие гитлеровцы кое-как развернулись и бросились назад, спеша спасти остатки отряда, топча убитых и раненых.

Но мост, через который они только что прошли, взле-

тел на воздух. Некоторые бросались в поток,плыли вниз. В дополнение к стрельбе на них полетели камни,заготовленные заранее. От выстрелов и взрывов начали осыпаться снега, превращаясь в снежные лавины. Ущелье заполнилось клубящимися облаками снежной пыли

и порохового дыма. Локотош приказал прекратить огонь.

Когда ущелье очистилось от завесы, на узкой дороге не оказалось ни одной живой души. Она была завалена трупами людей и лошадей, повозками, орудиями. Над клочущей рекой свисала в хомуте мертвая лошадь. Постромки, зацепившиеся за каменный выступ, держали ее на весу.

Начали собирать трофеи. Трудно было поверить, казалось даже невероятным, что среди защитников не оказалось ни одного раненого, в то время как враг устлал дорогу трупами. Но больше всего капитан обрадовался трофеям: три орудия, ящики с боеприпасами, автоматы, винтовки, патроны к ним, продовольствие, зимнее обмундирование. Отряд гитлеровцев шел в горы обеспеченным, как на зимовку. Все трофеи Локотош отправил в штаб, к Якубу, а сам остался у входа в ущелье; можно было ждать подхода новых сил, которые не ползут уже в ловушку так необдуманно. Истребление отряда могло обозлить гитлеровцев и вызвать ответные действия.

Но прошло три дня, никто больше не показывался на дороге, и Локотош решил побывать в штабе. Надо, в конце концов, разобраться в отношениях с Якубом, надо решить окончательно судьбу дезертиров. Дело принципа.

Увидев, что на дверях старой башни висят вместо одного два замка и выставлено два часовых, Локотош удовлетворенно улыбнулся: так и следовало ожидать. Первая же победа вразумила Якуба и сделала его более покладистым.

Но Локотош ошибался. Пока он воевал у Чопракских ворот, Якуб не терял времени даром. Он вербовал себе сторонников, верных людей, исподволь внушал своим собеседникам, что, если слушаться Локотоша, жителям ущелья грозит неминуемая гибель. Защищать Чопракское ущелье против всей немецкой армии — это же авантюра, и, пока не поздно, надо предотвратить катастрофу. А предотвратить ее можно только одним способом...

Со скрытым удовольствием Якуб отмечал, что среди обитателей ущелья есть и такие, которые готовы бросить оружие. Они давно бы разошлись по закоулкам или ушли в горы, если бы не боялись Локотоша. Локотош со своей дисциплиной у них как бельмо на глазу. Грозится переворочить все, если хоть один человек исчезнет из отряда.

Когда Локотош по телефону передавал Якубу имена бойцов, отличившихся в схватке у ворот, чтобы тот отметил их, выпустив боевой листок, Якуб вовсе не собирался чествовать героев первого боя. Не это было у него на уме. И когда Локотош думал, как лучше использовать трофейное оружие, не создать ли новый отряд или не раздать ли винтовки животноводам, Якуб тоже занимался трофеями, но только другого рода.

Среди добычи, отправленной Локотошем в штаб, оказалось новенькое офицерское обмундирование. Его обнаружил Азрет и, конечно, сразу же показал Якубу, полагая, что тот откажется от него и тогда его можно будет взять себе. Но Якуб не отказался. Сапоги пришлись ему впору, брюки тоже. Китель немного тесноват, но если перешить пуговицы... Неизвестно также, как поступить с аксельбантами. Оставить — очень уж пышно, бросается в глаза. Срезать — пропадет вся красота. Бештое встал перед зеркалом, когда дверь раскрылась и на пороге появился капитан. Рука его невольно схватилась за пистолет — ведь перед ним стоял гитлеровец. Только самодовольная ухмылка Азрета остановила произвольный жест капитана. А потом он и сам в «гитлеровце» узнал Якуба.

— Как обнова? — принужденно пошутил Якуб.

— Когда богатый покупает обнову, говорят: «Носи на здоровье». Когда бедный приобретает что-нибудь, спрашивают: «Слушай, где ты взял?» Собираешься носить?

— Понимаешь, еще ненадеванное. С иголочки. — Якуб оправдывался. — И к тому же как раз по мне.

— Тогда на здоровье.

— Врага делает врагом не одежда. Сниму погоны и аксельбанты, нацеплю шпалы. Обносился совсем.

Он резко сорвал красивый плетеный шнур и бросил его на пол вместе с золотым вензелем.

— Ты прав. Предатель носит форму тех, кого он хочет предать...

Якуб вскипел. Оттопыренные губы затряслись, глаза налились кровью.

— Я пришел к тебе по делу. — Локотош говорил холодно. Слишком многое ясно. Бештое не хочет примирения. Расщелина становится руслом для мутного потока, а русло, в свою очередь, размывается, расширяется, и

образуются два берега, которые не соединить ничем.— Тебя интересует, как прошел бой?..

— Я все знаю.

— А что именно?

Тут Азрет Кучменов решил, как видно, ошарашить Локотоша, чтобы капитан не очень задирает нос, выдавая себя за героя. И Якуб не сидел сложа руки.

— Товарищ Бештоев сам захватил трофеи почище твоих. Деньги. Два миллиона рублей. Два мешка денег! Есть пачки совсем новеньких сторублевки. Есть свои войска, есть и деньги. Заведем торговлю с соседними государствами...

— Откуда они взялись?

— Задержали банковских крыс. Отца и сына,— сказал Якуб.— Взвалили на спину по мешку денег и хотели податься за хребет. Мы их накрыли. Деньги я спрятал, а воры сидят в башне, ждут суда. Оришева-старшего, я думаю, надо пустить в расход, а мальчишку можно оставить. Пригодится в отряде, пойдет разведчиком.

К удивлению Азрета, Локотош не проявил к деньгам никакого интереса. И никаких Оришевых Локотош не знал. Как ни поступит с мародерами — все будет правильно. Он и сам готов казнить любого, кто хочет воспользоваться народным бедствием, чтобы обогатиться. Капитан заговорил о другом.

— Надо собрать командиров подразделений, обсудить итоги боя у Чопракских ворот. Первый успех не должен вскружить нам голову. Бой вскрыл и недостатки нашей обороны. Связь плохо налажена. Нет четкого взаимодействия. Огневые точки действуют обособленно. Надо наладить сигнализацию, подумать об использовании трофеев, создать отдельный отряд, вооружить его немецким оружием...

— Ты хочешь в руки бойцов вложить оружие врага. Почему же нельзя носить его одежду? Почему одежда — предательство, а оружие — нет?

— Во-первых, это разные вещи. Во-вторых...

— Что во-вторых?

— Я не тебя имел в виду.

— Как это не его?— Азрет решил показать клыки. Пусть знает Локотош, какую сторону возьмет Кучменов, если между Локотошем и Якубом так пойдет дальше.— Каждый дурак поймет, кто имелся в виду. Я только

удивляюсь, что у Якуба такое длинное горло. Слова долго не выходят наружу, чтобы их услышало ухо собеседника. Если бы мне сказали такие слова... К сожалению, я нетерпелив... У меня слово вылетает сразу, как выстрел. Выстрелишь, а потом жалеешь...

— А ты меньше стреляй, тем более когда не с тобой говорят. Ясно?

Кучменов был не из храбрых, а Локотоша он боялся не только как подчиненный командира, но и как решительного человека.

— Ясно, капитан.— Кучменов сознательно опустил слово «товарищ», но капитан не обратил на это внимания.

— Ты лучше займись делом. Собери командиров. Сбор в семь ноль-ноль.

— Может, пораньше? Чтобы засветло они вернулись на свои места.

— Дорогу к себе и в тумане найдут. Сбор в семь ноль-ноль.

Якуб начал снимать трофейную форму. Его все еще занимала эта одежда. Или, может быть, он нарочно вернулся к разговору о ней, чтобы утвердить на нее свое право.

— Слушай, Азрет, найди женщину, чтобы пришила петлички и звезды на рукава. Расскажи ей, как это делается.

— Найду. К совещанию все будет готово.

Все командиры явились к семи ноль-ноль. Они расселись вдоль стен, и было их одиннадцать человек. От Локотоша не ускользнуло, что командиры здороваются с ним равнодушно, будто не было победы в ущелье, будто ничего не произошло. Правда, не было среди них никого из «гвардейцев», то есть из бойцов Нацдивизии, составляющих ядро отряда и опору капитана Локотоша. Все «гвардейцы» на своих позициях у Чопракских ворот. А здесь собрались преимущественно жители аулов. Лица их встревожены, недовольны, угрюмы, в глазах вопрос: «Ну что еще придумали, чего ждать?»

«Воины!..— усмехнулся про себя Локотош.— Автомат кладет на пол и садится на него, сложив под собой полы шинели. Так садятся чабаны в горах на мокрую траву».

Еще до начала совещания капитан дал подписать Якубу приказ по отряду. В нем от имени командования ЧУУ объявлялась благодарность бойцам и командирам, разгромившим врага у Чопракских ворот.

Локотош начал совещание прямо с чтения приказа. Его слушали, стоя по команде «Смирно». Капитан читал слова приказа громко, с воодушевлением, словно не он сам их час назад написал. Радость победы переполняла его душу. Он готов был обнять каждого, кто сражался вместе с ним, он весь дышал уверенностью в полной победе и хотел теперь, чтобы эта уверенность передалась другим.

— Так всюду встречать врага!— гремели слова приказа.— Равняться на защитников Чопракских ворот! Никакой пощады врагу. Смерть немецким оккупантам!

Между тем Якуб Бештоев слушал приказ с подчеркнутым равнодушием. Ему не хотелось даже называть это боем. Противник сам залез в мышеловку, и его прихлопули. Куда ему было деваться? Но Якуб понимал значение этой первой победы для всех других. Моральное, конечно, значение. С военной точки зрения истребление сотни вражеских солдат нельзя даже назвать эпизодом. В схватке участвуют миллионы. Якуб старался смотреть не у себя под носом, а вдаль, и от того, что он видел вдалеке, зависело его поведение. Никто не умел так быстро перестраиваться, как Якуб Бештоев.

Когда немцы водрузили на Эльбрусе флаг с изображением Гитлера, Якуб решил, что с Советской властью покончено, и стал готовиться к новой жизни. Но когда на берегах Баксана немцев остановили, Якуб заговорил снова об отряде, о боевой подготовке бойцов. Немцы форсировали Баксан и заняли Нальчик, опять переменялся Якуб. Ему в голову приходили самые неожиданные мысли, но все они вертелись вокруг предательства. Сегодня штабной писарь принял сводку. В ней говорится об ударе, нанесенном по вражеским войскам, прорвавшимся к городу Орджоникидзе. Немцы отброшены за Ардон. Надолго ли — не надолго, но отброшены. Якуб решил не противостоять мероприятиям Локотоша, но и не поддерживать их. Ждать, пока положение окончательно прояснится.

Локотош, наоборот, старался любое проявление му-

жества использовать для укрепления духа бойцов. После чтения приказа он произнес длинную речь.

О Чопракских воротах заговорят, враг о них расшибет голову. Надо день и ночь совершенствовать укрепления в Чопракском ущелье. Пусть Якуб Бештоев называет его мышеловкой. Из мышеловки не убежала еще ни одна мышь.

Локотош вспомнил сражение в калмыцких степях, где встретились кавалеристы и танки.

— Тогда силы были неравные. Степь — плохая защита от танков. Но здесь — горы! В горах человек становится хозяином положения. Горстка бойцов отомстила за жизнь своих боевых товарищей, сложивших голову в тех степных схватках. И это только начало. Это только первый удар. За ним последуют новые удары, новые схватки!

Локотош заговорил об испытаниях, которые еще предстоит.

Все, кто хотел эвакуироваться из республики, эвакуировались, когда немец вступил на левый берег Баксана. В Нальчике — враг. Значит, рассчитывать не на кого. Помощь извне не придет. О действиях партизанских отрядов еще не слышно, хотя есть твердая уверенность, что партизаны накапливают силы. С ними будет установлена связь, как только они объявятся. А пока самим надо решать важные вопросы: усиление заслонов на наиболее опасных тропах, создание подвижного отряда, готового быстро и оперативно перебрасываться на угрожающие участки, ведение разведки, чтобы о намерениях врага узнавать заранее и готовить контрмеры, ведение непрерывного наблюдения, создание особой группы, которая займется вражескими лазутчиками и дезертирами... Ну, а если я что упустил, Якуб добавит? — Локотош улыбнулся.

— Я не добавить хочу. В мою обязанность не входит подбирать за тобой. У меня есть свои соображения независимо от твоих замыслов. Прежде чем создать подвижной отряд или особый отдел, нам надо взглянуть на себя, заглянуть в души. — Бештоев только сейчас встал, обвел взглядом присутствующих, скосил глаза на Локотоша, мол, все, что ты сказал, я заворачиваю в газету и бросаю в мусорный угол. — А смотреть на себя надо в общем плане, не под одеялом. Как бы ты ни старался

взглянуть на себя под одеялом, дальше своих ног не увидишь...

Послышались голоса одобрения. Удачные слова вдохновили и самого Якуба. Локотош не мешал комиссару.

— Мы находимся в роскошном фамильном склепе. Над нами два гектара неба — и все. Кругом скалы, горы. «Окно в небо» скоро закроют снега. Мы будем тогда отрезаны от мира, мы и сейчас не знаем, что происходит не только в Нальчике, даже в ауле Машуко. А говорим: неприступные Чопракские ворота, ЧУУ. Одним словом, я понимаю прожекты Локотоша. Он уже вообразил себя чуть ли не командующим регулярными войсками. В его представлении мы, здесь сидящие, — это военный совет в Филях. А вы — генералы. Нет среди нас только Кутузова. Может быть, кто-нибудь думает, что он — Кутузов?

Многие захихикали. Локотош нахмурился.

— Конечно, в такой обстановке без органов внутренней безопасности не обойтись. Видишь ли, чабан оставил свой пост и пошел поить животных. Самовольно ушел — дезертир, предатель, изменник. Локотош заключил уже двоих в тюрьму, то есть в башню.

Опять пробежал смешок.

— Не для того, чтобы дезертиры у аллаха прощения просили. Локотош посадил их, чтобы продержат, пока не сформируется военный трибунал, который будет выносить смертные приговоры по его воле.

Локотош не выдержал:

— Не по моей воле...

— По твоей воле.— Якуб возвысил голос.— Нет же у нас чопракских законов...

— Зато есть советские законы,— Локотош тоже встал,— есть воинская присяга, ее нарушение карается смертью. Это надо помнить.

— А почему ты забыл об этом, когда бросил отряд на произвол судьбы в калмыцких степях?

— Ложь. Ты отлично знаешь, зачем и куда я уезжал.— Локотош говорил негромко. Все силы он тратил, чтобы сдержат себя, не выгладеть в глазах подчиненных человеком, которого легко вывести из равновесия.— Твое обвинение я отметаю. А кто бросил в пасть зверя своего друга, а сам спасся бегством? И зверь сожрал жертву измены...

— Кого я бросил в пасть хищника? Ах, да! Ты име-

ешь в виду командира взвода с усиками, который не пускал нас в Элисту? Да ты в ту минуту сам проглотил бы этого мальчишку. Он же в глаза врагу в жизни не поглядел. Я поступил тысячу раз правильно, что дал ему счастливую возможность посмотреть в глаза врагу!

— На военном языке это — бегство с поля боя.

— Тогда создавай против меня особый отдел! — Наигранная веселость сошла с лица Якуба. Он стал суров и жестоко-насмешлив. — Ничего у тебя не выйдет. Твоих узников я уже освободил.

— Освободил?!

— Да. Освободил и отправил назад на ферму.

— Кого же охраняют часовые?

— Кучменов, скажи ему, кого мы держим в мечети.

Азрет Кучменов сидел с краю стола, развалившись на стуле. Он и не пошевелился, когда Якуб обратился к нему. Только мясистые, словно накачанные воздухом губы его растянулись в ухмылке, обнажив желтые, почти лошадиные зубы, не знакомые ни с зубной щеткой, ни с порошком. От широкой ухмылки синий бугристый нос Азрета словно бы опустился и перпендикулярно перегородил желтый зубастый рот.

— Дары аллаха Чопракской крепости. Аллах не оставляет правоверных своими щедротами. Одному он посылает породистого жеребца, а другим два мешка денег...

— Полагается встать, когда говоришь. — Локоток так и впился в наглые, вызывающие глаза Азрета, лицо которого начало наливаться краснотой, потом синевой и сделалось похожим на лунную поверхность, испещренную кратерами.

— Не перед судом говорю.

— Перед боевыми товарищами.

Кучменов нехотя зашевелился на стуле, наклонился вперед и встал. Он молчал, искоса поглядывая на Якуба, ожидая от него поддержки. Но Якуб тоже молчал. Азрет насупился.

— Бештоев лучше меня знает, кто сидит под замком. Пусть сам расскажет.

— Тогда садись.

Кучменов взорвался:

— Не сяду. Я тебе не мальчишка. «Встань!» «Садись!» Принудительной гимнастикой не занимаюсь.

Локотош знал, с кем он имеет дело и что за «фрукт» этот Азрет Кучменов. Это он собирает немецкие листовки, прячет их, нашептывает бойцам, что с Советской властью покончено. «Надо действовать, как мудрый Ходжа Насреддин,— поучает Азрет.— Когда начала падать стена его дома, он стал подталкивать ее в ту же сторону, приговаривая: «Всегда толкай заодно с аллахом, если хочешь угодить ему».

За анекдот о Ходже Насреддине под суд не отдашь. Но всем понятно, что под аллахом Азрет понимает Гитлера, разваливающего стены Советской власти. После этого каждому понятно, на чьей призывают быть стороне.

Все это промелькнуло в голове Локотоша, пока Кучменов огрызался, не желая садиться. Локотош решил пресечь вылазку Азрета, чтобы неповадно было всем другим.

— Рядовой Кучменов, садись!

Кучменов вылучил глаза. Его нижняя губа отвисла, заслонив подбородок.

— Рядовой? Я — командир. Средний комсостав!

— Был. Властью начальника гарнизона осажденного ущелья я вас разжаловал за невыполнение моего приказа... Сегодня сдашь свое подразделение. В осажденной крепости только железная дисциплина дает силу для победы. Только в единстве победа. Только слившись с гранитными скалами, человек становится сам скалой, обретает силу выстоять. Верность присяге — во-первых, верность присяге — во-вторых, верность присяге и в-третьих. Кому это еще непонятно?

— Под этим приказом надо поставить и вторую подпись... — Бештоев взглянул на капитана, давая понять, что он не подпишет приказ.— Начальник гарнизона прав. Азрет Кучменов не выполнил приказ вышестоящего командира. В боевой обстановке за это пуля в лоб. На фронте я сам судил труса, хотел ему вынести смертный приговор, не согласились. Но давайте еще раз взвесим. Одних в башню, других разжалуем, а с кем воевать? Может быть, ограничимся дисциплинарным взысканием? Как, товарищ капитан?

Локотош быстро решал: уступить или не уступить Якубу Бештоеву? Пожалуй, наступил тот самый решительный переломный момент, если уступишь сейчас, бу-

дешь уступать всегда. Якуб заберет верх. В глазах людей он сделается борцом за справедливость. Законы знает. А для Локотоша один закон — устав. Присяга. Война.

— Я настаиваю на своем. Если потворствовать нарушителям воинской дисциплины, то действительно не с кем будет воевать. Немцы еще не разобрались в обстановке. Они полагают, что здесь большие силы. Будьте уверены, противник не сидит сложа руки. Он ведет разведку. Выясняет, сколько нас, чем дышим. Испытание огнем впереди.

Якуб перебил капитана:

— Все равно. Ты не волен единолично решать судьбу людей. Помимо военных, в ущелье еще не одна тысяча человек гражданского населения.

— И они подчиняются тем же законам...

— Каким? Твоей воле? Нашелся диктатор, вершитель судеб! Не много ли хочешь? Ты можешь отдавать приказания, но так как я здесь особоуполномоченный от гражданского населения, все твои приказания должны утверждаться мной...

— Узурпация власти!..

— Называй как хочешь.

— Тет, глава Чопракской крепости?

— А что, неплохо звучит.

Якубу часто приходила в голову одна мысль. Почему в истории малых народов не оказалось своего Ивана Калиты — собирателя Руси, своего Ивана Грозного, ликвидировавшего русскую междоусобицу. Появись такая личность — кабардинцы, черкесы, адыгейцы образовали бы единое государство. Бекану Диданову поручили сохранить элиту кабардинской породы лошадей. Так, может быть, Якубу Бештоеву сама судьба поручает сохранить «на развод» горстку своего народа, которого Гитлеру не хватит и на один зуб.

— Каким бы правителем ты ни называл себя, — Локотош уже решил, что между ним и Якубом образовалась та пропасть, которую нельзя и даже не нужно переступать, — я подчиняюсь только Комитету обороны, пославшему меня сюда. Только Кулову.

Якуб ответил уверенно:

— А мой Комитет обороны — вот они, перед нами. — Бештоев обвел взглядом присутствующих и жестом по-

казал на аул.— Они — мое начальство. Я буду действовать от их имени.

Бештоев что-то сказал на кабардинском языке, и все засмеялись. Локотош не знал, что и делать. Он готов был вскочить на Шоулоха и умчаться куда-нибудь отсюда. Он до боли сжал кулаки, чтобы не сделать опрометчивого шага. Бежать?! Но бегство — это своеобразное доказательство правоты Бештоева. Якуб снова предстанет перед людьми орлом во главе стаи. Сомнения нет, Якуб действует по задуманному плану. Он хочет остаться в ущелье единовластным хозяином, присвоить себе славу героя Чопракского сопротивления. То, что о нем писала газета, оказалось мыльным пузырем. Получился конфуз. Теперь Якуб решил стать героем и опровергнуть подозрения Бахова. Победителя не судят. Якуб удерживал ущелье, пока перегнали за хребет весь скот и переправили людей с молибденом и вольфрамом. Якуб отвлекал на себя части немецких войск...

Ничего у Якуба не выйдет. Бахов все-таки вытащит рыбу из воды...

Но как быть Локотошу сейчас, сию минуту?

ОРИШЕВЫ — ОТЕЦ И СЫН

Снег словно ждал, когда завершится эвакуация через хребет. Длинной многодневной вереницей прошли через «окно в небо» усталые люди, овцы, коровы, кони. Опустела тропа, кое-как проковыренная в скалах, и сразу посыпался снег. Сначала толстым слоем, а потом сугробами, заносами он перекрыл дорогу так, что только ползком или на четвереньках проберешься теперь через хребет. А скоро не проберешься и ползком, наглухо, до самой весны, отрежут снега северные склоны Кавказского хребта от южных, а вместе с тем и от Грузии.

Бештоев день и ночь про себя возносил молитвы аллаху, чтобы снежные лавины скорее загородили все пути, чтобы Бахову, уходящему вместе с людьми и скотом, не возвратиться назад. Но в то же время он понимал цену этой дороге: военное снаряжение, медикаменты, все товары первой необходимости — все прощай до весны!

«На «окно в небо» зима повесит белый замок, — ду-

мал и Локотош.— И только весна своим ключом сможет открыть ее».

Об этом же думал до вчерашнего дня и Оришев-старший. Он рвался в это ущелье, торопил сына, он думал, что ему здесь помогут, окажут всяческое содействие в спасении государственных денег, а его вместе с сыном посадили в башню. И деньги теперь неизвестно где.

Оришевы долго блуждали по лесам и горам, ночуя в пещерах, и не знали, где спрятать деньги, чтобы и их спасти и самим освободиться от казенного груза. Они переходили от шалаша к шалашу, от ночлега к ночлегу, останавливались у скотоводов, забредали к родственникам, но от всех скрывали содержимое мешков, боясь, что, прознав про деньги, их убьют в первую же ночь. Постепенно они пробирались к Чопракскому ущелью в надежде перейти в Грузию. Тропинки вели через чинаровые леса, через голые скалы, через заоблачные зеленые пастбища. Ничто не пугало отца и сына. Оришев-старший уже представлял себе, как в каком-нибудь банке он пересчитывает деньги, все два миллиона, и сдает их по акту. Не оказалось бы недостачи. Поверят ли тогда ему, не подумают ли, что он их взял и истратил. А ведь он не взял ни рубля.

Оришев давно мог бы спрятать где-нибудь эти несчастные два мешка с деньгами. В крайнем случае, он мог бы их сжечь, лишь бы они не достались немцам. Но не таким человеком был Батырбек Оришев. Он был банковским служащим не только по должности, но по своему характеру, по складу души и по образу мыслей. Он, казалось, был рожден считать, экономить, беречь, копить. Его аккуратность и бережливость были чрезмерны, могли показаться комичными. Так, его записная книжка не просто лежала в кармане, но была еще привязана к пуговице шелковой тесемкой. Такой же тесемкой был привязан к поясу складной нож, лежащий в кармане брюк.

Аккуратность, честность и скромность Оришев унаследовал от своей семьи. В бедном крестьянском доме Оришевых было принято экономить на всем. Если им удавалось завялить баранью тушу, то одной туши хватало на целую зиму. Утром мать варила мамалыгу и тотчас начинала жарить шашлык из вяленой баранины. У других капли жира от шашлыка каплют прямо в огонь

и, треща, сгорают, но мать Батырбека поступала иначе. Она подставляла под шашлык котел с мамалыгой, чтобы жир капал в нее. Утром семья ела мамалыгу с запахом шашлыка, а в обед уже сам шашлык.

Ходили рассказы об изобретательной экономности Оришева в бытность его председателем колхоза. Он не сдавал коноплю на пенькозавод сразу, как только она просохнет в суслонах. Он набирал десятка два-три стариков, и те вручную вымолачивали эту коноплю. Весной, когда другие колхозы втридорога покупали семена конопли, у Оришева семена всегда бесплатные.

Много смеялись над председателем, когда у него на полях развелась сурепка. «Чем это ты красишь поля,— говорили ему,— они у тебя как желтое море». Но Оришев смеялся последним. Когда сурепка созревала, он посылал школьников, те выдергивали ее, складывали на току, молотили. Семена сорной травы Оришев отвозил на маслозавод, из масла получал олифу, а олифу употреблял, например, на ремонт школы.

Когда в обкоме возник вопрос, кому поручить государственный банк, чтобы из него не утекло «налево» ни рубля, остановились на Батырбеке Оришове, ибо честность его не вызывала сомнений. Так он стал управляющим межрайонного отделения Госбанка.

Когда немцы начали бомбить Нальчик и прошел слух, что они уже перешли Баксан и подходят к столице республики, управляющий взял себе в помощь сынишку Айтека и побежал в банк. Под бомбами, рискуя жизнью, отец и сын пробирались к центру города, над которым пикировали бомбардировщики. Все было в дыму, в пыли, крыша банка уже горела. Оришевы влезли в окно, открыли два больших сейфа и стали выгребать и, словно кукурузные початки, сваливать в мешки пачки денег — два миллиона. Взвалив мешки на плечи, отец и сын выбрались на улицу. Тут в банк угодила бомба, машину разнесло, шофера убило. Оришевы, не теряя времени, побежали в сторону гор.

Много суток пробирались Оришевы, сами не зная куда. Питались чинаровыми орехами, лесными яблоками, зеленой мушмулой, грушами, печеной кукурузой. Избегали встреч с людьми, боясь ограбления. Ради двух мешков денег могли и убить, хотя для самозащиты у Оришевых было по пистолету.

Однажды, поднявшись на гребень горы, они увидели длинные приземистые коровники. Оришев-старший даже не поверил своим глазам: из трубы домика вился сизый дымок. Кто мог там жить? Машуко давно занят немцами. Ферму наверняка разграбили. Может быть, там немцы?

На ферме обосновались Бекан Диданов, теперешний пастух, со своей женой Данизат. Мисост навязал ему в стадо племенного быка (свою собственность) и наказал только одно: вести строгий учет бычьей деятельности среди коров, чтобы знать потом, с кого брать деньги.

Сделавшись пастухом, Бекан поселился на бывшей молодежной ферме. По утрам на двуколке он спускался в аул, собирал стадо, прихватывал Мисостова быка и отправлялся на пастбище. Целый день — один, вдалеке от людей, от всех дел в ауле, ну и, конечно, от немцев. Но, уходя из аула, Бекан думал не о себе. Он надеялся взять и спрятать на ферме Апчару. «Ах я старый дурак, не оставил ее тогда в Грузии. Теперь надо что-то придумать. Главное, чтобы никто не пронюхал про ее убежище», — сокрушался Бекан.

Данизат первую ночь на ферме не сомкнула глаз, все ждала нападения. Но ничего не случилось, настало утро, потом новый день, и жизнь пошла чередом. Бекан занялся было водяной мельницей, но понял, что одному с ней не справиться. Кроме мельницы нашлось много дел. Вокруг фермы там и сям оставалась неубранная кукуруза. Надо ее высушить, прежде чем молотить на муку.

Данизат постепенно осмелела и вечерами долго ходила вокруг фермы. Она надеялась, что Чока увидит ее и покажется. И ее действительно увидели, но только не сын, а Оришевы. Потом они увидели и старика с топором на плече. Не немцы, да и на скрывающихся бандитов не похожи.

Между тем сгустились сумерки, в долине стало темно. К этому времени мешки с деньгами были спрятаны под листвой и валежником, на случай, если на младшего нападут, пока отец на разведке.

Больших трудов стоило перейти Чопрак. Река бурная, упадешь и не встанешь. Пришлось раздеваться. В горах послышался вой шакалов. С фермы ему ответил могучий лай волкодава. «Собаку держат», — подумал Оришев и пошел осторожнее. Он подошел так близко к фер-

ме, что почуял запах дыма, смешанный с ароматом мяса. Засосало под ложечкой, закружилась голова.

Собачий лай затих. Оришев думал, что волкодав убежал, как вдруг огромный кудлатый пес зарычал прямо перед ним. Оришев присел. Напротив него, загораживая дорогу, сел и пес. Получалась игра в гляделки. Только Оришев захочет приподняться — волкодав тоже поднимается, рычит, готовый наброситься, показывает клыки, похожие на зубья от бороны. Оришев сядет, и волкодав кладет голову на лапы, следит за каждым его движением.

— Эй! Есть там кто?

Но и кричать, оказывается, тоже нельзя. Собака ответила оглушительным лаем. В окне домика светился слабенький огонек, но на отчаянный крик Оришсва никто не вышел. Оришев потянулся за пистолетом, чтобы напугать собаку выстрелом, но, заметив движение руки, зверь зарычал и приготовился к прыжку.

Вот наказание, неужели до утра никто не выйдет из дому?

— Эй! Есть кто там?

Волкодав соскочил с места, но в это время скрипнула дверь.

— Кто там? Чока? Это ты, Чока?— послышался голос старой женщины.

Чоку Мутаева Оришев знал. Тотчас он сообразил, что никто не мог бы окликать в такое время Чоку, кроме матери. Но тогда, значит, и Бекан Диданов где-нибудь здесь.

— Я не Чока, да поможет тебе аллах увидеть его, но я Чоку знаю.

— Будь гостем, если ты добрый человек.

Тут из-за спины Данизат послышался голос Бекана. Он отозвал собаку, и та с чувством исполненного долга побрела к ферме.

— Заходи, заходи, гостем будешь,— пригласил Бекан Оришева.

— Я не один. Со мной сын, он дожидается меня там, внизу. Если можно переночевать у вас, я его позову. Нам только переночевать. Восход солнца не заставит нас здесь.

— Так с тобой Айтек?

— Ты знаешь моего сына? — совсем уж обрадовался Оришев.

— Конечно, слышал о нем от Апчары. Она рассказывала, как он участвовал в районной олимпиаде.

Оба старика рассмеялись. Дело было в том, что Айтека, рослого и плотного юношу, уговорили выступить на ринге, хотя он никогда и в руках не держал боксерских перчаток. А понадобилось его выступление «для массовости». Ну, боксер с первых же секунд исколотил неумелого юношу. Бой прервали, но цель была достигнута. Число боксеров оказалось на одного человека больше. Апчара тоже участвовала в той олимпиаде. Она-то и рассказала у себя в ауле о незадачливом боксере Айтеке.

— Так где твой Айтек?

— За рекой. Я его сейчас приведу.

Данизат подала еду, а сама ушла во двор караулить. Невдалеке проходит дорога, ведущая к Чопракским воротам. По ней иногда проезжают автомобили и мотоциклы. Вдруг кто-нибудь своротит на огонек.

Отец и сын ели на удивление. Бекан подкладывал им в тарелки все новые куски мяса и рассказывал им об ауле, о новых порядках, десятидворках... Мисост, мечтавший всю жизнь о власти, наконец дорвался до нее и стал бургомистром. Питу — его правая рука.

Бекан посоветовал Оришевым переночевать на мельнице. Туда никто не ходит. Там безопасно. В случае чего, можно уйти в чинаровые леса. Никто не найдет.

Данизат сунула Оришеву-младшему большой кусок овечьего сыра и лепешки — все, что было в доме.

Для большей безопасности Бекан привязал недалеко от мельницы своего волкодава.

Утром Бекан разбудил Оришевых, накормил и рассказал, как двигаться дальше, чтобы выйти к «окну в небо» в Чопракском ущелье. Оришев в этих местах и сам ориентировался неплохо. Когда-то ездил на летние пастбища уполномоченным от райкома партии. Но одно дело приехать в Чопракское ущелье на машине, а другое пробраться туда по охотничьим тропам. Тотчас Оришевы наткнулись на пост. Не зря Локотош разрабатывал систему охраны Чопракского укрепленного ущелья. Среди бойцов оказался человек, знавший Оришева. Кто не знает управляющего банком! Каждая организация так или иначе связана с ним и зависит от него.

После всех скитаний и от радости, что попал в отряд самообороны, Оришев разоткровенничался и рассказал, какой у него груз в мешках. Ведь даже Бекану он ничего не сказал о деньгах. Бойцы утешили, что «окно в небо» пока еще открыто, нашли ишака, погрузили на него оба мешка, и Оришевы благополучно добрались до штаба ЧУУ. Таким-то образом Оришевы и оказались в руках Якуба Бештоева.

Старик Оришев ждал от комиссара похвалы. Мало ли что в Нальчике на базаре за эти два миллиона не купишь и ягненка. Но переправь эти деньги за линию фронта, и они снова в цене. Они нужны государству. А сколько лишений принято из-за них.

Но Якуб думал не о том, как похвалить Оришева, а как распорядиться деньгами. Может быть, лучше оставить их здесь. Пригодятся когда-нибудь. И лошадей, и коров, и овец, и молибден, и вольфрам — все переправили. Зачем же и деньги отдавать?

— Мы голодали в пути, но государственные деньги... — рассказывал между тем Оришев.

— Здесь голодать не придется. Поставим на казенное довольствие. А деньги считай что сдал по назначению.

Оришев растерянно поглядел на Бештоева, не шутит ли тот, но на лице тета не было и тени улыбки.

— Как это так — по назначению? Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Я управляющий отделением банка. Я должен пересчитать эти деньги и сдать в Государственный банк.

— Считай, что сдал в банк.

— Но здесь нет никакого банка.

— Теперь будет.

— Товарищ Бештоев, я к шуткам не расположен.

— И я. Да и не ко времени. Слышишь? — Якуб затих, обращая внимание Оришева на стрельбу, доносившуюся снизу. — Там бой. Но Чопракские ворота укреплены. Немец сюда не прорвется. Мы сохраним твои деньги...

— Они не мои — государственные.

— Знаю, что государственные. Поэтому мы их возьмем, а вас арестуем...

— Но это произвол! Беззаконие! Вы ответите!

— Ответим. За все ответим. — Бештоев крикнул в дверь: — Кучменов!

Через порог переступил Азрет Кучменов, бессменный дежурный при Якубе Бештотеве.

— Что это значит?— продолжал возмущаться Оришев.— Я буду жаловаться. Кулову напишу!.. Это государственные деньги. Никто не имеет права их присваивать. Я за них в ответе перед государством и партией. Вы понимаете, что вы делаете? Советская власть жива. Вы ответите за каждый рубль. Два миллиона! Есть за что отвечать...

— Хватит! Или я вырву твой язык!— гаркнул Азрет, схватив Оришева за грудки.

— Не трогай отца! — Оришев-младший выхватил пистолет. Его юношеские глаза, полные гнева и негодования, глядели на мясистое лицо Кучменова. Но кроме этих глаз на Азрета глядело еще и дуло пистолета. Юноша, пожалуй, мог бы и выстрелить. Отец остановил его:

— Не надо, сын. Отдай оружие, мы не так будем с ними разговаривать.

Никакие угрозы не пугали Якуба. Он обезоружил Оришевых и тут же приказал двум бойцам препроводить арестованных в башню, а два мешка денег собственноручно отнес в военный кабинет школы, рядом со штабом отряда. Комната с железными решетками и окованной дверью. В ней хранилось все ценное, что имелось в отряде. На другой день туда же сложили и трофеи, присланные Локотошем.

Как после одержанной большой победы, Якуб Бештотев выразил благодарность тем, кто задержал Оришевых. Кучменов препроводил задержанных в ту самую башню, где он сам провел несколько дней. Негодование Оришевых только веселило его.

— Отдохните здесь после дороги,— сказал Азрет, звеня запорами и цепями.

В дальнейшей судьбе Оришевых сыграл косвенную роль все тот же Чока Мутаев, за которого несколько дней назад приняли впотьмах Оришева-старшего.

Прошел слух, что Чоку видели на кошаре и будто он был не один и на коне. Насколько правдив этот слух, проверить было не у кого. Между тем Бештотев забеспокоился. Неизвестно, что затевает Чока. Не собирает ли он свой отряд?

Бештотев и Кучменов сами отправились на поиски Чоки. Узнав об этом, в штаб на своем Шоулохе прискакал

Локотош. Капитан распорядился немедленно освободить Оришевых. На самоуправство Бештоева он решил отвечать самоуправством же. Если на плевков не ответить плевком — подумают, что не умеешь плевать. Локотош и так слишком много уступал. Всему должен быть предел.

Локотош не только освободил управляющего банком. Он посадил отца и сына на коней, выдал им пропуск через «окно в небо» и отправил в Сванетию.

Оришевы не успевали соображать, что с ними происходит и что творится вокруг. Понятно было одно — они вырвались на свободу.

ТЕТ ЧУУ — ЯКУБ БЕШТОЕВ

Якуб Бештоев помчался на поиски Чоки Мутаева не потому, что боялся его отряда, если бы такой вдруг образовался, но потому, что надеялся склонить Чоку на свою сторону. Такой сторонник, да еще с отрядом, нужен Якубу в борьбе с Локотошем.

Два дня Бештоев в сопровождении верного Кучменова носился по пастбищам, но следов Мутаева не обнаружил. В эти дни он увидел, что в ущелье есть и вооруженные и невооруженные люди. Тут были и пастухи, эвакуировавшие скот, и предатели, сбежавшие из армии и решившие здесь, за облаками, дожидаться исхода войны. Одни разбегались и прятались при виде всадников, другие, наоборот, рады были встретиться и узнать новости. Однажды кто-то обстрелял Бештоева. С некоторыми Якубу удалось поговорить. Все они были уверены, оказывается, что война кончается и скоро можно будет вернуться домой.

Якуб осторожно, чтобы прощупать их настроение, напоминал людям о гражданском долге защищать свою землю от врага. Именно эта осторожность помогла узнать о действиях партизан, которые лишили покоя немцев.

Оказывается, еще в конце сентября партизаны совершили ночной налет на немецкий штаб в ауле Джинал. Партизаны подожгли склад с горючим и при ярком свете ночного костра истребили десятки немецких солдат, взорвали штабные машины, захватили трофеи.

После этого случая гитлеровцы заминировали все тропы и дороги, ведущие в аул, и сами ходят только группами. Подозревают в связях с партизанами даже старух, потому что, по их сведениям, о штабе в Джинале поведала партизанам старуха — одна из тех, которые ходят в лес за дровами. Никому не разрешают выходить за пределы аула.

Весть о действиях партизан заставила Якуба придумать. Его опасения рассеивались после встреч с другими обитателями заоблачных высот, от которых он узнал и то, что часть партизан теперь не в тылу врага, а по ту сторону фронта, действуют совместно с регулярными войсками, устраивают смелые вылазки, добывают сведения о противнике.

«Значит, мы одни в тылу немцев», — решил с облегчением Бештоев.

Последние встречи убедили Якуба, что если придется окончательно порвать с Локотошем, то он, Якуб Бештоев, без людей не останется. Эти его поддержат. Из них можно будет сформировать свой отряд. Они поверят Бештоеву, своему человеку, а не какому-то там Локотошу. Но пока в этом нет никакой нужды.

Когда возвращались и подъезжали к штабу, Якуб предложил:

— Заедем в Калезскую башню. Пора Оришева окончательно допросить. Будет ерепениться — пусть сидит. Поумнел и смирился — отпущу его с пустыми руками, пусть убирается за перевал, если сможет... А Локотош ты, Азрет, не бойся. Я тебя освободил — я тебя сумею и защитить. Я — хозяин всего ущелья, а он всего-навсего командир отряда. Локотош мне подчинен, а не я ему.

— Когда он это поймет?

— Поймет. Заставлю понять.

Азрет обрадовался случаю излить душу:

— Воллаги, пора. Рядовой Кучменов, встать! Рядовой Кучменов, садись! Что я ему — мальчик? Физкультурой занимаюсь! Полководец нашелся! Не по справедливости он гарцует на Шоулохе. Жеребца надо было тебе дать. Ты правитель ущелья. Военная голова и гражданская голова — все в твоих руках. А он и ездить-то не умеет как следует. Помни мое слово — загубит Локотош жеребца, слину ему попортит. Сидит, как мешок картошки, смотреть тошно. А меня за что хотел разжаловать? Де-

зертир! Сам он дезертир чистой воды. Мне рассказывали, как он убежал на мотоцикле... Мотоциклетный всадник. Я его теперь не боюсь. Мне рассказали, кто он такой. Один из тех, кто сидел в башне, пожилой такой, который все молитвы читал, говорил мне, что Локотош и не кабардинец вовсе, хоть выдает себя за кабардинца.

— Не время сейчас выворачивать наизнанку его рубашку. Надо подождать. Бог даст — доживем до такого дня, когда я пересчитаю блох в его рубашке, выщиплю волосы из его ноздрей, он у меня начихается. Я все про него знаю. Отец у него был один из тех, кто плечом подпирает Советскую власть. В голодный год он ходил к Ленину просить семян. И Ленин дал ему целый эшелон, хотя вся Россия голодала. Отца Локотоша называли спасителем народа. «Не семена для сева я привез из Москвы, — кричал он на сходах, — а спас от гибели семена своего небольшого народа. Пусть кабардинцы умножаются!» — Бештоев замолчал. Пришла мысль, что если в голодный год отец Локотоша спас корни кабардинцев и древо народа дало новые побеги, то не послала ли судьба теперь такую же роль ему, Якубу Бештоеву?

— Выходит, он кабардинец? — удивился Азрет. — А языка не знает. Я пробовал с ним говорить.

— В детдомах он рос, потому и не понимает по-кабардински.

Лошади шли бодро. Кучменов придерживал своего мерина, чтобы он не вырывался вперед. Этим он подчеркивал свое уважение к Якубу, готовность быть его стремянным.

Бештоев знал сложную биографию Локотоша, поэтому он слушал Азрета без особого интереса. Пока Кулов и Бахов находились поблизости, Якуб считался с капитаном, с документом, подписанным Куловым. Иное дело теперь. Даже Бахов, правая рука Кулова, укрылся за спасительным хребтом. Теперь кто первым выхватит саблю, тот первым и держит слово. Так не пора ли выхватить саблю?

Калезжская башня оказалась пустой. Азрет Кучменов заорал на караульных, которые еще совсем недавно стерегли его самого.

— Ртом смотрели? Чандара стерегли — не смыкали глаз, а тут проморгали! Что у вас, голова была повернута задом наперед? Как удалось бежать Оришевым?

— Оришевых освободил капитан Локотош,— спокойно доложил караульный.

— Локотош?!— Этого меньше всего ожидал Бештоев.— С деньгами ушли отец и сын?

— Увезли два каких-то мешка. Видно, мешки были особенные, потому что Оришевым дали охрану из трех всадников. Локотош приказал препроводить их за хребет, и чтобы никто не смел задерживать. Всадники еще не вернулись назад. Теперь, наверно, дошли до перевала, если ничто не помешает. Там передадут отца и сына в руки военных или гражданских властей. Я сам видел пропуск, подписанный капитаном Локотошем.

— Когда это было?

— Утром. Они, наверно, доехали до хребта...

— Немедленно погоню! Догнать и вернуть Оришевых живыми или мертвыми. И деньги тоже вернуть! Живыми или мертвыми! Слышите?

Якуб так нажимал на это «живыми или мертвыми», что всякий бы понял: он хочет увидеть Оришевых мертвыми, а деньги целыми.

Кучменов бросил боевой клич, поднял отряд по тревоге, сам отобрал наиболее надежных и злых бойцов. Отправив погоню, Якуб и Азрет поехали в штаб.

Всю дорогу Якуб обдумывал, как ему действовать дальше. Как сделать, чтобы Локотош признал власть Бештоева, подчинился комиссару и чтобы последнее слово всегда оставалось только за комиссаром.

Сейчас, когда все входы в Чопракское ущелье перехвачены и даже с трудом пробитое «окно в небо» занесено снежным обвалом, двоевластие становится нетерпимым. Поймет это Локотош или по-прежнему будет гнуть свою линию?

Пока Якуб гонялся за Чоккой, Локотош создал разведгруппу и вооружил ее трофейным оружием. Сидеть в закрытом ущелье, не зная, что делается вокруг, капитан больше не мог. Он собирался делать вылазки, нападать на вражеские посты. Локотош знал, что где-то действуют партизаны. Надо установить с ними связь.

Со стороны «ворот» примчался гонец. На вершинах гор зажглись сигнальные огни — враг движется к «воротам». Давно надо было ждать этого наступления. Немцы долго не могли мириться со своим поражением.

День был пасмурный. В такую погоду немцы не могли летать над горами: в облаках не видно горных вершин. Значит, не будет и десанта. Локотош поскакал к «воротам». Оттуда уже слышались разрывы снарядов и мин.

Оставив жеребца в пещере, капитан взобрался наверх, на свой командный пункт, откуда открывалось ущелье, лежащее ниже «ворот» на два с половиной километра. Потом ущелье поворачивало влево. Немцы могли накапливаться там за изгибом и пребывать в безопасности. У Локотоша не было минометов для навесного огня. Зато немецкие «верблюды» обрушивали на «ворота» залп за залпом. Огромный каменный лоб, изъеденный оспинами, заволокло дымом. Временами из-за горы, закрывающей ущелье, выкатывались танки и торопливо открывали огонь прямой наводкой. Ущелье гудело от разрывов.

Появились первые раненые. Локотош ничем не выдавал своего присутствия, бойцы не сделали ни одного ответного выстрела. Защитники «ворот» спрятались в глубине гранитных окопов.

Даже пороховой дым не проникал в складки скал, где сидели бойцы.

— Как об стенку горох! — шутил Локотош.

Под прикрытием артиллерийско-минометного огня немцы взялись расчищать дорогу. Танками сдвигали огромные каменные глыбы и сталкивали их в реку. Солдаты разбирали завал. Локотош не разрешал открывать огонь. Немцы осмелели. Многие переползали через завал, чтобы вести работу с обеих сторон. И наконец дорога была расчищена. Танки не заставили себя долго ждать. За танками пошла и пехота. Гитлеровцы жались к стенке, но, не встречая никакого огня, почувствовали себя смелее. Прекратился минометный огонь — боялись угодить по своим.

Тогда Локотош дал сигнал. Гора как бы зарычала, неистово загрохотала. Ущелье превратилось в единое черное облако, которое клубилось, закрывая полоску пасмурного неба. И танки и солдаты — все было погребено в один миг. Кому посчастливилось уцелеть, бежал, обезумев.

Это был замечательный взрыв. Не зря Локотош посылал по ночам за взрывчаткой на склады брошенного

молибденового рудника. Тонны динамита теперь сделали свое дело: там, где проходила дорога, оказалась отвесная ровная скала. Теперь надо заново долбить ее, чтобы проложить новую дорогу. Для этого потребуется время и время.

— Лавина — оружие смелых! — торжествовали защитники «ворот».

Локотош не покидал своего места, ждал, как дальше поведут себя гитлеровцы.

А вот «окно в небо» оказалось запертым. Снежная лавина обрушилась на дорогу, которую пробили с таким трудом, и все завалила намертво. Ущелье отрезано от всего мира. Первым об этом узнал Бештоев.

В этот день старики собрались на кладбище хоронить односельчанина. Азрет передал старикам распоряжение Якуба Бештоева собраться в райисполкоме для принятия важных решений.

— Правитель ущелья хочет обратиться к вашей мудрости! — возгласил Азрет, как бы напоминая старикам о стародавних порядках, существовавших при правителе Атажукине, когда Кабарда делилась на несколько псухо (долин), каждое из которых считалось отдельной административной единицей, управляемой адатом. Во главе псухо стоял тет (вождь, вершитель судеб), который мог решать любые дела. Уже два месяца как Якуб считал себя тетом — единоличным хозяином ущелья. Только Локотош мешается под ногами!

— Якуб наш тет, вроде старого Атажукина, — говорили в аулах.

И вот после похорон, в назначенный час, в небольшом зале райисполкома, где до недавнего времени проводились сессии райсовета, собрались старики, представители всех аулов. Тех, кто жил далеко, Азрет привез на подводах. Собравшиеся шумно, возбужденно разговаривали, рассаживались по местам. Стульев не хватало. Те, кто помоложе, остались стоять, выстроившись вдоль стен.

К собравшимся вышел Якуб в сопровождении верного стремянного. Он окинул всех быстрым взглядом: Локотоша нет. А через час пусть приходит. Будет уже поздно.

— Сначала я познакомлю вас с обстановкой, — начал Якуб свое обращение к старикам. — Чопракское ущелье

напоминает теперь кувшин, наполненный бродящей брагой. Содержимое кувшина, пенистый напиток,— это мы, его обитатели. Все отдушины закупорены, все входы-выходы нам отрезаны. Вниз пойдешь — немцы, вверх пойдешь — снежная лавина перекрыла дорогу. А справа и слева скалы. Так и есть кувшин, в котором бродит брага. Но брага не может вечно бродить. Если сосуд все время будет закрытым, содержимое может испортиться. Недаром говорят: вино застоится — потеряет вкус, девушка засидится в девках — потеряет красоту. Брага тоже вино. Она испортится, если не будет доступа воздуха. Воздух может поступить только сверху, то есть со стороны «окна в небо». А окно занесло обвалом.

— Расчистим,— раздались голоса.

— Расчистим ли?— подхватил Якуб.— Наше ущелье — белое пятнышко на боку вороного коня. Со всех сторон враг. Ждать помощи неоткуда. А между тем жизнь в ущелье должна продолжаться. Наши заботы не уменьшаются. С каждым днем их становится все больше и больше. В горах обильный снегопад, а кормов нет. То, что было, скормили чужому скоту. Кому-то надо подумать об этом. Запасы предметов первой необходимости иссякают. Мыло, керосин, спички, соль давно не завозились. Зерна и картофеля хватит на месяц — не больше. Кому-то надо доверить наши скудные запасы, чтобы они отпускались экономно и по справедливости. В аптеке медикаментов не осталось. Вместо медикаментов навалены охапки лекарственных растений. Тимуровцы летом собирали, а сдать не успели. От каких болезней эти травы — неизвестно. Между тем больные есть и среди гражданского населения и среди военных. Решение всех вопросов нельзя передать только военным. Военные в ущелье составляют лишь одну десятую часть. То есть каждый десятый поставлен под ружье, остальные — женщины, дети, старики. Об отряде заботится Локотош, а о гражданском населении ни у кого голова не болит. Надо, чтобы вы назвали человека, которому доверяете...

— Якуба Бештоева! Кому же еще! — бросил Азрет.

Старики зашумели:

— Якуб наш тет!

Кто-то возразил:

— Бештоев комиссар отряда! Должен брать сторону военных...

— Военные постоят за себя. Пусть Якуб постоит за нас...

Азрет Кучменов вышел вперед.

— Якубу не с руки выдвигать свою кандидатуру. Я предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы Якуба Бештоева избрать тетом ущелья,— прошу голосовать.

— Единогласно! Пусть теперь тет сам отберет из числа стариков самых мудрых. Это будет дума мудрейших. В думу должен входить от военных и капитан Локотош.

Азрет Кучменов превзошел самого себя. Даже Якуб не додумался бы так ловко затереть Локотоша. Командира отряда — в роли простого члена думы мудрейших! Индюк с заплывшей жиром головой, а с ходу придумал структуру нового правления! Если выбирать из двух названий — тет и комиссар,— то Якуб за первый. Это больше отвечает его настроению. Якуб даже вознес обе ладони к небу, как это делают старики на молебне.

— Пусть ваше решение примет аллах!

Старикам это совсем понравилось. На разные голоса они подтвердили:

— Инш-аллах! Инш-аллах!

Якуб поблагодарил стариков за избрание его на роль головного журавля. Кто знает, может быть, судьба готовит Якубу Бештоеву не печальный конец, а гордое восхождение? Может быть, тет только трамплин для взятия новых вершин? Но пока надо заняться неотложными делами. Прежде всего расчистить снег, открыть вновь «окно в небо», восстановить связь со Сванетией, чтобы иметь отдушину и в случае необходимости обращаться за помощью к соседям.

— Мы имели возможность,— Якуб подходил к главному вопросу,— не выпрашивать, не кланчить помощи, как это мы теперь должны делать. Мы имели возможность покупать на советские деньги все, в чем мы нуждались. В нашем распоряжении было два миллиона рублей!

В зале зашумели. Закачались папахи, словно черные тюльпаны на весеннем ветру. Не все поверили, что столько денег было в ущелье. Кучменов подтвердил:

— Два миллиона! Ну-ка разделите на каждого...

— Да, да. Аллах тому свидетель! — Чем больше Якуб входил в свою роль, тем чаще он обращал свой взор к аллаху.— Эти деньги я отложил на черный день.

А черные дни впереди. Нам не раз придется посылать караваны вьючных лошадей за хребет. Мы не знаем, сколько времени придется выдерживать осаду. Понадобится зерно, соль, мыло, а главное — медикаменты, оружие и боеприпасы... Имея два миллиона, мы могли быть спокойными. Но, как говорится: и муж в папахе и жена в папахе, а ребенок без штанов. Так получилось и у нас. Не было человека, который за все отвечал бы один — дети остались без штанов... Два мешка денег из межрайонного банка попались нам в руки с приказом спрятать их в надежном месте. Нашелся человек, который лишил нас этих денег...

В зале поднялся шум и гвалт.

— Украл, что ли?

— Кто тот негодяй?

— Присвоить народное добро?

— Судить надо такого!

— Как фамилия негодяя?

Якуб не торопился называть имя. Ему хотелось, чтобы брага из кувшина забродила в полную силу. Пусть брызги полетят через край. Но если бы не было до сих пор старинной поговорки, то она могла бы родиться в эту минуту: «Чье имя названо, тот уже стоит на пороге»¹. Как бы в ответ на выкрик: «Как фамилия негодяя?» — дверь отворилась и на пороге появился капитан Локотош. Он шел в президиум, к комиссару, уверенный, что Якуб собрал стариков, чтобы поговорить с ними о каком-нибудь нужном деле, провести, так сказать, разъяснительную работу. Но тут гаркнул во все горло Азрет Кучменов:

— Вот он сам! Правду говорят: «Чье имя названо, тот уже стоит на пороге!»

Собрание зашумело, но Локотош не успел ничего понять и, садясь за стол в президиум, говорил Якубу:

— Правильно ты сделал, что собрал стариков. Да и бойцы, я вижу, пришли. Надо рассказать им правду о фронтах, а то ползают разные поганые слухи.

Орджоникидзе вовсе не занят немцами. Вступить в Баку двадцать пятого сентября немцам тоже не удалось.

¹ Здесь сохраняется буквальный перевод кабардинской поговорки, хотя она вполне соответствует русскому варианту — «Легок на помине». (Прим. переводчика.)

Генерал Клейст потоптался у Эльхотовских ворот, бросил главные силы напрямик, через горы и леса, вышел к Орджоникидзе, поглядел на него. Но этот взгляд,— Локотош говорил уже для всех,— обошелся Клейсту в пять тысяч солдат и офицеров, не считая боевой техники, брошенной при поспешном отступлении... И мы, чопракцы, косвенно участвуем в деле победы хотя бы тем, что отвлекаем на себя значительные силы, а разгромленный первый отряд гитлеровцев и сегодня разгром второго их наступления на ЧУУ — реальный вклад в дело победы. Я хотел собрать людей, разъяснить обстановку, хорошо, что ты догадался сам, комиссар...

Это «догадался» кольнуло Бештоева. Азрет, как верный стремянной, почувствовал, что его хозяин уязвлен, и прервал Локотоша:

— Бештоев избран тетом ущелья. Отныне он не просто комиссар отряда, но правитель Чопракского ущелья. Но мы и тебя не обошли. Ты избран членом думы мудрейших.

Локотош только сейчас начал понимать, что это за собрание... Он взглянул на сумрачных, молчаливых стариков, на бойцов, приставивших к стене винтовки, словно это не боевое оружие, а ярлыги чабана или посохи.

Бештоев заговорил грозным прокурорским голосом:

— Собрание аксакалов требует ответа: где деньги?

— Какие деньги?

— Не изображай недоумка. Где два миллиона рублей? Они были изъяты мной у банковских служащих. Оришевы пытались присвоить эти деньги под предлогом эвакуации, а наши бдительные бойцы перехватили их. По моему распоряжению Кучменов отобрал у них эти деньги. А ты, пользуясь моим отсутствием, освободил Оришевых, вернул им деньги да еще сопровождал их охраной до самого перевала... Это мы знаем по докладам. Но все ли мы знаем?

Якуб остановился и бросил злобный взгляд на Локотоша.

— А что еще надо знать? Не хочешь ли ты сказать, что один миллион я оставил себе?

— Во всяком случае, такое подозрение не лишено основания.

Локотош ответил ударом на удар:

— Даже и в этом случае Советская власть не проиграла. Ты хотел оставить себе два миллиона, а я только один.

— Ты уверен, что Оришевы отдадут свой миллион в советский банк?

— Прекрати комедию, Якуб.— Локотошу изменил голос, он хотел сказать это негромко, сдержанно, но подозрение было слишком оскорбительным. Локотош закричал:— Я никому не позволю подозревать меня в антигосударственных поступках. Присвоил я часть денег или нет — проверить нетрудно. Можно послать скалолазов по следам Оришевых. В конце концов, поднатужимся и расчистим дорогу. Можно перейти через хребет. Если не найдется такого человека, я сам переползу, но достану документ...

— А мы не дадим тебе бежать... Лучше признайся перед аксакалами. Это смягчит твою вину...

— Бештоев!— У Локотоша язык не поворачивался назвать Якуба комиссаром.

— Тет ущелья!— поправил Азрет Кучменов, как бы угадав мысли капитана.— Над всеми стоящий — по-русски.

— Я сам переползу, но достану документ,— повторял Локотош.— Деньги пропасть не могут. Они там пригодятся. Это будет наш вклад в дело победы над врагом. А здесь деньги — мертвый капитал. Пачки обыкновенной бумаги. Я поступил правильно, освободив Оришевых из-под стражи. Будь ты хоть шахиншахом, самым императором, не имеешь права чинить произвол над людьми, посягать на государственную собственность, сеять раздор в ущелье...

Локотош говорил горячо, убежденно, но мало кто понимал его, а Якуб выхватывал из речи капитана отдельные слова и переводил с русского так, чтобы они приобретали обратное значение. Якуб знал: его может разоблачить только Азрет, а тот, конечно, будет молчать, он сидел с самодовольной ухмылкой на лице, но неожиданно встал старик. Из уважения к старейшему встал и рядом с ним сидевший. Старик, опоясанный длинными концами башлыка, надетого на голову поверх черной папахи, поднял руку, призывая к вниманию. Шум не утихал, и старик, не дождавшись, когда ему предоставят слово, сказал:

— Ты не прав, Бештоев-сын, ты не прав. Командир говорит прямыми словами, а ты его речь переводишь кривыми словами... Я-то по-русски понимаю, ты — нарочно или нет — сбиваешь с толку других. Пусть кто-нибудь сделает правильный перевод, чтобы...

Бештоев вскипел:

— Я тебе слова не давал. Ни прямого, ни кривого. Ты не имеешь права не только возразить мне, ткнуть палкой в мой плевок! Понял? Садись!— Бештоев готов был испепелить старика. Он говорил на родном языке, чтобы Локотош не мог ничего понять.

Старик в белом башлыке не садился. В зале нарастал шум. Якуб оскорбил белобородого человека, значит, униженными почувствовали себя все. Старик—совесть аула.

— Где нет уважения к старшему, там нет и счастья!— кто-то напомнил пословицу.

Локотош, как никогда в жизни, жалел, что он не знает кабардинского языка. Довериться переводу Кучменова он не мог. Капитан понял серьезность положения — все зависит от правильного слова. Ему надо было ехать с верными людьми. Но кто знал? Он ехал сюда с одной целью — расспросить Якуба о том, что делается в горах, не удалось ли напасть на след Чоки.

— Вы ответите за свою авантюру!— Локотош бросил грозный взгляд в сторону Якуба и Азрета.

Бештоев воспалился. Он уверен: настал решающий момент — сейчас или никогда. Якуб вскочил с места:

— Это ты подбил нас на авантюру. Мы по твоему плану превратили ущелье в крепость, а ты тем временем заботился о себе. Миллиончик — про черный день! Не пропадешь, если удастся убежать за хребет... Тебя больше заботит это... Но Шоулох не крылатый. Пока на перевале не растают снега, дороги в Грузию для тебя нет...

В зале закачались папахи, нарастало возмущение. Сторонники Локотоша требовали перевода.

— В башню его!— не вытерпел Азрет.

Кто-то из задних рядов подал голос:

— В военный кабинет, там решетка надежней...

Бештоев приготовился к прыжку, чтоб обезоружить капитана, пользуясь суматохой.

Минутное замешательство, малейшее промедление могло бы кончиться плохо. Локотош стремительно рванулся к двери, а там у крыльца стоял Шоулох. Когда

Бештоев выскочил за калитку, Шоулох уже мчался стрелой. Выхватив пистолет, Якуб дважды выстрелил в потолок, как бы призывая и Азрета к стрельбе. У двери образовалась плотная толпа людей. Старики призывали Бештоева к благоразумию, спокойствию. Пока Якуб силой расталкивал их, Локотош был уже далеко. Бештоев подумал, что капитан помчится к своей гвардии, охраняющей «ворота». Значит, надо готовиться к бою. Он приказал немедленно стянуть к центру аула все подразделения и создать оборону, обращенную в сторону Чо-пракских ворот. На всякий случай Якуб приказал Азрету Кучменову взять с собой несколько надежных людей и скакать наперерез Локотошу, если тот вздумает уйти в горы.

Брага забродила, и действительно полетели брызги.

● ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БУРГОМИСТР, ХАБИБА И ДРУГИЕ

Правильно говорят: не рой яму другому, сам в нее попадешь. Это знал, конечно, бургомистров приспешник Сентраль, но мог ли он подумать, что своей смертью суждено подтвердить правильность этой поговорки. Многие помнят, как он кричал в первый день, когда хоронили трупы убитых: «Ройте глубже, чтобы и вам хватило места в могиле». А место-то понадобилось ему самому. Вот как это произошло.

В ауле среди кабардинцев жил бывший директор школы Василий Захарович. Он же — преподаватель немецкого языка. В аул он приехал давным-давно, с первого дня открытия школы. Его любили, да и он чувствовал себя в ауле, как в русской деревне. Знал немного кабардинский язык и, будь он помоложе, верно, выучил бы его как следует. Семьи у него не было, и все свободное время он отдавал ребятам. Его видели и на спортплощадке, и на школьном опытном участке, и на репетициях школьной самодеятельности. Директора Василия Захаровича знал весь район, и все при случае говорили о нем только слова благодарности. То он придумал практику на кирпичном заводе и целых два месяца вместе с учениками старших классов месил глину, формовал кирпич-сырец, таскал из сушилки в траншейную печь. Кроме того, оказалось, что он все время откладывал

деньги на сберкнижку, а потом, когда накопилось, повез на эти сбережения сорок лучших учеников в Москву на экскурсию! Об этом даже писали в газетах и говорили по радио.

Немцам понадобился переводчик. Вспомнили о Василии Захаровиче и послали за ним. Старика подняли с постели, он отлеживался после сердечного приступа. В управе он стал отказываться от должности переводчика. Рьяные немецкие прислужники решили поугадать старика. Один из них выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Старик покачнулся, осел и замертво рухнул на пол.

Весь аул собрался хоронить учителя. Кто-то сообразил, что надо бы его похоронить в гробу. Но где возьмешь гроб, если кабардинцы своих умерших просто заворачивают в саван. Гроб можно было бы достать в Нальчике, но для поездки в город нужен специальный пропуск, иначе контроль на мосту не пропустит, да еще и задержит. Старики попросили Сентралья:

— Ты служишь у немцев, тебе везде дорога открыта. Съезди в Нальчик, привези гроб. Когда делили колхозное имущество, ты получил арбу и пару волов, хотя сам в колхоз ничего не сдавал. Если привезешь гроб, получишь за это костюм покойного.

Сентраль видел этот костюм. Учитель купил его в Москве, когда возил детей на экскурсию. Хороший костюм, новый. За такой костюм можно привезти и два гроба.

В Нальчике, купив гроб, Сентраль продал золотую коронку (а их у него было немало со времени тех массовых похорон) и достал водки. Одну бутылку он выпил в городе, а другую — выехав из города.

Волы брели медленно. Сентралья захотелось спать. Недолго думая, он улегся в гроб, надеясь, что волы сами найдут дорогу домой. А до контрольного пункта он проспится.

После осенних и зимних дождей дорога была разъезжена и ухабиستا. Колеса вязли по ступицу. Напрасно гудели шоферы. Волы не обращали внимания на гудки, а Сентраль тем более. Водители высывались из кабин, собираясь обрушить потоки брани на задремавшего возницу, но, увидев на арбе только гроб с покойником, чер-

тыхались и кое-как, рискуя свалиться в кювет, объезжали странную подводку.

Между тем Централь, лежа в гробу, видел плохие сны. Представлялись вдовы-пенсионерки, которых он, бывало, обсчитывал. Они набрасывались на Централя, вязали его и тащили на расправу к Мисосту, а Мисост распорядился отправить Централя на фронт. Но женщины снова подхватывали связанного почтальона и волокли его на кладбище. Тут к женщинам присоединялись и старики. Централь не мешал им — пусть тащат. Когда донесут до могилы, Централь крикнет, все перепугаются и разбегутся.

Так ехала себе арба, и Централь видел кошмарные сны, и все было бы ничего, но неизвестно, на каком участке пути кто-то остановил арбу и написал на гробу из озорства «Подарок Гитлеру». Позже, когда разглядывали, догадались, что писали облущенной сердцевиной кукурузного початка, окуная его в колесную мазь. Эта шутка могла бы оказаться безобидной, если бы арбе не предстояло ехать через контрольно-пропускной пункт на мосту. Потом гадали, в каком месте пути и кто мог это написать. Решили, что это случилось там, где дорога пересекает кукурузное поле. Все ходят туда собирать початки. Кто-нибудь из таких сборщиков остановил арбу, увидел пьяного полица в гробу и подшутил. Больше всего «по почерку» похоже было на Апчару. Но ее давно никто не видел в ауле, никто не знал, где она.

Шутка оказалась для Централя роковой. Волы притащили его в конце концов к пропускному пункту. Немец-часовой, увидев гроб, поднял шлагбаум. Если бы волы сразу тронулись, все обошлось бы благополучно. Но волы не трогались, дожидаясь окрика своего хозяина. Немец тоже не догадался их понукнуть. Тем временем из будки вышел ефрейтор. Он умел читать по-русски и прочитал надпись. Доложили начальнику караула. Случившиеся прохожие окружили арбу. Подошли еще несколько немецких солдат. Ефрейтор хотел вытащить из гроба пьяного Централя и привести его в чувство, но начальник караула велел накрыть гроб крышкой и забить гвоздями. Может быть, и то сошло бы и кончилось смехом, но когда Централь, проснувшись от стука молотка, начал орать и колотиться в своем плену, кто-то

из немцев провел по гробу автоматной очередью, и стало тихо.

Волы сами пришли к воротам Сентраля. Аульцы, собравшиеся хоронить учителя, потеряли надежду его дождаться. Они знали пристрастие Сентраля к водке и подумали, что он в городе запил. Хоронить учителя решили по кабардинскому обычаю — в саване. Все было готово к похоронам. Но тут мальчишки доложили, что Сентраль привез гроб. Сначала послали людей, чтобы поторопить Сентраля, потом послали людей, чтобы поторопить посланных. Но когда пригнали арбу к школе, где лежал прах учителя, то все увидели, что арба в крови, а в гробу лежит мертвый Сентраль. Пришлось покойников поменять местами. Учителя положили в гроб, а Сентраля — в саван.

Мисост ломал голову: как же это все могло произойти. Верный человек в гробу, гроб прострелен, а на гробе надпись: «Подарок Гитлеру». Голова у бургомистра шла кругом. Хорошо, если на этом все кончится. Не усомнились бы немцы в его верноподданнических чувствах. Кроме того, кем-то надо заменить Сентраля. Лучше всего для этого подходил Питу Гергов. Конечно, если бы аллах был до конца справедлив, он сначала должен был исправить горб Гергова той самой могилой, в которую угодил Сентраль. Так думал Мисост. Но делать было нечего, Питу Гергов стал полицаем. Первое, что сделал Питу в новой должности, рассказал Мисосту, как по-писаному, ход событий. За то, что Сентраль напился, теперь с него не спросишь, — рассуждал дальше Питу, — за то, что немцы... с них тоже не спросишь. А вот кто написал... надо найти. Больше всего похоже на Апчару. Где она?

Рано утром с автоматом на плече Питу подошел к воротам Хабибы. Он не палил из автомата, как это делал в свое время Сентраль. Он даже во двор не заходил. Хабиба вышла сама на лай собаки.

Питу заговорил ласковым, вкрадчивым голосом.

— Хабиба, свет моих глаз! Просит тебя прийти мой тет, чей лик сам аллах вылепил из луны, а его самого вознес выше гор, просит тебя прийти Мисост, пусть его головная боль перейдет ко мне. Бургомистр хочет, чтобы ты бросила пучок света ему в очи...

Трудно было понять, шутит Питу или хвалит бургомистра всерьез.

Хабиба через плетень заговорила на своем собственном языке:

— Пусть его очи выклюет черный ворон. Разве из луны его лик? На его лице не кожа. На нем жестянка от ржавой консервной банки. Краска стыда не пробивает ее. Копыта свиньи чище, чем его лицо...

Питу с перепугу замахал руками, словно хотел взлететь в небо.

— Замолчи. Пусть твой рот, что произносит эти слова, будет полон шоколадом. Только молчи. Молчи. Загубишь себя... Мисост, да пошлет ему аллах долголетие слона, не переносит хулы. Молчи. Тебя зовет сам бургомистр.— Питу не мог выговорить мудреное слово и произносил его на кабардинский лад: стукмистр.

— Стукмистр! Подумаешь, наместник Гитлера! В шубе всех должностей ходил Мисост, ни одна одежда не была ему впору. Может быть, гитлеровский наряд пойдет ему больше...

— Большевицкая мать!— Питу повысил голос, чтобы заставить Хабибу говорить о Мисосте почтительно или возсе замолчать.— Услышит кто-нибудь твои непристойности. Бургомистр не простит. Клянусь аллахом, он заполнит твой рот не шоколадом, он накормит тебя перцем. С кровью выплюнешь последние зубы. Ты думаешь, я пришел слушать болтовню? Я с тобой разговариваю по старой памяти. Мне велено не болтать, а доставить тебя и твою дочь Апчару. Ее комсомольская рука начертала на гробе: «Подарок Гитлеру». Два слова стоили жизни невинного человека. Мисост разузнал, кто тут замешан, кто подстроил злое дело... Где Апчара?

— Какое ему злое дело подстроила Апчара? Разве моя дочь перешла ему дорогу с пустыми ведрами?..

— С пустыми ведрами! С гробом перешла... Где она?

Хабиба поняла, что произошло что-то страшное и Апчаре грозит опасность.

— Где она? Да разве я знаю? Ушла. Может быть, в городе, может, подалась куда еще. Нынче дети не спрашивают у родителей. Цыпленок еще не вылупится из яйца, а уже кудахтает. По взрослым я не плачу. Оставили бы мне внучку, а сами куда хотят... Что у твоего Мисоста, от мяса Хабляши живот расстроился?

— Хабиба-свет!— Питу вскинул автомат.

— Стреляй. Аллах в благодарность выпрямит твою спину...

Питу был не рад, что пошел сюда. Он зло закинул автомат за спину, и тот больно ударил его по горбу.

Хабиба накинула на плечи большой платок и пошла в управу. Она не закрыла ни дверей, ни ворот. Во дворе нет никакой живности, кроме кур. Да и тех осталось несколько штук.

Питу не хотелось, чтоб Хабиба шумела. Люди выглядывают из домов, слушают, глядь, и припомнят ему...

Он говорил вполголоса:

— Хабиба-свет, я не по доброй воле. Заставили. Меня всегда кто-нибудь заставлял. Что я могу? Клянусь хлебом-солью, что я ел у твоего очага, я готов пальцы отрезать ради Апчары. Она мне зла не делала. Красивая, умная. Говоришь, ушла. И слава богу. Скажут мне «ищи», клянусь, я буду так искать, чтобы вовеки ее не найти... Можешь даже сказать, где она скрывается.

Хабиба испытующе посматривала на Питу.

— Сказать тебе, где она?

— Не говори, если не доверяешь. Не говори.

— Только аллах знает, где она. А мне он не дал знать и тебе не даст. Может быть, Апчара подалась к нашим. Красная Армия-то недалеко, за Тереком. Аллах позволит дожить нам — увидим своих, встретим наших с чистыми лицами. А вот как ты их встретишь, какими глазами будешь глядеть?

Гергов уже думал об этом. Потому он сейчас и идет по левой стороне, уступая женщине правую. Пусть все видят, как он почтительно относится к Хабибе.

— Я не сам пошел за тобой, меня послали, и ты бы пошла на моем месте...

— Не пошла бы,— опять громче, чем надо, отвечала Хабиба.— Жизнь, что враг тебе сохраняет, не награда, а позор. Из рук врага я хочу лишь смерти. Мой сын отомстит за меня...

Питу пригрозил:

— Арестованной нельзя говорить. Клянусь, ты арестована.

— Кто меня арестовал? Ты!— закричала Хабиба.— Да будет твое имя начертано на двери Гитлера. Они оценят твои заслуги. По кабардинской земле не ходил

еще мужчина, который с оружием в руках конвоировал женщину. Слава аллаху, кабардинки не рожали таких сыновей. Ты — первый. Горе твоей матери. Пусть она отдаст собаке грудь, которой кормила тебя...

Питу понял, что Хабиба не замолчит. Он отошел от нее на несколько шагов и сделал вид, будто не слышит слов, которые градом сыпались на его голову. Около управы он сделался суровым и направил на Хабибу автомат. Озирался по сторонам. Ему казалось, что все на него смотрят, чтобы запомнить, а потом, когда вернутся свои, учинить расправу над ним. А свои, пожалуй, вернутся. Немцы давно топчутся у Моздока и у Эльхотова. Кавказский хребет встал им поперек пути. Горы не сдвинешь с места. Немцы сами не верят, когда говорят: «Красная Армия — капут». Немцы говорят, что Красная Армия уничтожена, но кто же их тогда не пускает дальше? Немцы выдают желаемое за действительное. А если кто идет на обман — у того дело непрочное. В гражданскую войну тоже так было. То шариятцы, то деникинцы... так взбалтывали воду в колодце, что муть не успевала осесть, не разберешься, кто правду говорит, кто обманывает.

На доме, где помещался сельсовет, над входом написано фиолетовыми чернилами на фанерке: «Бургомистр». Хабибе все равно, что написано, читать она не умеет. Училась когда-то по-арабски, но давно все забыла. Был бы жив Темиркан, может, и научилась бы грамоте. Как раз в этом доме был тогда ликбезпункт.

В председательском кабинете ничего не изменилось: тот же стол, тот же шкаф для бумаг, те же стулья. Только в рамке портрет Гитлера. Хабиба про себя послала проклятие этому портрету: «Да укоротит аллах твою руку, которую ты выбросил вперед». Мисост повесил портрет не над своей головой, а напротив стола и тем самым хотел показать Аниуару, адъютанту немецкого генерала, что фюрер всегда у Мисоста перед глазами. Фюрера Мисост называл Фура или просто Адольф, как раньше кабардинцы называли князей — только по имени.

Хабиба заметила еще одно новшество. Старый телефон, поставленный еще в дооктябрьские времена, разбит, от него одна доска осталась висеть на стене. Зато на краю стола стоит немецкий полевой телефон в черной пластмассовой коробке.

За дверью, ведущей в смежную комнату, раздавались

мужские и женские голоса, как видно, там гуляла подвыпившая компания. Напрасно Мисост старался поплотней прикрывать дверь. Шум нарастал и мешал бургомистру настроиться на серьезный лад.

— Привел. Упиралась, а привел,— доложил Питу.

Мисост избегал взгляда Хабибы, хотел внушить ей страх, показать власть, значительность и вместе с тем деловитость, озабоченность, даже жертвенность, потому что Мисосту было важно подчеркнуть, будто не сам он пошел служить немцам, а только желание спасти аульчан заставило его взять на себя обязанности главы аула. Неважно, как он теперь называется, старшина или бургомистр, а важно то, что Мисост в этот трудный час оказался головным журавлем аула. Но Мисоста никто еще не называл головным журавлем. О нем пошла другая молва. Дело в том, что при раздаче колхозного имущества Мисост взял себе не две коровы, как это он мог бы сделать, а породистого быка. Покойный Сентраль и Питу с трудом привели колхозного быка к нему в хлев. Не собирается ли Мисост завести ферму, думали аульчане, глядя на быка, иначе почему он не заботится о молоке для своих детей. Но Мисост всегда думал масштабно. Став бургомистром, он велел пастуху взять в стадо своего быка. Бекан должен был не только отвечать за него головой, но и вести учет покрытым коровам. Плата по таксе — три червонца. Теперь к его жалованью прибавятся и заработки быка, которые могли превысить его собственные.

Молва, которая пошла о Мисосте, оскорбляла его. Говорили, что Мисост и его бык делают одно и то же. Только бык в стаде, а Мисост в ауле...

Но были у Мисоста и другие заботы. Однажды на телефонных столбах появились листовки. В них не было ничего особенного, просто сводки Совинформбюро. Однако дело подлежало расследованию. Подозрение пало на Курацу.

Кураца жила на бездействующем кирпичном заводе, имела двуколку, разъезжала на ней по всей долине. Говорили, собирает слухи. Нагрянули с обыском. Обшарили каморку Курацы, осмотрели сушилки, котельную и даже карьер. Ничего не нашли. Но все равно Мисост наложил на вдову контрибуцию — три тысячи рублей. Ни слезы, ни мольбы Курацы не помогли.

Теперь Мисост взялся за Хабибу. Есть подозрение, что надпись на гробу сделала Апчара. Сколько времени эта девчонка не живет дома, а Хабиба не говорит, где она.

— Где Апчара?— взвизгнул Мисост, увидев, что Питу привел одну Хабибу.

— Пусть мать скажет, где она,— проговорил Питу.

— Что, Мисост, моя дочь подпалила твой дом или твою бочку с медом высыпала муравьиною кучу? Чем она заслужила твой гнев? Может быть, на старости лет ты обрел такое мужество, что решил удивить аульчан своей прытью и смешать с грязью еще не вступившую в пору зрелости девушку? Или твоего мужества хватает только на такое пакостное дело, как тащить меня сюда? Думаешь, от этого твои белые волосы станут черными, а твое черное лицо — белым?.. Если тебя обуревают жажда крови, убей меня...

Мисост рад был услышать эти слова. Они помогали ему разъяриться и обрушиться с гневом на эту женщину, чей муж всю жизнь подавлял Мисоста, не давая ему смотреть на мир во все глаза.

— Дойдет очередь и до тебя. Тебя приволокли сюда не на ликбез. Кончилось твое время. Колесо истории пошло в обратную сторону.

— Твоя мудрость заметила: Чопрак несет свои воды не в Терек, а к снегам Эльбруса — вспять потекла река. Маленькие воны с крупными рогами стали крупными волами с маленькими рогами...

— Замолчи. Не мешало, чтоб и твой язык стал чуть короче, а ум длинней. Но я укорочу твой язык, сделаю его по твоему уму. Ты должна слушать меня. Не только слушать — исполнять мою волю. Моя воля и воля фура сходятся вот как!— Мисост сложил вместе два указательных пальца, как это он делал и раньше на сходках.— Повинуясь мне, ты повинешься Адольфу. Если ты не хочешь, чтобы тебя изжарили на вертеле, скажи: где твоя дочь? Только она могла сделать такую надпись на гробе. Знаю я вас.

Шум за дверью нарастал. Визжали подвыпившие женщины. Слышался бас мужчин. Звенели бокалы.

— Не для них ли ты ищешь девушек, Питу!— Хабиба обернулась к Гергову, сидевшему на корточках у двери с автоматом в руке.— Ты сказал: лик Мисоста отлит

из луны? Ты видишь этот лик? Он таскает сюда женщин, чтобы услаждать грязных пришельцев. Белый лик луны! Горцы к старости обретают мудрость, а он как был поганец, так и остался...

— Я заживо закопаю тебя!

— Закопай, закопай, Мисост. Гитлер душит людей газом. Душегубки придумал. И у тебя ума хватит хоронить людей заживо. Его воля и твоя воля ложатся, как твои пальцы. Закопай сегодня же. Пусть аульчане знают, какой лик отлит из луны...

— Нет. Сначала ты будешь висеть на веревке. Надо тебя проветрить. Я повешу тебя на тополях, которые вырастил Темиркан, если не приведешь сюда Апчару. Ты три дня плясала бы от радости, если бы твоя дочь нужна была для забавы гостей. Но она годится только на то, чтобы слизывать грязь с их каблуков. Не больше. А ты будешь висеть с нею рядом. Во-первых, налагаю на тебя контрибуцию — пять тысяч рублей. Принесешь на рубль меньше — не возьму. Срок двадцать три часа пятьдесят минут. Принесешь на минуту позже — не возьму. Ясно? Не теряй драгоценные минуты...

— Зачем тебе деньги?

— Прежде чем разбить кувшин о камень, надо вылить его содержимое! А ты старая кринка. Ты превратишься в черепки. На, ставь сюда свою подпись! — Мисост показал на лист бумаги.

Бургомистр всячески старался запугать Хабибу, зная ее неподатливый характер. Можно отрубить ей руки и ноги, но свою дочь старуха не выдаст. Так, может, другим способом ее запугать?

— На, распишись!

— Как же я распишусь? Ты сам умеешь написать только половину своей негодной фамилии, а я и того не умею — ты меня грамоте не учил.

— Если не умеешь, дай руку, я буду водить твоими грязными пальцами, колдунья.

— Мои пальцы чище твоих рук. Не притрагивайся ко мне. Не буду я расписываться. Расписывайся сам, если хочешь.

— Под этой бумагой должна расписаться только ты. Другой и не пожелает. Слушай, тут написано: «Я Хабиба Казаноква, согласна на смерть через повешение, если через сутки не положу на стол бургомистру в фонд

праздника освобождения пять тысяч рублей или же не приведу в сельскую управу свою дочь — Апчару...» Взяла в толк, зачем нужна твоя подпись? Или ты хочешь, чтоб я поставил свою подпись вместо тебя?!

— Разве все подписывали такую бумагу, кого ты отправил на тот свет?..

— Не подпишешь — повешу и сам вышибу из-под тебя табуретку.

— Мы не на страшном суде, не допрашивай меня. Аллах сведет нас на том свете. Вот тогда я буду допрашивать тебя. На этом свете умрешь — хоронить тебя никто не будет. Как дохлую собаку, выволокут за околицу. Ты подумай об этом. Тебе не удастся перекочевать из одной страны в другую. Ты кабардинец, житель Машуко, и от людского презрения деваться некуда. Вешай меня. Я не боюсь смерти. Моя могила будет рядом с могилой Темиркана. Приду к нему с незапятнанным лицом. А ты умрешь — и мертвые не примут тебя...

Мисост взбесился:

— О моей могиле не пекись! Собирай скорей контрибуцию или веди сюда свою дочь. Ей давно пора догонять своего отца, как и тебе. Неизвестно одно: кому из вас первой я накину петлю. Иди, у тебя мало времени...

Мисост знал Хабибу. Ее не переспорить. Но все же с видом одержавшего победу он повернулся и исчез за дверью, откуда доносились пьяные голоса.

Питу тоже встал и показал Хабибе на дверь:

— Иди!

ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧАСА ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ

— Видела? Из ноздрей Мисоста пышет огонь. Смотри не опоздай с деньгами. Тебе дано двадцать три часа пятьдесят минут. Плохо будет...— Питу проводил Хабибу до ворот и вернулся в управу.

Хабиба не слышала его слов. Она не соберет денег, где их взять? Собрать пять тысяч рублей все равно, что накинуть на небо лестницу. Что придумал! Если даже откопать все вещи Ирины, Альбияна и Апчары, за них не дадут и половины этой суммы. Пусть Мисост разбивает «старую кринку», не вылив из нее молока. Пусть Мисост прикажет сдирать кожу ногтями больших пальцев, как сдирают шкуру с овцы. Апчару Хабиба все

равно не выдаст. Аллах ей защита, а после аллаха родная мать.

У кладбища, где похоронен Темиркан, Хабиба остановилась, взглянула через невысокую каменную ограду. Около могилы Темиркана сколько уж лет ждет Хабибу пустое место. Вокруг могильные холмики поросли травой, а место, оставленное стариками для Хабибы, словно заждалось, приглашает.

«Ждешь меня, Темиркан? Скоро приду», — вслух сказала Хабиба и зашла на кладбище. Она умела разговаривать сама с собой. Вот и сейчас, не успела она сказать Темиркану «скоро приду», как некий голос внутри нее отвечал: «Иди, Хабиба, иди. Вот твое место. Ты сама просила стариков оставить его тебе. Иди, а то его кто-нибудь займет, а тебя отвезут в общий ров. Разве отыщешь тебя в общей могиле?..»

Хабиба подошла к изголовью Темиркана, оперлась о намогильный столбик, на глыбу камня из родного Чопракского ущелья.

— Темиркан... К тебе весь аул ходил за словом истины. Скоро я встречу с тобой, встречу с чистым лицом, ржавчина не изъест мою совесть. Но пока час не настал, я пришла к тебе за советом. Скажи, как сберечь нашу Апчару? Чьей ладонью прикрыть ее от беды? Плечом мне не удержать падающую скалу! Беда навалилась на меня тяжелее скалы...

Тебе хорошо, ты в родной земле. И я хочу лечь здесь, вот мое место. Ты говорил: иди по жизни так же легко и просто, как течет Чопрак по своему руслу. Но некуда больше течь, впереди — пропасть. Отзовись из могилы, дай мне силу выстоять. Ты видишь, плечи мои обвисли, кожа на мне, как решето, от ударов бед. Чем разгневала я аллаха? Разве я не держала уразы? Не пекла лепешек в день рождения пророка? Или изменила тебе неосторожным поступком или словом? Сколько лет я хожу в одежде вдовы? Эта одежда сшита из пламени. Она не греет, а только жжет.

То ли из глубины земли, то ли из глубины своей души слышит Хабиба ответные ледяные слова:

«Ты ли это, Хабиба? Не узнаю тебя. Своей слабостью ты приносишь радость врагу. Ты торопишься на вечный покой, но знай, что даром он не дается. Слезы и кровь — вот плата за вечный покой. Ты пришла за советом, так

знай же и помни: ты скорее дашь изрезать себя на куски, чем выдашь дочь Апчару. Будь достойна той смерти, какую аллах пошлет тебе...»

— Да будешь всегда на виду аллаха, как деревья, растущие на солнечных склонах гор, всегда пребывают на свету. Да обернут меня белым саваном вокруг тебя. Я сделаю так, как ты сказал...

— Слушай, сестра, у тебя и так мало времени, а ты сидишь над могилой, вставай, пойдем.

Бекан взял Хабибу за плечи и помог ей подняться. Плечи вздрагивали под его руками, словно крылья птицы, у которой нет уже сил рваться из рук, но все же она пытается трепыхаться. Сначала Бекан не мешал Хабибе изливать свою душу и слушал ее причитания издали. Но потом он понял, что в своем самозабвении бедная женщина может просидеть здесь до утра.

Весь аул знал уже исход разговора бургомистра и Хабибы. Сразу же узнал все и Бекан, приехавший в аул по своим пастушьим делам. Он успел повидаться с Питу, но тот не добавил к слухам никаких подробностей. Сказал только про Хабибу: «Пошла собирать деньги, чтобы выкупить свою душу».

— Бекан! И ты здесь! А я говорила с Темирканом. Знаешь, что он советует?

Бекан поглядел в глаза Хабибы: не рехнулась ли часом?

— Бекан, вот мое место. Здесь меня похорони. Какой смертью меня ни умертвят, похорони меня здесь. Тогда я умру спокойно. Обещаешь?

— Не говори ничего. Я все знаю. Пошли домой, там и поговорим. Не отчаивайся. Где это сказано — укорачивай, мол, сам свою жизнь. Человек создан для жизни. Человек должен жить...

— Ничего не надо для меня делать. Выгребать жар из-под того, кому суждено сгореть, — только продлевать его мученья.

Бекан понял, что Хабиба не хочет ходить по аулу и занимать деньги. Надо внушить ей, что это необходимо, Мисост уже многих отправил в лагерь за отказ «внести контрибуцию». И Хабиба пойдет по следам этих жертв.

Бекан развел огонь в очаге. Сам нарубил дров, собирал в саду сухих веток. Они были покрыты инеем, обтаяв, становились мокрыми, долго шипели, но в конце

концов загорелись. Комната наполнилась теплом и запахом дров. Хабиба не произносила ни слова, словно все уже высказала, что полагалось ей сказать на этой земле.

Бекан не знал, с какого конца подступиться к ней, как ее разговорить и вывести из состояния обреченности и оцепенения. Нельзя сказать, что седельщик так уж скуп на слова. Когда хозяйки выгоняют коров, он для каждой найдет свое слово.

— Готовь три червонца. Твоя Пеструшка приглянулась мисостовскому быку.

— Почему же три?

— Третий день за ней ходит.

Или пошутит с другой хозяйкой:

— Твоя однорогая очень уж строга, не подпускает к себе производителя. Не хочу, говорит, бургомистрового, хочу колхозного, а где ей теперь такого найдешь?

Аульцы тоже любят поговорить с Беканом. У них свои новости, у пастуха свои. Получается вроде утренней газеты или последних известий по радио. Все известно: чопракцы не пускают немцев в ущелье, хотя и сами не могут выйти — перехвачены и перекрыты все тропинки. Немцы хотят их взять измором. Надолго ли хватит припасов у защитников ущелья? Перевал завалило снегом. Правда, всю кукурузу, что осенью наломали в Машуко, свезли туда...

Теперь, чтобы расшевелить и оживить Хабибу, Бекан взялся за свежую новость:

— Слышала? Возвращаются те, кто был выслан во времена раскулачивания. Сын мельника Шабатуко, говорят, жив. Помнишь его?

— Аниуар его сын. Как не знать?

— Служит у немцев офицером. Говорят, адъютант у немецкого генерала.

Бекан обрадовался, увидев, что Хабиба приходит в себя. Дорога каждая минута. Нелегко собрать пять тысяч рублей. Если бы советские деньги не ходили на рынке, всякий отдал бы то, что не удалось израсходовать при Советской власти. Но на базаре в ходу и советские и немецкие деньги. У Бекана в кармане несколько сот рублей — заработок мисостовского быка. Можно отдать их Мисосту через неделю-другую. Бургомистр еще не знает о них. Потом — сходить в город. Не может быть, чтобы у Ирины не было никаких сбережений. У Якова

Борисовича — наверняка. Ирине аптекарь не откажет. Надо разрыть яму. В ней спрятана одежда Альбияна и Ирины. Одежду купят все. У Бекана на чердаке в сарае пять или шесть готовых седел. За них дадут немало, если только найдется покупатель. Но кто купит седло, если ни у кого нет лошадей — разве что по кабардинской пословице: хочешь купить коня — купи сначала уздечку.

Хабиба не слушала соображений Бекана.

— Не надо, брат, не старайся. Все равно мне конец. И Темиркан советует...

Бекан начал сердиться:

— Ты не о себе думай, сестра. У тебя есть Апчара, сноха, внучка. И Альбиян вернется живым и здоровым. Заткнем рот Мисосту пятью тысячами, успокоится. Я уже кое-что припас. Впереди еще день и ночь. Ты в аул сходишь кое к кому, я съезжу в город. Зачем беречь деньги? Не сегодня-завтра они все равно потеряют цену.

Седельщику удалось переломить упрямую Хабибу, и через час они делили вещи на две кучи: на те, что нести продавать в ауле, и на те, что везти в город на рынок. Белое подвесничное платье Ирины, переданное Апчаре, и платье самой Апчары, сшитое для выпускного вечера, составляли главную ценность. Из недр ямы извлекли два костюма, пальто, туфли, несколько платьев, постельное белье Ирины, выходную обувь, Даночкины шерстяные костюмчики и пальтишко. Отдельно в клеенку была завернута одежда и коврик Хабибы, кавказского покроя верхняя рубашка Темиркана. Когда Хабибу одолевала тоска по покойному мужу, она доставала из старого комода эту рубашку и надевала ее на себя.

Бекан пригнал двуколку. Под сеном лежали седла. Сверху он погрузил мешок с вещами. Прежде чем уехать, седельщик сказал:

— Сходи к Кураце. Она копит деньги. Мисост и на нее наложил контрибуцию — три тысячи, но срок — неделя, а через неделю мы ей отдадим. Пусть займет у кого-нибудь. Вечером моя старуха заглянет к тебе. Задержусь — ждите вместе.

Проводив седельщика долгим взглядом, Хабиба взвалила на плечи мешок и пошла по аулу, повторяя, словно молитву:

— О, люди добрые! Аллах добром оплатит вам за добро. Не оставляйте меня в беде. Машуковцы от века

милосердны и милостивы. Аллах наказал меня — Мисост хочет на мою шею надеть петлю. Пять тысяч я должна положить в его пасть, иначе этот немецкий изверг заживо похоронит меня. Дайте кто сколько может. Даром не прошу. Вот платья моей снохи, дочери. И у вас есть девочки, подойдут. Ребенок тоже есть, пусть доживет до радостных дней. О цене не говорю. Сколько не жалко. Прошу устами своих детей, устами моей внучки Даночки. Люди добрые, машуковские жители...

Хабиба раскладывала у порога платья Ирины, Апчары, костюмы Альбияна, свои платья, а Даночкины рубашонки держала на руках, чтобы не дай бог не запачкать.

Некоторые машуковские женщины извлекали из-под матрацев свои сбережения, но чаще разводили руками: «Были бы — не пожалели...» В своей беде Хабиба как бы заново узнавала многих своих соседей.

Оказалось, что одна старая женщина, которую когда-то обсчитывал почтальон Сентраль, откладывала пенсию за погибшего сына, не хотела тратить ее. Теперь эти деньги она отдала Хабибе. Зато бывший завмаг, не раз заходивший в гости, еще когда был жив Темиркан, не захотел помочь и одним рублем.

— Растратчику поздно вносить деньги, когда дело дошло до суда, — сказал он, как бы обращаясь к своему жизненному опыту. — То же самое и у тебя. И деньги пропадут, и ты пропадешь...

Иные выворачивали карманы перед Хабибой:

— Клянусь, отдаю безвозмездно. Не приду же я к тебе в могилу за своими деньгами? Мисост тебя испытывает. Он уже намывает две петли. Не старайся зря. Деньгами никто не дорожил. После прихода немцев все постарались избавиться от советских денег, думали, не будут ходить.

Если бы речь шла о собственной жизни, Хабиба не стала бы просить и унижаться, но каждый раз, когда она хотела вернуться домой, перед ней возникал образ дочери. И все же заставила себя повернуть назад. Вдруг она вспомнила, что придется проходить мимо дома Мисоста, чтобы через арык перейти по мосту, состоящему из двух бревен. Хабибе не хотелось встретить никого из дома ненавистного Мисоста, тем более показать им свои слезы.

Хабиба шла, согнувшись под тяжестью не мешка, а

своего горя. Два окна мисостовского дома, обращенные к улице, казались широко открытыми глазами, полными злорадства. Хабиба ускорила шаг, чтобы скорее пройти мимо них, и вдруг знакомый голосок:

— Тетя Биба...— Дочь Мисоста, Тамара, называла ее Бибой, как и Апчара.

Хабиба вздрогнула, остановилась и оглянулась. Тамара знала эти глаза, то добрые, то строгие и всегда щедрые на ласку. Увидев в них отчаяние и отрешенность, Тамара прониклась состраданием еще больше. Она и без того со слов отца знала все, и готова была помочь в ее беде.

— Тетя Биба, как с Апчарой?— спросила она совсем не о том. Тамара знала, что Хабиба держит это в тайне, идет на виселицу, чтобы унести тайну с собой.

— Аллах знает.— Хабиба хотела идти дальше, Тамара взмолилась:

— Тетя Биба, не уходите, пожалуйста, я попрошу у мамы. У нее деньги есть, я знаю. Мама говорила сама, что хочет вам помочь. Подождите у ворот, я сбегаю, скажу, что вы здесь...

Не дождавшись ответа, Тамара скрылась за плетнем. Хабиба заметила во дворе оседланного коня — свидетельство, что Мисост дома, значит, дело не выгорит, напрасно Хабиба стоит у ненавистных ворот.

О скаредности Каральхан ходили легенды. Хабиба и сама хорошо знала суровую, властную Каральхан. На второй день оккупации она уже кричала во весь голос: «Я княжеских кровей! Если мой муж удостоился чести быть бургомистром, то это потому, что немцы оценили мою кровь!»

В ее матрацах не овечья шерсть, свалывшаяся в комки, а пачки денег. А теперь и муж на жаловании у немцев, и бык зарабатывает неплохо — поговаривали о ней.

Хабиба чувствовала всем существом, что зря стоит на виду у этих неслышно хохочущих глаз мисостовского дома — двух окон с откинутыми по сторонам голубыми ставнями. Хабиба хотела уже идти, но вспомнила слова Тамары: «Сама хочет вам помочь» — и в душе загорелась слабая надежда.

Все-таки Каральхан — мать. Ее дочь, бледнолицая Тамара, с колыбели дружила с Апчарой. Хабиба не

знала, что застанет дома самого Мисоста, заехавшего перед дорогой в Нальчик позавтракать. Из дома вышла Каральхан. Она не стала смотреть вещи, которые Хабиба уже в силу привычки пыталась разложить перед ней.

— Не надо мне ничего. Я бы и так дала, но видит бог...

Каральхан оглянулась и, увидев на пороге самого Мисоста, осеклась, сунула за пазуху скомканные банковские билеты, которые она держала в руке.

— Ко мне за деньгами?! — Мисост с кружкой чая в руке переступил порог и направился к воротам. — В счет калыма за Апчару еще куда ни шло. Но кто сейчас за нее даст хоть рваный рубль. Завтра ей висеть на тополе рядом с тобой...

Вслед за отцом выскочила и плачущая Тамара.

— Мама, умоляю... мама, помоги Хабибе ради Апчары!..

Каральхан — суровая молчаливая женщина, всю жизнь торговавшая на базаре маслом, яйцами, сметаной, хотя эти продукты больше нужны были туберкулезной дочери. Хабиба не раз встречала ее на пути в город с кринкой сметаны, с маслом, с полсотней яиц. «Тамарочка у тебя на глазах тает, легочная она, а ты опять несешь...» — пыталась остановить Хабиба соседку. Но та отвечала угрюмо: «Нужда толкнет, нужда быстрее ветра идет». Теперь и Хабиба убедилась в том, что нужда быстрее ветра, иначе разве понесла бы она раздавать соседям последнюю радость детей, скудные их пожитки. Разве она не похожа сейчас на мать Тамары, урывавшей последнюю ложку сметаны от больной дочери ради цинковых мисок вместо деревянных или шелкового платка с бахромой, который она и не носила никогда, а только хранила в сундуке? Но Тамара не унаследовала жадность к наживе. Она добра, трепетна, отзывчива. В ее девичьих глазах сквозит сострадание, готовность помочь. Мисост поймал взгляд жены.

— Ради Апчары! — Мисост не знал, какими словами выразить свой гнев. — Ради Апчары Чока Мутаев пусть дает... Или Бекан, который ее считает своей снохой. В Грузию возил, думал, ее отнимут там, привез назад. Где она теперь? Прячется недалеко. Могла же

сделать надпись на гробе? Загубила полицаю, подстроила так, что руками немцев убила человека... Что она тебе, убирайся отсюда.

Тамара не испугалась окрика отца.

— Мама, сжался над Хабибой. У тебя же есть деньги. Я знаю, есть. Деньги не дороже жизни. Хабиба мне как мать. Сколько раз я ходила к ней... Она давала мне пить лекарства, травами лечила меня, угощала... Мама, ради меня... Жизнь человека в опасности! Что может с нею сравниться. И деньги, и сметана, и яйца, и масло, и одежда — все, все ради жизни, ради того, чтобы жил человек...

Слова дочери обозлили Каральхан. Не любила она разговора о сметане и яйцах.

— Что ты заладила: «Травами лечила». А я чем лечила? Сколько денег я трачу, и все на ветер!.. Что аллах начертал, тому и быть. Аллаха не переспоришь.

Мисост набрал в рот глоток остывшего чая, долго полоскал рот, шевеля короткими усиками, как мышь, обнюхивающая свою добычу, и пустил струю мимо Хабибы. Он хотел уйти, чтоб сесть на коня, ожидавшего своего седока, и поехать в город.

Дочь загородила ему дорогу:

— Папа, пожалей...

Мисост крикнул на дочь:

— Дурочка! Не понимаешь? Что изменится от того, что ты дашь ей деньги? Все равно ей висеть на тополе! Лучше не старайся. Надо было ей раньше думать. Ешь соленое — так знай, что захочешь пить. А они со своим Темирканом немало соленого съели. Кулаков выселяли? Выселяли. Мулл загубили? Загубили. Мечети закрыли? Закрыли. Только свиней в ауле не успели завести. Был бы жив Темиркан — и свиноферму бы завели. Темиркан наделал дел, а сам на боковую. Лежит себе в могиле и в ус не дует. Хабибе ответ держать за него. Тут тебе не только пять тысяч, миллион не поможет.

Тамара знала, где у матери деньги.

— Мама, будь хоть раз в жизни доброй! — Тамара встала на колени перед матерью, обливаясь слезами. — Пусть капелька щедрости капнет с твоих паль-

цев. Мама, помоги Хабибе... Я верну тебе. Заработаю и верну...

— Встань. Когда ты заработаешь?..

— Заработаю, мама. Я... Не дашь — я уйду из дома.

— Ты и так уйдешь...

Хабиба хотела идти, взвалила мешок на спину. Тамара мигом исчезла и вернулась назад.

— На, тетя Биба. Все, что у меня есть. Копила на белое платье. Прости, нет у меня больше.

Хабиба пошла. Она не взяла деньги, что давала ей Тамара. Не пойдет она больше никуда. Да и стемнело. Может быть, Бекан вернулся из города, ждет ее. Пусть уедет и седельщик. Не поможет он беде.

Хабиба дошла до арыка. Пока она искала перекинутые через арык два бревна, ее окликнула Каральхан, жена Мисоста.

— Пусть аллах будет моим врагом, если лгу,— сказала Каральхан,— за твое тряпье на базаре не дадут и трех червонцев. Пусть оно достается кому-нибудь. У тебя есть другой товар. Он в цене, давай сторгуемся...

— Какой товар? Я вынесла все, что имею...

— Нет. Не все вынесла. У тебя на крыше черепица сохранилась. Зачем она тебе? За черепицу пять сотенных дам.

У Хабибы от обиды, от жестокосердия этой женщины потемнело в глазах. Она и не подозревала, что рядом с нею, на одном и том же берегу реки, живут такие люди, едят чурек из муки, сыплющейся из-под одних и тех же жерновов. Снять с крыши черепицу, когда идет дождь со снегом! Потолок не выдержит и одного дня, провалится. Остаться без крыши над головой!

Хабиба была не в состоянии сказать что-либо связное.

— О дочь Кяровых, нет у меня одежды, нет еды, если еще лишусь и крова...

— Крыша будет, могилу открытой не оставят. На тебе пятьсот. Может быть, они сохранят тебе жизнь.

Суровая соседка сунула деньги в руку Хабибы и пошла назад. У Хабибы не нашлось слов. Она долго сидела у арыка, прежде чем решилась идти по бревнам на другой берег. Ей вспомнились слова Темиркана: «В час беды познаются люди. С виду они все одинаковы, но поддержки их над пламенем беды — все откроется».

Бекан встретил Хабибу у ворот.

— Что тихо идешь? Тяжела ноша?

— А где Данизат?

— Побежала домой. Оказывается, у нее тоже есть деньги. Говорит, копила на свадьбу Чоки, а я и не знал. Как у тебя?

Хабиба бросила мешок на землю. Не сразу достала из кармана горсть скомканных, замусоленных бумажек.

— Считай.

Бекан только посмотрел и сразу все понял. Значит, полезай в петлю. Не хватит денег. Седельщик привез больше, чем ожидал, хотя все седла не удалось продать. Все еще далеко до пяти тысяч. Надо что-то придумать. Видно, Бекану не придется спать в эту ночь.

— Не мучай себя, мой старший брат! Лишь аллах может отвести беду.

— Эх, Хабиба! Аллах как сказал? Ты двигайся, а ногам силу я дам. Будешь лежать — разве ногам нужна сила? Я двигался, и видишь — аллах дал. — Бекан достал из капюшона башлыка кучу денег. — Не знал я, а то бы еще поискал. Оскудела рука машуковцев. И в сердцах не кровь, а вода. Сноха твоя — клад, дай бог ей радостей! Даночка в добром здравии. Шустрая. В глаз тебе заскочит. Дедом меня называла...

Лицо Хабибы дрогнуло, когда услышала о внучке. Забыла даже о деньгах, о Мисосте и завтрашнем дне.

— О, ласточка моя, украшение райского сада, увижу ли я тебя еще раз?

У Бекана было что рассказать.

— Помнишь, я тебе говорил: лучше снохи-москвички нет. Я тогда говорил наугад, для твоего успокоения, а теперь сам убедился. Я показывал ей ее же вещи. Думаю, заплачет, не пожелает расстаться с ними, заберет к себе в дом. Я и к этому был готов. А она ни слова не сказала, обняла меня, благодарит за услугу. Сказала: вовек не забуду. Вернется Альбиян, расскажу, как ты маму спас. Это я тебя, значит, спасаю. Свое пальто еще сунула мне...

Из рассказа Бекана получалось, что сначала Ирина хотела помочь побыстрее распродать вещи, но передумала. Пусть лучше Бекан пойдет на базар один, а она тем временем поищет денег у своих знакомых. Бекан не стал медлить и сказал, что за деньгами зайдет после базара. Первым делом Ирина пошла к аптекарю. Старик думал, что Ирина пришла, как всегда, за лекарством для Даночки, в которых он никогда не отказывал. Не огорчил он Ирину и на этот раз. Выслушал без слов и выложил тысячу рублей. Не взял даже расписки.

У Бекана дела сложились гораздо хуже — базар оказался пустой. Говорили, что незадолго перед этим

на базар нагрянули полицаи и всех разогнали, искали будто бы партизан, которые под видом крестьян проникают в город. Так это или не так, но люди с базара разбежались. Бекану удалось продать только два седла.

— Хорошо, что Ирина не пошла с тобой на базар, — порадовалась Хабиба, слушая рассказ седельщика.

— Ирина твоя просто молодец. Говорил я тебе, что москвичка не может быть плохой снохой. Тысячу рублей заняла у аптекаря...

— Аллах вознаградит ее за щедрость. Я так соскучилась по Даночке! О аллах милосердный, милостивый, не дай мне умереть, не увидев последний раз мою внучку.

— Почему последний раз? — Бекан раскладывал деньги по купюрам, стараясь не сбиться со счета. — Ты ее не раз увидишь. Только не горячись перед бургомистром. Времена не наши. Часы нынче заводили не мы с тобой. Ключи пока у них. Так ты не дразни их. Отдай деньги, разжалобь как-нибудь, слезами, мольбой, молитвами...

Хабиба рассматривала вещи, которые не удалось продать, разглаживала их на коленях, слушала Бекана, а думала совсем о другом. Ей вдруг стало обидно за себя. Она не позволила Апчаре уйти в партизаны. «Будем делить все, что судьба пошлет, а праха отца не оставим». Говорила тогда Централю: «Жизнь, что дарует тебе враг, — позор, а не жизнь!» А теперь сама собирается вымалывать пощаду у бургомистра...

Пришла Данизат. Ее скудный взнос не обрадовал никого. Даже Бекан удивился:

— Это все? Ни на свадьбу, ни на саван не хватит...

— Аллах свидетель, больше не накопила.

Бекан пересчитал. Не хватает около двух тысяч.

— Что будем делать? Когда мудрецу Жабаги Казанокону не с кем было советоваться, он клал перед собой свою папаху и с ней советовался. Я — папаха перед вами. Советуйтесь. Где взять две тысячи рублей?

Все молчали.

Ехать снова к Ирине? Она достала сколько смогла. Просить Мисоста продлить срок — бесполезно. Бекан знает, для чего бургомистру нужны деньги — ему предложено внести кругленькую сумму на расходы по курбанбайраму, который затевают гитлеровские прислужники. Этому религиозному празднику они решили

придать иной смысл — сделать из него праздник освобождения горских народов от большевизма. Помимо сбора денег готовились праздничные номера с участием населения, создавались танцевальные ансамбли, на ипподроме предполагается провести большие конноспортивные состязания. Тут нечего рассчитывать на уступки Мисоста.

— Мне ничего не надо, мой старший брат, — сказала Хабиба, — только одного хочу — хоть краем глаза увидеть Апчару, попрощаться с ней...

Бекан понимал ее чувства, но понимал также, что сейчас невозможно организовать такую встречу. Апчару тут же схватят. Утром надо уже сдавать деньги.

— Хочешь помочь Мисосту, навести на след Апчары? Мисост скажет спасибо. Лучше отдохни перед испытанием, а мы с Данизат проедем еще по аулу. Надо найти недостающие деньги. В два сердца будем просить. Бродить по аулу ночью опасно. Могут схватить. Потом докажи, что ты не партизан. Наложат штраф в несколько тысяч рублей... Мисосту дай только повод. Мы скажем, что собираем «заработки» бургомистрового быка.

В ночной темноте исчезла двуколка Бекана.

Хабиба не собиралась ложиться. Какой может быть сон в эту ночь? Ей советовали вспоминать лучшие суры из корана. А как их вспомнишь? Тут собственное имя забудешь от тревог и отчаяния. Увидеть бы Альбияна. Но он далеко. Апчара рядом, но Хабиба к ней не пойдет. Только бы выдержать пытки, не поддаться боли, не потерять присутствия духа. А там — встреча с Темирканом. Он скажет: «Я твое лицо умою водой из райского источника!» Нет, не заставлю я его страдать от своего малодушия. Мисост не услышит моего стога. Темиркан при жизни сам настрадался. Хотел сеять только семена добра, света, честности, служить людям, но все равно — были у него враги, укоротившие ему жизнь. Хабиба вспомнила слова Темиркана, которые он говорил, когда над ним потешались недруги: «Не покорюсь злу под страхом смерти. Жизнь, прерванная злом, как саженец. Она даст молодую листву». Не покорится и Хабиба. И ее жизнь даст побеги...

ХАБИБА

Назначенный срок подходил к концу, но Хабибу это уже не пугало. Она приготовилась к самому худшему и с вечера еще оделась в лучший свой наряд, чего ни разу не делала после смерти Темиркана. Пусть знают машуковцы, что Хабиба ни слезами, ни мольбой не станет унижать себя. Жаль только, синее ситцевое платье с красными цветочками не удалось разгладить. Нет утюга. Платье сидит мешковато. Можно было бы немного его подобрать, но к чему? Да и черного платка с шелковой бахромой не надо надевать на голову. Все равно сорвут с головы платок, когда будут надевать петлю на шею. Тряпичные чувяки с подошвой из сыромятной кожи надо снять и обуться в туфли Ирины. После первого снега на улице развезло.

Взгляд Хабибы упал на женский пояс, извлеченный из тайников. Он напомнил незабываемый день свадьбы. Темиркан накануне принес его вместе с нагрудником, украшенным драгоценными камнями. Он отдал за это верхового коня. Хабиба мечтала подарить этот пояс с нагрудником Апчаре в день ее свадьбы.

Готовясь к смерти и думая теперь только о ней, Хабиба слышала, как за порогом давно уж скулит и жалуется пес Мишкарон. Собаки чуют беду. Хабиба не любила собак, но никогда их не обижала без надобности, не оставляла голодными. Теперь Мишкарон скулит и не сводит с хозяйки слезящихся глаз, словно навсегда прощается с нею.

Хабиба взяла большой кусок кукурузного хлеба и бросила его псу. Обычно в таких случаях Мишкарон хватал подачку и уходил под грушевое дерево. Но сейчас он и не посмотрел на хлеб.

— Прости, Мишкарон,— говорила Хабиба псу,— не попрекай меня на том свете. Если ты иногда голодал у меня, то потому, что и сама я была голодной. Я не била тебя по злобе, а меня судьба била каждый день. Ты не знаешь, что такое одежда вдовы, но ты видел мои слезы. В этом мире я не была счастливее тебя. Но ты доживешь до лучших дней. Ты увидишь, может быть, Альбияна. На празднике его возвращения тебе дадут много костей. Но как ты расскажешь ему обо мне? Как узнает мой сын, что его мать сама надела петлю на

шею? Об одном тебя прошу, Мишкарон, не потеряй ты моих следов. В какую яму меня ни свалят, найди меня, проложи тропу, приведи ко мне Апчару и покажи место, где я лежу. На, Мишкарон, бери и мясо, видит аллах, я его берегла для дочери.

Мишкарон взял мясо осторожно, словно не поверил в щедрость хозяйки, и долго еще смотрел на Хабибу: не возьмет ли назад? Но, убедившись, что вяленая баранина отдана ему, встал и понес ее под старую грушу.

Когда собака ушла, Хабиба опять обратилась к аллаху: «Господи, дай силы принять смерть в ясном сознании. Помоги рабыне своей. Я жизни уже не прошу. Не дай мне слабости наговорить в бреду слов малодушия, о которых при ясном уме противно подумать. Я помню, как говорил Темиркан: «Если обидел друг — плачь, не стесняйся. Нет горше обиды, чем обида от друга, поэтому слезы эти простительны даже для мужчины. Но если обидит враг — гляди ему в глаза сухими глазами. И виду не подай, что тебе больно. Ну а боль можно перетерпеть». Я не отведу своих глаз от вражьего взгляда. Буду держать в своем сердце Темиркана. Пошли, аллах, чтобы в последний миг я почувствовала рядом его плечо. Вместе с ним я уйду в райские сады, незапятнанная, с чистым лицом...»

Хабиба решила совершить омовение перед казнью, сходить на речку за водой, нагреть ее и помыться. Мысленно Хабиба уже была где-то наверху, в райских кущах. Вот ее ведут под руки. Она шагает так по верхушкам трав, а стебельки под ступней не сгибаются. Аллах ей скажет: «Брось свою обиду, оставь ее на земле. Здесь не едят, не пьют, не умирают, не рождаются — здесь вечный покой и благоденствие. Хорошо, что ты перед смертью помылась, очистилась от прикосновения вражеских рук, а душой ты всегда была чиста, как и помыслами. Я испытывал тебя на верность. Каких невзгод я ни насылал на тебя, но ты не роптала...»

— Сестра, ты еще здесь? — На пороге показался Бекан. — Весь аул перебрал. Поехали скорее, время на исходе. Ну что ты будешь делать — восьмидесяти рублей недобрал. Может быть, не заметит.

Седельщик думал, что Хабиба расплачется, узнав о нехватке восьми червонцев, а она и не обратила на это внимания. Покорно встала и пошла за Беканом.

Пусть сбудется предначертанное аллахом. Старик помог ей подняться и сесть в повозку.

Около сельской управы с утра было людно. Должно быть, не одна Хабиба была обложена контрибуцией в фонд задуманного праздника освобождения. Питу с автоматом ходил по двору, поддерживая порядок. Все молча покорялись ему.

Бекан высадил Хабибу, не довезя до управы, а сам свернул в переулок. Пятью минутами позже, когда Хабиба вошла в управу, он тоже въехал во двор, для того чтобы быть поблизости. Он надеялся даже дособрать здесь недостающие восемьдесят рублей. Тогда можно будет войти к Мисосту и спросить как ни в чем не бывало: «Хабиба, не ты ли обронила эти деньги?»

Мисост был занят, но, увидев Хабибу, вытащил большие часы, по которым верующие совершали намазы, показав тем самым Хабибе, что время ее прихода отмечено. После этого он уже не обращал на старуху внимания, а продолжал разговор со стариком пасечником. Речь шла о раздаче бывшей совхозной пасеки. Мисост разглядывал списки, кому сколько ульев отдать. Больше всех предназначалось ему самому, но ведь это для праздничной махсымы¹ для высоких гостей.

Хотя разговор шел о предстоящем празднике и о сладком меде, бургомистр был не в духе. Оказывается, этой ночью приходили по его душу, и если бы он не оказался в Нальчике, быть бы ему в руках партизан. Значит, не зря все полицай уезжают почевать в город, а рано утром приезжают снова в аул.

Из смежной комнаты, как и вчера, доносились мужские голоса, но по разговору было слышно, что там не застолье, а заседает комиссия по проведению курбан-байрама. Пришельцы хотели внушить населению, будто они принесли на Кавказ полную свободу и полное равенство.

Выпроводив пчеловода, Мисост обратился к Хабибе: — Ну!

Хабиба молча развязала платок и высыпала на стол кучу денег, разложенных по достоинствам бумажек. Каждая пачка перевязана веревочкой или тряпочкой.

¹ Национальный напиток из пшена и меда.

Мисост выдвинул ящик стола, где лежали уже другие пачки денег, и небрежно закинул эти пачки дальше, освобождая место для новых.

Он загреб деньги и уже хотел, не считая их, высыпать в ящик, но испытующе посмотрел на Хабибу.

— Пять?

— Восьми червонцев не хватает.— Врать Хабиба, конечно, не могла.

Мисост привскочил и убрал руки от денег, словно это были не пачки замусоленных, с оборванными углами бумажек, а раскаленные камни. Глаза его сделались злыми.

— Не тебе ли говорил: на рубль меньше — не возьму? Думаешь, в прятки я играю с тобой? — Мисост задрожал от злобы, ноздри расширились, лицо побагровело. Он выпрямился, стараясь казаться грозным и внушительным, но роста не дал ему бог столько же, сколько отпустил лицемерия и наглости.

— Ты думаешь, я в прятки с тобой играю? Я тебя хотел пощадить. С Темирканом у меня был бы другой разговор. С Темиркана я деньги брать не стал бы. Первая пуля вот отсюда... — Мисост выхватил пистолет и показал коротким заскорузлым пальцем на срез дула. — Видишь эту дырку? Первая пуля отсюда предназначалась бы ему. За душегубство: сколько достойных людей аула он сгубил, иных на месте, а иных сослал на Соловки. За это его надо было десять раз расстрелять. Расстрелял — воскресил, расстрелял — воскресил, расстрелял — воскресил. Вот так. Десять раз. Но он вовремя убрался, и теперь это не в моих силах. Зато для тебя я подыщу смерть... Я тебя живо похорошю. Живо. Поняла?

Мисост не кричал. Он говорил почти шепотом, и тем страшней звучали его слова. От своих слов, от сознания того, что он может вот так говорить с Хабибой, Мисост чувствовал, как утоляется жажда мести. Он взял пистолет за дуло и рукояткой ударил Хабибу по лбу. Женщина покачнулась, но удержалась на ногах. Над переносицей брызнула кровь, струйками полилась по лицу.

Хабиба про себя твердила: «Господи, дай силу устоять, Темиркан, видишь, я гляжу врагу в глаза, я не кричу, не плачу...» У нее закружилась голова. Она стала

шарить руками сзади себя, ища стенку, чтобы на нее опереться.

— Висеть тебе на дереве. Висеть, пока вот эти наглые глаза не выключет птица. Висеть вместе с дочерью. Мы ее найдем. Не провалилась она сквозь землю. Пока посидишь в подвале, а потом устрою вам встречу на одном дереве...

На шум из смежной комнаты вышел молодой кабардинец, одетый в новенькую немецкую форму. Мисост, видимо, хотел показать гостю свое усердие, подошел к Хабибе, чтобы еще раз ударить ее по лицу, уже залитому кровью, но гость остановил его:

— Коммунистка?

У Хабибы круги перед глазами. Она не видит человека, стоящего перед ней. Видит только расплывчатую тень. В ушах гудит, будто она стоит у Чопракского водопада. Но голова у нее ясная. Только бы не упасть, не нарушить обет омовения, сохранить чистоту.

— Пусть водкой с мылом обмоют мой прах, не боюсь сказать: я — коммунистка,— ответила Хабиба тени перед своими глазами. Она ждала удара, его не последовало. Молодой кабардинец не знал, что значит обмыть прах водкой с мылом, но Мисост это понимал. Кабардинцы обмывают водкой труп заразного больного. Обмывать такой труп не берется даже мулла. Для этого нанимают небрезгливого человека. Хабиба не была коммунисткой, но она понимает, для чего наговаривает на себя. Ей надо умереть раньше, чем она увидит Алчару, висющую на дереве.

— Партбилет есть? Покажи.— Спрашивающий, видимо, догадался, что женщина врет.— На, вытри,— взял со стола и протянул ей платок, в котором она принесла деньги.

— Мое сердце — мой партбилет.— Хабиба прижала ладонью рану на лбу и наконец взглянула на человека.

Туман рассеивался перед глазами, красные круги исчезали. Человек, стоящий перед Хабибой, показался знакомым. Мельник Шабатуко стоял перед ней, но только одетый в немецкую офицерскую форму. Нет, не мог этот человек быть мельником Шабатуко. Таким молодым мельник был во время гражданской войны, когда и Хабиба была молодой. Но тогда кто же? И память

воскресила для Хабибы один ветреный зимний день тридцатого года. С Темирканом возвращались они тогда с похорон, и с ними была четырехлетняя Апчара. На станции Прохладной они собирались сесть на поезд до Нальчика. Холодная и голодная была та зима. Правда, самой Хабибы голод тогда не коснулся. С похорон она везла тогда даже целую корзину с яствами: с лепешками, пирогами и сладостями — родственники, по обычаю, надавали ей на дорогу.

На станции ждали отправки в отдаленные края семьи раскулаченных. Вдруг весь табор пришел в движение: подали состав. Люди бросились занимать места в теплушках. Тащили пожитки, толкались, лезли в драку. Хабибе показалось странным тогда: люди покидают родные земли, навсегда разлучаются с могилами предков. И вот они спешат побыстрее занять места в теплушках. Неужели им не терпится скорее уехать в неизвестные края?

Вдруг Хабиба узнала Шабатуко, жителя своего аула. Он стоял у двери товарного вагона с мальчиком лет десяти. Кому-то из его близких, как видно, не удалось сесть в вагон. Мельник хотел выйти из вагона, но конвойные уже не разрешали. Шабатуко стоял у края вагона и бросал в толпу гневные слова. Хабиба хотела подойти поближе, Темиркан не пустил ее. Но все же до них долетали некоторые слова Шабатуко:

— Прощай, земля! Мы не увозим ничего с собой. Хотели бы увезти все болезни наших аулов — они остаются. Мы взяли бы с собой прах наших предков, чтобы не разлучаться с ними, но дух отцов не найдет покоя на чужой земле. Остающиеся в аулах! Пусть над вами будет щедрое небо, а под вами яркая трава! Пусть плодородие будет неизменным другом родной земли. Есть бог, он сведет нас вновь! Я не увижу — но он увидит! — Шабатуко поднял на руки мальчика Аниуара. Хабиба знала мальчика, видела, как он помогал отцу. Едва научившись писать, уже вел учет в хозяйстве.

Хабиба схватила корзину с лепешками и понеслась. Темиркан не успел ее остановить. Хабиба рвалась сквозь толпу к вагону. Над головой она держала корзину с яствами.

— Шабатуко, твои слова оставят насечку и на каменном сердце. На, возьми! Это твоему сыну. Бери, Ани-

уар! Кто знает, длинна или коротка твоя дорога. Прими, как от матери...

Хабиба отдала плетеную корзину в руки мальчика. Поезд тронулся. Мальчик долго смотрел назад, и во всей толпе видел он одну Хабибу в черном платке с шелковой бахромой. Хабиба и сейчас стояла перед ним в том же самом платке...

— Твое сердце — твой партбилет! — повторил он без злобы. — Зачем наговариваешь на себя? Я знаю, какое у тебя сердце.

— Клянусь, истинные слова, — подхватил Мисост, ничего не поняв. — Эта женщина — коммунистка-наседка. Какого цыпленка ни выведет — красный. Сына родила — коммунистом стал. Дочь родила — то же самое. Пока еще только комсомолка. Но оставь ее жить — станет коммунисткой. От нее уже веет ветром зла. Это она загубила Сентраля. Но погоди. Я отрублю ей руки. Я знаю, где она скрывается! — Мисост опять воспалился от своих же слов. — Тебе не придется больше выводить красных итенцов. Где восемьдесят рублей? Насмехаться надо мной вздумала?! Я выдавлю из тебя эти червонцы веревкой. Я сам накину на твою шею...

Мисост замахнулся.

Гость остановил его жестом, вынул из кармана пачку денег, выбрал из нее сотенную бумажку и протянул Мисосту:

— На, я вношу восемьдесят рублей, а ее отпусти. Пусть живет. Вина ее не доказана. Не трогай и дочь ее. Иди, Хабиба, иди и не бойся...

Мисост растерялся. Сначала он не поверил своим ушам. Думал, гость шутит, но, убедившись, что никаких шуток нет, мгновенно переменился.

— Клянусь аллахом, на все твоя воля. И волос с ее головы не упадет, если вы этого не желаете.

Хабиба подумала: какой камень покатишь вперед по тропе, такой и встретишь. Этим камнем была корзина с лепешками. Добро и в воде не тонет. Не утонуло доброе дело, которое в тот горестный день она сделала. Но должна ли Хабиба принять из рук этого человека жизнь? Коварство Мисоста известно. Он мог с этим парнем сговориться. Дескать, пообещай ей жизнь, пусть вернется домой. Обо всем станет известно Апчаре, и дочь вернется к матери. Тогда их обоих можно накрыть, как

накрывают корзиной насадку с цыплятами. Нет, Хабиба не станет просить пощады, даже благодарить за дарованную жизнь. Уходить она не спешила. И тут в управу вошел Бекан.

— Хабиба, ты с ума сошла или от страха роняешь деньги? Видит аллах, подобрали во дворе. Восемь червонцев. Ты обронила? Возьми...

Гость разгадал Бекана. Ему вспомнилась корзина с лепешками. Как похож сейчас этот седельщик на Хабибу в тот день. Он тоже рискует своим благополучием. Ничего не сказав, Аниуар скрылся за дверью.

Мисост не растерялся:

— Может быть, это мои деньги? Ты же обещал принести за быка?

— Собираю, Мисост. Видит аллах, собираю. Плохо дают. Откуда возьмутся деньги? Ни базара, ни зарплаты. Совсем обезденежили.

Бургомистр, на удивленье Бекана, не был злым. Поглядев на лицо Хабибы, Бекан не мог понять, откуда там кровь. Только Мисост мог рассечь ей лоб. Но почему бургомистр теперь так спокоен и благодушен?

— Ладно. Деньги принесешь потом. Отведи домой эту насадку коммунистов. Сын Шабатуко отвел от нее беду. Она даже не поблагодарила его. Отведи, пусть помолится богу за здоровье Аниуара...

Бекан был совсем сбит с толку. Деньги он сунул в карман, а остальное не стал и разгадывать. Если бургомистр так великодушен, значит, понимает, с кем имеет дело. Бекан подумал, что всему причиной родство Хабибы с Москвой.

— Пойдем, пойдем, моя сестра! Я видел твою сноху. Бедняжка Ирина в смятении. Потеряла связь с Москвой. Она бы рада сообщить о беде своим московским соседям. От нее до дома Ворошилова ближе, чем от меня до твоего дома. Вчера в Нальчике всю ночь кружился самолет над ее домом. Следил, как бы кто не обидел Ирину. Не все же знают, что значит обидеть человека, который живет крыша в крышу с Калининым.— Бекан сочинял, а сам краем глаза поглядывал на Мисоста. Мисост пересчитывал деньги, делая вид, будто ничего не слышит, а сам не пропускал ни единого слова. В душе Мисост не уверен, что совсем кончилась Советская власть. Ему хотелось, чтобы не осталось и следов от

коммунистов. Слава аллаху, колхоз похоронен, созданы десятидворки. Раздали инвентарь. Недвижимое колхозное имущество пойдет с молотка. Мисост останется бургомистром, пока не сведет все счета. Но торопиться не следует. Чопрак еще не взят. До фронта сто километров.

Хабиба между тем проявила неожиданное упрямство.

— С места не сдвинусь, никуда я отсюда не пойду! Мисост поднял голову.

— Хочешь, чтобы тебе подали автомобиль? Или на руках тебя нести? Если подавать тебе какой транспорт, то разве деревянную лопату, которой выносят на свалку дохлых собак. «С места не сдвинусь!..»

— Не сдвинусь,— еще больше осмелела Хабиба.— Ты грозился меня повесить. Исполни! Исполни свой приговор, бургомистр! Вешай! Иначе тебя не будут бояться. Гитлер жалованья не заплатит..

Мисост запихал деньги в ящик и выпрямился.

— Замерзшая муха отогрелась! Обрела дар речи? Воллаги! Мой фура, дай бог ему долголетия, будет платить своим подданным. Я-то дотянусь до него и подам ему руку.

Бекан взял Хабибу за плечи:

— Пойдем. Не лезь в петлю. Не лезь. В петлю лезть — широко, а вылезать из нее — узко..

● ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЕЗДКА ЗА СЕНОМ

Через Долину белых ягнят, мимо фермы, где некогда хозяйствовала Апчара, а теперь обосновался Бекан со своей старухой, дорога вела в Чопракское ущелье. Но дорогу эту перекрывал отряд гитлеровцев. Бекан жил по эту сторону заграждения, ущелье лежало по другую сторону. А заградителями оказались румыны. После разгрома у Чопракских ворот они больше не лезли в узкую каменную горловину, напротив, даже отошли от нее немного назад, чтобы избежать внезапного нападения. Свои тылы они держали в бывшем дорожном домике в трехстах метрах от заставы.

Хотя Данизат редко выбегала на улицу и редко видела румын, все же получилось так, что знакомство с ними завела она.

Недалеко от фермы сливались воды большого Чопрака и маленькой Бахранки.

Вода в Бахранке была прозрачной по сравнению с чопракской мутной водой, но была она с примесью серы и для питья не годилась; Апчара, бывало, не давала ее даже коровам. Но румыны не знали этого, пили светлую на вид, вкусную воду и все заболели животами. Не зная истинной причины повальной болезни, они стали грешить на молоко, которое брали у Данизат. Тогда старуха сказала им, чтобы они больше не пили воду из Бахранки, и тем самым заслужила их некоторое доверие. Во всяком случае, они были благодарны ей.

Один румын повадился ходить к Данизат, обменивать соль и мыло на сыр, масло и яйца. Это был немолодой уже мужчина с черными усиками. Данизат прозвала его про себя «собачий колдун», потому что он совсем не боялся злого волкодава. Он умел какими-то магическими жестами утихомирить любую собаку. Когда в первый раз волкодав бросился на румына, тот вытянул вперед руку и смело пошел на рычащего и оскаленного зверя. Пес сначала лаял и бросался на человека, потом стал отступать, припадая к земле, а затем и вовсе убежал, поджав хвост. Румын старался пошутить с Данизат: «Партизан пук-пук!» Напевал себе под нос, заглядывал во все уголки и миски, предварительно положив на видное место кусок мыла. Найдя пару яиц или сыр, забирал «товар» и уходил восвояси. Чтобы еще больше наладить добрососедские отношения, Бекан посоветовал жене наварить солдатам картошки. Румыны за это нарубили старикам дров. Потом оказалось, правда, что их офицер приказал нагреть воды для мытья и все дрова пришлось истратить на воду.

Бекан вошел в дом как раз в то время, когда офицер после «бани» блаженствовал в жарко натопленной комнате. Старик понял, что у офицера сейчас благодушное настроение, и завел разговор (офицер знал несколько русских слов).

— Снег, корм — нема. Твой солдат сено забрал. — Бекан говорил с искусственным акцентом, думая, что так офицеру будет понятнее. Офицер пожал плечами не оттого, что не понял Бекана, но показывая, что ничего со снегом он поделаться не может и сена у него нет.

— Корова корм надо, — продолжал Бекан, — твоя лошадь тоже корм надо.

Офицер снова пожал плечами.

— Далеко гора сено есть. Много копен. Солдаты едут, сено берут, вниз спускают.

— Там партизан, старик. Пах-пах-пах — и готово!

«Здорово их напугали у Чопракских ворот, — подумал Бекан. — Пожалуй, их теперь не заставишь подняться в горы».

— Сена нет, ваши лошади тоже — капут... — нажимал Бекан. — Сено там. Я знаю. Ближе. Солдаты внизу сидят, а я за сено пошел. Себе сено, вам сено.

— Хитрый старик! — Офицер говорил с меньшим акцентом, чем Бекан, подделывавшийся под него. — К партизанам хочешь? Нехорошо. Не можно.

Офицер сидел и пил чай с ромом, а ординарец тем временем сушил над плитой только что выстиранное белье.

Бекан понял, что с офицером можно будет договориться. Если войти в доверие, то не только сено, но, пожалуй, удастся выконать картошку, что осталась на зиму в земле. А там, глядишь, и в лес разрешит... Старик строил свои планы. Ничего. Смирится офицер. Зима нагрянет, понадобятся и сено, и дрова.

На другой день Бекан велел Данизат наварить целый котел кукурузным початкам.

— Ублизким румын. Кукуруза для них — первое лакомство.

Утром Бекан слыл воду из-под початков и повез огромный котел вареной кукурузы к развилке дорог. За ночь еще больше снега выпало в горах, и вдали на крутых склонах отчетливей стали выделяться и манить к себе черные точки стогов. Если удастся переправить оттуда хотя бы несколько копен — спасение не только для коров. Сено можно обменять на что угодно. Бекан прихватил с собой вилы и веревку, чтобы с их помощью объяснить румынам, куда и зачем он едет. День выдался пасмурный, но снежок, выпавший ночью, обещал лежать. Бекан оглянулся, по снегу тянулись следы его двуколки.

Румынский пост встретил старика не приветливо. Мало того, когда Бекан вынул из-под старого одеяла, накрывающего котел, два початка, чтобы показать их часовому, тот, приняв початки за гранаты, выстрелил, поднимая тревогу. Выскочили солдаты с автоматами, окружили двуколку. На Бекана со всех сторон смотрели автоматные дула. Седельщик искал глазами вчерашнего офицера или хотя бы «собачьего колдуна», но ни того ни другого не было. Тогда он сбросил рванье с котла, и кверху ударило облако душистого горячего пара.

— Завтрак вам. Кукуруза. Мамалыга. Хорошо.

Румыны поняли, схватили котел с тележки, начали расхватывать початки, грызть их, весело лопоча и смеясь. Бекан ждал, когда ему вернут пустой котел. Тем

временем из землянки вышел «собачий колдун». Он был в огромной черной папахе. Увидев Бекана, он махнул ему рукой, как бы приказывая ехать назад.

Бекан продолжал стоять. В руках он держал веревку и вилы. Он тыкал пальцем себе в грудь, потом показывал на вилы, а потом на горы. «Колдун» не мог понять, чего хочет старик. Он пошел в землянку, возможно, доложить офицеру. Румыны лопотали по-своему и тоже не могли понять намерений старика.

— Партизан?

— Нет партизан. Сено. Сено! Понимаете вы?! — Бекан схватил горсть сена и стал пихать его лошади в пасть. Даже сам в отчаянии пожевал клочок, чтобы показать, что ему нужно.— Сено, понимаешь? Корова. Сено. Корова там, сено там. Надо ехать.

Румыны в конце концов поняли, что толковал им старик, но, как видно, усомнились в искренности его намерений. Он ведь все время показывает на дальние склоны гор. А оттуда, как известно, охотничьи тропы ведут в ущелье. По ним, правда, на двуколке не проедешь. Но кто знает, что у старика на уме. Бросит свою двуколку да и махнет к партизанам.

Из землянки наконец вышел и офицер. Он сразу узнал Бекана и велел его пропустить. Офицер показал на часы: к вечеру быть на этом месте. Иначе — «пах-пах».

В горах трудно ориентироваться. Посмотрит человек — кажется, совсем близко склон горы, а попробуй дойти! Если бы румыны знали это, может быть, не пустили бы Бекана. Ехать до ближайших склонов гор недалеко, но чтобы добраться до первых копен, надо петлять по узким ущельям, потом, оставив повозку внизу, карабкаться по склонам, выйти наверх, там связать копну и катить ее вниз. Потом укладывай сено и вези. Чтобы не опоздать, Бекан не стал забираться далеко. Он подобрал самую близкую копну, погрузил ее, перетянул веревкой, чтобы сено не посыпалось при тряске, и поехал. У заставы румыны протыкали воз штыками со всех сторон. Пропустили. Несколько охапок сена взяли себе. Ну а как же без этого?

На другой день, осмелев, Бекан поехал снова за сеном, на этот раз в сторону Чопрака. В этом направлении хотя дорога до копен подлиннее, зато сами копны доступнее, не надо карабкаться по скалам. Кило-

метров двенадцать отъехал седельщик от румынской заставы. Остановился — кругом ни души. Только река глухо шумит, да еще постукивают на слабом ветерке верхушки деревьев.

Вдруг лошадь Бекана встрепенулась, подняла голову, наострила уши и заржала. Сомнений быть не могло, она ответила на чье-то ржание. Бекан вслушался и вскоре тоже услышал, как вдалеке тревожно, словно зовя на помощь, заржал конь. У Бекана похолодело внутри — Шоулох! Ему ли, Бекану, не узнать голос своего любимца, но как он сюда попал? И где Локотош? И почему Шоулох ржет? Не стал бы он ржать под седоком.

Бекан спрыгнул с повозки, привязал свою лошадь к дереву и пошел в лес. Шоулох заржал снова. Теперь это было близко, и сомнений не оставалось — Шоулох, и никто иной.

Бекан пошел быстрее, побежал, сколько было стариковских сил, и, выйдя из чащи на небольшую поляну, увидел коня под седлом, но без всадника. В первое мгновение он не узнал Шоулоха. Что с ним сделали! Так заездить коня! Бока ввалились, в грязи, в глазах никакого блеска, только боль и усталость. Но зато Шоулох узнал своего хозяина, сразу потянулся губами, стал теревить его рукав, словно звал за собой. Не трудно было сообразить, что конь тянет к всаднику, выпавшему из седла. Раздвинув ветки кустарника, Бекан увидел человека в форме командира Красной Армии. Снег вокруг запачкан кровью, измят. Повернув человека лицом к себе, Бекан узнал Локотоша. Припорошен свежим снегом. Значит, лежит здесь по крайней мере с вечера. Конь не отошел от него, как и полагается коню кабардинской породы. Ни травка, которую можно было пощипать вокруг, ни вода, журчащая рядом, не соблазнили его. Он стоял и ждал, когда всадник снова сядет в седло, а поняв, что всаднику плохо, стал звать на помощь.

Но почему Локотош оказался здесь и что случилось в ущелье? И что теперь делать с ним? Повезти с собой на ферму? Но как? Если просто заложить его сеном, то румыны проткнут штыком. Протыкали же они насквозь все сено вчера. Значит, надо найти укрытие и оставить его здесь до завтра. А завтра приехать сно-

ва, задобрить чем-нибудь румын, сварить им еще котел кукурузы, отвезти бидон молока? Спрятать, конечно, можно. Поблизости множество удобных пещер. Есть одна, обжитая чабанами, даже и с дымоходом. И ручей рядом. Очень чистая вода в этом ручье. Но разве капитан протянет до завтра без немедленной помощи. Спасать надо и Шоулоха. Запрячь его вместо этой лошади и уехать на нем на ферму? Румыны не заметят подмены. Но Шоулох верховой конь. Он разнесет бричку. Его надо сначала объезжать, приучать к упряжи. Оставить его в пещере вместе с раненым?

Все эти мысли метались в бедной голове старого седельщика, но Локотош застонал, и мысли сразу пропали. Когда есть неотложное дело, думать некогда.

Бекан разровнял на земле охапку сена, прикрыл его своей стеганкой и положил Локотоша на эту постель. На капитане была снята меховая куртка, отделанная серым каракулем, — излюбленная одежда командиров-кавалеристов. Бекан осторожно расстегнул эту куртку. Оказалось, что все под ней слиплось и ссохлось, снять куртку нельзя. Пришлось ее разрезать. Разрезав и гимнастерку и нижнюю одежду, Бекан добрался до раны и осмотрел ее. Пуля попала в предплечье около ключицы, а вышла на три пальца ниже лопатки, вырвав большой кусок мяса. Стреляли сверху.

Локотош приоткрыл было глаза, попытался приподняться, но застонал и опять потерял сознание.

Седельщик решил попить Локотоша молоком. В двуколке стояла кринка с айраном. Локотош не глотал. Молоко потекло из уголков рта. Бекан влил еще немного так, чтобы раненый не захлебнулся. И вот капитан глотнул. «Слава аллаху, — обрадовался старик. — Ест — жить будет». Каплю по капле Локотош вылил почти стакан. Тогда Бекан решил пока дать больному покой и заняться Шоулохом, который не отходил от своего старого хозяина ни на шаг, терся около него, тыкался мордой, теребил губами за рукав или воротник. Конь был в восторге от встречи с настоящим хозяином.

Седельщик погладил коня, потрепал его по шее, потом сухим чистым сеном обтер красавца со всех сторон. Сводил его к ручью и дал напиться. Вскарabalкался на скалу и сбросил оттуда большую копну душисто-

го высокогорного сена, от которого аромат пошел, кажется, на всю долину. Часть сена старик задал лошадям, а большую охапку разостлал на земле, осторожно переложил на нее Локотоша и прикрыл старой буркой, с которой не расставался, наверно, со времен гражданской войны. Ну вот. А что дальше?

Оставить здесь одного? Пропадет. Завтра румыны могут и не пустить. Раз пустили, два пустили, не будут пускать каждый день. Хорошо бы спрятать Локотоша на мельнице. Близко от фермы. Долина заросла ольхой, солдаты опасаются там появляться. Бекан ни разу не видел, чтобы туда ходили солдаты. Мельница не работает. Тихо. Если позатыкать щели, утеплить, раненому будет неплохо. А Данизат выходит его, она умеет. Но и на мельницу можно попасть, только минуя пост. Убьют самого Локотоша, убьют Бекана, убьют Данизат, а Шоулох достанется бургомистру Мисосту.

Ум за разум заходит у старика, а выхода нет. Локотош пошевелился, застонал. Бекан наклонился над ним, дотронулся до лба и понял, что начинается жар. «Не с кем посоветоваться — советуйся со своей папхой». Думай не думай, а Локотоша надо везти домой. Только как его провезти мимо румын и как поступить с Шоулохом? Шоулоха придется спрятать в пещере, оставить ему охапку сена, завтра вернуться к нему и за день во что бы то ни стало приучить к упряжке. А эта лошадь сама в темноте придет на ферму.

Локотоша надо провезти так: нарубить лоз, как будто плести корзину. Этими лозами заложить раненого. Во-первых, лозы не сено, они дадут возможность дышать, во-вторых, может быть, штык не проколет их, если часовой вздумает проверять воз штыком. Поверх лоз наложить побольше сена. Если только капитан не застанет и не закашляет... А к заставе надо подъехать в самые сумерки, когда румыны ужинают. Пожалуй, дело еще и сойдет благополучно.

Бекан все сделал обстоятельно. Шоулоха он вволю напоил ключевой водой и отвел в «конюшню» — пещеру, задал ему сена дня на три, а то и больше. Оставил там котел, наполнив его водой. Сбрую спрятал там же в пещере. Потом взялся за Локотоша. Седельщик чуть не вскрикнул от радости, увидев, что капитан пришел в себя и прошептал, едва шевеля губами:

— Кто ты?

— Бекан я. Бекан Диданов. Помнишь?

Больной дышал тяжело. Должно быть, он никак не мог сообразить, где он и откуда взялся Бекан. Бекан присел около него на колени.

— Сынок. Слушай меня. Запомни все, что я скажу. Хорошенько запомни.

— Говори...— еще слабее прошептал Локотош.

— У тебя очень много крови утекло. Очень много. Надо скорее тебя лечить. Я повезу тебя под сеном. Сделаю так, чтобы тебе дышалось. Но дорога плохая. Больно будет, очень больно, терпи. Будем проезжать заставу. Там румыны. Ты услышишь их речь. Ни стоном, ни словом не выдавай себя. А потом я тебя вылечу. Ты будешь жить, вернешься в Красную Армию, здоров будешь. Нам бы только заставу проехать...

Локотош молчал. Бекану показалось, что он снова лишился сознания. Отыскал на снегу кринку с айраном, хотел влить еще глоток в рот капитану.

— Постой...— Капитан старался разглядеть седельщика.— Румыны, говоришь?..

— Да. Я с ними запросто. Знаком с их командиром. Проверять не будут. А ехать недалеко, часа полтора-два. Поедем тихо, тряски не будет...

— В ущелье — ад...— через силу выговорил Локотош и закрыл глаза.

Бекан положил сена в двуколку, поудобнее уложил раненого. Но для Локотоша не могло быть удобного положения. Как ни повернись, грудь разрывается. Седельщик прикрыл его лозами, сверху положил башлык, чтобы крошки сена не попадали в лицо Локотошу, по бокам уложил еще по охалке длинных прутьев, чтобы их верхушки торчали сзади из-под сена. Со стороны все выглядело хорошо. И воз сена не отличался от тех, с которыми Бекан проезжал заставу. Седельщик положил сверху лепешки и кусок сыра — Данизат дала на дорогу. К ним Бекан так и не притронулся. Теперь он это отдаст часовому, чтобы тот штыком не протыкал сено.

Бекан рассчитал точно. Вечерние сумерки только-только спустились с гор, когда он подъехал к заставе. Ему становилось все тревожнее. Локотош, лежавший до сих пор тихо, закашлял. Видно, в легкие набежала кровь. Бекан остановил повозку, подождал, когда ка-

шель успокоится, потом стал громко понукать лошаадь:
— Но, давай! Тащи! Скоро застава. Вон уже видно шлагбаум. Давай тяни!

Бекан кричал на лошаадь нарочно. Румыны услышат и заранее будут знать, что Бекан едет. Может быть, даже часовой заранее поднимет шлагбаум. И потом, если человек подъезжает к заставе не крадучись, ничего не боясь, значит, у него все в порядке. С другой стороны — и это было еще важнее, — Бекан кричал, чтобы Локотош знал о приближении к опасному месту.

Локотош понимал, что Бекан кричит для него. Он стиснул зубы, чтобы как-нибудь не выдать себя. Между тем ему становилось все хуже. Не хватало воздуха. Кружилась голова, звенело в ушах, пересохло в горле, болела рана. Каждый удар сердца был похож на взрыв. А еще он подумал — не капает ли снизу из-под него кровь, немцы заметят — конец. Под прутьями и сеном Локотошу не видно было, что сгущаются сумерки.

Перед самым шлагбаумом Бекан даже начал напевать. Еще несколько шагов — и землянка. Вот и шлагбаум, но он почему-то открыт. Нет часового. Вообще никого нет. Только кочерыжки от кукурузных початков разбросаны вокруг. Не веря своим глазам, Бекан хлестнул лошаадь и проскочил мимо заставы, все еще боясь, что сейчас выскочат румыны и остановят его. А может, они перебрались на ферму и встретят Бекана там?

— Дыши, командир, дыши свободно. Заставу проехали. Теперь чихать можно...

Услышав стук колес, вышла Данизат.

— Как ты долго.

— Ты одна? Приготовь горячую воду. Гость истекает кровью.

Кудлатый волкодав, почуяв незнакомого человека, стал рычать и лаять на воз сена. Бекан шуганул его, но собака не унималась.

— Кто ранен? — испугалась Данизат.

— Не я. Ты не заметила, куда они подевались? — Бекан мотнул головой в сторону заставы.

— Пал Чопрак. Целый день идут туда машина за машиной. Мисост промчался мимо, поехал разыскивать Шоулоха.

— Вот оно что... Тогда торопись.

Бекан одним рывком опрокинул сено на снег. Откры-

лись прутья орешника, под которыми лежал Локотош. Снял башлык. Данизат чуть не вскрикнула. Она боялась под прутьями увидеть своего Чоку.

Раненого понесли в дом. Впервые в жизни седельщик нарушил кабардинское правило: сначала позаботься о лошади, на которой ездил, дай ей воды, корма, уберись сброю, а потом и заходи в дом. Но Бекан понимал цену времени. Волкодав носился вокруг них, заливался неистовым лаем, раскатисто отдававшимся по ущелью. Бекан боялся, что Мисост на обратном пути заедет сюда. Надо скорей обмыть рану. Лекарственные травы, оставшиеся еще от тимуровцев, лежали в телятнике.

В комнате жарко натопили. Данизат приготовила травяной настой и начала обрабатывать рану. Новая простыня — подарок Чоки — пошла на бинты. Данизат вытащила из сундука рубашку, белье, коверкотовый костюм сына, телогрейку из козьего меха, которую она сшила Чоке, но не успела отдать, шерстяные носки, башлык. Не было лишь сапог. Но сапоги у раненого целы. Нужно только их вымыть. Данизат еле успевала поворачиваться, а тут выходи еще на лай собаки, поглядывай, не принесло бы кого-нибудь. Данизат знала Локотоша по рассказам Апчары, а видела его только издали, когда он приезжал к Хабибе на машине. Когда отдирали от живой раны присохшую рубашку, снова открылось кровотечение. Седельщик и Данизат употребили все средства, известные в народе, и за час едва-едва управились. Прибрали в комнате, чтобы не осталось следов. Одежду и оружие Локотоша спрятали.

Когда растревоженная рана успокоилась, Локотоша напоили бульоном, тепло укрыли и перенесли на мельницу. Там холоднее, но безопаснее. Волкодав больше не лаял, привык к новому человеку. Бекан укрыл Локотоша буркой, а чтобы постель была мягкой, Данизат вместо матраца положила одни пуховые подушки.

Локотош заснул. Всю ночь Бекан просидел у его постели. Не спала и Данизат. Она перестирала одежду капитана, пересушила все над плитой, зашила все, что изрезал Бекан. Волкодав не находил себе места. То ложился у двери, за которой хлопотала Данизат, то возвращался на мельницу к Бекану. Чуть свет Данизат пошла доить коров. А Бекан, оставив спящего Локотоша, пришел на ферму.

По дороге, вчера еще совсем безлюдной, сновали машины. Сомнений нет — Чопракская крепость перестала быть крючком, за который зацепились гитлеровские штаны.

Седельщик убрал сено, на снегу обнаружил капли крови, затоптал их. Его беспокоили хлопоты Мисоста. Он может послать людей по следам Шоулоха. Из пещеры переводить Шоулоха сюда опасно, но и там держать его нельзя. В горах всегда есть люди, которые ищут укрытия — увидят коня, ищи потом ветра в поле.

Проснувшись, Локотош постарался вспомнить все происшедшее. Последнее, что он видел, был Азрет, стоявший на скале, а последнее, что он слышал, были слова Кучменова: «Эй, Локотош, которого везли на танке, нравятся тебе мои пули?» После этого грянули два выстрела. Азрет стрелял почти в упор с расстояния не больше тридцати метров, стрелял сверху по всаднику, ехавшему по узкой тропе. После первого же выстрела Шоулох рванулся и черной молнией мелькнул по ущелью. Азрет, наверно, рта не успел открыть, но успел все же увидеть, что Локотош ткнулся в гриву коня. Можно было доложить Якубу Бештovieму об исполнении смертного приговора.

Локотоша толкнуло в левое плечо, и вся левая сторона груди онемела. Он схватился за шею коня, и тот прыгнул в темноту и безмолвие.

Когда на глазах у думы мудрейших он вскочил в седло и скрылся из виду, он еще не знал, куда скакать и что делать. Он подумал и о жеребце, которого должен сберечь. Поэтому сначала капитан махнул наверх, с надеждой проскочить через «окно в небо». Но когда из Калезжской башни по нему открыли огонь, ему пришлось повернуть. Локотош свернул в сторону поста номер семь, охранявшего почти отвесную тропу. Здесь он успел проскочить раньше, нежели Бештovieв предупредил заставу. Азрет Кучменов знал, что узкая тропа выводит к Бахранке. Он не стал догонять Локотоша, но понесся по хребту, а потом спустился вниз наперерез Локотошу в том месте, где тропа проходила под невысокой скалой. Здесь-то он и крикнул Локотошу перед тем, как выстрелить в него.

Преданный Шоулох сделал все, что мог. Почувяв беду и свободу действий, жеребец мчался галопом, пока

не выбился из сил, потом перешел на шаг. Шоулох знал эту тропу. Всадник не подавал признаков жизни. Конь оглядывался на него, чувствовал запах крови, стекавшей по гриве и потной шее. Локотош медленно сползал с седла. Когда он упал на дорогу и застонал, Шоулох остановился. Всадник лежал без движения. Жеребец ткнул шелковистой мордой в Локотоша, тревожно заржал. Горы ответили эхом. Конь волновался, бил копытом, грыз удила, но с места не сходил...

— Завтрак готов, командир.— На мельницу пришел Бекан с чашкой горячего куриного бульона.— А вот и горячие лепешки.

На обратном пути из Чопрака, сдавшегося на милость немцев, Мисост заехал на ферму. Он был оживлен, самодоволен и важен. До сих пор он и во сне видел партизан, пробирающихся из Чопракского ущелья, чтобы убить его. Теперь можно спать спокойно. До самого «окна в небо» нет теперь человека, которого бургомистру нужно остерегаться. Аул Машуко оказался в глубоком тылу, можно действовать без оглядки. Жалко одного — удалось выскользнуть Локотошу на Шоулохе. Судьба самого Локотоша мало заботила бургомистра, а вот Шоулоха жалко до слез. Мисост, уезжая в павший Чопрак, твердо надеялся обратно приехать на Шоулохе. Бургомистр охотно рассказывал Бекану все, что знал о Чопраке. По его словам, Якуб Бештоев давно уговаривал Локотоша прекратить бесполезное сопротивление и сдаться немцам. Но тот и слышать не хотел о капитуляции. Тогда Якуб решил уничтожить этого капитанишку, присвоившего себе роль командира гарнизона в осажденном ущелье.

— Скорее всего смертельно раненный Локотош где-нибудь в горах закончил свой жизненный путь. А одичавший Шоулох бродит в лесах... На поиски коня я послал людей. Появится Шоулох здесь — удержишь и немедленно приведешь ко мне,— закончил Мисост свой рассказ о Чопраке.

Седельщик узнал от бургомистра еще одну новость. В Чопраке формируется отряд легионеров из добровольцев, активных сторонников Якуба. А бывшие бойцы Нацдивизии, державшие сторону Локотоша, частью бежали в горы искать партизан, а частью схвачены и отправлены в лагерь для военнопленных. Один из таких

лагерей размещен в двенадцати километрах от Прохладной. Военнопленные будут засыпать противотанковые рвы, которые девушки Кабарды рыли целых шесть месяцев. Они сровняют с землей оборонительные сооружения, созданные против войск германского рейха.

— А Якуб Бештоев пойдет далеко. Сейчас он проводит чистку в своем ущелье. Искореняет сторонников Локотоша. Получил приказание явиться к немецкому генералу. Говорят, что на Якуба Бештоева возложит немецкое командование подготовку и проведение курбан-байрама в масштабах Кабарды и Балкарии. Кстати, Бекан, а где же твой вклад в великий праздник освобождения? У тебя на ферме сколько сейчас коров?

— Пять.

— Четыре забьешь для праздника.

— Когда?

— Я скажу. А пока займись-ка сбором денег за моего быка.

— Если ты хочешь, чтобы я искал Шоулоха, найди другого пастуха для аульского стада. Не могу я делать сразу два дела. Я ведь не буду сидеть на ферме. Я буду ездить день и ночь по горам. Уж я-то знаю, куда может уйти жеребец, оставшись без седока.

— Ладно. Найдем пастуха. Только разыщи мне Шоулоха.

Проводив бургомистра, Бекан поехал в ущелье Бахранки. Шоулох был на месте. Седельщик почистил его, убрал «конюшню», освежил подстилку. Под правым передним копытом у жеребца сломалась подкова, и Бекан отодрал ее и бросил обе половинки в расщелину скалы. Примета известна: сломается подкова под левым передним копытом — беда ждет коня, а под правым — всадника. Всадник уже дождался своей беды, лежит раненый. Но кто знает, что еще его ждет впереди. Не пронюхал бы Мисост. Бекан-то сделает все, чтобы поднять Локотоша на ноги. Но достаточно ли одних трав и печеного лука, чтобы вылечить такую глубокую рану?

На другой день рано утром Бекан поехал в аул. Он увидел печальную картину. Хабиба смотрела на оголенные стропила своей крыши и сыпала проклятья на жену Мисоста, которая за пятьсот рублей забра-

ла-таки себе всю черепицу. Хабиба не знала, к кому обратиться за помощью. Ни вещей, ни живности нет во дворе, а теперь нет и крова. Зима. Над головой темные облака, а под ногами холодный снег. Ложись да помирай. Сходить к своему спасителю Аниуару, да где его искать?.. Он и так много сделал — сохранил жизнь.

Как всегда, в горестный час появился Бекан. Хабиба запричитала горячее и громче.

— Пусть не сносит головы тот, кто снес у меня крышу. Пусть будет всем бедам доступен тот, кто сделал меня доступной всем ветрам. «Могилу открытой не оставят», — сказала мне Каральхан, давая деньги. Да, не хватает мне только могилы...

А тут еще по два раза на дню ходит Питу, спрашивает про Апчару: «Где твоя красотка?» Полицай уверяет, что Апчару хотят записать в ансамбль национальной пляски, который выступит на празднике освобождения перед «самим Гитлером». Хабиба не верит Гергову, но тот клянется, будто сын Шабатуко этого требует. Хабиба допускает, что сын Шабатуко хочет видеть Апчару в ансамбле, но Апчара-то скорее умрет, чем будет танцевать на таком празднике.

— Что я худого сделала, почему аллах шлет мне одни испытания? Не много ли бед на плечи одной вдовы?

— Не падай духом, крепись, сестра... Что-нибудь придумаем. У меня есть солома, привезу, поживешь под соломенной крышей. Что делать? Терпи.— Бекан подошел ближе к Хабибе и шепотом добавил: — Бумага у меня. Сталин обещает праздник на нашей улице...

Хабиба ничего не поняла:

— Как это?

— Ни слова больше. Сталин бумагу с самолета бросил: дескать, не унывайте, я свой народ в беде не оставлю. Скоро приду на помощь, будет праздник на нашей улице. Видишь?— Бекан извлек из складок своей папахи листовку, развернул ее и показал старухе.

Увидев в правом углу листка пятиконечную звездочку, Хабиба поверила. Читать она не могла, но русские буквы от немецких отличала.

— Сталин прислал?

— Да. А по крыше не плачь... Если бы попала бомба, было бы хуже. Считай, что твою черепицу, как мою, сгубила бомба. Клянусь, сегодня же твою крышу

покрою соломой. А еще лучше — перебирайся к нам на ферму.

По улице бежал Питу, махал руками и колотил себя по лицу и по голове. Оказывается, он получил на пасеке улей с пчелами и медом, хотел перетащить его домой, но уронил. Пчелы вылетели и набросились на незадачливого пчеловода. Лицо у него уже распухло, а пчелы все набрасывались и жалили.

— Колоти, колоти себя как следует, — пошутил Бекан, когда полицаи поравнялся с ним. — Я на твоём месте взял бы в руку кирпич, чтобы бить себя.

— Хуже пчелы ничего не придумаешь. Не пчелы — шакалы.

— Тебе за службу платят натурой — сладким медом, а ты еще недоволен. Неблагодарный...

— Кто что заслужил. — Питу ответил ударом на удар. — Твоему Чоке дают не меду, а перцу. Значит, меда не заслужил.

Бекан насторожился:

— Откуда ты знаешь?

— Не знал бы — не говорил. Тебе и неизвестно, что он в концентрационном лагере около Прохладной? Разве ты еще не проведал его? Может, медку бы ему подкинул к чаю, а то, говорят, там с голоду пухнут.

Бекан похолодел.

— Чока?! Кто тебе сказал?

Бекан снял папаху, вытер ею вспотевшее лицо, потом начал мять ее обеими руками, словно это была не смушковая шапка, а кусок воловьей кожи, которую надо мять дня три подряд, чтобы можно было из нее сшить сыромятные чевяки. Похоже на правду. Чока долго носился по тылам противника, спасал колхозный скот. Может быть, немцы дознались, что Чока задержал тогда шпионов-диверсантов. Пощады ему не будет...

— Сказал кто видел своими глазами! Азрет Кучменов, вот кто. Он теперь командир отряда легионеров и знает все. Попадись ему в руки — заставит смотреть на мир через дырку в ярме. Он так и сделал — всех неблагонадежных, кто держал сторону Локотоша, отправил к твоему сыну — в лагерь.

— Где этот лагерь?

— Спроси Алчару. Она там копала рвы, чтобы преградить немецким танкам дорогу. Теперь пленные эти

рвы засыпают. И Чока там. Спеши, а то поздно будет. Азрет рассказывал, пленных там — целые стада. Мрут люди как мухи. Живут под открытым небом...

Бекан запричитал на манер Хабибы:

— О, день горестей! О, день, когда в дверь постучалась холера! А я думал: ушел Чока за хребет, угнал скот и ушел. Умрет Данизат, не перенесет гибели Чоки. Жив ли он? Что еще сказал Азрет?

— Видимо, жив. О покойнике нечего было бы и рассказывать. Черствый хлеб размачивает слезами. Да и не дают ему хлеба. На завтрак — кукурузный початок. Съел — и на целый день на работу. После работы, на ужин, еще один початок — и ложись в грязь. Тебя присыплет снежком. Утром примерзших к земле отдирают, если живы, а нет — так в противотанковый ров. Места хватает всем...

Седельщик едва стоял на ногах. Не хватало воздуха, прошиб холодный пот. Что делать? К кому идти за помощью? Как спасти Чоку? Может быть, упасть к ногам Мисоста? Пусть напишет справку, что Чока Мутаев не делал зла. У Бекана голова шла кругом. Сказать ли Данизат об услышанном? А если Питу соврал, чтобы нанести рану в сердце?! Надо все разузнать самому. А тут еще крыша Хабибы...

Бекан привез соломы. Хабиба помогала седельщику. Вместе крутили соломенные жгуты, привязывали солому, чтобы ветер не сдул ее. Работали молча. Хабиба не находила слов для утешения. Она сама ждала утешения. Апчара узнает — зачахнет от горя. Гибель Чоки — гибель ее надежд и любви.

— Хоровод бед. Аллах милосерден, спасет Чоку, — то и дело повторяла Хабиба.

— Да будет так! Да будет так. — Но Бекан в отличие от Хабибы не уповал на бога. Он знал, что надо действовать, но не знал как. Вернуться на ферму и посоветоваться с капитаном? Военный человек лучше знает, как быть в таком случае.

Когда крышу накрыли, Хабиба позвала старика в дом. Она подала скудное угощение: два яйца всмятку, мамалыгу. Бекан был голоден, но еда не шла в горло. Хабиба обещала сходить к Кураце. Та лучше всех знает, где что делается.

— К Кураце я съезжу сам, — сказал Бекан. — А ты

иди к Мисосту. Он теперь не посмеет поднять на тебя руку. Скажи: хочу поблагодарить своего спасителя, да не знаю, где его искать. Пусть Мисост скажет тебе, где сын Шабатуко, и мы съездим к нему вдвоем.

На том и разошлись.

На другой день Бекан обратился в немецкую комендатуру, но там ему ничего не сказали, да и не могли сказать.

— Мало ли где кого арестовывают. У нас нет списков военнопленных. Если сын в лагере около Прохладной — поезжай туда, — вот все, что сказали седельщику в комендатуре.

Около станции Прохладной оказалось несколько лагерей. У разбитого вокзала пленные восстанавливали железную дорогу. Тщетно искал Бекан Чоку среди несчастных людей, работающих под конвоем. Целый день он просидел у ворот лагеря, глядел во все глаза. Из развалин школы, огороженной колючей проволокой, выходили заключенные, строились по четыре. Конвоиры пересчитывали пленных, как баранов, кричали, отставших прикладом сбивали с ног. Голодные, изможденные, заросшие, заляпанные грязью, в лохмотьях, сквозь которые проглядывало голое тело, люди едва передвигали ноги.

У ворот их снова пересчитывали, будто кто-то мог сбежать, пока шли по лагерю.

Бекан старался не пропустить Чоку. Сам он стоял так, чтобы заключенные его тоже видели. Сына узнать среди этих несчастных трудно, но Чока узнает Бекана и голосом или жестом даст знать о себе. Пусть убьют, пусть собак натравят на него, но кто удержит Бекана, если увидит Чоку?!

Второй день Бекан дежурил у ворот лагеря. Конвоиры — немцы и бывшие пленные, добровольно согласившиеся служить немцам, — близко не подпускали к себе старика, а на его робкие вопросы отвечали бранью и угрозами. Лишь в последнюю минуту Бекан узнал, что есть еще третий лагерь, где пленных содержат под открытым небом, а днем заставляют работать «смертно». Тут Бекан вспомнил слова Питу, будто Чоку приняли за начальника штаба партизанского отряда. Где же ему быть, как не среди смертников?!

Лагерь находился далеко за железной дорогой в глу-

хой степи. Охрана располагалась в домах бывшего совхоза, а заключенные содержались за высокой проволочной оградой.

На третий день рано утром Бекан поехал туда. Сырой холодный туман окутывал степь. Его клочья летели низко над землей, словно лизали и черную дорогу, и черные поля по сторонам от нее. Временами в клочьях и клубках тумана попадались разрывы, и тогда тусклое солнце взглядывало на землю. На короткий миг загорались капли воды на поникших и переломанных стеблях неубранной пшеницы, на осыпавшихся колосьях. Начал светиться тогда и тонкий ломкий ледок на лужицах, похрустывающий под копытами коня и под колесами. Казалось, и солнце тоже что-то ищет, выглядывая на землю, как ищет Бекан, едущий по этой незнакомой, неизвестно куда ведущей дороге. Туман колыхался над землей вправо и влево, словно был на привязи. После ужасных дежурств около лагерных ворот и бессонных ночей Бекану сделалось зябко. Мозглый туман пропитал шубу и проникал сквозь нее до самого тела.

Бекан терял надежду напасть на след Чоки, но чем больше он ее терял, тем больше в глубине души надеялся на лучшее. Может, Чока и не сидит в лагере. Может, ему удалось перемахнуть через хребет. Но тогда почему Азрет Кучменов заговорил о нем? Бекан беспомощен еще и потому, что плохо у него с языком. Надо спрашивать, вступать с людьми в разговоры. По-русски еще кое-как кумекает старый седельщик, а по-немецки — ни слова.

Послышался отдаленный многоголосый собачий лай. Бекан прислушался. Лошадь, взмокшая и выбившаяся из сил, наострила уши. За туманом не видно ничего, но, судя по голосам, собак много и собаки эти — горластые овчарки. Вскоре показался поселок. Бекан вспомнил это отделение зерносовхоза, где жили девушки, соорудившие оборонительную линию. Значит, здесь немцы разместили лагерь военнопленных. Поселок, затерянный в безводных землях, состоял из двух десятков одинаковых домиков, вытянувшихся в одну улицу. Один дом побольше других, с верандой. Здесь была контора. Теперь стекла на веранде все выбиты. Бекан не рискнул выезжать на середину улицы и остановился около хижины, вросшей в землю на самом краю поселка. Над

ней курился дымок, иначе и не подумал бы, что в этой мазанке, облупленной по углам, с заклеенным пожелтевшей бумагой оконцем, живут люди. Дальше по улице около других домов стояли немецкие грузовые машины.

Седельщик осторожно, стараясь быть незамеченным, подъехал к облюбованной мазанке, постоял несколько минут, прежде чем постучаться, прислушался. Тихо. Только за поселком в тумане разоряются собаки. Оттуда доносится брань, громкие окрики. Здесь, здесь Чока. Бекан подошел к мазанке, к двери из двух грубо сколоченных досок, и негромко постучал кнутовищем.

Дверь скрипнула. Седельщик ожидал увидеть хозяйку, а вместо нее сверкнула русая головка. Ребенок, увидев незнакомого человека, юркнул назад, оставив дверь открытой. На седельщика пахнуло затхлостью, сыростью. В дверном проеме показалась женщина в зеленом армейском ватнике. Голова повязана черным платком.

Нелегко было объяснить, зачем Бекан приехал сюда. Сначала он попросился обогреться, и женщина впустила его. В комнате было почти темно. Плита едва дышала теплом. На стене Бекан разглядел шапку-ушанку и полевую сумку. И здесь кто-то стоит, подумал седельщик. Надо поскорее убираться. Женщина молча штопала носки, а мальчуган из-под одеяла не сводил глаз с гостя. Бекан казался ему страшным. В большой черной папахе, да еще сверху чем-то завязана голова. Пышные заиндевелые усы были сначала серыми, а сейчас с их кончиков капает вода. И говорит гость как-то смешно, ничего не поймешь.

— Собака много.— Бекан не знал, с чего начать.— Почему так много? Овца нет, корова нет... Кого охраняют?

Мальчонка не мог скрыть своей осведомленности:

— Кого охраняют? Собаки знаешь какие? Овчарки! Военнопленных охраняют. Злые, хуже волка. Вчера двоих разорвали...

Мать толкнула мальчика.

— Лешка, замолчи. Знаешь ты много...

— Правда, мама. Я сам видел. Пленный побежал за тыквой. Разбитую тыкву увидел. А часовой как отпустит собаку... Овчарка как накинется, и сразу за гор-

ло. Немец его пристрелил... Я сам видел. Помнишь, ты посылала меня за щепками?

— Замолчи!

Бекан слушал мальчика с замиранием сердца. Хозяйка понимала, не в поисках тепла зашел человек сюда. Разве холод загонит человека в логово хищника? Тут угодишь в пасть — не узнаешь как. Хватит того, что он с лошадыю. Увидят — его в лагерь, а лошадь собакам. Она спросила гостя:

— У тебя кто здесь: сын, брат?

— Сын.

— А-а...— Женщина помолчала.— Напрасно. Из лагеря только мертвых вывозят по ночам. На свалку, в противотанковый ров. Девушки своими руками вырыли такую могилу для своих женихов. Не одна сотня лежит во рвах. Иногда вывозят еще живых. Там добивают... Как фамилия?

— Фамиль? Мутаев Чока. Не встречал?

— Кто их по фамилии спрашивает? Командир, красноармеец — все едино. Номер есть — и довольно. Сколько их — толком никто не знает. Ноги тащат, и ладно. Свалился в грязь — попадет в ров.

— Не закапывают,— уточнил мальчик.

— Да не встречай ты. Взрослые говорят. А тебе совет: уезжай отсюда. Злые они. Что немец, что овчарка. Им душу загубить — муху придавить. Никакой жалости. Сматывайся, пока туман. И у меня здесь стоит человек,— хозяйка кинула взгляд на шапку-ушанку и полевую сумку.— Должен скоро вернуться...

— Ефрейтор.— Мальчонка приучал себя к точности.— Трупы вывозит в ров.

— Ну, ты все знаешь. Какой ефрейтор, какой фельдфебель — не разберешь... Трупы вывозит — это верно.

— В старой бане держат самых опасных. Их и на работу не вывозят. Мне ефрейтор сказал...

Среди опасных Чока — еще раз подсказало сердце.

Бекан посидел немного и вышел во двор. Туман начал рассеиваться. Сколько раз со склонов гор он наблюдал здесь, на этих просторах, рыжеватую стену облаков, обступавшую предгорье. С утра горный туман уходил сюда, накапливался, колыхался, словно какие-то силы утрамбовывали его. Вечером, как только солнце зайдет за горы, туман стремительно брал разгон и ты-

сячами щупалец отыскивал дорогу в ущелья, чтобы закрыть собой горы, леса, долины. Утром, когда солнце чуть-чуть пригреет, опять медленно, как бы нехотя, тащились клочья тумана назад. Теперь эти туманы прикрывали собой произвол, беззаконие, изменные инстинкты.

В разрывах желтого тумана Бекану открылся огромный лагерь, обнесенный со всех сторон оградой из колючей проволоки в два ряда. На углах — башни с грибами. На башнях — часовые и пулеметы. Ворота, будка, охрана. На территории лагеря Бекан не увидел никаких строений, если не считать прямоугольной коробки недостроенного здания без крыши. Лагерь показался Бекану пустым, он не увидел в нем сначала никаких людей. Вся территория — показалось Бекану — завалена ворохами гнилой соломы. Но, приглядевшись, Бекан с ужасом увидел, что это не солома разбросана по грязи, а лежат в грязи под открытым небом тысячи людей. Они сбились в кучи, чтобы согреться друг от друга, как сбивается в буран или при виде хищника отара овец.

Бекан заставил себя подойти поближе.

Сгореть в огне — страшно. Но что может сравниться с тем, что Бекан увидел за проволочной оградой? Чем можно измерить муки этих людей, примерзших к земле и медленно погибающих в навозной жиже?! Бекан забыл об осторожности, о своем коне. Если бы имел такие глаза, чтобы издали среди несчастных увидеть Чоку...

В лагере появились конвоиры. Пинками сапог, прикладами автоматов, злобными окриками они поднимали несчастных, выстраивали их в линию. Люди поднимались, с трудом отдирались от мерзлой земли, оставляя на ней клочья своих лохмотьев. Некоторые, кто еще мог выпрямить спину, поддерживали соседей. Были и такие, которых никаким пинком не поднять. Их брали за ноги, за руки и складывали в одну кучу.

На территорию лагеря въехала подвода, нагруженная доверху кукурузными початками. За подвоей шли солдаты-добровольцы. Добровольно ли они пошли на службу к немцам — кто знает, но судьба отделила их от этих несчастных, кому предстоит заполнить собой противотанковый ров, дала в их руки власть над теми, с кем они еще недавно делили одну судьбу, одну опасность и ели один хлеб. Шедшие за подвоей брали

початки кукурузы с воза и кидали их к ногам голодных людей. Те бросались на початки, хватали их, падали в грязь, жадно обгладывали, подбирали зерна, упавшие под ноги. Это и был лагерный завтрак.

Подали команду. Пленные строились по четыре. Залаяли овчарки. Конвоиры орудовали плетками, хлестали пленных как попало, понуждая их становиться в строй. Бекан подошел поближе к воротам, через которые поведут пленных. Колонна тронулась с места. Бекан искал глазами Чоку, но его не было. Седельщик глядел во все глаза, всматривался в измученные, заросшие лица, в безжизненные, лишенные надежды глаза. По бокам шли конвоиры. Из их рук рвались огромные псы, вскормленные кровью и мясом. Откуда-то в руках у Бекана оказались два кукурузных початка. Наверно, механически он подобрал их на дороге. Пленные, проходя мимо старика, показывали пальцем на початки, а потом на свой рот. Бекан догадался, бросил им. Пленные на лету поймали початки, разломали их на куски и поделили, кому досталось. Бекан побежал к двуколке. Там была кукуруза в мешке, припасенная для лошади, полмешка початков. Эту кукурузу Бекан не стал бросать в колонну, а высыпал ее у дороги, по которой шли пленные, так, чтобы несчастные могли ее подобрать.

Бекан простоял у ворот, пока лагерь не опустел. Он еще надеялся найти какого-нибудь человека, с которым удастся поговорить. Пытался даже пройти к лагерному начальству, но часовой направил на него свой автомат...

Может быть, и в этом лагере нет Чоки, с надеждой думал Бекан. Ведь из пленных не осталось ни одного человека. Ходят какие-то одиночные люди из охраны. А те, кто сложены в кучу... Если Чока среди них, то лучше уж об этом не знать. Убитый горем Бекан поехал домой. Все, что Данизат собрала ему в дорогу — сыр, яйца, лепешки, — он отдал мальчику в крайней мазанке.

ОПЕРАЦИЯ

— Нет его в лагере, — сказал Бекан жене. — Все мимо меня прошли, я не видел. Не знаю, радоваться или нет. Может быть, он не попал в лагерь, а может быть, давно уж во рву.

Душа Данизат осветилась надеждой. Значит, за хребет ушел сын. Кончится война — вернется живой и здоровый.

Но вслух Данизат не сказала ни слова. О чем говорить? Как скажет аллах, так и будет. Спасибо ему хотя бы за то, что до сих пор ни немцы, ни их приспешники не обнаружили Локотоша. Она открыла рот только за тем, чтобы сообщить мужу:

— Помирает капитан. Без памяти. Совсем плох.

Бекан поспешил на мельницу. Локотоша он нашел почти без признаков жизни. Вернее, он увидел, что жизнь капитана висит на волоске. Признаки жизни как раз были: пылающий жар, бред, пересохшие губы, мутные глаза, но не было надежды на спасение. Нужна срочная помощь, нужен медик, хирург, а где его взять? Кому доверишься, кого приведешь на мельницу, кому покажешь красного командира? Всюду рыскают холуи да наушники. И без того Бекан не живет, а идет по острому лезвию кинжала.

Дыхание больного сделалось прерывистым, на лбу выступили капельки пота, веки вздрагивали, но открыть глаза Локотош не мог.

Бекан откинул одеяло, осмотрел больного. Капитан вздрагивал и стонал.

— Терпи, терпи, капитан, — говорил старик, — я знаю, что тебе больно. Но что поделаешь? Надо повернуть тебя на правый бок, чтобы осмотреть рану.

Локотош стонал и бредил, но в сознание не приходил, поэтому Бекан мог поворачивать его сколько нужно. Он начал осторожно разматывать повязку, но повязка присохла так, что про осторожность надо было забыть. Повязку приходилось отдирать, смачивая ее теплой водой. Когда обнажилась вся спина, Бекан увидел то, чего больше всего опасался: в глубине раны под лопаточной костью образовался огромный гнойник. Рана нарывала. Вся левая сторона спины распухла, воспаленная кожа натянулась, лоснилась. Бекан заскоруждыми пальцами притрагивался к вздувшейся округлой спине, нащупывая центр гнойника. Гнойник мог прорваться вовнутрь. Локотош скрежетал зубами, стонал, вскрикивал, вздрагивал от каждого прикосновения, но из забытья не выходил. Седельщик накрыл капитана одеялом, рану пока не завязывал.

Пришла Данизат с бульоном.

— Аллах не оставит его без милости.

— Нужен здесь не аллах, нужен доктор. Где его взять?

Из головы Бекана не выходил аптекарь, одолживший деньги Ирине, но найдешь ли его? И цел ли он? Не может ли Ирина сама вскрыть гнойник? Аптекарь-то откажется, не поедет сюда, а Ирина поедет. Но пока едешь до города, пока едешь обратно... Гнойник может прорваться, и если он прорвется вовнутрь... Да и жар у Локотоша такой, при котором отдают богу душу. Заросшее щетиной лицо Локотоша заострилось, как у покойника. Видно, что не жилец.

— Съезди к знахарке, — начала советовать Данизат. — Она поможет. В прошлом году Ахмет, сын Мюслима, совсем умирал...

Старик слушал Данизат, сам что-то прикидывал в уме, вспоминал, копался в сушеных травах, молчал, сопел...

— Поезжай! Видит аллах, дня не протянет капитан...

Тут Бекан, как видно на что-то решившись, положил на сковороду горячих углей, а в угли сунул шомпол из капитанова пистолета. Взял мыло, горячую воду, травяной настой, полотенце.

— Пойдем, поможешь.

Данизат засеменила за мужем, не совсем понимая, что он задумал.

Бекан стал раздувать пламя под котлом, и в помещении сделалось немного теплее. На сковороду он насыпал свежих, пышущих жаром углей. Чтобы не обжечь руку, один конец шомпола он обмотал мокрой тряпкой. Другой конец к этому времени уже раскалился добела.

Данизат, сообразив, что собирается делать муж, носилась по мельнице, подавая ему то одно, то другое.

— Тверда ли твоя рука? — спросила она у мужа.

— Припаси печеного лука, — вместо ответа приказал Бекан. — А теперь крепче держи его голову и руки. Наваливайся на него, держи, садись на него, а то он сейчас взовьется...

Данизат как могла навалилась на горящего в огне Локотоша, но отвернулась. Видела еще, как Бекан на-

щупывает центр гнойника и как подносит добела раскаленный шомпол, а потом отвернулась. Зашипело. Заколыхался сизый дымок. В нос ударил тошнотворный запах гноя, струя которого, брызнув из-под шипящего шомпола, окатила «хирурга» и Данизат.

— Вот и все.— По тому, как он это сказал, старуха поняла, что операцией Бекан доволен.— Теперь дело за тобой, Данизат. Все обошлось хорошо. Теперь он должен выжить. Больше прикладывай печеного лука, он будет вытягивать гной наружу. Давай лук, сейчас мы его перевяжем. Хорошо еще, что Мисост забыл про меня, не требует, чтобы я искал Шоулоха. Он занят подготовкой курбан-байрама. Ищет девушек и парней для ансамбля. Девушек, может, и подберет, а парней ему не найти... Давай и ту тряпку, перевяжем, чтобы было теплее. Сейчас пойду проведаю Шоулоха. Не наткнулся ли кто на него.

Утром Локотошу стало легче. Когда он сам попросил бульону, Данизат от радости забыла о своей горе. Температура спадала. Когда седельщик вернулся от Шоулоха из пещеры в Долине белых ягнят, Локотош мог уже говорить.

— А-а, хирург,— даже улыбнулся Локотош.

— Разве плохой? Мы так лошадей лечили, когда их порежет волк. Тебя тоже волк порезал, двуногий...

— Я думал, что нахожусь уже в аду и меня начинают поджаривать в преисподней.

— О, огонь — лучшее средство. Огонь чистый, в нем никакая зараза не живет. Чока, когда маленький был, занозил ногу. Нога распухла, как барабан. Парнишка терял сознание. Таким же способом его вылечил.

Вспомнив о Чоке, Бекан помрачнел. Локотош спросил о сыне, где он, что с ним.

— Воллаги, плохо. Говорят, в лагере. Ездил — не нашел. Не знаю, что и делать. Старуха с ума сходит.

— Далеко лагерь?

— В Прохладной. Наверно, умер Чока, загубили. Это не лагерь — ад на земле. Людей там не жарят, но муки их невозможно измерить... Голоду и холоду дали волю, разрешили им проверить, на что они способны, когда люди от них не защищены. Если Чока не выдержал этих страданий и умер, уж лучше сразу конец, чем испытывать такие мытарства и мучительно ждать конца.

Локотош не мог ничего посоветовать.

— А вот подобрал на улице.— Бекан из складок папахи вынул листовку и протянул ее больному. Листовка была написана ученическим почерком.

— Наша?!

— Да. Наша. Про праздник на нашей улице пишут...— Бекан наблюдал, как радостью загораются глаза Локотоша, как намечается улыбка на заросшем лице, повернул скомканный листок бумаги другой стороной, чтобы капитан мог прочитать все до конца. Для

Локотоша это был целебный напиток, лучшее в мире лекарство.

— Поверни еще,— прошептал он, стараясь запомнить каждое слово.

— Сталин, оказывается, жив, не хочет шапки снять перед Гитлером. Чувствует силу. Воллаги, Сталин вырвет все волосы из ноздрей Гитлера, раз обещал нам победу на нашей улице. Я прав?

— Да, Бекан, ты прав.— У Локотоша кружилась голова и от боли, и от радости.— А Чопрак?

— Трухлявое дерево от ветра падает первым...

Теперь, когда жизнь Локотоша оказалась вне опасности, Бекан решил снова отправиться на поиски Чоки. Он зарезал теленка. Часть мяса оставил для больного, а остальное сварил в котле. Данизат напекла лепешек из кукурузной муки. Было несколько кур — не пожалели и их. Всего набралось два мешка еды. Найдется Чока — достанется ему своя доля, а не найдется — пусть все это будет поминками. Ведь на поминки, по кабардинскому обычаю, собирают самых бедных, нищих, несчастных, обездоленных людей. Говорят при этом, что пищу, доставшуюся бедным людям, аллах передает потом тому, кого поминают. Значит, чем беднее, тем лучше. А где найдешь несчастнее тех, кто копошится в мороженой лагерной грязи. Им раздаст Бекан эту еду, если убедится, что Чоки нет в живых. О, во все века ни у кого в Кабарде не бывало таких поминок!

Сначала Бекан решил пойти к Мисосту и выпросить у него справку о том, что Чока никакой не партизан и не начальник партизанского штаба. С этой бумагой можно съездить к Аниуару, сыну Шабатуко, а теперь адъютанту немецкого генерала. Хорошо бы разыскать Апчару, чтобы она сходила к Аниуару, если он действительно ищет ее, чтобы зачислить в танцевальный ансамбль.

Мисост сначала никак не хотел подписывать такую бумагу, но Бекан просил, очень просил, и тогда в конце концов бургомистр выдал справку, где написал: «Мутаев Чока, житель села Машуко, в Красной Армии не служил. Скотовод».

Теперь надо было найти Апчару. Бекан подозревал, что она скрывается на черепичном заводе у Курацы. Увидев Курацу, он не стал ни расспрашивать ее, ни что-

либо ей объяснять. Он просто сказал, что будет ждать Апчару на своей двуколке за мельницей. Не прошло и часа, как Апчара пришла в условленное место.

День был пасмурный, падали редкие снежинки. Апчара была одета в замусоленную и рваную телогрейку. Ключья пожелтевшей ваты торчали из многих прорех. Обута поверх сероватых вязаных шерстяных носков в тряпичные чувяки на сыромятной подошве. Пропускают воду, подумал седельщик. На голове шерстяной платок. В руки и лицо въелись сажа и кирпичная пыль. Как видно, не старалась быть привлекательной, наоборот, пыталась скрыть свою девичью статью, свежесть и цвет лица. Это ей удалось. Даже Бекан не сразу узнал ее.

Разговаривать на месте встречи не стали.

— Садись в двуколку. Дорогой поговорим.

Апчара знала, что седельщик не стал бы беспокоить ее понапрасну, поэтому безропотно, не задавая вопросов, села в коляску.

— Настоящий джигит,— одобрительно усмехнулся Бекан.— Когда джигиту говорят: «Собирайся, поедем» — джигит не спрашивает, куда и зачем. Он седлает коня и едет.

— Не с мамой ли что-нибудь? Но ведь Кураца знает все аульские новости. Она говорит, что маме ничего не грозит, что старый седельщик покрыл ей крышу соломой. Видишь, мы тут все знаем. Спасибо тебе за крышу.

— Нет, я не от Хабибы. Я к тебе за помощью пришел.

— Скажи. Я на все готова.

Бекан рассказал ей о первой попытке найти Чоку и о своих новых планах. Он покопался в складках папахи и достал заветную бумагу, подписанную Мисостом.

— Вот, читай. Если это не поможет и мы на этот раз не выручим Чоку, значит, встретимся с ним только на том свете. Данизат места себе не находит. Сама хотела ехать со мной. Но чем она поможет? Ее язык — материнские слезы, а этого языка как раз не понимают немцы. Ты — другое дело. Ты — грамотная. И по-русски, слава богу, и по-немецки тоже смыслишь.

Чтобы немного отвлечь Апчару от раздумий над предстоящим тяжелым делом, Бекан стал расспрашивать ее. Апчара охотно рассказывала.

— Сначала, когда я только перебралась к Кураце,

мы жили в ее домике, а в траншейную печь бегали прятаться от бомбежек. Но потом дом Курацы разбило, и мы совсем перебрались в печь. Разобрали жженые кирпичи, поставили стол, койки, кое-какую утварь. Там хорошо было — и тепло, и безопасно. Темно только очень, окон ведь нет. Да еще беда была с ее ребятишками. Две девочки, шести и одиннадцати лет, забирались в глубину печи, играли в прятки между штабелями. Кураца все боялась, что их завалит.

Первые дни оккупации прошли благополучно, никто нас не тревожил. Но однажды вечером пришел румын, забрался в печь с фонарями, обследовал ее, осмотрел штабеля готовой продукции и предложил всем убираться из печи. Пришлось подчиниться. Лучшие дома на заводе были заняты гитлеровцами. Кураца не нашла ничего подходящего, кроме кладовки — полуподвальной пристройки к машинному отделению. Там хранилось горючее, инструменты, запасные части к двигателю. Выбросили мы все это. В кладовке окно загорожено решеткой, но стекла нет. Задыхались от запаха керосина и мазута, но кое-как притерпелись.

В первую ночь мы положили девочек между собой, согревали их своим теплом. Я лежала поближе к двери. Всю ночь дрожали от холода, а утром у меня поднялась температура, заложило грудь, заболела голова. Я, правда, все равно встала раньше всех, хотела развести огонь в углу. Развонялось мазутом и дымом. Девочки расчихались.

Как ни крепилась я, а к вечеру меня свалило. Стало совсем плохо. Я боялась, что унесу с собой тайну о гибели Аслануко, и рассказала Кураце все, как это было. Ей сначала показалось, что я брежу. Но я была в ясном сознании, а историю с сапогами, что Альбиян подарил Аслануко, трудно было придумать. Кураца долго убивалась от горя, не находила себе места, вечерами садилась у порога и долго выла, сочиняя песню-плач о погибшем сыне.

У Курацы не было никаких запасов на зиму. Завод, где она работала формовщицей, заглох. Все, кто мог эвакуироваться, побросали свое имущество и подались неизвестно куда. Небольшой огород, выделенный месткомом завода за карьером, был засажен картофелем. Но солдаты опередили нас и выкопали картошку.

Однажды к Кураце пришел румын-толстяк. Видно, что не рядовой, но и не офицер. Потом я узнала, что фельдфебель. Он насвистывал веселую песенку, а сам заглядывал во все уголки в кладовке. Увидал в кувшине несколько яиц и сразу оживился. Выбрал все яйца, рассовал их по карманам, не переставая насвистывать.

Кураца хотела поднять шум и отнять яйца, но куда там!

Румын достал из-за пазухи какой-то листок и протянул его вместо денег.

Кураца выхватила эту бумагу, скомкала и со злостью бросила в угол.

Когда румын ушел, я подняла листок, распрямила его и прочла. Это оказалась наша листовка. Выдержки из речи Сталина, произнесенной в годовщину Октября. Фраза «Будет и на нашей улице праздник» напечатана большими буквами на весь листок. На другой стороне — сводка Совинформбюро за четырнадцатое ноября.

Кураца не могла понять, почему я радуюсь.

— Это дороже золота, Кураца! — говорю я ей. — Речь Сталина! Ты понимаешь!

— А не крючок?

— Какой крючок?

— Может, толстяк хочет подцепить нас с тобой на этот крючок, как карасей. В огонь его!

— Нет! Надо переписать ее и расклеить. Пусть люди знают правду.

Так вот мы и начали размножать листовки.

Предприимчивый фельдфебель приносил листовки чаще, чем несущки Курацы успевали нести яйца. Иногда он давал их даром. А когда эта торговля исчерпала себя, фельдфебель нашел другой выход. Он предложил Кураце реализовать готовую черепицу, оставшуюся в печи. Десять плит — одно яйцо. За каждую тысячу фельдфебель обещал «комиссионные» по своему усмотрению. И я вошла в пай. Вдвоем с Курацей мы теперь продаем черепицу. Кураца находит покупателей. В ауле после бомбежек редко у кого уцелела крыша. На мне лежит погрузка и отпуск черепицы. Был спрос и на кирпич. На зиму многие захотели сложить печи.

Фельдфебель поставил дело на широкую ногу, за отдельную плату выделил двуколку для доставки товара на дом. Я обрадовалась этой работе. В траншейной пе-

чи я скрыта от посторонних глаз. В расположении румынских зенитчиков Мисосту в голову не придет искать меня. В глубине траншейной печи между штабелями кирпичей можно спокойно переписывать листовки. А сегодня Кураца сказала, что ты ждешь меня около мельницы.

Апчара помолчала и вдруг спросила:

— О Локотоше ничего не слышно? Чопрак пал. Кураца утверждает, что капитан на Шоулохе перемахнул через Кавказский хребет.

Седельщик смутился. Он знал, что капитан Апчаре не меньше дорог, чем Чока. Сейчас узнает, что он на мельнице, и ринется к нему, вместо того чтобы ехать выручать жениха.

Но врать седельщик не мог и рассказал все как есть, в том числе и про хирургическую операцию. После этого старик и девушка ехали молча. Двухколка мягко катилась по укатанной проселочной дороге. Впереди за оврагом показался Нальчик, притаившийся под лесистой горой. За эти дни на склонах горы появились плешины. С наступлением холодов гитлеровцы начали рубить деревья в лесопарке, не решаясь углубляться подалее в лес.

ТРУПОВОЗ ФЕДЯ

Где находится немецкая комендатура, Бекан уже знал. Во всем городе, наверное, не было человека, который со страхом и трепетом не глядел бы на небольшой, дачного типа, коттедж со шпилем, утопающий в садах. До войны эти сады были местом отдыха. В тени деревьев прогуливались влюбленные пары. Местечко называлось Затишье. И оно оправдывало свое название. В первые годы установления Советской власти в этом домике отдыхал Сталин. Немцы заняли его не потому, что коттедж исторический, им он просто приглянулся, было что-то немецкое в его архитектуре. В доме отдыха, где полтора месяца тому назад размещался штаб армии, немцы разместили свой войсковой штаб, а в этом коттедже — комендатуру. Гестаповцев привлекало еще и то, что дом расположен за городской чертой, а поблизости от него есть глубокий ров, поросший кустарниками. Можно было не рыть могил. Этого рва хватило бы, чтобы захоронить всех. Немцы ставили обреченных над самой кромкой об-

рыва, и то, что начала пуля, доделывали каменные выступы, на которые, ударяясь, падали раненые люди.

Ручей, журчавший по дну глубокого оврага, покрылся розовым льдом. До оккупации в эту балку спускали отходы мясокомбината. От этого вода в речке была красной. И теперь, глядя на розовый цвет ручья, впадающего в Чопрак у самого моста, путники недоуменно спрашивали: почему река красная? Опять работает мясокомбинат? Задумались об этом и Бекан с Апчарой.

По городу пошли слухи, будто немцы собираются всех татов — горских евреев — положить на дно этого оврага. Татам запретили выезд из города. Некоторые таты надеялись на то, что немцы их считают кабардинцами, и сами везде говорили, что они кабардинцы. Но немецкие специалисты по расовому вопросу свое дело знали.

Сначала массовому истреблению татов помешал праздник освобождения — немцам не хотелось его омрачать кровавой акцией, а потом Красная Армия нанесла два чувствительных удара: в районе Орджоникидзе и Моздока. Немцы понесли большие потери и вынуждены были значительно потесниться. А тут еще партизаны стали устраивать смелые вылазки из ущелий. Непокойно стало и в Нальчике. Партизаны действовали и против немцев, и против их приспешников из местного населения.

В Верхних Куратах рано утром появилось верхом на ишаке чучело бургомистра. В вытянутой правой руке бургомистр держал большой лист бумаги с надписью: «Хайль Гитлер!» Он сидел задом наперед и левой рукой держался вместо поводьев за ишачий хвост. Авторы этой шутки, видимо, знали легенду, согласно которой кабардинцы, истребив сборщиков дани крымского хана, труп одного из сборщиков отправили в ханский дворец верхом на ишаке. На этот раз вестник печали сидел на ишаке в образе бургомистра.

Голова «бургомистра» повисла, а ноги были крепко связаны под брюхом ишака, чтобы чучело сохраняло сидячее положение. Палка, просунутая в рукав, не давала согнуться руке, держащей плакат.

Люди шарахались от чучела, а ишак медленно брел по улице.

Мисост, услышав об этом, затосковал. Он усилил охрану своего дома и управы. Если ночью он шел один,

то стрелял в воздух через каждые двадцать шагов. Ему казалось, что так он распугивает партизан, которые охотятся за ним, идут по следам или устраивают засаду. Но умные люди сказали Мисосту:

— Ты не только попусту тратишь патроны, но и обнаруживаешь себя. Ночью не видно, кто идет, а стрельбой ты заранее даешь им знать...

Мисост согласился, но без охраны не делал ни шагу. Теперь он жалел, что уборную поставил слишком далеко от дома — у самой улицы, как это делали раньше только князья. Это щекотало его самолюбие. Но теперь Мисосту было не до престижа — он чувствовал близость партизан и ждал возмездия.

Между тем Бекан и Апчара подъехали к комендатуре. У подъезда они увидели крытые машины, мотоциклы, легковые машины и даже коней под седлом. У ворот часовые с автоматами. Коттедж раньше был огорожен ажурным штакетником, теперь забор сверху донизу опутан колючей проволокой, а поверху тянется еще и спираль. Ни подойти, ни подъехать. Бекан решил больше не показываться в этом доме. Он остановился поодаль, бумагу, что вымолил у Мисоста, отдал Апчаре.

— Встретишь сына Шабатуко, скажи, что Чока — твой брат, близкий родственник. Пусть его генерал подпишет бумагу. Одно слово пусть напишет: «Освободить». Не бойся, иди смело — аллах поможет тебе.

Апчара боялась. Кураца ей рассказывала, что сын Шабатуко ищет Апчару и хочет записать ее в ансамбль. Но та же Кураца советовала ей не высовываться даже в окно. Ее ищут по всем аулам, а теперь она явится сама, собственной персоной: берите меня.

Часовой, сурово преградивший дорогу Апчаре, долго вглядывался в бумагу, но и умеющему читать по-русски нелегко было бы разобраться в каракулях Мисоста. Так ничего и не поняв в записке, часовой пропустил девушку к коменданту.

Апчара с трепетом переступала зловещий порог. Многие уже переступали через него, но только в одну сторону. Обратной дороги не было. Апчара ждала и надеялась, что вот-вот навстречу ей попадет сын Шабатуко. Но и этой встречи она боялась. Неизвестно, как он встретит дерзкую Апчару. «А-а, — скажет, — это ты прячешься от меня! А теперь сама, как куропатка, лезешь в силки?»

Хабибу я пожалел, это верно, но с тебя я возьму полной мерой». Когда Апчаре представилась вся эта сцена, она едва не повернула назад. Но уже возникла перед ней дверь с надписью на русском и немецком языках: «Временный комендант города Нальчика». Остановилась, чтобы отдышаться и успокоиться, иначе не хватило бы сил выговорить ни одного слова.

Комендант оказался пожилым светловолосым мужчиной. Апчаре показалось даже чудно, что она видит живого немца так близко от себя и что немец этот похож на обыкновенного человека: тонкие губы, серые глаза, лоб нависает над переносицей, а нос нависает над ртом.

— Можно? — с нарочитым кабардинским акцентом спросила она, когда уже переступила порог.

— Хайль Гитлер! — Комендант выбросил вперед руку не столько для приветствия девушке, сколько из стремления внедрить среди местных людей новую форму приветствия, принятую в его стране.

Апчара поняла это иначе. Она подумала, что ее гонят вон, потому что немец показал рукой на дверь. Она испуганно попятилась назад. В ее руке дрожала бумага.

— Што есть бумага? — спросил гитлеровец другим голосом. Он шагнул к ней и взял записку.

— Бургомистр подписал.— Апчара была уверена, что комендант знает всех бургомистров, а тем более Мисоста, живущего в соседнем ауле.

Комендант, держа бумагу, вынул из кармана монокль.

Апчара только на плакатах видела капиталистов в черных цилиндрах и с моноклями. Немец ловко вставил монокль в глазницу и стал читать... Язык Мисоста не блистал ясностью, но комендант, видимо, уловил суть.

— Ты кто есть ему?

— Сестра. Чока Мутаев — мне брат. Двоюродный. Близкий родственник. Очень просим, господин комендант. Отец очень старый. Мать очень старая...

— Оши старый, оши старая.— Комендант взглянул на Апчару.— Почему ты не есть оши старая?

Апчара не знала, как ответить. Она смутилась и побледнела. Попыталась построить предложение, но немецкие слова куда-то улетучились из памяти.

Комендант понял это и обратился к своему запасу русских слов.

— Этот шеловек — есть ваш родственник?

Апчара утвердительно кивнула головой.

— Ви есть абориген — кабардинка?

Апчара снова закивала головой, хотя не понимала, что значит слово «абориген».

Комендант вертел в руке бумажку.

— Он больной, умрет...

Немец встал из-за стола.

«Хочет схватить меня», — от этой мысли Апчара задрожала сильнее, чем бумажка в пальцах у коменданта.

Немец подошел к карте, висевшей на стене, ткнул пальцем в точку, где написано: «Прохладная».

— Ваш родственник здесь?

— Да. В Прохладной. Животновод он. Не военный. Его даже в Нацдивизию не взяли. Не доверили...

— Не доверили? — Комендант обернулся и уставился на Апчару удивленными глазами.

— То есть взяли сначала, потом исключили...

Комендант решил, как видно, воспользоваться случаем и поговорить с девушкой местной национальности, войти к ней в доверие. Потом она расскажет своим о высших целях германского рейха. Это очень важно накануне большого события — праздника освобождения, намеченного по распоряжению генерала Руффа.

— Наша цель — освободить маленькие народы, — начал Линден свое внушение этой девушке с испуганными глазами и простодушным лицом. — Германия — друг малых народов, освободитель. Она хочет освободить малые народы из-под большевистского гнета и покончить с жидовско-комиссарским произволом... — Комендант не скупился на слова, чтоб охмурить девушку. Он достал из папки обращение германского командования к горским народам. Население оповещалось в нем о формировании представительской власти из людей местного населения, названной «гражданской администрацией». Провозглашалась свобода вероисповедания, обещалось равенство, восстанавливалась частная собственность на землю, упразднялись колхозы и вместо них рекомендовались десятидворки. Лучшие земли обещались тем, кто хорошо проявит себя в «установлении нового порядка». В листовке уже похоронена Советская власть. Когда Линден дошел до «близости окончательной победы над больше-

визмом», голос его несколько изменился, стал глуше, утратил первоначальную уверенность. Это и понятно. Все знали, что на немцев обрушился сокрушительный удар у Эльхотовских ворот. Но комендант снова повысил голос, когда дошел до «великого праздника освобождения» малых народов.

Наконец Линден снял монокль.

— Ви поняли листовка?

— Да, да. Все поняла.

— Ви это поддерживаит?

— Разумеется.

— Корош девушк.— Линден сел на свое место и испытующе поглядел на Апчару, потом снова уставился в бумагу.

— Поставьте, пожалуйста, резолюцию.— У Апчары щеки выбросили два ярких красных флажка, глаза налились слезами, дрогнули углы губ.

— Айн резолютион? — Линден понимал, что от него требуют.— Пожалуйста...

Комендант на чистом поле в конце текста, пониже кривых букв, из которых состояла подпись Мисоста, написал одно лишь слово «прюфен» и расписался.

Апчара чуть не выхватила письмо из рук коменданта, боясь, как бы он не раздумал. Она встала, чтобы уйти.

— Фюрер есть друг Кабардинии, Балкарии, Чечении. Большой друг есть. Понимайт?

— Понимаю.— Апчара дрожала всем телом.

Через минуту она уже бежала мимо часового, и ее никто не остановил.

...Апчара старалась представить себе лагерь, где томится Чока, но в ее воображении вставали только пионерские лагеря с палатками.

Бекан всю дорогу расхваливал хозяйку мазанки и уверял Апчару, что она примет их как близких родственников. Бекан прихватил для нее вяленое мясо — баранью ногу. Такое подношение, конечно, раздобрит ее, и хозяйка разрешит им остановиться и переночевать у нее.

Это радовало и Апчару. За долгую дорогу она так продрогла, что не раз слезала с двуколки и бежала следом, чтобы хоть немного согреться. Она бежала и повторяла вслух немецкие слова, которые знала. Только теперь она пожалела, что плохо учила немецкий язык

в школе. Если б знать, как будет необходим этот язык, учила бы его не только ради экзаменов.

Вопреки ожиданиям Бекана, хозяйка мазанки приняла гостей очень холодно. Правда, белокурый мальчонка сразу узнал старика, побежал ему навстречу, блестя глазенками, надеясь на что-нибудь вкусненькое. Его матери не хватало решительности сказать гостям: «Уходите от моего дома», но и приглашать в мазанку она не приглашала. Бекан сразу вытащил все гостинцы.

Женщину смягчило не столько мясо, сколько вид девушки, посиневшей от холода.

— Заходите, коли так,— наконец промолвила она. В темной мазанке за ужином женщина рассказала Бекану и Апчаре о своем постояльце — лагерном труповозе, который вернется с дежурства после двенадцати ночи. На кровати — новая постель, там и спит постоялец. Женщина с мальчиком спят на большом кованом сундуке.

После ужина стали ждать возвращения постояльца: хозяйка со страхом, а Бекан и Апчара с надеждой и тревогой. Апчара все-таки верила, что ее бумага с резолюцией коменданта стоит много.

Когда время подошло к двенадцати, хозяйка вышла на улицу. Видимо, она хотела предупредить постояльца, подготовить его к неожиданной встрече.

За дверью раздался шум. Первой в избушку вошла хозяйка, а за ней ввалился мужчина лет тридцати, одетый в немецкую форму, с белой повязкой на рукаве — знак лагерной охраны. На боку увесистый парабеллум оттягивал не очень туго затянутый пояс. Все обмундирование на «добровольце» было немецкое, за исключением сапог. Это понятно: на территории лагеря непролазная грязь, по ней не походишь в немецких ботинках.

— Вот он — постоялец мой. Поговорите. Он тут все знает,— сказала хозяйка Апчаре, а потом обратилась к постояльцу: — Федя, его сын томится у вас... Старик горемычный так убивается, глядеть больно...

Ожесточившийся труповоз не поздоровался, не подал никому руки, хотя Апчара шагнула ему навстречу и несмело протянула свою маленькую руку. Он сел на табурет и ястребиными глазами впился в старика. Потом перевел взгляд на девушку.

— Командир, комиссар, рядовой?

— Никто он. Чока Мутаев — его имя и фамилия. Не командир и не комиссар, даже не рядовой. Гражданский. Никогда не служил в армии. Скотовод. В горах, на альпийских пастбищах его схватили.

— А тебе он кто?

— Брат, — неуверенно ответила Апчара. Если бы в комнате было светло, охранник увидел бы, как зарделись щеки Апчары. Но в ее голосе он уже уловил фальшь.

— Твой отец? — Труповоз головой мотнул в сторону старика.

— Отец...

Доброволец больше не стал ни о чем спрашивать. Он снял куртку и бросил ее на постель. Чуть не погасла коптилка. Пламя затрепетало, потом выпрямилось. Трудней оказалось снять сапоги. Левым носком парень зацепил задник правого сапога и, низко нагнувшись, пальцами рук нажимал на сапог, облепленный грязью, кряхтел, надувался.

По кабардинскому обычаю, Апчара соскочила с места:

— Разрешите, я потяну...

Доброволец удивился, взглянул в лицо девушки.

— Спасибо. Я сам.

Но Апчара уже схватила огромный сапог. Только сейчас она поняла, как он грязен. Потянула к себе. Охранник упирался в пол другой ногой, чтобы не съехать с табурета, но все же плюхнулся на пол и рассмеялся. Засмеялась и Апчара. С одним сапогом кое-как справились. Охранник размотал портянку. Она была совсем мокрая.

Апчара потянула за второй сапог и не рассчитала усилий.

— Стой! Так ты и ногу мне оторвешь.

Апчара залилась смехом:

— Я нечаянно.

Это развеселило всех.

Хозяйка воспользовалась неожиданной переменой настроения.

— Федь, помоги. Видишь, сердешные какие!

Охранник сопел. Апчара ждала с замиранием сердца, что скажет Федя, вытирала руки. Она готова была

притащить все, что они привезли, накормить, напоить охранника, но тот молчал. Потом, отсопевшись, начал бурчать:

— Легко сказать: помоги. Пойди там разбери, кто Мутаев, кто Питаев. Тысячи их. Ни имен, ни фамилий никто не знает. Номер — и все. Может быть, его давно нет в живых...

До сих пор Бекан все крепился, но стариковские нервы наконец сдали. Сначала он только делал вид, что собирается плакать, чтобы разжалобить охранника, но вдруг сорвался и зарыдал в голос, колотясь лбом о собственные колени. Мальчик с перепугу юркнул за сундук и тоже заплакал.

Апчара успокаивала как могла:

— Папа, милый, не надо, папа. Мальчик пугается. Слезами разве поможешь.

Бекан и сам хотел бы успокоиться, но не мог совладать с собой. Плечи его тряслись, голова стучалась о колени, папаха, которой он тер глаза, взмокла от слез, а он все еще выталкивал из себя: ах-ах-ах-ха-ха-х, ох-ох-ох-хо-хо-х! Все молчали в избушке, не мешая старику выплакаться. Постепенно он затих, перестал рыдать и заговорил на своем языке, так что понять его могла одна Апчара.

— Клянусь аллахом, аллаха нет. Был бы аллах, не допустил бы такого душегубства. Свет померк на земле. Люди потеряли свое обличье. Окаменели сердца. Люди топчут людей, пьют друг у друга кровь. Разве это война? Только ликом они схожи с людьми. Волчьи сердца и волчья кровь течет в их жилах...

Доброволец мрачно поглядывал то на старика, то на девушку. Слезы Бекана не тронули его, наоборот, вызвали злобу. Он и так целые сутки провел в аду, замерз, оголодал, а тут еще — непрошеные гости. Ему бы сейчас завалиться и заснуть, забыть все кошмары, от которых он скоро сойдет с ума.

Бекан от волнения перешел на такой русско-кабардинский язык, что даже Апчара лишь отчасти понимала его. Она не менее взволнованно, торопливо добавляя от себя, начала переводить охраннику путаную речь Бекана.

Бекан хотел сказать: «Мой добрый сын, люди рождаются от людей. Звери рождаются от зверей. На земле

нет ничего священной, чем материнское молоко. Ты человек. Оставайся человеком, будь верен материнскому молоку. Тебя родили не звери, а люди. Они наверняка добрые люди. Им хотелось, чтобы их сын походил на них. Ты будешь походить на них, если поймешь мое горе, поможешь мне, старику, выволить единственного сына. Других детей у меня нет. От тебя зависит, будет ли продолжаться мой род или никто больше не станет зажигать огонь в моем доме, когда меня не будет в этом мире. Помоги мне, сын. Убеги и ты вместе с моим сыном. Не служи врагу. Я укрою тебя от их глаз. В пещерах тебе будет слаще, чем у них. Захочешь, потом вернешься к нашим. Захочешь — живи в ущельях, пока земля очистится от зверей. А она очистится обязательно. Ком грязи на колесе держится, пока колесо не закрутится быстрее...»

Пока старик успокаивался, Апчара достала из мешка бутылку с аракой, чурек, сыр и курицу. Она сразу налила большую кружку араки и протянула охраннику.

Парень, которого хозяйка называла Федей, взял помятую цинковую кружку, но пить не торопился. Он понюхал и опустил руку. Уставился в пол. Видимо, слова старика чем-то задела его черствое сердце. От простых человеческих слов он отвык. С волками и жил по-волчьи.

— Пей, сынок. Воллаги, там нет яда, — сказал Бекан, боясь, что доброволец подозревает отраву. Бекан хотел в подтверждение своих слов глотнуть из кружки, но кружка была опрокинута залпом. Доброволец вытер губы и закурил, Апчара пододвинула ему курятину.

— Я, кажется, знаю твоего сына, — неожиданно сказал доброволец. — Его захватили вместе с работниками НКВД. Когда гитлеровцы дознались, что в их руки попали не простые военные, а работники НКВД, к ним было проявлено «особое» внимание. Их привезли на крытой машине. Все они были одеты очень прилично — новенькое обмундирование комсостава. Им сразу принесли тряпье и приказали переодеться, а затем поставили к стенке со связанными за спиной руками. В самую последнюю минуту кто-то приказал не торопиться с расстрелом. Видимо, о них следовало доложить по инстанции. Узников затолкали за баню, в яму для воды. Охране было приказано не выводить их даже на работу и не спускать с них глаз. Я сам бросаю им в яму утром че-

тыре початка кукурузы и четыре початка на ужин. Должен был приехать следователь гестапо, но почему-то до сих пор его нет. Смертники,— заключил доброволец, взял курицу и, придавив окурок каблуком, стал есть.— О твоём Мутаеве говорят, что он начальник партизанского штаба.

— Никакой он не начальник,— стала убеждать Апчара.— Он начальник штаба пастбищ. И вовсе он не работник НКВД. У нас каждую весну гоняют скот на горные пастбища. Вот он и следил, чтобы каждый колхоз держал свой скот на отведенных ему участках. Поддерживал порядок среди животноводов, занимался снабжением их, и только. Если не верите, вот, у нас даже есть документ.— Апчара достала бумагу, на которую они так надеялись, и протянула добровольцу.

Федя в одной руке держал курицу, а в другой — бумагу. Поднес ее к коптилке, пробежал по коряво написанным строчкам, но бумага вызвала у добровольца только ироническую усмешку. Он ее вернул, как никчемный лоскут.

— Больше повредит, чем поможет.— Налил еще самогону в кружку и выпил.

— Неужели невозможно доказать, что Чока не работник НКВД? Можно же расспросить,— наивно подсказывала Апчара.

— Кого? О них донесли, что они важные птицы.

— Федь, неужели ничего нельзя сделать? — вмешалась хозяйка.

Доброволец молчал и ел.

«Все пропало,— думал Бекан,— резолюция, на которую возлагалось столько надежд, оказывается — пустая бумажка. Лбом скалу не расшибешь».

Когда бутылка опустела, доброволец стал обуваться.

— Ну вот что. Я пойду. Попробую. Надо сначала выяснить кое-что.

— О, аллах видит! Аллах запомнит твою доброту!

— Ждите меня. Но не высываться. Нос обрежут!

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

Время остановилось. Бекану не сиделось на месте, и он, несмотря на запрет, несколько раз выходил на улицу. Темно, словно накрыли тебя черной буркой. Слышен

собачий лай. Бекан сквозь ночной мрак старается увидеть хоть что-нибудь. Падает редкий снег. Слышно, как жуёт Пох, фыркает, разгребая мордой сено в двуколке. Кто-то едет. Нет. В стороне проскрипела груженная подвода. Везут очередную партию трупов, подумал Бекан. Федя как провалился. Неужели где-нибудь спит после сытной еды и самогона? Старика начинало знобить, и он заходил в дом.

— Не видно? — теряла терпение и Апчара.

— Воллаги, провалился сквозь землю...

— Придет, — успокаивала хозяйка. — С виду он суров. А сердцем участливый. Хоть он и называется доброволец, но не по доброй воле подался к ним. По ранению. Труповозом значит. Говорит, в Керчи попал в плен.

Апчара вспомнила Локотоша, рассказывавшего о керченской катастрофе. Сам Локотош переплыл пролив на бревне.

Хозяйка показала журнал «Дранг нах Остен». В середине журнала большая фотография. На фоне бесчисленных пленных Гитлер обнимает генерала, руководившего, как видно, операцией на полуострове. Хозяйка показала на пленного, отмеченного крестиком. Это и есть Федор Мисочка. Пленный стоял без гимнастерки. Правое плечо перевязано. Мисочка хранил журнал как доказательство, что он попал в плен по ранению. Апчара смотрела на фотографию и не могла взять в толк, как такое множество людей может оказаться в плену.

Коптилка колышется, трудно разглядывать на фотографии лица. Хозяйка прилегла около мальчика и затихла. Апчара и Бекан стали переговариваться шепотом. Плита остыла. Мерно посапывает мальчонка. Что-то бормочет во сне.

Апчара вспоминала Ирину. Давно не видела ее, соскучилась по Даночке. Знает ли Ирина о листовке, об обещанном празднике? Кураца рассказывала, как Мисост готовится к фашистскому празднику, хочет собрать весь аул. У него теперь есть любимая фраза: праздник похоронит праздник. Значит, праздник Октябрьской революции будет похоронен праздником «освобождения».

Постепенно все путается в мозгу Апчары, туманится, расплывается. И вот уж два праздника кажутся двумя скакунами, вышедшими на старт. Она не раз бывала на

ипподроме в Нальчике. Скачки — любимое зрелище кабардинцев. Все бросают они в день скачек, чтобы посмотреть своими глазами, как один колхоз старается утереть нос другому, выставить своего скакуна, выращенного где-то в секрете.

В зыбком воображении Апчары один скакун — вороной, черный демон, джинн — злой дух, это — гитлеровский праздник. А другой — вовсе не белый конь. Но Шоулох с целым облаком гривы и острыми, как у мышки, красивыми ушами. На Шоулохе скачет сама Апчара. Она знает его норы, и жеребец ей послушен. Апчара первая в заезде. Она несет в руке праздник — большую ветвь лесного ореха, как это бывает на свадьбах. Даночка, откуда ни возмись, выбежала навстречу: «...тетя Апа! Ты скачешь лучше всех, как мой папа. Правда, теперь придет и мой папа?» — И Даночка дарит Апчаре цветочек — желтенький одуванчик. Она любит собирать цветы. Хабиба говорит дочери: людей радуешь — и люди будут тебя радовать. Неси и дальше праздник, неси к адыгейцам, черкесам, осетинам, чеченцам, неси всем. Шоулох — могучий конь, хватит сил у него. А Даночка уже кричит: «Тетя Апа, я тебе желтенькие цветочки собираю. Ты их передай моему папе». Ветер бьет в лицо, черные кудри Апчары смешались с густой гривой коня. Шоулох несет ее над пропастью в горах. Внизу в глубине ущелья светится чешуей спина реки. Оттуда доносится гул. На пути встают черные скалы. На гребнях скал истерзанные сосны и березы зывают к помощи обрывками крон. Это не деревья. На скалах простоволосые Кураца, Хабиба, Ирина. Сколько их, этих женщин, застигнутых бурей в каменных теснинах... Апчара летит, «скоро, скоро будет праздник во всех ущельях — засверкает солнце...» Апчара хочет крикнуть, но голоса нет, она не слышит собственных слов...

Скрипнула дверь. Старик привскочил. Он думал, через порог переступит сам Чока. Встрепенулась и Апчара. Вошел Федя.

— Как? — одновременно спросили Апчара и Бекан.

Труповоз раздевался молча. Он и не слышал вопроса, не видел волнения людей. От него несло сыростью, холодом, трупным запахом. Апчара уловила и запах самогогонного перегара, а махорку-то она всегда унюхивала за двадцать шагов. Чем только не несет от труповоза!

«Может быть, он уже отвез Чоку в противотанковый ров»,— подумала Апчара. Она слышала сквозь сон тархтенье груженной подводы. По телу прошла дрожь.

Полицай сел на табурет.

— Сматывай отсюда, старик, пока сам не откинул копыта. Дело пахнет жареным.

Бекан ничего не понял. Он спросил:

— Мой сын живой?

— Доходит,— не спеша, но твердо ответил Федор.

Даже Апчара не знала, что значит «доходит», куда доходит.

— Не выдюжил, стало быть,— участливо заговорила хозяйка.— Мороз, слякоть, голод. Кукурузы и то вволю не дают. А в листовках писали: переходи в плен со своей ложкой и котелком. Зачем им ложка и котелок? Скотине и то солому на подстилку дают. А эти вмерзают в землю, а утром их отдирают... Кто же вынесет такие страдания?

Эти слова понял и Бекан. Старик уткнулся носом в свою папаху. Так он делал, когда рыданья подкатывали к горлу.

— Подожди. Еще успеешь, наплачешься. Я отыскал его... Зовут Чока?

— Да. Мутаев Чока.

— Жив. Валяется в яме за баней.

Бекан задрожал, хотел упасть к ногам труповоза, обнять их, оросить вонючие его сапоги слезами мольбы. Парень остановил его жестом и высказал все свои соображения.

Чоку не только вывезти за пределы лагеря, но и поднять на ноги почти невозможно. Лежит в яме. Голод и холод сделали свое. Но у Федора созрел план. Старик и девушка поблизости от лагеря только помешают ему. И так уже спрашивали: «Что за лошадь стоит у твоей квартиры?» Лошадь охранники могут съесть. Пусть старик и девушка сматываются отсюда, уедут куда-нибудь подальше и ждут в условленном месте. Трудно, конечно, надеяться на счастливую встречу отца и сына. Пленный доходит, вряд ли сможет двигаться, а бежать тем более. Но Федор Мисочка исполнит свое обещание. У гестаповцев он не на подозрении. Последнее время он вывозит трупы даже без конвоя. Если задобрить охрану самогоном, отварными курами, бараниной, сыром, лепешками,

можно заполучить дружков. Голодают не только заключенные. И охране случается переходить на подножный корм. Безвкусовые концентраты, скудные нормы. Мисочка не может точно сказать, когда ему удастся запрянуть Чоку под трупы и вывезти к противотанковому рву, но он попробует это сделать, чтобы хоть немного загладить свою вину за подневольную службу у немцев. Одежду, что старик привез для сына, он заблаговременно бросит в ров. Чока переоденется и исчезнет в ночной мгле.

— Переводи ему.— Бекан обратился к Апчаре, не веря в спасение сына и с трудом сдерживая рыдания.— Переводи: он — как мой сын — Чока. Пусть придет ко мне. Я найду им тайные пещеры, буду кормить мясом и хлебом, пока не придут свои. Сто собак приведут немцы — не найдут. Есть у нас такие пещеры в горах.

— Твой сын знает, куда надо идти?

Вопрос был уместен. Чока не знает, что дом разбомблен и мать с отцом переехали на молодежную ферму в Долину белых ягнят. Если он явится в аул, его сразу схватят и если не расстреляют на месте, то снова отправят в лагерь.

Доброволец поблагодарил старика за приглашение. Кто знает, может быть, он и воспользуется им. Мисочка сам думает о побеге, но пока еще ничего не решил. Надо выждать, сориентироваться в обстановке и на местности, чтобы охраннику не оказаться в положении охраняемого.

— А записку можно ему написать? — загорелась надежда в душе Апчары.

Труповоз подумал.

— Напиши маленькую и вложи в лепешку. Если не разжует — прочтает.

Апчара села у коптилки. На подоконнике лежала тетрадка. Апчара оторвала четверть листка.

— Хватит?

— Потом скрутишь ее папиросой.

Апчара писала мелким почерком, стараясь сказать побольше, а главное — куда идти. Не дай бог попасть на глаза Мисосту, хотя он и подписал прошение в комендатуру. Неизвестно, как он посмотрит, если узнает, что Чока сбежал. Доложит Бештоеву и — до свиданья, «каспулат», как говорят в ауле, все дело пропало.

Лучше всего Чоке явиться на кирпичный завод. Там можно отсидеться в дымоходной траншее.

Апчара писала по-кабардински и то намеками, чтобы никто ничего не мог понять, если записка окажется в чужих руках. В кабардинском обычае есть так называемый язык корней. Крона дерева широко раскидывается под солнцем, радуется, шелестит листвой, шумит на ветру, свистит, колыхается, волнуется. А корни? Корни в земле. Они безмолвны и неподвижны. Но свою радость и свое волнение они выражают молчаливым повторением разветвления сучьев, ветвей, всей кроны. Одно выражается в другом, хотя одно на другое не похоже. «Языком корней», языком иносказаний и аллегорий пользуются влюбленные. Апчара в своей маленькой записке показала, что она хорошо владеет этим языком.

С низовий Терека дул сырой, пронизывающий ветер. Бекан и Апчара распрощались с хозяйкой и вышли к двуколке. Ночь чернее черной собаки. Бекан тщетно добивался от своего «благодетеля» сказать: когда приблизительно ждать Чоку? «Не знаю. Дело покажет» — и только. Апчара согласна с этим, если только дело действительно «покажет». Доброволец взял записку, скрутил ее в трубочку и положил в коробку с немецкими сигаретами. Сверточек получился как раз с сигарету величиной. Доброволец обещал одно — из тех продуктов, что они привезли, Чоке достанется немалая доля. А «дело покажет» означало, что Чока не передвигает и ноги. Если его предварительно не подкормить, он не пройдет и пяти шагов — свалится в грязь и погибнет.

Да, доброволец знает Чоку Мутаева. Оказывается, совсем недавно он даже помог ему. Чока, ложась спать, кладет под себя пять кукурузных стеблей. Это заменяет ему матрац. С «матраца» Чока никогда не сползает, да и сползти трудно, потому что люди лежат вплотную, обогревая друг друга. А укрывается Мутаев куском циновки. Эта циновка досталась ему, можно сказать, по наследству. У старика, который попал в лагерь за то, что прятал у себя раненого командира, циновка была молитвенным ковриком. Пять раз в сутки становился старик на циновку и обращал свою молитву к аллаху, умолял всевышнего обрушить на головы немцев самое страшное наказание.

Аллах не торопился, а старик умер. В последние минуты он прохрипел завещание: молитвенный коврик — Чоке Мутаеву. Теперь Чока прикрывался и от дождя и

от снега этим ковриком. И вот один заключенный пытался отнять у Чоки циновку. А Чока не хотел ее отдавать. «Ты же доходяга, без нее скорее дойдешь, а я еще на ногах, работаю, она мне нужнее», — говорил тот. В их спор никто не вмешивался. Действительно Чока доходяга, дни его сочтены. Но Федор Мисочка, оказавшийся поблизости, прекратил спор, и Чока сохранил циновку.

Недавно в лагерь поступила партия «новеньких». Это бывшие воины Нацдивизии, отказавшиеся повиноваться Якубу Бештоеву, когда новоявленный «правитель» Чопракского ущелья приказал всем вступить в отряд легионеров. Среди них оказались люди, знавшие Чоку. Их вызвали на допрос, чтобы выяснить, действительно ли Чока Мутаев — начальник партизан. Немцы никак не могли взять в толк, что значит «штаб пастбищ», поэтому Чока все еще оставался в строгой изоляции. Ему не позволяли выходить из цементированной ямы старой бани.

Лагерная администрация пыталась усилить охрану за счет «новеньких», но никто из них не захотел взять в руки оружие против своих. Трое из них были расстреляны «при попытке к бегству». Добровольцев служить в охране немцы нашли среди заключенных, случайно отбитых у конвоя. При наступлении немцев на восток в сопровождении тюремной охраны эвакуировалась партия заключенных — сто человек. Немцы настигли их в пути, немногочисленную охрану перебили, а заключенных не распустили, как следовало ожидать, но завернули в свой лагерь, чтобы разобраться, кто за что осужден. Заключенных держали отдельно в совхозном гараже. Каждый день их водили на работу на железнодорожную станцию. Один раз в день им полагалась даже горячая пища.

В этой отбитой партии оказался Мухтар Казухов, тот самый парашютист-диверсант, которого схватил Чока Мутаев в Долине белых ягнят. Встреча с ним для Чоки могла бы стать роковой. Казухов был самым сведущим консультантом по делам этих заключенных и самым лютым и озлобленным.

Судьба свела Чоку и Мухтара за проволочной оградой как раз в тот момент, когда пленным выдавали кукурузные початки на обед. Мухтара Казухова в этот день лагерная администрация отправляла по требованию

комендатуры в Нальчик. Случайно он оказался вблизи от Чоки Мутаева.

Чока сразу узнал его, но сделал вид, что не заметил, и отвернулся. Зато Мухтар не узнал Мутаева. Чока настолько изменился, что не только Мухтар Казухов, родная мать Данизат не узнала бы его. Заросшее черной щетиной лицо изуродовано, в ссадинах, кровоподтеках и гнойных царапинах. Веки воспалены, глаза словно ошпарены кипятком — красные и безжизненные. Руки и ноги почернели, в язвах, одежда вся залеплена грязью, пропиталась навозной жижей и от мороза превратилась в панцирь непонятного цвета.

Мутаев, боясь новой встречи с ненавистным человеком, старался не показываться из ямы. Он узнал о Чопракском ущелье от новеньких и махнул на судьбу рукой. Падение ЧУУ не оставляло надежды на спасение.

Вот почему доброволец не может сказать, когда он вывезет Чоку из лагеря. И сейчас его можно положить вместе с трупами. Доходяг разрешают иногда вывозить и добивать лопатой. Таких он вывозил. Но сколько дней понадобится, чтобы поднять Чоку на ноги, — Федя сказать не мог.

— Как ты думаешь, не обманет он? — спросил Бекан, когда отъехали, и не стало слышно лагерных собак, и в тумане уже не полыхал расплывчатый свет прожекторов.

— Надо сходить еще к Якубу Бештоеву, главе гражданской администрации...

— Якуб, как князь Атажукин, теперь правитель Кабарды и Балкарии.

— Немцы поставили.

Ехали в темноте. Не видел ничего старик и полагался лишь на чутье Поха. Степь безмолвствовала. Лишь под копытами Поха трескался тонкий лед. Старик думал: ни доброволец, ни хозяйка не проводили их хотя бы до двуколки, не сказали им напутственных слов. Значит, не жди ничего хорошего.

Апчара ехала молча. Она почему-то поверила, что труповоз вызовет Чоку из-за колючей проволоки. Теперь, когда начала сказываться усталость от всей этой поездки, а напряжение спало, Апчара думала о Локотше. Бекан то ли угадал ее мысли, то ли и сам беспокоился о больном, заговорил ни с того ни с сего.

— Йоду хорошо бы достать. И пластырь..

В сознании седельщика обе тревоги — за сына и Локотоша — переплелись между собой, питают друг друга. Вдруг тревога за жизнь капитана вспыхнула сильнее. В горах рыскают всадники. Они могут наскочить на Локотоша или на жеребца, спрятанного в пещере, пока Бекан тщетно пытается освободить Чоку из лагеря. Не лучше ли ему поскорее вернуться на ферму? Данизат не сможет ничего предотвратить. Как бы она своей неосторожностью не навела волка на след.

— При глубокой ране лучше пластырь. Печеный лук быстро остывает и не вытягивает.

— Данизат присматривает за ним?

Седельщик понял, что Апчаре хочется самой быть у постели больного. Он рад бы привезти ее на ферму. Будет помощница у старухи. Данизат почти все время одна. Кроме воя шакалов, ничего не слышит. А на ее плечах и больной, и жеребец, и уход за коровами. Бекан мотается по дорогам, а старуха только успевает поворачиваться. Но все же Бекану не хотелось, чтобы Апчара жила рядом с капитаном.

— Справляется. Капитану что теперь? Не застудить рану да набираться сил. Дорога над черной пропастью позади. Приеду — забью теленка. Телятина быстро поставит его на ноги. И Чока вернется — мясо должно быть наготове. Крепкий бульон лучше всяких таблеток. Я и тебя не забуду, дочка. Приеду за тобой, как только будет возможно. Как бы Мисост не стал нам поперек дороги. Я знаю, он ищет тебя. То ли в танцевальный ансамбль к празднику метит взять, то ли это у него приманка, чтобы выманить тебя из укрытия... Лучше не попадаться ему на глаза...

— Такой приманкой пусть заманивает других. Чтобы я танцевала на их празднике! Пусть лучше ноги перебыют!

— Я тоже так думаю.

— Вот этот праздник поднимает на ноги и мертвых. — Апчара нащупала под воротником листовку, что дал ей Бекан.

Бекан боялся, как бы Апчара не наделала глупостей.

— Смотри, дочка. В горный поток прыгнуть легко, выпрыгнуть не каждому удастся. Ударишься о валун головой — заставишь мать горько плакать.

Седельщик отпустил вожжи и предоставил лошади самой выбирать дорогу. Только ее чутье могло помочь. Несколько раз он слезал с двуколки, ходил вокруг, искал дорогу и опять забирался на свое место.

Стало светать. Бекан ждал, когда откроются горы. Привычное дело — ориентироваться по вершинам. И Апчара по ним определяет время. А Хабиба, становясь на молитвенный коврик, всегда сначала отыщет в гряде гор свою вершину, чтобы стать к ней лицом, словно за этой горой лежит священная могила пророка.

Туман как прирос к земле, движется медленно. Но утро шло, и наконец поверх тумана показались белые вершины гор, которые тут же загорелись розовым светом. Сердце седельщика наполнилось благодарностью к Поху. Все-таки лошадь доказала свою принадлежность к кабардинской породе — не забыла обратной дороги, не заплуталась в ночи.

Когда подъезжали к Нальчику, лошадь выбилась из последних сил. Она едва тянула двуколку, дышала тяжело, ввалившиеся бока вздувались и опадали, белая пена падала на дорогу. Лошадь останавливалась, переводила дух, оглядывалась усталыми и молящими глазами, затем, не дожидаясь кнута, сама трогалась с места. Бекан понимал лошадь, не подстегивал ее, не торопил.

У въезда в город их остановил военный патруль. Сонные солдаты заглянули в двуколку, обшарив ее, спросили:

— Зачем в город?

— К новому князю на поклон. Якубом его кличут.

К неудовольствию Поха, солдаты слишком мало продержали его у шлагбаума. Дорога пошла в гору мимо торговых баз, разгромленных и разграбленных. И все же улица в этом месте была живописна. Огромные липы, растущие по обеим сторонам улицы, соединили могучие кроны над проезжей частью, образуя тоннель. Только что выпал снег, и над улицей стоял белый шатер.

Ирина еще грела в постели своим теплом Даночку, когда под окном у нее затарахтела двуколка. Не хотелось вылезать из-под теплого одеяла, но постучали в дверь. Ирина съежилась от страха, прижалась к ребенку, будто Даночка могла спасти ее от беды. Прежде чем отворить, она подбежала к окну. Увидела двуколку, Бекана, Апчару и тогда уж без страха открыла дверь.

● ГЛАВА ШЕСТАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

Бекан решил сходить к Якубу Бештоеву, только не был уверен, примет ли новоявленный правитель простого седельщика. Но оказалось, что, пока Бекан ездил в Прохладную, Бештоев сам несколько раз посылал за седельщиком. Он даже опасался, не убежал ли старик через «окно в небо», хотя и знал, что перевал завален снегами, нужна дивизия, чтобы расчистить дорогу.

Якуб Бештоев восседал в кабинете Зулькарнея Кулова. Обстановка тут не очень изменилась. По-прежнему стоял длинный стол для заседаний, большой письменный стол из красного дерева с зеленым сукном. Кто-то, правда, успел вырезать большой кусок этого сукна. На маленьком столике, на котором при Кулове в два ряда стояли шесть телефонов, сейчас был только один телефон, полевой, в черной пластмассовой коробке. Над головой правителя — портрет Гитлера, рядом портреты немецких маршалов. Кто они такие — Бекан не знал. С пола исчез узорчатый ковер — украшение куловского кабинета.

Якуб Бештоев сидел, развалясь в куловском кресле. На правителе была новая форма керосинового цвета и новенькие немецкие знаки различия. На животе большой пистолет, кобура расстегнута.

Бекан сразу насторожился, как только узнал, что Бештоев его разыскивает. Он вспомнил старую притчу. Один верблюд говорит другому: «Тебя шах зовет, иди скорее». «Куда торопиться? — отвечает верблюд. — Вряд ли шах зовет меня есть плов. Наверно, нашлась какая-нибудь работа».

«Не для того зовет меня Бештоев, — подумал и Бекан, — чтобы освободить Чоку из лагеря. А вот что ему нужно?»

Якуб начал беседу издалека. Расспросил о делах в ауле, потом перешел на сырье, на материалы для седел: кожу, серебро, березовую выдержанную древесину. Ничего этого у Бекана не осталось. Все сгорело вместе с домом, когда угодила бомба. Разговор перешел на Шоулоха.

— По моим сведениям, — строго заговорил Якуб, — элитный жеребец находится по эту сторону хребта. Остается выяснить, где он спрятан. Скоро его найдут и приведут ко мне. К этому времени нужно седло. В день праздника освобождения мы преподнесем жеребца вместе с седлом немецкому командованию, генералу Руффу. Учти, седло должно быть не хуже того, что ты сделал командиру Нацдивизии, а намного лучше. Возможно, что со временем твое седло попадет в берлинский музей. Понимаешь?

Якуб не говорил, что немцы сами прослышали о необыкновенном жеребце и потребовали от главы гражданской администрации найти и доставить Шоулоха. Якубу хотелось выглядеть не исполнителем чужой воли, а вождем.

Бекан воспользовался случаем замолвить слово о Чоке.

— До седла ли мне сейчас? Сын погибает в лагере. Какая кожа должна быть на людях, чтобы выдержать такие беды?.. — Бекан прижал папаху к лицу.

Якуб взялся за телефон. Седельщик думал, что он сейчас позвонит насчет Чоки, но Бештоев заговорил о другом. Он распекал кого-то и приказывал найти и доставить к нему аптекаря с медикаментами.

— Из-под земли его извлечь и доставить живым и невредимым. Мы его заставим раскопать свой клад. — Положив трубку, Якуб добавил, как бы поясняя Бека-

ну: — Спрятал медикаменты, понимаешь? Но мы его заставим, найдем... Так сын, говоришь, в Прохладной?

— Как скотина в загоне. И кормят, как скотину, — кукурузой в початке.

— Сколько дней надо, чтобы сделать седло? Настоящее кабардинское. С инкрустацией на луках, с золотой насечкой на позументах?

— Недели три, если стоящее...

— Конечно, стоящее. Седло сломается — считай, и голова твоя сломалась.

— Как же я возьмусь за такое дело? Мне не из чего сделать седло.

— Разве я спрашиваю: возьмешься ты или не возьмешься? Не ты берешься за это. Тебя заставляю я. Это моя воля. Мой заказ. Не хочешь — я найду другого. Но учти, ремни для этого седла я вырежу из твоей кожи, подушку набью твоими волосами. Не хватит — добавлю косы твоей старухи. Стриженным пойдешь в тот же лагерь к своему приемышу.

Бекан совсем приуныл.

— Инструмента никакого у меня нет...

Якуб встал, вышел из-за стола, поглядел в окно, почти сплошь заклеенное бумагой, потом повернулся к седельщику:

— Слушай меня и запомни, Бекан. Нам лучше договориться по-хорошему. В долгу перед тобой не останусь. Три недели на седло — много. До праздника освобождения остается мало времени, потому что перенесли его. В твоём распоряжении пять-шесть дней. Но не больше. А сократить можешь, и это даже в твоих интересах. Сделаешь — попробую освободить Чоку...

— Не проживет он, не дотянет...

— Тогда не взыщи. Значит, так было угодно аллаху... — Якуб сел на свое место, облокотился на стол и стал ждать согласия седельщика. Ему казалось, что старик не понимает всей его силы и власти. Ничего... постепенно поймет. Локотош тоже не хотел считаться с ним, пытался соперничать. Пришлось убрать его с пути и установить контакт с немецким командованием, договориться о почетной капитуляции. Вчерашние враги стали друзьями, а население ущелья благодаря его, Бештоева, мудрости избежало уничтожения, голодной смерти и всех бед, которые обрушились бы на него, если бы оно про-

должало сопротивление. Из воинского гарнизона создан отряд легионеров, или добровольцев, как иначе называют их. Этот отряд брошен на борьбу с партизанами. Заслуги Бештоева немцы оценили высоко. Его поставили во главе гражданской администрации, принявшей на себя обязанности по самоуправлению и налаживанию хозяйства. Якуб уверен, что Локотош или убит, как об этом доложил Кучменов во всех подробностях, или, истекая кровью, добрался до партизан. Не исключена возможность, что он еще встретится с ним, сведет счеты, раздавит его всей силой своей неограниченной власти. Еще немного — немцы продвинутся вперед, обойдут Кавказ с востока, ворвутся, наконец, в Баку, и Якуб окажется в глубоком тылу, сосредоточит в своих руках всю полноту власти, и тогда он заставит врагов ползать на животе.

Бекан хотел показать Якубу бумажку с резолюцией, но, вспомнив слова труповоза, раздумал.

— Чока мало светлого видел в жизни. Не было у него удачи...

— Теперь от тебя зависит — выйти ему на свет или расплыться в грязи, как конский помет... Согласен?

— Подумаю.

Беда не ходит в одиночку. Что теперь делать? Сына выволять из ада или Локотоша скорее поставить на ноги, чтобы он стал рукой возмездия? Он не даст врагу оседлать кабардинского скакуна. Надо жить, чтобы бороться, чтобы враг не топтал твоих детей, не гноил за проволочной оградой. Бекана бросило в жар, на лбу выступил пот. Ему уже не хотелось плакать, чтобы разжалобить Якуба. Вспомнились слова Хабибы: если друг тебя обидел — плачь, простительна твоя слеза, если враг тебя обидел — смейся и гляди ему в глаза. И Бекан мог бы заставить себя смеяться, но не ко времени смех. Якуб хитер, надо ему противопоставить свою хитрость.

— Не «подумаю» надо отвечать, а — «есть, сделаю!». Вот твой ответ.

Бекан встал.

— Аллах все видит. Поведит — сделаю.

— Ты прав — аллах не без удовольствия глядит, как Чока обгладывает кукурузные початки, словно собака старую кость.

Седельщик ничего не сказал. Встал и пошел из кабинета. В нем проснулось удивительное чувство — жажда борьбы. Он понял: мольба, слезы — не оружие, готовность погибнуть — не доказательство мужества. Позор ляжет на его голову, если немецкий генерал оседлает элитного жеребца. Если Шоулох попадет в Германию, уйдут вместе с ним честь и совесть Бекана. Седельщик не забыл слов Кулова: Шоулох — брови народа, тебе поручается сберечь эти брови — украшение лица.

Скорее на ферму. Если жеребец еще в укрытии, надо его запрятать подальше.

Бекан не стал даже завтракать у Ирины. Он всего на несколько минут зашел к ней, чтобы предупредить Апчару.

— Настал час, когда волю собственные рога в тяжесть, — сказал он, — беда повела хоровод... Мне надо спешить на ферму.

Напрасно Апчара уговаривала старика взять ее с собой. Бекан сам понимал, что она нужна, но не хотел рисковать ее жизнью. Вокруг фермы рыскают якубовские люди, обшаривают теснины и пещеры в поисках Шоулоха. Они не побрезгуют позабавиться такой девушкой. А узнает Мисост — сразу придет за ней своих молодчиков. Там неизвестно, в ансамбль ее или еще куда-нибудь...

— Мне Ирина дала бинты, йод и пластырь, все есть у меня. — Апчара смотрела на седельщика глазами, полными слез. Она все-таки верила добровольцу и хотела увидеть Чоку. Ему наверняка понадобится ее помощь. Не из постели его извлекут, а из могилы. А там еще Локотош. Как он после операции...

Бекан все это понимал.

— Я за тобой приеду, когда надо, — были последние его слова.

Апчаре он показался изменившимся: стал суровей, сосредоточенней и собранней. Раньше чуть что — лицо в папаху — слеза прошибает, а сейчас в глазах сухо, губы сжаты, усы как бы приподнялись и торчат торчком.

— А лекарства отдай мне. Спасибо Ирине.

Когда седельщик был уже за городом, он пожалел, что не позавтракал у Ирины. Сам он мог перенести голод, но лошадь едва плелась. Бекан разговаривал с лошадью и с самим собой:

— Беда гонится следом — об отдыхе думать некогда. Тяни, Пох. Рад бы тебе дать отдохнуть, да не могу... Доедем до Чопракского ущелья, я отблагодарю тебя за усердие. Сенца свежего дам, половину на теплой воде замешаю, в теплое стойло поставлю. Тяни, только тяни, не оставляй меня на дороге.

Пох словно понимал человеческую речь. Он шел быстрее. Бекан подумал: не завернуть ли ему в аул за материалом для седла? Кожа дома еще найдется. Нет. Пусть немецкий генерал катится на животе по валунам, а руки Бекана не сделают для него седло. На ферме валяется чье-то старое седло. Седельщик возьмет его, разберет и будет копошиться, делая вид, будто мастерит седло по заказу Якуба, тянуть время, пока не вернется Чока, если только суждено отцу и сыну свидеться на этом свете.

Оказывается, беда заглянула и на ферму. Данизат встретила Бекана в слезах. Вчера Мисост прислал солдат вместе с Питу. Они зашли в хлев, вскинули автоматы и перебили коровам ноги. Нашелся один сердобольный, который кинжалом перерезал горло животным. Солдаты затащили на грузовик коров и уехали. На ферме остался только один больной теленок. Его не заметили, потому что он лежал в отдельном закутке. И это еще не все. Сегодня утром на ферму налетели всадники во главе с Азретом Кучменовым. Данизат поняла: они ищут Шоулоха. Азрет долго расспрашивал Данизат: где Бекан, зачем он уехал, когда вернется? Не видела ли она Шоулоха, или, может быть, слышала от мужа что-нибудь о жеребце?

— Не по жеребцу у меня болит голова, — отвечала им Данизат. — Сын в земном аду, взывает к помощи. Помогли бы мне спасти Чоку, аллахом заклеяменного. Разве Бекан вызволит его? Кого разжалобят слезы? Старик сам ослаб духом и телом, вот-вот свалится где-нибудь на дороге бед...

— Свалиться на дороге — это не самая худшая смерть.

Азрет ходил вокруг дома, выскивая следы от конских копыт.

У Данизат замирало сердце от страха. Ей казалось, что Азрет пойдет на мельницу. Заметив протоптанную по свежему снегу тропу, он спросил, куда ведет эта тропа.

— Куда она может вести? К реке. Водопровода-то не успел колхоз сделать. Сколько раз на дню приходится тащиться с ведрами! То телятам, то коню. И мы со стариком не без воды живем...

Азрет сделал несколько шагов по тропе. У Данизат от страха закружилась голова. Но, слава аллаху, Азрет не пошел дальше. Тропа в самом деле спускалась к Чопраку. Только внизу, по-над рской, она поворачивала к мельнице, скрытой в глубине теснины.

Сегодня как раз полегчало Локотошу. Он сам без помощи Данизат присел на постели, глянул на старуху ласковыми благодарными глазами и что-то говорил. Данизат ни одного слова по-русски не поняла, но сердцем чувствовала, что Локотош говорит что-то приятное, доброе. Данизат была счастлива, когда больной взял из ее рук ложку. До сих пор она кормила его, как маленького ребенка — с ложечки.

Все беды приподнялись, как черные облака над горами, когда Бекан сказал:

— Обещал один. Отпустят Чоку.

Данизат затрепетала, задрожала от радости, вздрогнули морщинистые углы рта.

— Аллах пощадил! День с Чоккой равен вечности без него. Ах, Чока, Чока. Дай аллах тебе крепкие ноги, чтобы они донесли тебя до моего очага.

Зато у Бекана подкосились ноги, когда он узнал о визите Азрета. Этот толстяк многоженец неплохо знает пещеры. Не раз он находил украденный у него скот в ущельях-лабиринтах, о существовании которых редко кто знал. Конокрады когда-то прятали краденых лошадей в этих приютах. Самой природой они созданы такими, что проезжаешь мимо и не видишь их, а заберись туда, обнаружишь то тут, то там и лошадей, и коров, и даже новые арбы, тачанки, увезенные бог знает откуда. Азрет наверняка обследует эти ущелья, потом пойдет по теснинам, пещерам, даже лежбищам туров. И Локотоша надо перевести с мельницы куда-нибудь.

Бекан посоветовался со старухой и решил ночью на двуколке перевезти больного в ту же пещеру, где и Шоулох. Конь и джигит должны быть вместе. В случае чего Локотош может сесть на коня и уйти от опасности. Не найдется у Бештоева коня, который догнал бы Шоулоха.

Капитан нашел это разумным. Ему трудно еще было двигаться, но он понимал опасность своего положения. Бекан своей поездкой в лагерь может навести волка на след. Побег узника, которого они держат под строжайшим наблюдением, не может не всполошить всех их. Миссост знает о поездке Бекана. Этого достаточно, чтобы сюда примчались гестаповцы, обнаружив побег.

Ночью произошло переселение. Локотош мог уже вставать, подходить к жеребцу, опираясь на палку, трепать своего друга по гладкой шее. Жеребец вздрагивал, перебирал ногами, махал хвостом, тихо ржал, как бы зовя седока в дорогу. Застоялся конь. Сколько уж времени Бекан не выводил его из темной пещеры, боясь попасться кому-нибудь на глаза.

А на ферме уж которую ночь не спит Данизат, ждет Чоку. Засвистит ветер или скрипнут ставни — Данизат присядет в постели, ловит каждый шорох. Вчера ночью были шакалы. Данизат заставила старика взять вилы и выйти на вой. Может быть, это Чоку обложили хищники, не дают ему идти. Сама Данизат стояла с фонарем «летучая мышь» у дверей, чтобы старику было не так страшно.

Рассветает — Данизат стоит на горке и глядит по всем сторонам. С каких склонов, из какой долины пойдет Чока? Увидит темную точку где-нибудь на снегу, кличет старика: иди, не Чока ли лежит на снегу? Может быть, он совсем выбился из сил.

Иногда старуха попрекает себя. Зачем она по живому сыну устроила поминки? Не поймет ли это аллах как отказ матери от сына?.. Нет, Данизат вспомнила кабардинское поверье: если устроят по ошибке поминки по живому человеку, значит, человек этот будет жить долго.

Однажды утром Данизат подала завтрак Бекану, а сама пошла с ведрами к реке за водой. И в эту ночь она не спала. Старик уже сомневается, что увидит сына. «Обманул, видно, доброволец, — думал Бекан, — на его ребрах жиром отложились поминки, а теперь он посмеивается над одураченным стариком». Данизат зачерпнула два ведра воды и хотела уже нацепить ведра на крючок коромысла, как вдруг кто-то окликнул ее:

— Мамаша, постой!.. — Из-за мельницы вышел вооруженный человек. Данизат уронила коромысло и сама чуть не упала в реку.

Она не успела сказать ни слова, как из-за камня шагнул еще один человек.

Ни по облику, ни по голосу невозможно было узнать, что это Чока. Только материнское чутье подсказало Данизат, что это сын. Данизат бросилась к нему, обняла, заплакала.

— Сыночек мой...

— Нана...

Федор стоял, не мешал им.

Это Федор, заметив на ферме всадников, уговорил Чоку переждать где-нибудь, не идти на ферму, чтобы не попасть в руки врага. Это могла быть и лагерная охрана, бросившаяся по их следам. Чока и Федор решили покараулить кого-нибудь на тропе, ведущей к реке. Кто-нибудь придет к воде. Так оно и случилось. Пришла Данизат.

— Сын мой, живой...

Данизат еще не знала, как Чока шел, и дошел ли бы он, если бы не Федор, который не только вывез его под трупам, будто на свалку, но и сам бежал вместе с ним, тащил на себе обессиленного от голода и болезней Чоку.

Старуха поднялась на берег реки, повернулась лицом к ферме и замахала руками, как крыльями. Ей не пришлось долго звать старика. Бекан увидел знаки и бросился к ней.

— Я думал, мать, что тебя крылья радости поднимут в небо!

Первым старик обнял Федора.

— Беда хотела забрать у меня единственного сына, но ты вернул мне двух. Ты — первый, ты старший сын, Чока — младший, он твой брат. Два лезвия одного кинжала — родные мои сыновья.

Через час Федор и Чока были в пещере у Локотоша.

ПО МЛЕЧНОМУ ПУТИ

Бештоев торопился со своим заказом и прислал Мисоста узнать, как идет дело. Бургомистр пожаловал на ферму не только для того, чтобы поглядеть седло. После побега Чоки и исчезновения охранника в лагере произошел переполох. Немцы, обнаружив побег, перешерстили весь лагерь, заставили пленных перебрать трупы

в противотанковом рву. Факт побега оказался неопровержимым. Нашлись виновники из лагерной охраны, которых разжаловали и бросили за колючую проволоку.

В поисках беглецов гестаповцы прибыли в аул. Мисост перепугался, думал, что сейчас предъявят ему справку с его подписью и скажут: «Ходатайствовал об освобождении — полезай в душегубку». Но гестаповцы ничего не говорили о злополучной бумаге, которую он легкомысленно подмахнул. Они даже не знали, что Бекан приезжал в лагерь. Мисост убедил немцев, что Мутаев не родной, а приемный сын Бекана и что не станет Бекан укрывать у себя Чоку. Гестаповцы, может быть, и зацапали бы Бекана, если бы Мисост не сказал им: «По заказу главы гражданской администрации Диданов, известный мастер седельных дел, делает редкое седло для генерала Руффа, освободителя Кабарды и Балкарии».

Гестаповцы не рискнули сорвать такой важный акт и оставили Бекана на свободе.

— Как с седлом? Кончаешь? — спросил Мисост, уверенный, что Бекан оценит его услугу.

Бургомистр казался мягким. «Бойтся,— думал Бекан,— как бы не сочли его соучастником побега, ведь он подписал справку о Чоке». Но истинная причина была в другом. От сына Шабатуко, с которым Мисост виделся у Якуба Бештоева, он узнал о неустойчивом положении на фронтах. Просочились слухи о сплошном потоке войск, идущих по Дарьяльскому ущелью. Под Моздоком советские войска нанесли сильнейший удар и немцы понесли тяжелые потери. Оттуда продолжают поступать раненные в госпитали, размещенные в санаториях Нальчика. Оживление боевых действий на Кавказском фронте связано с переходом Красной Армии в наступление под Сталинградом. Советские войска на Кавказе активными боевыми действиями, видимо, хотят отвлечь на себя силы противника и не дать ему маневрировать. Мисост успокаивал сам себя и Бекана.

— Фура знает об этом. Даже предвидел. Он просто выманивает остатки Красной Армии из укрытий, как сусликов, чтобы прихлопнуть их, как только они выползут из норок... Стратегия!

Бекан слушал внимательно. Вспомнил слова из листовки: «Будет и на нашей улице праздник». Скорее бы поставить на ноги Чоку и Локотоша. Они уже помышля-

ют об уходе. Локотош не раз шутил: «Доедим телка — и в поход». От телятины, от свежего воздуха, от того, что обрели свободу, ребята набираются сил не по дням, а по часам. Локотош уже самостоятельно ходит. Он у них за старшего. Федор Мисочка ухаживает за своими новыми друзьями. Из укрытия пока не выходят. Опасно.

Бекан не знал, что за «стратегия» у Гитлера. Мисост тоже не очень понимал это слово. Он его подслушал у Якуба Бештоева и козырял им теперь для пущей важности.

— Москва стоит? — спросил осторожно Бекан.

— Сровняли с землей. Одни трубы... Но стоит вроде.

Бекан больше не стал спрашивать, а бургомистру не очень-то хотелось говорить об этом.

— Смотри — заказ к празднику!

Седельщик чуть не спросил: «К какому же это празднику?» — но вовремя спохватился и сказал:

— Пожалуй, да.— Помолчал, подумал и добавил: — Закончу к празднику...

— Бештоев оценит твою услугу. Представит тебя генералу: «Вот кто сделал чудо-седло. Бекан — золотые руки». Мисост краем глаза взглянул на седельщика.— Кабардинцы по голове шапку подбирают, по коню и седло. Тут иначе пойдет. Бештоев так и сказал Кучменову: «Ты упустил жеребца, ты его и найди. Из-под земли достань, но без Шоулоха не возвращайся».

Бекан знает, что Мисосту принадлежала другая идея: соединение в аулах немецких форм хозяйствования с патриархальным укладом кабардинцев. «Ничто так не подходит нам, как десятидворка,— говорил на сходе Мисост.— От века кабардинцы держались каждый своего рода. В роду от пяти-шести до десяти-двадцати дворов. Поэтому надо взять как хозяйственную единицу — род или два, смотря по количеству дворов в одном роду». Говорят, немецкий генерал похвалил Мисоста и назвал его мудрым стариком. Ему поручили распределить колхозную землю по десятидворкам, но только не давать земли тем, кто не выполняет обязательств по отношению к германским властям, нарушает распоряжения германских властей или является политически ненадежным или неподходящим для индивидуального землепользования. Землю стали делить на полосы с тем, чтобы каждая десятидворка обрабатывала свою землю сообща.

— Азрет не заезжал к тебе? — спросил бургомистр седельщика.

— Заезжал.

— Да. Трудное дело. Якуб требует — приведи ко мне Шоулоха, а иначе не возвращайся. Объявил вознаграждение тому, кто найдет элитного жеребца, — пять тысяч рублей.

— А ты не ищешь?

— И я ищу. Но скорее не жеребца, а кобылку. Ищу, кто написал вот эту бумажку. — Мисост извлек из-за пазухи тетрадный листок, испещренный ученическим почерком, и протянул его седельщику. — Читай. Висела на двери сельской управы.

Бекан нехотя взял бумажку, прочитал первые строки. Он узнал листовку, узнал и почерк. Небрежно вернул листок:

— Без очков не вижу.

— Воллаги, видишь. — Мисост не мог больше играть в благодушного бургомистра, приехавшего по поручению Якуба с одной-единственной целью — проверить, как выполняется заказ правителя. — Если ты слаб глазами, как наносишь насечку на позументы и стремяна? Все ты видишь, старик. Разве этот почерк тебе ничего не говорит? Это — рука Апчары, твоей будущей снохи. Я установил это точно. Взяли кипы школьных тетрадей. Двое суток сличали. А я и так догадывался. Ну вот, Бекан, посмотри теперь на себя, каким волком ты выглядишь. Из лагеря бежали люди — незримые следы ведут к тебе, в твоё логово. Исчез в горах жеребец Шоулох — говорят, от Бекана он не скрылся. Листовки стали обнаруживать то на дверях сельской управы, то на столбах у мечети, подозрение падает на твою... правда, еще не сноху, и дай бог, она не будет ничьей снохой... Но знающие люди опять показывают на тебя: ищи там!

— Ищи, Мисост. Обыскивай меня. Может быть, получишь вознаграждение пять тысяч.

— Зачем мне самому искать? На это есть люди. Найдут. Найдём и беглецов, и жеребца, и твою Апчару.

— А что скажет сын Шабатуко? Забыл его слова?

— Не забыл. Когда он узнает, чем занимается эта красавица, сам наденет на нее петлю. Не в пещерах ли она размножает листовки? Смотри, не откупишься ты седлом. Даже самым искусным...

Мисост уехал. Он был уверен, что нагнал страху на седельщика. Теперь ночей спать не будет, а седло сделает в срок.

Бекан и действительно встревожился, но не седло было причиной его тревоги. Он понимал, что все висит на волоске и надо немедленно рассказать обо всем «трем богатырям», обитающим в пещере. Пусть принимают решение. Хорошо, если Мисост никого не оставил для слежки за Беканом. Что им стоит выследить старика, а значит, найти пещеру, и Шоулоха, и беглецов, и капитана. По многим причинам надо им уходить. Еще и по такой простой причине, что через пару дней им будет нечего есть. Телятина на исходе. Хлев опустел. Кукуруза кончается. Трем мужчинам нужно столько, сколько хорошей бригаде косарей...

С наступлением сумерек Бекан с Данизат добрались до пещеры.

Разливая густой бульон и раскладывая в миски горячие куски телятины, Бекан пересказывал бургомистровы новости и угрозы. Весть о посещении бургомистра «гарнизон пещеры» принял по-разному. Федор Мисочка сразу сказал:

— Надо сматываться.

Чока, хоть у него и появился на лице румянец, был еще слишком слаб для нового похода. Но при одной мысли, что можно снова попасть в лагерь, у него шевелились волосы на голове. Ему не хотелось стать обузой для друзей. В горах незанятая рука и та кажется лишним грузом. Легко ли тащить на себе больного человека, если хочешь уйти от погони. Придется карабкаться по скалам, переходить из ущелья в ущелье, пока не наткнешься на партизан. Чока молчал.

— И не позднее, чем сегодняшней ночью,— согласился Локотош с Мисочкой.— Хватит нам санаторного лечения. Не то захлопнут единственную дверь — и точка. Попадемся в руки Якуба — он отведет нам лучшее место в лагере.

— С перспективой передислоцироваться в противотанковый ров.

— Вот именно. Труповозом тебя уже больше не делают.

Чока услышал смешинку в голосе Локотоша.

Локотош съел все, что было в миске, обглодал кость, вытер руки.

— Итак, военный совет в Филях, то есть в пещере, заседает. Мнение старшины Федора Мисочки — смотреться.

— Под покровом ночи, — добавил Федор.

— А что думает Багратион? — Локотош не терял чувства юмора. Он обратился к Чоке, которого как-никак роднило с Багратионом кавказское происхождение.

— Что молчишь, Чока? Или высокогорный «санаторий» тебя больше устраивает? Прошу учесть, что наш «санаторий» может обернуться семейным склепом или простой мышеловкой.

— Кто его будет тащить? Тебя самого надо тащить. — Бекан заговорил раньше Чоки, но тут же смутился и замолчал, чтобы не подумали, что сыну можно в пещере оставаться, а его друзья должны уйти. Он торопливо добавил: — Придется мне навьючить его на Поха, как старый бурдюк. Уйдем подальше в горы, там каждый камень — защита от пуль. Как-нибудь доберемся до перевала. Оттуда вниз легче будет идти. Азрет Кучменов не станет шарить в камнепадах и вечных льдах. Но наверняка его люди стерегут все тропы в горах, поэтому нужно осторожность помножить на мужество, иначе не миновать прохладненского ада.

— Были бы крылья — улетел. Ноги мои, сами видите, — тихо проговорил Чока. Пребывание в лагере сделало свое дело. Ноги у Чоки плохо гнулись в суставах. Суставы были красны, припухли и болели. Да и руки плохо слушались, особенно левая. Опухла в плече, локте и кисти. Даже есть ему было трудно. Встать без посторонней помощи не может. Захочет сесть — падает.

— Да-а. Пока в скалолазы не годишься, — согласился Локотош. — Придется тебе отсиживаться в «санатории». Доберемся до партизан — передадим твои координаты. Они помогут тебе.

Мисочка поделился сведениями из немецких источников:

— Я знаю, партизаны оживились. Ночной налет на Джинал был только началом. Со склона Эльбруса они сбросили эдельвейсовцев вместе с флагом, который те пытались водрузить на Эльбрусе. Немцы направили туда крупный карательный отряд.

— Вот бы найти их.

— Дороги к ним перекрыл Бештосв.

Бекану не нравилось, что никто не беспокоится о жеребце. Что он будет делать с Шоулохом? Сесть на коня и умчаться в горы? Бекан мог бы увести жеребца в Грузию, через «окно в небо». Он как-нибудь обошел бы солдат, оседлавших тропу, если бы пропустило само «окно». Но оно под толщей снега на протяжении шести—восьми километров. Бекан понял теперь, какую ошибку он сделал, когда отказался оставить жеребца в Грузии. А как быть с Апчарой? Ее тоже ищут. Попадется — никто ее не спасет. Вздернут на первом тополе. Может быть, и ей присоединиться к Локотошу и Феде?

— Придется тебе отсиживаться в обществе Шоулоха, — продолжал Локотош. — Наберешься сил — сядешь на коня. Лучших крыльев не надо. Лети прямо через хребет.

— Не советую, — возразил Мисочка. — Вы же сами говорите, легионеры носятся по горам. Эти шакалы вынюхивают все. А гестаповцы? Вы думаете, они махнули рукой на нас? Я их знаю. Они, как свиньи, роют землю носом до тех пор, пока пяточком не наткнутся на гвоздь. Нет, гестаповцы не успокоятся. Им надо свести кредит с дебетом — найти беглецов, вздернуть их и отчитаться перед начальством. Искать они умеют... будьте спокойны. А пещера эта не очень-то надежна. Ферма в четырех километрах. Да и дорога почти рядом. Немцы, может быть, и не пойдут сюда. А легионеры, добровольцы? Они разве не знают о существовании этой дыры?

— Пещер много. Сразу все не обшаришь.

Бекану хотелось оставить Чоку поближе к себе, и в то же время он понимал всю опасность... Неуверенно он продолжал развивать свой план.

— Навьючим лошадь. Не Шоулоха, конечно. За жеребца я в ответе. Но возьмем Поха. Барахло ваше и еду — все на мерина. Сверху сядет Чока. Будет показывать дорогу...

— Как бедуин в Мекку... — засмеялся Локотош. — Не усидит Чока. Рано ему в дорогу.

— Не погибать же ему здесь! — горячился Федор. — И дороги мы с тобой не знаем. А мерина мы с тобой поведем по очереди. Пусть он сидит себе наверху. Нам бы только встретиться с партизанами.

— Я сам поведу вас звериными тропами,— вызвался Бекан.

— Где они, партизаны? — спросил Локотош.

— Есть партизаны,— убежденно сказал Мисочка.— Я знаю, немцы создают против них карательные отряды из разных предателей. Хотят столкнуть нас, чтобы мы истребляли друг друга. В лагере спрашивали, кто хочет вступить в легионеры...

— А ты?

— Сам видишь.

— А как ты оказался? Только честно и без обиды...

— Правильный вопрос. Чего обижаться? Человек должен знать, с кем идет в разведку.— В глазах Мисочки появилось озорство, но в темной пещере никто этого не увидел.— Значит, честно?..

— Если можно.

— Сам попросился. Возьмите, говорю, меня! Они и взяли.

— Брось заливать. Не дураки слушают.

— Чего я вас буду обманывать? Вот послушайте. Иду я раненый. Плечо осколком разнесло. Весь в крови. Но идти могу. До санбата километров двенадцать. Жара. Никаких попутных машин. Шагаю. Прошел километров семь-восемь, сел отдохнуть. Тяжелораненых-то увезли на повозке, а мне велели «своим ходом». Вдруг машина. Я вскочил с места, бегу машине наперерез. Машу здоровой рукой. Грузовик полон людей, но местечко всегда найдется для раненого. Кричу: «Братцы, подвезите!» Машина остановилась. Меня затащили в кузов. Оглядел я пассажиров, все свои. Спрашиваю: «Куда?» Молчат. «Откуда?» Молчат. «Из какой части?» Опять молчат. Мне стало не по себе. Решил спрыгнуть с машины, стал здоровой рукой стучать по кабине, а мне как врежут по кумполу... Очнулся у немцев.

— Немцы, что ли, переодетые?

— Разведчики. И машина наша — полуторка.

— А как потом? — Чока верил Мисочке. Федор мог бы сказать что угодно — был контужен, лежал без сознания. А тут как на духу: «Сам попросился».

— Потом горе мыкал.

— Допрашивали?

— Не без этого. Но не очень. Пока я очухался, в плен попали птицы поважней. Средний комсостав. Ме-

ня сразу в лагерь. Там построили нас у противотанкового рва. Сначала на наших глазах расстреляли десятка три пленных политработников. Офицер приказал остановить расстрел и обратился к нам с вопросом: кто из нас хочет добровольно вступить в похоронную команду? На размышление дал пять минут, пошел вдоль шеренги. Кто наотрез отказывался, тут же расстреливал. Ткнет пистолетом в живот и спрашивает. На «нет» — выстрел. Так и идет. Согласится человек — останется живым. Дошла очередь до меня. Думаю, умереть на войне никогда не поздно. Жив буду — может, удастся убежать. А там, даст бог, сведем счеты. Когда офицер ткнул мне в живот пистолетом: «Ты?» — я сказал: «Согласен». Остался жив. Тридцать три дня провел в лагере.

— Где попался?

— В Керчи.

— Человек, который тебя родил, крепкий человек. — Бекан вспомнил первую встречу с добровольцем. Тогда он боялся его. Седельщик жалел, что не может по-русски высказать своих чувств. Не встретиться он тогда с Мисочкой, разве Чока был бы сейчас здесь? — Крепкий человек. Иначе ты растерял бы душу своих родителей. Не все братья от одной матери. Есть и пословица: лучше близкий сосед, чем далекий брат. Воллаги, Чока — мне не родной сын, ты тоже. Но родней, чем вы, у меня нет никого. Ты, Федор, исполнил долг перед своей совестью — вернул мне сына. Я исполню свой долг — долг отца. Располагайте мной, как хотите. Пожелаете остаться здесь — пещеры вас скроют, я буду охранять вашу жизнь, старуха позаботится о еде, стирать будет вам. Пожелаете уйти в горы, я сам проведу вас до перевала. Встретятся люди — я знаю всех. Спрашивать не надо, знаю, у кого какая шалка на голове. Недобрых обведу стороной... Говорят, пеший конному не попутчик. Чока будет на коне. Но такой конный не попутчик пешим. Пешие могут идти, а он ни ползать, ни ехать не может...

— Ничего, отец. Где было видано, чтобы два брата бросили третьего? — вставил слово и Локотош.

— Отец, не толкай меня обратно в ад. Из него я выкарабкался. Спасибо тебе, спасибо Мисочке. А дальше хуже не будет. Ты сам говоришь: лучше погибнуть на летящем коне, чем в постели из белого шелка. Позволь мне погибнуть хотя бы на твоём мерине...

Все засмеялись.

Начались сборы. Сварили остатки мяса и целый казанок мамалыги. Федор помогал Бекану и Данизат. Ночь выдалась туманная, но падал предательский редкий снежок. После такого снега охотникам легко преследовать зверя.

Данизат словно от сердца отрывала Чоку. Не хотелось ей отпускать его от себя.

— Ты же не враг ему? Нагрянет Азрет, скажешь — нет у тебя сына, — внушал Бекан. — Ты лучше присматривай за Шоулохом. Я поведу Поха под вьюком. Недалеко. До перевала и назад. Завтра к утру жди меня. Дорогу знаю. Ощупью найду.

Данизат по привычке надеялась на аллаха.

— Аллах присмотрит за беззащитными. Ладонь аллаха — защита от бед. Да будет ад уделом тех, кто жизнь на земле превратил в ад. Да будет возмездие лучшим скакуном для моих сыновей... Аллах, я довольна своими сыновьями, будь и ты доволен ими, — причитала Данизат.

Бекан принес старое седло, то самое, из которого он обещал Мисосту сделать редкостный национальный подарок для гитлеровского генерала. Без седла на коне не усидишь, особенно на крутых склонах. Да и Пох давно не ходил под всадником. Но ничего, притерпится, он смиренный. Высохшие подпруги слабы, нет ни подпересья, ни шлеи. Придется всаднику держаться за куцую гриву Поха.

Нелегко было усадить Чоку на лошадь. Он уверял, что у него хватит сил идти пешком, уступал лошадь Локотошу. Локотош тоже хромает по-прежнему, да и рука еще не действует. Но Локотош хорохорился, изображая лихого офицера. Согласились на том, что Локотош и Чока будут ехать по очереди.

Поху не очень понравилось тащить на себе вьючные мешки с продовольствием и вещами. Данизат настояла, чтобы они взяли бурку, старую шинель, войлок и подушку, набитую шерстью, и хотя эта подушка со свалявшейся овечьей шерстью была не мягче пня в лесу, не стали обижать старуху. Чока с трудом уселся в седло между двумя мешками.

— Купец на верблюде, — шутил Локотош.

— Нужда заставит — и сладкий чай будешь пить, — отвечал ему в тон Чока.

— Говорят, неудачника и на верблюде собака укусит. Пусть тебя ни собака Азрета, ни пуля Якуба не достанет, мой сын, — причитала Данизат. — Дорогой ночи уходите, пусть дорога дня приведет вас ко мне, родные мои.

— Ну, ну, слезами не провожай, — нарочито сердился Бекан.

Чока, Федор и Локотош обнимали старуху, благодарили ее за хлеб, заботу и ласку, обещали вернуться к ее очагу, как к родной матери.

— Да будет аллах проводником вашим, пусть луна зальет светом вашу тропу, — исступленно шептала Данизат каждому.

Было уже за полночь, когда мужчины покинули пещеру. Данизат до утра осталась в обществе Шоулоха. Федор предлагал захватить с собой и жеребца, чтобы на нем ехал Локотош. Но решили, что рисковать нельзя. Вдруг в горах произойдет встреча с Азретом или его мюридами. Отбиться от них невозможно: на четверых всего один автомат и один пистолет. Да разве они дадут увести Шоулоха? Пять тысяч — награда не малая.

Шоулох из глубины пещеры подал голос, заржал, чувствуя, что уходят его друзья.

— Сегодня ты отвечаешь за Шоулоха, — уже из темноты крикнул Бекан жене.

Снова Данизат осталась одна, без своего единственного Чоки, без вновь обретенных сыновей. Она долго прислушивалась к ночным шагам Поха, не споткнулся бы, словно Пох уносил не Чоку, а тонкий и хрупкий хрусталь ее сердца, что может упасть и безвозвратно разбиться при одном неосторожном движении.

Туман усугублял непроглядную тьму ночи. Но выше тумана небо было чисто, и виднелся там Путь Всадника, белая звездная полоса.

Когда всадник из племени нартов-богатырей нес людям похищенный огонь — огромную головешку, конь остановился на всем скаку. Перед всадником зияла гигантская пасть удава. В ночной мгле всадник легко мог угодить в эту пасть, если бы не конь. От резкой остановки конь задними копытами вспахал небо, а от головешки посыпались искры. Они зажглись на небе широкой зве-

здной полосой. Кабардинцы смотрят на небо, на Млечный Путь, и говорят — Путь Всадника.

Туман то густел и заволакивал звезды, то мгновенно исчезал, и тогда звезды и Путь Всадника загорались еще ярче, словно кто-то мыл небо мокрой тряпкой.

ПРЫЖОК В ЛЕГЕНДУ

Данизат не поверила бы, что заснула в пещере, если бы не сон, который ей только что приснился. Она увидела во сне всех четверых мужчин: Бекана, Чоку, Локотоша и Мисочку. И было все просто и буднично, и не где-нибудь, а в этой же самой пещере. Данизат принесла им еду. Чока взял миску из рук матери, вынул большой кусок мяса, а с него вместо бульона стекает кровь.

— Ты принесла сырое мясо,— говорит Чока матери.— Видишь, какое оно красное.

Данизат никак не может взять в толк, как это так получилось: долго варила мясо, как следует, а оно не сварилось. А Бекан стоит и смеется: «Стара,— говорит,— ты стала, забыла мясо сварить». Взял казанок и понес его Шоулоху. Жеребец ударил копытом по казанку, опрокинул его, оборвал привязь и начал носиться по пещере, норовя наброситься на людей. Локотош выхватил пистолет. И вот уже лошадь носится по горам, перепрыгивая со скалы на скалу, а за ней — Бекан с арканом. Бросает аркан, но все неудачно. Тут Мисочка ухватил коня за хвост... Давным-давно произошел такой случай с Мисостом. Поехал он в лес за бревнами и начал выволакивать их, привязывая к лошадиному хвосту. На третьем бревне хвост у лошади оборвался. Мисост получил тогда прозвище «шикапич», что значит «хвостодрал». Долго после этого Мисост не мог появиться ни на свадьбе, ни на похоронах, все смеялись над ним... Когда Мисочка ухватил Шоулоха за хвост, хвост оборвался и остался у Мисочки в руках... Данизат проснулась.

Оказывается, Данизат проспала долго. В ущелье давно занялся день, но в пещере было полутемно. Ее удивила тишина за каменным выступом, где стоял Шоулох. Обычно конь громко жует, фыркает, бьет копытом о каменный пол, шумно вздыхает. Данизат взглянула за выступ и обмерла — Шоулоха там не было. Спотыкаясь,

она побежала к выходу из пещеры и увидела конские следы. Не пошел ли Шоулох к реке на водопой, не соблазнился ли копной сена? Не забрел ли на ферму? Данизат побежала на ферму, но и там не было Шоулоха. Тогда она вернулась в пещеру и стала ждать, не вернется ли конь. Ей ничего больше не оставалось.

Скрепя сердце она и на вторую ночь осталась одна в пещере. Несколько раз за ночь она подходила к краю пещеры. Ночь молчала. Временами раздавался вой шакалов. Волки перекликались между собой, собираясь в стаю. Данизат становилось страшно, и она шептала молитвы, призывая на помощь аллаха. Кое-как прокоротала ночь. Шоулох не пришел. Утром она снова побежала на ферму.

Аллах наказал меня за то, что отпустила больного сына в дорогу, думала Данизат. Могла же она оставить его в пещере. Не в этой, так в другой. Бережется же Апчара на кирпичном заводе под самым носом у бургомистра. Апчару, сами того не зная, охраняют румынские зенитчики. Мисосту не придет в голову искать ее в расположении зенитной батареи. И здесь, в складках гор, Данизат могла бы упрятать сына.

Вдруг Данизат застыла на месте, не веря своим глазам. Через Чопрак переезжал всадник. В коне нельзя было не узнать Шоулоха. Старуха чуть не бросилась бежать ему навстречу, но от радости ноги у нее отнялись и она не сдвинулась с места. Она могла только вознести руки к небу, будто собиралась взлететь. На коне сидел сам Бекан. О чудо! Что за конь Шоулох! Оторвался, побежал навстречу Бекану, и теперь они возвращаются назад. Благодарение аллаху. Старик, конечно, рассердится, но ничего. Лишь бы жеребец не достался врагу. Но что такое? Бекан осадил коня, посмотрел вниз, повернул назад и умчался.

Только сейчас Данизат заметила всадников, которых увидел Бекан раньше. Всадники тоже заметили Бекана и прищипорили коней. Послышались выстрелы. «Не во сне ли я?» — подумала Данизат, глядя, как Бекан уходит в горы, оглядываясь на преследователей.

Всадников было десятка два. Они бросились догонять Бекана и стреляли на скаку. После каждого выстрела Данизат взвизгивала. Она ждала, что или вот-вот упа-

дет старик под копыта, или рухнет сам Шоулох. Но элитный жеребец уходил все дальше и дальше.

Якуб приехал за седлом, а нашел коня. Пять тысяч останутся целыми. Из ущелья Шоулох никуда не уйдет. «Окно в небо» завалено снегами. Слева Бахранская скала, справа неприступная стена. Важно не потерять жеребца из виду, чтобы не пришлось его долго искать.

Якуб приказал ни в коем случае не стрелять в жеребца, а если во всадника, то только наверняка.

Старик знает все тропы. Он мог бы уйти от преследователей, если бы ему удалось оторваться от них, но тропы знает и Якуб Бештоев. Чопракское ущелье — его родина. Здесь он вырос и пас овец.

Якуб разделил своих всадников на группы, каждая группа мчалась по отдельной тропе. По какой ни уйдет Бекан, ему дорогу в конце концов преградит Кавказский хребет. А назад — только в руки Якуба.

Бекан старался прижиматься к скале. Временами он ехал по самому краю пропасти. Легионеры открывали огонь всякий раз, когда старик показывался на одну-две секунды. По ущелью раскатывалось глухое эхо.

Бекан ехал над пропастью, а мысль его лихорадочно искала выход из безвыходного положения.

Выбрать узкую тропу между скалами и завалить ее камнями? Но пока одни будут расчищать дорогу, другие обходными тропами опередят Бекана и отрежут дорогу к хребту.

Столкнуть Шоулоха в пропасть, чтобы не достался Якубу? На это Бекан не решится. Тогда уж лучше погибнуть вместе.

Бекан вспомнил легенду о Кагермасе. Представил себя на месте славного джигита Ордашуко, не пожелавшего расстаться с конем. Способен ли Бекан, хранитель кабардинской элиты, на такое самопожертвование? Кулов тогда еще, на пастбищах, сказал ему: ответишь перед народом. Оказывается, не легко повторить подвиг джигита Ордашуко.

Повернуть сейчас на тропу, ведущую к перевалу через Бахранский хребет? На той стороне хребта Бекан оставил Чоку с друзьями и мог надеяться на помощь. Локотош и Мисочка вооружены. У одного пистолет, у другого автомат. На узкой тропе с таким оружием можно задержать двадцать всадников. Но по каменистым

ступенькам, по которым спускался Пох, жеребец не пойдет — не приучен к этому. И нельзя наводить зверя на след, загубишь и себя, и Чоку с Локотошем и Федором. Пока Шоулоха заставишь сделать два шага по каменным выступам, легионеры догонят.

Шоулох устал. Дышит тяжело. Холка в мыле. Спина мокрая. Был бы жеребец под седлом, и седоку и коню легче. Как это старуха выпустила его из пещеры? Знала же, чем это может кончиться! Видно, хотела вывести жеребца на водопой, а он вырвался. Лошадь паслась за Чопраком на лугу, когда ее увидел Бекан. Сначала он не узнал жеребца. Шоулох, заметив человека, поднял хвост и поскакал вниз. Бекан окликнул коня. Да, это он. Узнав своего хозяина, конь остановился, но не сразу подпустил к себе. Очень хотелось ему, как видно, побегать на свободе, подышать горным воздухом, побыть на свету, потереться о стога сена.

Старик осмотрелся. Вокруг никого. Бекан семенил за конем, ласково подзывая его: «Кос, кос», пока в руках не оказались оборванные поводья.

Почувствовав сильные руки хозяина, Шоулох покорился, пошел широким шагом, сверкая белыми чулками. Он грациозно нес красивую голову, чуть выгнув шею. Играла заостренные уши, между ними густая челка свешивалась на лоб...

Бекан оглянулся.

Далеко внизу цепочкой тянулись всадники. Идут неотступно. Правда, их стало меньше. Видно, не все выдержали погоню. Или Якуб что-нибудь замышляет? Не пустил ли он половину своих людей по реке? Чопрак обязательно выведет их к перевалу. Якуб не спешит. Знает, что Бекану все равно не уйти. Не перелетит же Шоулох на крыльях через Кавказский хребет!

Дорога пошла еще труднее. Послушный доселе малейшему движению рук или ног всадника, Шоулох начал сам останавливаться, чтобы отдышаться. Облачко пара, курящееся над всадником, остро пахло конским потом. Склон горы, по которому пробирался Бекан, то и дело преграждали каменные осыпи. Бекан спешивался и по острым камням, угрожающим сдвинуться и поползти лавиной вниз, и по крутым ливневым руслам переводил коня в поводу. Особенно трудно приходилось на спусках.

Бекан вспомнил, как вчера спускался Пох с Бахранской стены. Конь осторожно вынесет вперед одну ногу, потом рядом с ней поставит вторую, присядет на задних ногах и одну за другой переносит задние ноги на порожек, на котором стоят передние. Совсем как в цирке, когда лошадь становится четырьмя копытами на тумбу. Поэтому всадник отпускает поводья и не шевелится, всецело доверяется чутью и умению лошади.

Шоулох не похож на Поха, не обучался этой науке.

Бекан выбрался на отвесный склон горы, встал под истерзанным ветрами деревом. Ветер и сейчас свистел в его голых ветвях.

Вся долина внизу белым-бела. Только на дне ущелья, укрывшись от пронизывающих ветров, темнеют леса. Небо, словно износившимся полотенцем, утирается рваными облаками. Тишина. Не слышно шума Чопрака. Родные горы, родная земля. Почему же она обернулась мачехой и грозитя каждой тропой и каждым камнем? Почему Бекан, как затравленный волками жеребенок, не знает, в какую сторону метнуться? Где спасенье, а где неминуемая гибель? И есть ли оно, спасенье? До голубых ледников, в которые, как в доспехи, одеты горы, кажется, рукой подать, но дойдешь ли до них? И сумеешь ли через них перейти?

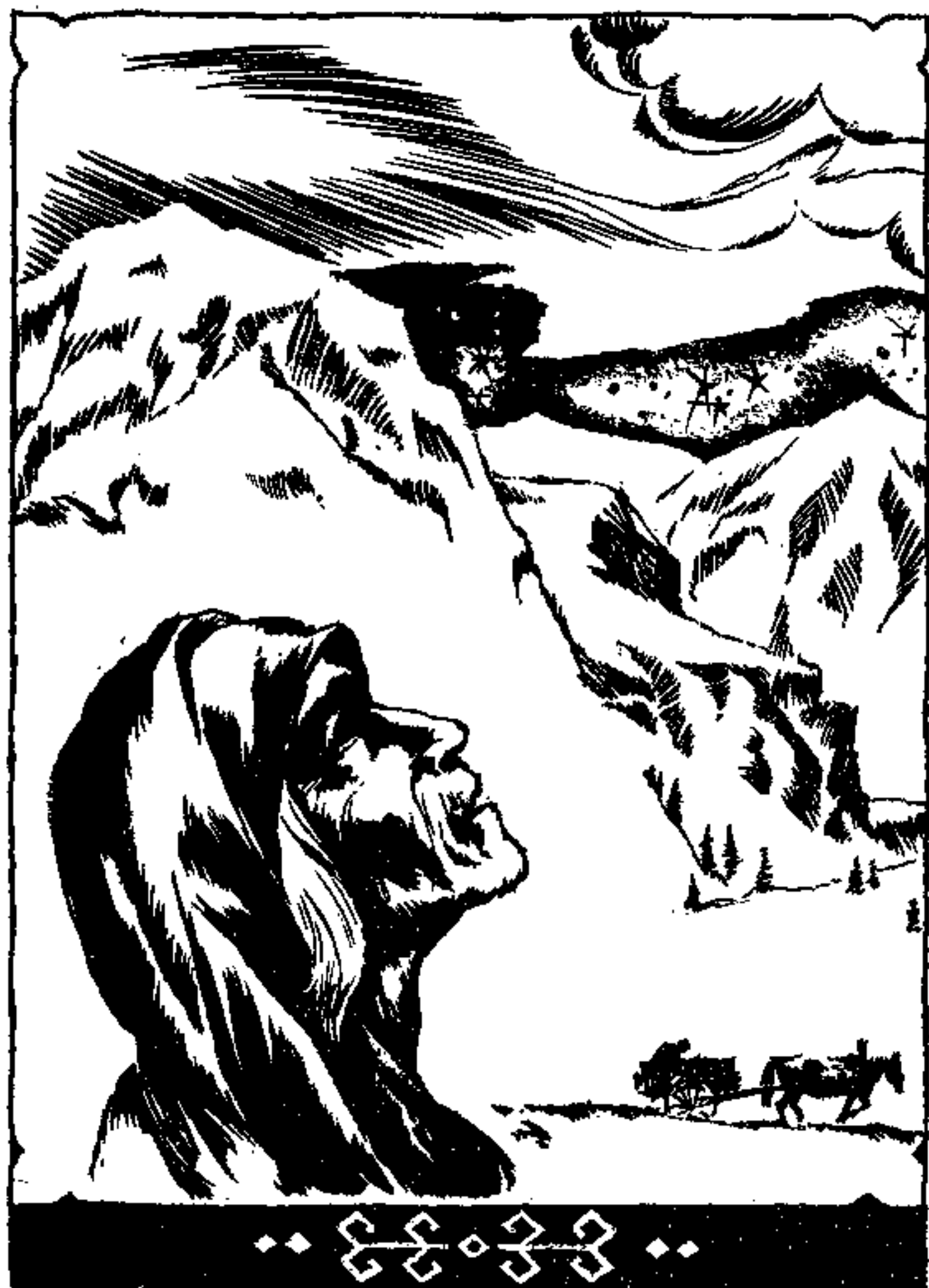
Пока Бекан постоял в задумчивости под истерзанным деревом, жеребец отдохнул. Умными глазами он спросил седока: зачем стоим на ветру? Разве не видишь — я весь мокрый?

Старик взял Шоулоха под уздцы и побрел дальше.

Усталость Шоулоха вполне понятна. Жеребец целый месяц томился в темной пещере. Застоялся. Расслабились мышцы ног, потерялось дыхание. Надо было чаще выводить коня из пещеры, хотя бы по ночам. Но все же Шоулох — молодец. Не догнал же его ни один всадник из двух десятков преследователей. Даже Якуб Бештоев, мчавшийся на лучшем коне, плетется сзади, если не махнул еще на Бекана рукой.

Вдруг, достигнув новой высоты, Бекан увидел далеко внизу цепочку всадников. Это они.

Страшна не та погоня, которая скачет галопом с гиканьем и свистом, а та, которая движется медленно, потому что уверена в себе: тому, кого преследуют, деться некуда.

Треснули и протяжно разнеслись по горам несколько выстрелов. В горах не поймешь, откуда стреляют. Щелчок выстрела мгновенно тонет в отзвуке, заполняющем целое ущелье. Ясно было одно, стреляют не те всадники, что внизу. Так, может быть, это партизаны? Или

«безочажные», так называют людей, которые скрываются и от той и от другой власти и ждут, пока прояснится обстановка? У Бекана появилась надежда.

Но тут со стороны истоков Чопрака, со стороны ледниковой пещеры (а у Бекана мелькала мысль, не по-

даться ли туда) появились три всадника. Они медленно поднимались из ущелья, наперерез пути. Это были тоже якубовские легионеры. «Якуб читает мои мысли как пописаному», — подумал Бекан. Теперь оставалась одна дорога — к «окну в небо».

Оледенелые ручьи свисали со скал. Белоснежные шатры вершин молчали вокруг. На этой высоте не было уже никакой растительности. На острых камнях не держался даже снег, ветер сдувал его.

Легионеры не успели еще выбраться наверх, когда Бекан достиг начала «окна в небо», этой поистине дороги над адом. Он подобрался к ней со стороны лежбища туров, значительно выше того места, где располагался заградительный пост, сначала наш, а потом немецкий. После того как завалило дорогу многометровыми толщами снега, немцы не держали здесь солдат и шлагбаум перенесли к ближним подступам в глубине ущелья. По нетронутой белизне снегов можно было судить, что никто не проходил здесь с тех пор, как зима закрыла дорогу.

Перед Беканом поднимались грозные отвесные скалы. Опытным глазом можно было различить на этих отвесных скалах тонюсенькую линию дороги, пробитую по заданию Кулова саперами и подрывниками молибденово-вольфрамового комбината. Но в том-то и дело, что ниточка эта была не сплошная, а пунктирная. Почти на всей протяженности своей она была засыпана снегом, который, заровняв проделанную льдами канавку, выглядел как целый и ровный склон.

И конь и человек постепенно теряли силы. Обоим трудно дышать. Здесь, на высоте четырех тысяч метров, воздух разрежен, кислороду мало, овладевает вялость, сонливость, апатия, как это часто случается с альпинистами. Будешь лежать на снегу, чувствуя тихое безразличие, и ждать смерти.

Бекан оглянулся. Пройдено метров двести, если не больше. Ну что же, двадцатая часть пути Шоулох все хуже слушается хозяина. Положит голову на снег и стоит, глядит человеческими глазами, а из глаз текут слезы.

Дорога через ад тонка, как лезвие сабли, — говорится в коране, а эта дорога оказалась еще тоньше. Бекан скорей угадывал дорогу, чем видел ее, но все же заста-

вил Шоулоха ступить в глубокий снег. Жеребец сделал несколько отчаянных рывков, утонул по самое брюхо и стал барахтаться, увязая глубже и глубже.

Бекан слез с жеребца, вернее, просто шагнул, потому что снег доходил уже до колен всадника, и пополз вперед, потянул за собой коня. Лошадь, нащупав копытом камень, оттолкнулась и продвинулась на несколько шагов. Бекан ногами разгребал снег, своей тяжестью приминал его, стараясь проложить дорогу коню. Но под снегом нельзя было узнать, где кромка дороги, а где уже пропасть. Один неосторожный шаг и — все кончено. Белая могила. Весной, когда растают снега, станешь добычей хищников, и никто не узнает, где ты погиб.

Шаг за шагом Бекан продвигался вперед. Иногда, присев в глубокий снег, он замирал, чтобы отдышаться. В снегу было тепло, безветренно, глухо. Не видно преследователей.

Над горами раскатился еще один выстрел. Бекан посмотрел в ту сторону и увидел, что легионеры взбираются на скалу, чтобы удобнее было стрелять. Значит, они не хотят рисковать, не пустились по борозде, по отчаянному, безумному следу Бекана. Может быть, не попадут до поворота дороги на скалу, а там останется только снег, только снег и небо, да еще такая же синяя и такая же глубокая, как небо, бездна, над которой надо пройти.

Легионерам был ясен замысел старика. Они открыли частый огонь. Горы растревоженно загудели. Шоулох, напуганный гулом, заметался, начал дергаться, рваться с поводка, пополз по рыхлому снегу. Бекан успел еще подумать, что нет худа без добра, что выстрелы подгоняют коня лучше, чем его окрики.

Но в это время что-то переменялось. Словно оборвалась какая-то нить, на которой все держалось: и этот снег, и эти горы, и это небо, и сама земля. Послышался непонятный звук, похожий на тяжелый вздох, но такой громкий, как если бы вздохнула гора. И в то же мгновение белый свет покачнулся перед глазами Бекана. Снега стронулись с места и сначала тихо, но потом все быстрее начали скользить вниз по склону. Снежная лавина, вызванная сотрясением воздуха от стрельбы, подхватила и Бекана и Шоулоха. Сначала они столкнулись на миг, словно обнялись на прощанье, потом старик

оказался под конем, потом он схватился за гриву коня, словно мог удержать его от падения или удержаться сам. Потом неодолимая сила перевернула их, потом рот и всю грудь Бекана залепило, заткнуло снегом, и все потемнело, как ночью, но это только на миг. После мгновенной темноты Бекан очутился вдруг верхом на несравненном своем Шоулохе, и серебряное седло с насечкой и позументами под ним. И он направил коня не в черную пропасть, а вверх. И они плавно скачут по Млечному Пути, рассыпая по небу искры, которые тотчас превращаются в звезды.

А внизу стоит Данизат, смотрит на небо из-под руки и говорит: «Вон я вижу на небе Путь Всадника».

● ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

С праздником «освобождения» к которому так долго и тщательно готовился Мисост, получились у него одни неприятности. В праздничный день бургомистр пришел в управу рано утром и обнаружил на своих дверях большой лист бумаги, похожий на стенную газету. Весь лист был исписан крупным и четким ученическим почерком, а заглавие гласило: «Будет и на нашей улице праздник». Увидев слово «праздник», бургомистр подумал сначала, что речь идет о сегодняшнем, о немецком, празднике, и в душе похвалил своих подручных, проявивших самостоятельность и позаботившихся о стенгазете. Однако, взглядевшись и вчитавшись, он пришел в ярость, сорвал листок, затоптал его в снег, схватил за загривок Питу, который первым подвернулся под руку.

— Из-под земли достань мне эту тварь, вышедшую из брюха собаки!

Питу понял, кого Мисост имеет в виду.

Такой же листок был обнаружен на дверях мечети. Старики собирались на молебен. По правде говоря, им хотелось не столько помолиться, сколько поговорить о Бекане Диданове и его беспримерном поступке, достойном только сказочного богатыря.

Одни предлагали отыскать прах седельщика, перевезти в аул и с почестями похоронить. Другие убеждали, что Бекана взяли к себе вечные снега, что аллах уложил его за благородный подвиг в белую ледяную могилу и трогать его не нужно. А некоторые уверяли, что старик не погиб от снежной лавины, а скакнул на Шоулохе в небо, чтобы обрушить на немцев силы небесные. Мулла не опровергал и этой легенды.

На двух стенгазетах праздничные неприятности не кончились. Перед самым выступлением ансамбля национального танца обнаружилось, что у гармони кто-то разрезал мехи. Пока искали новую гармонию, пропал один танцор. Пока искали танцора, разошлись зрители, хотя Питу Гергов стоял в дверях и у него был приказ бургомистра никого из зала не выпускать.

Мисост ждал гостей. Он даже зарезал быка, приносившего ему такой хороший и верный доход.

Надо же было показать немцам, что ничего Мисост не пожалеет для рейха. Конечно, зарезанный бык не то, что живой Шоулох, но для самого Мисоста эта жертва куда более значительна.

Хорошо, когда дорогую тарелку разобьет нечаянно сама хозяйка, а не гость. Не с кого спрашивать. Хорошо, что Бекана и Шоулоха упустил не Мисост, а сам Якуб Бештоев. Три шкуры спустил бы Якуб с бургомистра. Кричал бы, наверно: «Ах ты, старая бычья задница, почему не ссадил Бекана? Разве он мчался быстрее пули?»

В тот день Мисост не оказался рядом с Бештоевым потому, что искал Апчару. Но и девчонка ушла из рук.

Бургомистр прекрасно понимал (да и все понимали), что праздник омрачают не мелочи. Беда в том, что война начала раскручиваться в другую сторону.

Вслед за Сталинградом рушился фронт и у Моздока. Красная Армия, которую давно похоронила немецкая пропаганда, словно вырвалась из-под земли, словно разорвала путы, напряглась, разыгралась, расправила плечи и, взламывая оборону врага, на глазах превращалась в неукротимую снежную лавину. В горах такая лавина тем сильнее, тем сокрушительнее ее ударная сила, ее ураганный напор, чем больше сопротивление, возникающее у нее на пути. Гитлеровцы нервничали и метались. Это было известно не только из листовок, люди это видели сами, воочию. В войне наступил перелом.

В этой обстановке праздник «освобождения» выглядел нелепо, но торжества были затеяны, подготовлены, о них много говорилось, и отступать было некуда. Мисост отправил в Нальчик нужное количество представителей аула, точно так же, как это сделали бургомистры всех остальных аулов. Людей собрали в бывшем клубе профсоюзов — единственном уцелевшем и пригодном для

этой цели здания. Азрет Кучменов послал легионеров на базар, чтобы пригнать в клуб побольше народу. Растревоженные торговцы и торговки сначала потащились по улицам с мешками и корзинами, с узлами и ведрами, со сваренными курами да индейками, но по дороге половина из них исчезла в развалинах домов.

Но все же в зале оказалось достаточно народу, в конце концов, какая разница, как обеспечено присутствие всех этих людей. Перед собравшимися выступил сначала Якуб Бештоев — глава гражданской администрации, правитель, потом речь держал немецкий генерал, потом выступали сельские бургомистры, в том числе и Мисост.

Хотя речь Мисоста была не хуже других речей и немцы аплодировали ему так же громко, как всем другим, а генерал одобрительно кивал головой, все же на душе у него, когда он возвратился в аул, было неспокойно и мозгло.

— Зря быка заколол,— бурчал Мисост,— получился не праздник, а поминки по Бекану. Колеса на мельнице закрутились в обратную сторону. Чопрак повернул к своим истокам.

Мисост сам еще не понимал, как он близок к истине. От одной мысли, что фронт рухнет и ему придется бежать отсюда, темнело в глазах. К горлу подкатывала злоба. Надо было на ком-то эту злобу выместить. Но злая душа — как гнойник: одну порцию злобы выпустишь, накопится новая. Пусть Хабиба приведет в управу свою дочь. Не приведет — сама будет висеть на тополе. По школьным тетрадям доказано: листовки и стенгазеты — дело рук Апчары. Ей, конечно, кто-то помогает, это тоже ясно. Надо всем обрубить руки, иначе они этими же руками накинут петлю на шею самому бургомистру.

Между тем на кирпичном заводе, где скрывалась Апчара, началась суета, забегали румынские зенитчики, поспешно стали грузиться. С заводской трубы слез наблюдатель. Из траншейной печи выгрузили ящики со снарядами. Запрягали лошадей, жгли документы, сматывали кабель. Даже неискушенному человеку было ясно, что артиллеристы уходят. Кураца в щелку наблюдала за всем, что творится на заводском дворе. Она не боялась румын, с которыми все это время поддерживала

«экономические» связи, но считала, что в последние часы лучше не показываться им на глаза. Вдруг тот фельдфебель, с которым она вела черепично-торговые дела, и еще один солдат в папахе подкатили к ее каморке артиллерийское орудие, настоящую пушку. Фельдфебель вбежал в каморку.

— Эй, хозяйка, купи!

Кураца никак не могла взять в толк, чем собирается торговать фельдфебель.

— Купи, хозяйка. Натурой! Сыр, яйца.

Кураца возмутилась:

— Зачем мне пушка?

Фельдфебель стал показывать на резиновые колеса, которые годятся для телеги, на сошники, на щит, из которого кузнец сделает лемех.

— Бери за три десятка яиц и головку сыра. Бери. Румын отступает. Домой топ-топ, понимаешь?

В глазах Курацы смешались слезы отчаяния и слезы радости. Дождались!

— Беру! — на радостях, словно обезумев, согласилась Кураца и уже хотела вынести свои запасы, но фельдфебель ее опередил. Он мигом схватил бараний бок, расовал по карманам куски сыра, а корзину с яйцами передал солдату. Румыны побежали догонять уходящую с заводской территории колонну артиллеристов. У двери Курацы осталась настоящая боевая пушка.

Кураца хотела скорее бежать к Апчаре и рассказать о происшедшем, но Апчара прибежала сама.

— Я говорила тебе — будут отступать! Не верила?

— А с этой что будем делать?

— Пушка! Пальнем, когда есть захочется, — смеялась Апчара.

— Все подмели. И на ужин ничего не оставили. Пушка! Зачем она нам?

Апчара чуть не плясала от радости.

— Пальнем! Знаешь по ком? По Мисосту. Разнесем всю управу.

В тот же день в сумерках, потеряв всякую осторожность, Апчара пришла домой, к матери.

Старуха загоняла в курятник двух уцелевших от немцев кур, мечтая сохранить их на развод, когда во двор влетела Апчара и с радостными воплями кинулась ей на шею.

Хабиба не засемила дочери навстречу, не всплеснула руками. Она сурово отвернулась от Апчары и с нарочитой строгостью запричитала:

— Уходи, уходи. Не подходи ко мне. Мать тебе не нужна. Тебе Кураца дороже.

Хабиба сделала вид, что отталкивает дочь от себя. Но Апчара слишком хорошо знала свою мать, чтобы поверить в ее «уходи, уходи».

Она обняла ее за шею, прижалась к щеке.

— Ну вот, дождалась, мама! А ты не сердись, что я скрывала от тебя. Разве можно было иначе? И тебе было бы хуже.

Хабиба и сама знала, что дочь поступала правильно, но все равно жила в ней маленькая обида за недоверие. Как будто мать не догадывалась, что Апчара и Кураца связаны одной веревочкой. Бывало, на оплакивании покойника (а с наступлением холодов люди в ауле умирали часто) Кураца словно нарочно окажется около Хабибы.

— Ох-хо-хо,— завздыхает Хабиба,— пропала моя Апчара, пропала моя девочка...

— Не плачь,— шепнет ей Кураца.— У тебя дочь боевая — не пропадет. Пусть развернется земля подо мной, если она не в тепле.

— Дай-то бог, дай-то бог! — успокаивалась Хабиба.

Но теперь с нарочитой строгостью Хабиба выговаривала дочери:

— Ты думаешь, я глупа, не догадывалась? Клянусь, все знала, но только не хотела волков наводить на след. Сколько раз говорила себе: пойду-ка схожу к Кураце за черепицей. Солома на крыше. А Кураца поверила бы мне в долг. Но как вспомню, что ты где-то там у нее скрываешься,— не иду. Питу прямо мне говорил: «Петляй — не петляй, а найдем по твоему хвосту лисью нору».

— Теперь самого бы его не упустить!

— А «самоварке» этой я все-таки не прощу. Кураца думает, что она камень, а я ком глины, что там, где она выстоит, я рассыплюсь. А мне умереть не страшно. Тебя жалела...

Хабиба всегда называла Курацу «самоваркой», и вот за что. Свой огородик величиной с козью шкуру Кураца засеивала чесноком. Летом зеленый чеснок она прода-

вала пучками, а зимой торговала связками чесночных головок. Но ни зимой, ни летом Кураца на вырученные деньги ничего не покупала, да и что на них можно было купить! Каждый раз после торговли она заходила в чайную и заказывала себе самовар. Ничего на свете так не любила Кураца, как сладкий чай с белым хлебом. Весь свой чеснок она пропивала на этом чае, за что и получила от Хабибы меткое прозвище «самоварка».

— Этой «самоварке» я не прощу,— повторила Хабиба свою угрозу.— Все намеками, да намеками: «В тепле твоя дочь». Нет, чтобы прямо сказать: «У меня Апчара, не беспокойся».

— С Курацей теперь шутить нельзя. Пушку купила. Хочет пальнуть по Мисосту и по его управе.

Хабиба ничего не поняла насчет пушки, поэтому пропустила слова Апчары мимо ушей.

Едва оглядевшись в доме, дочка залезла на чердак и спустила оттуда старый Иринин патефон и кучу пластинок. Все оказалось цело. Хабиба варила мамалыгу на ужин, а дочь перебирала и протирала пластинки. Скоро на весь дом загремела музыка, довоенная, советская, от которой уже отвыкли люди.

Не успела прокрутиться одна пластинка, как в дом вошли немцы. Апчара испугалась сначала и едва не выронила пластинки из рук, но потом увидела, что вовсе не музыка привлекла немцев. Они зашли погреться, их набилось целый дом. Солдаты лезли к огню, растирали над огнем посиневшие от холода руки. Хабибе пришлось потесниться и даже совсем отойти от огня, хотя вода в казанке уже закипела, надо было сыпать в кипящую воду муку, чтобы заварить мамалыгу.

Немцы были одеты как попало. Головы закутаны у кого полотенцем, у кого шерстяным платком. Немного отогревшись и повеселев, они разглядели патефон и пластинки.

— Музык? Давай карош музык!

— Катюш, катюш. Форшпилен. Играйт катюш.

Здесь-то и произошло то пустяковое, из-за чего Апчара попалась. Она знала, что немцы отступают. Страх перед ними пропал. В Апчаре проснулось школьное озорство. Она придвинула к себе лампу с заклеенным подгоревшей бумагой стеклом, быстро-быстро перебра-

ла пластинки, нашла ту, что искала, поставила ее и с озорной улыбкой стала смотреть, какое действие произведет ее музыка на немецких солдат. Немцы не сразу поняли, что за песню они слушают. По-русски никто из них не понимал, но когда начали повторяться слова «партия Ленина, партия Сталина, мудрая партия большевиков», то не понять смысла песни было уже нельзя.

Улыбку как сдуло с солдатских лиц. Один немец, стоявший за спинами других в темноте, вскинул автомат. Апчара едва успела отскочить от столика. Раздалась автоматная очередь по патефону. Комната наполнилась дымом. Перепуганная Хабиба бросилась к дочери:

— О горестный день!

Патефон, как на грех, не остановился и песня продолжалась. Тогда стрелявший немец схватил его и со всей силой бросил на пол. Осколки пластинки полетели в разные стороны, но диск крутился. Немцу пришлось прикладом «добить» упрямый патефон.

Может быть, этим и кончилось бы озорство Апчары, если бы по улице в тот момент не проезжал верхом Мисост. Он ехал в сопровождении своей охраны. Услышав автоматную очередь, Мисост подумал сначала, что это стреляют по нему, и припустил коня, но потом остановился и послал полицаев выяснить, кто стрелял. Узнав, в чем дело, он сам подъехал к дому Хабибы.

Напрасно старуха бросилась к его ногам с мольбой.

Мисост отшвырнул Хабибу в сторону и шагнул к Апчаре.

— Твоим запахом не насытился я. Пришел за мясом твоим.— Мисост помнил, оказывается, слова волка из детской сказки.— Не знал я, что собака в своем гнезде. Собирайся. Теперь ты запоешь иначе...

Хабиба разрыдалась.

— Партизан?— спросил немец, стрелявший по патефону.

— Да. Партизанка я,— бросила Апчара немцу и всем остальным немцам.

Хабиба выскочила на улицу вслед за уводимой Апчарой и цеплялась за дочку руками, но ее отталкивали. Странно, что даже в такую минуту внимание Хабибы вдруг остановилось и сосредоточилось на радиаторе пе-

мецкой машины. Там болталась, повиснув на краешке, половина сломанной никелированной подковы.

— Говорила я, что не будет извергам ни счастья, ни удачи. Сломается их подкова. Говорила. Болтается одна половинка. И машина сломается, и машина...

Мисост приказал запереть Апчару в подвале сельно.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Охранять пленницу поручили Питу.

— Ни есть, ни пить не давай!— строго наказал бургомистр, запирая замок.— Отвечаешь за нее головой.

Апчара и не думала о еде. Апчара думала о члестности случившегося. Пережить всю немецкую оккупацию и попасться в последний день, когда немцы уже уходят и Мисост наверняка убежит с ними... Лучше бы уйти тогда с Чоккой и Локотошем. Те не дадутся живыми в руки. А разве можно сравнить смерть в бою с ожиданием смерти в этой крысиной норе?

Крысы, почуяв живого человека, начали вылезать из-под пола, зашевелились по темным углам, приближались со всех сторон, вынюхивая. Сначала при малейшем движении Апчары они бросались, наталкиваясь друг на дружку, и, взвизгивая, исчезали. Но потом, осмелев, стали носиться по комнате наперегонки, словно устроили скачки, металась из угла в угол, грызлись между собой. Апчара от страха жалась к единственному маленькому окошку. За окошком стояла ночь, но было не очень темно — подсвечивал свежий снег. То пройдут мимо окошка коровьи копыта, то человечесьи ноги, а больше ничего и не видно. Закричать бы, позвать на помощь, но бесполезно. И нельзя унижаться. Питу все равно никого не подпустит к магазину. «Достоинно умереть — значит не умереть», — не раз учила свою дочь Хабиба.

У окошка посветлее — не так страшно, но зато от него тянет холодом. Спрятаться бы от холода в темный угол, но там полно крыс.

Сколько раз ходила Апчара в этот магазин за керосином, за мылом, за солью. Хабиба не любила запасать всего помногу. Велит купить бутылку керосина, один кусок хозяйственного мыла — не больше, горстку соли.

Питу покашливает за дверями: знай, я здесь. Этот тоже думает о своей судьбе. Мисост — бургомистр. Его

немцы посадят в машину, и поминай как звали. А куда деваться Питу? Ни языка, ни вида. На что он им нужен?

Опять крысы... Обнаглели, лезут на ноги, прилаживаются, с какой стороны грызть намокшие ботинки. Апчара меряет подвал из угла в угол. Крысы пищат, скачут за ней. Села на пустые ящики повыше, чтобы крысы не доставали.

На улице совсем тихо. Даже Питу перестал покашливать. Не ушел ли он? Изредка лают собаки. Апчара продрогла, не может совладать с собой — дрожит: то ли это от холода, то ли от всех переживаний. Вздремнуть бы, но сна нет и в помине. Наверное, Питу уснул в своей будке.

Вдруг глухая ночь как бы взорвалась: зарокотали, заревели моторы, свет от автомобильных фар заметался за окном, — то гас, то вспыхивал, мелко дрожала земля от движения тяжелых машин. Апчара подумала, не налетели ли наши самолеты, но не было слышно ни стрельбы, ни разрывов. И тогда Апчара поняла и уверилась окончательно — уходят немцы. Значит, завтра здесь будут наши. Надо пережить одну только эту ночь. Но как ее пережить? Мисост не уйдет, не расквитавшись, не выплеснув всей своей злобы. Завтра вернутся Локотош и Чока; завтра переменится вся жизнь, и только Апчары не будет в живых. Боже, как глупо! Всегда говорила мама, что озорство не доведет до добра. И правда не довело. Мама, прости! Мама, разве я знала... А немцы уходят и уходят. Последняя немецкая ночь... Завтра третье января. Или четвертое? Перепутались числа.

Шум моторов прекратился так же внезапно, как и начался. Наступила гнетущая тишина. Собаки, напуганные ночными всполохами фар, не смеют лаять. Лишь петухи верны себе. Поют, перекликаются друг с другом, не боясь выдавать немцам курятники, где еще не перевелись куры.

Лязгнул замок. У Апчары сердце провалилось вниз, похолодело и замерло. Пришли. Пуля или петля?

— Апчара? — послышался приглушенный голос Питу.

Пленница не отозвалась и не пошевелилась. «Пусть убивают на месте. Никуда не пойду, — думает Апчара. — И нечего им меня допрашивать. Все равно буду молчать. Стерплю — не стерплю, стерплю — не стерплю», — думает Апчара о пытках, которые ее ждут.

— Апчара!— опять послышался тот же голос.— Заснула, что ли?

— Стреляй!— Апчара не узнала своего голоса.— Стреляй здесь. Я не пойду никуда.

— Дура! Стрелять будут другие. Убегай сейчас же. Жить осталось десять минут, поняла? Сейчас тебя расстреляют. Мисост уходит с немцами. Беги, не мешкай.

— Куда?

— Куда хочешь, только скорей. И к Хабибе не являйся, найдут...— Питу силой вытолкнул Апчару из подвала. Едва выбралась она наверх по обитым кирпичным ступенькам, несколько раз споткнулась. Ей все казалось, что Питу выстрелит в спину. Но Питу не собирался стрелять. Питу думал теперь о себе. Ему бежать некуда. Никому он не нужен. Его предки дальше Прохладной никогда не ездили. И ему не придется. Если ему суждено погибать, так в родном ауле, на берегу Чопрака. А что такого он сделал за эти два месяца, чтобы его убивали? Он делал все, что делал бы любой стражник при сельской управе. Велят позвать — звал, велят охранять — охранял. Никого не бил, никому могилы не рыл. Но нет, чувствовал, чувствовал Питу, что приближается час расплаты. В своем безвыходном положении Питу решился на отважный поступок, который, как думал Питу, на том свете, где будут взвешивать поступки, один перетянет все плохое, а на этом свете оправдает Питу перед нашими. Он решил спасти Апчару и спрятаться, конечно, потому что Мисост четвертовал бы за этот поступок.

— Ты не будешь в меня стрелять?

— Сказал, не буду! Иди! Видишь, я сорвал замок. У меня есть ключ, но пусть подумают, будто тебя освободили свои. Ты одна будешь знать, что освободил тебя я. Мне этого достаточно. Поняла?

— Поняла. Все поняла.

Апчара вышла в долину Чопрака. Ей казалось, будто кто-то крадется за ней, неотступно идет по следам. Она замирала на месте, прислушиваясь к каждому звуку.

В стороне послышался шум. Апчара метнулась к кладбищенской ограде, но никакой страх не заставил бы ее перелезть через ограду. Она присела и притаилась. Дорога в десяти шагах от кладбища, и если только пойдут машины с яркими фарами... но послышалось

фырканье лошадей, звон стремян, стук подков. По дороге шел большой отряд конников. Апчара расслышала разговор и поняла, что это уходят легионеры. Иногда раздавались команды: «Не растягиваться», «Рысью, марш!»

Апчара собралась бежать к Кураце на кирпичный завод, в старое свое убежище. Легионеры прошли, и дорога, казалось, освободилась. Но едва Апчара перешла реку, замерзшую в этом месте, как впереди прямо перед ней вспыхнули фары. Со стороны завода шел автомобиль, зажигая свет только в тех случаях, когда без него нельзя было разглядеть дорогу. Чтобы не попасть в свет фар, Апчара бросилась в сторону, в кукурузу. Тут ее намерения неожиданно изменились. В кукурузе она попала нечаянно на пешеходную тропу, ведущую в город. Апчара не раз ходила по этой тропе к Ирине. «Судьба сама толкает меня туда», — подумала Апчара и пошла в сторону города. Там Ирина. Она сумеет спрятать золотку...

Ирина не спала в эту ночь. Днем она видела, как по городу вели юную девушку в ватнике и в солдатской шапке-ушанке. На груди фанерная дощечка с надписью: «Партизанка». Ирина сразу подумала, что это Апчара, и обмерла. Ведь неизвестно, где эта сорвиголова, легко могло случиться, что она подалась к партизанам. Смелости у нее хватит.

Нет, под конвоем шла не Апчара, но все равно синие глаза девушки, искусанные губы, связанные за спиной маленькие руки, кудряшки, выбивающиеся из-под шапки, личико, избитое и залитое кровью, Ирина никак не могла забыть. Ирина шла тогда за лекарством к Якову Борисовичу и рассказала ему о девушке. Старый аптекарь утешал: «Немного осталось ждать. Совсем немного. Наши уже идут». Действительно, в последние дни гестаповцы и бештоевцы свирепствовали, как перед концом. Хватали каждого по малейшему подозрению — и сразу на ипподром, превращенный в концлагерь. Ипподром обнесли высокой оградой из колючей проволоки. Там доставало места и женщинам, и мужчинам, и детям. За ипподромом противотанковый ров — место расстрела.

В городе спросят о ком-нибудь: «Где он?» — «Проскакал». Это значило: отправлен на ипподром и возвращения его не жди.

Ирина лежала, прижав к себе Даночку. Закроет гла

за, чтобы заснуть, а перед ней девушка-партизанка. В комнате холодно. Плитка давно остыла. Она нагревала утюг и клала его под одеяло, но и утюг уже не грел. Ирина встала выбросить его, чтобы не мешал, и тут послышался стук в дверь.

— Господи! Апчара! Откуда? Как ты рискнула?

Поняв, что Апчара ни о чем сейчас не сможет рассказать, что главное для нее согреться, Ирина уложила ее в свою постель. Даночка съежилась и захныкала во сне, когда вместо теплой матери рядом оказалась продрогшая Апчара. И под одеялом у Апчары не попадал зуб на зуб.

Ирина пошла на кухню. Там у нее хранилось несколько резервных поленьев. Развела огонь в плите. Нагрела воды, выстирала платье и носки Апчары, разбитые, расквашенные ботинки поставила сушить на плиту.

Апчара между тем согрелась и уснула. Спала она тревожно, вздрагивала, скулила во сне. Ирина не будила ее. За делом не заметила, как посветлели окна, наступал поздний зимний рассвет. Снова на улице загромыхали машины. Ирина посмотрела в окно и не поверила своим глазам. Машины, машины, груженые ящиками, на каждом борту своя надпись: «Гнать врага, не давая передышки», «Вперед на запад», «В Берлине остановка».

— Господи, да это же наши! Наши! Какое утро! Апчара, Даночка! Господи, наши же!

Бедная Апчара, перепуганная до смерти, соскочила с кровати в одной рубашке.

— Гляди! Наши!

— Мы спасены!— Ирина схватила Апчару, обняла, и обе расплакались счастливыми слезами.

Проснулась Даночка. Видя, как мама и тетя Апа плачут в обнимку, тоже спросонья расплакалась. Апчара, чтобы успокоить ребсика, пустилась в пляс, девочка совсем растерялась. Только что тетя плакала, а теперь пляшет. Мама тоже вся в слезах, но улыбается. Ничего непонятно. Ирина поднесла дочку к окну.

— Наши. Доченька, наши!

Даночка смотрит черными глазенками. Где же папа, если эти дяди — наши? И откуда взялась тетя Апа? Ее не было, когда Даночка ложилась спать.

Апчара и Ирина с Даночкой вышли на улицу. Город

ожил, походил на встревоженный улей. Ликовали все — и мирные жители, и бойцы. Для бойцов Нальчик был первым городом, который они освободили. Лиха беда начало. На ближних подступах к Нальчику наши части стояли два месяца, а для горожан эти два месяца показались вечностью.

Даночка пальчиком показывала на черноволосого командира: «Папа!»

— Дурочка, твой папа под Сталинградом! — объясняла мать. Как Ирине хотелось, чтобы среди этих людей, заляпанных глиной всех окопов, просмоленных огнем, обгоревших, шел сейчас и ее Альбиян.

— А папа скоро приедет? — теребила Ирину Даночка.

— Теперь уже скоро, — отвечала за Ирину Апчара. В глазах у нее слезы, она поскорее смахивает их, чтобы лучше, яснее смотреть на город, на колонны войск, идущие по нему. Своего брата Апчара никак не ждала увидеть в этих колоннах, но тем не менее смотрит во все глаза, ищет кого-то. Ирина догадывается, кого: Чоку и Локотоша.

Ирина тоже не пропускает ни одного всадника. Почему-то ей кажется, что Альбиян должен быть обязательно на коне. Где-нибудь и он движется так же в колонне войск, и другие женщины, вглядываясь в колонну, ищут своих мужей и братьев, а видят его, Альбияна, мужа Ирины. Пусть хоть так. Лишь бы был жив.

Ирина и Апчара решили скорее идти в аул. Как там теперь? Успел ли Мисост показать аулу свою спину? Не убил ли он Хабибу в отместку за то, что Апчара ушла из рук? Жива ли там бедная Данизат? Навстречу сплошные колонны войск, пешие, конные, танки, тягачи, пушки, автомобили. Грохот, шум, похожие на праздник. «Будет и на нашей улице праздник», — вспомнила Апчара. Сбылось.

Не успели женщины выбраться из города, как их подхватила новая волна. С воплями, криками сотни горожан бежали со всех сторон в сторону ипподрома. Бежали запыхавшиеся, простоволосые, растрепанные, матери волокли за руку детей; мужчины комкали шапки в руках; дети не поспевали и плакали. Волна подхватила Ирину и Апчару и тоже понесла к ипподрому.

Ипподром огорожен колючей проволокой. Трибун, на

которых размещалась во время скачек шумная публика, теперь нет. Немцы их сожгли. Торчат бетонные опоры, железная арматура. Апчара первой пролезла через разрыв в колючем ограждении и оказалась на самом поле ипподрома среди вопящих, мечущихся людей, среди трупов, усеявших сплошь все поле. Люди ищут своих. Временами раздается вопль — нечеловеческий, невыносимый. Значит, кто-то нашел среди убитых своего близкого. Плачут дети и женщины, щелкают фотоаппараты корреспондентов, стрекочут кинокамеры. Тела лежат в разных положениях, но раны почти у всех одинаковы. Расправа творилась ночью. Кто-то уже знает подробности и рассказывает, что эсэсовцы — в одной руке электрический фонарик, в другой пистолет — поставили всех арестованных на колени. Фонариком освещали лицо и стреляли в рот, чтобы было наверняка. И правда, почти все убиты выстрелами в лицо. Но, конечно, те, кто не повиновался в этот последний момент, застрелены как попало. Ирина почти споткнулась об аптекаря Якова Борисовича. Он лежал в луже крови, на боку, приложившись щекой к земле, будто слушал ее сердцебиение. И выражение лица у него было такое же, как если бы он к чему-то прислушивался. Точно такое же выражение у него бывало, когда он слушал больных и Даночку. Он был в черкеске и бешмете. Бедный старик, не спасла его национальная кабардинская одежда. Убит он был в затылок, как видно, не захотел покорно подставить под выстрел свое лицо.

Дальше Ирина идти не могла. Душили слезы. Да и незачем было Даночке видеть это, слушать вопли, все более неистовые и жуткие.

К ипподрому подъехала машина, из нее вышел Бахов. Ирина мало знала его, но теперь обрадовалась, словно родному. Она подхватила дочку и бросилась Бахову навстречу. Она говорила ему, захлебываясь от волнения и радости:

— Товарищ Бахов, если не ошибаюсь. Я знаю вас! Я видела вас на станции, когда эвакуировались...

Ирина напомнила Бахову не самый приятный день в его жизни, но все же он улыбнулся молодой и взволнованной женщине.

— Вас зовут Ирина, я помню...

Он ее знает! Попросить— и поможет вернуться в Комитет обороны. Вернется и Кулов...

От такой радости Ирина, пожалуй, могла бы броситься Бахову на шею, но что-то удержало ее. Даночка была на руках. Кроме того, лицо Бахова внезапно изменилось, стало жестким, холодным, непроницаемым.

— Оставалась на оккупированной территории?

— Да...— растерянно выговорила Ирина, впервые задумываясь над словами: «оставалась на оккупированной территории».

— Жаль.

И Бахов пошел на ипподром.

ЧАША БОГАТЫРЯ

Когда бургомистр схватил и увел Апчару, Хабиба проплакала всю ночь. Она слышала шум машин и мотоциклов, но не знала, что происходит. Едва дождавшись рассвета, захватив теплые вещи для дочери, лепешки и вареную курицу, старуха пошла в управу. У нее было твердое намерение мольбами, слезами, готовностью принять смерть вместо дочери, освободить Апчару, упросить Мисоста хотя бы не отправлять девушку в тот лагерь, в тот ад, о котором рассказывал Бекап. Потом она, может быть, найдет сына Шабатуко. Хабиба найдет Аниуара, и тот заставит Мисоста освободить Апчару. Только вот узнать бы, где Аниуар встречает Новый год.

Мисост на всех перекрестках твердил, что этот Новый год означает начало новой эпохи. Отныне история пойдет по пути, начертанному Гитлером. Но получилось иначе. За пиршеским новогодним столом не суждено было прозвучать ни одному его тосту. Началось бегство «освободителей». Первые дни казалось, что советским войскам удалось добиться лишь частных успехов. Мисост успокаивал себя, верил немцам и чуть не арестовывал бештоевского гонца, предлагавшего не эвакуироваться вместе с отступающими немецкими войсками, а присоединиться к легионерам, создать в Чопракском ущелье неприступную крепость, где и переждать временный успех советских войск.

Бештоев старался заманить в ущелье побольше людей. Направо и налево он обещал посты в правительстве, именуемом гражданской администрацией.

Мисост заметался в ауле, как в доме, который загорелся сразу со всех сторон. Он думал, что Якуб придет за ним машину, а Якуб не велит эвакуироваться. Надеялся пристроиться к немецким штабистам — не получилось. В последнюю минуту у бургомистра не оказалось даже простой подводы. А ему хотелось забрать с собой новогодние угощения: вина и все припасы. Пока он дозванивался до начальства, Питу Гергов по-своему оценил обстановку, отпустил Апчару и скрылся сам. Взбешенный Мисост ускакал на подвернувшейся кляче, не успев даже заехать домой, чтобы попрощаться.

О брошенных на произвол судьбы праздничных погребках бургомистра первой, как всегда, прознала Кураца. Она побежала по аулу, чтобы найти себе помощников и распорядиться как нужно бургомистровым провиантом, и тут повстречала Хабибу.

— Хабиба, Хабиба, остановись! Если ты идешь к Мисосту, то не скоро его догонишь, клянусь аллахом!

Хабиба остановилась. Ей показалось, что Кураца навеселе.

— Никак продала новую партию черепицы!

У Курацы было радостное настроение, поэтому она не обиделась на колкость старухи.

— Даром раздаю, даром. И тебе дам. Хотя по справедливости надо было бы перекрыть тебе крышу шкурой Мисоста. Да теперь его не найдешь. Клянусь, под бургомистром сейчас и яйца испекутся...

— Да ты побойся...

— Бояться Мисоста! Пусть он меня боится. Видишь, всех их за ночь как ветром сдуло. Пойдем в кладовые. Там самогон, вино. Встретим своих воинов доброй чашей, идем... По Апчаре не плачь, она на свободе, я знаю. Знаешь, кто ночью хотел спрятаться у меня?

— Кто?

— Питу Гергов. «Ищу защиты у бога, а после бога — у тебя». Я схватила топор: «Убирайся, так изрублю, что сам бог не отыщет в тебе души!» Ушел.

Хабиба поверила Кураце. Дойдя до магазина, под которым томилась Апчара, обе бросились в подвал. Сорванный замок лежал у порога. Нигде ни кровинки, никаких следов убийства. У двери топорик, которым орудовал Питу.

Хабиба и Кураца кинулись к амбару.

Топорик, найденный в подвале селяно, пригодился. Кураца ловко поддела замок на амбаре, двери раскрылись настежь. На женщин пахнуло самогонном, вином и мясом. Кураца выкатила прямо на улицу бочку с дошуклинским вином, вынесла стол и разложила на нем закуски. Хабиба помогала ей, раскладывала куски брынзы. Получалось точь-в-точь как в нартских сказаниях, когда героев встречают батырыбжей — чашей богатыря. Вот она, высшая справедливость, чью волю посчастливилось исполнять этим женщинам!

После разведчиков, промелькнувших по темным улицам, появились войска. Они шли нестройной колонной за тремя танками. По обеим сторонам колонны неслись ребяташки, разбуженные грохотом танков. Вышли на улицу старики и женщины, стали искать среди бойцов знакомых, близких, родных.

Хабиба никогда так не жалела, что не научилась русскому языку. Ее красноречие могло бы сейчас достигнуть невиданного совершенства, в ее словах могла бы соединиться боль страданий, горечь обид, оскорблений, унижений с радостью справедливости, с ощущением возмездия, с торжеством.

У Хабибы и Курацы появились помощники. Подоспели старики, разожгли костер, взялись жарить шашлыки. К амбарам выходили женщины с лепешками, вареными яйцами, сыром, молоком. Ведрами выносили яблоки.

Бойцы залпом пили самогон и вино, брали куски сыра с лепешками, ели на ходу, благодарили женщин. В холодном и снежном воздухе запахло жареным мясом. Бойцы не торопились уходить от пиршественного стола. То и дело раздавались команды. Угощавшихся воинов ждали бои в Чопракском ущелье.

Еще совсем недавно Локотош хотел превратить ущелье в неприступную крепость, отвлекающую на себя силы врага. Якуб Бештоев ударил этой крепости в спину, открыл ворота врагу. Но теперь он сам решил использовать идею Локотоша, надеялся этим помочь немецким оккупантам закрепиться на каком-нибудь рубеже, а потом вернуться назад. Тогда он сможет прослыть героем и немцы воздадут ему должное. У него не хватит военных знаний, чтобы добавить что-нибудь к тем оборонительным сооружениям, которые созданы капитаном Локотошем, но он рассчитывает на немецкое во-

оружение. Его сподвижниками остаются Азрет Кучменов и десятки немецких приспешников, примкнувших к нему. Легионеры не сдадутся, ибо что может ждать предателей? Якуб Бештоев прихватил и деньги, собранные на курбан-байраме, — целый чемодан. Об этом не знает даже Азрет Кучменов. О сокровенных планах он не скажет никому. Все зависит от случая, как сложится судьба — никто не знает. Но деньги всегда деньги. Если под чужим именем он окажется за хребтом Кавказа, то деньги возьмут свое. А удастся продержаться в ущелье — слух о нем дойдет и до Берлина...

Мечте Якуба не суждено было сбыться...

Бойцы торопились, но Хабиба не могла не сказать им слов, которые рвались из ее сердца. Те, кто понимал ее язык, переводили другим.

— Милосердный, милостивый! Не осуди меня за то, что я обращаюсь к тебе с водкой в руке. Это — чаша богатыря. Ее преподносили наши предки своим героям. От них мы унаследовали этот обычай. К тебе, аллах, все обращаются с просьбой. Просьба к тебе от людей всех языков, от земли всех народов. Дай победу нашим сыновьям, победу над пришельцами, залившими землю кровью и слезами. Не дай засохнуть этой крови на траве, не отведи от врага удар возмездия. Пусть пропасти на пути наших сыновей будут заполнены трупами врагов. Пусть утро дарит свет острию штыков наших бойцов. Солнце, не жалей тепла для них...

В толпе заговорили на разные голоса.

— Да будет так!

— Пусть дойдут до аллаха твои слова!

— От всего сердца сказано.

Хабибу окружили, каждый тянулся своим стаканом чокнуться с ней. Вдруг среди возгласов послышался и знакомый голос:

— Мама!

— Апчара!

Рядом с дочерью стояла Ирина с Даночкой на руках. В глазах у старухи зарябило от слез. Апчара подхватила и поддержала ослабевшую мать, и пир пошел своим чередом. Выделялся звонкий голос Курацы:

— А мы вас каждый день ждали.

— Верили, что придем?

— Румыны продавали нам ваши листовки.

— Дорого платили?

— От вас зависело. Много листовок набросаете, по одному яйцу за листовку, а когда покупитесь, приходилось и курицу отдавать. У меня с ними дела строились на купле-продаже. Под конец прикагили мне целую пушку. И сейчас стоит у дверей.

— Пригодится,— вмешалась в разговор Апчара.— Вот будем коров собирать по сохранным запискам, кто не сохранил — бах из пушки.

— У нее замок испорчен,— доложили мальчишки, которые уже успели проверить трофей.

— Опять ты о своих коровах? — насторожилась Хабиба.

— А что же? Меня с заведующей фермой никто не снимал. Немцы не имели права меня снять, так что я остаюсь в прежней должности...

Полк прошел через аул, столы опустели. Так был отпразднован Новый год.

ВОИНСКАЯ ПОЧЕСТЬ

Несмотря на бурное шумное течение, реку схватило льдом, приглушило, утихомирило Чопрак. Непривычная, торжественная, жутковатая минута установилась в ущелье. На крутых поседелых склонах гор стоят чинары, одевшиеся в нарядный иней. Под тяжестью инея гнутся ольха, орешник, кизил, плакучие ивы. Кусты боярышника и шиповника согнулись так, что верхушками склонились до снега и вросли в него, образовали причудливые арки, шатры. Затихло и насторожилось ущелье. Кажется, хватило бы одного выстрела или взрыва, чтобы вздрогнули все деревья и осыпали с себя белое мертвенное убранство, но в ущелье стоит тишина. Лишь подковы лошаденки, запряженной в двуколку, звонко стучат по каменной и мерзлой дороге. «Толь-ко-так, толь-ко-так, толь-ко-так», — размеренно цокают подковы, и этого цоканья не хватает на то, чтобы стряхнуть с ветвей хоть одну блеску инея. Еще чутче, еще мертвеннее, еще торжественнее в ущелье от этого перестука копыт.

Дорога спускается вниз. По дороге едет двуколка. На двуколке стоит сколоченный кое-как, больше похожий на ящик чинаровый гроб. Заиндевелая лошаденка

увлекает двуколку вниз по ущелью. Лицо покойника обращено к небу. На черных ресницах, на бровях, на густых, зачесанных назад волосах тоже осел белый иней. Горячая слеза повисла на ресницах. Над гробом, в ватнике и шерстяном платке, нахохлившись, пригнувшись под тяжестью смертельной печали, сидит Апчара. Она глядит на лицо покойного и удивляется, почему не тает иней, окутавший его лицо, почему не скатывается по щеке слеза. Не может быть, что Чока мертв, не проснется, не прикатит летом на велосипеде и, скрываясь за плетнем от зоркого глаза Хабибы, не шепнет Апчаре: «Выходи, я жду тебя».

На крутых участках дороги гроб норовит сползти. Апчара крепче прижимает к себе тяжелый ящик, пахнувший свежеструганной древесиной. Горы ссутулились по сторонам ущелья, словно на них, как и на плечи Апчары, навалилось безмерное горе.

Река длинна. Она несет свои воды в Терек, а дальше — в Каспий. Но длиннее Чолпрака горе Апчары. Многие помнят горы, старожилы земли, но не помнят они случая, чтобы девушка одна везла в гробу своего любимого.

Нет, такого мы не видели никогда, скажут чинары, гордо стоящие над обрывами. Нет, по мне никогда не проезжала такая двуколка, подтвердит каменистая дорога...

Уже верная смерть щекотала бештоевцам расширившиеся от страха ноздри. Легионеры метались по ущелью в поисках выхода и спасения. За ними тянулся длинный хвост: разные дезертиры, полицаи, немецкие приешники. Едва нанявшись на службу к врагу, они уже должны были думать о спасении своей шкуры.

Им удалось дойти до нарзанных источников, бьющих чистым ключом у подножия скал. Дальше начинался камнепад, лежбище туров. Недалеко от источников по отвесной скале извивается так называемая лестница Андемира. Лестницу невозможно увидеть простым глазом. Ее находят только те, кто знает тропу к ней. Бештоев эту тропу знал. Он повел отряд к источникам, чтобы напиться нарзана, а потом двинуться через перевал. Но вместо нарзанных струй его встретили струи пуль. Чока Мутаев, оседлавший со своими разведчиками доро-

гу, встретил противника ружейно-пулеметным огнем. Легионеры отпрянули назад. Им оставалось одно — под покровом ночи подняться по руслу ручья, прочерченному талыми водами. Оно приведет к снежной папахе, нависающей над ущельем. Дойти до снегов бештоевцы смогут. А дальше? Об этом никто не думал. Страх подстегивал их.

Как только стемнело, разгорелся бой. Чока Мутаев ракетой осветил отвесную лестницу, чтобы бойцы могли вести прицельный огонь. Раненый, потеряв равновесие, скатывался вниз и, ударяясь о выступы скал, погибал раньше, чем достигал дна черной пропасти. Каждый выстрел отзывался и повторялся сотни раз, поэтому пулеметная очередь или разрыв гранаты наводили ужас, прокатываясь по горам гулким эхом. Будто вступили в бой не два небольших отряда, а несметные силы. Вершины гор колебались в ночной мгле от дрожащего света ракет.

Легионеры дрались с отчаянием обреченных. Надо было во что бы то ни стало пробиться через перевал. Податься в Турцию. Там будет видно, пока же пробиться через перевал. Всю ночь гремели выстрелы и разрывы около лестницы Андемира, около сухого, вымерзшего русла ручья.

Когда вспыхнули от утренней зари самые высокие вершины, каждый ожидал увидеть, что ущелье заполнено трупами, а снег на крутых склонах окрашен в багровый цвет. Но не было видно ни трупов, ни крови. Снег розовел лишь от холодных лучей январского солнца. Дул ветер, окончился бой.

В этом бою Якуб Бештоев был схвачен отрядом Чоки Мутаева, а сам Мутаев погиб, простреленный автоматной очередью.

В старину, когда везли на лошади прах павшего в бою героя, кабардинки сочиняли и пели песню, называвшуюся «плачем над головой коня». Какую песню сочинит теперь Алчара? Где она возьмет слова для такой песни? Ни в книгах, ни в легендах не вспоминается случая, чтобы невеста везла с поля боя прах своего жениха к его матери.

Чока погиб почти на том же месте, где и Бекан. Седельщик постучится сквозь ледяную стену могилы и спросит: «Это ты, мой сын? Я думал, ты станешь костью

рода». — «Да, это я догнал тебя, — ответит Чока. — Рано обрезали подпруги у моего коня. Я пошел по твоим следам».

Но что скажет мать, Данизат? Кто утешит ее?

Апчара сняла платок с головы, укрыла Чоку от снегопада.

...В этот день с утра Апчару потянуло на ферму. Захотелось проверить — целы ли сохраненные расписки на коров, а вместе с ними и все ее комсомольское хозяйство: списки, комсомольские билеты, сданные ей на хранение, штемпель и немного денег — членские взносы, которые она не успела сдать. Все это она спрятала в скале, в расщелине. Все оказалось в целости, Апчара хотела уж ехать в аул в самом радостном настроении, как вдруг увидела, что на ферму сворачивает машина с ранеными.

Как видно, бойцы решили похоронить у фермы своего товарища, скончавшегося в пути. Выпрыгнув из машины, бойцы взялись долбить мерзлую землю недалеко от фермы, а один из них притащил из коровника чинаровые доски. Из них он сколотил длинный ящик, похожий на гроб.

Видя, что красноармейцы озябли, Апчара развела огонь, поставила кипятить воду — может, кто-нибудь захочет понить горячей воды вместо чая. Избушка наполнилась людьми, всем хотелось погреться. Вошел и тот боец, который положил в гроб мертвеца. Он пустил по рукам фотокарточку:

— В кармане была. Сестра или девушка...

Бойцы разглядывали карточку, передавали друг другу. Редко кто из бойцов на войне не имеет в кармане вместе с документами фотографии матери, невесты, жены, дочери, сестренки... Очередь дошла до Апчары. Она также без интереса взяла карточку в руки, но в то же мгновение и выронила ее, словно это была раскаленная железка. Она бросилась на улицу, отдернула плащ-палатку с гроба и упала, обхватив чинаровый ящик. В гробу лежал Чока. Бойцы, выбежавшие из домика вслед за девушкой, молча стояли вокруг, не мешая ей плакать, не утешая.

— Оставьте его мне. Я отвезу его к матери, — попросила Апчара бойцов. Никто не стал возражать. Бойцы

помогли девушке установить гроб на двуколку, попрощались и поехали дальше.

Плакальщицы еще не перестали ходить в тот двор, где разорвалась вражеская бомба и в щелу разметала турлучный дом Бекана, а потом погиб сам Бекан. Не утихает плач во дворе горестной Данизат, но еще не слышал несчастный дом такого плача, какой раздастся сегодня, когда привезут Чоку. Выдержит ли бедная женщина и этот удар судьбы? Хватит ли слез у аульских женщин оплакать и это горе?

Показались первые домики. Над крышами вьется легкий дымок. Дворы разгорожены, плетни при немцах пошли на топку. А зима еще только вступает в свои права.

Со стороны гор послышался автомобильный гудок. Апчара не оглянулась. Пусть машина сворачивает с дороги. Грузовик с орудием на прицепе обогнал двуколку и резко остановился. Из кабины вылез капитан Локотош в замусоленном полушубке. Апчара не сразу узнала его, а когда узнала, то слезы наполнили ее глаза, и она уже не видела ни самого Локотоша, ни его солдат... Капитан обратился к своим:

— Давайте, ребята!

Апчара не могла сказать ни слова. Бойцы подхватили гроб, установили его на лафете пушки и закрепили ремнями. Локотош подошел к Апчаре, взял ее за руки, снял с двуколки. Девушка не сопротивлялась и ни о чем не спрашивала. Капитан усадил ее в кабину, накинул на плечи полушубок.

Едва процессия показалась в ауле, мальчишки мигом разнесли по домам печальную весть. Женщины выскакивали из ворот, чтобы увидеть своими глазами необыкновенное шествие. Мужчины пристраивались сзади. Для них в диковину было увидеть гроб на орудийном лафете.

Вот дом Хабибы. На крыше мать спокойно укладывает черепицу. Оглянулась, смотрит на шествие, ничего не понимая, но черепица выскользнула из ее рук, упала и раскололась на куски. Хабиба не знает, куда бежать — навстречу дочери или к горестной Данизат. Данизат сама уже стоит на середине улицы, словно заботится, чтобы прах ее сына не провезли мимо дома. Данизат раскачивается на одном месте, будто ноги при-

биты к мерзлой земле. Она не в силах шагнуть. Ее дрожащие руки то тянутся вперед, то вливаются в почерневшее лицо. За гробом выстроилась толпа. Женщины заголосили. Хабиба причитает:

— О, день слез! Лишь у неба хватит влаги, чтобы лить слезы. О, пошедшая по тропе несчастья Данизат! Наберись сил. Ты осталась, как старая птица из разоренного гнезда. Ни сесть тебе на дереве, ни лечь тебе на земле...

Траурная процессия подошла к воротам Данизат и остановилась. Бойцы не стали снимать гроб с лафета, но так и поставили его во дворе, а грузовик отцепили и отогнали в сторону. Вокруг небольшого двора стояли скорбные старики. Предлагали похоронить Чоку по мусульманскому обряду, вынуть прах из гроба, обмыть и завернуть в саван. Другие говорили: Чока Мутаев погиб в ратном бою. Ему больше подходит воинский обряд погребения.

Данизат сказала:

— Чока был воином, пусть воином и останется...

Зимний день клонился к вечеру. Сгустился туман, пошел снег. На истерзанные бомбами, заиндевевшие деревья на ночь усаживались птицы. Зашевелились старики. Локотош приказал бойцам построиться. Женщины заголосили. Апчара подошла к гробу, чтобы в последний раз взглянуть на лицо Чоки, потрогать черные волосы, усыпанные снежинками. Данизат остановилась и оглядела двор, словно хотела запомнить всех, кто тут находился. Наступившую тишину нарушил ее приглушенный голос. Данизат никогда не была многословной. Она умела внимательно слушать, выбирая из словесной шелухи редкие зерна смысла, но сама говорила скупой и негромкой. Это исходило из сдержанности ее характера, похожей на суровость и необщительность, но Данизат была доброй и внимательной, никогда ни в чем не отказывала соседу, неумолимые удары судьбы принимала молча, как должное, неотвратимое, посланное небом за свои грехи или за неотпущенные грехи предков.

— Погас свет в моих глазах.— Казалось, Данизат выдыхает воздуху больше, чем надо для таких скупых слов.— Земля позвала в свои глубины отца и сына. Мой Чока перед дорогой. Нет конца у этой дороги, как нет конца и моему горю. Мой Чока уходит от меня! Смот-

рите, люди, какое белое лицо у него. Сама луна. Потому что совесть его чиста! Разве он погиб? Мой сын жив. Сегодня не траурный день. Сегодня его свадьба. Перестань, Хабиба, не плачь. Сегодня мы с тобой породнились, Апчара! Дочь моя, иди — я обниму тебя. О свадебном дне мечтал и мой старик. Ждал Бекан, не дождался. Не успела и я передать тебе огонь в моем очаге. Ты должна была стать держательницей этого огня, продолжением рода. Но война распорядилась иначе. Она вывернула наши судьбы наизнанку. Сколько бед и горя терпит земля, но не прогибается, не колеблется, стоит, как стояла века.— Данизат затихла, пошатнулась, сделала шаг вперед и остановилась, словно под ней качнулась земля. Выбившиеся из-под черного платка седые пряди волос стали еще белее от снежинок.— Материнское спасибо вам, красные воины. Спасибо за честь, что вы оказали сыну моему. Чока, мой единственный! Ты уезжаешь со двора на пушке, ты едешь в бой бить врага, едешь на фронт мстить за всех матерей, за вдовьи слезы, за кровь братьев. О горестная я! Почему не я несу знамя перед тобой, почему не мне досталась пуля, что оборвала твою жизнь, почему не я шагнула первой в могилу...

К Данизат подошла Хабиба:

— Хватит, Данизат. Слишком много у нас боли, чтобы выразить ее словами. Не терзай ни себя, ни нас. Два месяца враг сеял смерть на нашей земле. Никакой жизни не хватит, чтобы оплакивать погибших.

Процессия двинулась к кладбищу. До аульских могил, до аульских предков было недалеко. За высокой каменной оградой гнулись деревья, отяжеленные инеем и свежавыпавшим снегом. Несколько мужчин заканчивали рыть могилу, углубляли, ровняли ее, расширяли нишу в стенке могилы, куда поставят гроб. Женщинам не полагалось заходить на кладбище, и они столпились у входа. Грузовик, тащивший пушку с гробом по снежной целине, надсадно ревел и заглушал плач. За пушкой шли бойцы Локотоша.

Галки, уже усевшиеся на высоких тополях, всполошились и загалдели, особенно когда грохнули три орудийных залпа — последняя воинская почесть Чоке Мутаеву.

Отсалютовав, бойцы уселись в кузове. Локотош начал

прощаться. К первой он подшел к Данизат, обнял ее за вздрагивающие плечи, прислонился щекой к щеке, молча, не пытаясь искать слов утешения. Затем он подошел к Хабибе, взяв в свои обе руки ее маленькую, крепкую, шершавую, неразлучную с трудом руку. Апчара наблюдала. Ей показалось, что Локотош что-то хочет сказать матери, но он ничего не сказал. Подошел Локотош и к самой Апчаре.

— Я тебе напишу...

Апчара ничего не ответила. Грузовик, ревя, еще раз пропахал снежную целину, выбрался на шоссе и вскоре исчез в густеющих зимних сумерках. Локотош торопился догнать свой полк. Кажется, ему предстояла еще одна встреча с Якубом Бештоевым, но уже на допросе предателя.

В сумерках слышно было, как приглушенно, но все же явственно шумит притихший, местами скованный льдом, но живой Чопрак. То натыкаясь на крутые излучины, то выпрямляясь в широком русле, река ждет весну, чтобы снова заполнить свои берега. Тогда Чопрак опять покажет себя, наполнив шумом и грохотом все ущелье, как гремел и шумел он в прошлую весну, когда Апчара впервые вышла на его берега в Долине белых ягнят, вышла в жизнь, на самостоятельную дорогу. Конечно, в начале января Чопрак не тот, каким бывает весной, но он помнит все, что происходит на его берегах, как помнят об этом люди.

Год назад, в такие же зимние дни, Апчара со своими подружками хлопотала о новогодней елке для детворы. На этот раз девочки заботились не о нарядах и о маскарадных костюмах. После радостных сообщений о победе наших войск под Москвой старшеклассники хотели зажечь новогодние елки. Тысяча лет прошло с тех пор!

Первые дни января, лес в зимнем убранстве, никто еще не сказал Апчаре: «С Новым годом, с новым счастьем». Пусть так. Люди заняты своим горем. Но каждый, в ком еще бьется сердце, чьи глаза еще могут плакать, а губы радоваться, знает, что Новый год наступил. На обожженных войной ладонях он принес горячие угли, чтобы люди снова разожгли свои очаги, чтобы в каждом доме стало тепло и светло.

Разожги, Апчара, и ты огонь в своем очаге. Я приду к тебе греться, слушать твой печальный рассказ...

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДОЛИНА БЕЛЫХ ЯГНЯТ 7

КНИГА ВТОРАЯ.

СЛОМАННАЯ ПОДКОВА 275

Алим Пшемахович КЕШОКОВ

СЛОМАННАЯ ПОДКОВА

Приложение к журналу «Дружба народов»

М., «Известия», 1976, 544 стр. с илл.

Редактор приложений **Е. Мозчан**

Оформление «Библиотеки» **А. Гаранина**

Редактор **И. Юшкова**

Художественный редактор **И. Смирисв**

Технический редактор **В. Новикова**

Корректор **Е. Патица**

Сдано в набор 23/IX 1975 г. Подписано в печать 15/III 1976 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. печ. № 1. Печ. л. 17,00. Усл.-печ. л. 28,56.
Уч.-изд. л. 29,10. Зак. 700. Тираж 200 000 экз.

Цена 1 руб. 16 коп.

Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва, Пушкинская пл., 5.

Киевская книжная фабрика республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, ул. Воровского, 24.

В 1976 году
издается 15 книг
библиотеки
«ДРУЖЬЫ НАРОДОВ»

Ф. Абрамов — Избранное (в двух томах).
Г. Баширов — Родимый край — зеленая моя колыбель. Повесть. Перевод с татарского.

С. Бородин — Молниеносный Баязет. 3-я книга романа «Звезды над Самаркандом».

В. Бубнис — Жаждающая земля. Три дня в августе. Романы. Перевод с литовского.

Н. Грибачев — Здравствуй, комбат! Повесть. Рассказы.

С. Журахович — Киевские ночи. Роман. Повести. Рассказы. Перевод с украинского.

А. Кешсков — Сломанная подкова. Роман. Перевод с кабардинского.

В. Лацис — Сын рыбака. Роман. Перевод с латышского.

Г. Марков — Сибирь. Роман.

Т. Пулатов — Владения. Повести. Рассказы. Рассказы.

С. Санбаев — Колодцы знойных долин. Повести. Роман.

Р. Файзи — Его величество Человек. Роман. Перевод с узбекского.

В. Шукшин — До третьих петухов. Повести. Рассказы.

